UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324674 1

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochineniĭ
t. 2

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

PG
3470
S486
1904
t.2

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА. Измайл пр., № 29.

789437

ГОСПОДА ОБНОСКОВЫ.

РОМАНЪ.

I.

Мать и сынъ.

Изъ вагоновъ только-что прибывшаго изъ-за границы поѣзда варшавской желѣзной дороги выходили пассажиры. Это было въ концѣ апрѣля 186* года. Среди оживленной, разнохарактерной и разноплеменной толпы пріѣхавшихъ въ Петербургъ людей, одинъ пассажиръ, изъ русскихъ, обращалъ на себя особенное вниманіе своими неторопливыми движеніями и офиціально безстрастной физіономіей, съ которой ни долгое скитаніе за границей, ни встрѣчи съ неусидчивыми дѣятелями не могли изгладить слѣдовъ чиновничества, золотушности и какого-то оторопѣлаго отупѣнія. Это былъ сутуловатый, худощавый, некрасивый человѣкъ лѣтъ двадцати семи или восьми, съ чахоточнымъ лицомъ сѣроватаго, геморроидальнаго цвѣта и съ узенькими тусклыми глазками, подслѣповато выглядывавшими изъ-подъ очковъ. Наружные углы глазъ, приподнятые кверху, придавали лицу путешественника калмыцкое выраженіе не то мелочной хитрости, не то злобной и холодной насмѣшливости. На этомъ господинѣ была надѣта мягкая дорожная шляпа, порядочно потасканная во время ея долголѣтней службы, и какое-то нѣмецкое пальто съ стоячимъ воротникомъ допотопнаго покроя. Такія пальто встрѣчаются въ Германіи только на тѣхъ старыхъ профессорахъ, которые обрюзгли, заржавѣли, обнеряшились и забыли все на свѣтѣ, кромѣ пива, сигаръ, нюхательнаго табаку и десятка сухихъ, излюбленныхъ ими книжонокъ. Казалось, въ этомъ пальто молодой пріѣзжій съ незапамятныхъ временъ спалъ, ходилъ на лекціи, лежалъ во время частыхъ припадковъ болѣзни и предавался кропотливымъ занятіямъ въ своемъ кабинетѣ. Даже самая пыль, приставшая къ этому пальто, придавала ему видъ

древности и напоминала о пыли тѣхъ выцвѣтшихъ фоліантовъ, надъ которыми отощалъ, сгорбился, засохъ и утратилъ блескъ и обаятельную свѣжесть молодости обладатель этого полухалата.

Въ сущности, этого господина нельзя было назвать ни путешественникомъ, ни ученымъ, какъ нельзя назвать писателемъ чиновника, составляющаго доклады. Путешествовать, то-есть ѣздить для удовольствія, для отдыха отъ занятій, для поправленія здоровья, онъ дѣйствительно никогда и не думалъ. Онъ просто считалъ необходимымъ и очень удобнымъ, ревностно исполняя порученіе благосклоннаго начальства, переѣзжать въ томъ или другомъ вагонѣ изъ одного города въ другой. Въ городахъ его интересовали исключительно архивы, гдѣ было можно, не измѣняя своей привычкѣ къ кабинетнымъ занятіямъ, спокойно и дешево собрать нужныя—не ему, а начальству—свѣдѣнія изъ книгъ. Даже отъ самаго вагона онъ не требовалъ никакихъ особенныхъ удобствъ и цѣнилъ его только за тѣ качества, за которыя цѣнится и архивъ,—за общедоступность и тишину. Движеніе поѣзда могло быть медленно, вагоны могли подскакивать и шататься изъ стороны въ сторону, прислуга могла быть груба,—все это не касалось до нашего путника, и только та вѣтвь желѣзной дороги казалась ему прекрасною, гдѣ за проѣздъ брали не много и гдѣ ему удалось въ совершенномъ одиночествѣ или среди несообщительныхъ спутниковъ разобрать списанные въ послѣднемъ посѣщенномъ имъ архивѣ документы и записать на память, что должно требовать изъ слѣдующаго книгохранилища. Выгружая такимъ образомъ изъ неразлучнаго съ нимъ ручного чемоданчика десятки листиковъ, бумажныхъ лоскутковъ, старыхъ книжонокъ и проектированныхъ имъ «доносеній», онъ незамѣтно превращалъ самый вагонъ въ архивъ и какъ-то тупо и растерявшись глядѣлъ на кондуктора, когда тотъ докладывалъ оглушительнымъ голосомъ, что они пріѣхали. Вѣроятно, не меньше изумился бы какой-нибудь похороненный въ своемъ департаментѣ чиновникъ, если бы ему сказали, что онъ и его доклады, рапорты и отношенія пріѣхали. «Какъ? куда пріѣхали? въ чужой, волнующійся дѣйствительною жизнью, шумный городъ, можетъ-быть, на людную площадь, гдѣ ведутся торговыя сдѣлки и идетъ борьба изъ-за куска хлѣба!» Подобные крики неподдѣльнаго ужаса всегда готовы были вырваться изъ груди нашего путника при докладахъ кондуктора, но, мало-по-малу,

онъ привыкъ къ своему положенію и, заслышавъ слово о пріѣздѣ на мѣсто, торопливо засовывалъ въ чемоданчикъ свои дѣловыя бумаги, сознавая, что онъ пріѣхалъ въ новый архивъ.

Но, наконецъ, пришелъ день, когда его понесъ локомотивъ желѣзной дороги въ новое мѣсто, куда его принуждали ѣхать не одни архивы, не однѣ докладныя записки, а что-то совсѣмъ другое. Тамъ, въ этомъ городѣ, когда нашъ соотечественникъ покидалъ его два года тому назадъ, сильнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь копошились люди-муравьи; всѣ свои неуходившіяся силы отдавали они разнымъ вопросамъ дня, шумѣли, спорили, дорого платили за свой честный, молодой пылъ, и ихъ крики достигали даже до того мирнаго угла, гдѣ нашъ герой, имѣя въ виду благосклонное поощреніе начальства, рылся въ разныхъ старенькихъ скучныхъ книжонкахъ. «Крестьянскій вопросъ! Эмансипація женщинъ! Экономическія отношенія! Мировые судьи!» назойливо жужжало у него въ ушахъ, и онъ сотни разъ проклиналъ этотъ гамъ тревожной жизни, такъ какъ этотъ гамъ нисколько не могъ помочь, а только могъ помѣшать при разъясненіи красотъ, удачныхъ оборотовъ или темныхъ мѣстъ въ тѣхъ или другихъ классическихъ произведеніяхъ древности... И вотъ снова приходится вступить въ эти знакомыя мѣста... Вотъ и родные купола церквей мелькнули вдали, и фабрики съ длинными трубами задымились по сторонамъ, а вотъ и кладбище съ пестрыми подгнившими крестами, какъ-то уничиженно, какъ-то трусливо прижавшимися другъ къ другу вдали отъ кладбищенской церкви, и мраморными колоннами, и гранитными мавзолеями, гордо ставшими бокъ-о-бокъ съ храмомъ. Раза три принимался молодой человѣкъ, подъѣзжая къ этому городу, перечитывать Геродота, но дѣло какъ-то не шло впередъ, и странное, непріятное волненіе чуялось въ груди. «Надо будетъ завтра же явиться къ начальству», сталъ онъ думать, и вдругъ, безъ его воли, въ головѣ промелькнула мысль: «А вѣдь это все въ холеру захоронено бѣдняками». Молодой человѣкъ пожалъ плечами и, сердито отвернувшись отъ кладбища, сталъ пересматривать свои бумаги. «Надо будетъ, какъ пріѣду, Плинія еще разъ прочитать», разсуждалъ онъ мысленно, какъ будто желая этимъ чтеніемъ заглушить воспоминанія о бѣдняхъ, погибшихъ въ холеру отъ голода, холода, дурныхъ жилищъ и невѣжества. Пока онъ еще рылся въ бумагахъ, раздался свистокъ. «Что-то дядя, живъ ли?» опять подумалъ какъ-то

невольно нашъ герой, замыкая чемоданъ, и вышелъ изъ вагона. Послѣдняя мысль начала неотступно вертѣться въ его головѣ. Онъ съ трудомъ дотащилъ чемоданчикъ до площадки подъѣзда, остановился и опустилъ оттянувшую ему руки ношу, едва переводя духъ и съ усиліемъ вбирая воздухъ плоскою грудью.

— Леня, голубчикъ!—раздалось въ эту минуту восклицаніе въ массѣ шумѣвшаго народа.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, обернулся въ ту сторону, откуда послышался давно знакомый голосъ, и увидалъ немолодую, довольно плотную и еще свѣжую женщину; она угловато и безцеремонно продиралась локтями сквозь толпу людей, озабоченно суетившихся на подъѣздѣ дебаркадера.

— Маменька!—вырвался крикъ у господина въ профессорскомъ пальто, и въ ту же минуту его лицо покрылось десятками сочныхъ и звонкихъ поцѣлуевъ.—Какъ вы сюда попали?

— Тебя ждала, голубчикъ. Второй день дежурю здѣсь,—заговорила мать такимъ тономъ и съ такимъ размахиваніемъ рукъ, что сейчасъ можно было угадать, что эта женщина нерѣдко говоритъ: «Я своимъ рукамъ вскормила сына» и «Я его страшно люблю».

— А-а!.. А я думалъ, что вы по какому-нибудь дѣлу пріѣхали,—промолвилъ сынъ и поцѣловалъ во второй разъ руку матери.—Ну, спасибо! Только зачѣмъ тратились, вѣдь вамъ не легко дѣлать лишніе расходы изъ-за того, чтобы получасомъ раньше встрѣтить меня.

— Голубчикъ мой, все-то ты обо мнѣ заботишься,—произнесла мать и съ сожалѣніемъ добавила, осматривая сына и качая головой:—Мало ты поправился за границей-то. Все такой же худенькій и слабенькій. Дай-ка, Леня, я донесу твой чемоданчикъ.

— Донесите, я дѣйствительно утомился,—отвѣтилъ сынъ и закашлялъ глухимъ кашлемъ.—Только подождите немного, покуда народъ поразъѣдется; теперь, я думаю, къ извозчикамъ приступу нѣтъ. Рады, мерзавцы, случаю содрать лишній гривенникъ, благо съ ними дураки гуманничаютъ, да таксы на нихъ не налагаютъ...

Мать и сынъ остались стоять на подъѣздѣ, не обращая никакого вниманія на окружавшій ихъ народъ. Мать, вопреки мнѣніямъ постороннихъ людей, постоянно считала себя бѣдною, носила старомодныя крашеныя шляпки, съ большими бантами наверху, была практична и воспитала

сына, пріучая его не дѣлать лишнихъ расходовъ. Но по какому-то непонятному капризу человѣческаго чувства, несмотря на ея скупость, въ эти минуты свиданія, ее менѣе обыкновеннаго радовало, что сынъ былъ попрежнему трезвъ и разсудителенъ. Въ ней вдругъ проснулась какая-то опасная потребность, наперекоръ судьбѣ и своимъ собственнымъ привычкамъ, самой устроить себѣ праздникъ въ однообразной будничной жизни. Въ то же время, задумчиво глядя на свое платье, на одежду и болѣзненную фигуру сына, она сознавала и всю свою бѣдность, и всю разумность вскормленнаго ею существа.

— А что дядя?—озабоченно спросилъ сынъ.

— Плохъ, очень плохъ! —послышался скорбный отвѣтъ, и въ тонѣ этихъ словъ почуялось поползновеніе къ слезамъ.

— Но все-таки живъ еще?

— Живъ, голубчикъ, живъ... Тебя ждетъ...

— Я для того и пріѣхалъ ранѣе срока, чтобы застать его въ живыхъ... Признаюсь, я просто не могъ работать, не зная навѣрное, что̀ тутъ дѣлается.

— Охъ, что̀ у насъ тамъ творится,—уму непостижимо...

Мать торопливо отерла слезы, сморкнулась и скороговоркою начала передавать сыну, что̀ творится у дяди. Судя по пламенному тону рѣчей матери и по вниманію сына, дѣло было очень важное для обоихъ. Въ минуту этихъ довольно скорбныхъ описаній семейныхъ событій, на подъѣздѣ дебаркадера раздался оглушительный крикъ:

— Карету генерала Егунова!

Молодой человѣкъ быстро обернулся, и вдругъ его лицо приняло мягкое, улыбающееся выраженіе.

— Мое почтеніе, генералъ!—произнесъ онъ почтительно привѣтливымъ голосомъ и снялъ шляпу передъ обрюзгшей, рыхлой, одѣтой въ генеральское пальто особой съ подстриженными по-солдатски волосами, съ щетинистыми, тоже подстриженными усами и съ ввалившимися, словно изъ пропасти, грозно выглядывавшими изъ-подъ нависшихъ бровей глазами. Тучная особа шла мелкими шагами, тяжело опираясь на толстую сучковатую палку и постукивая ею на ходу, какъ костылемъ.

— Прощайте, молодой человѣкъ,—хриплымъ басомъ произнесъ генералъ Егуновъ и выставилъ два плоскіе пальца лѣвой руки, облеченные въ просторную замшевую перчатку.

Молодой человѣкъ торопливо пожалъ генеральскіе пальцы.

— А васъ, кажется, уже и встрѣчать пріѣхали, — замѣ-

тилъ генералъ, взглянувъ на женщину, стоявшую около нашего героя.

— Моя матушка,—отрекомендовалъ послѣдній, наклоняя голову съ почтительной улыбкой.

— У васъ прекрасный сынъ, примѣрный молодой человѣкъ. Берегите его, сударыня!—внушительно произнесъ генералъ Егуновъ.

— Ахъ, покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство!.. Мнѣ такъ лестно,—заговорила мать молодого человѣка, кланяясь не только головою, но и половиною туловища.

— Хорошо, хорошо!—кивнулъ головой генералъ и, постукивая костылемъ, пошелъ къ своей каретѣ.

Молодой человѣкъ проводилъ его до ея дверцы.

— Позвольте!—грубо проговорилъ лакей, не очень вѣжливо толкнувъ нашего путника, и передъ самымъ его носомъ, съ быстротой, свойственной расходившимся лакеямъ и половымъ, захлопнулъ дверцы генеральской кареты.

— Кто это, Леня? Изъ твоего начальства кто-нибудь?—спросила мать, когда сынъ воротился.

— Нѣтъ... за границей познакомились,—отвѣтилъ сынъ.—Чортъ знаетъ, что̀ за грубыя животныя у насъ эти лакеишки!—бормоталъ онъ про себя.

Въ эту минуту кто-то быстро пробѣжалъ по площадкѣ подъѣзда и, звонкимъ юношескимъ голосомъ разсказывая носильщику, куда нести багажъ, неосторожно толкнулъ мать нашего героя.

— Извините! — промолвилъ суетливый незнакомецъ и, увидавъ молодого человѣка въ профессорскомъ пальто, крикнулъ ему на ходу:

— Прощайте, Обносковъ!

— Прощайте,—холодно и сухо произнесъ Обносковъ.

— Что̀ это за сорванецъ! Летитъ на людей, сломя голову. Ты его знаешь, Леня?—спросила мать у Обноскова, провожая сердитыми глазами суетливаго господина, за которымъ едва успѣвалъ шагать носильщикъ.

— Знаю,—процѣдилъ сквозь зубы сынъ:—да и вы его знаете отчасти. Это Левчиновъ; помните, со мной въ гимназіи былъ. Я ему давалъ уроки латинскаго языка...

— Господи! какъ же не помнить! — воскликнула мать, считавшая всѣ доходы сына и знавшая не только всѣхъ его знакомыхъ, но даже ихъ исторіи и исторіи ихъ родственниковъ, какъ ближайшихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ.

— Теперь и лицо-то его вспомнила,—продолжала Обнос-

копа.— Щеки лопнуть хотятъ, отъ великихъ занятій, должно-быть!.. Слышишь, какъ гогочетъ! Съ жиру, вѣрно, постоять на мѣстѣ не можетъ... Вѣдь вотъ знаетъ меня, знаетъ, а хоть бы подошелъ, хоть бы поклонился.

— Вѣтеръ въ головѣ ходитъ, такъ ему ни до кого и нѣтъ дѣла,—замѣтилъ сынъ; онъ уже начиналъ, по обыкновенію, сердиться подъ вліяніемъ рѣчей матери.

— И съ тобой-то какъ холоденъ, точно не вмѣстѣ учились, точно не ты его на ноги поставилъ... Усмѣшка такая ехидная... А чего смѣется... Надъ бѣдностью?.. Вотъ вѣдь оттого и за знакомыхъ насъ не считаетъ...

— И слава Богу, что эти щелкоперы отъ нашего брата бѣгутъ, — уже совсѣмъ злобно проговорилъ сынъ.—Верхогляды, проповѣдники модныхъ истинъ, перевѣшалъ бы ихъ всѣхъ! Право, иной разъ только то и даетъ возможность трудиться, что знаешь, что всѣ эти подстрекатели добромъ не кончатъ, что мы твердо стоимъ въ своемъ положеніи и разобьемъ ихъ... Изъ своихъ рукъ, кажется, задушилъ бы ихъ.

Сильный припадокъ кашля заставилъ Обноскова замолчать. Толпа между тѣмъ, мало-по-малу, разсѣялась. Два-три пассажира и нѣсколько извозчиковъ еще оставались у станціи. Обносковъ, крѣпко поторговавшись съ извозчикомъ, прочитавъ ему сначала наставленіе и выбранивъ его потомъ очень сердитымъ тономъ, нанялъ дрожки и, ворча вполголоса, поѣхалъ на Выборгскую сторону, гдѣ его мать нанимала квартиру и отдавала комнаты студентамъ. Давно уже существовала Марья Ивановна Обноскова этимъ промысломъ, оставшись послѣ смерти мужа-чиновника безъ всякихъ средствъ съ малолѣтнимъ сыномъ. Разсчетливая, скупая, готовая кланяться всѣмъ, льстить, гдѣ нужно, прикрикивать, гдѣ возможно, она видѣла одно утѣшеніе въ своемъ сынѣ—въ примѣрномъ сынѣ. Онъ былъ покоренъ, скроменъ, доставалъ уже съ четвертаго класса гимназіи деньги уроками, не заводилъ друзей изъ боязни развратиться, получалъ похвальные листы и медали въ гимназіи и въ университетѣ, кончилъ курсъ первымъ кандидатомъ и былъ, какъ мы уже сказали, отправленъ за границу благосклоннымъ начальствомъ. И мать, и сынъ жили другъ для друга и, такъ-сказать, пополняли другъ друга. Сынъ не обладалъ ни особенно блестящимъ умомъ, ни особенно сильною памятью и потому долженъ былъ весь отдаваться книгамъ, брать усидчивостью, и не имѣлъ времени для разныхъ буд-

пичныхъ практическихъ занятій и вопросовъ. Зато мать, не имѣя надобности предаваться какимъ-нибудь ученымъ изысканіямъ и отвлеченнымъ вопросамъ, занималась практическою дѣятельностью и за себя, и за сына. Она соображала, взвѣшивала вопросы о склонности своей кухарки къ воровству, о развратной жизни своихъ жильцовъ-студентовъ, о каверзахъ и тайныхъ интригахъ своихъ драгоцѣнныхъ родственниковъ и знакомыхъ и передавала сыну всѣ эти наблюденія уже въ видѣ художественно сложившихся, цѣльныхъ и довольно длинныхъ исторій. Непрактичность сына доходила до того, что онъ однажды, во время своей студенческой жизни, очень серьезно спросилъ у матери: «что за вещь *уполовникъ?*» Практичность матери достигала до такой геніальности, что госпожа Обносова объявляла: «У-у! я ужъ по глазамъ вижу, кто что̀ думаетъ, насквозь вижу человѣка!» и глубоко скорбѣла она̀, видя, что всѣ люди черны, если станешь ихъ разсматривать насквозь. Мать и сынъ, повидимому, считали, что все окружающее ихъ живетъ исключительно для нихъ; по крайней мѣрѣ, жильцы, нанимавшіе комнаты у Обносовыхъ, непремѣнно дѣлались рабами хозяйки, получали выговоры за позднее возвращеніе домой, за шумные разговоры въ своихъ комнатахъ и за свое поведеніе вообще. Это нисколько не мѣшало Марьѣ Ивановнѣ плакаться на свою участь, ругая неуживчивость своихъ жильцовъ и дерзкую требовательность домоваго хозяина, не позволявшаго лить изъ окна помои.

Пріѣхавъ домой, мать засуетилась надъ приготовленіемъ чая и закуски для сына, а онъ размоталъ съ шеи вязаный шарфъ, снялъ съ себя пальто, сюртукъ и жилетъ, потомъ снова надѣлъ пальто вмѣсто халата и, положивъ на столъ очки, прилегъ на диванъ. Видно было, что онъ сильно усталъ въ дорогѣ. Его лицо было блѣдно и утомлено, узенькіе глаза были красны и щурились болѣе обыкновеннаго. Надо признаться, что безъ очковъ его физіономія теряла всѣ слѣды внушительности и вообще казалась очень непривлекательною и жалкою.

— Уфъ! вотъ я и дома!—вздохнулъ онъ, закидывая подъ голову руки.

— А хорошо, Леня, за границей?—спросила мать, суясь отъ комода къ шкапу и отъ шкапа къ комоду.

— Работать хорошо, а жить худо,—произнесъ полусонный Обносовъ.

— Отчего же, Леня, тамъ жить худо?—повидимому, из-

умилась мать, шаря что-то въ комодѣ и озабоченно бормоча себѣ подъ носъ: «И куда это салфетка затерялась?»

— Покоя тамъ нѣтъ, всѣ волнуются,—лѣниво говорилъ сынъ.—Въ каждое дѣло свой носъ суютъ. Каждая пѣшка въ политику лѣзетъ. Въ каждомъ третьеклассномъ вагонѣ только и слышишь разсужденія о Бисмаркѣ, о выборахъ. Одни Францію ругаютъ, другіе Россію клянутъ.

«Вотъ вѣдь, вѣрно, Наташка сюда ее сунула! Негодница, право, негодница!»—вполголоса разсуждала сама съ собой Обноскова и вдругъ обратилась къ сыну:

— Я тебя слушаю, слушаю, батюшка... Такъ это Россію они тоже ругаютъ... Гм... Что же это она имъ-то помѣшала?.. Кажется, мы ихъ не трогаемъ, войны не затѣваемъ... Ужъ это не турка ли все пакоститъ?..

— Наше могущество и наша стойкость имъ поперекъ въ горлѣ стали,—отвѣтилъ сынъ, зѣвая.

— Охъ, вѣдь какой же народъ эти нѣмцы!—покачала головой, тяжело вздохнувъ, госпожа Обноскова. — А вареньица къ чаю тебѣ принести?—перешла она къ другому предмету разговора.

— Нѣтъ, такъ выпью, — отвѣтилъ, потягиваясь, сынъ и началъ пить чай.

Нисколько не интересный для собесѣдниковъ разговоръ, который они считали своимъ долгомъ поддерживать нѣкоторое время, кончился. Мать облокотилась на столъ, опустила голову на ладони и любовалась сыномъ, глядя на его утомленное лицо. Въ небольшой, убранной старомодной мебелью комнатѣ царила тишина, и только неугомонный раскипѣвшійся самоваръ пѣлъ свою однообразную, скучную пѣсню, навѣвая какую-то безпредметную и все-таки безъисходную тоску. Все жилище Обносковыхъ, его обстановка и его обитатели приводили въ невольное уныніе свѣжаго человѣка. Потемнѣвшіе отъ времени обои, казалось, силились отодраться отъ стѣнъ, безплодно напоминая людямъ, что они давно отслужили свой вѣкъ, но люди, смотря на эти назойливо заглядывавшіе сверху внизъ клочья отодравшейся бумаги, говорили: «Не красна изба углами, а красна пирогами», и хмурились только тогда, когда слышали новый трескъ лопающейся на стѣнахъ бумаги; суевѣрно считая—и, можетъ-быть, не безъ причины — эти звуки за дурное предзнаменованіе, точно обои дѣйствительно стали угрожающими врагами своихъ владѣльцевъ. Не менѣе мрачно выглядѣла потерявшая свой лоскъ, пузатая, толстая, тяже-

лая мебель; каждый тяжелый стулъ продавилъ въ половицахъ ямки и словно вросъ въ нихъ, словно пробовалъ сопротивляться человѣку, задумавшему переставить его на новое мѣсто. Бронза, служившая въ былыя времена украшеніемъ комодовъ и предметомъ гордости хозяевъ, теперь стала совсѣмъ черною и напоминала оковы каторжниковъ и тюремныя скобы. Можетъ-быть, за этими оковами и скобами таились сокровища, но какой-то невѣдомый тюремщикъ сдѣлалъ ихъ невидимыми и похоронилъ навсегда отъ дневного свѣта. Не привлекательнѣе этой обстановки выглядѣли и сами хозяева. Обноскова была печальна, но эта печаль была не изъ тѣхъ, которыя вызываютъ слезы состраданія. Нѣтъ, въ лицѣ этой коренастой, здоровой женщины, даже въ минуты печали, проглядывало какое-то выраженіе тупой злостности и сварливости. Она походила не на мать, опечаленную хилостью сына, а на жирнаго тюремщика, боящагося, что скоро ускользнетъ изъ его тюрьмы послѣдній жилецъ. Но, Боже мой, куда уйти этому исхудалому, освоившемуся съ своимъ убогимъ казематомъ бѣдняку? Да и зачѣмъ? Жизнь не начнется съ начала.

Вдругъ среди этой тишины за стѣной послышался стукъ отворившейся двери и полились полные, чистые и пріятные звуки молодого голоса, напѣвавшаго какую-то арію изъ оперы.

— Вотъ, слышишь, такъ-то всегда. Ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ,—глухо заговорила Обноскова.—Голь вѣдь, голь перекатная, а поютъ, все поютъ. Иногда такъ бы, кажется, и вышвырнула ихъ изъ своей квартиры. На морозѣ бы живыхъ заморозила!..

— Студенты, вѣрно?—спросилъ сынъ, какъ бы пробужденный отъ тяжелаго сна, навѣяннаго роднымъ жильемъ.

— Студенты!—съ презрѣніемъ отвѣтила мать.—Другихъ жильцовъ здѣсь не достанешь, а съ этими хоть въ петлю, такъ въ ту же пору... Господи, прости ты мое согрѣшеніе!—перекрестилась Марья Ивановна.—Бѣжала бы, кажется, за тысячу верстъ отъ нихъ, если бы не нужда. Она, проклятая, она одна заставляетъ все терпѣть,—жаловалась мать.

Пѣнье въ сосѣдней комнатѣ, между тѣмъ, дѣлалось все тише и тише; было ясно слышно, какъ молодой пѣвецъ сталъ раздѣваться, отворялъ шкапъ и комодъ, переворачивалъ листы бумаги и, наконецъ, замолкъ совсѣмъ, вѣроятно, принявшись за дѣло или поддавшись наплыву разныхъ заботъ и мыслей.

— Вотъ о коммунахъ еще толкуютъ, а попробуй съ ними поспить дѣловой человѣкъ, такъ они ему своими пѣснями да шумомъ покою не дадутъ, всякую умственную дѣятельность смутятъ, — сердился сынъ, разгоряченный жалобами матери.—Что, я думаю, попрежнему и кутежи, и попойки, и споры съ криками у васъ тутъ идутъ?—спросилъ онъ, указывая на сосѣднюю комнату.

— Ужъ самъ знаешь, иногда всего бываетъ,—вздохнула мать.—Иной разъ изъ театра чуть не въ часъ ночи придутъ, первый сонъ перервутъ, ну, а потомъ и не уснешь. Такое наше дѣло, что все переносить приходится, и роптать не смѣй.

— Въ театръ ходятъ! — засмѣялся съ злобой сынъ.— А вѣдь искусство—зло? Вѣдь театры по боку нужно? Или теперь отрицать перестали, да какъ имъ за это ихъ стриженыя ушей не выдерутъ?

— Къ нимъ барышни не ходятъ, — наивно замѣтила мать: — я съ тѣмъ ихъ и впускала, чтобъ барышни не ходили.

Чай былъ допитъ. Ни одного отраднаго слова, ни одной задушевной мысли не было высказано собесѣдниками. Кругомъ этихъ двухъ союзниковъ на жизнь и на смерть вѣяло какимъ-то холодомъ; холодомъ вѣяло и отъ нихъ самихъ... Наконецъ сынъ простился съ матерью и отправился въ другую комнату, приготовленную для него. Онъ вынулъ изъ чемодана потертую книжку и осмотрѣлъ комнату, отыскивая что-то глазами. Повидимому, въ комнатѣ не нашлось отыскиваемаго предмета. Обносковъ задумался, взялъ стулъ, поставилъ его къ изголовью постели, попробовалъ поставить на него свѣчу, положилъ карандашъ, бумагу, и легъ. Но ему было неловко. Свѣча была слишкомъ близко у глазъ, за карандашомъ было неудобно протягивать руку. Стулъ не могъ замѣнить ночного столика. Сверхъ того, это было нововведеніе. Обносковъ не могъ этого потерпѣть. Онъ всталъ и позвалъ мать.

— Нѣтъ ли у васъ, маменька, маленькаго столика?— спросилъ онъ.

— Какого, батюшка? Тамъ у тебя два стоятъ?

— Нѣтъ, то большіе. Мнѣ нуженъ небольшой, къ постели... Я, знаете, привыкъ свѣчу и все такое ставить, чтобы подъ рукою было...

Столъ достали и поставили. Самъ Обносковъ приловчилъ его къ изголовью, поставилъ на него свѣчу, положилъ на

него книгу, карандашъ, бумагу и, кажется, былъ вполнѣ доволенъ, не нарушивъ даже и въ этотъ день одной изъ своихъ офиціальныхъ привычекъ, уже превратившихся въ рядъ неизбѣжныхъ обрядовъ. Теперь можно было почитать и потомъ погасить свѣчу...

II.

Впотьмахъ.

Чтеніе, однако, не шло впередъ. Отъ крѣпкаго ли чаю, отъ жалобъ ли матери, отъ пріѣзда ли въ родное гнѣздо, или вообще отъ какого-нибудь подобнаго, совершенно ничтожнаго обстоятельства у Обносова тревожно билось сердце, и сотни какихъ-то смутныхъ мыслей о мелочахъ жизни имѣли смѣлость возмущать спокойствіе его серьезнаго ума. Его глаза перескакивали со строчки на строчку, почти не разбирая смысла напечатанныхъ словъ. Наконецъ, нашъ герой утомился отъ этихъ безплодныхъ усилій и рѣшился заснуть. Онъ отложилъ книгу, затушилъ свѣчу, повернулся на бокъ, подложилъ руку подъ щеку и съёжился. Сонъ, однако, не шелъ. Лежа въ этомъ положеніи и глядя сощуренными глазами на комнату съ закрытыми ставнями, едва озаренную лампадой, Обносовъ вспоминалъ былые годы, вспоминалъ ихъ наперекоръ своему желанію.

Онъ начиналъ помнить событія своей жизни съ того сѣраго, мутнаго зимняго дня, когда его мать была избита и выгнана въ одномъ платьѣ изъ дому своимъ пьянымъ мужемъ-чиновникомъ. Маленькій Леня долго сидѣлъ въ кухнѣ, забившись куда-то въ уголъ, заткнувъ уши и вздрагивая всѣмъ тѣломъ. День, между тѣмъ, проходилъ среди паническаго страха обитателей небольшого жилища господъ Обносовыхъ. Хозяйка не смѣла вернуться домой, кухарка не смѣла подавать обѣдъ, ребенокъ не смѣлъ говорить. Казалось, гдѣ-то за дверями стоялъ какой-то ужасный невидимый призракъ, готовый убить перваго, кто посмѣетъ проронить хоть одинъ звукъ или сойти съ мѣста. Наконецъ, вслѣдствіе совѣта, настоянія и даже угрозъ кухарки, Леня долженъ былъ идти къ своему «папашѣ» просить прощенья за мать. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, крадучись подобно вору, совершенно неслышно отворилъ ребенокъ дверь отцовскаго кабинета и остановился въ тупомъ ужасѣ:—передъ нимъ на полу съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, съ отброшеннымъ въ сторону галстукомъ и разбитымъ штофомъ, лежалъ во весь ростъ отецъ съ совершенно синимъ, обезоб-

раженнымъ смертью отъ пьянства лицомъ. Ребенокъ не могъ ни крикнуть, ни убѣжать и, широко открывъ глаза, съ выраженіемъ боязни, похолодѣвъ, плотно прижался къ стѣнѣ. Кругомъ не раздавалось ни звука, ни въ комнатѣ, ни на улицѣ; казалось, во всемъ мірѣ остались только эти два представителя самовольно загубившаго себя существованія и по чужой волѣ задушаемой въ зародышѣ жизни. Зимній день, между тѣмъ, гасъ, и вечернія тѣни набѣгали на предметы, угрожая скоро задернуть навсегда могильной тьмой и этотъ быстро разлагавшійся трупъ, и этого неподвижнаго, окаменѣвшаго, близкаго къ обмороку или сумасшествію ребенка. Минуты казались мальчику вѣчностью, и все-таки онъ не могъ сойти съ мѣста. Уже на улицѣ, покрытой снѣгомъ, было свѣтлѣе, чѣмъ въ комнатѣ, когда вдругъ ребенку послышалось, что кто-то возится и шебаршитъ за окномъ; онъ быстро обернулся: сквозь тощіе цвѣты за стеклами, смутно виднѣлась на улицѣ какая-то широкая косматая фигура, готовившаяся закрыть ставни. Леня, безъ крику, безъ вздоха, упалъ на полъ... Долгое время онъ бредилъ о томъ, какъ запирали надъ нимъ крышку гроба... Говорятъ, съ этой поры Леня изъ живого, здороваго мальчика сталъ больнымъ и слабымъ существомъ. Разбитое однажды здоровье не могло возвратиться въ гниломъ воздухѣ мачихи-столицы, въ одномъ изъ тѣхъ душныхъ и сырыхъ жилищъ, въ какихъ гнѣздится мелкое чиновничество, вдали отъ природы, отъ смолистаго воздуха лѣсовъ, отъ простора безбрежныхъ, облитыхъ солнцемъ нивъ.

Во всемъ своемъ ужасѣ вспомнилась теперь Обноскову картина смерти отца, и онъ невольно открылъ глаза и со страхомъ сталъ всматриваться въ полутьму, царившую въ его комнатѣ; по его тѣлу пробѣжала дрожь, передъ глазами носился призракъ почернѣвшаго покойника съ открытыми глазами.

— Простудился, кажется, я немного въ дорогѣ,—проговорилъ Обносковъ почти вслухъ, чтобы звуками своего голоса прервать роковое направленіе своихъ мыслей и разсѣять страхъ.

Черезъ минуту онъ натянулъ на голову простыню и закутался плотнѣе въ одѣяло.

Но сонъ, все-таки, не шелъ къ нему.

Мало-по-малу стали оживать передъ нимъ воспоминанія о дѣтствѣ, гимназіи и кружкѣ веселыхъ, здоровенькихъ дѣтей. Въ ушахъ назойливо началъ звенѣть чей-то бойкій,

рѣзкій, заразительный смѣхъ. Не любилъ Обносковъ этого смѣха. Первый разъ услышалъ онъ эти звуки искренней веселости въ тотъ день, когда его робкая, болѣзненная фигура появилась въ кружкѣ товарищей и когда рука какого-то буйнаго сорванца взъерошила его гладко прилизанные, жидкіе и прямые волосы. «Драться или покоряться?»—вотъ вопросъ, представившійся въ этотъ памятный день ребенку. Но какъ воевать, не имѣя ни силъ, ни здоровья, ни безумной отваги, разбивающей голову, но все-таки идущей на бой съ неравными силами сплотившихся враговъ? А покоряться развѣ легче? Развѣ и тутъ не нужно громадной силы воли? Особенно, если болѣзненная натура стала до мелочности воспріимчива къ обидамъ, если въ маленькомъ, хрупкомъ существѣ развилось нуждою до крайнихъ предѣловъ стремленіе къ самосохраненію, если крошечное сердчишко давно стало испытывать мученія зависти при видѣ веселаго лица, здороваго организма, безшабашнаго удальства и неудержимо несущагося ко всѣмъ міровымъ радостямъ, взлелѣяннаго въ роскоши существа? Нѣтъ, тутъ о покорности не можетъ быть и рѣчи, тутъ нужно отдѣлиться отъ всѣхъ, пролагать свой собственный путь, пролагать тайно, и идти особнякомъ, тихонько, и ждать, когда умаются тѣ быстро бѣгущіе люди, тѣ клокочущія силы, смѣшаться съ которыми—значитъ переживать въ мѣсяцъ годъ, подставлять себя подъ удары случайностей, можетъ-быть, выиграть что-нибудь или, что еще вѣрнѣе, погибнуть въ вихрѣ неосуществимыхъ стремленій. Нѣтъ! нѣтъ! Что хорошаго въ этой безшабашной бурѣ ощущеній? Лучше ждать, когда угомонятся эти волны, когда онѣ падутъ, и гордо поднимется надъ ними неподвижная скала, которую онѣ закрыли въ своей бѣшеной пляскѣ, въ которую онѣ плевали своей бѣшеной пѣной, швыряли поднятой со дна грязью. Онѣ считали ее униженной, подавленной, близкой къ разрушенію,—дѣти! дѣти!—надали только онѣ, а скала въ своей бездушной твердости даже не дрогнула подъ визгомъ ихъ бѣшеной бури... Не сознавалъ вполнѣ всего этого въ тѣ годы Обносковъ, но уже *такъ* дѣйствовалъ онъ и тогда. Вотъ въ классѣ устраивается продѣлка съ нѣмцемъ-учителемъ. Обносковъ ходитъ въ коридорѣ, чтобы не быть въ числѣ союзниковъ-шалуновъ. Нѣмецъ вмѣстѣ съ нимъ входитъ въ классъ и даже сердито спрашиваетъ у него:

— Зачѣмъ вы въ коридорѣ все ходите, а не сидите въ классѣ?

— Шумно тамъ, я учиться не могу, потому и хожу всегда въ коридорѣ въ промежуткахъ между уроками,—отвѣчаетъ какимъ-то извиняющимся и обезоруживающимъ тономъ Обносковъ.

Въ классѣ нѣмецъ замѣчаетъ продѣлку: у него подломанъ стулъ, на каѳедрѣ положена грязь, журналъ подсунутъ не тотъ, который нуженъ, на потолкѣ болтаются бумажные чортики, прилѣпленные жеваной бумагой... Нѣмецъ зоветъ гувернеровъ, инспектора, директора. Идетъ допросъ, всѣхъ спрашиваютъ поочередно, доходитъ очередь до Обноскова.

— Его не было въ классѣ, онъ вошелъ со мною. Ему самому мѣшаютъ заниматься эти сорванцы,—говоритъ нѣмецъ, и Обноскова оставляютъ въ покоѣ.

Виновный, между тѣмъ, не находится, товарищество крѣпко стоитъ за своихъ членовъ, приходится наказать весь классъ.

— Обноскова, я думаю, можно исключить, онъ не могъ знать, что̀ тутъ дѣлалось,—заступается снова нѣмецъ за ученика.

Директоръ соглашается. Власти, окончивъ судъ, удаляются. Обносковъ щуритъ свои калмыцкіе глаза и насмѣшливо обводитъ ими кучку тѣхъ слабодушныхъ товарищей, которые уже начинаютъ каяться въ своемъ проступкѣ и негодовать на зачинщиковъ-подстрекателей.

— Это хорошо, что вы дали себя знать нѣмцу,—смѣется онъ.—Такъ ихъ и надо учить. Умнѣе будутъ. Струсили, я думаю, они!

Безконечнымъ, подавляющимъ ехидствомъ и ироніей дышатъ его простодушнымъ тономъ высказанныя слова, а глаза свѣтятся жидкимъ блескомъ злорадства. Кающіеся товарищи ничего не отвѣчаютъ на эти рѣчи, но при слѣдующей продѣлкѣ они не соглашаются быть сообщниками зачинщиковъ, выдаютъ ихъ при разспросахъ директора. Зачинщики ругаютъ ихъ, бьютъ,—но не бьютъ Обноскова, потому что Обносковъ ихъ не выдавалъ, онъ не могъ выдавать ихъ, такъ какъ онъ въ свободное отъ уроковъ время постоянно находился внѣ класса. Они говорятъ, что Обносковъ «долбило», что Обносковъ «профессоръ», что Обноскову нѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ науки. Никто не знаетъ, что во всѣхъ практическихъ столкновеніяхъ съ жизнью онъ поступаетъ не по своей волѣ, а по наставленіямъ матери, имѣющей мудрые отвѣты и совѣты при всѣхъ житейскихъ затрудненіяхъ.

«Гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ,—вбиваетъ она въ голову сына обносковскія правила:—а ты стой въ сторонкѣ, въ сторонкѣ... Плетью, батюшка, обуха не перешибешь, а ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ... И что̀ тебѣ товарищи? Ума они тебѣ не прибавятъ, денегъ не дадутъ, только лишнее время своимъ знакомствомъ отнимутъ, да сапоги истаскаешь, ходя къ нимъ въ гости, или на чай разоришься, принимая ихъ у себя... Ну, а ласковъ съ ними будь, это нужно: бросишь хлѣбъ позади, и онъ очутится впереди. Будущее одинъ Господь, нашъ Творецъ небесный, знаетъ, не угадаешь, кто понадобится въ жизни... Такъ отцы наши жили и намъ такъ жить завѣщали...»

Товарищи не знали, что во имя этой обносковской мудрости совершаются всѣ поступки Лени, и думали, что онъ просто страстно любитъ науку и потому удаляется отъ ихъ проказъ. Отъ этого взгляда не далеко до уваженія. Хилый Обносковъ тоже началъ дѣлаться какой-то силой.

Дѣти робкія, безхарактерныя, вѣчно поддающіяся чужому вліянію, стали переходить на сторону Обноскова. Онъ имъ объясняетъ математическія задачи, онъ помогаетъ имъ переводить Саллюстія, онъ вступается за нихъ передъ учителями, бесѣдуя съ послѣдними въ коридорѣ. Да, онъ бесѣдуетъ теперь съ учителями, онъ—одинъ изъ всѣхъ гимназистовъ. Сперва онъ спросилъ у одного изъ нихъ совѣта, какую бы латинскую книгу ему начать дома для практики. Потомъ этотъ учитель спросилъ его:

— Ну, что ваше чтеніе? Подвигается впередъ?

— Да, я кончаю книгу,—отвѣтилъ Обносковъ:—мнѣ скоро опять придется просить вашего совѣта насчетъ выбора новой книги.

— Хорошо, вотъ погодите, я вамъ подарю двѣ книги изъ французскаго изданія классиковъ.

— Что ему нужно?—сурово спрашиваетъ директоръ, усмотрѣвъ ревнивыми глазами, что одинъ изъ гимназистовъ «пристаетъ» къ учителю.

Учитель объясняетъ.

— А-а!—многозначительно произноситъ директоръ.—Занимайся, занимайся, это хорошо.

Обносковъ съ поклономъ, скромно отходитъ отъ директора, а тотъ говоритъ съ учителемъ, что у нихъ растетъ замѣчательный человѣкъ, что *теперь* это особенно важно, такъ какъ надо истребить этотъ... этотъ... духъ.

На этотъ разговоръ подходятъ другіе учителя, и вдругъ

Обносковъ дѣлается предметомъ удивленія, толковъ и надеждъ.

— Не люблю я его,—замѣчаетъ учитель русской словесности:—въ немъ есть какое-то трусливое стремленіе выдать товарищей...

— Что вы! что вы!—ужасается нѣмецъ.—Напротивъ того, онъ еще вчера объяснялъ мнѣ въ коридорѣ, что многіе изъ его товарищей плохо учатся не отъ лѣни, а потому, что имъ дома не у кого спросить совѣта. Мы даже съ нимъ поспорили... Это очень свѣтлая голова...

— Однако, онъ изъ всѣхъ исторій выходитъ чистъ, никогда не попадается,—возражаетъ учитель русской словесности.

— Не попадается, потому что дѣломъ занятъ,—строго внушаетъ директоръ:—но это не значитъ, что онъ выдаетъ товарищей. Никто и никогда не слыхалъ отъ него сплетенъ на одноклассниковъ... Надо быть осторожнѣе въ выраженіяхъ, особенно если дѣло идетъ о такой недюжинной личности.

Слышите, недюжинной!

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ директоръ дружески останавливаетъ Обноскова за плечо.

— Постойте,—говоритъ онъ.—Хотите давать лѣтомъ уроки сыну графа Родянки?

Лицо Обноскова вдругъ вспыхиваетъ багровымъ румянцемъ.

— Съ удовольствіемъ... я такъ вамъ благодаренъ...—волнуется онъ, ненавидящій всѣми силами души надутыхъ сыновей графа Родянки.

— Такъ я васъ отрекомендую. Заходите ко мнѣ вечеромъ.

Вечеромъ Обносковъ приходитъ къ директору, взволнованный, робкій. Но его принимаютъ отлично. Графъ Родянка сидитъ тутъ же, изрекаетъ какое-то поощреніе Обноскову, называетъ его шутливо и фамильярно «господиномъ профессоромъ». Обносковъ чувствуетъ, что графъ Родянка трунитъ надъ нимъ, какъ надъ ничтожнымъ, жалкимъ бѣднякомъ; его лицо покрывается багровыми пятнами, онъ вѣжливо говоритъ, скромно улыбается судорожно дрожащими губами.

— Э, графъ, этотъ человѣкъ пробьетъ себѣ дорогу безъ посторонней помощи. Это самобытная русская сила,—говоритъ нѣмецъ-директоръ, дружески положивъ руку на плечо Обноскова.

Директоръ торгуется за Обноскова. Оставляетъ его пить чай, шутитъ съ нимъ.

— А я вашъ должникъ,—смѣется директоръ еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ:—вы занимаетесь даромъ съ моимъ племянникомъ.

— Ну, помилуйте, что̀ тутъ за счеты! Вы и безъ того много для меня дѣлаете,—улыбается семнадцатилѣтній Обносковъ, и въ его манерахъ видна уже развязность и что-то въ родѣ едва замѣтнаго пренебреженія къ людямъ, стоящимъ почему-нибудь ниже его или обязаннымъ ему.

Еще проходятъ дни, и онъ дѣлается домашнимъ человѣкомъ у директора. Обносковъ ѣздитъ съ директоромъ въ театры. Обносковъ знаетъ, какого мнѣнія директоръ о тѣхъ или другихъ ученикахъ и учителяхъ. Обносковъ уже носитъ очки, и только его одного не преслѣдуютъ за это, только ему не говорятъ съ презрительною усмѣшкою: «что вы модничаете-то?» Его полусерьезно, полушутливо уже называютъ «нашимъ будущимъ учителемъ...»

А въ классѣ теперь—его ненавидятъ. За что? Онъ, кажется, такой уживчивый съ товарищами. Они ругаютъ Пушкина, онъ, ухмыляясь, говоритъ:

— Да ужъ извѣстно, что̀ такое Пушкинъ!

Они ему хвалятъ Пушкина; онъ, также ухмыляясь, говоритъ:

— Ну, такъ вѣдь это Пушкинъ!

Въ гимназіи вводятся тѣ или другія мѣры, онъ молча исполняетъ ихъ, не разсуждая, худы ли, хороши ли онѣ. Въ ней отмѣняются старые порядки, онъ очень спокойно отрекается отъ нихъ, точно эти порядки, составлявшіе еще вчера для него святыню, были сущею нелѣпостью и безобразіемъ. Гимназисты собираются потолковать о чемъ-нибудь, онъ хихикаетъ и молча щуритъ свои калмыцкіе глаза.

— Читалъ ты, какъ раскатали учебникъ нашего учителя исторіи?—спрашиваютъ его товарищи.

— Да,—ухмыляется онъ:—совсѣмъ уничтожили!

Но гимназисты пробуютъ отвѣчать по-своему или дѣлать возраженія учителю исторіи подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанной критики, а Обносковъ зубритъ его учебникъ отъ доски до доски.

— Да вѣдь это ерунда,—говорятъ ему.

— Хи-хи-хи, извѣстно, что ерунда!—хихикаетъ Обносковъ.

— Тебя хоть магіи заставь учиться, такъ ты будешь и ее зубрить,—замѣчаютъ ему.

По лицу Обноскова видно, что онъ не отрицаетъ и этого положенія... Но вотъ кто-то грубо и рѣзко говоритъ Обноскову:

— А вѣдь ты просто подлецъ.

Обносковъ вспыхиваетъ на мигъ и вдругъ потухаетъ: улыбаясь, пожимаетъ плечами и отходитъ.

Живо, до безобразія живо вспоминалось все это теперь нашему герою и пробуждало въ немъ злобу.

— Что вы мнѣ?—шепталъ онъ.—Что вы вообще значите? Не думаете ли вы, что я стану съ вами мальчишествовать? Пѣшки!

Онъ сердито перевернулся на другой бокъ.

— Господа, въ одиннадцатую аудиторію соберитесь въ двѣнадцать часовъ!—послышался ему крикъ, и онъ невольно вздрогнулъ.

И вотъ онъ видитъ массу студентовъ, снующихъ по коридорамъ университета, слышитъ умные и глупые, но всегда искренніе споры, разсужденія о составленіи кассы, о помощи голяку, притащившемуся пѣшкомъ изъ Саратова для ученья, о концертѣ въ пользу неимущихъ; видитъ стриженыхъ дѣвушекъ съ тетрадями подъ мышками; ловитъ ихъ свободные, простые разговоры съ молодыми мужчинами и сознаетъ, что никто не замѣчаетъ его, ставшаго въ сторонѣ отъ этой толпы. Ей нѣтъ дѣла, что онъ отдалился отъ нея; ей нѣтъ дѣла даже до его существованія. Она кипитъ юной жизнью, хохочетъ, волнуется, увлекается, а онъ ждетъ, ждетъ, когда исполнится пророчество его матери, что «бойкіе кони устаютъ скоро». Но время идетъ, а эти кони не устаютъ. Все прибываетъ и прибываетъ ихъ число; вотъ и офицерскіе эполеты блестятъ въ ихъ средѣ; вотъ носится слухъ и о старомъ профессорѣ, группирующемъ ихъ около себя; вотъ какая-то личность со звѣздой на груди поощряетъ ихъ... Обносковъ начинаетъ сомнѣваться въ томъ, что эти кони устанутъ; его стойкость отчасти колеблется, обносковскому уму становится страшнымъ его одиночество; онъ рѣшается на бросанье хлѣба назадъ, думая, что и это можетъ пригодиться впереди; пробуетъ сойтись съ этой толпой, сходится съ ней, и вдругъ ему слышится, что надъ нимъ безжалостно смѣются, что кто-то угадалъ и его тайный образъ мыслей, и узналъ какія-то тайны его семейной жизни, и трунитъ надъ нимъ:

— Э, да твоя мать не только жильцовъ эксплоатируетъ, а и на проценты деньги даетъ, не хуже любого ростовщика. Этимъ она тебѣ кругленькій капиталецъ сколотитъ изъ денегъ бѣдняковъ, недаромъ ты и соціалистовъ, и Прудона ругаешь,—слышатся ему слова.

— Подлецы! шарлатаны! —пробормоталъ Обносковъ и перевернулся снова.

— Безсемейные, безродные проходимцы они, потому они и не понимаютъ, что̀ значатъ чувства матери! Для кого, какъ не для любимаго сына, она сколачивала гроши? Во имя чего, какъ не во имя святой материнской любви, рѣшалась на все? Ужь не долженъ ли я былъ, ради ихъ идеекъ, отречься отъ этой женщины, какъ отъ преступной ростовщицы?.. Да и почему же это преступно извлекать возможную пользу изъ своего капитала? Или въ самомъ дѣлѣ давать безъ процентовъ по ихъ теоріямъ и благодѣтельствовать жильцамъ?.. Такъ тогда и работать нужно бы безъ возмездія. Капиталъ и трудъ—двѣ совершенно равныя силы. У нихъ есть и свои равныя права... Чѣмъ больше сила приноситъ пользы, тѣмъ лучше... Да, дурачье, не понимаютъ они, хотя и прилагаютъ это на практикѣ, что только и существуетъ одно право силы, какая бы она ни была, денежная, физическая или умственная...

Думы начинали блѣднѣть; еще какіе-то смутные образы носились передъ глазами Обноскова, еще изрѣдка волновалось его сердце, но волненія были все слабѣе и слабѣе, на лицѣ все чаще скользила самодовольная улыбка.

«Въ насъ теперь сила», думалъ онъ уже совершенно смутно, и эта мысль стала безсвязно и безцѣльно повторяться въ его головѣ; наконецъ онъ уснулъ.

III.

Умирающій Обносковъ въ своей семьѣ.

Послѣ тревожно проведенной ночи, Обносковъ проснулся довольно поздно. Онъ чувствовалъ себя не очень хорошо, голова была тяжела, и въ тѣлѣ замѣчался небольшой ознобъ. Однако, болѣзненное состояніе не помѣшало ему выйти изъ дома. Сначала онъ хотѣлъ ѣхать представляться начальству, но потомъ раздумалъ и рѣшился отправиться съ матерью съ визитомъ къ своимъ роднымъ.

При входѣ въ большую и богатую квартиру, гдѣ жилъ дядя Обноскова, уже пахло лѣкарствами и чувствовалось, что кто-то въ домѣ нездоровъ. Прислуга ходила на цыпочкахъ, въ комнатахъ былъ нѣкоторый безпорядокъ. Въ гостиной Обноскова и его мать встрѣтили двѣ родственницы, сестры хозяина. Это были женщины не первой молодости, худощавыя, бѣлокурыя, съ тонкими губами, съ моргающими глазками и множествомъ веснушекъ. Сразу можно было ска-

зать, что это двѣ сестры, и никакъ нельзя было опредѣлить, которая изъ нихъ старшая. Онѣ сами и ихъ физіономіи обладали крайнею подвижностью, точно и сами эти женщины и ихъ взгляды и чувства хотѣли куда-то ускользнуть отъ наблюдателя. Заслышавъ въ ихъ голосѣ строптивый гнѣвъ, наблюдатель могъ обратить глаза на лица этихъ женщинъ, но передъ нимъ тотчасъ же начинали въ смущеніи моргать и потомъ смиренно потуплялись ихъ глаза и сжимались губы въ мягкую, заискивающую улыбку. Иногда же слышались ихъ вкрадчивыя рѣчи, но, неожиданно взглянувъ на ихъ лица, вы вдругъ ловили какой-то зловѣщій блескъ въ глазахъ двухъ дѣвственницъ, блескъ, потухавшій тотчасъ же, какъ только вы обращали на него вниманіе. Эти женщины съ самой колыбели жили со своимъ братомъ, заботились только о немъ, о своей невѣсткѣ Марьѣ Ивановнѣ, о ея сынѣ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Обносковѣ и вообще были такъ погружены въ семейныя заботы, были такъ исполнены чувствами семейной любви, что не обращали вниманія ни на что, стоящее внѣ ихъ семейнаго союза, если только посторонніе предметы и люди не вредили или не приносили непосредственной пользы этому союзу.

При появленіи племянника, онѣ привѣтствовали его горячими поцѣлуями и радостнымъ шопотомъ и, обмѣнявшись первыми привѣтствіями, тотчасъ же слезливо прошептали:

— А братецъ-то совсѣмъ плохъ! не проживетъ долго, ангелъ нашъ... Слава Богу, что ты пріѣхалъ...

— Ахъ, что̀ у насъ дѣлается, такъ и сказать стыдно!— воскликнула старшая сестра, Ольга Александровна Обноскова.—Втерлись въ домъ чужіе люди...

Тетки и мать расплакались.

— Не плачьте, тетушка,—утѣшалъ Обносковъ.—Все пойдетъ хорошо.

— Знаю, знаю, умный ты нашъ. Тебя только и ждали, какъ красное солнышко. Мы женщины, что̀ мы можемъ сдѣлать, беззащитныя...

Всѣ помолчали...

— А что, дядя духовную написалъ?—спросилъ Обносковъ.

— Нѣтъ, ангелъ мой. Начиналъ онъ издалека, знаешь, говоритъ, что распорядиться нужно, да мы его утѣшаемъ, что болѣзнь не опасна... Ужъ мы съ сестрицей и твоей маменькой его ни на минуту не оставляемъ, а то... Охъ, шепчутъ ему въ уши, шепчутъ, разлучники, недобрыя рѣчи... Грѣховодники! Цѣлый вѣкъ мы съ братцемъ душа въ душу

жили, все о насъ, голубчикъ, заботился, не разлучался никогда, а теперь вотъ до чего дожили... Чужіе люди хотятъ за нимъ ходить, хотятъ насъ отъ его смертнаго одра отдалить...

Тетки снова расплакались. Мать Обносова тоже стала всхлипывать.

— Не плачьте, слезами дѣлу не помочь,—говорилъ Обносовъ, и его, пробывшаго два года вдали отъ родного гнѣзда, отчасти удивило, что тетки, всегда гордившіяся своею образованностію и говорившія о ней всѣмъ имѣющимъ уши, разсуждали теперь какимъ-то языкомъ кухарокъ. Повидимому, это былъ ихъ природный языкъ, а тотъ, книжный, жеманный, которымъ онѣ говорили въ другое время, казалось, былъ чѣмъ-то такимъ же напускнымъ, какъ ихъ кроткія улыбки и стыдливо потупленные взоры.

— Охъ, солнышко наше. Дай ты намъ выплакать свое горе... Родной нашъ, защити насъ, на тебя только и надежда,— снова заговорили тетки, и младшая, Вѣра Александровна, склонная къ сентиментальности и влюблявшаяся во всѣхъ, начиная съ церковнаго пѣвчаго-тенора, даже припала къ плечу племянника.

Этотъ ли смутный шопотъ достигъ до ушей больного или просто больной почувствовалъ, что его сестры недаромъ остаются цѣлый часъ въ другой комнатѣ, но ему захотѣлось узнать причину ихъ необычайнаго отсутствія. Дверь въ ту комнату, гдѣ собрались нѣжные родственники, отворилась, и на порогѣ появился юноша. Обносовъ съ невольнымъ любопытствомъ обернулся къ нему и, нахмуривъ брови и сощуривъ свои, и безъ того узкіе, калмыцкіе глаза, сталъ пристально и безцеремонно разсматривать незнакомаго ему юношу, о которомъ до него долетали тысячи самыхъ разнообразныхъ слуховъ.

Только на семнадцатомъ году жизни можетъ человѣкъ сверкать такою ослѣпительною, нѣжною свѣжестью, такимъ добродушіемъ и такою откровенностью, какимъ сверкало лицо этого стоявшаго на порогѣ комнаты мальчика. Здоровыя, облитыя теплымъ румянцемъ, отъ недавняго сна, щеки съ едва замѣтнымъ пушкомъ; откинутые назадъ безъ всякой претензіи на эффектъ и потому еще болѣе эффектные, густые, вьющіеся волосы; большіе глаза, честно, смѣло и откровенно смотрѣвшіе на людей, все это вмѣстѣ должно было производить на каждаго такое впечатлѣніе, что невольно хотѣлось пожать съ любовью, съ доброй улыбкой молодую руку

этого гостя на жизненномъ пути и сказать ему: «храни тебя Богъ, милое дитя!»

— Скажите...—началъ онъ, поглядывая съ порога на Обносова какъ-то нерѣшительно, точно боясь ошибиться. — Скажите... Кажется, вы господинъ Обносовъ?—кончилъ онъ въ замѣшательствѣ неловко начатую фразу и покраснѣлъ еще болѣе.

— Дядюшка проснулся?—холодно спросилъ Обносовъ, не отвѣчая на вопросъ «смазливаго мальчишки». Это названіе Обносовъ уже далъ въ своемъ умѣ юношѣ.

— Да... Онъ давно не спитъ...—проговорилъ юноша и съ какимъ-то недоумѣніемъ осмотрѣлъ своими большими глазами группу родственницъ, точно стараясь понять, что онѣ успѣли наговорить на него новоприбывшему гостю.

— Я пойду туда,—проговорилъ Обносовъ, обращаясь къ теткамъ и матери.

— Иди, иди, Леня, и мы всѣ идемъ,—заговорили, перебивая другъ друга, женщины. — Какъ твой дядя радъ будетъ!.. Никого-то около него нѣтъ изъ близкихъ... Мы что? мы женщины! съ нами ему скучно... Не съ кѣмъ умнаго слова сказать, по душѣ побесѣдовать.

Тетки говорили эти фразы съ такими ударенiями на словахъ и бросали такіе злобные и многозначительные взгляды на юношу, что его можно было счесть главнымъ виновникомъ всѣхъ несчастій ихъ брата и ихъ самихъ. Юноша же все еще стоялъ на порогѣ, точно онъ окаменѣлъ, созерцая головы этихъ Медузъ.

— Позвольте же пройти!—раздражительно проговорилъ Обносовъ, слегка отстраняя юношу, стоявшаго въ дверяхъ.

— Вотъ такъ-то всегда,—зашептали тетки племяннику.— Это ужъ тебѣ дороги не даетъ, польское отродье, а нами-то просто помыкаетъ, помыкаетъ.... Охъ, Господи, до чего мы дожили!

Юноша, прислонившись къ открытой половинкѣ дверей, задумчиво смотрѣлъ вслѣдъ за удалившимися родственниками. Каждая черта его лица дышала теперь невыразимою грустью и только въ закушенной нижней губѣ слегка были замѣтны слѣды строптиваго, но сдержаннаго гнѣва. По одной этой чертѣ можно было угадать, что у этого человѣка есть уже выработанный характеръ.

— Батюшка-баринъ, отдохнули ли вы?—послышался около него дребезжащій голосъ.

Онъ обернулся и увидалъ старое, потемнѣвшее, сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо хозяйскаго камердинера.

— Спасибо, Матвѣй Ильичъ, отдохнулъ, — отвѣтилъ юноша, и его лицо вдругъ прояснилось, снова стало откровеннымъ и добродушнымъ.

— Умаялись вы, ходя за папенькой!—говорилъ старикъ.

— Тсъ! не говорите, Матвѣй Ильичъ, этого слова,—прошепталъ, дѣлая знакъ рукою, юноша:—знаете, *онѣ* не любятъ, когда кто-нибудь назоветъ его моимъ отцомъ. Вамъ же непріятностей надѣлаютъ... Это низкія, низкія женщины!—вдругъ быстро проговорилъ мальчикъ, и по его лицу скользнуло, какъ молнія, выраженіе не то презрѣнія, но то ненависти.

— У-у! про-кля-тыя!—прошепталъ старикъ.—Ну, да недолго теперь поцарствуютъ! и я вѣдь терплю теперь потому, что барина жаль оставить, а то я вѣдь теперь вольный... Его-то жаль. Вотъ теперь вы сами видите, батюшка, Петръ Евграфовичъ, что̀ у насъ въ домѣ за жизнь шла. Цѣлый-то вѣкъ вашего папеньки заѣли эти аспиды, кровь изъ него высасывали. Чуть, бывало, шутя онъ заикнется о женитьбѣ, онѣ и начнутъ его въ три голоса пилить. Пилятъ, пилятъ, умается онъ, сердечный, и махнетъ рукой. А все оттого, что слабъ онъ, сумнителенъ былъ, десять разъ всякое дѣло, бывало, отмѣряетъ, а ни одного не отрѣжетъ... И вѣдь сколько пытались узнать онѣ, гдѣ ваша маменька живетъ, вѣдь вѣрно извести ее хотѣли, отъ нихъ всего станетъ... Да нѣтъ, только я и зналъ вашъ домикъ; ну, а изъ меня хоть бы жилы тянуть стали—не выдалъ бы васъ...

Юноша задумчиво слушалъ болтовню старика, безцѣльно возившагося надъ стираніемъ пыли и приведеніемъ въ порядокъ мебели. Въ послѣдній мѣсяцъ, когда мальчику пришлось поселиться въ домѣ отца, Матвѣй Ильичъ не разъ повторялъ эти рѣчи.

— И Господи, вѣдь бѣда-то какая приключилася, что маменька ваша въ Аршавѣ; не можетъ въ Петербургъ пріѣхать. А ужъ какъ бы нужно-то ей теперь здѣсь быть, охъ, какъ нужно!.. Вотъ, батюшка, никогда не давайте никому себѣ на шею насѣсть, какъ папенька вашъ позволили сестрицамъ себя осѣдлать. И васъ заѣздятъ, и другимъ плохо будетъ.

Юноша улыбнулся и ласково взглянулъ на старика.

— Спасибо, Матвѣй Ильичъ, за совѣтъ,—промолвилъ онъ:—за что̀ только вы меня такъ любите?

— За что?—переспросилъ, останавливаясь съ тряпкой въ рукѣ, старикъ.—Да вѣдь вы и родились-то чуть не при мнѣ. Помните, папенька вашей маменькѣ либо письмо, либо деньги со мной пошлетъ, бывало, а я вамъ отъ себя пряниковъ куплю, да и потѣшаюсь, какъ вы лакомитесь?

Юноша засмѣялся. Старикъ, повидимому, понялъ причину этого смѣха и шутливо махнулъ рукой.

— Вспомнили видно, какъ я васъ своими пряниками чуть на тотъ свѣтъ не отправилъ,—проговорилъ онъ.—Ну, глупъ былъ, своихъ дѣтей не имѣлъ, не зналъ, что и отъ пряниковъ захворать можно... А ужъ натерпѣлся же я страху тогда. Рубль на свѣчи цѣлителю Пантелеймону истратилъ...

Старикъ въ тысячный разъ сталъ распространяться объ этомъ замѣчательномъ событіи изъ своей одинокой безцвѣтной жизни барскаго преданнаго лакея. Этотъ сгорбленный, говорливый, пережившій и горе, и радость старикъ, поспѣшно ловящій немногія остающіяся ему въ жизни мгновенья, чтобы еще разъ хотя въ воспоминаніяхъ пережить свое прошлое, и этотъ неопытный, задумчивый юноша, внимательно прислушивающійся къ отголоскамъ чужого существованія, еще съ боязнью стоящій на порогѣ жизни,—эти два существа, связанныя вмѣстѣ взаимною любовью, составляли поэтическій и трогательный контрастъ.

— Пошли бы вы, батюшка, къ папенькѣ, — заговорилъ снова старикъ, прибирая въ комнатѣ. — Не ровенъ часъ, наши-то аспиды, пожалуй, еще насплетничаютъ что-нибудь... Вотъ вѣдь и наслѣдникъ пріѣхалъ!.. Наслѣдникъ!... Дохлый, право, дохлый... Головой не кивнулъ мнѣ, въ маменьку весь... Всѣ вѣдь на него молятся, только отъ него спасенья и ждутъ, науку ихъ всю произошелъ... Ступайте, батюшка, ступайте, а то смутятъ папеньку-то противъ васъ.

— Не могу я, Матвѣй Ильичъ, съ ними изъ-за наслѣдства воевать, противно мнѣ это,—съ искреннимъ отвращеніемъ замѣтилъ юноша.

— Эхъ, батюшка, знаю я, знаю... Оно бы и не родному сыну объ этомъ думать, глядя на отходящаго отца... Да вѣдь что вы станете дѣлать? Не сдѣлаетъ папенька духовной,— ничего не получите, помяните мое слово.

— Да мнѣ ничего и не надо, Матвѣй Ильичъ,—съ жаромъ воскликнулъ юноша. — Я работать буду, я нужды не боюсь.

— Дитя вы, дитя!—покачалъ головой старикъ.—А маменька, а сестрица-малюточка, а братецъ что будутъ дѣлать?

Юноша опустилъ голову.

— Ступайте, голубчикъ, ступайте! Изъ глазъ вонъ—изъ ума вонъ,—говоритъ пословица: такъ и будьте же у папеньки на глазахъ.

Юноша вздохнулъ и пошелъ неторопливыми шагами въ комнату отца. Едва слышно отворилъ онъ дверь и, казалось, лучъ солнца прокрался въ эту мрачную комнату больного, такъ мгновенно озарилось привѣтливой улыбкой лицо лежавшаго на постели человѣка.

Это былъ исхудалый, умирающій человѣкъ съ запуганнымъ, нерѣшительнымъ и измученнымъ лицомъ. Выраженіе раздражительности и досады поминутно смѣнялось на этомъ лицѣ тоскливою страдальческою покорностью.

Сынъ графскаго управляющаго - чиновника, Евграфъ Александровичъ Обносковъ, въ дѣтскіе годы исполнялъ роль тѣхъ крѣпостныхъ дѣвчонокъ, которыхъ сѣкли для примѣра, когда барскія дѣти не знали уроковъ или шалили. Тяжело было ему учиться съ графскими дѣтьми и отвѣчать за ихъ проступки, но, несмѣлый и нерѣшительный, онъ покорился своей участи и даже полюбилъ графскихъ дѣтей, забывая всѣ оскорбленія, за ихъ малѣйшую ласку. Любилъ онъ и своего отца, и свою мать, оправдывая ихъ грубое обращеніе съ нимъ вліяніемъ нужды и необразованностью. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ такъ же сталъ оправдывать лѣнь графовъ-друзей вліяніемъ пустой среды и работалъ за нихъ. Съ годами его мягкое, любящее сердце все болѣе и болѣе размягчалось и находило оправданія всѣмъ людскимъ порокамъ, всѣмъ гадостямъ. Семья воспользовалась этимъ и сдѣлала его своимъ батракомъ, платя ему за все сладкими рѣчами и нѣжными поцѣлуями. Было время, когда ему удалось вырваться на три мѣсяца изъ дома, уѣхавъ съ однимъ важнымъ лицомъ въ Варшаву по дѣламъ, — но среди чужихъ, трезво работающихъ, беззаботно веселящихся, не особенно любящихъ, не особенно враждующихъ людей его размякшему сердцу стало какъ-то пусто и холодно: онъ тосковалъ, не слыша нѣжныхъ рѣчей, не чувствуя сладкихъ родственныхъ лобызаній. «Прочь, прочь отъ этихъ безучастныхъ, самодовольныхъ людей!» уже восклицалъ онъ мысленно, когда произошелъ одинъ неожиданный случай, измѣнившій и его намѣренія, и его взгляды на свою семью.

Однажды въ одномъ изъ варшавскихъ садовъ онъ сдѣлался свидѣтелемъ одной грустной сцены. Въ довольно пу-

стой аллеѣ лежала въ обморокѣ немолодая женщина, около нея хлопотала молоденькая дѣвушка съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и полными слезъ глазами. Евграфъ Александровичъ подошелъ и спросилъ у дѣвушки, не можетъ ли онъ быть ей чѣмъ-нибудь полезнымъ.

— Ахъ, ради Бога, ради Бога, бѣгите за докторомъ,—ломаным русскимъ языкомъ воскликнула въ отчаяньи дѣвушка, даже не взглянувъ на Обноскова.

Онъ бѣгомъ отправился за знакомымъ ему докторомъ и черезъ нѣсколько минутъ привезъ его. Оказалось, что со старухой сдѣлался ударъ, и помочь ей уже не было возможности. Собралась полиція, чтобы взять трупъ.

— Я не хочу, я не хочу, чтобы мою мать таскала проклятая полиція. Везите ее домой!—ломая руки, рыдала дочь и крѣпко держалась за трупъ матери.

— Успокойтесь, я похлопочу, и вашу мать перевезутъ въ церковь,—утѣшалъ Евграфъ Александровичъ молодую незнакомку, а у самого были на глазахъ слезы.

— Гдѣ вы живете?

Кое-какъ адресъ былъ переданъ. Обносковъ поручилъ дѣвушку доктору, а самъ поѣхалъ хлопотать. Хлопоты окончились успѣшно, такъ какъ у его начальника были связи въ городѣ.

— Боже мой, если бы вы знали, сколько вы для меня сдѣлали! — говорила молодая незнакомка, горячо сжимая руки Обноскова.

Оказалось, между тѣмъ, что эта дѣвушка осталась совершенно одна и безъ всякихъ средствъ. Ея отецъ уже давно пропалъ неизвѣстно куда, о ея братѣ тоже не было никакихъ слуховъ. Она съ матерью пріѣхала въ Варшаву по дѣламъ и проживала въ одной изъ гостиницъ. Обносковъ помогъ ей похоронить мать. То плача, то проклиная судьбу, передала она Евграфу Александровичу свою исторію.

— Сперва за нами ухаживали, когда съ нами былъ мой отважный отецъ, когда около насъ жилъ мой чудный братъ,— говорила она.—А потомъ, насъ бросили; мы съ матерью, какъ женщины, не могли быть полезны людямъ въ ихъ дѣлѣ... Да и времена перемѣнились тогда, старыхъ друзей не стало...

— Что же вы теперь думаете дѣлать?—спросилъ Евграфъ Александровичъ.

— Что дѣлать?—почти съ ужасомъ переспросила его дѣ-

вушка.—Что̀ дѣлать?.. Я сама не знаю, что̀ я буду дѣлать!.. Утопиться, что ли?

Она сурово нахмурила брови и опустила голову.

— Надо мѣсто пріискать... въ гувернантки,—началъ нерѣшительно Обносковъ.—Только скверная эта жизнь... Учить испорченныхъ дѣтей и знать впередъ, что ихъ нельзя уже перевоспитать... Терпѣть униженіе и обиды за свой честный трудъ, встрѣчать холодность...

— О, если бы я была мужчиной, я не спросила бы, что̀ мнѣ дѣлать?—вдругъ горячо перебила дѣвушка вялыя размышленія Обноскова, и съ ея языка полились живыя, пламенныя рѣчи.

Стройная и тонкая, какъ тополь, черноволосая, съ сверкающими глазами, она увлекла молодого человѣка и своей красотой, и своей страстной отвагой.

Каждый день сталъ Обносковъ посѣщать свою новую знакомую. Онъ давно привыкъ слышать отъ женщинъ одни пустые толки о погодѣ, модахъ, балахъ и театрахъ, или разсужденія о хозяйствѣ, сплетни о кухаркахъ и знакомыхъ, и удивлялся, что эта дѣвушка могла говорить и о политикѣ, и о положеніи своего отечества, и о всемъ томъ, о чемъ говорится въ кружкахъ университетской образованной молодежи. Часто сидя съ нею, Обносковъ забывалъ, что онъ сидитъ не съ товарищемъ, спорилъ, горячился и говорилъ, не пріискивая тѣхъ приличныхъ выраженій, какія обыкновенно употребляются въ разговорахъ съ барышнями. Всякое стѣсненіе, всякое желаніе рисоваться и нравиться пропали въ молодомъ человѣкѣ, и нерѣдко онъ жаловался на то, что онъ слабый, безхарактерный человѣкъ.

— Интересы у васъ узки, жизнь мелка, потому и характеръ не можетъ развиться, — замѣчала она. — Вы живете узкою семейною жизнью, оттого вы и силъ не можете развить. Да и на что вамъ онѣ? Чтобы ѣсть, пить весь вѣкъ и послѣ умереть незамѣченными, безызвѣстными, не сдѣлавъ ничего для общества? Вы враги общества, если поближе посмотрѣть на васъ, потому что частные интересы для васъ выше интересовъ общества. Но будь у него ни хлѣба, ни денегъ,—вы ничего ему не дадите, ничѣмъ не пожертвуете ему... Да если бы вы и вздумали пожертвовать чѣмъ-нибудь, такъ васъ удержатъ за рукавъ или мать, или сестры, или вообще какія-нибудь любящія женщины...

Чрезъ двѣ недѣли Обносковъ жилъ въ той же гостиницѣ, гдѣ жила Стефанія Станиславовна Высоцкая. Онъ запросто

являлся въ ея номеръ; по-товарищески пожималъ ей руку; полулежа на диванѣ, курилъ у нея папиросы... Ему свободно дышалось въ ея присутствіи, и если у него было горе, то никто не сумѣлъ бы такъ нѣжно, такъ по-женски утѣшить и развеселить его, какъ это молодое, полное силъ и страсти существо. Зато никто не умѣлъ такъ и выбранить его, какъ Стефанія; часто она не шутя сердилась и приказывала ему удалиться изъ своей комнаты. Какъ-то разъ, совершенно неожиданно для самого себя, наспорившись съ нею до-сыта, онъ на прощаньи поцѣловалъ ее. Этотъ поцѣлуй былъ до того простъ, что она только разсмѣялась.

— Славный вы человѣкъ!—въ восторгѣ промолвилъ Обносковъ.

— Потому и нужно цѣловать этого человѣка?—засмѣялась она, качая головой.

Еще чрезъ нѣсколько времени онъ сказалъ ей:

— Знаете ли что? Я безъ васъ не могу жить.

Стефанія молча сидѣла на диванѣ.

— Что же вы не отвѣчаете?—придвинулся къ ней Обносковъ.—Я вамъ всю жизнь отдамъ... всю свою жизнь...

— Для чего?—какъ-то мелькомъ, какъ бы про себя, промолвила она и вдругъ подняла голову.—Вы добрый, мягкій человѣкъ,—заговорила Высоцкая.—Положимъ, я отдамся вамъ,—что же изъ этого будетъ? Будемъ жить для себя, затворимся въ своемъ домѣ, какъ въ раковинѣ, чтобы ѣсть, пить, тѣшиться любовью и холодно смотрѣть, какъ гибнутъ люди, какъ страдаютъ ближніе... Вѣдь живой дѣятельности нѣтъ, да вы на нее и неспособны... Отчего это вы элегій о людскихъ страданіяхъ не пишете?—вдругъ съ ѣдкой усмѣшкой спросила она.

— За что вы разсердились?—изумился Обносковъ.

— Вотъ знаешь, что около тебя стоятъ хорошіе люди, добрые люди,—заговорила въ какомъ-то странномъ волненіи Высоцкая, заходивъ по комнатѣ:—и въ то же время сознаешь, что они ненужные, безполезные люди... Ихъ бы надо ненавидѣть всей душой, потому что они-то и могли бы пользу приносить, они-то и могли бы работать, и все-таки силъ нѣтъ на эту ненависть!..

Высоцкая, кажется, сердилась на себя за что-то. Она быстро сѣла на диванъ и закрыла лицо руками, нетерпѣливо и какъ-то нервно постукивая ногою объ полъ. Сквозь ея пальцы проступали слезы.

— Прости ты меня: я тебя встревожилъ,—съ сожалѣніемъ

промолвилъ Обносковъ, впервые говоря ей: *ты*, и опять въ его тонѣ послышалась такая нота, какъ-будто онъ говорилъ со старымъ другомъ-студентомъ.

Онъ хотѣлъ уйти.

— Милый мой, милый, —бросилась къ нему Высоцкая: — зачѣмъ ты такой, зачѣмъ въ тебѣ нѣтъ энергіи?.. Съ твоимъ умомъ, съ твоею честностью можно быть великимъ человѣкомъ...

— Ну, вотъ ты и веди меня на этотъ путь, — цѣловалъ ее Евграфъ Александровичъ...

— Ну, а топиться теперь ты не думаешь?—смѣялся на другой день Евграфъ Александровичъ, вспоминая одинъ изъ первыхъ своихъ разговоровъ съ Стефаніей.

— Не думаю,—засмѣялась она стыдливомъ смѣхомъ и вдругъ нахмурила брови и проговорила грустнымъ тономъ:— милый, живи такъ, чтобы мнѣ не пришлось медленно чахнуть въ апатичномъ бездѣйствіи...

И началась для него съ этого дня какая-то странная жизнь. Онъ стоялъ школьникомъ передъ этой женщиной, она журила его, она направляла всѣ его дѣйствія на честный путь, она заставляла его служить обществу и рѣшаться иногда на довольно смѣлые поступки. Часто приходилось ему краснѣть передъ этой подвижною, дѣятельною женщиною за свои мелкія слабости и только за одну слабость не бранила она его никогда, хотя именно за нее-то она имѣла болѣе всего правъ бранить Обноскова: онъ не имѣлъ смѣлости пойти наперекоръ своей семьѣ и жениться на любимой женщинѣ.

— Другъ мой, эта ошибка страшнымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ,—говорилъ онъ Высоцкой.

— Ошибка передо мною,—это ничего не значитъ... Другія ошибки, ошибки передъ обществомъ важнѣе,—спокойно замѣчала она.

Счастье Обноскова въ кругу образованной молодежи, собиравшейся около этой женщины, было полное... Не такова была его жизнь въ своей семьѣ, гдѣ онъ лежалъ больнымъ въ то время, когда застаетъ его нашъ разсказъ. Онъ хмурился и охалъ, окруженный нѣжными, любящими и неоставляющими его ни на минуту родственницами, пожертвовавшими для него всѣмъ своимъ временемъ, всѣми своими желаніями. Довольно было ему обратить куда-нибудь свои потухающіе глаза, чтобы всѣ родные съ недоумѣвающими и вопросительными взорами бросались наперерывъ исполнять

еще невысказанное имъ желаніе. Онъ поворачивалъ голову и тотчасъ же три женскія руки протягивались поправить ему подушку, слышались три женскіе, заискивающіе и сладкіе голоса, спрашивавшіе: «Вамъ, братецъ, вѣрно неловко?» Боже мой, сколько любви, заботливости и нѣжности было въ этихъ словахъ, какимъ бархатнымъ, шепчущимъ и ласкающимъ напѣвомъ произносились они!

— Благодарю, мнѣ очень хорошо,—слабымъ голосомъ отвѣчалъ больной и закрывалъ глаза.

— Братецъ, вы, можетъ-быть, уснуть хотите?—шептали ему баюкающимъ тономъ заботливые голоса.—Мы посидимъ, мы не будемъ говорить...

— Зачѣмъ же сидѣть? Идите!—нетерпѣливо возражалъ больной, почему-то воображавшій, что его могутъ бросить хоть тогда, когда онъ уснетъ.

— Ахъ, братецъ, теперь мухъ такъ много. Онѣ васъ безпокоить будутъ,—шептали вкрадчивые голоса.

— Ничего, я не чувствую отъ этого безпокойства...

— Ангелъ, терпѣливый страдалецъ!—слышалось восклицаніе, исполненное благоговѣйнаго умиленія.—Вы все безпокоитесь насъ утомить... Да вѣдь мы всѣмъ, всѣмъ пожертвовали бы для вашего спокойствія... Приказывайте!.. Приказывайте намъ!..

Больной сохранялъ молчаніе и тяжело вздыхалъ, не имѣя ни силъ, ни охоты высказывать свои желанія, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что сестры исполнятъ все, все, но только не рѣшатся оставить его одного, не рѣшатся не заботиться о немъ. Требовать чего-нибудь подобнаго, значило бы требовать, чтобы любящій человѣкъ бросилъ своего любимца въ минуту опасности, именно въ ту минуту, когда и нужна помощь любящаго существа. Конечно, на такія требованія нельзя согласиться и трудно ихъ предлагать. Теперь больной слушалъ разсказы пріѣхавшаго изъ-за границы племянника, съ выраженіемъ какой-то тупой разсѣянности.

— Поди ко мнѣ, дитя,—прошепталъ онъ съ просвѣтленнымъ лицомъ, завидѣвъ появившагося въ его комнатѣ юношу.

Мальчикъ подошелъ къ постели. Больной взялъ его за руку и обернулся къ племяннику.

— Ты его еще не видалъ?—спросилъ онъ.

— Мы уже познакомились,—уклончиво отвѣчалъ Обносковъ.

— Добрый ребенокъ, очень добрый ребенокъ!—пожавъ руку юноши, сказалъ больной.—И характеръ матери...

У мальчика навернулись на глазахъ слезы. Онъ присѣлъ на кровать.

— Ахъ, вы лучше на стулъ сядьте,—заговорили ласково вкрадчивые голоса:—братцу неловко будетъ.

Юноша закусилъ нижнюю губу и сконфуженно привсталъ съ мѣста, но больной удержалъ его за руку и съ упрекомъ взглянулъ на сестеръ.

— Пусть сидитъ тутъ, какъ можно ближе ко мнѣ сидитъ... Вѣдь не долго ему быть тутъ...—проговорилъ онъ и, поднявъ руку, опустилъ ее въ кудрявые, шелковистые волосы мальчика.

— Добрый, добрый братецъ!—воскликнули сестры и готовы были прослезиться отъ умиленія. — Всѣхъ обласкать, приголубить, пригрѣть хочетъ... Это надо цѣнить, цѣнить надо...

Юноша, съ яркой краской обиды на лицѣ и крупными, дрожавшими на рѣсницахъ слезами, сидѣлъ неподвижно на постели, обвивъ одною рукою больного, лицо котораго едва было видно Алексѣю Алексѣевичу Обноскову изъ-за груди мальчика.

— Ну, какъ тебѣ понравилось за границей? — лѣниво и безучастно разспрашивалъ больной.

Обносковъ сталъ разсказывать про заграничную жизнь.

— А что, твои занятія успѣшно кончились?

Обносковъ далъ отчетъ и о своихъ занятіяхъ.

— Ну, а какъ наша молодежь тамъ живетъ? — продолжалъ разспросы больной, видимо довольный близостью къ себѣ юноши и говорившій просто отъ нечего дѣлать. Его вопросы совсѣмъ не занимали его самого; ему было уютно и тепло около молодого, драгоцѣннаго существа, и онъ смотрѣлъ на остальное совершенно равнодушно.

— Скверно живетъ она, дядя,— рѣзко отвѣтилъ Обносковъ.—Мало учится, мало работаетъ.

— Не хорошо, не хорошо!— какимъ-то старчески-добродушнымъ, незлобивымъ тономъ нараспѣвъ замѣтилъ больной и ласково вскинулъ глаза на юношу.—Вотъ мы не такъ будемъ заниматься, Петя; мы привыкли къ труду,—по-дѣтски шутилъ онъ. и былъ вполнѣ доволенъ, увидавъ улыбку мальчика, вызванную этими шутливыми словами.

— Увлекается молодежь разными современными вопросами,— продолжалъ Обносковъ:—агитировать постоянно стремится, нахваталась разныхъ либеральныхъ идеекъ и носится съ ними, какъ дуракъ съ писаной торбой...

— Все то же, все то же, что и въ наше время было,— шепталъ больной. — Не умираютъ юныя силы... не задавить ихъ...

— Но хуже всего эта эмансипація женщинъ, да то, что мальчишки развратничаютъ, живутъ съ эмансипированными любовницами, а толкуютъ о свободѣ женщины и о гражданскомъ бракѣ. Они...

Лицо больного сдѣлалось вдругъ тревожно. Его кѣжчыя сестры и мать Обноскова замѣтили это и вскочили съ вопросомъ: «не надо ли чего-нибудь братцу?»

— Петя, иди въ залу, подожди доктора,— промолвилъ больной, обращаясь къ юношѣ.

Юноша всталъ, чтобы идти, но больной притянулъ его къ себѣ и поцѣловалъ.

— Теперь ступай,—окончилъ онъ.

Мальчикъ вышелъ; его глаза сверкали гнѣвомъ, точно послѣднія слова Алексѣя Алексѣевича Обноскова задѣли его за больное мѣсто.

— Послушайте... я хочу одинъ остаться... съ Алексѣемъ.— обратился больной къ сестрамъ.

Онѣ и мать Обноскова повиновались и оставили комнату, гдѣ воцарилось какое-то тяжелое молчаніе. Алексѣй Алексѣевичъ изъ почтительности къ старшему родственнику не прерывалъ этого безмолвія, а дядя, повидимому, собирался съ духомъ, чтобы заговорить. Казалось, что онъ собирается сказать что-то очень важное...

IV.

Исповѣдь стараго Обноскова.

— Ты неосторожно поступилъ, — началъ Евграфъ Александровичъ Обносковъ. — Такихъ вещей не должно говорить при *этомъ* ребенкѣ.

Племянникъ не то сконфуженно, не то холодно молчалъ и какъ-то сострадательно и даже презрительно смотрѣлъ на встревоженное лицо дяди.

— Но я радъ, что ты такъ или иначе вызвалъ меня на объясненіе. Я уже давно думалъ поговорить съ тобою о нашихъ дѣлахъ, хотѣлъ писать къ тебѣ, но не могъ... не могъ рѣшиться, — продолжалъ, запинаясь, нерѣшительный дядя, и по лицу его скользнула горькая усмѣшка. — Ты совершенно правъ, нападая на развратъ современнаго общества. Тебя, всегда осторожнаго, всегда разсудительнаго,

должны возмущать промахи беззаботной юности. но, другъ мой, клеймить ее только за одно это—грѣхъ...

Больной закашлялъ, и его лицо вдругъ приняло свое обычное выраженіе нерѣшительности и изнеможенія. Можно было легко замѣтить, что онъ говоритъ совсѣмъ не о томъ, о чемъ хочетъ говорить, и что до этого желаннаго предмета разговора онъ можетъ дойти только послѣ множества совершенно постороннихъ дѣлу фразъ.

— Мы больше всего виноваты, если современная молодежь и вступаетъ въ незаконныя связи,—заговорилъ больной.—Мы всѣ, люди отживающаго поколѣнія, жили съ любовницами; одни при живыхъ женахъ имѣли посторонніе связи; другіе просто не женились на любимыхъ и близкихъ имъ женщинахъ потому, что имъ не позволяли этого родные; третьи жили весь вѣкъ съ женщинами, не женясь на нихъ, потому что считали сами женитьбу на нихъ за неравный бракъ и не имѣли смѣлости ввести въ свой домъ ту женщину, которая, несмотря на свое происхожденіе, хранила всю ихъ жизнь и дѣлала ихъ счастливыми... Свѣтъ смотрѣлъ на эти связи сквозь пальцы, потакалъ имъ, такъ какъ его приличія не нарушались, въ его кружки не вводились дочери людей темнаго происхожденія, но, другъ мой, тутъ приличіямъ приносилась въ жертву человѣческая личность.

Больной взволновался и замолчалъ. Алексѣй Алексѣевичъ никакъ не могъ понять, для чего это дядя толкуетъ о вещахъ, не касающихся ни до котораго изъ нихъ.

— Дядя, вамъ надо бы отдохнуть теперь,—замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—замахалъ рукою дядя.—Я сейчасъ дойду до того, что̀ я хочу сказать... Я договорю, договорю,—успокаивалъ онъ, кажется, не столько своего слушателя, сколько самого себя, какъ бы доказывая самому себѣ, что на этотъ разъ, можетъ-быть, впервые въ жизни, ему удастся побѣдить свою нерѣшительность и высказать именно то, что̀ ему нужно высказать.

— Никто не бросалъ въ насъ камня за то, что мы, подчиняясь условіямъ сыновняго долга, свѣтскимъ приличіямъ, или своимъ сословнымъ предразсудкамъ, налагали пятно на женскую личность, дѣлали ее въ глазахъ свѣта развратницей,—объяснялъ больной.—Молодежь назвала эти связи гражданскимъ бракомъ. Она сильно ошиблась въ практической сторонѣ дѣла, но все-таки въ ея стремленіи есть много честности. Она какъ бы хотѣла сказать своимъ

ближнимъ: хотя вы не позволяете мнѣ ввести въ вашъ кругъ любимую мною женщину, но я все-таки признаю ее моей женою, то-есть не существомъ, которое я брошу по прихоти, которое я развращаю, а личностью, съ которою я связываю себя навѣкъ передъ своею совѣстью... Разумѣется, это ошибка въ практическомъ смыслѣ, но виноваты въ ней мы, только мы, люди отжившіе. Мы поступали еще хуже, мы увлекали женщину, оставляя за собой право бросить ее, и въ то же время называли ее позорящимъ именемъ любовницы...

Больной остановился. На его лицѣ проступила краска. Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ холодно слѣдилъ за муками этого человѣка, лишеннаго силы воли, и презиралъ его въ душѣ за его стремленіе оправдать себя, оправдывая другихъ. Въ головѣ Алексѣя Алексѣевича мелькали теперь мысли о томъ, «что вотъ они, старые теоретики-то, фразеры, носящіеся въ облакахъ и незнающіе фактовъ, вѣчно ораторствуютъ, вѣчно стараются подвести все подъ какую-нибудь систему и любуются шумихой своихъ собственныхъ фразъ. А и подводить-то имъ подъ систему нечего».

— Дядя, вамъ, кажется, совершенно не нужно такъ длинно распространяться по поводу мелькомъ высказанной мною фразы,—замѣтилъ племянникъ.

— Погоди, погоди,—удерживалъ его движеніемъ руки больной, думая, что тотъ хочетъ уйти.—Я буду говорить о своихъ дѣлахъ... Были годы, когда ты каждое воскресенье проводилъ у меня. Были годы, когда ты постоянно присутствовалъ при нашихъ толкахъ о семейныхъ дѣлахъ, но ты былъ племянникъ, то-есть младшій членъ семьи, а я дядя—ея глава. Стоя въ этихъ отношеніяхъ другъ къ другу, люди странно относятся до сихъ поръ къ своимъ ближнимъ. Молодой человѣкъ откровенно высказываетъ своимъ старшимъ, что̀ онъ читаетъ, съ кѣмъ друженъ, что онъ видѣлъ въ театрѣ, но никогда не скажетъ онъ имъ о первой вспышкѣ своей любви, никогда не скажетъ о первомъ проступкѣ на этомъ пути. Точно такъ же старшіе никогда не говорятъ при юношѣ о своихъ сердечныхъ дѣлахъ, все это считается за нѣчто неприличное. Но Боже мой! право, не такъ важно узнать, что юноша тогда-то пропустилъ нѣсколько лекцій въ университетѣ, какъ важно знать, не увлекался ли онъ недостойной любовью, не стоитъ ли онъ на краю пропасти, куда ведутъ первые порывы пробудившейся страсти. Лекціи, пропущенныя имъ, можно

нагнать, но первый проступокъ на пути любви иногда дѣлаетъ отцомъ того, кого мы, старшіе, считаемъ чуть не ребенкомъ! То же самое можно сказать и про насъ. Иной изъ насъ не стыдился передъ своею совѣстью имѣть гдѣ-то на сторонѣ семью, не стыдился называть прижитыхъ въ этой связи дѣтей своими дѣтьми, но считалъ постыднымъ знакомить съ этою семьею одного изъ младшихъ членовъ своего родственнаго кружка. Ему было бы оскорбительно, его самолюбіе пострадало бы, если бы ему пришлось, краснѣя, признаться передъ молодымъ племянникомъ въ своей ошибкѣ... Совѣстно! оскорбительно!—но ради этихъ мелочей, онъ лишалъ своихъ дѣтей, любимыхъ дѣтей, пріязни родныхъ и самъ какъ будто признавалъ, что эти дѣти отверженныя, что они не имѣютъ мѣста въ объятіяхъ его законной семьи...

Страшный кашель сталъ душить больного.

— Дядюшка, прекратимте этотъ разговоръ,—нетерпѣливо проговорилъ племянникъ.

Больной отрицательно замахалъ рукою. «Экъ его фразерство-то заѣло! Сороковымъ годамъ послѣднюю панихиду служитъ», подумалъ Алексѣй Алексѣевичъ и, зѣвнувъ украдкой, докончилъ мысленно: «а поглупѣлъ же онъ во время болѣзни, прежде онъ все-таки меньше былъ способенъ на подобныя словоизверженія». Повидимому, отъ вниманія больного не ускользнули настоящія чувства и мысли, занимавшія племянника, такъ какъ на исхудаломъ лицѣ появилось что-то похожее на неудовольствіе.

— Все это тебѣ очень скучно, но я долженъ договорить,—замѣтилъ дядя.—Такъ поставилъ и я свои отношенія къ покойному отцу, къ тебѣ, къ сестрамъ. Вы не знали, что жизнь въ вашемъ кругу, занятія по службѣ не могли наполнить всего моего существованія... Мнѣ нужно было болѣе теплыхъ, болѣе страстныхъ отношеній. Сперва это было увлеченіе молодости, о которомъ я не сказалъ моему отцу, моей матери, моимъ дядямъ. Въ такой несообщительности не было ничего необыкновеннаго... Вѣдь и ты, вѣроятно, увлекался... Какъ? когда? кѣмъ? Кому ты сообщилъ объ этомъ?.. Объ этомъ неловко говорить со старшими, съ опытными людьми и можно развѣ только смѣяться надъ этими первыми увлеченіями въ кругу своихъ сверстниковъ, такихъ же неопытныхъ, такихъ же увлекающихся. Да, это такъ, и счастливъ тотъ, у кого первая вспышка страсти прошла безслѣдно, если только можетъ проходить безслѣдно

что-нибудь,—но я послѣ подобной женщины вдругъ очнулся отцемъ... Я никогда не шутилъ привязанностями... Иногда даже утрировалъ свои обязанности къ ближнимъ... Такъ я преувеличивалъ свои обязанности въ отношеніи къ сестрамъ... Скрывая отъ отца и матери до самой ихъ смерти свою связь, я не могъ открыть ее и сестрамъ... Онѣ ухаживали за мной, онѣ дрожали, когда я произносилъ слово о своемъ намѣреніи жениться, онѣ плакали, говоря, что тогда имъ придется разстаться со мной, что онѣ должны будутъ идти на мѣста, въ гувернантки, что онѣ не захотятъ брать денегъ изъ рукъ невѣстки. Я былъ мечтатель, нѣжный и слабый человѣкъ... очень слабый человѣкъ.

Больной умолкъ на нѣсколько минутъ. Въ головѣ племянника, хорошо знавшаго дядю и подобныхъ ему людей, промелькнуло: «Ну, бичевать теперь себя станетъ!»

— О, да будутъ прокляты мои мечты, моя нерѣшительность, моя слабость!—воскликнулъ съ оживленіемъ больной и поднялся на локтѣ.—Мое воображеніе рисовало мнѣ свѣтлую картину свободнаго, но прочнаго союза... Вѣдь тогда, въ мое время, мы объ этомъ даже стихи писали,—горько усмѣхнулся онъ.—Я представлялъ себя и любимую женщину героями, идущими однимъ путемъ, наперекоръ предразсудкамъ, наперекоръ злословію... Но я рисовалъ себѣ это не потому, что я былъ убѣжденъ въ необходимости полной свободы въ любви, а потому, что я былъ человѣкъ-тряпка, потому что я не могъ сдѣлать рѣшительнаго шага и ввести въ этотъ домъ, заставить сестеръ любить и уважать женщину, прижившую со мной дѣтей, я не могъ сказать сестрамъ, что если онѣ любятъ меня, то онѣ должны радоваться моему счастью. Я постоянно оправдывалъ ихъ грубый эгоизмъ, ихъ ложное пониманіе родственной любви, заставляющее выжимать послѣдній сокъ изъ любимаго человѣка для себя, только для себя... И вѣдь оправдывалъ-то я ихъ потому только, что силы бы не хватило на борьбу, на разъясненіе имъ ихъ ложныхъ отношеній ко мнѣ!.. Вотъ и прожилъ подъ опекой весь вѣкъ... а дорогія мнѣ личности едва смѣютъ переступать порогъ моего дома...

Снова послѣдовало мучительное молчаніе. Молодой Обносковъ былъ попрежнему почтителенъ, но холоденъ.

— Это чудное дитя,—почти со слезами продолжалъ больной:—этотъ ребенокъ, сидѣвшій на моей постели, мой сынъ... Только глядя на отношенія къ нему моихъ сестеръ, понялъ я вполнѣ, какъ мало онѣ меня любили. Мнѣ теперь

гадки, мнѣ мучительны ихъ ухаживанія за мной и если бы я всталъ еще съ постели, то я загладилъ бы свою ошибку. Я только теперь окрѣпъ, увидѣлъ истину... Но слишкомъ поздно открылась она, эта истина,—открылась для того, чтобы я покаялся передъ своею совѣстью... Вѣрь мнѣ, это страшное покаяніе... Тебѣ тяжело меня слушать... но ты долженъ выслушать все... Люди страдаютъ за тѣмъ, чтобы другіе могли избѣжать этихъ же страданій... Ты наслѣдникъ моего имѣнія, ты молодъ, ты воспитанъ въ то великое время, когда глупые предразсудки начинаютъ понемногу исчезать, потому я хочу поручить тебѣ заботы о моей семьѣ... Да, о семьѣ; я такъ называлъ ее передъ своею совѣстью и передъ Богомъ, потому что мы честно прошли путь нашей жизни, какъ, можетъ-быть, не прошла его ни одна чета, приносившая ложную клятву передъ алтаремъ Бога.

Алексѣй Алексѣевичъ молчалъ. Умирающій Обносковъ начиналъ все пристальнѣе всматриваться въ холодное, офиціальное, почтительное лицо только-что начинающаго жить Обноскова и, кажется, хотѣлъ прочитать въ душѣ этого человѣка его чувства и тайные помыслы.

— Не оставляй моихъ дѣтей, моей жены,—заговорилъ дядя.—Я не сдѣлалъ духовной, не могъ ее сдѣлать, но ты раздѣли все на ровныя части, не обижай никого.

— Дядюшка, я все сдѣлаю, что̀ отъ меня зависитъ,—промолвилъ молодой Обносковъ.

Больной продолжалъ всматриваться въ его лицо. Калмыцкіе глаза нетерпѣливо начали бѣгать изъ стороны въ сторону и ускользали отъ взглядовъ дяди. Дядя, прожившій всю жизнь страстнымъ мечтателемъ, былъ почти смущенъ тѣмъ, что племянникъ не бросается ему на шею, не выражаетъ горячихъ чувствъ и остается все тѣмъ же холодно-почтительнымъ младшимъ членомъ семьи, выслушивающимъ съ покорностью наставленія старшаго члена семейства, какъ выслушиваетъ студентъ лекцію профессора или чиновникъ соображенія директора.

— Тебѣ понравился мой сынъ?—съ любопытствомъ спросилъ дядя.

— Да, онъ недуренъ,—отвѣчалъ племянникъ.

— Красавецъ, красавецъ!—одушевился больной.—А вѣдь какая душа! А какъ онъ уменъ!.. Ты говорилъ съ нимъ?

— Нѣтъ еще, не удалось.

— Поговори, поговори,—пристально смотрѣлъ на молодого Обноскова больной.—Я тебѣ поручаю его...

— Вамъ нуженъ отдыхъ,—произнесъ Алексѣй Алексѣевичъ и всталъ.

— Ничего, я не усталъ,—отвѣтилъ дядя, тяжело дыша, и вдругъ перемѣнилъ разговоръ.—А ты какъ думаешь устроить свою судьбу?.. Женишься на Кружовой?

— Да, я думаю...

— Что жъ, ты будешь счастливъ. Она хорошая дѣвушка.. Дай Богъ, чтобы она была счастлива...

Молодой Обносковъ пожалъ руку дяди и вышелъ изъ комнаты. Больной въ утомленіи перевернулся на спину. Въ его лицѣ были слѣды изнеможенія и отчаянія. Теперь его грызла мысль о томъ, что онъ не долженъ былъ объясняться съ племянникомъ, теперь онъ дорого бы далъ, чтобы этого разговора не существовало. Тысячу разъ въ жизни мучился этотъ человѣкъ, желая и не рѣшаясь высказать свои чувства и мысли, еще чаще рѣшался онъ, послѣ мучительныхъ усилій надъ собой, высказывать желанное и терзался, черезъ минуту послѣ откровеннаго признанія, за то, что сдѣлалъ это признаніе. Всѣ люди казались ему ангелами, покуда онъ не сходился съ ними, но какъ только онъ узнавалъ ихъ поближе, такъ тотчасъ же наступало разочарованіе и охлажденіе. Теперь разочарованіе было еще сильнѣе. Въ теченіе послѣдняго времени больной только о томъ и мечталъ, что кроткій, почтительный и скромный племянникъ вернется изъ-за границы, встрѣтитъ съ распростертыми объятіями дядю, приласкаетъ встрѣченнаго въ домѣ дяди мальчика, потомъ услышитъ исповѣдь дяди и бросится съ горячими поцѣлуями къ юношѣ, узнавъ, что этотъ юноша любимое дитя дяди-благодѣтеля. И всѣ эти мечты обманулись! И упрекнуть даже нельзя было племянника за какое-нибудь чувство, неприличное въ молодомъ человѣкѣ, стоящемъ передъ старшимъ родственникомъ. Нѣтъ, нѣтъ, почтительность, скромность, терпѣніе—все это было въ поведеніи племянника.

— А другомъ Пети онъ все-таки не будетъ!—проговорилъ больной.—Вѣдь Петя незаконный сынъ, ну, такъ и тревожиться о немъ было бы незаконно, когда есть законные наслѣдники. Вѣдь воръ, укравшій съ голода, можетъ быть и не негодяй, а просто несчастный человѣкъ, но онъ воръ—его и жалѣть не слѣдуетъ. Тутъ жалость незаконна, такъ какъ ее всю нужно отдать на долю того, кто обокраденъ воромъ... Женщина была моимъ единственнымъ вѣрнымъ другомъ, но она мнѣ не жена,—какое же имъ до нея

дѣло? Въ ихъ глазахъ это просто развратница—признать за нею всѣ права жены—незаконно; это можно бы сдѣлать изъ любви ко мнѣ, но приличія и законы выше всего... Они правы, правы, тысячу разъ правы!.. Вѣдь это только мы, всѣ *наши* были теоретиками и мечтателями, а они всегда будутъ практиками... Какъ я ихъ ненавижу... Я радъ бы имъ отомстить.

Больной волновался. Въ эту минуту дверь въ его комнату тихо пріотворилась; онъ торопливо закрылъ глаза и притворился спящимъ, зная, что это вошла одна изъ сестеръ, и не имѣя силы и смѣлости выгнать отъ себя одно изъ тѣхъ существъ, которымъ онъ за минуту передъ тѣмъ хотѣлъ отомстить за мученія всей жизни, глупо прожитой, глупо кончавшейся...

— Ну, какъ ты его нашелъ, Леня?—заботливо разспрашивали между тѣмъ родственницы у племянника о больномъ.

— Плохъ онъ, заговаривается порой,—отвѣтилъ племянникъ.—Но проживетъ еще.

— Знаешь, Леня, мы вотъ здѣсь все о тебѣ толковали,—озабоченно заговорила мать:—женился бы ты прежде его смерти. А то, спаси Господи, помретъ онъ, тогда неловко будетъ послѣ похоронъ сейчасъ за свадьбу приниматься.

— Такъ-то такъ,—задумчиво отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ:—но не знаю, успѣю ли я обдѣлать всѣ мои дѣла... Впрочемъ, я подумаю...

— Подумай, голубчикъ, подумай! Это и для здоровья твоего надо,—разсуждала мать и сообщила родственницамъ, что Ленѣ еще за границей говорилъ докторъ, что ему для здоровья нужно жениться, что онъ будетъ крѣпче, когда женится.

Обносковъ взялся за шляпу и уѣхалъ по какому-то дѣлу, обѣщаясь пріѣхать ночевать въ домъ дяди. Мать же и тетки остались бесѣдовать между собою.

Въ домѣ больного въ послѣднее время были совершенные праздники, въ немъ никто ничего не дѣлалъ, постоянно гостила тутъ Марья Ивановна Обноскова, каждый день пріѣзжали сюда разные дальніе родственники и знакомые, никогда не посѣщавшіе дома въ другія времена; почти не сходилъ со стола кофейникъ, а если и сходилъ, то только для того, чтобы уступить мѣсто самовару. Но страннѣе всего было то, что общество, находившееся теперь въ квартирѣ Евграфа Александровича, приняло какой-то мѣ-

шанскій характеръ. Въ былые дни, сюда являлись сослуживцы хозяина и его старые друзья по университету, люди извѣстные, важные, къ которымъ никогда не выходили сестры хозяина. Тутъ шли рѣчи о политикѣ, о дѣлахъ акціонерныхъ компаній, о реформахъ, о литературѣ. Теперь блестящія залы наполнялись какими-то вдовами-капитаншами, какими-то престарѣлыми дѣвами, благословляющими благотворительницъ. Теперь тутъ шли разсказы о чудесахъ и видѣніяхъ какого-то Алексѣя Колокольчикова, о томъ, что Наполеонъ снова явился и опять на Россію идетъ, о томъ, что къ братцу даже *сами* генералы, какъ друзья, ѣздятъ, и чаще всего, почти незамѣтно, эти разговоры сводились къ разсказамъ о скандалахъ, исторіяхъ и сценахъ, происшедшихъ въ домахъ какихъ-то Постниковыхъ, Лукошкиныхъ, Анучиныхъ и другихъ тому подобныхъ личностей, невѣдомыхъ міру, а, можетъ-быть, и самимъ разговаривающимъ..

Слушая всѣ эти разговоры, трудно было повѣрить, что обѣ хозяйки дома были когда-то въ институтахъ, правда не кончили тамъ ученья, но все-таки были. Все, что могъ принять институтъ, сгладилось, стерлось среди домашнихъ заботъ и соображеній о намѣреніяхъ братца, о поступкахъ дальнихъ родственницъ, о склонности прислуги къ воровству, о плутовствѣ лавочниковъ и тому подобныхъ предметахъ. При «братцѣ» объ этихъ предметахъ нельзя было говорить; при «братцѣ» нужно было иногда книжку въ рукахъ держать, въ театръ ѣздить; при «братцѣ» сестры дѣлали томные глазки, говорили о прочитанныхъ чуть ли не въ институтѣ французскихъ романахъ, полагая, что это *благородный разговоръ*,—но теперь можно было сбросить тяжелый, узкій корсетъ европейскаго издѣлія и надѣть широкій балахонъ домашней выдѣлки. Много нужно усилій, чтобы втащить человѣка на вершину горы, и совершенно не нужно труда, чтобы онъ скатился съ нея и увязъ снова въ грязной тинѣ стараго, родного болота...

V.

Ex-профессоръ Крякоцъ, дальній родственникъ Обносковыхъ.

Женитьба Алексѣя Алексѣевича Обносков на дочери Крякоцъ должна была состояться черезъ нѣсколько дней. Это было уже въ самый разгаръ лѣта. Свадьбой торопились именно потому, что Евграфу Александровичу Богъ не давалъ «ни смерти, ни живота», какъ выражалась Марья Ни-

новна. А она болѣе всего хлопотала о бракосочетаніи сына съ дѣвицей Кряжовой, «такъ какъ Кряжовъ былъ человѣкъ достаточный и со связями, такъ какъ его дочь была красавица и не модница, такъ какъ Ленѣ давно уже надо жениться, что говорилъ, какъ мы знаемъ, даже и докторъ, лѣчившій Леню». Всѣ эти причины заставляли Марью Ивановну напоминать сыну о Кряжовыхъ передъ отходомъ ко сну, заговаривать съ нимъ о нихъ послѣ возстанія отъ сна и тянуть эту пѣсню изо-дня въ-день при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ и даже безъ всякихъ случаевъ. Это было какое-то заботливое подтачиванье любимаго существа съ припѣвомъ:

— Не упускай, голубчикъ, своего счастья:

Отвѣтъ слышался одинъ и тотъ же:

— Ахъ, маменька, да я и самъ хлопочу объ этомъ!

Выгодность партіи была ясно видна уже изъ того, что Марья Ивановна поступала теперь совершенно противъ своихъ правилъ. Въ былые дни Ленѣ довольно было ласково взглянуть на какую-нибудь дѣвушку или похвалить ее, чтобы Марья Ивановна начала топтать въ грязь, порочить и поносить это существо, и если все это не помогало и Леня продолжалъ, хотя просто изъ настойчивости, хвалить невинное созданье, то мать начинала дѣлать сцены этому невинному созданію, рыдать и жаловаться передъ Леней, что онъ ее «мѣняетъ на какую-то дѣвчонку, на негодницу, на шлюху, которая всѣмъ мужчинамъ на шею вѣшается, у которой стыда-то нѣтъ въ глазахъ» и проч., и проч. Со своимъ ни въ чемъ неповиннымъ врагомъ Марья Ивановна церемонилась еще меньше. Обыкновенно продолжались эти сцены и рыданія до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не начинала избѣгать встрѣчъ съ вѣрнымъ сыномъ любящей матери. Теперь было не то,—значитъ, Кряжовы были люди, во всѣхъ отношеніяхъ достойные принять въ свой кругъ Леню. Вѣроятно, и онъ былъ достоинъ ихъ, хотя объ этомъ, какъ водится, не могло быть и рѣчи у Марьи Ивановны и вообще въ семьѣ жениха.

Ех-профессоръ Кряжовъ, членъ и корреспондентъ разныхъ академій и ученыхъ «Обществъ» Европы, приходился сродни Обносковымъ—правда, онъ былъ имъ *дальнимъ* родственникомъ, но все-таки родственникомъ. Это былъ колоссальный, широкій въ кости, надѣленный желѣзнымъ здоровьемъ человѣкъ, съ огромной, немного обрюзгшей львиной головой, украшенной длинными, волнистыми, сѣдыми воло-

сами съ свинцовымъ отливомъ. Изъ-подъ его густыхъ бровей добродушно смотрѣли ввалившіеся голубовато-сѣрые глаза, иногда сверкавшіе какимъ-то веселымъ, плутоватымъ выраженіемъ, намекавшимъ не на то, что ихъ обладатель можетъ обмануть кого-нибудь, а скорѣе на то, что его надуваютъ всѣ, да онъ-то смѣется надъ плутнями людей и остается спокойнымъ, тогда какъ они, жалкіе людишки, копошатся, составляютъ разные злостные планы, ночей не спятъ, завязывая узелъ интриги, и все изъ-за того, чтобы, послѣ всѣхъ своихъ усилій и трудовъ, встрѣтить тѣ же спокойныя черты лица и тѣ же безмятежные, немного насмѣшливые глаза стараго льва. Эти глаза какъ будто говорили:

— Ну, чего вы интригуете? чего бьетесь головой объ стѣну? вѣдь вы только свое здоровье портите, а меня вамъ не смутить.

Голова престарѣлаго льва поддерживалась массивной шеей бронзоваго цвѣта, постоянно открытой, и въ холодъ, и въ жаръ, и почти нестѣсняемой широкимъ откиднымъ воротникомъ ненакрахмаленной рубашки. Воротникъ едва сдерживался небрежно повязанной черной косынкой. Разстегивать пуговицу у воротника рубашки вошло въ привычку у экс-профессора, такъ что очень часто, сидя въ многочисленномъ собраніи серьезныхъ и важныхъ ученыхъ и увлекаясь оживленнымъ споромъ, онъ машинально подносилъ руку къ воротнику, разстегивалъ пуговицу и старался ослабить обвивавшій его шею галстукъ. Казалось, его душило всякое малѣйшее стѣсненіе и, вѣроятно, потому-то онъ уединился въ свой домъ отъ людей, устроилъ себѣ какое-то независимое государство и хладнокровно смотрѣлъ на все, какъ хорошее, такъ и дурное, что происходило за стѣнами его владѣній.

Въ давно, очень давно былые годы Кряжонъ былъ такимъ выносливымъ и беззаботнымъ голякомъ, какіе очень часто встрѣчаются среди безсемейной молодежи. Онъ откровенно и честно высказывалъ тѣ смѣлыя идеи, которыя зарождаются во всѣ вѣка въ молодыхъ, еще не отупѣвшихъ головахъ, за что считался опаснымъ вольтерьянцемъ, — въ тѣ времена эта кличка значила то же, что теперь значитъ кличка нигилистъ, хотя это обстоятельство и не мѣшаетъ старымъ вольтерьянцамъ ругать нигилистовъ. Кряжонъ страстно увлекался женщинами и, обманутый ими, съ свойственнымъ ему юморомъ, смѣялся надъ тѣмъ, какъ его ловко провели за носъ, и безпечно утѣшался въ измѣнѣ, — за что

его звали безсовѣстнымъ, безсердечнымъ волокитой. Онъ любилъ иногда попировать, выпить брудершафтъ и стяжалъ этимъ названіе кутилы. Онъ и съ мужикомъ, и со студентомъ толковалъ о ихъ нуждахъ ихъ языкомъ, какъ съ равными себѣ, потому что самъ происходилъ изъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, недалеко ушедшихъ отъ мужиковъ, и рано увидавъ, что люди обманываютъ другъ друга на каждомъ шагу, понявъ, что не обманываетъ только одна наука, предался ей сполна и не имѣлъ времени задумываться ни надъ людскимъ костюмомъ, ни надъ сословными раздѣленіями,—это доставило ему репутацію... чудака. Можетъ-быть, онъ и дѣйствительно былъ отчасти чудакомъ. По крайней мѣрѣ, ему какъ-то удалось начудить такимъ образомъ, что въ его филологическихъ лекціяхъ, трактовавшихъ о происхожденіи различныхъ словъ, были усмотрѣны слѣды опаснаго свободомыслія и даже атеизма, за что на него покосились гдѣ-то наверху и «попросили» его быть осторожнѣе, а онъ, не думавшій никогда либеральничать и отрицать что бы то ни было, уперся, написалъ пространную «записку» о необходимости свободы въ преподаваніи, заявилъ, что онъ никогда не отречется отъ своихъ взглядовъ и подалъ въ отставку, какъ будто ему дѣйствительно приходилось поступиться въ этомъ случаѣ какими-нибудь завѣтными убѣжденіями, а не случайно проскользнувшими фразами. Выйдя въ отставку, онъ продолжалъ заниматься своими изысканіями о происхожденіи тѣхъ или другихъ словъ того или другого языка, задумывался надъ объясненіемъ того или другого памятника древности и только тогда въ первый разъ вспомнилъ, что эти занятія ведутъ не только къ уясненію истины, но и къ знакамъ отличія, когда черезъ долгіе годы опалы о немъ вдругъ кто-то вспомнилъ тамъ наверху, далъ ему мѣсто и выхлопоталъ ему орденъ. Это было въ то живое время, когда давались ордена и мѣста всѣмъ обрѣтавшимся не въ авантажѣ въ теченіе предшествовавшихъ тридцати лѣтъ.

Кряжовъ надѣлъ орденъ на свой стереотипный, долгополый и широкій сюртукъ, подошелъ къ зеркалу и, улыбнувшись дѣтски-самодовольной улыбкой, какъ-то недовѣрчиво покачалъ головой. Вечеромъ онъ совершенно забылъ объ орденѣ и удивился, когда во время его занятій что-то хрустнуло у него на груди, прижатой къ столу. Ex-профессоръ озабоченно почесалъ въ затылкѣ и заходилъ по комнатѣ съ разстроеннымъ видомъ, поминутно растягивая шейную ко-

спину; казалось, ему попалась подъ руку какая-то древняя рукопись, написанная на безслѣдно-исчезнувшемъ языкѣ. Черезъ полчаса онъ, какъ-то сконфуженно оглядываясь, снялъ съ сюртука сломанный орденъ, поспѣшно спряталъ его въ столъ, вздохнулъ и, снова садясь за рабочій столъ, проговорилъ, махнувъ рукою:

— Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!

— Папа, а орденъ-то твой гдѣ?—спросила его молоденькая дочь, когда онъ пришелъ въ столовую отдыхать и пить пиво.

— Въ столѣ, маточка, въ столѣ!—серьезно проговорилъ ех-профессоръ и заходилъ по комнатѣ въ замѣтномъ волненіи.—Знаешь, съ такими вещами шутить не должно!.. Это доказательство, что мы не даромъ гнули спину весь вѣкъ, что наши труды признаны людьми; признаны даже тамъ... наверху... Да, даже они,—неопредѣленно замѣтилъ Кряжовъ, указавъ куда-то въ сторону:—знаютъ и помнятъ о насъ!.. Ты это пойми... Нѣтъ, нѣтъ, такіи вещи беречь нужно. Я привыкъ къ разгильдяйству, къ неряшеству, мнѣ только бы въ халатѣ ходить, мнѣ не слѣдуетъ унижать подобной святыни, таская ее на своемъ затрапезномъ балахонѣ... А вѣдь это святыня, святыня; ты сама видѣла... А?

По мѣрѣ того, какъ ех-профессоръ увлекался этою рѣчью, лицо его дѣлалось все пасмурнѣе и озабоченнѣе; онъ тревожно потиралъ себѣ лобъ, поправлялъ галстукъ, точно ему представлялся фактъ, котораго онъ никакъ не могъ объяснить. Дочери стало тяжело видѣть это постоянно веселое и безмятежное лицо въ такой тревогѣ.

— Ну, брось, папочка, этотъ разговоръ, — приласкалась она къ нему, гладя его волосы.—Вотъ тебѣ пиво.

— Да, да, голубка, бросимъ этотъ разговоръ, не нужно объ этомъ говорить. И что намъ въ этихъ разговорахъ! Ну, сама посуди, что намъ въ нихъ? — вздохнулъ широкимъ вздохомъ ех-профессоръ. — Будемъ пить пиво и да царствуетъ наше семейное затишье!

Профессоръ поцѣловалъ худенькую руку балованной дочери, взялъ кружку пива и угнѣздился въ широкомъ покойномъ креслѣ посрединѣ комнаты, обратясь лицомъ къ пылавшему камину. На полу у камина усѣлась его молоденькая дочь со шитьями въ рукахъ; у ея ногъ помѣстился полулежа мальчикъ, почти такихъ же лѣтъ, какъ она; онъ положилъ ей на колѣни книгу и, при свѣтѣ горящихъ въ каминѣ дровъ и лампы съ матовымъ шаромъ, сталъ читать

вслухъ французскій переводъ Донъ-Кихота. Профессоръ задумчиво слушалъ чтеніе своей любимой книги, и снова, въ тысячный разъ, вызывали на его лицо полугрустную, полунасмѣшливую улыбку похожденія честнаго добряка, покидающаго свой мирный уголъ для поисковъ за какими-то невѣдомыми подвигами, битвами и почестями.

Много различныхъ дипломовъ на разныя почетныя званія, много знаковъ отличія получалось съ этого памятнаго дня ex-профессоромъ. Онъ былъ теперь въ модѣ, въ ходу. Въ самостоятельной, независимой и свободомыслящей республикѣ науки стали теперь безъ боязни признавать ученыя заслуги Кряжова, когда увидали, что съ него снята опала и что его снова жалуютъ наверху и даже тщетно приглашаютъ читать лекціи какой-то особѣ. Но всѣ дипломы, всѣ медали прятались Кряжовымъ въ завѣтный ящикъ стола и погребались тамъ на долгіе-долгіе дни. Попрежнему спокойно сидѣлъ облѣнившійся труженикъ по цѣлымъ днямъ дома, заставленный, какъ перегородками или щитами, грудами старыхъ книгъ, заслонивъ слабые глаза одною рукою, приложенной ко лбу въ видѣ зонтика. Попрежнему скупалъ онъ древнія венци, начиная съ какого-нибудь почернѣвшаго шкапа и кончая замасленной рукописью; аккуратно ходилъ онъ на толкучій къ знакомому букинисту отрывать подходящія старыя брошюры; просиживалъ въ лавочкѣ два-три часа, потягивая принесенное собственно для него пиво и перекидываясь разговорами о житейскихъ новостяхъ со старымъ, похожимъ на распухнувшую древнюю книгу мѣщаниномъ-хозяиномъ запыленной лавочки книжнаго старья. Попрежнему по субботамъ заходилъ къ Кряжову во время его занятій такой же старый профессоръ и академикъ, художникъ Трегубовъ, и Кряжовъ, не поворачивая головы, не отнимая руки отъ глазъ, ласковымъ, пѣвучимъ голосомъ говорилъ ему:

— А, это ты, Абрамъ Семеновичъ, пришелъ!

— Я голубчикъ, Аркадій Васильевичъ,—отвѣчалъ точно такъ же нараспѣвъ Трегубовъ.

— Ну, спасибо, что завернулъ!

— Да гулялъ, знаешь, шелъ мимо, думаю: дай, молъ, погляжу я, что-то подѣлываетъ мой Аркадій Васильевичъ,— ну, и зашелъ.

Затѣмъ Трегубовъ садился въ древнія вольтеровскія кресла съ громадной почернѣвшей спинкой, бралъ газету или книгу и начиналъ читать. Минуты проходили за минутами,

въ комнатѣ царила невозмутимая тишина, изрѣдка едва слышно нарушаемая шелестомъ переворачиваемыхъ листовъ, еще рѣже смущаемая отрывистыми фразами собесѣдниковъ о томъ, что «погода-то того, портится», или «что вѣдь въ Германіи-то опять новый съѣздъ ученыхъ готовится».

— Да, братъ, облѣнились мы съ тобой, ухъ, какъ облѣнились!—замѣчалъ при этомъ Кряжовъ.—Вотъ вѣдь съѣздить бы надо туда, а подняться лѣнь, къ мѣсту приросли... Помяни ты мое слово, пришибетъ насъ когда-нибудь кондрашка!..

— Ну, нѣтъ, голубчикъ, Аркадій Васильевичъ, ты этого не говори,—возражалъ Трегубовъ:—я подумываю на будущій-то годъ непремѣнно въ Германію махнуть и ужъ поѣду, какъ Богъ святъ, поѣду!

— О-о?—бросалъ Кряжовъ удивленный взглядъ на пріятеля.—Ну что-жъ, съ Богомъ, съ Богомъ... А вѣдь знаешь ли что? и я посмотрю, посмотрю, да и махну съ тобой туда... Отчего же бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ и не ѣхать? А? Ну, самъ посуди, отчего не ѣхать?

— Вотъ то-то и есть, Аркадій Васильевичъ, что и я не вижу никакой причины, по которой тебѣ нельзя бы было ѣхать; рѣшительно не вижу такой причины, — глубокомысленно замѣчалъ Трегубовъ, разводя руками.

Потомъ снова наступало молчаніе между будущими путешественниками. Наконецъ, проходило три четверти часа; тогда, почти изъ минуты въ минуту угадывая время, поднимался Трегубовъ, тщательно складывалъ газету, аккуратно клалъ ее на старое мѣсто и прощался:

— Ну, я пойду теперь, милый мой Аркадій Васильевичъ.

— Христосъ съ тобой, голубчикъ, Абрамъ Семеновичъ. Не забывай меня, заверни, если случай такой выдастся.

— Нѣтъ, какъ можно; вотъ мимо придется когда-нибудь идти, такъ и заверну,—заканчивалъ Трегубовъ, тихо выходя отъ Кряжова и постукивая палкой.

Ни тому, ни другому, повидимому, не приходило въ голову, что и безъ обѣщаній прогулка Трегубова должна повторяться, изъ года въ годъ, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю для поддержанія его здоровья, что и безъ просьбы придется ему отдохнуть только у Кряжова, послѣдняго и единственнаго его друга и сверстника, что и Кряжовъ, постоянно ведущій сидячую жизнь, не видящій въ теченіе недѣли почти никакого живого лица кромѣ дочери и своего воспитанника, не обошелся бы и трехъ недѣль безъ этого

посѣщенія. Такъ шли многіе годы для двухъ профессоровъ-друзей, постоянно сидѣвшихъ сиднемъ въ своихъ кабинетахъ и рѣшавшихся на слѣдующій годъ совершить далекое путешествіе.

Кромѣ этой, такъ-сказать, внѣшней стороны, была у Кряжова и другая сторона въ жизни. Онъ былъ не только ex-профессоромъ, но и отцомъ. Женился онъ сорока слишкомъ лѣтъ на молоденькой нѣмочкѣ — гувернанткѣ, жившей въ томъ же домѣ, гдѣ онъ былъ гувернеромъ. Рѣшился онъ на этотъ шагъ только потому, что ему вдругъ досталось довольно большое наслѣдство, а значитъ и представилась необходимость завестись своимъ хозяйствомъ. Такъ какъ ходить далеко за невѣстой было не въ характерѣ тяжелаго на подъемъ человѣка и такъ какъ нѣмочка была кротка, несчастна и находилась подъ рукой, то Кряжовъ и повѣнчался безъ всякихъ отлагательствъ и лишнихъ переговоровъ съ нею. Она, съ своей стороны, пошла за него потому, что считала его великимъ человѣкомъ. Богъ знаетъ, былъ ли онъ великимъ человѣкомъ, но добродушнымъ человѣкомъ онъ былъ дѣйствительно, и мечтательница-нѣмочка была счастлива, что, однако, не помѣшало ей черезъ три года умереть, столкнувшись впервые съ дѣйствительными, совсѣмъ прозаическими послѣдствіями супружеской жизни—съ первымъ ребенкомъ.

Кряжовъ возился, какъ умѣлъ, съ малюткой-дочерью. Въ это время онъ жилъ уже богато въ собственномъ домѣ и имѣлъ довольно прислуги для ухода за дѣвочкой. Впрочемъ, это не мѣшало ему самому вмѣшиваться во все, что касалось ребенка, и даже можно было замѣтить, что онъ имѣетъ сильное поползновеніе научить кормилицу, какъ нужно кормить дѣтей грудью. Конечно, эти поползновенія не могли имѣть никакихъ послѣдствій, такъ какъ вообще вся прислуга Кряжова хотя и любила его, но смотрѣла на него съ какимъ-то высокомѣрнымъ снисхожденіемъ, какъ смотрятъ на капризничающаго шалуна-мальчугана. Въ своемъ кругу прислуга отзывалась съ неуваженіемъ даже о занятіяхъ ex-профессора и говорила постороннимъ:

— Э, *нашъ*-то вѣдь только цѣлый день книжки читаетъ! У него и дѣла-то другого нѣтъ!

Въ этихъ словахъ слышалось глубочайшее презрѣніе къ ученымъ трудамъ ex-профессора; еще съ бо́льшимъ неуваженіемъ отзывались *люди* объ его образѣ жизни:

— Да развѣ этакъ господа-то живутъ?—восклицали они.—

Разнѣ это порядокъ цѣлый вѣкъ взаперти сидѣть? И какое это хвощйство! Ни до чего ему дѣла нѣтъ... Накупитъ разной рухляди, обтрепанныхъ книжонокъ натащитъ, и тронуть не смѣй... Вотъ и теперь корзина съ хламомъ въ кабинетѣ стоитъ... А это развѣ порядокъ корзины въ кабинетъ ставить?.. Прибрать ничего не даетъ, такъ у него и пыли не сметай... Ужъ потонетъ онъ въ ней когда-нибудь, прости Господи!..

Съ трехъ лѣтъ, дочь уже воспользовалась правомъ по цѣлымъ часамъ сидѣть на колѣняхъ отца во время его ученыхъ занятій. Кряжовъ былъ такъ силенъ, а ребенокъ такъ малъ, что отецъ иногда забывалъ о присутствіи живого существа на его широкихъ колѣняхъ, точно тамъ лежала просто какая-то еще ненужная для его изысканій книга. Потомъ отецъ сдѣлался учителемъ своей шестилѣтней дочери и въ часы отдохновенія, въ убранной по-старинному столовой, училъ дѣвочку, потягивая пиво, при свѣтѣ пылавшихъ въ каминѣ дровъ. Иногда среди занятій ребенку вдругъ приходила въ голову какая-нибудь странная, блажная фантазія.

— А вѣдь я тебѣ, папка, волосы взъерошу!—обращалась она къ отцу совершенно неожиданно и безъ всякихъ видимыхъ причинъ къ появленію подобнаго желанія.

— Ну, взъерошь!—хладнокровно улыбался отецъ, и дѣтскіе пальчики уже путали сѣдые волосы отца.

Въ комнатѣ раздавался веселый хохотъ старика и ребенка.

Если являлись посторонніе люди, то малютка сначала смотрѣла на нихъ тайкомъ, съ какимъ-то напряженнымъ любопытствомъ, стараясь не обратить ихъ вниманія на себя, потомъ, разсмотрѣвъ подробно гостя, она начинала кигрывать съ нимъ, кружилась по комнатѣ, подобно дикаркѣ съ какихъ-нибудь австралійскихъ острововъ, наконецъ подходила къ гостю, дергала его и очень рѣшительно замѣчала:

— А вѣдь ты, Тлегубовъ, какъ я замѣчаю!

Вѣроятно такое заключеніе являлось вслѣдствіе того, что она только и знала эту фамилію. Подобныя дѣтскія выходки восхищали Кряжова, и ему не приходило въ голову, что дѣтскій умъ развивается какъ-то ненормально. Но черезъ нѣсколько времени, отецъ сталъ замѣчать, что дѣвочка грустить, худѣетъ и становится все болѣе и болѣе странною, все сильнѣе и сильнѣе походить на австралійскую дикарку; онъ началъ волноваться не на шутку.

— Что съ тобой, голубчикъ, Аркадій Васильевичъ?— заботливо спрашивалъ Трегубовъ.—Ты на себя не похожъ становишься!

— Ребенка не могу найти!—развелъ руками въ стороны Кряжовъ и даже раскланялся, должно быть для того, чтобы Трегубовъ сильнѣе прочувствовалъ всю важность этого событія.

— Господи!—ужаснулся Трегубовъ. — Что же нянька-то глядѣла?.. А? Вотъ вѣдь давно я замѣчалъ, давно замѣчалъ, что вѣтеръ у нея въ головѣ ходитъ, только не говорилъ... Ахъ, ты, Господи!.. И куда же это она дѣвалась?..

— Не то, не то! — перебилъ Кряжовъ. — Груня, слава Богу, дома... Ты меня, Абрамъ Семеновичъ, не понялъ... Мнѣ еще нужно ребенка.

Трегубовъ хлопнулъ себя въ изумленіи по колѣнямъ, покачалъ головою и потомъ глубокомысленно закусилъ два пальца правой руки, въ знакъ сильнаго раздумья.

— Ну, какъ ты это сдѣлаешь, ужъ я и ума не приложу,— развелъ онъ черезъ нѣсколько минутъ руками.

Въ одинъ прекрасный день Кряжовъ повеселѣлъ и лукаво подмигивалъ, встрѣчая Трегубова.

— А ребенка-то я нашелъ, ей-Богу нашелъ! — говорилъ онъ и показалъ другу новый, очень невзрачный экземпляръ человѣческаго существа, уже умѣвшій говорить: «Ахъ ты чольтъ, мазуликъ плоклятый».

Это былъ черномазенькій мальчуганъ съ вздернутымъ носомъ, немного приплюснутымъ лбомъ и сердитыми глазенками. Мальчикъ былъ сирота, сынъ чиновника; его отыскалъ Кряжовъ гдѣ-то въ грязи, въ людской и боялся, что ребенка не отдадутъ ему, но оказалось, что не только этого ребенка рады были отдать люди, но предлагали Кряжову еще нѣсколькихъ такихъ же безродныхъ сиротъ.

— Эхъ, братъ, Абрамъ Семеновичъ, видно, самый дешевый товаръ безродныя дѣти, — говорилъ Кряжовъ своему другу. — Даромъ стараго каталога не дадутъ, а тутъ еще кланяются, чтобъ человѣкъ только взялъ ребенка. Не угодно ли, говорятъ, мы вамъ вотъ еще двухъ принесемъ, такъ тѣ будутъ получше... Ишь ты, получше!...

VI.

Дочь и воспитанникъ Кряжова.

Маленькій Павлуша Панютинъ сдѣлался любимцемъ Кряжова и его дочери, немного повеселѣвшей въ обществѣ но-

вого товарища. Теперь все пошло отлично. Маленькое государство, гдѣ Кряжовъ былъ скорѣе послѣднимъ подданнымъ, чѣмъ президентомъ, благоденствовало. Груня и Паня росли вмѣстѣ, горячо любили другъ друга и прилежно, хотя и не бойко учились. Росли дѣти совершенно одиноко. Кряжовъ, погруженный въ свои работы, даже и не замѣчалъ, что прислуга ненавидитъ лишнюю обузу-пріемыша, что гувернантка совсѣмъ не занимается дѣтьми и читаетъ романы, оставляя воспитанниковъ безъ присмотра. Характеры дѣтей слагались какъ-то странно: Груня — божество прислуги — была задумчива, слаба и пуглива; Паня—идолъ прислуги— былъ мраченъ, горячъ и мстителенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ гувернантку отпустили. Паня поступилъ на казенный счетъ въ гимназію, а къ Грунѣ стало ходить еще больше учительницъ и учителей. Особенно мягкимъ и добрымъ учителемъ оказался одинъ студентъ, дальній родственникъ Кряжова. Онъ былъ такой робкій, почтительный и прилежный, что скоро сдѣлался пріятелемъ не только самого добродушнаго Кряжова, но даже и пугливой, несообщительной Груни. Зато съ первой же минуты знакомства Паня взглянулъ на этого учителя, какъ на врага. Съ свойственною ему мрачною злобою слѣдилъ онъ за учителемъ и обличалъ его передъ Груней. Между дѣтьми возникали горячіе споры и даже ссоры изъ-за этого учителя. Не меньшею ненавистью отплачивалъ мальчику и наставникъ. Онъ былъ не кто другой, какъ нашъ знакомецъ, Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ.

По цѣлымъ часамъ готовъ онъ былъ слушать разсужденія Кряжова о новыхъ изслѣдованіяхъ и очень часто самъ просилъ совѣтовъ старика по разнымъ ученымъ вопросамъ, какъ когда-то просилъ онъ у латинскаго учителя совѣтовъ насчетъ выбора книгъ для чтенія. Черезъ три года послѣ своего вступленія наставникомъ въ домъ Кряжова, Обносковъ былъ уже своимъ человѣкомъ въ этомъ домѣ.

Оставаясь послѣ уроковъ у Кряжова, Обносковъ бесѣдовалъ съ хозяиномъ о различныхъ предметахъ, волновавшихъ въ то время общество. А это была та кипучая пора, когда поднимались новые вопросы, и ежедневно появлялись статьи, говорившія на всѣ лады о томъ, кому нужно дать новыя права и кому не нужно, кого надо сѣчь и кого не надо. Эти разговоры послужили новою причиною для Павла Панютина ненавидѣть Обноскова. Обносковъ это замѣчалъ и искалъ случая дать генеральное сраженіе врагу.

Однажды передъ своимъ отъѣздомъ за границу, Обносковъ говорилъ объ этихъ же животрепещущихъ вопросахъ съ Кряжовымъ. Разговоръ коснулся розогъ.

— Давно пора было возбудить эти толки о розгахъ, — говорилъ Кряжовъ.—Я никогда не оправдывалъ жестокаго обращенія съ дѣтьми. Учителя не должны быть палачами.

— Но строгость, Аркадій Васильевичъ, нужна, — замѣтилъ Обносковъ скромнымъ тономъ.

— Ну, конечно, конечно! Безъ строгости нельзя,—согласился Кряжовъ, лаская дочь, присѣвшую на ручку отцовскаго кресла.

— Мнѣ кажется, наши доморощенные гуманисты придаютъ значенію розогъ не тотъ смыслъ, какой онѣ имѣютъ на самомъ дѣлѣ,—продолжалъ Обносковъ осторожно проводить свою мысль.—Эти крикуны съ одной стороны видятъ что-то позорящее въ розгѣ и съ другой предполагаютъ въ ребенкѣ такой развитый умъ, который можно наставить на путь истины убѣжденіями. Это двойная ошибка. Никто изъ насъ не былъ опозоренъ тѣмъ, что его сѣкли въ дѣтствѣ, и почти никто не можетъ похвалиться, что онъ ребенкомъ сознавалъ необходимость хорошихъ поступковъ. Иногда онъ только изъ страха передъ наказаніемъ и не дѣлался негодяемъ.

— А ужъ и пороли же нашего брата,—добродушно засмѣялся Кряжовъ, вспоминая свое собственное дѣтство.—Меня инспекторъ не любилъ,—я вѣдь былъ первымъ головорѣзомъ,—такъ онъ, бывало, какъ придетъ суббота, такъ и зоветъ меня, раба Божія,—ну, я ужъ и знаю, бывало, что порка будетъ... И что же это былъ за звѣрь-человѣкъ. Небо, бывало, съ овчинку покажется... Онъ меня во едину отъ субботъ такъ выпоролъ, что я и изъ школы бѣжалъ...

— Ну, такіе звѣри теперь немыслимы; это просто ненужная тиранія,—заговорилъ снова Обносковъ. — Но вотъ я сейчасъ имѣлъ честь вамъ говорить о нашихъ гуманистахъ,—вернулся онъ къ своей мысли.—Они признаютъ нелѣпымъ дѣйствовать на ребенка физическою болью, требуютъ, чтобы его наставленіями довели до хорошаго поведенія, а между тѣмъ, они же сами признаютъ несостоятельность поученій и хорошихъ примѣровъ, когда дѣло вообще касается исправленія преступниковъ...

— Э, батенька, вы смѣшиваете понятія. — прервалъ его Кряжовъ. — Поученія недостаточны для исправленія преступника, потому что онъ все-таки будетъ преступно дѣй-

ствовать подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, какъ нужда, ежедневные работы, сознаніе неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ. Вмѣсто наставленій нужно или уничтожить эти причины его негодности, или пресѣчь ему путь къ преступленію...

— Ну-съ?

— Ну, а у ребенка нѣтъ этихъ причинъ для преступныхъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, школа старается ихъ устранить. Ребенокъ бываетъ дуренъ больше по привычкѣ, да по неразвитости. Онъ воруетъ не оттого, что у него хлѣба нѣтъ, а потому, что онъ не понимаетъ дурной стороны этого поступка. И лѣнится онъ потому, что не понимаетъ, какъ это вредно для него.

— Позвольте, Аркадій Васильевичъ, сдѣлать вамъ возраженіе,—почтительно перебилъ Обносковъ.—Вы, смѣю васъ увѣрить, ошибаетесь. Ребенокъ именно потому поступаетъ дурно, что его принуждаютъ къ этому окружающія его обстоятельства, такъ же, какъ и всякаго взрослаго преступника. Совершенно устранить ихъ нѣтъ никакой возможности, и еще менѣе есть возможность устранить ихъ вдругъ, потому-то наставленія, хорошіе примѣры, ласки, все то, что проповѣдуютъ гуманисты, просто чепуха и пустяки. Соловья баснями не кормятъ. Тутъ нужно прибѣгнуть къ устрашающимъ мѣрамъ. Да!.. Видя, что его богатый товарищъ лакомится, ребенокъ не захотѣлъ перенести лишенія лакомства,—а вы его накажите, да такъ накажите, чтобы онъ понялъ, что страданье отъ наказанія за проступокъ сильнѣе того страданія, какое онъ испытывалъ, не имѣя лакомства. Ребенокъ видитъ праздныхъ людей и хочетъ тоже ничего не дѣлать, сибаритничать,—а вы накажите его за лѣнь, чтобы онъ сознавъ, что лучше прилежно поработать, чѣмъ за минуту сладкой праздности подвергнуться тяжелому наказанію. Этимъ путемъ только вы и добьетесь чего-нибудь.

— Да вѣдь то скверно, что у насъ наказанія скоро переходятъ въ истязанія,—слабо защищалъ Крижовъ дѣтей, продолжая скучный для него диспутъ.

— А! что касается до жестокости, то я первый ея врагъ,—оживился Обносковъ.—Мѣра вездѣ нужна. Жестокость, несправедливость—это гнусныя крайности...

— Да, да, справедливость—это первое!

— Ну, кто же станетъ противъ этого спорить!..

— Вы сами порете дѣтей или другихъ заставляете ихъ сѣчь, если они виноваты?—неожиданно спросилъ шестна-

дцатилѣтній Панютинъ, стоявшій въ полутьмѣ, за кресломъ Кряжова.

Обносковъ вдругъ вспыхнулъ и бросилъ гнѣвный взглядъ по направленію къ своему нелюбимому ученику. Тотъ почти весь былъ скрытъ высокой спинкой древняго кресла ex-профессора и надъ рѣзьбой спинки виднѣлся одинъ немного приплюснутый лобъ мальчика съ нависшими черными волосами, да сверкали, какъ два горящіе угля, злые черные глаза.

— Какія глупости ты спрашиваешь,—замѣтилъ немного смущенный Кряжовъ.

— Если бы васъ нужно было сѣчь, такъ я самъ бы высѣкъ, — засмѣялся насильственнымъ смѣхомъ Обносковъ, плохо скрывая досаду.

— Ну, и поплатились бы своими боками,— спокойно отвѣтилъ Панютинъ.

Обносковъ позеленѣлъ.

— Ступай вонъ, въ свою комнату иди!—строго проговорилъ Кряжовъ.

Панютинъ пошелъ изъ комнаты, стуча по-мужицки ногами.

— Ишь, другихъ, небось, заставляетъ сѣчь, а самъ не хочетъ, боится, что плюхъ надаютъ, — проговорилъ онъ вполголоса.

Нѣкоторыя изъ этихъ словъ смутно долетѣли до слуха собесѣдниковъ. Однако, ни Кряжовъ, ни Обносковъ не сказали ни слова. Молчаніе было какое-то натянутое.

— Нехорошій у него характеръ,—произнесъ черезъ нѣсколько минутъ Обносковъ.

Груня съ замираніемъ сердца ждала отвѣта отца. Отецъ молчалъ.

— Вы его сильно балуете, съ нимъ нужна строгость и строгость,—продолжалъ уже смѣлѣе Обносковъ.

— Папа, онъ добрый, ей-Богу, онъ добрый,—неожиданно прижалась Груня къ отцу.

Въ ея дрожащемъ голосѣ послышался испугъ и слезы.

— Голубка, что̀ ты такъ взволновалась?—изумился Кряжовъ и обнялъ одною рукою дочь, склонившую къ нему на плечо свою головку.—Вели-ка лучше намъ чаю подавать, да скажи Павлу, чтобы не дулся.

Груня пошла.

— Чудное, нѣжное дитя!—прошепталъ какъ бы про себя Обносковъ.

Кряжовъ съ чувствомъ пожалъ его руку.

— А знаете ли что̀, Аркадій Васильевичъ, — вкрадчиво

началъ Обносковъ. — Вѣдь онъ ужъ не дитя, у него усики пробиваются надъ губой... Конечно, это не мое дѣло, но все же такая близость къ дѣвушкѣ... это слишкомъ близкія отношенія. Тутъ опасная игра...

Кряжовъ изумился и обратилъ на Обноскова удивленные глаза.

— Что это вы? — покачалъ онъ головою. — Они братъ и сестра...

— Чужіе, Аркадій Васильевичъ, чужіе! И притомъ обоимъ идетъ по семнадцатому году... Вы замѣтили сейчасъ это волненье у вашей дочери?.. Это не даромъ.

— Полноте, полноте!—замахалъ рукою Кряжовъ.

— Вы меня извините, но я такъ ваше семейство люблю, такъ люблю самого Павла, что... — Обносковъ засмѣялся и потомъ окончилъ:—его не худо бы удалить изъ дома.

— Ну, нѣтъ-съ, ужъ этого-то я не сдѣлаю,—почти разсердился Кряжовъ, входя съ Обносковымъ въ столовую.

— Что, молодой человѣкъ, вы, кажется, изволили на меня надуться? — шутливо потрепалъ Обносковъ Панютина по плечу, когда всѣ собрались въ столовой.

Панютинъ смотрѣлъ исподлобья куда-то въ сторону и ничего не отвѣчалъ.

— Вѣрьте мнѣ, что я горячо желаю добра молодежи и вамъ первымъ, уже потому, что васъ любятъ и балуютъ тѣ, которые дороги мнѣ,—еще разъ ласково прикоснулся Обносковъ къ плечу Панютина.

Тотъ, грубо отдернувъ плечо, стоялъ попрежнему безмолвно и, злобно обкусывая ногти, мрачно хмурилъ брови. Обносковъ съ веселымъ и добродушнымъ видомъ развязно отошелъ къ камину, гдѣ помѣстился Кряжовъ, а Груня прошептала Панютину:

— Ты злой, злой!

Ей ясно послышалось, какъ въ отвѣтъ на эти слова мальчикъ непріятно скрипнулъ зубами. У нервной, блѣдненькой и слабой дѣвушки пробѣжала по тѣлу дрожь отъ этого скрежета зубовъ. Она, стоя у стола, принялась разливать чай. По другую сторону стола стоялъ Панютинъ. Въ глубинѣ комнаты сидѣли Кряжовъ и Обносковъ. Всѣ молчали,—всѣмъ было не по себѣ...

Убранство комнатъ очень часто заставляетъ насъ угадывать, какія лица появляются въ нихъ. Такъ, кабинетъ, съ десятками трубокъ, съ картинками вольнаго содержанія, съ соблазнительными статуэтками и съ открытымъ скандалез-

нымъ романомъ на столѣ, сразу рисуетъ въ нашемъ воображеніи плотнаго, пожилого холостяка съ довольнымъ видомъ, масляными глазами и слегка красноватымъ носомъ. Такъ кружева, розовый атласъ на мебели, пахучія растенія, бронзовыя и фарфоровыя бездѣлушки заставляютъ насъ искать глазами кокетку, прилегшую гдѣ-нибудь на кушеткѣ за плющемъ, и стоитъ только выскочить откуда-нибудь слезливой шавкѣ или предстать нашимъ глазамъ колодѣ картъ, чтобы мы не искали хозяйку этого будуара и угадали впередъ, что этой кокеткѣ уже давно перевалило за сорокъ лѣтъ. А бѣдное, сырое жилище, съ ободранными обоями, поломанными стульями, развѣ не заставляетъ ожидать появленія зеленовато-блѣднаго, изнеможеннаго лица? Но рѣдкія комнаты такъ гармонировали своей обстановкой съ лицами своихъ обитателей, какъ гармонировала столовая Кряжова съ собравшейся въ ней группой людей.

Крыжовъ, какъ всѣ профессора, занимающіеся археологическими, филологическими или вообще историческими изысканіями, скупалъ разныя древности и получалъ ихъ въ даръ, какъ отъ своихъ ученыхъ собратій, такъ и отъ уважающихъ его лицъ. Съ годами этихъ вещей накопилось столько, что его жилище превратилось въ музей рѣдкостей и нашлась возможность не громоздить эти рѣдкости, какъ нѣчто случайно попавшее сюда, въ безпорядочную кучу, наподобіе вещей, сгроможденныхъ въ аукціонной камерѣ, а можно было разсортировать ихъ со смысломъ и вкусомъ по отдѣльнымъ комнатамъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой характеръ. Столовый залъ напоминалъ средніе вѣка и готическую архитектуру. Онъ былъ высокъ и мраченъ; кромѣ большого окна, всегда полузакрытаго тяжелыми темными драпри, падавшими на полъ широкими складками, въ немъ былъ еще стеклянный просвѣтъ сверху. Кресла, стулья и два угольные дивана въ этой комнатѣ были массивны и сдѣланы изъ темнаго дуба въ средневѣковомъ вкусѣ съ остроконечными спинками. Такой же работы буфетный шкапъ походилъ на органъ старой нѣмецкой церкви. Каминъ напоминалъ собою открытый входъ въ пропасть могильнаго, готическаго склепа и огонь, пылавшій въ этой пропасти, кажется, служилъ нагляднымъ доказательствомъ существованія того ада, передъ которымъ такъ трепетали въ темные средніе вѣка. Несмотря на различіе физіономій и лѣтъ, гармонировали съ этою обстановкой и наши герои. Сѣдой маститый патріархъ Кряжовъ и зеленовато-блѣдный

сухой Обносковъ казались выхваченными изъ среднихъ вѣковъ и перенесенными въ наше время личностями Фауста и Вагнера. Худенькое и хрупкое существо Груни, съ двумя падавшими за плечами косами, несмотря на некрасивое лицо, напоминало Гретхенъ, а мрачный, безмолвный Панютинъ, продолжавшій кусать ноготь большого пальца, казалось, только ждалъ темной ночи, чтобы улизнуть куда-нибудь въ лѣсъ, либо на большую дорогу, гдѣ еще рѣшаются грабить поздней порою неосторожные путники. Огонь, пылавшій въ комнатѣ, освѣщалъ красноватымъ пламенемъ лица Кряжова и Обносковa; лица же Груни и Панютина казались еще блѣднѣе отъ бѣлаго свѣта лампы съ матовымъ шаромъ. Кромѣ этого освѣщенія наверху, въ просвѣтѣ потолка, виднѣлся какой-то угрюмый синевато-сѣрый свѣтъ вечерѣющаго дня.

Наконецъ чай былъ допитъ. Обносковъ простился съ хозяевами, горячо пожалъ руку Груни и ушелъ. Черезъ день онъ уѣзжалъ за границу...

— Павелъ,—позвалъ Кряжовъ воспитанника.

Тотъ подошелъ, молча потупивъ голову.

— Ты меня глубоко огорчаешь своимъ характеромъ, — заговорилъ, насколько могъ строго, старикъ, вообще не любившій и не умѣвшій читать наставленія. — Ты еще почти дитя; люди въ этомъ возрастѣ должны быть мягкими, добрыми. Если они будутъ злы уже съ этихъ лѣтъ, то что же выйдетъ изъ нихъ послѣ? Алексѣй, можетъ-быть, говорилъ такія вещи, которыя могли тебѣ не нравиться, но нельзя же заставить другихъ говорить только пріятное намъ и сверхъ того... сверхъ того...

Старика начинало смущать упорное молчаніе воспитанника, онъ тревожно потеръ себѣ лобъ рукою.

— И вотъ,—началъ снова Кряжовъ:—онъ же подошелъ къ тебѣ съ ласковымъ словомъ, а ты плечомъ-то дернулъ!... Это не хорошо! Ты уже ради того долженъ бы быть съ нимъ предупредительнымъ, что онъ старше тебя, что онъ былъ твоимъ учителемъ. Онъ всѣхъ насъ любитъ, ты это долженъ помнить и не отталкивать хорошаго человѣка...

Панютинъ слушалъ съ суровою покорностью рѣчи путавшагося старика.

— Да, да, онъ и тебя любитъ,—вмѣшалась Груня.—Ты слышалъ, онъ сказалъ: я вамъ добра желаю. Зачѣмъ же ты не протянулъ руки, зачѣмъ продолжалъ дуться на него?

Молчавшій въ продолженіе рѣчей Кряжова Панютинъ

теперь вдругъ вспыхнулъ, какъ порохъ, услышавъ слова Груни.

— Да ты-то что за него заступаешься?—воскликнулъ онъ и бросилъ на нее сверкавшій злобою взглядъ.—Тебѣ-то онъ еще заплатитъ за это!..

Груня отвернулась.

— Оставь его, папа. Онъ сегодня не въ духѣ,—проговорила она, обращаясь къ отцу, и сѣла къ его ногамъ, придвинувъ маленькую скамейку.

Панютинъ, ворча что-то себѣ подъ носъ, вышелъ изъ комнаты. «Лакеишки знаютъ, что онъ подлецъ, а она не знаетъ,—бормоталъ онъ въ своей спальнѣ, швыряя вещи.—Кухарки говорятъ, что онъ загубитъ ея вѣкъ, а она сахарничаетъ съ нимъ. Всѣ у нихъ милые, добрые, а мнѣ отъ послѣдней судомойки житья нѣтъ!» Панютинъ толкнулъ ногою къ столу первый попавшійся стулъ и съ шумомъ опустился на него, облокотившись руками на столъ и запустивъ пальцы въ свои взъерошенные, косматые волосы. А въ столовой, между тѣмъ, еще разсуждали отецъ и дочь.

— Боюсь я за Павла,—говорилъ въ раздумьѣ Кряжовъ.—И отчего это у него такой испорченный характеръ?

— Ничего, папа, онъ перемѣнится, онъ умный,—утѣшала дочь.—Онъ только Алексѣя не любитъ, а вѣдь съ нами онъ хорошъ, насъ онъ любитъ...

— Любитъ ли,—это еще вопросъ, задумчиво промолвилъ Кряжовъ.

Груня вся зарумянилась, сама не зная почему, и почти шопотомъ, застѣнчиво, протяжно промолвила:

— Лю-битъ!

Кряжовъ не обратилъ вниманія на стыдливое выраженіе лица дочери, махнулъ рукою, какъ бы отстраняя опасенія насчетъ судьбы воспитанника, и на другой день былъ попрежнему привѣтливъ съ дорогими сердцу людьми. Груня и Панютинъ тоже были попрежнему спокойны, читали вмѣстѣ книги, радовались переѣзду въ деревню и не разлучались ни на минуту другъ съ другомъ. Между ними царствовала примѣрная братская преданность, полная гармонія, тихая нѣжность. Нерѣдко Кряжовъ съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ изъ-за лѣса несся къ его деревенскому дому легкій кабріолетъ, гдѣ сидѣла розовенькая отъ воздуха и быстрой ѣзды Груня, не безъ страха прижавшаяся къ своему молодому другу, у котораго сверкали глаза какимъ-то яркимъ огнемъ дикой отваги и страсти...

— Пошли вамъ Богъ счастья, милыя дѣти,—ласково говорилъ Кряжовъ, встрѣчая ихъ на балконѣ.

Груня звонко и безъ счету цѣловала отца, а Панютинъ, съ какимъ-то не дѣтскимъ, вызывающимъ улыбку выраженіемъ серьезности, крѣпко и мужественно пожималъ руку старика, точно онъ былъ рыцаремъ этой дѣвушки и хотѣлъ сказать своимъ ободряющимъ рукопожатіемъ этому старику:

— Не падай духомъ, старичина, я ужъ буду заботиться о ея счастьи!

Смѣсь дѣтства и мужества, братской любви и рыцарскаго обожанія такъ и сквозили во всемъ существѣ некрасиваго, но страстнаго юноши...

VII.

Драма, которую вполнѣ поймутъ ея герои только впослѣдствіи.

Каждое письмо Обноскова, присылавшееся изъ-за границы къ Кряжову, кромѣ отчетовъ объ ученыхъ новостяхъ, содержало въ себѣ пространныя приписки съ вопросами о Грунѣ, съ поклонами ей. Дѣловая сторона этихъ писемъ съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе возвышала мнѣніе Кряжова объ Обносковѣ, а теплыя слова о Грунѣ заставляли профессора все сильнѣе и сильнѣе любить юнаго ученаго. Черезъ годъ послѣ разлуки Кряжовъ уже не иначе называлъ Алексѣя Алексѣевича, какъ «нашимъ молодымъ другомъ», и постоянно бесѣдовалъ о немъ съ Грунею, передавая ей содержаніе писемъ и въ особенности приписокъ въ письмахъ «нашего молодого друга». Старику непремѣнно хотѣлось, чтобы дочь раздѣляла его восторгъ передъ «нашимъ молодымъ другомъ». Однажды, во второй годъ пребыванія Обноскова за границей, пришло отъ него одно письмо, отчасти встревожившее, отчасти обрадовавшее старика. Прочитавъ его два раза, старикъ бросилъ свои ученыя занятія и долго ходилъ изъ угла въ уголъ по своему кабинету, то потирая себѣ лобъ рукою и ослабляя галстукъ, то тяжело вздыхая, то сладостно улыбаясь старческою улыбкой.

— А знаешь ли, голубка,—говорилъ онъ вечеромъ, лаская Груню:—что пишетъ намъ нашъ молодой другъ?

— Нѣтъ, папа, не знаю,—простодушно покачала головой Груня.

— Не знаешь?—плутовато подмигнулъ отецъ. — Ну-ка, угадай!

— Право, придумать не могу...

— Нашъ молодой другъ предлагаетъ тебѣ свою руку,— торжественно объявилъ Кряжовъ и сдѣлалъ такіе испытующіе глаза, какъ будто онъ дѣйствительно могъ угадать, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на его дочь.

— Мнѣ папа еще рано выходить замужъ,—просто отвѣтила дочь и прибавила:—мнѣ такъ хорошо жить съ тобою.

— Ну, голубка, вѣчно со мною нельзя жить,—замѣтилъ глубокомысленно отецъ.—Да я и старъ, и слабъ становлюсь. Ты не знаешь, а я чувствую, что мнѣ уже недолго таскать ноги...

— Перестань, папа, что̀ за мысли!—воскликнула дочь въ волненіи.—Не смѣй говорить о смерти! Слышишь, я не хочу этого слышать!—бросилась она цѣловать отца со слезами на глазахъ и улыбкой на губахъ.

— Ну, полно! — обнялъ ее отецъ.—Взволновалась ты... Вѣдь не сейчасъ же я умру. А что я старѣюсь, такъ тутъ и удивляться нечему: нужно же когда-нибудь и костямъ дать покой... Таковъ законъ природы, ласточка. Противъ него ничего не подѣлаешь... Да, да, голубка, а хорошо бы и мнѣ еще внучатъ понянчить. Опять бы ребятишки вокругъ меня завозились, ползали бы, какъ ты вотъ ползала... Славное это было время, Груня! Вспомнилось бы оно мнѣ снова... Я чувствую, что вѣдь я помолодѣлъ бы; жизни мнѣ на десять лѣтъ прибавилось бы... А то мы съ тобою вотъ затворились совсѣмъ, дѣтскаго смѣха не слышимъ, день за день какъ въ монастырѣ проводимъ... Это плохая жизнь. Намъ оживиться надо, встрепенуться надо, чтобы около насъ молодыя силы кипѣли, чтобы твое блѣдненькое личико зарумянилось...

Старикъ оживился. Груня задумчиво слушала его и не говорила ни слова, въ ея головѣ вертѣлись роковыя слова отца: «Это мнѣ на десять лѣтъ жизни прибавило бы».

— Но, можетъ-быть, ты его не любишь? — вдругъ спросилъ Кряжовъ у дочери и снова взглянулъ на нее испытующими глазами.

— Я никого не люблю, папа, —безсознательно отвѣтила она, не выходя изъ своего раздумья.

— Что̀ это за отвѣтъ?—покачалъ головою отецъ.—Такъ ты и меня не любишь, не любишь и Павла?..

При послѣднемъ имени лицо Груни покрылось яркимъ румянцемъ. Ни она, ни старикъ не замѣтили этого.

— Полно, папа. Ты знаешь, что я васъ всѣхъ люблю,— сказала какъ-то печально дочь.—Я не то хотѣла сказать... Я и Алексѣя люблю...

— Ну, вотъ видишь ли, ты и его любишь, а говоришь, что не любишь никого,—радостно поторопился перебить ее отецъ.

— Я не умѣю, папа, этого высказать тебѣ,—сдѣлала нетерпѣливый жестъ рукою Груня, досадуя на себя. — Но знаешь ли, я слышала... читала въ книгахъ... что если человѣкъ любитъ кого-нибудь, то ночей не спитъ, думая все о миломъ, готовъ идти на край свѣта, далеко-далеко,—показала рукой Груня куда-то вдаль, — радъ душу отдать за милое существо...

— Ну? ну?

— Ну, а я объ Алексѣѣ никогда такъ не думала...

— Это зависитъ отъ характера, отъ характера зависитъ,— заговорилъ отецъ. — Ты въ меня... Мы съ тобой сидни, люди съ лѣнцой, тюфяки... Это ужъ натуры такія... Вотъ и я,— самъ не знаю, какъ женился: не гадалъ, не думалъ и вдругъ взялъ да и женился... А вѣдь я любилъ твою покойную мать... Право, любилъ!.. Славная она была женщина, добрая, честная!

Кряжовъ отеръ слезу, навернувшуюся на глаза, и смолкъ на минуту.

— Вѣдь вотъ, тебѣ и на балахъ скучно,—продолжалъ онъ:—а посмотри на другихъ дѣвушекъ, онѣ ночей не спятъ, плачутъ, если имъ не удастся въ собраніи поплясать...

— Что ты это выдумалъ,—задумчиво улыбнулась Груня.— Кто же это станетъ мучиться изъ-за бала?

— Кто? Всѣ, рѣшительно всѣ дѣвушки, за исключеніемъ тебя,—утверждалъ отецъ.— Имъ все прыгать хочется, болтать хочется, наряжаться хочется, — ну, а ты этого не любишь, потому что у тебя не такая подвижная натура... Ты болѣе сосредоточенна, внутреннею жизнью живешь... Вотъ почему ты, голубка, ни о комъ и не мечтаешь такъ страстно, не чувствуешь возможности уйти за кѣмъ-нибудь на край свѣта.

— Кромѣ родныхъ, кромѣ родныхъ! — поспѣшила перебить Груня.

— Ну, голубка, и родные-то всѣ твои—одинъ я,—замѣтилъ отецъ.

— А Павелъ? — воскликнула дѣвушка почти съ негодованіемъ на отца за то, что онъ забылъ эту личность.—Ты не считаешь Павла роднымъ?.. Но вѣдь я и за него, какъ за тебя, готова умереть,—да, да, умереть готова!—воскликнула она, и ея лицо снова запылало румянцемъ.

— Ну, конечно, конечно, добрая заступница! Ты знаешь, что я и сержусь на него, браню его, а не могу не любить его... Онъ мой пріемный сынъ, твой братъ... Я самъ, можетъ-быть, менѣе любилъ бы тебя, если-бъ ты не чувствовала привязанности къ такому близкому намъ обоимъ человѣку... Жить вмѣстѣ долгіе годы, жить не разлучаясь, и не любить человѣка могутъ только черствыя, недостойныя уваженія сердца... Ты, моя ласточка, не такова!..

Груня молчала и не начинала прерваннаго разговора объ Обносковѣ. Отецъ вздохнулъ, видя ея потупленное, грустное лицо.

— Впрочемъ, голубка, ты не печалься,—заговорилъ онъ.— Я тебѣ не навязываю мужа насильно... Сохрани меня Богъ!.. Не выходи за Алексѣя, не выходи ни за кого, если не хочешь. Ты знаешь, ты мнѣ не въ тягость. Я не разстался бы съ тобой, если бы ты и замужъ вышла. Мы видѣлись бы каждый день... Да, да, непремѣнно каждый день... Мы вмѣстѣ бы няньчили дѣтей, вмѣстѣ бы радовались на ихъ игры... Но не хочешь идти замужъ, — не выходи! Проживемъ и такъ! Что же, вѣдь мнѣ не привыкать стать жить въ могилѣ своего кабинета, гнуть горбъ надъ книгами, не слышать юной зарождающейся жизни... Вѣдь и въ прошломъ только ты одна оживляла мой уголъ, развлекала меня дѣтскимъ лепетомъ во время отдыха, — тогда у меня былъ сплошной отдыхъ, я не чувствовалъ, что у меня идетъ работа, я не уставалъ... Да, прошло это время, и не вернуть его!.. Будемъ жить мирно, тихо, тянуть день за днемъ, стариться и ждать могилы...

Груня молчала, опустивъ голову на грудь. По ея щекамъ струились одинокія слезинки.

— Ради Бога, не печалься,—утѣшалъ ее опять отецъ, не замѣчая, что надрывалъ ей сердце. — Я не ропщу. Я спокоенъ. Видишь, я спокоенъ. Авось еще проживу, авось еще не скоро покину тебя. Вѣдь собственно обо мнѣ и заботиться нечего. Моя жизнь прожита. Страшно мнѣ только за тебя, какъ ты останешься одна послѣ моей смерти, никому не нужною дѣвушкой!.. Вѣдь у тебя почти никого и знакомыхъ-то нѣтъ... Да, надо тебѣ сближаться со свѣтомъ, надо выѣзжать, разсѣиваться... Послѣ будетъ поздно заводить знакомства, а безъ знакомыхъ жить нельзя дѣвушкѣ-сиротѣ.

— Папа, если бы я вышла за Алексѣя, — ты былъ бы счастливъ?—задумчиво спросила дочь какимъ-то надорваннымъ голосомъ.

— Дитя мое, зачѣмъ ты спрашиваешь? Я только тогда былъ бы счастливъ, когда ты была бы счастлива...

— Ну, а ты думаешь, что я была бы счастлива съ нимъ?

— Дитя мое, если ты его не любишь, то, разумѣется, ты не будешь съ нимъ счастлива... Но я вообще говорю о замужествѣ.

— Я еще никого не люблю изъ постороннихъ мужчинъ...

— Ну, значитъ, и оставимъ этотъ разговоръ, и оставимъ, будто его не было,—тяжело вздохнулъ отецъ.

Непривычное волненіе утомило старика, и онъ ослабѣлъ. Въ его обрюзгшемъ лицѣ было замѣтно какое-то болѣзненное выраженіе усталости. Это не ускользнуло отъ вниманія дочери. Она поцѣловала отца на прощанье передъ сномъ. Ей показалось, что его поцѣлуй былъ холоденъ,—только *показалось*, но уже одно это могло доставить этому странному ребенку нѣсколько часовъ безсонницы. Уединенная жизнь, ненормальное воспитаніе успѣли разстроить ея нервы и развить воображеніе. Кряжовъ же прошелъ въ свой кабинетъ и заходилъ изъ угла въ уголъ. Вспомнились ему свѣтлые годы дѣтства дочери. Вспоминалась кроткая фигура Алексѣя Обносова и тутъ же промелькнули лица разныхъ видѣнныхъ имъ молодыхъ хлыщей и фатовъ. Начались размышленія о томъ, кто можетъ скорѣе составить счастіе его дочери,— эти ли блестящіе, но пустые господа, или скромный, усидчивый, трудолюбивый домосѣдъ Обносовъ? Показалось старику, что этотъ человѣкъ напоминаетъ его самого, Кряжова. И вотъ пошли думы о томъ, не былъ ли онъ самъ хорошимъ мужемъ. Совѣсть не подсказывала и не могла подсказать въ этомъ случаѣ ни одного упрека, напротивъ того, передъ старикомъ ожила картина смерти его жены и послышались ему снова послѣднія слова этой женщины: «Ты былъ счастіемъ моей жизни!» Незабвенныя, дорогія слова. Ихъ повторила бы, можетъ-быть, и Груня, если бы она была женою Обносова. Вѣдь и Груня любитъ только семейное затишье, вѣдь и она не будетъ счастлива съ мужемъ-модникомъ, куликой, бальной куклой. А только такихъ мужей можно найти на всякомъ перекресткѣ. Обносовы рѣдки... Такъ думалъ старикъ. Часы били двѣнадцать, часъ, два, три, шесть, а онъ все ходилъ и ходилъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ на что-то рѣшился и сѣлъ писать отказъ Обносову. Взялъ бумагу, обмакнулъ перо въ чернила и остановился...

— Бѣдный нашъ молодой другъ, за что я тебя-то обижу

рѣзкимъ отказомъ?—почти со слезами на глазахъ вздохнулъ старикъ.—Нѣтъ, подожду, подготовлю тебя къ горькой новости... и если бы ты хоть меньше любилъ ее, меньше бы думалъ о ней! Все было бы легче... Эхъ, молодость, сколько ты горя приносишь и себѣ, и другимъ!..

И Кряжовъ сталъ писать Обноскову, что онъ еще не говорилъ дочери о его предложеніи, что онъ не хочетъ вдругъ превратить ее изъ ребенка въ невѣсту, что онъ ее подготовитъ къ этой новости, что, можетъ-быть, и будетъ успѣхъ, хотя онъ, Кряжовъ, и не можетъ ничего утверждать навѣрное, даже и предположеній не рѣшается дѣлать, чтобы не обмануться, такъ какъ вѣдь все можетъ случиться, все,—даже отказъ... А день, между тѣмъ, занялся. Старикъ вѣчно проводилъ дни въ спокойномъ сидѣньи за книгами, а эту ночь онъ не спалъ и проходилъ въ тревогѣ по комнатѣ. Это отразилось на его физіономіи. Дочь чуть не вскрикнула, увидавъ его обвисшее, тусклое лицо.

«Это начало смерти!» промелькнуло въ ея до болѣзненности впечатлительномъ умѣ и опять ей вспомнились роковыя слова отца: «Это мнѣ на десять лѣтъ жизни прибавило бы».

Отъ вниманія отца тоже не ускользнуло, что дочь встревожена, и онъ удвоилъ свою нѣжность къ ней. Въ этой нѣжности былъ какой-то грустный оттѣнокъ; казалось, старикъ спѣшилъ наглядѣться въ послѣднія минуты жизни на свое обожаемое дитя. И видъ старика-отца, и его ласки отозвались острою болью въ сердцѣ Груни. Она поспѣшила уйти въ свою комнату, чтобы обдумать, обсудить все. Занятія отца шли плохо, и онъ раза три проходилъ по комнатамъ, надѣясь встрѣтить дочь. Но она не выходила изъ своей комнаты. Ему начало казаться, что Груня сердится и имѣетъ право сердиться на него. Насталъ часъ обѣда. Отецъ и дочь встрѣтились въ столовой.

— Маточка, ты не сердись на меня,—ласково и почти боязливо промолвилъ отецъ:—забудь весь нашъ разговоръ и будемъ жить по-старому...

«А! значитъ, онъ все объ этомъ думаетъ!» мелькнуло въ головѣ дочери.

— Папа, папа, дай мнѣ время подумать!—воскликнула она и расплакалась не на шутку.

— Полно, дитя, милая,—уговаривалъ отецъ, а у самого радостно билось сердце отъ обѣщанія дочери «подумать» о замужествѣ.

Это слово подавало надежду.

Съ этого дня вопросъ былъ почти рѣшенъ: отецъ свободно хвалилъ Обноскова, чтобы задобрить въ его пользу дочь и достигнуть исполненія взлелѣяннаго имъ плана; дочь сознавала необходимость жертвы и даже увѣряла себя, что она ничѣмъ не жертвуетъ, такъ какъ Обносковъ ей не гадокъ, а, напротивъ того, милѣе всѣхъ, рѣшительно всѣхъ остальныхъ постороннихъ мужчинъ, въ число которыхъ не входили только ея отецъ да Павелъ Папютинъ. Дѣйствительно, лучшей партіи было трудно найти. Выходя замужъ за Обноскова, Груня могла быть увѣрена, что ея прежній образъ жизни не измѣнится. Будетъ въ домѣ мужа то же затишье, то же спокойствіе, будутъ тамъ появляться тѣ же лица, которыя появлялись въ домѣ ея отца, изрѣдка, попрежнему, они будутъ ѣздить въ театръ, читать какія-нибудь хорошія книги и безмятежно наслаждаться спокойствіемъ и миромъ. Только одно отчасти пугало Груню—это слабое здоровье Обноскова. Но и тутъ она давала себѣ роль спасительницы и была увѣрена, что ея заботы и ея любовь сдѣлаютъ ея будущаго мужа и здоровымъ, и бодрымъ. Это казалось ей тѣмъ болѣе возможнымъ, что ея отецъ говорилъ, какъ и онъ въ молодости былъ и слабъ, и болѣзненъ и сталъ здоровякомъ только на тридцатомъ году. Правда, ея любовь къ Обноскову не была страстнымъ чувствомъ, но это была какая-то тихая, немного грустная пріязнь. Груня, худенькая, блѣдная, съ немного морщинистымъ лбомъ, какъ это бываетъ у болѣзненныхъ дѣтей, съ большими, какъ-то вопросительно смотрѣвшими, словно недоумѣвающими глазами, была вполнѣ ребенкомъ, несмотря на свои лѣта. Ея развитіе состояло только въ кроткой любви, въ пониманіи чужихъ страданій, которыхъ ей приходилось видѣть очень немного; но если бы ее оставить одну, безъ посторонней помощи и наставленій, то она вѣрно не нашла бы себѣ исхода, не принялась бы ни за какое дѣло, и просто стала бы плакать и искать того добраго спасителя, подъ чье грѣющее крыло можно бы было пріютиться ей, пугливой птичкѣ. Жизнь за воротами ея дома представлялась ей точно такой же, какая шла въ этомъ домѣ; разницу между своей и чужой жизнью она видѣла только въ томъ, что у нея есть средства къ этой мирной жизни, а другимъ приходится добывать средства къ этой мирной жизни. Значитъ, главное различіе было въ количествѣ труда или денегъ. Это самостоятельно сложившееся пониманіе чужой жизни заставляло Грунюпри

возможности помогать первому бѣдняку, просящему помощи, чтобы дать ему возможность наслаждаться такимъ же миромъ, какимъ наслаждалась она. Этотъ взглядъ еще болѣе укрѣпился въ ней послѣ нѣсколькихъ уроковъ исторіи, прочитанныхъ ей Обносковымъ. Она слышала отъ него, какъ такой-то народъ наслаждался счастіемъ подъ властью такого-то короля; какъ потомъ, подъ конецъ царствованія этого короля, губительныя войны разорили народъ, и онъ сталъ несчастливъ. Но новый король, вступивъ на престолъ, заключилъ миръ, довелъ финансы до цвѣтущаго состоянія, и народъ снова сталъ счастливъ, покуда, подъ конецъ царствованія этого короля, не началась снова губительная война. Эти губительныя войны въ жизни народовъ казались Грунѣ чѣмъ-то въ родѣ болѣзней, смущающихъ иногда спокойствіе семьи, и она понимала, что если болѣзнь кончится, то семейный кружокъ будетъ еще счастливѣе, еще тѣснѣе сомкнутся между собою его члены. Множество вопросовъ возникало въ ея головкѣ по поводу разныхъ извѣстій, прочитанныхъ въ газетахъ, по поводу разныхъ слуховъ, доходившихъ до нея. То она слышала про убійцу, убившаго нѣсколько человѣкъ, и ей казалось, что этотъ человѣкъ велъ бы всегда свою мирную жизнь, если бы у него были деньги или трудъ, и, несмотря на свое добродушіе, она жалѣла не убитыхъ, а этого преступника. Иногда до нея доходили слухи, что мужъ кухарки, живущей въ ихъ домѣ, бьетъ свою жену, и ей казалось, что онъ дѣлаетъ это именно потому, что у нихъ нѣтъ столько денегъ, чтобы жить вмѣстѣ, а не служить по разнымъ домамъ. Цѣлый міръ созданъ былъ Грунею, и неизвѣстно, насколько обитатели этого міра походили на Ванекъ и Анютокъ, мозолящихъ ноги на улицахъ большихъ городовъ и деревень, или на Пьеровъ и Жаннетъ, красующихся среди босоногой черни въ своихъ бобрахъ и брюссельскихъ кружевахъ. Груня была увѣрена, что она не ошибается, такъ какъ она на своемъ вѣку видѣла тоже не мало людей. У разныхъ родственниковъ она видѣла кузинъ и кузеновъ, танцующихъ во время бала; видѣла горничныхъ, привѣтливо и съ искреннею любовью цѣлующихъ ей руку; видѣла, какъ ея двоюродныя тетушки заботливо составляютъ разныя благотворительныя общества и устраиваютъ для бѣдныхъ лотереи. На театрѣ, правда, она видѣла иногда и злодѣевъ, но когда опускался занавѣсъ, театръ потрясали рукоплесканія, то она видѣла, какъ вызванный публикой злодѣй превращался въ улыбающагося

и расшаркивающагося актера, прижимающаго руку къ своему сердцу въ знакъ любви и благодарности къ поощряющимъ его ближнимъ, и Груня улыбалась. Тяжелое впечатлѣніе, оставленное пьесой, исчезало, какъ сонъ. И потомъ, ночью ей снилось, что злодѣевъ нѣтъ въ жизни, что злодѣевъ только «играютъ» люди, добрые люди, похожіе на ея старую няню, которая иногда такъ страшно басила, если приходилось въ сказкѣ говорить за бабу-Ягу.—«Поваляюся, покатаюся на Ивашкиныхъ косточкахъ!» чудится Грунѣ въ полуснѣ басящій голосъ бабы-Яги, и Груня дрожитъ отъ страху, жмется къ нянѣ, а няня смѣется такъ добродушно, по-дѣтски или, лучше сказать, по-старчески смѣется, и тихо начинаетъ баюкать Груню... Да! да! это не баба-Яга, а няня, добрая няня...

Такое просто сложившееся существо, какъ Груню, понимали всѣ, звали ее птичкой-пѣвуньей, невиннымъ ребенкомъ, мягкимъ воскомъ. Но никому и въ голову не приходило, что если птичка поетъ, то она хочетъ, чтобы и все пѣло вокругъ нея, чтобы и солнце свѣтило надъ нею, чтобы и цвѣты цвѣли во всемъ мірѣ, никто не думалъ, что невинный ребенокъ не вынесетъ безъ волненія чужихъ слезъ, хотя бы ихъ проливалъ злодѣй, и скажетъ: «Надо помочь этому человѣку: онъ плачетъ, значитъ, онъ несчастный». Никто не угадывалъ, что мягкій воскъ можетъ отвердѣть среди холодности и приметъ какую угодно форму, подъ вліяніемъ различныхъ давленій со стороны...

Къ концу недѣли, рѣшившей участь Груни, Кряжовъ повеселѣлъ: Груня дала свое согласіе на предложеніе Обноскова... Настала суббота. Вечеромъ пришелъ изъ гимназіи Панютинъ. Они пили чай въ столовой. Кряжовъ былъ веселъ, шутилъ. Груня, по большей части, молчала. Настала наконецъ пора идти спать.

— Останься здѣсь,—шепнула Груня Панютину.

Кряжовъ простился съ «дѣтьми» и ушелъ въ свой кабинетъ. Груня проводила его и вернулась въ столовую. Въ домѣ всѣ уже спали. Отворивъ дверь, Груня пріостановилась на порогѣ, полузакрытая массивною темною портьерой. Въ полумракѣ большой комнаты Панютинъ едва былъ виденъ въ глубинѣ большого кресла Кряжова. Онъ задумчиво смотрѣлъ на огонь, облокотясь на ручку кресла и опустивъ на ладонь голову. Его некрасивое, но мужественное лицо было по обыкновенію сурово и только едва можно было уловить въ этой суровости оттѣнокъ грусти. На этой физіономіи

остались слѣды всего испытаннаго въ жизни юношей. Грубость и боль отъ побоевъ въ людской, гдѣ онъ провелъ первые годы своего существованія; тоска однообразнаго безлюднаго затишья въ домѣ Кряжова; озлобленіе на тайные для всѣхъ нападки и щипки прислуги Кряжовыхъ; злопамятное негодованіе на несправедливости учителей, все это не прошло безслѣдно надъ этой страстной и привыкшей къ несообщительности натурой. Груня не переступала порога и, казалось, боялась начать задуманное ею самою объясненіе. Наконецъ, должно-быть, соскучившись ждать, Панютинъ поднялся съ мѣста. Это заставило Груню войти.

— А, это ты,—промолвилъ онъ и пожалъ ея руку.

Они сѣли у камина. Богъ знаетъ почему, ни ей, ни ему, не хотѣлось начинать разговора. Минуты проходили за минутами, и тишина не нарушалась.

— Холодно здѣсь,—вздрогнула Груня, прерывая тяжелое молчаніе.

— Такой ужъ проклятый домъ,—угрюмо проговорилъ Панютинъ.

Груня, зная, что Павелъ не любитъ ихъ стараго дома, ничего не возразила и плотнѣе закуталась въ платокъ. Черезъ нѣсколько минутъ Панютинъ всталъ, придвинулъ скамейку къ креслу Груни и сѣлъ у ея ногъ. Онъ взялъ ея руки, началъ ихъ грѣть своими руками и потомъ прижалъ къ нимъ губы.

— Меня отецъ замужъ выдаетъ,—проговорила она, не глядя на Панютина.

— Что?—спросилъ онъ быстро и выпустилъ ея руки.

— Меня отецъ замужъ выдаетъ за Алексѣя,—повторила она новость вполнѣ.

— Что ты это дразнить меня вздумала, что ли!—вскочилъ онъ съ мѣста и всталъ во весь ростъ передъ нею.

— Дразнить?.. Тебя?.. Что это тебѣ пришло въ голову, Павелъ?—просто спросила Груня и подняла на него глаза: онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

— Дуракъ! старый дуракъ!—проворчалъ онъ и зашагалъ по комнатѣ.

Шаги глухо отдавались въ ночномъ затишьи.

— Зачѣмъ ты бранишь отца!—упрекнула Груня.

— Погубятъ они тебя, совсѣмъ погубятъ!—восклицалъ онъ, ходя по комнатѣ и сжимая руки, такъ что было слышно, какъ хрустѣли пальцы.—И зачѣмъ ты идешь замужъ, зачѣмъ соглашаешься!

— Отца убилъ бы мой отказъ...

— Ну, такъ что-жъ? ну, такъ что-жъ?—строптиво спрашивалъ онъ, останавливаясь передъ нею и смотря ей прямо въ глаза.—А если ты погибнешь, это ничего?.. Молодая, хорошая, и погибнешь!—вдругъ бросился онъ къ ней и обнялъ ее рукою, присѣвъ на край широкаго кресла. Въ его голосѣ слышалось и страстное чувство, и рыданія.—Не выходи, любимая, не выходи за него... Ни за кого не выходи,—уже шопотомъ окончилъ онъ.

Грунѣ было какъ-то страшно то странное чувство, которымъ было полно впервые въ эту минуту все существо Павла, но она чувствовала, что ей хорошо, отрадно сознавать близость этого энергичнаго человѣка, слышать его пламенныя отрывистыя восклицанія, видѣть эти сверкающіе и гнѣвомъ, и любовью глаза. Ея лицо горѣло, ей хотѣлось прижаться къ губамъ этого юноши, покрыть поцѣлуями это лицо, и въ первый разъ въ жизни ей было стыдно поцѣловать этого друга дѣтства, этого названнаго брата, котораго она цѣловала такъ же, какъ и своего отца, при каждой встрѣчѣ, при каждомъ прощаньи, наединѣ и при всѣхъ. Точно такъ же новы были для Павла испытываемыя имъ чувства. Онъ какъ будто опьянѣлъ; казалось, у него кто-то отнимаетъ лучшую часть его существованія, казалось, какой-то молотъ разбиваетъ его сердце и всѣ его надежды. Но какія же надежды разбивались у него? Въ чемъ заключалась его потеря? Вѣдь Груня не умретъ, Груня будетъ попрежнему его сестрою, попрежнему будетъ обнимать его при встрѣчѣ... Онъ сознавалъ все это, и все-таки его сердце и бушевало, и ныло.

— Если онъ сдѣлаетъ тебя несчастною, если я когда-нибудь замѣчу твои слезы или ты скажешь, что онъ заѣдаетъ твою жизнь, я убью его,—шепталъ Павелъ, сжимая одной рукой талью Груни.

Огонь въ каминѣ давно уже погасъ, лампа едва горѣла. Въ непривѣтной, мрачной комнатѣ было темнѣе и холоднѣе обыкновеннаго. Груня жалась къ Павлу, дрожа отъ холода и какого-то непонятнаго страха.

— Да будетъ проклята эта комната,—угрюмо произнесъ онъ, и эти слова мрачно зазвучали и какъ-будто повторились въ затишьѣ большого покоя.—Здѣсь впервые мнѣ сказали, что я нищій, подобранный въ навозной ямѣ; здѣсь отъ меня закрывали дѣйствительную жизнь этими архивными лохмотьями архивнымъ хламомъ и архивнымъ сон-

ливымъ добродушіемъ, добродушіемъ сытости; здѣсь мнѣ отдали въ сестры тебя, заперли меня въ одну клѣтку съ тобою, оставили мое сердце прирастать къ твоему существу и здѣсь же оторвали, съ кровью оторвали тебя отъ этого сердца.

Павелъ, неслышно рыдая, закрылъ глаза руками и опустился на колѣни передъ Груней... Вся въ слезахъ, взволнованная, растерявшаяся, разсталась она съ своимъ названнымъ братомъ, едва смѣя, боясь угадывать и его, и свои настоящія чувства.

— Вѣдь онъ мой братъ, вѣдь онъ еще дитя,—шептала она, забывая, что это дитя было только нѣсколькими мѣсяцами моложе ея.—Какія скверныя у меня мысли. Вѣдь это грѣхъ намъ такъ любить другъ друга,—размышляла Груня.

Устроивъ свои дѣла по пріѣздѣ въ Петербургъ, Обносковъ женился. Рѣшено было, что «молодые» будутъ покуда жить у Кряжова, который ради этого событія не поѣхалъ въ деревню, а нанялъ дачу въ окрестностяхъ Петербурга; послѣ, юная чета должна была переѣхать на новую квартиру вмѣстѣ съ матерью Обноскова. Расцѣловавъ Груню, назвавъ ее тысячу разъ ангелочкомъ и душечкой, Марья Ивановна продолжала гостить у больного родственника и почти не заглядывала даже на Выборгскую сторону, гдѣ ея жильцы отдыхали въ отсутствіи хозяйки. Обносковъ тоже очень часто проводилъ время у постели дяди и возвращался къ Кряжовымъ скорѣе какъ другъ дома, чѣмъ какъ членъ семьи. Старая жизнь шла по-старому. Всѣ не чувствовали никакой особенной перемѣны и успокоились, только старикъ ex-профессоръ сердился на своего Павла за то, что тотъ упорно отказался пріѣхать на свадьбу Груни и остался въ деревнѣ, куда онъ уѣхалъ вскорѣ послѣ возвращенія Обноскова изъ-за границы. Иногда старикъ говорилъ, что Павелъ совсѣмъ отъ рукъ отбился; порой толковалъ Грунѣ, что непріѣздъ Павла на свадьбу ясно показалъ, какъ мало любитъ ихъ Павелъ; подчасъ намекалъ на то, что вотъ Павелъ «другихъ» (подъ этимъ словомъ подразумѣвался, вѣроятно, Обносковъ) упрекалъ за дурной характеръ, а самъ-то оказался злопамятнѣе всѣхъ (тутъ, вѣроятно, былъ намекъ на ссору Павла съ Обносковымъ). При всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Груня только блѣднѣла и иногда, нахмуривъ брови, замѣчала старику, если они были вдвоемъ:

— Папа, за что ты сталъ нынче нападать на Павла?

— Ну, голубка, развѣ я нападаю, — смущался старикъ,

какъ пойманный школьникъ.—Вѣдь ты знаешь, что я только тебя одну люблю больше, чѣмъ его. Мнѣ просто обидно... что онъ насъ бросилъ въ такое время... А любить—я его люблю попрежнему...

И, между тѣмъ, старикъ продолжалъ раздражаться при воспоминаніяхъ о Павлѣ: казалось, что ему непремѣнно нужно, чтобы именно Павелъ призналъ и достоинства Обноскова, и возможность счастья въ новой жизни какъ для новобрачныхъ, такъ и для самого Кряжова. И эти достоинства, и эта возможность счастья признавались всѣми и, кажется, никакого значенія не могло имѣть отсутствіе одного человѣка среди жаркихъ поцѣлуевъ этой вѣчно-льстивой, вѣчно-благодушествующей на чужихъ пирахъ толпы гостей, пророчащихъ блестящее будущее «молодымъ» и изливающихся въ восторгахъ отъ красоты невѣсты и душевныхъ добродѣтелей жениха. Между тѣмъ, изъ всей этой массы народа тревожилъ семью одинъ этотъ человѣкъ: онъ былъ той мрачной тучей на ясномъ небѣ, которая одна отравляетъ прогулку веселаго общества, заставляя всѣхъ торопиться домой до начала грозы; онъ былъ единственнымъ сомнѣвающимся въ массѣ вѣрующихъ и выраженіемъ недовѣрія на своемъ лицѣ смущалъ ихъ благоговѣйныя чувства, какъ живое доказательство возможности невѣрія.

VIII.

Смерть стараго Обноскова.

Евграфу Александровичу становилось между тѣмъ замѣтно хуже. Однажды вечеромъ, прощаясь съ сыномъ на ночь, онъ успѣлъ украдкою шепнуть ему, чтобы сынъ пришелъ къ нему въ комнату утромъ въ шесть часовъ и разбудилъ бы его, если онъ будетъ еще спать. Заботливыя сестры, несмотря на свое усердное ухаживанье за больнымъ, не замѣтили этого перешептыванья. Сынъ не спалъ почти всю ночь. Дня за четыре или за пять докторъ сказалъ Матвѣю Ильичу, что больной не проживетъ и недѣли. Матвѣй Ильичъ сообщилъ объ этомъ своему любимцу молодому барину, и оба дали объ этомъ знать въ Варшаву. Теперь юношѣ почему-то казалось, что отецъ непремѣнно умретъ завтра, и его мучила мысль—что мать не успѣетъ пріѣхать въ Петербургъ во-время. Ясное осеннее утро бросало свои лучи въ комнату, гдѣ помѣщался Петръ Евграфовичъ, когда онъ взглянулъ на часы и началъ торопливо одѣваться. На цыпочкахъ вошелъ онъ въ комнату отца и подошелъ къ постели.

Больной не спалъ. Онъ страшно быстро измѣнялся въ послѣдніе дни и былъ крайне слабъ, хотя старался, болѣе чѣмъ когда-нибудь, быть бодрымъ и все толковалъ о скоромъ своемъ выздоровленіи.

— А, это ты, дитя,—ласково произнесъ онъ едва слышнымъ голосомъ.—Садись... Вотъ такъ, ближе ко мнѣ,—говорилъ онъ, лаская сына. — Вотъ мы и одни,—съ дѣтски-плутоватою улыбкою промолвилъ онъ, точно желая этимъ высказать, что они успѣли-таки перехитрить своихъ надзирательницъ.

— Какъ тебѣ кажется, любитъ ли тебя Алексѣй?—спросилъ больной.

— Я... я, право, не знаю,—смѣшался сынъ.

— Не знаешь?—задумался больной:—значитъ, не любитъ?

— Папа, я не могу этого сказать,—торопливо замѣтилъ сынъ.—Онъ просто не говорилъ еще со мною.

Больной помолчалъ.

— Я это зналъ... долженъ былъ знать,—произнесъ онъ, какъ бы разсуждая съ самимъ собою. — Значитъ, я умно распорядился. Видишь ли, мнѣ надо сообщить тебѣ одно важное дѣло... Возьми ключъ, отомкни ящикъ моего стола и достань тамъ пакетъ, на которомъ написанъ адресъ твоей матери.

Сынъ повиновался и досталъ пакетъ.

— Передай это письмо матери, когда я умру,—сказалъ отецъ. — Я хотѣлъ сперва иначе распорядиться, но пришлось сдѣлать такъ... Знаешь ли, когда написана бумага, лежащая въ этомъ пакетѣ? А?.. Пять лѣтъ тому назадъ... Мать это помнитъ... Я былъ тогда тоже боленъ... Но она не взяла въ то время этого пакета...

— Отецъ,—началъ сынъ дрожащимъ голосомъ:—зачѣмъ ты не позволяешь написать матери о твоемъ положеніи?

Больной испугался.

— Что ты! что ты, дитя!—воскликнулъ онъ. — Ты самъ видишь, каково здѣсь смотрятъ на тебя... Тебя готовы унижать, готовы выгнать... Вообрази, что то же пришлось бы терпѣть и матери. Еще больше пришлось бы ей терпѣть... За что же заставлять ее страдать изъ-за меня?

— А ты думаешь, ей легче не видать тебя, не знать истины, пріѣхать сюда, когда будетъ поздно? — спросилъ сынъ и смутился, сказавъ послѣднія слова.—Или ты, папа, все еще не вѣришь, что мы тебя больше всего, больше всего на свѣтѣ любимъ!

— Охъ, Господи! — заметался больной. — Не вѣрю! Я-то не вѣрю!.. Да развѣ можно это говорить?.. Я просто самъ такой слабый, ничтожный человѣкъ, что не могу... не могу понять, какъ бы я вынесъ на ея мѣстѣ все то, что̀ ждетъ ее здѣсь... Я не вѣрю, не могу понять, что человѣкъ ради любви въ силахъ перенести все.. Вѣдь я иногда боюсь.

Больной вдругъ остановился, и его взглядъ принялъ какое-то отупѣвшее выраженіе. Сынъ испугался, хотя подобные внезапные перерывы умственной дѣятельности больного и повторялись нерѣдко въ послѣдніе дни.

— А?—вдругъ спросилъ отецъ послѣ тяжелаго молчанія.— Что ты сказалъ?

— Ничего, папа.

— Да, да, — потеръ больной свой лобъ, вспоминая прерванный разговоръ. — Я вотъ, кажется, говорилъ, что я боюсь иногда, что ты, юноша, не вынесешь обращенія съ тобою моихъ родныхъ... убѣжишь...

— Полно, отецъ!—сказалъ съ упрекомъ сынъ. — Что̀ за странная мысль.

Черезъ минуту онъ припалъ своимъ зарумянившимся лицомъ къ груди отца.

— Я, папа, уже писалъ ей обо всемъ,—шопотомъ произнесъ онъ.

— Ну? ну?—насторожилъ уши отецъ.

На его лицѣ выражались страхъ и надежда.

— И она пріѣдетъ завтра или... или сегодня,—кончилъ сынъ, знавшій, что мать пріѣдетъ именно въ этотъ едва начинавшійся день.

Отецъ захватилъ обѣими слабыми руками его голову и покрылъ ее поцѣлуями. Онъ и смѣялся, и плакалъ, какъ дитя.

— Ты большой, ты умный,—бормоталъ онъ, стараясь шутить сквозь слезы.—Отецъ изъ ума выжилъ... Сынъ теперь всѣмъ распоряжается... знаетъ, что̀ отцу нужно. А то весь вѣкъ отца подъ опекой держали... а онъ молчалъ... Подъ опекой!..—больной закашлялъ.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ послышались торопливые, но осторожные шаги. Ихъ едва можно было разслышать. Такъ вотъ кошки къ своей добычѣ крадутся.

— Спрячь... спрячь... пакетъ спрячь!—тревожно и испуганно засуетился больной, продолжая кашлять. — Никто не долженъ знать!.. Послѣ смерти отдай... Никто...

Дверь въ комнату тихо отворилась, и въ нее просунулось озабоченное и улыбающееся заискивающей, сладкой

улыбкой лицо Ольги Александровны. При видѣ юноши, сидящаго на постели брата, сестра вытянула свое лицо до безобразія, и въ ея глазахъ выразилось что-то похожее на вопросъ: что̀ же это такое значитъ? Ея подслѣповатые, золотушные глаза заморгали отъ испуга и удивленія.

— А вотъ мы съ Петей бесѣдуемъ,—усмѣхнулся братъ, стараясь придать своему голосу выраженіе невинности.

— Что̀ же это вы такъ рано его подняли? Братцу сонъ нуженъ,—замѣтила Ольга Александровна юношѣ съ упрекомъ.

— Нѣтъ... я но... позвонилъ... онъ и пришелъ,—поспѣшилъ солгать братъ.—Я давно не сплю... такъ соскучился.

— Ахъ, Боже мой, какъ же это я не слыхала? Вы звонили? Ахъ, Господи, вотъ ужъ захочетъ Богъ наказать, такъ сонъ нашлетъ! — ужасалась сестра и бросила зловѣщій взглядъ на юношу, но онъ совершенно спокойно продолжалъ сидѣть на постели отца, и, кажется, былъ бы радъ, сталъ бы гордиться, если бы ему пришлось долго-долго сидѣть подлѣ этого слабаго, безхарактернаго старика и чувствовать, что онъ служитъ утѣшеніемъ и защитой для этой угасающей жизни. Какъ мелки и пошлы начинали казаться ему всѣ эти своекорыстные люди, а въ его душѣ шевелилось сознаніе, что истинно счастливъ и достоинъ зависти только тотъ, кто могъ въ своей жизни сказать: «Мнѣ удалось озарить блаженствомъ жизнь хотя одного человѣка въ мірѣ!» Вотъ честная гордость, вотъ никогда незабываемое наслажденіе человѣческой души. Прошумитъ гулъ вызванныхъ нами рукоплесканій и смѣнится онъ новыми, обидными для нашего мелкаго самолюбія, хвалебными криками въ честь другого, опередившаго насъ героя минуты; кончатся наши веселые пиры юношескихъ лѣтъ и оставятъ они въ наслѣдство однѣ болѣзни, да зависть къ тѣмъ, еще здоровымъ людямъ, которые еще могутъ пировать; окончатся опьяняющія насъ побѣды надъ врагами и останутся намъ въ память о нихъ наводящія грусть и, можетъ-быть, вызывающія раскаяніе вражескія могилы, но минуты, когда мы были нужнѣе хлѣба человѣку, когда мы одни во всемъ мірѣ заставляли его забывать всѣ страданія, когда мы создавали, наперекоръ всѣмъ людямъ и самой судьбѣ, его счастье, котораго не могла отнять никакая сила, эти минуты будутъ для насъ вѣчной отрадой, вѣчнымъ источникомъ силы къ жизни. Вотъ что̀ сознавалъ этотъ юноша и чувствовалъ все это такъ, какъ можно чувствовать что-ни-

будь только въ невозвратные дни свѣтлой восторженной молодости.

Праздничное чувство счастія наполняло въ этотъ день все его существо. Онъ не замѣчалъ никакихъ колкостей, щедро расточавшихся на его счетъ со стороны хозяекъ дома. Онъ не замѣчалъ холодности Алексѣя Алексѣевича Обноскова, и только каждый звонокъ въ передней заставлялъ его вздрагивать и заглядывать въ прихожую, чтобы узнать, кто пріѣхалъ. Это необычайно тревожное состояніе мальчика и самого больного, постоянно посылавшаго своего сына посмотрѣть, не пріѣхалъ ли кто-нибудь, не ускользнуло отъ вниманія заботливыхъ хозяекъ, и онѣ встревожились не на шутку. Имъ представилось, что братцу очень худо и что братецъ далъ какое-то порученіе сыну. Но какое? этого не могли онѣ угадать и только съ ужасомъ говорили мысленно: «Господи, не вздумалъ ли онъ написать духовную!» Это предположеніе переходило почти въ увѣренность, и сестры, крестясь и бросая молящіе взоры на образъ Спасителя, шептали пламенную молитву: «Не попусти, Господи, его сдѣлать это дѣло. Отврати отъ него эти мысли». За этою молитвою слѣдовало восклицаніе: «Ужъ лучше пусть онъ умретъ, прежде чѣмъ исполнитъ это несправедливое дѣло!»

Онѣ съ нетерпѣніемъ ждали доктора. Наконецъ докторъ явился.

Поминутно отирая глаза и слезливо сморкаясь, окружили доктора двѣ сестры и мать Алексѣя Алексѣевича Обноскова и пустились въ разспросы о положеніи братца. Докторъ былъ человѣкъ мягкій и не могъ безъ волненія видѣть слезъ женщинъ.

— Ничего, ничего,—говорилъ онъ:—вашъ братъ слабъ, очень слабъ, но, Богъ дастъ, онъ поправится... Вы не отчаивайтесь, не разстраивайте себя... Все зависитъ отъ Бога.

— Господи, насъ убьетъ, убьетъ его смерть! — плакали сестры.—Вѣдь мы все съ нимъ теряемъ, докторъ!.. единственнаго защитника и покровителя теряемъ...

— Берегите себя, ради Бога, берегите,—успокаивалъ ихъ докторъ. — Вамъ надо теперь сохранять присутствіе духа, крѣпиться...

Въ волненіи вышелъ онъ отъ нихъ и подозвалъ къ себѣ Петра Евграфовича.

— Вы здѣсь гостите, — началъ докторъ: — значитъ, вы можете понемногу подготовить несчастныхъ сестеръ боль-

ного къ ожидающей ихъ потерѣ. У меня нѣтъ силъ высказать имъ правду... Онѣ такія любящія, слабыя созданья. Вы, какъ посторонній человѣкъ, какъ мужчина, разумѣется, хладнокровно перенесете, если что-нибудь случится.

— Развѣ моему... развѣ ему, — растерялся юноша:— такъ худо?

— Разумѣется, онъ едва ли проживетъ до вечера,—проговорилъ докторъ и удивился, что мальчикъ зарыдалъ.

— Помилуйте, что̀ съ вами? Не стыдно ли быть такимъ слабымъ? Вы мужчина, — говорилъ докторъ, почти сердясь.—Что-жъ остается дѣлать этимъ бѣднымъ созданіямъ, теряющимъ въ братѣ все свое счастье, если посторонніе теряютъ голову? Это не хорошо. Вы должны быть тверды. Еще въ студенты готовитесь, а плачете, какъ баба! Нашему брату надо поддерживать слабыхъ женщинъ, а не рюмить...

Докторъ, раздраженный слабостью Петра Евграфовича, ушелъ. Нетерпѣнію юноши теперь не было границъ. День былъ осенній, яркій, солнце освѣщало всѣ комнаты золотымъ свѣтомъ своихъ лучей. Въ растворенныя окна залы плылъ свѣжій воздухъ, уничтожавшій запахъ лѣкарствъ, которымъ была пропитана квартира. Юноша долго стоялъ у окна и все ждалъ. Каждый звукъ колесъ заставлялъ сильнѣе биться его сердце. Наконецъ, къ подъѣзду подъѣхала наемная коляска. Въ ней сидѣла черноволосая женщина, лѣтъ тридцати семи, довольно стройная, моложавая и красивая собой. Типъ лица былъ характерный, не русскій. Она съ озабоченнымъ видомъ взглянула на окна дома и вдругъ улыбнулась радостной улыбкой, увидавъ юношу. Онъ послалъ ей рукою поцѣлуй и бросился къ дверямъ передней, потомъ съ быстротою молніи перемѣнилъ намѣреніе и побѣжалъ къ больному. Несмотря на всѣ его старанія, онъ не могъ войти тихо въ эту комнату, не могъ сохранить спокойнаго выраженія на своемъ лицѣ; оно было взволновано, его ноги дрожали. Больной торопливо приподнялся на локтѣ въ своей постели и, почти задыхаясь, крикнулъ сыну:

— Веди, веди ее сюда!—и въ изнеможеніи опустился на подушку.

Сынъ исчезъ. Обнимая мать и цѣлуя ей то руку, то щеку, велъ онъ ее въ кабинетъ отца, спрашивалъ ее о здоровьи, объяснялъ, что онъ кончилъ экзамены, говорилъ, что отцу лучше. Это былъ какой-то хаосъ отрывочныхъ мыслей, вос-

клицаній, торопливаго выраженія заботливости, радости и счастья. Они вошли въ комнату Евграфа Александровича. При ихъ неожиданномъ появленіи изъ груди двухъ сестеръ и Марьи Ивановны вырвалось только единодушное:

— Ахъ!

Въ этомъ восклицаніи послышался ужасъ. Три женщины вскочили съ мѣстъ и, какъ бы окаменѣвъ, устремили неподвижные глаза на неожиданную гостью. Она не обратила вниманія на эту нѣмую, но краснорѣчивую сцену.

— Милый, милый!—цѣловала она черезъ минуту больного человѣка. — Не стыдно ли хворать и не написать даже о болѣзни?

— Да я... я поправляюсь,—шепталъ больной.—Я совсѣмъ здоровъ... слабость только... Право, только слабость... Ну, а что дѣти?.. Таня выросла, поправилась?.. Любимая, дай руку... Вотъ такъ... Да тебѣ неловко, можетъ-быть?.. Ну, вотъ я теперь и дома, и здоровъ...

— Братецъ, не говорите такъ много, вамъ вредно,—подбѣжала Ольга Александровна съ умоляющимъ взглядомъ.

Она уже вышла изъ оцѣпенѣнія и усиленно моргала глазами.

— Оставьте насъ однихъ съ женою,—обернулъ больной голову къ сестрамъ.—Слышите?

Въ его голосѣ звучали строгость и рѣшительность. Въ присутствіи этой любимой женщины онъ постоянно овладѣвалъ собою и былъ твердъ.

— Братецъ, вамъ можетъ что-нибудь понадобиться,—начали сестры.

— Оставьте меня съ женою... оставьте меня съ сыномъ...—настойчиво повторялъ больной.

— Но *онъ* не знаютъ... если что-нибудь понадобится,—попробовали возразить сестры, указавъ на Стефанію Высоцкую.

— Я вамъ выйти приказываю,—почти крикнулъ больной.

Сестры и мать Обноскова вышли съ глубокими вздохами и покорностью угнетенныхъ мученицъ. Въ комнатѣ больного начались живые разговоры, но онъ самъ замѣтно ослабѣлъ послѣ необычайнаго напряженія силъ. Онъ больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, и только улыбался, да притягивалъ къ губамъ руку жены.

— Вотъ мы и въ своей семьѣ, дома, — разсмѣялся онъ черезъ нѣсколько времени дѣтскимъ смѣхомъ, но улыбка его вышла какая-то странная, губы какъ-то сухо растину-

лись около зубовъ.—Богъ съ ними... съ сестрами... Не обращайте на нихъ вниманія... На случай смерти...

— Не станемъ, милый, говорить о смерти, теперь жить надо,—прервала его жена.

— Жить надо... жить надо!—машинально повторилъ больной.—Я и жи-ву... жи-ву вполнѣ...

Онъ помолчалъ довольно долгое время, находясь въ забытьѣ и слегка какъ бы безсознательно покашливая...

— Вотъ жена... вотъ сынъ... благослови васъ Бо-гъ!..—голосъ больного былъ твердъ и ясенъ, но слова выходили изъ груди съ разстановкою, медленно.

Въ звукахъ было что-то сухое, рѣзкое. Лицо его сохраняло еще выраженіе счастія и спокойствія, но приняло какой-то матовый, землянистый оттѣнокъ. Въ горлѣ слышалась легкая хрипота, и глаза неподвижно глядѣли куда-то вдаль, точно имъ не составляла преграды противоположная стѣна. Черезъ нѣсколько минутъ грудь больного высоко приподнялась и, сдѣлавъ гримасу верхней губой какъ бы отъ непосильнаго напряженія, онъ вытянулся, словно желая поправиться и принять болѣе удобное положеніе. А его глаза все попрежнему продолжали смотрѣть куда-то въ неизвѣстную даль. Мать и сынъ переглянулись въ испугѣ. Сынъ чувствовалъ, какъ начинала холодѣть въ его рукѣ рука отца. Мать сдѣлала движеніе; сынъ приложилъ палецъ къ своимъ губамъ и тихо прошепталъ:

— Тссъ!

Въ комнатѣ можно было разслышать малѣйшій шумъ. Тишина была полная. Опустивъ на грудь голову, сидѣла на постели стройная, еще прекрасная женщина съ неподвижнымъ, полнымъ скорби лицомъ. Около нея стоялъ съ поникшей головой задумавшійся юноша, и передъ ними лежало холодное, успокоившееся навсегда человѣческое существо. Сквозь бѣлыя опущенныя шторы пробивался бѣловатый блескъ яркаго дня и игралъ по стѣнамъ комнаты какими-то безформенными, смутными и неуловимыми пятнами свѣта и тѣни. Минуты шли за минутами, и маятникъ столовыхъ часовъ, словно сознавая, что онъ остался единственнымъ живымъ существомъ въ этой комнатѣ, стучалъ громче обыкновеннаго, отчетливо и громко выбивая свое тикъ-такъ.

— Не надо ли чего братцу?—спутила это затишье своимъ ехидно-вкрадчивымъ вопросомъ Ольга Александровна, просунувъ въ двери свое желтоватое, золотушное лицо и дѣлая томные, чарующіе глазки.

— Ему... ему больше ничего не надо!—воскликнула, поднимаясь съ мѣста, Стефанія Высоцкая и зарыдала.

Слезы уже давно сдавливали ея грудь, теперь онѣ хлынули при первомъ произнесенномъ ею словѣ.

— Матушка, матушка, не плачьте,—проговорилъ сынъ, едва сдерживая свои собственныя рыданія, а у самого по щекамъ такъ и лились крупныя, горячія слезы.—Простимтесь съ нимъ и пойдемте.

— Братецъ! братецъ!—крикнули сестры и Марья Ивановна.

— Братецъ, голубчикъ, кормилецъ нашъ, пробудися!—тормошили онѣ на постели застывающій трупъ, и было что-то страшное въ его угловатыхъ движеніяхъ.

— Вы, вы его убили! Губители! Убійцы!—пронзительно взвизгнула Ольга Александровна, обращаясь съ яростными взглядами и сжатыми кулаками къ плачущей подругѣ и женѣ покойника.

— Какъ вы смѣете! — началъ съ негодованіемъ юноша, становясь между обезображенною отъ ярости мегерой и огорченною матерью; но мать, услышавъ строптивый гнѣвъ въ голосѣ сына, удержала его за руку.

— Дитя мое, здѣсь не мѣсто оскорбляться и оскорблять другихъ,—строго прошептала она, такъ что эти слова слышалъ только онъ.

Даже не взглянувъ на сестеръ бывшаго хозяина квартиры, она поцѣловала покойника и вышла подъ руку съ сыномъ изъ дома.

— Вонъ, вонъ изъ нашего дома! Развратница, развратница!—бѣсновалась, теребя свои жидкіе желтые волосы, Ольга Александровна и потомъ снова припадала къ трупу брата и тормошила его, впиваясь своими тонкими губами въ губы мертвеца:—Братецъ, братецъ, убійцы твои твой послѣдній вздохъ приняли. Не родныя руки твои глаза закрыли.

— Тетушка, нужно за полиціей послать, опечатать имущество,—проговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ, являясь въ комнату покойника.

— Батюшка, зачѣмъ! родной нашъ, зачѣмъ! Никому-то теперь до насъ дѣла нѣтъ!—метались тетки въ какомъ-то дикомъ отчаяніи, раскачивая головами изъ стороны въ сторону.

— Это необходимо, чтобы послѣ исторій не вышло,—объяснялъ племянникъ.—Можетъ, у дяди долги есть...

— Какіе у братца долги? На чистоту жилъ, голубчикъ... другимъ еще давалъ... Ой, ой, ой, не стало его у насъ, родимаго.

— Да мало ли что̀ можетъ случиться... Наслѣдниковъ будутъ вызывать...

— Всѣ налицо, всѣ налицо! Сироты горемычныя! — зарыдали тетки.

— Эхъ, вы совсѣмъ потерялись, — махнулъ рукой Алексѣй Алексѣевичъ.

— Да что̀ ты съ ними говоришь, батюшка? Распоряжайся, вотъ и конецъ весь,—проговорила мать Обноскова.— Вѣдь надо же имѣніе привести въ ясность, чтобы послѣ споровъ не вышло.

— Конечно! Объ этомъ же и я думалъ, — сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ и послалъ за полиціей.

Трупъ, между тѣмъ, стащили на простынѣ на полъ и началось обмываніе...

— Постойте, постойте, колечко надо снять съ руки братца... Еще обокрадутъ тебя, родимаго... Охъ, голубчикъ, голубчикъ ты нашъ!—рыдала Ольга Александровна, снимая съ застывшей руки брата кольцо съ брильянтомъ.

IX.

Перецъ гробомъ ближняго.

Только вступивъ въ свое жилище, почувствовала Стефанія Высоцкая вполнѣ, какъ велика ея потеря. Весь вечеръ пролежала она на диванѣ, то плача, то сожалѣя о томъ, что другія дѣти не успѣютъ пріѣхать къ его похоронамъ. На слѣдующій день сынъ обратился къ матери съ озабоченнымъ лицомъ.

— Матушка, ты поѣдешь туда?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Разумѣется,—отвѣтила она.

Сынъ поцѣловалъ мать, какъ-будто благодаря ее за что-то. И онъ, и она понимали, что имъ можетъ встрѣтиться еще много мелкихъ огорченій въ томъ домѣ, гдѣ лежалъ дорогой для нихъ трупъ.

Въ квартирѣ покойнаго уже шла панихида, когда въ ней появились Высоцкіе. Въ комнатѣ начался едва замѣтный шопотъ.

— Какова смѣлость! Вотъ безстыдство-то! — волновались дѣвственницы-сестры покойника и мать молодого Обноскова.

— Бѣдный братецъ, какъ его позорятъ! и послѣ смерти-

то не даютъ покою, на глаза людямъ выставляютъ его грѣхъ!

Стефанія Высоцкая, стоя на колѣняхъ, не замѣчала ничего и тихо молилась. Но сынъ, стоя около нея на-стражѣ, какъ отважный защитникъ, все видѣлъ, все слышалъ. Въ немъ кипѣла кровь, лицо горѣло яркимъ румянцемъ негодованія. Святое чувство скорби о смерти отца было нарушено, вытѣснено на-время грубыми людьми изъ его сердца.

— Не могу, не могу не высказать!—воскликнула Ольга Александровна, вѣчное зашѣвало въ семейномъ хорѣ, и подошла сзади къ юношѣ, дернувъ его за рукавъ.

Онъ обернулся. Панихида уже кончилась.

— Идите сюда,—позвала его Ольга Александровна.

Онъ пошелъ за нею.

— Я очень хорошо знаю... я очень хорошо знаю, что вы лишились всего, что братецъ кормилъ, поилъ и одѣвалъ васъ,—заговорила она скороговоркою.—Но вы должны сказать своей матери, что ей неприлично здѣсь быть и плакать при народѣ. Наша семья всегда, всегда была честною, и если братецъ сдѣлалъ ошибку, то онъ за нее отстрадалъ, видитъ Богъ, отстрадалъ, и стыдно позорить его передъ людьми, стыдно показывать всѣмъ, что онъ ошибался въ жизни...

— Я васъ не понимаю,—пожалъ плечами юноша.—Что̀ вы хотите сказать?

— А то, что ваша мать не должна появляться въ нашемъ домѣ.

— Моя мать и не будетъ появляться въ немъ, когда отсюда вынесутъ тѣло моего отца,—серьезно отвѣтилъ юноша.

— Фью! Нѣтъ-съ! ее и теперь не велятъ впускать сюда. Къ намъ ѣздятъ такіе люди, къ брату ѣздятъ графы Струговы, княгиня Валунова, которые не привыкли стоять на одной доскѣ съ подобными женщинами.

Юноша вспыхнулъ.

— Не смѣйте бранить мою мать!—почти крикнулъ онъ, дрожа отъ гнѣва, и почувствовалъ, что чья-то рука кротко прикоснулась къ его плечу.

— Другъ мой, полно,—произнесъ тихій голосъ надъ его ухомъ.—Запретить посѣщать покойника никто не рѣшится, у христіанъ принято впускать всѣхъ въ домъ, гдѣ лежитъ покойникъ, и если сюда могутъ войти нищіе, то можемъ войти и мы.

Въ этихъ словахъ Высоцкой звучало выраженіе такого холоднаго пренебреженія къ хозяйкамъ дома, что не понять его могли только онѣ однѣ. Ихъ взбѣсило еще болѣе то обстоятельство, что Высоцкая, не обращая вниманія на нихъ, готовилась уйти съ сыномъ.

— Нищіе, нищіе! Такъ они не позорятъ покойника, а вы его позорите!—крикнула Ольга Александровна, обращаясь къ Стефаніи Высоцкой.

— Какое у васъ черствое сердце!—произнесла та невозмутимымъ тономъ.

Высоцкая смотрѣла на родственницъ покойника скорѣе съ чувствомъ состраданія и сожалѣнія, чѣмъ съ негодованіемъ; казалось, что она стояла настолько выше этихъ женщинъ, что ни одинъ комокъ грязи, брошенный ими, не могъ долетѣть до нея.

— Тетушка, оставьте ихъ,—проговорилъ Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ, подходя къ группѣ родственниковъ.

— Не могу, голубчикъ, не могу! Позора братца не могу видѣть!..

— Что сдѣлано, того не воротить,—кончилъ племянникъ наставительнымъ тономъ.—Я вполнѣ понимаю, что вамъ тяжело,—обратился онъ исключительно къ Стефаніи Высоцкой.—Вы потеряли въ дядѣ все. Я не могу васъ содержать на свой счетъ...

— Ахъ, батюшка, да они этого и требовать не могутъ,—перебила его Ольга Александровна, но племянникъ не обратилъ на нее вниманія и продолжалъ свою рѣчь:

— Теперь вамъ придется жить однимъ *честнымъ* трудомъ,—сказалъ онъ, подчеркнувъ слово *честнымъ*.—Богъ поможетъ вамъ идти по этой дорогѣ... Если у васъ не станетъ средствъ воспитывать дѣтей, то я готовъ за нихъ платить въ училища, сколько могу, разумѣется...

— Ангелъ, ангелъ!—воскликнула Вѣра Александровна, склонная къ восторженности, но племянникъ не обратилъ вниманія и на нее.

— По закону вы не имѣете никакихъ правъ на какую-нибудь часть изъ имѣнія дяди,—говорилъ онъ, попрежнему обращаясь къ Стефаніи и стараясь не глядѣть на ея сына.—Но я считаю своимъ долгомъ помогать его дѣтямъ, насколько буду въ силахъ.

— Благодарю васъ. Но я отъ васъ ничего не требую,—сказала Высоцкая, удивленная настойчивымъ желаніемъ Обноскова покровительствовать ей.—Какъ бы тяжело ни

было мое положеніе, я его перенесу, и вы можете быть покойны, что моя нога не будетъ въ этомъ домѣ послѣ похоронъ вашего дяди. Но теперь не время толковать о нашихъ личныхъ дѣлахъ...

Обносковъ пожалъ плечами.

— Толковать о дѣлахъ всегда время, — замѣтилъ онъ тихо.—И вы совершенно напрасно даете обѣщаніе не посѣщать насъ. Вы еще не знаете, что̀ такое нужда и трудъ, и пренебрегать моимъ предложеніемъ не слѣдуетъ. Я не желаю, чтобы дѣти *моего* дяди выросли неучами.

— Не заботьтесь о нихъ, не заботьтесь обо мнѣ и оставьте насъ въ покоѣ,—твердо произнесла Высоцкая.—Я не прошу ни вашихъ черствыхъ наставленій, ни вашего холоднаго покровительства.

— Согласитесь сами, что у меня нѣтъ никакой причины нѣжничать,—усмѣхнулся Обносковъ, сощуривъ насмѣшливо глаза.

— О, я у васъ даже и этого не прошу!—съ презрѣніемъ вымолвила Высоцкая; на Обноскова она смотрѣла совершенно не такъ, какъ на его тетокъ. Онъ не казался ей жалкимъ, а былъ просто гадокъ.

— Но мнѣ будетъ очень жаль, если вы станете пренебрегать воспитаніемъ дѣтей *моего* дяди,—повторилъ Обносковъ, снова дѣлая удареніе на словахъ, какъ будто желая внушить Высоцкой, что онъ хлопочетъ не о *ея* дѣтяхъ, но именно о дѣтяхъ *своего* дяди.—Конечно, я тутъ посторонній человѣкъ. Я не имѣю никакихъ правъ заботиться о нихъ насильно, противъ вашего желанія. Но повинуясь послѣдней волѣ дяди, я сдѣлалъ это предложеніе; вы его не принимаете, тутъ не моя вина. Но помните, что я буду готовъ помогать вамъ, если вы попросите помощи. А передъ тѣмъ, что̀ будетъ, я умываю руки.

— Съ этого вы могли начать, — проговорила молодая женщина и, поклонившись нѣжнымъ родственникамъ покойника, вышла подъ-руку съ сыномъ.

— Какова? Какова? она же еще и носъ поднимаетъ!— разразились громомъ восклицаній родственницы. — Ты ангелъ, Леня, ангелъ!—восхищались онѣ племянникомъ.

— У-у! у меня такъ вотъ и кипѣло, такъ вотъ и кипѣло въ груди, — говорила Ольга Александровна. — Такъ вотъ и хотѣлось ее отдѣлать! Ты ей благодѣтельствовать хочешь, а она голову вздергиваетъ! Терпѣливъ ты, голубчикъ, право, терпѣливъ!

— Что же, тетушка, горячиться изъ-за пустяковъ? — промолвилъ племянникъ.—Право, всѣ эти сцены не нужны. Я поступаю законно и мнѣ совершенно все равно, какъ смотритъ она на это дѣло. Она, вѣроятно, думала, что ей достанется все имѣніе дяди, но вѣдь я не виноватъ, что она не имѣетъ на это права.

— Ужъ ты умникъ у насъ!—воскликнула Вѣра Александровна.

— Пожалуйста, не дѣлайте никакихъ сценъ, если она будетъ являться въ эти дни на панихиды, — замѣтилъ Обносковъ.—Это ни къ чему не поведетъ. Только лишнія волненія выходятъ.

— Миротворецъ, миротворецъ! — пришли въ умиленіе тетки.—Вотъ къ кому послала бы она сына учиться кротости. Руки бы твои цѣловать заставила, чтобы ты его отъ гордости-то вылѣчилъ, на добрый путь наставилъ бы. А то, гляди, какъ голову поднимаетъ полячишка. Земли подъ собой не чаетъ! Вѣдь ты, Леня, не все видѣлъ, что̀ мы отъ этого негодяя-полячонка натерпѣлись. Вѣдь онъ барина изъ себя такого ломалъ, что проходу намъ не было... Слава Богу, что онъ не нашу фамилію носитъ, нашего имени не позоритъ... Ужъ дойти ему до бѣды... Повѣсятъ его, какъ пить дадутъ! Да!.. Видно, мало ихъ перевѣшали... Братца только не хотѣлось огорчать, такъ все терпѣли, все терпѣли... Вотъ теперь безъ всего остались, на одного тебя, голубчика нашего, вся надежда,—зарыдали тетки.

— Полноте, ради Бога, не плачьте!—холодно уговаривалъ ихъ племянникъ.—Ну что же, кое-какъ достанетъ средствъ жить. Вотъ приведемъ все имѣніе въ извѣстность, раздѣлимъ...

— Не обидь, голубчикъ, сиротъ беззащитныхъ!—молила Вѣра Александровна.

— Тетушка, какъ вамъ не стыдно,—вяло упрекнулъ Обносковъ.—Развѣ я могу утаить хоть грошъ, который слѣдуетъ отдать по закону другимъ?

— Кормилецъ, заступникъ нашъ! — воскликнула тетка Ольга Александровна.

— Однако, я сильно утомился,—замѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ, зѣвая.

— Отдохни, голубчикъ, отдохни! — засуетились тетки и повели племянника въ другую комнату, приловчили ему подушку на диванѣ и уложили его отдыхать.

— Вотъ колокольчикъ, позвони, если понадобится,—гово-

рили онѣ, заботливо ухаживая около Обноскова, гордости ихъ семьи.

Обносковъ закрылъ глаза и сдѣлалъ видъ, что желаетъ уснуть. Тетки и его мать на цыпочкахъ вышли въ другую комнату.

— Расходы-то какіе теперь. Народу-то что набирается,— совѣщались онѣ между собою.

— Надо бы, сестрица,—говорила Марья Ивановна, почему-то начинавшая царить въ домѣ, гдѣ она сперва старалась стушеваться и считала себя гостьею: — надо бы Матвѣя Ильича изъ дому уволить. Не надеженъ онъ мнѣ кажется. Не стащилъ бы чего въ суматохѣ.

— Пусть идетъ къ своему Петру Евграфовичу, — воскликнула Ольга Александровна съ злобной ироніей: — онъ же его такъ уважалъ!

— Да ужъ, нечего сказать, человѣчекъ!—негодовала мать Алексѣя Алексѣевича.—Не вы ли его кормили, поили? съ дѣтства, вѣдь, у вашего батюшки еще служилъ, а что̀ вышло?—чужимъ угождать сталъ. Ужъ правду говорятъ, какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ. И то сказать, свой своему поневолѣ братъ, благороднымъ людямъ непріятности дѣлалъ, а этимъ... прости Господи, угождалъ!..

Марья Ивановна, должно-быть, мысленно употребила какое-нибудь очень крѣпкое словцо и потому попросила прощенія у Бога за этотъ грѣхъ.

Матвѣя Ильича, между тѣмъ, призвали и съ бранью объявили ему, что онъ можетъ идти на всѣ четыре стороны. Старикъ не сказалъ ни слова, ушелъ въ свою каморку, связалъ въ узелокъ свое мелкое имущество и съ этимъ узелкомъ и палкою въ рукахъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежалъ покойникъ. Безмолвно опустился старикъ на колѣни, тихо положилъ три земные поклона, медленно поднялся своимъ старымъ тѣломъ съ пола, поцѣловалъ въ холодныя губы мертваго барина и тихо, безъ слезъ, безъ упрековъ, вышелъ изъ дома, гдѣ онъ провелъ долгіе годы, перенесъ тяжкія обиды, утратилъ здоровье въ трудѣ и безсонныхъ ночахъ, домыкался до безсилья, до старости и откуда теперь выходилъ безсемейнымъ, одинокимъ, искалѣченнымъ и никому не нужнымъ старикомъ... Это былъ дворовый, неимѣющій угла, дворовый калѣка, который, какъ на смѣхъ, не умеръ подъ ударами подлой судьбы и дострадалъ до поздней воли. Песъ, сторожившій дворъ, ослѣпъ, оглохъ отъ побоевъ, и его выгоняли изъ дома, чтобы не кормить

его даромъ... Если бы мертвецы чувствовали, что происходитъ вокругъ ихъ, то, можетъ-быть, именно эта безмолвная сцена прощанья прогоняемаго изъ дома стараго слуги больнѣе всего отозвалась бы въ сердцѣ Евграфа Александровича: вѣдь онъ былъ такимъ нѣжнымъ, любящимъ существомъ.

— Куда же выписать васъ и чемоданъ вашъ отправить?—спросилъ старика дворникъ, качая головой при видѣ этой дряхлой фигуры. — Гдѣ вы жить-то будете, Матвѣй Ильичъ?

— У моей барыни, у Стефаніи Станиславовны Высоцкой,—гордо отвѣтилъ старикъ.

Если бы можно было въ настоящее время человѣку сдѣлаться крѣпостнымъ, то Матвѣй Ильичъ, кажется, сейчасъ бы закрѣпилъ себя, вступая въ домъ обожаемой имъ семьи.

Надломленная, измученная Стефанія Высоцкая возвратилась домой со своимъ сыномъ въ совершенномъ безмолвіи; въ эти два дня она еще впервые вспомнила о своихъ матеріальныхъ средствахъ и вспомнила о нихъ только потому, что ее на эту мысль навели другіе. Горе было слишкомъ велико, чтобы думать о будущемъ, сводить денежные счеты. Но теперь она очнулась и увидала, что она стоитъ на краю пропасти. До сихъ поръ ея жизнь текла мирно и хорошо. У нея было всегда довольно средствъ къ жизни. Ей пришлось получить черезъ годъ послѣ смерти матери кой-какія деньги. Евграфъ Александровичъ тоже вносилъ въ свою семью не малую помощь. Она экономничала, какъ умѣла, обшивала своихъ дѣтей сама, учила ихъ первымъ началамъ наукъ тоже сама и могла сказать съ чистой совѣстью, что она была хорошею женою, хорошею матерью, и не ѣла даромъ чужого куска хлѣба. Мало или, лучше сказать, совсѣмъ не цѣнится работа женщины, какъ хозяйки—экономки, какъ матери — воспитательницы дѣтей,— но это тоже работа, требующая платы. Если мужъ приноситъ извѣстное количество рублей, то на нихъ немного пріобрѣлъ бы онъ, если бы ему пришлось платить за трудъ экономкѣ, за шитье дѣтскаго бѣлья швеѣ, за первоначальное обученіе дѣтей гувернанткѣ. Женщина, исполняющая все это честно въ домѣ мужа, можетъ сказать, что она не ѣстъ его хлѣба, а живетъ на свой счетъ. Но вполнѣ еще ясно это для всѣхъ, но въ жизни встрѣчаются семейства, гдѣ сознается и мужемъ, и женою ихъ равноправность по приносимой ими пользѣ. Такою семьею была семья покой-

наго Обноскова. Этотъ слабый по характеру, лишенный силы воли человѣкъ былъ добрымъ семьяниномъ, хорошимъ мужемъ, честнымъ отцомъ. Онъ занималъ сперва значительное мѣсто вице-директора въ одномъ департаментѣ, потомъ перешелъ въ качествѣ директора въ одну изъ акціонерныхъ компаній. Его средства съ каждымъ годомъ дѣлались все болѣе и болѣе, такъ что Высоцкая имѣла бы возможность скопить кое-что. Но она была на это неспособна. Евграфъ Александровичъ совершенно справедливо называлъ ея домъ «комиссіею для вспомоществованія пострадавшимъ». Дѣйствительно, у нея постоянно шли сборы то на пользу какого-нибудь человѣка, принужденнаго ѣхать куда-нибудь за тридесять земель, не по своей волѣ, то въ пользу какого-нибудь, неизвѣстно гдѣ погибшаго смѣльчака. Она вѣчно за кого-нибудь хлопотала, кого-нибудь опредѣляла въ училища, что-нибудь устраивала. Ея подвижная до крайности натура требовала дѣятельности, и никто не удивлялся, когда Стефаніи Высоцкой приходилось даже уѣзжать изъ Петербурга не по своимъ дѣламъ. Но не всегда работала она на помощь ближнимъ; случалось ей съ такимъ же веселымъ смѣхомъ, съ такою же энергіею работать и на гибель людей. Какой-нибудь господинъ, загрубѣлый во взяточничествѣ и кляузахъ, бывало, надѣлаетъ какихъ-нибудь подлостей въ дѣлѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ заботилась Высоцкая, и она начинаетъ подтачиваться подъ этого господина. Всѣ возможныя средства пускались ею въ ходъ для достиженія цѣли. Въ этихъ случаяхъ большую пользу приносили важные друзья Евграфа Александровича, къ которымъ Стефанія обращалась съ подобными просьбами объ изгнаніи изъ службы мерзавцевъ и у которыхъ зато никогда не просила денежной помощи для своихъ protégés... Теперь Евграфа Александровича не стало, и Высоцкая осталась почти безо всего; она могла просуществовать годъ или полтора, но не болѣе. Она часто просила безъ всякой застѣнчивости для бѣдняковъ, но никогда не попросила бы она помощи для себя. Теперь приходилось работать изъ-за куска хлѣба, копить и разсчитывать каждый грошъ и все-таки терпѣть нужду, не имѣть средствъ дать хорошее образованіе остальнымъ дѣтямъ. Отъ дѣятельности, составлявшей всю цѣль жизни Высоцкой, приходилось отказаться совсѣмъ, заботиться о разныхъ погибающихъ, собирать на нихъ деньги можно было только тогда, когда у самой Стефаніи были средства: теперь она не рѣшилась бы дѣлать сборы, потому что и

самые честные люди могутъ быть заподозрѣны въ безчестности, если они бѣдны. И сами эти люди становятся страшно щекотливы и отстраняютъ отъ себя всякія занятія, при которыхъ ихъ можно заподозрить въ чемъ-нибудь дурномъ. Путь, на которомъ Стефанія находила защиту для погибающихъ и отпоръ губящимъ, тоже закрывался со смертію Евграфа Александровича. Графы Струговы, князья Валуновы, изъ которыхъ послѣдній былъ женатъ на полькѣ, дѣлали все для своего покойнаго друга и оказывали глубочайшую симпатію и даже уваженіе Высоцкой, но теперь вѣдь и они откажутся отъ нея. Она еще боялась сообщить сыну о ихъ общемъ положеніи, когда къ ней вошелъ Матвѣй Ильичъ.

— А я къ вамъ, матушка-барыня, служить пришелъ, — промолвилъ онъ съ поклономъ.— Не прогоните старика!

— Полноте, Матвѣй Ильичъ, живите у меня, — проговорила съ болѣзненной улыбкой Высоцкая, глядя на эту живую развалину преданнаго слуги.—Живите, покуда у насъ будутъ средства.

Старикъ покачалъ головой.

— Охъ-хо-хо! Плохія времена пришли, матушка-барыня! — заговорилъ онъ.—Добрый былъ баринъ Евграфъ Александровичъ, только характеру у нихъ не было. Сколько разъ я ему говорилъ, чтобы сдѣлалъ распоряженіе, такъ нѣтъ! Осѣтили его эти чертовки (не въ этомъ раю будь сказано), вотъ и оставилъ семью ни при чемъ!

— Не грѣшите, Матвѣй Ильичъ! Покойниковъ грѣхъ бранить,—серьезно замѣтила Стефанія Высоцкая и испугалась своихъ невольно сказанныхъ словъ, вспомнивъ, что за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ въ ея умѣ тоже промелькнулъ горькій упрекъ любимому человѣку. — Перебьемся какъ-нибудь, все пойдетъ хорошо, — говорила она. — Я работать стану.

— Работать! Матушка-барыня, много ли нонче работой-то наживете!?—говорилъ старикъ, качая головой въ раздумьѣ.— У васъ дѣти, за ними присмотрѣть надо. Гдѣ тутъ работать?

Стефанія вздрогнула.

— Тяжело мнѣ, Матвѣй Ильичъ; съ силами я еще не собралась... Послѣ все обдумаю.

— Матушка, развѣ наше положеніе такъ нехорошо? — спросилъ сынъ, съ участіемъ заглядывая въ глаза матери.

— Дитя, мы нищими можемъ скоро сдѣлаться! — заплакала мать.

— Господи! Что же мы станемъ дѣлать? — воскликнулъ онъ, обнимая мать, и сталъ ее утѣшать:—Не плачь, милая! Все пойдетъ отлично, я уроки буду давать, наши ребятишки будутъ дома у меня учиться, платить будетъ не нужно... Постой, постой!—закричалъ онъ, вспомнивъ что-то.

— Какъ это я забылъ! Ахъ! Боже мой, какой я вѣтренный. Вотъ бранить стоитъ!—говорилъ онъ отрывисто и торопливо шарилъ во всѣхъ карманахъ. — Вѣдь папа тебѣ письмо оставилъ, велѣлъ, чтобы я никому не показывалъ, кромѣ тебя... Ахъ, Боже мой, ужъ не потерялъ ли я его!.. Нѣтъ, нѣтъ! вотъ оно.

Стефанія Высоцкая торопливо взяла письмо. Она читала знакомыя ей строки и плакала, пожимая руку сына.

— Голубушка-барыня, да что же съ вами?—спрашивалъ Матвѣй Ильичъ.—Успокойтесь, матушка!.. Постойте, я водицы принесу...

— Матвѣй Ильичъ, мы грѣшили съ вами, упрекая его, страшно грѣшили!—говорила Стефанія Высоцкая.—Онъ насъ обезпечилъ, мы будемъ счастливы... Дѣти мои, дѣти, вы не вырастете неучами, не пойдете по міру за подаяніемъ... къ Обносковымъ!..

Старикъ перекрестился. Стефанія Высоцкая преклонила голову на плечо къ сыну и долго-долго сидѣла безмолвно въ этомъ положеніи, опустивъ на колѣни письмо и вексель, оставленный ей Евграфомъ Александровичемъ.

— Такъ я вамъ, матушка, не буду въ тягость?—спрашивалъ старый слуга.

— Нѣтъ, нѣтъ, добрый мой, вѣрный старикъ! Никто изъ моей семьи не будетъ мнѣ въ тягость,—а вы другъ, членъ нашего семейства,—протянула Стефанія руку старику.

Онъ бросился ее цѣловать.

Вечеръ мирно догорѣлъ въ мирномъ кружкѣ небольшого семейства. Всѣ вѣрили въ свѣтлое будущее и снова не заботились о грошахъ, не завидовали участи Обносковыхъ...

На похороны Евграфа Александровича, кромѣ другихъ значительныхъ друзей покойнаго, явился и графъ Струговъ со своимъ сыномъ и братомъ. Съ графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Струговымъ покойный Обносковъ вмѣстѣ выросъ, вмѣстѣ воспитывался въ университетѣ и, наконецъ, вмѣстѣ служилъ въ обширной по дѣламъ акціонерной компаніи «Водяныхъ сообщеній въ Россіи», гдѣ графъ былъ однимъ изъ главныхъ директоровъ. Дошедшій до степеней извѣстныхъ, отчасти при помощи своего происхожденія,

своего образованія и своихъ блестящихъ способностей и еще болѣе при помощи своей красоты и умѣнья ловко вальсировать, графъ Григорій Струговъ былъ еще довольно привлекательнымъ мужчиной, хотя и успѣлъ посѣдѣть не отъ лѣтъ, а отъ тревожно проведенной, разгульной въ былые годы жизни. Но всему есть конецъ: вальсъ вышелъ изъ моды и не могъ помочь на службѣ, тогда графъ успѣлъ вовремя сдѣлаться набожнымъ, а потому шелъ все впередъ. Теперь онъ уже не кутилъ, занималъ нѣсколько должностей, состоялъ попечителемъ различныхъ богоугодныхъ заведеній и членомъ различныхъ акціонерныхъ компаній, однимъ словомъ, заглаживалъ и былые грѣхи, и былые долги. Спокойствіе въ манерахъ, тонкая, не лишенная гордаго сознанія своего значенія и своихъ достоинствъ, снисходительная деликатность въ обращеніи, склонность къ легкой, никого не оскорбляющей, но въ то же время мѣткой насмѣшливости — были отличительными чертами характера графа. Зная въ совершенствѣ французскій языкъ, онъ рѣдко говорилъ по-русски, но въ его русской рѣчи попадались такіе простонародные, не петербургскіе и не чиновническіе обороты, что его принадлежность къ числу родовитыхъ баръ, «отцовъ» безчисленнаго множества крестьянъ, была ясна, какъ день. Онъ болѣе всего старался не быть «выскочкой», хотя и безъ его усилій никакой графъ Струговъ не могъ бы быть сочтенъ выскочкой. Вслѣдствіе этой скромности, онъ всегда старался становиться въ задніе ряды во всѣхъ многолюдныхъ обществахъ и, кажется, не замѣчалъ, что именно это обстоятельство заставляло разступаться передъ нимъ тѣхъ, кто стоитъ впереди, а значитъ и обращало еще больше вниманія на него, великодушно стремящагося стушеваться и скрыть свою личность за спиною толпы. На пышныхъ раутахъ онъ забивался куда-нибудь въ такой уголъ, гдѣ его было бы очень трудно отыскать, если бы черезъ четверть часа этотъ уголъ не дѣлался такимъ шумнымъ и тѣснымъ, что многіе тщетно добивались чести постоять, хоть минуту, въ этомъ углу...

При появленіи графа въ комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ покойнаго Обноскова, Алексѣй Алексѣевичъ тотчасъ же подошелъ къ почетному гостю и предупредительно попросилъ его стать на самое удобное мѣсто.

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—отвѣтилъ графъ:—мнѣ совершенно все равно, гдѣ стоять.

— Помилуйте, графъ, — разсыпался Обносковъ: — тутъ

постоянно будутъ сновать мимо васъ и тревожить васъ посѣтители.

— А я вотъ въ уголокъ проберусь,—отвѣтилъ графъ и пробрался въ уголокъ, скромно извиняясь передъ тѣми лицами, мимо которыхъ онъ пробирался и которыхъ, по его мнѣнію, а не въ дѣйствительности, онъ потревожилъ.

Обносковъ сбилъ всѣхъ съ ногъ, посылая гонца за гонцомъ торопить запоздавшихъ поповъ, и снова возвратился къ графу. Онъ, кажется, начиналъ мозолить глаза значительному гостю; это дало поводъ тому подумать, что Обносковъ напрашивается на разговоръ, и снисходительный аристократъ счелъ своимъ долгомъ исполнить желаніе неотходившаго отъ него ближняго.

— Вы, кажется, распорядитель похоронъ? — спросилъ графъ, чтобы какъ-нибудь начать бесѣду.

— Да-съ. У дядюшки не было другихъ ближнихъ родственниковъ мужчинъ, кромѣ меня, — отвѣтилъ Обносковъ, дѣлая умилительно-почтительное лицо.

— А! такъ это вы, значитъ, ѣздили, какъ я слышалъ, оканчивать ученье въ Берлинъ?

— Въ Гейдельбергъ,—поправилъ Обносковъ.

— Да, да, виноватъ! въ Гейдельбергъ. Мнѣ такъ и говорилъ мой покойный другъ... Рано онъ у насъ свернулся,— вздохнулъ графъ.—Прекрасная была душа!

Обносковъ потупилъ глаза и тоже вздохнулъ, услышавъ эти теплыя слова.

— Скажите, графъ, — началъ онъ нерѣшительно черезъ минуту:—вѣроятно, общество «Водяныхъ сообщеній въ Россіи» выдастъ какое-нибудь вспомоществованіе родственницамъ дяди?..

— Непремѣнно,—утвердительно отвѣчалъ графъ.—Я думалъ, что вы уже получили деньги на похороны, ему назначена тысяча рублей... Конечно, это небольшая сумма, но что прикажете дѣлать: больше мы не могли выдать... Времена, времена плохія!—приподнялъ графъ плечи.

— Кажется, въ компаніи обыкновенно выдается годовое жалованье,—несмѣлымъ тономъ замѣтилъ Обносковъ.

— Да, но это не идетъ въ счетъ похоронныхъ денегъ. Я уже озаботился, чтобы единовременное пособіе было выдано женѣ покойнаго.

— Вы, вѣроятно, введены въ ошибку: онъ не былъ женатъ, графъ,—быстро перебилъ Обносковъ, и его лицо зарумянилось отъ волненья.

— Ну да, ну да, — повертѣлъ графъ рукою въ воздухѣ.— Не былъ вѣнчанъ... Но это все равно. У нихъ были дѣти.

— Помилуйте, это совсѣмъ не все равно, — уже совершенно серьезно проговорилъ Обносковъ.

— Ну, конечно, конечно, не все равно,—отвѣтилъ графъ совершенно спокойно, но у него слегка покоробило лицо, такъ что посторонній наблюдатель могъ бы замѣтить подъ маскою этого наружнаго спокойствія слѣды подавленной досады.—Но я хотѣлъ сказать,—продолжалъ онъ:—что покойный мой другъ жилъ столько лѣтъ съ этой женщиной въ гражданскомъ бракѣ...

— У насъ, графъ, не существуетъ подобныхъ браковъ, — холодно замѣтилъ Обносковъ.

— Э, Боже мой, вы гоняетесь за словами!—нетерпѣливо произнесъ графъ, едва не топнувъ ногою.

— Не за словами, а за идеями, за идеями! Гражданскій бракъ выдумали нигилисты, а это была просто незаконная связь...

— Ну, связь, прекрасно! Вамъ нравится это слово, возьмите его. Но эта связь продолжалась столько лѣтъ и была такъ серьезна, что ее нельзя считать простымъ развратомъ, и та женщина, съ которой жилъ мой покойный другъ, имѣетъ право на нашу помощь.

— Въ этихъ дѣлахъ, графъ, давность по нашимъ законамъ ничего не поправляетъ,—настойчиво стоялъ на своемъ Обносковъ.—И никто не имѣетъ права отдать этой женщинѣ деньги, слѣдующія наслѣдникамъ моего дяди, никто!

— Я!—рѣзко проговорилъ графъ Струговъ, уже метавшій глазами молніи на Обноскова.—То-есть наша компанія,— вдругъ спохватился графъ, увидавъ, что Обносковымъ подмѣчено его раздраженіе, и принялъ снова свое холодно-спокойное выраженіе.

— Развѣ вы, графъ, и ваша компанія стоите внѣ общихъ государственныхъ законовъ?—ѣдко спросилъ Обносковъ.

— Нѣтъ-съ, какъ можно! Мы подчиняемся имъ, какъ и всѣ другіе,—уже насмѣшливо отвѣтилъ графъ.

— Такъ какъ же вы отдадите наши деньги ей?

— Не наши, а свои. Мы ихъ и за окно можемъ бросить,— уже совсѣмъ весело усмѣхался графъ и смотрѣлъ на Обноскова какъ-то сверху внизъ, точно передъ нимъ находилась какая-то маленькая, едва замѣтная букашка.

— Да вѣдь эти деньги намъ слѣдуютъ по закону!—волновался Обносковъ.

— По какому?—бросилъ на него насмѣшливый взглядъ собесѣдникъ. — Гдѣ это вы нашли законъ, что компанія обязана выдавать годовое жалованье роднымъ ея умершихъ агентовъ?

На лбу Обносковa проступилъ холодный потъ; это не ускользнуло отъ вниманія графа; онъ сохранилъ спокойствіе и смѣялся въ душѣ.

— Я, графъ, принужденъ вамъ сказать, что, по моему мнѣнію, вы просто желаете потакать разврату. Вы хотите покровительствовать тому, что̀ преслѣдуется нашими законами. Я готовъ все это считать шуткой, такъ какъ самое ваше положеніе въ свѣтѣ не оправдываетъ такого образа дѣйствій. Если бредни какого-нибудь безроднаго отрицателя брака и законныхъ правъ на наслѣдство могутъ быть только смѣшны, то ваше поощреніе, ваше признаніе правъ любовницы и незаконнорожденныхъ дѣтей на наслѣдство просто опасны.

Графъ молчалъ, точно Обносковъ шипѣлъ гдѣ-то очень далеко внизу и его слова не могли долетать до той вершины, гдѣ стоялъ его гордый противникъ.

— Я, графъ, долженъ вамъ замѣтить,—прошепталъ Обносковъ, задыхаясь отъ злобы: — что я буду требовать законнымъ порядкомъ.

— Вы?—спросилъ графъ, взглянувъ сверху внизъ прищуренными глазами, и вдругъ началъ усердно креститься.

Это взбѣсило Обносковa. Онъ готовъ былъ растерзать противника за эту злую выходку и даже не замѣтилъ, что въ комнатѣ уже началась служба.

— Я понимаю, что вы стоите такъ высоко, что я въ сравненіи съ вами...—шипѣлъ онъ, забывая всѣхъ и все, кромѣ шести тысячъ пособія.

— Вотъ вы меня въ нигилизмѣ заподозрили, а сами, какъ кажется, совсѣмъ не уважаете святости нашихъ церковныхъ обрядовъ,—отеческимъ шопотомъ замѣтилъ графъ и добродушнѣйшимъ образомъ съ упрекомъ покачалъ головою.

Обносковъ опомнился и сталъ еще зеленѣе, а графъ продолжалъ усердно молиться.

Отпѣваніе кончилось. Родные стали прощаться съ покойникомъ; раздались дикіе крики трехъ родственницъ и утѣшенія гостей. Стефанія Высоцкая, закутанная въ черную тальму, спускавшуюся почти до полу, стояла неподвижно въ углу. Она была блѣдна, какъ мертвецъ. Сынъ стоялъ около нея и, кажется, боялся, что она упадетъ въ обморокъ.

Наконецъ, гробъ понесли. Графъ Григорій Струговъ, его братъ и его друзья были въ числѣ несущихъ. Высоцкая пошла за гробомъ въ отдаленіи. Она едва переступала.

— Неужели вы до кладбища думаете идти пѣшкомъ?— спросилъ ее кто-то по-французски.

Она вздрогнула, какъ бы пробуждаясь отъ тяжелаго сна, и обернулась. Передъ ней стоялъ графъ Струговъ.

— Ахъ, это вы, графъ,—привѣтливо улыбнулась она грустною улыбкою.—Кажется, не дойду.

— Такъ садитесь въ мою карету. Сыро сегодня. Я тоже ѣду съ Мишелемъ,—пригласилъ графъ Высоцкую и указалъ на своего сына Мишеля, учившагося въ гимназіи вмѣстѣ съ молодымъ Высоцкимъ.

Товарищи уже разговаривали между собою.

Высоцкая согласилась на предложеніе. Всѣ четверо стали садиться въ карету графа.

— Гляди, гляди! развратница-то, развратница-то наша!— высунулись изъ своей кареты сестры покойника, дергая за рукавъ задумчиво сидѣвшаго противъ нихъ племянника.— Съ графомъ сѣла, въ его карету сѣла! Хоть бы братца-то, нашего голубчика, похоронить дала, да ужъ тогда и шла бы на всѣ четыре стороны...

— А-а!—протяжно проговорилъ Обносковъ, что-то соображая.—Такъ вотъ онъ отчего ей покровительствуетъ!

— И сына-то, сына-то не стыдится. При немъ вѣшается на шею новому любовнику... Да и онъ-то хорошъ! Среди бѣлаго дня съ публичной женщиной ѣдетъ, грязью себя маратъ!

— Э, къ нимъ ничего не пристаетъ!—озлобленно прошепталъ Обносковъ и отвернулся въ другую сторону.

X.

Очень обыкновенная семейная жизнь.

Только черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, то-есть послѣ смерти и похоронъ Евграфа Александровича, молодой Обносковъ переѣхалъ отъ Кряжова и устроился своимъ домомъ. До сихъ поръ его жена не чувствовала никакой перемѣны въ своемъ положеніи. Только теперь она стала сознавать, что для нея началась новая жизнь. Мать Обноскова поселилась со своимъ сыномъ и разсталась какъ со своею квартирою на Выборгской сторонѣ, такъ и со своими жильцами. Съ первыхъ же дней послѣ переѣзда на новую квартиру, она принялась за хозяйство, за мелкія домашнія

распоряженія, за перебранку съ прислугою и высказала явное намѣреніе не выпускать изъ своихъ рукъ бразды домашняго правленія.

— Вы ужъ, цвѣточекъ мой, Агриппина Аркадьевна, не заботьтесь о хозяйствѣ,—говорила она однажды за утреннимъ чаемъ невѣсткѣ. — Вамъ это дѣло новое. Хлопотъ съ нимъ много. Возня съ людишками только здоровье ваше испортитъ. Вѣдь у насъ въ Петербургѣ народъ мошенникъ, выжига, у-у! какой продувной!..

— Да я, Марья Ивановна, уже занималась хозяйствомъ у отца,—замѣтила Груня.—Это совсѣмъ не такъ трудно...

— Изъ большихъ средствъ, не спорю, не трудно, не трудно... У вашего папеньки большія средства были,—заговорила частою дробью Марья Ивановна: — вотъ у него и хозяйство совсѣмъ другое было, а здѣсь не то, совсѣмъ не то. Вашъ папенька богачъ, а у моего сына средства-то маленькія, надо экономничать, по одежкѣ протягивать ножки...

— Да, маменька права,—замѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ.— Тебѣ не зачѣмъ попусту хлопотать и возиться съ прислугой и обѣдами.

— Да я и не настаиваю особенно на этомъ, но просто мнѣ не хотѣлось бы безъ дѣла сидѣть,—промолвила Груня.

— Ну, ангелочекъ мой, дома дѣла найдется,—утѣшала Марья Ивановна.—Безъ дѣла не останетесь...

— Дѣлайте, какъ вамъ угодно,—отвѣтила Груня и стала пить чай.

Всѣ помолчали.

— Вотъ вы, кажется, и обидѣлись,—вдругъ упрекнула Марья Ивановна.

— Чѣмъ же? я и не думала обижаться,—изумилась Груня.

— Нѣтъ, уж я вижу, что вамъ не по сердцу мое желаніе!.. Что-жъ, я не навязываюсь. Вы хозяйка теперь въ домѣ, вамъ и книги въ руки. Была бы честь предложена, а отъ убытка Богъ избавилъ. Я вѣдь теперь здѣсь послѣдняя спица въ колесницѣ...

— Полноте, маменька,—недовольнымъ тономъ сказалъ Обносковъ.—Что тутъ за счеты, кто старше. Я не желалъ бы вообще, чтобы кто-нибудь считалъ себя здѣсь старшимъ,— строго замѣтилъ онъ и прибавилъ: — Хозяйничайте, распоряжайтесь и не обращайте ни на кого вниманія, дѣлая *свое* дѣло.

— Если ты хочешь, я готова, Леня, только чтобы послѣ претензій не было, что я худо распоряжаюсь или много трачу...

— Кто же это будетъ претендовать, ужъ не я ли?— спросила Груня, смущенная всею этою сценою. Будьте увѣрены, что я не скажу ни слова, лишь бы Алексѣй былъ доволенъ...

— Алексѣй! Это вы кого же Алексѣемъ-то величаете? — спросила ѣдкимъ тономъ Марья Ивановна. — Ужъ не мужа ли? Ну, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, кажется, рано бы его такъ называть. Можно бы и поласковѣе быть. Вѣдь это только холоповъ зовутъ Алексѣями-то.

— Эхъ!—съ досадой махнулъ рукой Алексѣй Алексѣевичъ и нетерпѣливо началъ постукивать ногой.

— И меня-то вотъ вы все называете Марьей Ивановной, да Марьей Ивановной,— не унималась старуха.—А вѣдь не грѣхъ бы и маменькой назвать. Вѣдь ужъ какъ вы тамъ ни думайте, а я все-таки мать вашему мужу. Оно, можетъ-быть, по-вашему, по-новому, и не принято уважать старшихъ — ну да вѣдь вамъ не съ тѣми вертопрахами жить, которые старшихъ-то въ грошъ не ставятъ. Нѣтъ, голубчикъ мой, вы со старыми, съ честными людьми живете.

— Да что это вы, матушка, лѣвой ногой вѣрно встали?— съ раздраженіемъ замѣтилъ Обносковъ.

Марья Ивановна такъ и развела руками отъ удивленія.

— Ну, батюшка, отъ тебя-то я этого не ожидала,—произнесла она и торопливо поднесла платокъ къ глазамъ.— И то сказать, теперь жена тебѣ ближе, я третій человѣкъ, лишній человѣкъ въ домѣ...

Алексѣй Алексѣевичъ махнулъ рукою и вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ полюбуйтесь, что̀ вы надѣлали; сына съ матерью поссорили,—упрекнула Марья Ивановна невѣстку. — Сами матерью будете, поймете это... Чужія слезы отольются, рано ли, поздно ли, а отольются...

Груня наморщила свой лобъ и сидѣла совершенно безмолвно, начавъ вышивать. Ей первый разъ въ жизни пришлось испытать такую пошлую, такую безцѣльную семейную размолвку. Нѣсколько разъ у нея навертывались на языкъ отвѣты старухѣ, но извѣстный тактъ, свойственный свѣжимъ и чистымъ натурамъ, не позволялъ ей вставить какое-нибудь слово въ потокъ этихъ мелочныхъ придирокъ. Молодая женщина была, повидимому, даже спокойна, только игла въ ея рукѣ все попадала не туда, куда слѣдовало, и слегка дрожала. Старуха Обноскова перемывала чашки и время отъ времени бросала злые взгляды на невѣстку и

покачивала головой, видя, что та не обращаетъ на нее вниманія.

— Вотъ вы теперь молчите и дуетесь,—начала снова Марья Ивановна.—Вы въ душѣ-то меня ругаете, а вѣдь я вамъ же добра желаю. Вы-то по глупости, да по неопытности что-нибудь при людяхъ скажете, мужа Алексѣемъ, какъ лакешику, обзовете, либо мать, какъ чужую, Марьей Ивановной величать станете, а васъ и осудятъ и пойдутъ славить: «Вонъ они какъ живутъ, заговоритъ про насъ народъ, какъ кошка съ собакой? У нихъ и имени-то ласковаго другъ другу нѣтъ даже при людяхъ, а ужъ что же должно быть, какъ они съ-глазу на-глазъ останутся». А худая-то слава бѣжитъ... Вы меня благодарить должны, что я васъ семейной жизни учу. Вѣдь и я была молода, и меня учили. Охъ, какъ учили!.. Вы вотъ и подумайте обо всемъ, да и поймите, правду ли я говорю; хорошенько подумайте!

Марья Ивановна поставила въ буфетный шкапъ чашки и вышла изъ комнаты. Груня вдругъ отбросила вышивку и залилась неудержимыми слезами.

— Что съ тобой?—спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ, входя въ столовую, чтобы проститься съ женою передъ отправленіемъ на службу.

— Ничего... Такъ...—прерывающимся голосомъ отвѣтила Груня и закусила губу, стараясь подавить слезы.

— Какъ же *такъ?* Развѣ можно плакать безъ причины?—замѣтилъ мужъ.—Нездорова ты, что ли?

— Скажи, за что̀ твоя мать цѣлый часъ бранила меня?—воскликнула строптиво жена, поднимая свои большіе глаза на мужа.

— Э, Боже мой, начались дрязги!—недовольнымъ голосомъ сказалъ Обноскоиъ. — Ужъ гдѣ двѣ бабы сойдутся, тамъ и пойдетъ война!

— Да ты, кажется, считаешь меня виноватою?—изумилась Груня.

— Да, разумѣется! Вѣдь странно же связываться со старымъ человѣкомъ. У нея свои взгляды на жизнь, свои привычки, а ты еще молода и не выработала себѣ, не могла выработать убѣжденій, значитъ, тебѣ легче уступить. И вообще совѣтую тебѣ уважать мою мать; хотя у нея и есть ошибки, какъ у всякаго человѣка, но она опытная и дѣльная женщина.

— Да вѣдь она придирается ко...—начала Груня, но мужъ перебилъ ее.

— Прошу тебя,—сказалъ онъ строго:—разъ и навсегда прошу не жаловаться мнѣ на нее и не впутывать меня въ эти домашніе дрязги... У меня есть серьезное дѣло и мнѣ некогда мирить васъ. Да я и не судья въ этихъ исторіяхъ, потому что насколько я люблю тебя, настолько же уважаю и ее. Ты не думай, что я когда-нибудь изъ-за тебя вышвырну ее изъ дому. Это было бы такъ безнравственно, что ты сама перестала бы меня уважать послѣ подобнаго поступка... Да и вообще вы, женщины, взволнуетесь, потеряете нѣсколько праздныхъ часовъ времени, но убытка отъ этого нѣтъ, — а у нашего брата дѣло есть; если я стану волноваться да тревожиться изъ-за пустяковъ, то у меня не очень-то хорошо пойдутъ впередъ мои серьезныя занятія.

Опустивъ руки, стояла Груня передъ мужемъ и опять какая-то непонятная ей самой сила удерживала ее отъ возраженій.

— Ну, прощай, маленькая плакса!—улыбнулся Обносковъ и поднялъ за подбородокъ лицо жены.

Она отдернула голову назадъ и нахмурила брови.

— Ахъ! ты капризница!—шутливо промолвилъ мужъ, игриво скользнувъ двумя пальцами около груди жены, какъ это дѣлаютъ съ ребенкомъ, когда ему говорятъ: «а вотъ я тебя забодаю!» — и вышелъ изъ комнаты. «Какая она хорошенькая, когда капризничаетъ», промелькнуло у него въ головѣ, и онъ готовъ былъ снова воротиться къ женѣ, чтобы поцѣловать ее, но ему приходилось спѣшить на службу, а потому это желаніе и отложилось до болѣе свободнаго времени.

Груня рѣшительно и быстро отерла слезы и, строптиво швырнувъ въ сторону носовой платокъ, принялась опять за вышивку. Прошло довольно много времени. Груня продолжала вышивать. Внутреннее волненіе замѣчалось только по излишней быстротѣ работы; наружность же молодой женщины, похожей на дѣвочку, оставалась невозмутимо спокойною, только лобъ морщился болѣе обыкновеннаго, да изрѣдка закусывались губы, какъ будто изъ желанія физическою болью подавить мученія нравственной пытки. Наконецъ въ комнату вошла Марья Ивановна.

— Что это вы сегодня все утро вышиваете,—замѣтила она, качая головой.

— А развѣ что-нибудь другое нужно сдѣлать?—спросила невозмутимо холоднымъ тономъ Груня.

— Да вѣдь вотъ прачка бѣлье принесла, ну и пересчитали бы все по запискѣ и уложили бы въ комодъ.

— Хорошо,—произнесла Груня тѣмъ же тономъ и пошла въ другую комнату пересчитывать и прибирать бѣлье.

Черезъ четверть часа туда же явилась и Марья Ивановна.

— Вы это какъ бѣлье укладываете?—спросила она у Груни.—Не пересмотрѣвши?

— Да.

— Ну, это не порядокъ!

— Значитъ, нужно пересматривать?

— А то какъ же? Ну, если прачка-то дурно выстирала, пятна оставила, такъ это ей и спустить? Нѣтъ-съ, это не дѣло! Этакъ все бѣлье перепортите. Да, надо посмотрѣть, нѣтъ ли и дыръ гдѣ-нибудь, вездѣ ли есть пуговицы, чтобы потомъ все исправить.

— Хорошо, я пересмотрю,—отвѣчала Груня попрежнему спокойно и холодно.

— Вотъ вы говорили, что дѣла не найдется въ домѣ, кромѣ хозяйства, а вы если одною штопкою бѣлья займетесь, такъ у васъ день-то весь и уйдетъ.

Груня молчала.

— Сейчасъ на рынокъ ходила, нашихъ тамъ встрѣтила, Ольгу и Вѣру,—заговорила дружескимъ и немного таинственнымъ тономъ Марья Ивановна, присаживаясь на стулъ около комода.—Грѣхъ, право, съ ними да и только! Ха-ха-ха! Сняли это снѣ себѣ траурныя шляпки и, можете себѣ представить, по модѣ, какъ есть по первому журналу. Ну, скажите, время ли тутъ о модѣ заботиться, когда братъ померъ и нужда на носу?

Груня перебирала бѣлье и не отвѣчала.

— А вы, ангелочекъ мой, что-то хмурыя сегодня такія, ужъ не чувствуете ли вы чего... знаете вѣдь теперь такое время для васъ... можетъ, еще и на внучка скоро придется порадоваться...

— Я ничего не чувствую,—отвѣчала Груня и вспыхнула до ушей.

— Такъ ужъ не на меня ли вы сердитесь?—съ добродушной укоризной покачала головой Марья Ивановна и, кажется, сама не вѣрила своему предположенію.—Грѣхъ вамъ зло помнить! Мало ли что въ семьѣ бываетъ. Часъ на часъ не придется. Мы повздоримъ, мы и помиримся. Нельзя всякое лыко въ строку ставить... А вотъ я вамъ про себя скажу: у меня сердце отходчиво. И вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, всегда я была такою. Посержусь,

покричу, выскажу человѣку всю правду, выведу его на чистую воду, а потомъ и жаль мнѣ его станетъ. Это бывало и съ мужемъ, когда онъ запилъ; чего, чего я не натерпелась, а ничего, все забуду, какъ только вотъ хоть на минутку онъ отъ глазъ моихъ скроется. И станетъ мнѣ его жаль, такъ жаль, такъ жаль, что вотъ такъ бы и бросилась къ нему, моему голубчику, на шею. А вѣдь ужъ какой человѣкъ-то онъ былъ въ ту пору, когда пить началъ, тиранъ, одно слово тиранъ?.. Прежде онъ ничего, смирный былъ, выскажешь, бывало, ему всю правду, смолчитъ, уйдетъ только, а потомъ какъ зачалъ пить, такъ аки звѣрь сдѣлался: и рветъ, и мечетъ, и въ драку лѣзетъ, ничѣмъ, бывало, его не укротишь... А вотъ вѣдь все вынесла и въ церкви его поминаю, и Господа объ отпущеніи его грѣховъ молю каждодневно... У меня сердце отходчиво, отходчиво... Да, цвѣточекъ мой, не должны люди зла помнить, и вы его не помните!

Марья Ивановна нѣжно поцѣловала Груню, а у Груни по тѣлу пробѣжала дрожь, точно къ ней прикоснулось что-то нечистое, отвратительное. Время кое-какъ прошло до обѣда, т. е. до четырехъ часовъ, когда обыкновенно возвращался Алексѣй Алексѣевичъ, прикомандированный на время къ министерству въ ожиданіи каѳедры въ университетѣ.

— Ну что, мы перестали капризничать?—улыбнулся онъ заигрывающей улыбкой женѣ, какъ мы улыбаемся дѣтямъ, которыхъ высѣкли и потомъ поспѣшили простить, чтобы ихъ хмурыя лица не тревожили насъ и не напоминали намъ о нашемъ вышедшемъ изъ границъ раздраженіи.

— Ты видишь, кажется, что я спокойна,—отвѣтила Груня.

— Спокойна и холодна?—пошутилъ мужъ.

— У меня такой характеръ.

— Немножко избалованный? не такъ ли?

— Можетъ-быть.

— Вотъ и я еще хочу баловать тебя,—засмѣялся онъ и подалъ ей коробку конфетъ. — Это тебѣ, чтобъ ты не плакала.

Груню оскорбило, что ее считаютъ ребенкомъ, но она удержалась отъ всякихъ объясненій по этому поводу.

— Mercі,—сухо произнесла она и поставила коробку на столъ.—Обѣдъ уже поданъ, пойдемъ.

За обѣдомъ Обносковъ и его мать говорили о разныхъ семейныхъ дѣлахъ, въ число которыхъ вошли и сшитыя по модѣ шляпки тетокъ Обноскова. Мать была въ этотъ день

особенно предупредительна съ сыномъ, какъ человѣкъ, загладжающій ошибку. Груня сидѣла молча и очень мало ѣла. Послѣ обѣда она ушла въ свою комнату.

— Вы, маменька, будьте съ ней осторожнѣе,—сказалъ сынъ матери. — Она очень избалована, и съ ней надо поступать осмотрительно. Исподволь ее ко всему пріучить можно.

— Ахъ, голубчикъ, да я ей ничего и не сказала обиднаго,—оправдывалась мать.

— Да я и не думаю этого, но все же старайтесь ее пріучать къ семейной жизни незамѣтно, постепенно. Этимъ капризнымъ дѣтямъ въ душу не влѣзешь, никогда не узнаешь, что̀ они думаютъ. Они привыкли, чтобы все дѣлалось по ихъ желанію.

— Да, ужъ скажу откровенно, что скрытная она у насъ. У-у! какая скрытная! Вѣдь вотъ и теперь кажется такой спокойной, а я думаю, сердчишко-то такъ и рвется, такъ и рвется отъ злости.

— Ну, гнѣвъ уходится. Мало ли сколько разъ человѣку приходится сердиться въ жизни.

— Ужъ, разумѣется, не безъ того... А только скрытная, скрытная она у насъ.

— А все баловствомъ довели до этого. Старикъ-отецъ ее своей добротой испортилъ. Все по ней дѣлали, вотъ она и думаетъ, что всѣ подъ ея дудку плясать будутъ, что въ жизни ни сучка, ни задоринки нѣтъ.

Алексѣй Алексѣевичъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, поработалъ, съѣздилъ на урокъ и, довольно поздно возвратившись домой, зашелъ на полчаса къ женѣ, а потомъ совершенно спокойно проработалъ съ часъ или два въ своемъ кабинетѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

На слѣдующій день Груня вышла къ чаю такою же спокойною, такою же безстрастною, какою была вчера, только почему-то она вздрагивала при ласкахъ мужа и поцѣлуяхъ Марьи Ивановны. Марья Ивановна почитала ей еще наставленія и встрѣтила въ невѣсткѣ полнѣйшую покорность и повиновеніе. Повидимому, невѣстка сочла своимъ долгомъ исполнять все, что̀ ей прикажутъ, и вошла въ роль подавленной узницы, которая не противорѣчитъ тюремщикамъ. Ни Марья Ивановна, ни Алексѣй Алексѣевичъ не обладали тѣмъ деликатнымъ чувствомъ, которое заставляютъ человѣка лучше уступить, отказаться отъ своихъ требованій, чѣмъ играть роль угнетателя и видѣть собрата, безмолвно и тупо

исполняющаго изъ-подъ палки его волю. Алексѣй Алексѣевичъ, напротивъ того, былъ радъ покорности жены, даже поцѣловалъ ее за это. Она не оттолкнула его, но и не отвѣтила ему поцѣлуемъ. Онъ притянулъ ее къ себѣ и потрепалъ по щекѣ. Она спокойно постояла около него, пока онъ не освободилъ ее отъ своихъ объятій, и отошла прочь, какъ только раскрылись эти объятія. Сынъ и мать успокоились совершенно, и Алексѣй Алексѣевичъ подумалъ: «Хорошо, что я ошибся. Мнѣ она казалась такою страстною натурой, какія встрѣчаются у подобныхъ развившихся взаперти, нервныхъ дѣвушекъ. Но она холодна. Это гораздо лучше для честной семейной жизни».

На томъ и покончились всѣ разсужденія какъ о характерѣ Груни, такъ и объ устройствѣ семейной жизни. Пошли дни за днями въ убійственномъ однообразіи. Семейные обѣды, питье чаю и кофе, время возстанія отъ сна и отхода ко сну, пріемъ гостей въ неизмѣнные четверги, ссоры изъ-за мелочей съ-глазу на-глазъ и претящія нѣжности при гостяхъ, хожденіе мужа въ должность и на уроки и его законныя ласки, все это имѣло свой опредѣленный разъ навсегда, неизмѣнный срокъ и перешло въ обряды семейнаго культа въ домѣ Обносковыхъ. Ничто не было плодомъ увлеченія, плодомъ внезапно вспыхнувшаго желанія. Сегодня было похоже на вчера, завтра будетъ похоже на сегодня и такъ должно было все продолжаться на долгіе, долгіе годы, пока безсмысленная судьба не пошлетъ въ домъ новаго члена-младенца или не прибьетъ кого-нибудь изъ семьи и не заставитъ дѣйствующихъ лицъ разыгрывать на новый ладъ, уже не втроемъ, а вчетверомъ или вдвоемъ, все ту же пошлую, будничную семейную пьесу. Но есть нѣкоторыя личности, которыя видятъ возможность бороться или, лучше сказать, не могутъ жить безъ борьбы съ судьбой. Она довольно ясно опредѣлитъ ихъ роли, укажетъ границы ихъ дѣйствій, а онѣ, предназначенныя къ покорности, къ верченью въ бѣличьемъ колесѣ, вдругъ начинаютъ грубить, воевать, ломаютъ колесо, вырываются на свободу и окончательно путаютъ всѣхъ остальныхъ актеровъ, разыгрывающихъ съ ними одну и ту же пьесу. Эти люди хотятъ быть творцами той комедіи, которую называютъ человѣческою жизнью и которую создаетъ по большей части безсмысленный случай. Такою личностью, совершенно неожиданно для близорукихъ ближнихъ, оказалась Груня.

Грунѣ никто не дѣлалъ въ жизни зла, и потому она не

могла не ненавидѣть человѣка, который первый сдѣлалъ ей зло и, сверхъ того, такое безцѣльное и безсмысленное, на какое была способна Марья Ивановна. Но Груня не была пріучена предыдущею жизнью къ пошлой борьбѣ, состоящей изъ мелкихъ нападокъ, язвительныхъ словъ и будничныхъ дрязгъ, а съ Марьей Ивановной возможно было или вести именно такую борьбу, или разойтись окончательно. Находясь въ такомъ положеніи, молодая женщина стала молча ненавидѣть свою противницу и чувствовала, что не пойдетъ ни на какія сдѣлки и соглашенія, не заключитъ никакого перемирія съ нею. Обѣ женщины жили вмѣстѣ, но между ними уже съ первой стычки лежала цѣлая пропасть, черезъ которую не могла перешагнуть ни та, ни другая. Марья Ивановна не замѣчала этого и съ младенческимъ невѣдѣніемъ усердно разрывала все глубже и глубже эту пропасть, продолжая неутомимо пилить свою невѣстку и обрывая въ ней своими грубыми, грязными руками послѣднія тонкія нити и безъ того слабой, неуспѣвшей окрѣпнуть привязанности. Алексѣй Алексѣевичъ, успокоенный наружнымъ спокойствіемъ жены, не замѣчалъ ничего и погрузился всецѣло въ свои серьезныя занятія. Никогда не былъ онъ такъ счастливъ и такъ доволенъ своею жизнью, какъ теперь. У него были не только надежды на наслѣдство, не только обѣды, приготовленные подъ присмотромъ матери, не только теплый уголъ, заботливо убранный, но и молодая женщина, которую онъ и только онъ могъ цѣловать и ласкать, когда имъ чувствовалась въ этомъ потребность. Такая жизнь была полнымъ осуществленіемъ того идеала, къ которому можетъ стремиться и стремится въ самомъ дѣлѣ каждая мелкая обносковская натура. На желтомъ лицѣ Обноскова стало появляться все чаще и чаще сіяющее выраженіе самодовольства и даже гордости. Видя его, уютно развалившагося въ креслахъ, безмятежно бесѣдующаго по четвергамъ въ своемъ жилищѣ съ гостями, слыша его отчасти ласковыя, отчасти снисходительныя, покровительственныя шутки съ женой и матерью, можно было позавидовать ему и угадать, что этотъ болѣзненный человѣкъ скоро поздоровѣетъ среди такого семейнаго счастія и что не за горами даже и то время, когда онъ обзаведется кругленькимъ брюшкомъ и лоснящимися отъ жира и самодовольствія щеками. Безконечное блаженство стали доставлять Алексѣю Алексѣевичу тѣ минуты, когда въ его домъ начали заглядывать по четвергамъ не какіе-нибудь голыши, а

люди или заслуженные, или родовитые; когда самъ генералъ Егуновъ, которому Алексѣй Алексѣевичъ сдѣлалъ совершенно неожиданно визитъ, рѣшился отплатить этотъ визитъ своему юному заграничному знакомому и остался доволенъ и обносковскимъ обществомъ, и обносковскими разговорами; когда ненавидимые Обносковымъ старый и молодой графы Родянки, которыхъ Алексѣй Алексѣевичъ тоже счелъ своимъ долгомъ посѣтить, тоже удостоили его своимъ посѣщеніемъ. Не забылъ Алексѣй Алексѣевичъ даже Левчинова, узнавъ, что одинъ изъ родственниковъ этого ненавистнаго ему господина занялъ видное мѣсто въ министерствѣ. Блаженствуя въ вечерніе часы по четвергамъ, Алексѣй Алексѣевичъ нерѣдко проклиналъ въ душѣ графа Стругова за то, что тотъ вырвалъ изъ его рукъ и отдалъ Стефаніи Высоцкой послѣ смерти Евграфа Александровича шесть тысячъ, на которыя можно бы прожить еще лучше до полученія всего наслѣдства. Эта мысль, впрочемъ, не высказывалась никогда Алексѣемъ Алексѣевичемъ, хотя онъ и не упускалъ случая называть графа Стругова «опаснымъ человѣкомъ, нигилиствующимъ аристократомъ, нарушающимъ священнѣйшіе законы государства и потакающимъ разврату». Окружая себя полезными связями, экономничая, чуть не голодая въ теченіе шести дней, чтобы прикармливать на седьмой «нужныхъ людей», создавая изъ нихъ себѣ каменную стѣну, на которую потомъ можно опереться, или лѣстницу, по которой послѣ можно дойти до степеней извѣстныхъ, блаженствуя сознаніемъ своего упроченнаго въ свѣтѣ положенія, Алексѣй Алексѣевичъ, какъ разживающійся мѣщанинъ, чувствовалъ уже нѣкоторую радостную гордость и тогда, когда хвалили что-нибудь принадлежащее ему. Эти похвалы не могли быть часты, такъ какъ его домъ не блестѣлъ еще особенною или даже какою-нибудь роскошью; но все же похвалы слышались и вызывалъ ихъ постоянно одинъ и тотъ же, повидимому, самый неблестящій, самый скромный во всемъ обносковскомъ жилищѣ, предметъ. Этотъ предметъ, эта вещь была жена хозяина. Замѣчая, что на нее смотрятъ, что ею любуются, онъ подзывалъ ее къ себѣ и безцеремонно цѣловалъ ее въ лобъ, удерживалъ около своего кресла и, небрежно продолжая разговоръ съ гостями, поглаживалъ и похлопывалъ руку жены, которая, какъ бездушная статуя, стояла около его кресла и на которую онъ не поднималъ даже глазъ. Иногда послѣ ужина, выпивъ пару рюмокъ вина и оставшись въ болѣе интимномъ

кружкѣ, хозяинъ доходилъ даже до того, что сажалъ жену къ себѣ на колѣни и, попрежнему не глядя на нее, шутилъ съ гостями, точно желая наглядно доказать имъ, что она совсѣмъ ручной звѣрёкъ.

— У него совсѣмъ буржуазная манера, — говорилъ, зѣвая, съ гримасой и въ носъ молодой графъ Родянка, проникнутый до мозга костей аристократизмомъ и презиравшій въ душѣ Обноскова, который тоже въ душѣ ненавидѣлъ его.

— Просто нѣмецкій гелертеръ. Въ Германіи у профессоровъ то же пиво, камераденъ и безцеремонныя нѣжности съ гаусфрау являются одновременно и безъ всякихъ стѣсненій, — замѣчалъ со смѣхомъ противный хозяину Левчинъ, ненавидѣвшій и нѣмецкихъ профессоровъ, и нѣмецкую науку, и Обноскова.

— Но она удивительно пикантна!—восклицалъ со слюнками на губахъ кузенъ Пьеръ.

Онъ ѣлъ, пилъ и любилъ все, и больше всего любилъ женщинъ, а въ женщинахъ, какъ и во всемъ остальномъ, выше всего ставилъ пикантность.

— Дитя мое, я вижу, что ты вполнѣ счастлива. Теперь я могу умереть спокойно, — говорилъ трогательнымъ голосомъ чуть не со слезами на глазахъ Кряжовъ, благоговѣйно цѣлуя свою дочь.

Она, склонивъ голову, покорно принимала поцѣлуй и не возражала...

XI.

Кузенъ Пьеръ—развиватель молодежи.

Мнѣніе, высказанное всеобщимъ кузеномъ Пьеромъ насчетъ пикантности Груни, имѣло свое основаніе и было признано вѣрнымъ всѣми юными старичками и старыми юношами, посѣщавшими домъ Обноскова.

До замужества Груни на нее никто изъ мужчинъ не обращалъ особеннаго вниманія. Она смотрѣла дѣвочкой, такой худенькой, не развившейся, даже костлявой дѣвочкой, что ни одинъ изъ ея знакомыхъ и не подозрѣвалъ, что она вышла изъ дѣтскаго возраста. Въ обществѣ она сама постоянно стояла въ сторонѣ отъ взрослыхъ и пряталась въ кругу дѣтей. Теперь же эта малютка съ миніатюрнымъ личикомъ и большими вопросительно смотрѣвшими глазами вдругъ сдѣлалась женщиной, и тѣ люди, которые не обращали на нее вниманія, стали засматриваться на нее и вос-

хищались ею. Въ этомъ восхищеніи не было ничего удивительнаго. Никакая красавица не въ состояніи такъ привлечь къ себѣ разныхъ развращенныхъ старичковъ, изношенныхъ roués и пресытившихся юношей, какъ замужняя женщина-ребенокъ. Всѣхъ этихъ людей вы встрѣтите на балетныхъ представленіяхъ, ожесточенно аплодирующими какой-нибудь воспитанницѣ-танцовщицѣ. Она еще не умѣетъ хорошо танцовать, у нея еще угловаты локти и плечи, не округлились колѣни, плоска грудь, но развратные старички, roués и юноши пожираютъ глазами этого ребенка: онъ уже выпущенъ на сцену жизни—значитъ его уже можно развращать; пора этой дѣтской неразвитости пройдетъ быстро — значитъ нужно ловить рѣдкій случай. Этотъ ребенокъ, можетъ-быть, сдѣлается красавицей, но это уже будетъ обыкновенное явленіе: красота не рѣдкость, красота продолжается долго. Замужество дѣвушки-ребенка то же самое, что выступленіе на сцену воспитанницы-танцовщицы. Малютка замужемъ, значитъ можно попробовать развратить ее. И какъ устоять противъ этого соблазна? Развратничать съ опытной женщиной, развратничать съ обольщающей кокеткой, развратничать съ циничной камеліей, все это такъ старо, такъ прѣлось, но вызывать своими любезностями смущеніе женщины-ребенка, постепенно открывать ей тайны разврата, вести ее, неопытную, трепещущую и робкую, по дорогѣ къ пропасти, о! это такое наслажденіе для нихъ, тутъ такъ много «пикантности». Среди толпы людей, обратившихъ вниманіе на Груню, однимъ изъ первыхъ былъ, какъ мы видѣли, кузенъ Пьеръ.

Можетъ-быть, читатель спроситъ: чей кузенъ? Да вашъ, отвѣчу я, если вы столичный житель и имѣете состояніе. Если же онъ не состоитъ въ прямомъ родствѣ съ вами, то, вѣроятно, у него есть какой-нибудь другъ, такой же какъ онъ самъ, кузенъ Пьеръ, который ужъ навѣрное родственникъ вамъ. Кузенъ Пьеръ или иначе Петръ Петровичъ Фетидовъ, розовенькій брюнетъ съ масляными глазами, съ проборомъ посрединѣ лба, похожій на подгулявшую гризетку въ мужскомъ платьѣ, былъ enfant terrible et gâté столицы, и провинція представлялась ему такой злой мачихой, къ которой было лучше всего никогда не ѣздить. Столица глядѣла на него, какъ на своего человѣка, и могла во всякое время дня и ночи безошибочно сказать, что дѣлаетъ ея питомецъ, о чемъ онъ говоритъ и какъ онъ смотритъ въ данную минуту. Провинція ничего этого не могла бы даже

и вообразить, потому что у нея еще не родилось подобныхъ дѣтей. Но если бы какой-нибудь провинціалъ увидалъ впервые кузена Пьера, то онъ непремѣнно сказалъ бы: «А вѣдь я гдѣ-то видѣлъ этого человѣка». Провинціалъ, конечно, ошибся бы, онъ въ провинціи не встрѣчалъ самого кузена Пьера, но видѣлъ одинъ его оригиналъ — послѣднюю картинку парижскаго моднаго журнала. Дѣйствительно, кузенъ Пьеръ былъ копіею картинки, тогда какъ всѣ остальные смертные бываютъ оригиналами картинъ. Это нисколько не мѣшало ему быть интересной личностью, и онъ плѣнялъ сердца тридцатипятилѣтнихъ женщинъ, получая въ даръ рысаковъ и эгоистки уже на семнадцатомъ году, когда, при окончаніи ученья въ «Лицеѣ» или въ «Правовѣдѣніи», онъ сталъ являться въ циркахъ и на загородныхъ гуляньяхъ неизмѣннымъ спутникомъ какого-то гусара. Съ тѣхъ поръ прошли годы, но кузенъ Пьеръ пересталъ ихъ считать, и потому трудно опредѣлить, какихъ лѣтъ онъ является на сцену нашего романа. Но съ семнадцатилѣтняго возраста онъ велъ регулярную жизнь, аккуратно смѣняя рысаковъ, тридцатипятилѣтнихъ поклонницъ и спутниковъ гусаровъ.

Онъ вставалъ въ двѣнадцатомъ часу, надѣвалъ модный пиджакъ, пилъ черный кофе и чистилъ ногти, пробѣгая глазами столбцы газетъ или страницы новыхъ журнальныхъ нумеровъ. Такъ какъ газетъ и журналовъ много, то кузенъ Пьеръ читалъ во всѣхъ нумерахъ понемногу и твердо всего запоминалъ заглавія статей, чтобы имѣть полную возможность основательно спорить и судить о каждой изъ нихъ. Потомъ кузенъ Пьеръ дѣлалъ визиты, гулялъ по Невскому проспекту или по Дворцовой набережной и въ три часа пополудни его можно было застать у Вольфа, Бореля или Дюссо; здѣсь, съ тартинкою въ рукѣ, съ вброшеннымъ стеклышкомъ въ глазъ, съ сверкающими взглядами, съ живыми движеніями, онъ увлекался горячимъ споромъ, говоря, какъ и всѣ его друзья, немного въ носъ, отрывисто и очень громко о красотѣ Барбо, о пластичности Петина, о плохихъ финансахъ Россіи, о коварствѣ Наполеона, о рысакахъ Матильды, о послѣднихъ вредныхъ статьяхъ русскихъ либеральныхъ журналовъ. Оживленіе было искренно и заразительно, несмотря на предметъ разговора. Толпа, окружавшая кузена Пьера и состоявшая большею частію изъ богатыхъ студентовъ, лицеистовъ, правовѣдовъ и гвардейскихъ юнкеровъ, увлекалась его бесѣдами, овладѣвала имъ на остальную половину дня, и потому онъ обѣдалъ въ кругу

пріятелей, ѣхалъ съ ними въ театръ, несся на пикникъ съ актрисами или въ маскарадъ и часовъ въ шесть утра возвращался домой, когда уже гасили фонари, чего, впрочемъ, онъ не видалъ, такъ какъ въ его собственныхъ глазахъ уже давно погасъ свѣтъ жизни. Только небо да камердинеръ кузена Пьера знали, какъ онъ добирался до постели, какъ раздѣвался и какъ проводилъ время до двѣнадцати часовъ дня,—этой тайны не зналъ и самъ кузенъ Пьеръ, по крайней мѣрѣ, на другой день онъ не помнилъ вчерашняго дня, какъ будто этого дня никогда не существовало въ его жизни: можно сказать смѣло, что кузенъ Пьеръ былъ каждый день новорожденнымъ младенцемъ, не имѣющимъ ничего прошлаго и потому пламенно отдающимся настоящему. О будущемъ кузенъ Пьеръ тоже не думалъ и имѣлъ на это очень основательныя причины.

— Помилуйте,—говорилъ онъ по-французски:—будущее—это неизвѣстность. Что же мнѣ ломать голову и подлаживаться къ неизвѣстному? Какъ ни подготовляйся, а оно все-таки будетъ ново и поразитъ неожиданностью. Стараться угадать его — то же, что стараться открыть философскій камень или разсуждать о загробной жизни.

Кузенъ Пьеръ числился гдѣ-то чѣмъ-то на службѣ, можетъ-быть, былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ или даже камеръ-юнкеромъ, впрочемъ, это—одно предположеніе; сверхъ того онъ былъ членомъ покровителей животныхъ, пищенскаго комитета, миссіонерскаго общества, наблюдателемъ какихъ-то пріютовъ, пожертвовалъ куда-то для чего-то корпію, за что-то заслужилъ иностранный орденъ, откуда-то получилъ какой-то почетный дипломъ и даже выказалъ два раза всенародно свою гражданскую дѣятельность. Однажды онъ приказалъ будочнику отправить, куда слѣдуетъ, какую-то нищую съ ребенкомъ, просившую подаянія и возбудившую въ немъ тошноту своею искалѣченною на фабрикѣ рукою; въ другой разъ онъ призвалъ городового для взятія въ полицію оборваннаго и истощеннаго работника, мужика, черезъ мѣру нагрузившаго по приказанію хозяина телѣгу и заградившаго остановившимся возомъ дорогу передъ эгоисткою нашего героя. По собственно служилъ онъ обществу на другомъ поприщѣ: онъ, консерваторъ, былъ, какъ и бо́льшая часть даже самыхъ отсталыхъ людей въ наше странное время, пропагандистомъ, популяризаторомъ новыхъ идей и понятій, хотя каждый серьезный ученый, каждый передовой человѣкъ смотрѣлъ на него, какъ на

проходношатающагося, и никакъ не подозрѣвалъ, что даже кузенъ Пьеръ можетъ быть опаснымъ отрицателемъ. Но это было такъ. Кузенъ Пьеръ отрицалъ все, не потому, что онъ сознаваъ справедливость отрицаній извѣстнаго кружка людей, а потому, что онъ не могъ ничего утверждать, за исключеніемъ французскаго языка, на которомъ онъ умѣлъ отлично говорить или, лучше сказать, causer romans et chiffons, какъ онъ выражался самъ. Насмѣшки и двусмысленныя остроты надъ всѣми, и важными, и неважными, предметами, лились съ его бойкаго языка неизсякаемымъ потокомъ, и особенно въ то время, когда онъ заставалъ за чтеніемъ учебниковъ и лекцій какого-нибудь своего кузена изъ лицеистовъ, студентовъ или правовѣдовъ. Исторія Смарагдова и латинскій языкъ, лучшія произведенія поэзіи въ хрестоматіяхъ и лекціи о русскихъ законахъ или политической экономіи, богомольность бабушекъ и строгость отцовъ равно дѣлались мишенью для остроумныхъ шутокъ кузена Пьера и заучившійся юноша, впервые слыша, что «все это гиль и вранье и ни къ чему не ведетъ въ жизни», начиналъ понимать, что всѣ эти предметы совсѣмъ не такъ серьезны, какъ они кажутся, и могутъ быть очень смѣшны, если взглянуть на нихъ со стороны. Будуарныя тайны богомольной бабушки, закулисныя похожденія нравственнаго и строгаго папаши, нарушеніе на практикѣ строгихъ законовъ, скандалезные анекдоты изъ жизни идеально-чистыхъ жрецовъ искусства, проповѣдывавшихъ любовь къ природѣ, стремленіе къ свободѣ и развратничавшихъ гдѣ-нибудь на водахъ, выжавъ всякими притѣсненіями послѣднія деньги изъ своихъ крестьянъ, все это ярко умѣлъ изобразить кузенъ Пьеръ. Онъ же первый открывалъ своимъ шестнадцатилѣтнимъ кузинамъ, что онѣ хороши собою и что на свѣтѣ есть любовь. Онъ же первый возмущался заодно съ этими кузинами, развитыми имъ, если ихъ хотѣли отдать противъ воли замужъ, и похитилъ на своемъ вѣку двадцать родственницъ,—конечно, не для себя, но для тайнаго ихъ брака съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей. Подорвавъ такимъ образомъ двадцать разъ родительскую власть, онъ не менѣе десяти разъ явно нарушилъ крѣпость супружескаго союза, устроивъ побѣгъ чужихъ женъ съ посторонними людьми, конечно, въ этотъ счетъ не входятъ тѣ безчисленные случаи, когда побѣга не совершалось, когда кузенъ Пьеръ работалъ не въ чужую пользу, а просто собственными поступками практически доказывалъ, что онъ

стоитъ за свободу чувства въ замужней женщинѣ. Старухи и старики часто журили за такое поведеніе кузена Пьера, но серьезно сердиться на него не могли.

— Ты весь въ покойнаго своего отца!—говорили они ему, съ добродушной укоризною покачивая головами, и въ умахъ стариковъ оживало то время, какъ отецъ кузена Пьера помогъ имъ увезти ихъ теперешнихъ женъ, а старухамъ вспоминалось, какъ отецъ кузена Пьера впервые практически доказалъ имъ всю сладость свободы чувства въ замужней женщинѣ.

При этихъ воспоминаніяхъ самъ кузенъ Пьеръ казался старикамъ и старухамъ не просто сыномъ столицы, но отчасти и ихъ собственнымъ сыномъ. Кузенъ Пьеръ дѣйствительно игралъ по праву въ ихъ кружкахъ роль любимаго насынка нѣсколькихъ любящихъ отчимовъ и нѣсколькихъ нѣжныхъ мачихъ.

Въ одинъ изъ четверговъ, наговоривъ сотни любезностей и комплиментовъ Грунѣ, кузенъ Пьеръ сидѣлъ и разсуждалъ въ сторонѣ съ своими друзьями, Левчиновымъ и молодымъ графомъ Родянкою, о прелестяхъ хозяйки дома.

— Да, она дѣйствительно очень мила,—соглашались съ нимъ собесѣдники.

— Мила! — съ увлеченіемъ воскликнулъ кузенъ Пьеръ тономъ упрека. — Что̀ вы мнѣ говорите: мила! Она просто восхитительна. Эти худенькія, едва развившіяся женщины—огонь! Тутъ страстность таится, неукротимая страстность. Я вѣдь кое-что смыслю въ этомъ дѣлѣ.

— Что̀ и говорить! Спеціалистъ по женской части!—усмѣхнулся Левчиновъ.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, сколько вамъ угодно,—хохоталъ кузенъ Пьеръ и выказалъ свои бѣлые зубы:—а между тѣмъ эта спеціальность доставляетъ наслажденій въ тысячу разъ больше, чѣмъ всякая другая спеціальность. Вотъ, вѣдь вы, не спеціалисты по этой части, говорите, что она мила, а я знаю, что она не только мила и надѣлена страстною натурою, но и вполнѣ несчастлива съ трупомъ своего мужа...

— Несчастлива?—изумились собесѣдники.—Кто это вамъ сказалъ?

— Опытность спеціалиста,—важно отвѣтилъ кузенъ Пьеръ и опять оскалилъ зубы.—Да-съ, милостивые государи,—балагашилъ онъ:—она несчастлива. А изъ этого слѣдуетъ, что она ищетъ счастія. Но счастіе, въ чемъ бы она его ни искала, найдется только въ любви, а если оно можетъ най-

тись только въ любви, то... то... ну, однимъ словомъ, надо попробовать, не можемъ ли мы послужить орудіемъ для ея счастія.

— Ха-ха-ха! — засмѣялся Левчиновъ.—Вы всегда найдете предлогъ для волокитства.

— Фи! для волокитства! Какія тривіальныя выраженія вы употребляете! — воскликнулъ кузенъ Пьеръ, дѣлая шутовски серьезную мину. — Тутъ не волокитство, а желаніе осчастливить ближняго, доставить ему то, чего недостаетъ въ его жизни.

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ,— началъ носовымъ голосомъ и съ зѣвотой задумавшійся Родянка:—вы убѣждены, что она несчастлива?

— Убѣжденъ ли я? Да, убѣжденъ, клянусь гробами моихъ отцовъ!—съ комическою торжественностью произнесъ кузенъ Пьеръ и, вдругъ сощуривъ глаза, пристально взглянулъ на графа Родянку. — А вѣдь и вы что-то замышляете, вы это недаромъ спрашиваете о дѣйствительности ея несчастія... Ну, что же, вы моложе, вы побѣдите, вамъ честь и слава.

— А мнѣ кажется, что у нея есть еще болѣе молодые поклонники,—тихо замѣтилъ Левчиновъ, глядѣвшій на кого-то сквозь плющъ, за которымъ они сидѣли.

— Кто это? кто?—торопливымъ шопотомъ спросилъ кузенъ Пьеръ и устремилъ глаза по направленію въ ту сторону, куда смотрѣлъ Левчиновъ.

— Не знаю, какой-то юнецъ, вонъ онъ сидитъ,—указалъ Левчиновъ.

Глаза молодыхъ повѣсъ устремились на указаннаго юношу. Онъ былъ блѣденъ, худъ, съ черными всклоченными, курчавыми волосами; его черные глаза впились въ хозяйку дома, сидѣвшую въ кружкѣ женщинъ въ противоположномъ углу комнаты.

— Некрасивъ!—улыбнулся зѣвая графъ Родянка.—Злое выраженіе и непричесанная физіономія.

— Можетъ-быть, такіе растрепыши нравятся женщинамъ: какъ вы объ этомъ думаете, господинъ спеціалистъ по женской части? — спросилъ шутливо Левчиновъ, обращаясь къ кузену Пьеру.

— Вотъ оно что! — глубокомысленно соображалъ кузенъ Пьеръ, уже не слыша вопроса. — Здравствуйте, monsieur Поль!—громко проговорилъ онъ, выставляя свое цвѣтущее личико изъ-за плюща.

Панютинъ—это былъ онъ—вздрогнулъ и, растерявшись,

оглядывался во всѣ стороны, чтобы отыскать то лицо, которое назвало его по имени. Казалось, его мысли все это время носились гдѣ-то очень далеко. Наконецъ, онъ увидалъ, что его манитъ къ себѣ кузенъ Пьеръ.

— А, это вы, Петръ Петровичъ,—поздоровался онъ, подходя къ кузену Пьеру и пожимая ему руку.

— Вы это о чемъ же такъ задумались, что даже испугались, когда я васъ позвалъ?—трепалъ по плечу Панютина кузенъ Пьеръ, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ.

— Мало ли о чемъ иногда думается, не все же разсказывать,—отвѣчалъ тотъ.

— Тайна? А вѣдь въ молодости только любовныя тайны бываютъ, значитъ вы думали о ней, — подшутилъ кузенъ Пьеръ.

— Вы ошибаетесь, я о *ней* не думалъ, — быстро отвѣтилъ Панютинъ съ румянцемъ на щекахъ и совершенно невольно обратилъ глаза въ ту сторону, гдѣ сидѣла Груня.

Повѣсы засмѣялись. Панютинъ сердито закусилъ губы, понявъ свою неосторожность.

— Ну, какъ вы теперь живете, что̀ подѣлываете?—сталъ разспрашивать кузенъ Пьеръ.

— Университетъ посѣщаю,—коротко отвѣтилъ Панютинъ.

Онъ не имѣлъ никакого желанія бесѣдовать.

— Скучаете, я думаю, безъ сестры?

— Занятія есть, скучать некогда....

— Да, да, конечно! А вотъ у нея нѣтъ занятій, она и скучаетъ. Вы замѣтили?

Панютинъ молча кусалъ губы.

— Какъ вы думаете, счастлива ли она? — спрашивалъ кузенъ Пьеръ, дѣлая очень серьезное лицо.—Вотъ мы сейчасъ спорили объ этомъ предметѣ. Я говорилъ, что она не можетъ быть счастлива съ трупомъ супруга, что ей нуженъ мужъ молодой, живой... вотъ хоть бы такой, какъ вы.

Панютинъ снова вспыхнулъ и сухо замѣтилъ:

— Я не мѣшаюсь въ дѣла сестры. Счастлива или несчастлива она—это ея дѣло.

— Такъ, такъ,—согласился кузенъ Пьеръ. — А я полагалъ, что вы такъ привыкли съ дѣтства другъ къ другу, что одного изъ васъ всегда должны интересовать дѣла другого.

Панютина снова передернуло. Кузенъ Пьеръ опять сталъ изливаться въ похвалахъ прелестямъ Груни. Панютинъ стоялъ, какъ на горячихъ угольяхъ. Онъ то краснѣлъ, то

блѣднѣлъ. Трое повѣсъ наблюдали за жертвой своей плоской шутки и продолжали дразнить ее, какъ дразнятъ голоднаго, запертаго въ клѣтку тигренка, показывая ему изъ-за рѣшетки со всѣхъ сторонъ кусокъ мяса. Дикій тигренокъ сдѣлалъ попытку скрыться; его удержали.

— Постойте, куда же вы бѣжите?—остановилъ юношу кузенъ Пьеръ и взялъ его подъ руку.—Садитесь. Мы такъ давно не видались. Поговоримте. Что̀ это вы хмуритесь? Ну, что на кладбищѣ вашего воспитателя все попрежнему появляются привидѣнія похороненныхъ мудрецовъ? Тѣнь Трегубова по-старому ли возстаетъ изъ своего могильнаго склепа и приходитъ во время шабаша осматривать мавзолеи кряжинскаго погоста? А мавзолеевъ все прибавляется или ими заставлены уже всѣ углы? Находите ли вы теперь пріятнымъ свое пребываніе въ жилищѣ мертвыхъ? Иногда, я думаю, становится немного скучно?

— По крайней мѣрѣ, тихо, если не весело; заниматься можно,—отвѣтилъ Панютинъ и поспѣшилъ прибавить:—но я бо̀льшую часть времени провожу въ университетѣ.

— А! да, въ университетѣ,—серьезно проговорилъ кузенъ Пьеръ. —Конечно, тамъ скучать нельзя. Молодые профессора, новыя, живыя идеи приводятъ, животрепещущіе вопросы поднимаютъ; кружки молодежи составляются; товарищество крѣпко стоитъ за своихъ членовъ; споры, шумъ, сходки, заботы объ участи бѣдныхъ собратьевъ, все кипитъ, волнуется юною жизнью, жизнью дня... Чудное это существованіе.

— Нѣтъ... да...—началъ въ замѣшательствѣ Панютинъ. Ему очень хотѣлось выругать кузена Пьера, очень хорошо знавшаго, что въ университетѣ уже не было никакихъ кружковъ, никакихъ сходокъ, никакихъ новыхъ идей.

Трое повѣсъ захохотали дружнымъ смѣхомъ. Юноша снова съ злобою закусилъ губы и, оборвавъ листъ плюща, скомкалъ его въ рукѣ; казалось, онъ хотѣлъ бы въ эту минуту точно такъ же скомкать, отбросить и растоптать ногами свою собственную жизнь.

— Что̀ вы ему сказки-то разсказываете, — проговорилъ Левчиновъ.—У васъ, я думаю, нѣтъ ни одного товарища? Вы едва ли знаете кого-нибудь изъ студентовъ даже по имени,—обратился онъ Панютину.

— Да, теперь студенты мало сходятся между собою,—отвѣчалъ неохотно Панютинъ.

— Жаль, жаль,—съ сожалѣніемъ произнесъ кузенъ Пьеръ,

продолжая свое начатое безъ всякой цѣли шутовство.—Ну, да это не бѣда, поскучаете дома и въ университетѣ, такъ здѣсь отдохнуть можно, въ добромъ родственномъ кружкѣ...

— Что это вы, Петръ Петровичъ, съ умысломъ или...— началъ Панютинъ глухимъ голосомъ и не могъ сразу подыскать слово:—или по вдохновенію дразните меня?—окончилъ онъ.

Ему хотѣлось сказать не по вдохновенію, а по глупости, но языкъ не повернулся на это.

— Дразню? Я и не думалъ дразнить васъ, — изумился кузенъ Пьеръ и снова выставилъ свои блестящіе зубы.

— Такъ что же вы разспрашиваете меня о моемъ житьѣ-бытьѣ. Ну, скверно оно, вы это сами знаете. Да вамъ-то что до этого?

Панютинъ сердито всталъ. Кузенъ Пьеръ ласково удержалъ его...

— Мнѣ, право, жаль васъ,—благодушно сказалъ онъ.— Вотъ вы все хмуритесь, скучаете, раздражаетесь, а между тѣмъ уходитъ то лучшее время, когда человѣку нужно жить полною жизнью.

Панютинъ пожалъ плечами и выказалъ снова намѣреніе уйти.

— Право, вамъ надо поближе съ обществомъ познакомиться, тамъ найдутся и друзья, и развлеченія.

— На улицу, что ли, выйти, да прохожихъ въ друзья скликать?—спросилъ Панютинъ.

— Зачѣмъ такая эксцентричность? Просто вотъ заходите ко мнѣ, я васъ и познакомлю съ молодежью,—сказалъ кузенъ Пьеръ.

Панютинъ сухо поблагодарилъ его и ушелъ.

— Ха-ха-ха! — захохотали Левчиновъ и графъ Родянка. — Для чего вы это такую комедію съ этимъ дикимъ звѣремъ разыграли?

— Субъектъ интересный!—отвѣтилъ кузенъ Пьеръ и выставилъ свои зубы.

Собесѣдники пожали плечами, какъ будто выражая этимъ то мнѣніе, что не стоило начинать комедіи изъ пустяковъ. Графъ Родянка даже зѣвнулъ, выражая этимъ томившую его скуку. А кузенъ Пьеръ очень многозначительно взглянулъ на нихъ и сталъ объяснять дѣло.

— Этотъ звѣрекъ очень сердитъ на свое положеніе и очень скучаетъ,—началъ онъ.—Сверхъ того, онъ очень не-

опытенъ. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что его легко приманить какою-нибудь забавой къ себѣ.

— Очень нужно вамъ всякихъ дураковъ приманивать,— презрительно промолвилъ графъ Родянка и опять зѣвнулъ, точно зѣвота была задачею его жизни.

— Я не знаю, дуракъ онъ или умный, но мнѣ онъ нуженъ,—сказалъ кузенъ Пьеръ.—Онъ, во-первыхъ, мнѣ передастъ, любитъ ли его нареченная сестра своего мужа или не любитъ, счастлива ли она или нѣтъ, а, во-вторыхъ, онъ передастъ своей нареченной сестрѣ, что я интересуюсь ею и жалѣю ее.

— Такъ онъ и станетъ ей это передавать, если онъ самъ безъ ума отъ нея,—лѣниво замѣтилъ графъ Родянка, пожимая плечами.

— Вы упустили изъ виду его неопытность. Онъ разгорячится и все выскажетъ сестрѣ.

— Какое ужасное коварство!—съ комическимъ ужасомъ произнесъ Левчиновъ и захохоталъ.

— Это будетъ цѣлый романъ, — тѣмъ же скучающимъ и неживымъ тономъ промолвилъ графъ Родянка.

Кузенъ Пьеръ оскалилъ свои бѣлые зубы.

— А знаете, вѣдь дѣйствительно было бы интересно увидать первые шаги этого звѣрка въ нашемъ обществѣ. Смѣху доставило бы много.

— А чортъ его знаетъ, еще скандалъ какой-нибудь учинитъ. Это, кажется, грубая натура,—снова зѣвнулъ графъ.— Пошло все это и нисколько не весело, — добавилъ онъ и помолчалъ.

— Вы сегодня куда?—спросилъ онъ у собесѣдниковъ черезъ минуту.

— Не худо бы къ миссъ Шрамъ,—отвѣтилъ Левчиновъ.

— Идетъ, — отвѣтили остальные и, распрощавшись съ обществомъ Обносковыхъ, понеслись къ миссъ Шрамъ, одной изъ самыхъ отчаянныхъ наѣздницъ цирка.

У нея уже собралась цѣлая ватага разгульной молодежи. Трое новыхъ посѣтителей были встрѣчены съ восторгомъ.

— Погодите, погодите, я вамъ скоро новичка привезу! — говорилъ кузенъ Пьеръ.—Дикаря съ островомъ Тихаго океана.

Левчиновъ и графъ Родянка опять пожали плечами, какъ будто удивляясь странной настойчивости кузена Пьера, и скоро среди шумной оргіи у миссъ Шрамъ забыли обо всей пошлой сценѣ и пошлыхъ разговорахъ, происходившихъ между ними въ скучномъ домѣ Обносковыхъ.

Но у кузена Пьера не выходили изъ головы два молодыя лица: лицо Павла и лицо Груни. Это были два новыхъ актера, которыхъ онъ могъ заставить разыграть какую-нибудь комедію, еще неизвѣстнаго ему содержанія, но во всякомъ случаѣ потѣшную для него. Какъ всякій спеціалистъ, кузенъ Пьеръ принимался за новые, относящіеся къ его любимому предмету, опыты, не зная, что̀ изъ нихъ выйдетъ, но наслаждаясь впередъ самымъ процессомъ этихъ опытовъ и возможностью не сидѣть безъ дѣла. Сверхъ того кузену Пьеру давно пріѣлись азбука и зады его спеціальности; онъ замѣтно старѣлъ, не по лѣтамъ, но по усиленной жизни этихъ лѣтъ, и начиналъ чувствовать, что и дружба съ тридцатипятилѣтними женщинами, и кутежи съ наѣздницами и актрисами, и возня съ пресытившимися друзьями становятся крайне однообразными, что въ этой музыкѣ онъ наизусть знаетъ каждую нотку. Ему нужно было что-нибудь новое, выходящее изъ ряда этого, повидимому, бурнаго и разнообразнаго, но въ сущности такого же скучнаго и однообразнаго существованія, какъ и существованіе какого-нибудь канцеляриста съ вѣчной перепиской похожихъ до крайности одна на другую бумагъ.

XII.

На краю пропасти.

Павелъ Панютинъ со дня свадьбы Груни не находилъ себѣ нигдѣ покоя, тосковалъ, худѣлъ и ходилъ, какъ человѣкъ, утратившій нѣчто, составлявшее всю цѣль его существованія. Дѣйствительно, въ Грунѣ онъ терялъ все.

Съ самаго дѣтства, никто не слѣдилъ за нимъ, не указывалъ ему дороги, не направлялъ его мыслей. Онъ росъ, игралъ, учился, скучалъ, терпѣлъ нападки отъ людей, озлоблялся; его ласкали или бранили, лѣчили отъ недуговъ и наказывали за лѣнь, но ни одинъ человѣкъ не сумѣлъ или не счелъ нужнымъ заглянуть въ его душевный мірокъ. Но было одно существо, которое никогда не успокоивалось на томъ, что Павла тогда-то наказали за лѣнь, и спѣшило помочь ему приготовить трудный урокъ или рѣшить непонятую мальчикомъ задачу. Это существо не считало прописаннаго докторомъ лѣкарства вполнѣ достаточнымъ для выздоровленія Павла, когда онъ хворалъ, но оно проводило дни у постели больного, старалось угадать его желанія и облегчить его безсонныя ночи своими нѣжными рѣчами, своимъ желаннымъ присутствіемъ. Всѣ отношенія

этого существа къ Павлу были проникнуты и согрѣты неизмѣннымъ чувствомъ нѣжной любви, и потому каждая мелочь изъ этихъ отношеній оставила неизгладимый слѣдъ въ сердцѣ впечатлительнаго юноши. Онъ равнодушно, почти небрежно принималъ дорого стоящія благодѣянія Кряжова; не умилялся, получая отъ него хорошій столъ, уютную и мило обставленную комнату, отличную одежду и другія необходимыя для жизни вещи; онъ какъ будто считалъ исполненіе всѣхъ этихъ благодѣяній обязанностью добраго старика. Но на его глаза навертывались радостныя слезы, онъ становился веселъ и счастливъ на нѣсколько дней, онъ прыгалъ, какъ дитя, когда доброе существо, пригрѣвшее любовью его сиротствующую душу, дарило ему въ день его рожденья какой-нибудь ничтожный по цѣнѣ кошелекъ своей работы.

— Милая, милая, ты не забыла этого дня!—въ восторгѣ восклицалъ мальчикъ, безъ счету цѣлуя руки своего добраго ангела-хранителя, своей названной сестры.

Во время его недуговъ, Кряжовъ тратилъ десятки рублей, сзывая нѣсколькихъ докторовъ, покупая множество дорогихъ лѣкарствъ, но Павелъ не благодарилъ благодѣтеля за это, точно сознавая, что тотъ сталъ бы лѣчить и собаку, если бы она захворала, и не далъ бы ей безпомощно выть отъ боли. Но едва владѣя ослабѣвшими въ болѣзни руками, онъ протягивалъ ихъ, заслышавъ ночью знакомую воздушную поступь, и когда на край его постели садилось легкое, одѣтое въ бѣлое платье существо, тогда ему вдругъ становилось и сладко, и отрадно, и, кажется, никакія лѣкарства не могли помочь ему такъ, какъ помогала близость этого дорогого друга.

— Ты моя сестра, ты моя мама,—шепталъ онъ, обвивая исхудалою рукою стройную талію дѣвушки.

— Если бы такъ вся жизнь прошла!—шепталъ онъ еще тише, впадая въ забытье.

Ему становилось лучше. Кряжовъ удивлялся искусству докторовъ, заставлялъ Павла благодарить ихъ за выздоровленіе, а глаза юноши, полные выраженія святой признательности, обращались совсѣмъ въ другую сторону и ловили взглядъ той, которая одна могла спасти его жизнь.

Такъ постепенно въ маленькомъ душевномъ міркѣ Павла возникла и развилась эта привязанность. Съ каждымъ годомъ, чѣмъ яснѣе сознавались обиды, чѣмъ труднѣе становилась работа, чѣмъ скучнѣе дѣлалось безцѣльное прозяба-

ніе среди памятниковъ древности, тѣмъ болѣе крѣпла эта привязанность и, наконецъ, превратилась въ страстное болѣзненное чувство, превратилась въ манію, въ idée fixe, поглотившую всѣ мысли, всѣ стремленія, все существо юноши. Онъ мечталъ, какъ будетъ счастлива, какъ будетъ гордиться Груня, если онъ выйдетъ изъ гимназіи съ медалью, и учился отлично, былъ первымъ ученикомъ. Онъ зналъ, что Груня любитъ кататься лѣтомъ въ кабріолетѣ, и старался наловчиться управлять лошадьми. Онъ полагалъ, что Груня скоро станетъ выѣзжать на балы, и развивалъ свою ловкость, чтобы *она* могла сказать, что съ нимъ пріятнѣе танцовать, чѣмъ съ другими. Онъ, воспитанный на рыцарскихъ сказкахъ и романахъ, замѣчалъ, что Кряжовъ дряхлѣетъ, ему казалось, что не далеко время смерти старика, и онъ заботился о развитіи своей физической силы, чтобы быть защитникомъ Груни. Во всемъ она—побужденіе къ дѣятельности, ея счастье—цѣль жизни. И никто никогда не замѣтилъ этого и никто никогда не указалъ ему ни другихъ побужденій, ни другихъ цѣлей! И все это дѣлалось имъ потому, что Груня любимая и любящая *сестра* и не болѣе, такъ, по крайней мѣрѣ, полагалъ самъ Павелъ. Впервые понялъ онъ, хотя и смутно, и степень своихъ чувствъ къ названной сестрѣ и ихъ характеръ въ тотъ скорбный вечеръ, когда она объявила ему о предстоящей своей свадьбѣ съ Обносковымъ. У Павла въ этотъ вечеръ точно что-то оборвалось въ сердцѣ. До сихъ поръ онъ до того былъ удовлетворенъ своими отношеніями къ Грунѣ, что никогда даже и не думалъ о какомъ-нибудь измѣненіи ихъ въ будущемъ. Ни разу не представлялось ему, что Груня выйдетъ замужъ, ни разу не мечталъ онъ, что онъ самъ можетъ быть ея мужемъ. Онъ любилъ такъ чисто, такъ платонически, какъ можетъ любить или, лучше сказать, обожать чистая натура на восемнадцатомъ году жизни. Но первое слово о замужествѣ любимой дѣвушки вдругъ пробудило тоску, злобу, ревность. Однако, ни одной грязной и пошлой мысли не было еще въ головѣ. Ни разу еще не представилось Павлу, что онъ могъ бы стать на мѣсто Обноскова. Нѣтъ, ему просто хотѣлось сохранить прежнюю жизнь, прежнюю сестру, живущую рядомъ съ нимъ, не считающую роднымъ никого, кромѣ его, Павла, и старика-отца. Но вотъ пріѣхалъ Обносковъ. Первый поцѣлуй, первая ласка жениха вдругъ перевернули все въ груди и головѣ юноши. Онъ созналъ, что братское чувство

прошло и замѣнилось новымъ чувствомъ, чувствомъ страсти. Начались безсонныя ночи съ бредомъ наяву, явилось стремленіе бѣжать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы не видать ни Груни, ни ея жениха, не слышать, не читать о нихъ. «Въ деревню! въ деревню!» мучительно восклицалъ Павелъ, шагая въ своей комнатѣ и крѣпко сжимая руками пылающую голову, какъ будто изъ желанія сдавить этотъ мозгъ, уже богатый юношескимъ воображеніемъ.

Вотъ и деревня, вся въ зелени лѣсовъ и полей... Чудныя картины бодрой жизни и спокойствія природы встрѣчаются повсюду. Птицы ли въ густомъ лѣсу поютъ, пасется ли при блескѣ яркаго дня мирное стадо коровъ на пастбищѣ, несется ли съ веселымъ ржаніемъ табунъ лошадей, стуча копытами въ вечернемъ затишьѣ, во всемъ довольство своей долей, все какъ будто чувствуетъ себя на своемъ мѣстѣ. И среди этой благодати не нашелъ своей доли счастья только человѣкъ. Бѣдный, оборванный людъ, приниженный съ дѣтства судьбою, усиленнымъ трудомъ добываетъ свой хлѣбъ. Грязныя, мозолистыя, тутъ и тамъ искалѣченныя руки не отдыхаютъ съ утра до вечера отъ работы. На загорѣлыхъ, изнуренныхъ лицахъ, облитыхъ потомъ, виднѣется не довольство, не счастье, но врѣзались слѣды тупой покорности и холодной безнадежности... И вотъ Павелъ чувствуетъ впервые свое полное одиночество. Безучастный міръ и яркій блескъ природы не вѣютъ на него отрадой. Изнуренный народъ вызываетъ его сожалѣніе, но Павелъ не понимаетъ, какъ можетъ обтерпѣться человѣкъ до такой безропотности, и ему становится дикою эта безмолвно покоряющаяся судьбѣ масса. Онъ понимаетъ, между прочимъ, что и ей показалось бы не менѣе дикимъ душевное горе, горе сытаго, обутаго, одѣтаго, полнаго силъ и молодости человѣка. Они не поняли бы, осмѣяли бы другъ друга и были бы правы каждый въ свою очередь. Итакъ, полное одиночество. Теперь Павла не волненіе душитъ, не тоска сосетъ, не злоба будитъ отъ сна, нѣтъ,— въ немъ какое-то новое чувство, чувство пустоты. Кажется, все живое смотритъ на него безъ участья или, вѣрнѣе сказать, совсѣмъ не смотритъ на него, точно его нѣтъ на свѣтѣ. «А вѣдь и точно, не будь меня,—на свѣтѣ ничего не убавилось бы, какъ не убавилось бы ничего со смертью Кряжова или Обноскова», думается ему, и онъ понимаетъ, что эта мысль вѣрна, и что люди правы, не замѣчая его. Онъ пробуетъ мечтать о будущемъ, но мысли не клеятся,

и онъ сознаетъ, что ему не о чемъ мечтать: не все ли равно ему, что съ нимъ будетъ, чѣмъ онъ будетъ? Его самого не манитъ еще никакая дѣятельность, да онъ и не знаетъ въ сущности какой-нибудь дѣятельности. Цѣли у него также еще нѣтъ. «Быть докторомъ хорошо, ну, лѣчить людей буду; быть адвокатомъ тоже не дурно, буду защищать подсудимыхъ; быть технологомъ, и это можно, буду строить машины для перевозки, для прокормленія людей, и все-таки никому не будетъ до меня дѣла, какъ никому нѣтъ дѣла до Кряжова, до Обноскова, до всѣхъ встрѣченныхъ въ жизни личностей». А давно ли у Павла были и побужденія, и цѣль для жизни? Попробовалъ юноша читать: стихи все воспѣваютъ природу, лунные вечера и ночи, описываютъ восторги дружбы, оплакиваютъ разлуку съ *нимъ*, славятъ *ее*, воспѣваютъ блаженство, безуміе и мѝки любви; романы и повѣсти тоже полны прелестями дружбы и восторгами любви; герой имѣютъ друга—они блаженствуютъ; они имѣютъ милую—цѣль ихъ жизни достигнута, они на землѣ видятъ рай; умираетъ ихъ другъ—они не находятъ отрады на землѣ; покидаетъ ихъ возлюбленная,—они умираютъ. Дружба, любовь, семья, вотъ всѣ цѣли жизни, вотъ всѣ ея мотивы. У Павла не было ни друга, ни милой, ни семьи, онъ сознавалъ и безъ книгъ, что его цѣль жизни утратилась, и не зачѣмъ ему было еще бередить свои раны и подтверждать свое скорбное убѣжденіе. И стоило ли для такихъ жалкихъ истинъ писать книги? Онъ бросилъ книги, и снова кругомъ и внутри его была пустота, пустота, одна страшная пустота!

Кто бы вы ни были, мой читатель, вспомните свои юношескіе годы и не бросайте камня въ моего искалѣченнаго героя, онъ простое повтореніе васъ самихъ. И васъ въ школѣ научили географіи, исторіи, математикѣ, латинскому и греческому языкамъ и множеству другихъ наукъ и языковъ, и выпустили на волю. Для какой цѣли вы, вслѣдъ за своими родителями, считали пригодными всѣ эти знанія? Если вы были пустымъ юношею, вскормленнымъ страстными къ чинамъ и деньгамъ людьми, то вы мечтали кончить курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, сдѣлаться чиновнымъ человѣкомъ, пріобрѣсти значеніе въ свѣтѣ и нажить состояніе на радость любимымъ отцу и матери, потомъ жениться на богатой и прекрасной женщинѣ, зажить мирно и широко, воспитуя дѣтей,—и только. Въ этомъ состоялъ весь пошлый идеалъ вашей жизни, сытой, мирной,

семейной. Если вы были хорошимъ товарищемъ и запаслись съ дѣтства двумя-тремя друзьями, то къ этому идеалу прибавлялось счастіе этихъ двухъ-трехъ друзей. Если у васъ, сверхъ того, уже успѣла вспыхнуть любовь на школьной скамьѣ, то къ идеалу прибавлялось еще одно желаніе жениться непремѣнно на царицѣ своего сердца и доставить ей блаженство, равняющееся вашему собственному счастію. Дальше этого не могло идти ваше желаніе. Членъ семьи и не болѣе по рожденью, вы могли только желать быть членомъ семьи и въ будущемъ. Но если слѣпая судьба отнимала у васъ одну за другою всѣ эти немногочисленныя личности, тогда что̀ оставалось у васъ, кого вы могли надѣяться порадовать своимъ успѣхомъ, для кого вы могли желать трудиться? Для чужихъ, безучастно смотрящихъ на васъ людей? Нѣтъ! изломанные утратами всего близкаго, вы опускали въ отчаяньи руки и проклинали эту безучастную, холодную толпу, а она, состоящая изъ личностей такого же развитія, какъ вы, или проходила со своими семьями, со своими друзьями, не обращая вниманія на васъ, или давила васъ съ помощью этихъ семей и друзей, швыряя въ васъ грязью, какъ въ лишняго человѣка, занимающаго клочокъ земли и частицу богатства, отнятые у нея. Какъ членъ своей семьи, вы съ колыбели были врагомъ всѣхъ другихъ семей, а эти семьи, въ свою очередь, враждебно относились къ вамъ. Никто никогда не разъяснялъ вамъ въ золотую пору дѣтства, что прежде, чѣмъ сдѣлаться членомъ въ своей семьѣ, вы сдѣлались гражданиномъ, членомъ обширной, не умирающей семьи— общества. Только оно могло дать средства вашимъ родителямъ, за ихъ услуги ему, обзавестись своимъ домомъ и воспитать васъ. Только оно, а не ваши родители, могло приготовить для васъ школу. Только оно могло обѣщать вамъ въ будущемъ и чины, и богатство, и возможность семейнаго счастья. Но для того, чтобы оно могло, не дѣлая несправедливости, дать вамъ всѣ эти блага, оно требовало вашей службы, вашей помощи, вашей любви къ нему, однимъ словомъ, всего того, чего требовала и ваша частная семья. Но люди озлобленно ратуютъ на словахъ противъ эгоизма, стремятся убить рѣчами этотъ неискоренимый, прирожденный инстинктъ, и въ то же время всѣми своими поступками дѣлаютъ въ дѣтяхъ этотъ инстинктъ только еще болѣе грубымъ и безсмысленнымъ, тогда какъ, направленный ко благу, онъ могъ бы быть началомъ вся-

каго добра. Дѣти самыхъ честныхъ людей чуть не съ пеленъ пріучаются мечтать о своихъ чинахъ, о своемъ богатствѣ, о своей благотворительности, о своемъ счастьи съ любимымъ другомъ, съ любимой подругой, съ милыми родными; но никогда не научатъ ребенка тому, что это счастье можетъ явиться только тогда, когда мы заслужимъ его отъ общества, что общество не должно ничего давать намъ, если мы ничего еще не заслужили, что даже самая хвалимая благотворительность наша есть только грустное свидѣтельство нашего непониманія роли гражданина: гражданинъ не можетъ быть благодѣтелемъ, какъ не можетъ быть семьянинъ благодѣтелемъ своихъ отца, матери и дѣтей; наша помощь ближнему есть просто служба, ради которой насъ не выталкиваютъ вонъ изъ общества и считаютъ его членами. Если бы насъ научили съ пеленъ любить общество и считать себя прежде всего его членомъ, то никогда въ жизни мы не потеряли бы жажды жить, никогда не осиротѣли бы, никогда не спросили бы себя: для чего я буду работать? для того, чтобы умереть незамѣченнымъ, нелюбимымъ, одинокимъ? Не было бы счета нашей роднѣ, не было бы числа нашимъ друзьямъ, не было бы границъ нашей дѣятельности, и никогда не знали бы мы, что̀ значитъ скука, отчаянье и безцѣльность жизни. Теперь же, состоя на службѣ, вы видите первыхъ своихъ враговъ въ сослуживцахъ, какъ въ людяхъ, перебивающихъ у васъ выгодное мѣсто; дѣлаясь простымъ работникомъ, вы видите враговъ въ ближайшихъ къ вамъ работникахъ, какъ въ людяхъ, могущихъ получить отъ хозяина бо̀льшую плату, чѣмъ получаете вы; являясь проповѣдникомъ извѣстныхъ идей, писателемъ, вы топчете въ грязь именно тѣхъ, кто проповѣдуетъ ваши идеи: вы видите въ немъ человѣка, могущаго стать выше васъ по своему значенію. Служба, трудъ, идеи—это все только средства для васъ достигнуть личнаго, узенькаго, подлаго счастья для себя и для своей семьи.

Прошло для Павла тяжелое лѣто, наступила осень и время поступленія въ университетъ. Это не было началомъ студенческой жизни, а просто хожденіемъ на лекціи, мало интересовавшія Павла и среди которыхъ онъ узнавалъ иногда и такія вещи, что «не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ читать Милля», что «Нимфа Эгерія помогала Нумѣ Помпилію при составленіи законовъ», что «въ петербургской губерніи есть годныя земли, продающіяся по пятидесяти копеекъ за десятину», что «смертная казнь необхо-

дамъ» и что «законы составляются для подданныхъ, а подданными называются люди, обязанные повиноваться законамъ» и т. д. Слушая среди многихъ полезныхъ свѣдѣній и подобныя диковинки, онъ охладѣлъ ради этихъ диковинокъ и къ полезнымъ знаніямъ, и скучалъ. Сотни студентовъ, между тѣмъ, ходили по университетскимъ коридорамъ отдѣльно, поодиночкѣ, какъ монахи въ монастырѣ, углубленные въ созерцаніе; между ними, кажется, не было и не могло быть ни малѣйшей внутренней связи. Если гдѣ-нибудь сходились три человѣка, то они спѣшили тотчасъ же разойтись, завидѣвъ начальство. Общіе толки поднимались только по поводу составленія литографированныхъ лекцій, и эти толки оканчивались рѣзкими и грубыми ссорами, такъ какъ дѣло шло о пріобрѣтеніи лишней копейки бѣдняками, знавшими, что товарищество не поможетъ и не имѣетъ возможности помочь имъ, если они будутъ голодать. Непривыкшій безъ того къ товариществу, Павелъ при этихъ жизненныхъ условіяхъ еще менѣе находилъ возможности сблизиться съ кѣмъ-нибудь изъ студентовъ. Ему было скучно въ этихъ стѣнахъ, среди этой отчужденной толпы, какъ бываетъ скучно какому-нибудь юному конторщику въ нѣмой, какъ могила, конторѣ, за перепискою непонятныхъ и противныхъ бумагъ, отъ которыхъ конторщикъ видитъ, можетъ-быть, пользу хозяину, но никакъ не себѣ. Не веселѣе было и дома. Единственный домъ, гдѣ могъ Павелъ встрѣтить общество, былъ домъ Груни. Но именно сюда-то и старался какъ можно рѣже заглядывать юноша. Онъ не сердился на Груню, но ему было тяжело видѣть ее, если она казалась счастливой и веселою; ему становилось еще тяжелѣе, если она являлась опечаленною и несчастною. Да и сама она старалась избѣгать встрѣчъ и разговоровъ съ нимъ. У нея на это были свои основательныя причины. Она боялась разжигать любовь Павла и хотѣла, чтобы время охладило эту страсть; она смущалась, ожидая разспросовъ юноши о ея счастьи, такъ какъ передъ этимъ юношею она не могла, ни за что на свѣтѣ, солгать и описать небывалое блаженство своего настоящаго положенія; она трепетала отъ страха, что первая откровенная бесѣда откроетъ ему въ настоящемъ свѣтѣ ея скорбную жизнь и отниметъ у него возможность спокойно заниматься, подтолкнетъ его, можетъ-быть, на какой-нибудь необдуманный поступокъ, который, безъ всякой пользы для кого бы то ни было изъ нихъ, сразу можетъ открыть глаза и ея мужу, и ея отцу. Во-

обще въ отношеніяхъ молодыхъ людей проглядывала какая-то застѣнчивость и стремленіе отдалиться другъ отъ друга. И здѣсь чувствовалась пустота.

Въ одно изъ рѣдкихъ появленій Павла въ домѣ Обносковыхъ мы слышали его разговоръ съ кузеномъ Пьеромъ. Этотъ разговоръ еще болѣе уяснилъ Павлу, какъ скверно его положеніе, какъ важенъ для него недостатокъ товарищей и друзей. Но Павелъ не поспѣшилъ воспользоваться знакомствомъ кузена Пьера и не пошелъ къ нему. Онъ, напротивъ того, еще упрямѣе затворился въ одной изъ келій кряжовскаго монастыря, среди памятниковъ отжившаго міра. Пустота въ душѣ и пустота кругомъ дѣлались между тѣмъ все страшнѣе и страшнѣе. Въ одинъ изъ двей непроходимой скуки, когда Павелъ лежалъ съ книгою на постели и не участвовалъ мыслью въ чтеніи, въ его комнату шумно отворилась дверь.

— Вхожу къ вамъ, милый послушникъ, безъ позволенія игумена, — засмѣялся кузенъ Пьеръ, показывая два ряда бѣлыхъ зубовъ.—За это не будетъ выговора?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Павелъ, поднимаясь съ кровати и бросая книгу въ сторону.

— И выходить изъ монастыря вы можете, не дожидаясь благословенія отца-игумена? — шутилъ кузенъ Пьеръ, здороваясь съ нимъ.

— Могу.

— Ну, и отлично, потому что я хочу васъ сегодня похитить отсюда. А у васъ тутъ все по-старому,—осмотрѣлся кузенъ Пьеръ кругомъ:—всѣ памятники приросли къ мѣсту и находятся налицо.

— Куда же имъ дѣваться?—съ досадою пожалъ плечами Павелъ, точно онъ желалъ, чтобы всѣ эти древности провалились сквозь землю.

— Да, да, куда имъ дѣваться! На обыкновенныя кладбища хоть воры забираются, воруютъ разные бронзовые крестики, а вашъ монастырь даже и отъ воровъ-то каменною стѣною отгороженъ. Однако, одѣвайтесь и поѣдемъ.

— Я сегодня, право, не расположенъ никуда ѣхать...

— Вздоръ, вздоръ!—зачастилъ кузенъ Пьеръ. —Ужъ вы потому должны ѣхать, чтобы загладить свою невнимательность ко мнѣ: я васъ звалъ къ себѣ, а вы въ теченіе двухъ недѣль не хотѣли найти свободной минуты на посѣщеніе и даже скрылись изъ дома Обносковыхъ, чтобъ не видать меня.

— Право, я этого не имѣлъ въ виду, — началъ съ смущеніемъ Павелъ, совсѣмъ не привыкшій къ шуткамъ кузена Пьера.

— Пожалуйста, не отговаривайтесь, — съ поддѣльною серьезностью говорилъ кузенъ Пьеръ.—Но, видя, что вы не являетесь туда для избѣжанія встрѣчъ со мною, я, конечно, могъ придти къ тому заключенію, что мнѣ должно оставить домъ Обносковыхъ, такъ какъ посторонній человѣкъ не долженъ быть причиною разрыва между близкими родственниками. Согласитесь, что вы должны убѣдить меня, что вы не изъ-за меня не бываете у родныхъ.

— Повѣрьте мнѣ, — началъ оправдываться Павелъ, совершенно не понимая, насколько серьезности и насколько шутовства заключалось въ рѣчахъ кузена Пьера.

— Ну, ну, отговорки въ сторону и одѣвайтесь!— командовалъ кузенъ Пьеръ.—Я сяду спиною, чтобы не стѣснять васъ.

Кузенъ Пьеръ дѣйствительно усѣлся спиною къ Павлу. Тотъ сталъ одѣваться. Но пробыть пять минутъ въ одномъ и томъ же положеніи было не въ характерѣ кузена Пьера, а потому черезъ минуту онъ не только сидѣлъ лицомъ къ Павлу, но даже мѣшалъ ему одѣваться, стоя передъ самымъ его носомъ и съ жаромъ объясняя ему, что проводить молодые годы въ такой обстановкѣ, въ такомъ одиночествѣ нелѣпо и непрактично, что нужно жить полной жизнью и знакомиться съ тѣмъ обществомъ, которому скоро придется служить. Затѣмъ слѣдовали описанія какого-то блестящаго маскарада, далѣе рѣчь перескочила къ кобылѣ графа Родянки, помявшей какую-то нищую на Невскомъ, отъ этой кобылы былъ сдѣланъ скачокъ къ одной заѣзжей наѣздницѣ, которую подавали гдѣ-то во время десерта au naturel. Наконецъ, Павелъ, стыдившійся одѣваться при кузенѣ Пьерѣ, краснѣвшій отъ цинизма его разсказовъ, былъ одѣтъ.

XIII.

Продолженіе предыдущей.

— Куда же мы поѣдемъ? къ вамъ? —спросилъ онъ, выходя изъ дому.

— Нѣтъ, въ циркъ. Сегодня бенефисъ миссъ Шрамъ. Прекрасное созданіе. Грація какая, сила въ ногахъ, просто чудо!—восхищался кузенъ Пьеръ, садясь вслѣдъ за Павломъ въ роскошныя сани съ медвѣжьею полстью.

Бородатый, толстый кучеръ едва успѣлъ застегнуть одною рукою эту полость, какъ нетерпѣливый рысакъ рванулся съ мѣста и понесъ путниковъ, взметая снѣгъ, по гладкой, зимней дорогѣ.

— Чудная лошадь! — вырвалось невольное восклицаніе у Павла.

— А вы любите лошадей?—спросилъ кузенъ Пьеръ.

— И лошадей, и быструю ѣзду,—отвѣтилъ Павелъ, любуясь рысакомъ и вспоминая свои лѣтнія катанья съ Грунею въ деревнѣ.

— Черты русской широкой натуры,—вскользь замѣтилъ кузенъ Пьеръ, оскаливъ зубы.

Павелъ молча наслаждался поѣздкой. Морозный, зимній вечеръ, блескъ фонарей, неистовыя «пади» бойкаго кучера, мелькаціе экипажей и ярко освѣщенныхъ магазиновъ,—все это представляло какую-то дикую, не лишенную непонятной прелести, картину. Наконецъ, сани сразу остановились у освѣщеннаго подъѣзда цирка среди густой массы извозчиковъ, каретъ, пѣшеходовъ и надрывающихъ горло полицейскихъ и жандармовъ. Кто-то подскочилъ отстегнуть полость саней кузена Пьера, помогъ ему выйти, распахнулъ передъ нимъ дверь; въ коридорахъ солдаты, хранящіе верхнюю одежду публики, низко раскланялись съ кузеномъ Пьеромъ и сняли на ходу его пальто; буфетчикъ спросилъ его о здоровьи; какой-то волтижеръ, еще одѣтый въ собственное пальто сомнительной новизны и сомнительнаго достоинства, съ заискивающей улыбкой пожалъ милостиво протянутую ему руку кузена Пьера.

— Не забыли-съ, что сегодня бенефисъ миссъ Шрамъ,— осмѣлился онъ, улыбаясь во весь ротъ, замѣтить ломанымъ русскимъ языкомъ.

Кузенъ Пьеръ отвѣтилъ ему что-то по-англійски, на что волтижеръ далъ отвѣтъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ. Кузенъ Пьеръ сказалъ на это какую-то французскую фразу и получилъ исковерканный отвѣтъ на этомъ же языкѣ. Затѣмъ послѣдовали двѣ нѣмецкія фразы, изъ которыхъ одна была сказана неправильно.

— Десятью языками владѣетъ и всѣ десять подлые, — замѣтилъ кузенъ Пьеръ Павлу, поворачиваясь спиной къ волтижеру.

— Кузенъ Пьеръ! Фетидовъ! Петръ Петровичъ!—раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія, и Павелъ вдругъ былъ отрѣзанъ отъ кузена Пьера толпой блестящей молодежи.

Тутъ были военные мундиры, статскіе щегольскіе пиджаки, треугольныя шляпы съ невообразимо шикарно-загнутыми кверху носами, красные и зеленые воротники, офицерскія эполеты и юнкерскіе погоны, стеклышки въ глазахъ, pince-nez на носахъ, блескъ мишуры и газовыхъ огней, шумъ сабель и оглушительный вой и визгъ гадѣйшаго изъ самыхъ гадкихъ оркестровъ; французскія полированныя фразы и пѣтушье пѣніе клоуновъ, пискотня нарумяненныхъ наѣздницъ, одѣтыхъ еще въ свои платья, и ржанье коней въ сосѣдней конюшнѣ, запахъ bouquet de l'Impératrice и вонь навоза, матушкины сынки и конюхи, свѣжесть едва начинающейся розовой молодости и морщины гнусной, истасканной въ развратѣ старости. Толпа волновалась, сходилась и разступалась въ широкомъ проходѣ между ареной и занавѣсомъ въ конюшни, и потому было видно, что она здѣсь своя, что всѣ ея члены — члены одной семьи и принадлежатъ къ цирку, а не къ той терпѣливо и тупо сидѣвшей публикѣ, которая купила себѣ мѣста, чтобы полюбоваться, какъ люди за ея деньги ломаютъ шеи для ея потѣхи. Эта публика впивалась глазами въ наѣздницъ и наѣздниковъ, разсматривая подробно этихъ голодныхъ смѣльчаковъ, готовыхъ искалѣчить себя изъ-за куска хлѣба; для этой публики отважные смѣльчаки были какой-то диковинкой. Но не обращала никакого вниманія на штуки этихъ смѣльчаковъ та толпа «своихъ людей цирка», среди которой очутился кузенъ Пьеръ и за которой стоялъ Павелъ. Эта толпа только подавала сигналы глупой и непосвященной въ тайны публикѣ, когда надо хлопать и когда слѣдуетъ хранить молчаніе. Это клакеры, платящіе большія деньги за право хлопанья. Это кормильцы и поильцы голодной стаи балаганныхъ кривлякъ. Это жалкіе остатки прежнихъ владѣтелей крѣпостныхъ актеровъ и актрисъ.

Павелъ былъ ошеломленъ этимъ шумнымъ, блестящимъ и непривычнымъ для него зрѣлищемъ и не могъ сразу опомниться, къ тому же у него почти подъ ухомъ проклятый оркестръ гремѣлъ и визжалъ, заливаясь персидскимъ маршемъ. Мужественныя трубы и литавры, казалось, силились заглушить бабій визгъ писклявыхъ скрипокъ, а скрипки, въ свою очередь, наперерывъ другъ передъ другомъ старались взвизгивать, какъ можно рѣзче и чаще, точно это былъ шабашъ вѣдьмъ, не слушающихъ басовыхъ приказаній сатаны замолчать.

— А гдѣ же мой юный другъ? — очнулся кузенъ Пьеръ

и, увидавъ Павла, представилъ его толпѣ своихъ друзей.— Охотникъ до лошадей,—отрекомендовалъ онъ.

— А до наѣздницъ?—спросилъ кто-то носовымъ голосомъ.

— Все придетъ, все придетъ своимъ чередомъ! — успокоилъ кузенъ Пьеръ.

Къ Павлу протянулась рука графа Родянки.

— А ты замѣтно старѣешь, — насмѣшливо шепнулъ кузену Пьеру Левчиновъ.—Начинаешь дѣлаться наставникомъ и покровителемъ юношества.

— Что дѣлать, что дѣлать!—воскликнулъ съ ироническимъ добродушіемъ кузенъ Пьеръ.—Надо что-нибудь новое, свѣжее, вы всѣ стали до крайности однообразны, повыдохлись и пріѣлись.

— Это значитъ платить тою же монетою, — засмѣялся Левчиновъ.

— Господа, чуръ сегодня не вызывать Маньку! — обратился кто-то въ толпѣ къ окружающимъ. — Маньку надо проучить. Она ласковѣе, когда ее проучатъ.

— За себя ручаюсь. Я сегодня буду аплодировать только юному Банье. Да здравствуютъ юноши и ихъ свѣжесть! — воскликнулъ кузенъ Пьеръ.

— Пойдемте въ буфетъ, теперь дура Лоренъ будетъ трясти свои старыя кости на старой клячѣ, а потомъ Феликсъ будетъ ломаться, — проговорилъ кто-то раздражительнымъ голосомъ.

— И чортъ ихъ дергаетъ высылать такихъ уродовъ ребятъ, какъ Феликсъ, или такихъ старыхъ вѣдьмъ, какъ Лоренъ!—замѣтилъ кузенъ Пьеръ.—Кому они нужны!

Толпа, съ громомъ сабель и шумомъ рѣчей, хохота и брани противъ распоряженій цирка, двинулась въ буфетъ черезъ конюшни, гдѣ приготовлялись волтижеры и украшались лошади.

— Сейчасъ начинается, — замѣтилъ, раскланиваясь, содержатель цирка своимъ дорогимъ посѣтителямъ.

— Что начинается-то?—отвѣтили ему.—Скелетъ вашей Лоренши будетъ волочить по аренѣ? Толстый животъ и кривыя ноги вашего слепняваго Феликса будутъ показывать зѣвакамъ?

— Пра-о, къ вамъ по-адочные люди негестанутъ ѣздить, если вы такъ будете состаа-лять афиши.

Содержатель цирка, привыкшій понимать языкъ клоуновъ, понялъ и эти произнесенныя въ носъ и исковерканныя слова

и униженно раскланялся, постарался подобострастно улыбнуться и робко замѣтилъ:

— Что дѣлать, что дѣлать! хорошихъ сюжетовъ мало, и они капризничаютъ, не хотятъ себя утомлять. А надо какъ можно болѣе нумеровъ для афишъ. Публика цѣнитъ продолжительность представленій.

— Ка-а-кая публика? Эка-то?—съ презрѣніемъ кивнули въ толпѣ головами по направленію къ массѣ, терпѣливо ожидающей представленія. — Много она принесетъ вамъ доходу!

— Ду-аки эти ди-ектога цигковъ, — говорилъ кто-то въ толпѣ.—Не понимаютъ, что всѣ эти ка-а-меліи никогда не заглянули бы къ нимъ, если бы представленія длились всю ночь, но не было бы насъ. А съ гайка сборъ не великъ.

Павелъ остался между тѣмъ на своемъ мѣстѣ и не пошелъ въ буфетъ.

Первые два нумера прошли вяло: протаскала по аренѣ разбитая кляча Фанни такую же разбитую клячу Лоренъ, и обѣ пошли отдыхать въ свои стойла, и, вѣроятно, стойло Фанни было гораздо лучше, уютнѣе и теплѣе стойла Лоренъ, давно пріютившейся среди обносковъ и хлама старыхъ тряпокъ въ грязной каморкѣ, не то гардеробной, не то кладовой въ богатой квартирѣ миссъ Шрамъ, у которой Лоренъ занимала мѣсто среднее между горничной и—какъ бы это прилично выразиться — секретаремъ въ юбкѣ, объявлявшимъ поклонникамъ миссъ Шрамъ, *что* нужно сдѣлать, чтобы добиться знакомства юной повелительницы. Послѣ старыхъ клячъ Фанни и Лоренъ, на аренѣ показалъ свои дѣйствительно кривыя ноги и дѣйствительно толстый животъ облеченный въ трико тѣльнаго цвѣта Феликсъ. О! лучше бы онъ никогда не облекался въ трико, лучше бы никогда не появлялся на аренѣ со своими вывихнутыми ногами! Онъ поломался, погнулся по-змѣиному, потрясъ во всѣ стороны тысячу разъ своею большой головой, какъ привязаннымъ на ниткѣ узломъ ненужнаго тряпья, потомъ скрылся и подъ рукоплесканія райка выбѣжалъ снова, перекувырнулся десять разъ въ навозной землѣ арены и всталъ въ позу летящаго амура, отставивъ одну кривую ногу назадъ, выпятивъ впередъ животъ и поднося съ лакейскою ловкостью правую руку къ губамъ, что должно было означать благодарственный воздушный поцѣлуй публикѣ со стороны этого милаго младенца. Послѣ такой любезности милый младенецъ легко повернулся на одной кривой ножкѣ

и убѣжалъ, снова вызвавъ новыя рукоплесканія райка. Лицо этого невиннаго младенца тотчасъ же измѣнилось, какъ только за нимъ задернулась занавѣса. Тамъ онъ обернулъ голову по направленію къ публикѣ и, искрививъ свое невинное личико уродливой гримасой, высунулъ языкъ. Воспользовавшись удобнымъ случаемъ, ему кто-то изъ милыхъ малютокъ цирка подставилъ ногу, и Феликсъ грохнулся на землю. Завязалась драка. Въ это время выводили лошадь для миссъ Шрамъ, и берейторъ очень безцеремонно и дружески хлеснулъ своимъ бичомъ по невинно забавлявшимся малюткамъ. На лицѣ одного изъ невинныхъ младенцевъ осталась розовая отъ выступившей крови полоса.

Начался плачъ, но шумъ сабель и говоръ заглушили эти хныканья и прекратили сцену; за лошадью миссъ Шрамъ изъ-за занавѣсы высыпала толпа конюховъ и молодежи; между этими членами семейства цирка порхнуло воздушное, коротенькое газовое платье, усѣянное камеліями, и легкія ножки, обтянутыя въ шелковое трико, рѣзво помчали по направленію къ коню миссъ Шрамъ, разсыпавшую по всѣ стороны воздушные поцѣлуи рукоплещущей публикѣ!

— Бра-о, бра-о!—неистовствовала толпа клоуновъ и кутящей молодежи.—Бра-о!

Клоуны коверкали языкъ для возбужденія сильнѣйшаго смѣха въ публикѣ своимъ полнѣйшимъ униженіемъ и исключеніемъ себя даже по языку изъ человѣческаго общества; блестящая молодежь коверкала тоже свой языкъ, но только изъ чувства сознанія своего достоинства, не позволяющаго говорить языкомъ людей.

— Безъ буффъ!—радостно шепнулъ кузенъ Пьеръ, помѣщаясь возлѣ Павла.

Отъ кузена Пьера пахло шампанскимъ.

Кузенъ Пьеръ продолжалъ дѣлать свои замѣчанія, одно циничнѣе другого, но Павелъ уже не слушалъ его и впился глазами въ носящуюся по аренѣ миссъ Шрамъ.

Въ этой, еще прекрасной, хотя и не первой молодости, женщинѣ было дѣйствительно какое-то безумное, безшабашное и опьяняющее ухарство. Она неслась по аренѣ, щелкая бичомъ и прерывистымъ дикимъ крикомъ подстрекая лошадь, неслась съ такою быстротою, какъ-будто за ней гналась стая голодныхъ и бѣшеныхъ волковъ, и у нея самой была тысяча жизней и всѣ одна другой ненужнѣе, одна другой постылѣе. Вся масса кровожадно приковалась глазами къ этому летающему въ воздухѣ существу. Только гиканье бе-

рейторовъ и миссъ Шрамъ, да хлопанье бичей нарушали тишину. Вдругъ какой-то клоунъ зазѣвался и не успѣлъ продернуть полотна, черезъ которое прыгала миссъ Шрамъ, и она на всемъ скаку слетѣла съ лошади на землю. Павелъ вскрикнулъ и вскочилъ... Но въ ту же минуту миссъ Шрамъ снова неслась на лошади и, погрозивъ пальцемъ неосторожному клоуну, снова кричала прерывающимся, дикимъ голосомъ, и циркъ оглушали неистовыя рукоплесканія одурѣвшей, опьяненной толпы дикарей. Казалось, что сотни обитателей сумасшедшаго дома собрались сюда устроить свой бѣшеный шабашъ. Какой-нибудь африканскій дикарь, привыкшій къ самымъ звѣроподобнымъ кривляньямъ, удивился бы при видѣ этого безумнаго ломанья цивилизованной толпы. Но каково было бы его удивленіе, если бы онъ могъ понять, что на эти ломанья бросаются десятки тысячъ образованными людьми? Но мы присмотрѣлись къ этому безумію и давно потеряли способность удивляться чему бы то ни было.

— Чего вы испугались, юноша?—промолвилъ рукоплещущій кузенъ Пьеръ. — Это часто бываетъ. Бѣды большой нѣтъ. Декольтируетъ на минуту свои ножки, вотъ и все.

Но хладнокровіе и увѣренность миссъ Шрамъ уже были потеряны. Строптивая и раздражительная, она смотрѣла гнѣвно, съ ея лица исчезла привѣтливая улыбка, и глаза сверкали злобой; въ ея ногѣ чувствовалась легкая боль, но скачки наѣздница не прекращала. Еще было сдѣлано два круга, наполовинѣ третьяго круга миссъ Шрамъ снова зацѣпилась за обручъ и полетѣла, но уже не на арену, а по направленію къ бенуару; стукнулась колѣнями о барьеръ, перекувырнулась въ воздухѣ и безъ чувствъ упала подъ ноги какого-то офицера. Неосторожный клоунъ съ обручемъ въ рукѣ тоже покатился въ ложу и всей массой своего тѣла стукнулся о голову другого господина, сбивъ съ него шляпу. Миссъ Шрамъ не вставала; ее подняли и повели подъ руки къ конюшнѣ, хотя лучше было бы ее нести, такъ какъ ея ноги не двигались. Часть публики двинулась къ конюшнѣ, но туда допускали только «своихъ людей», въ число которыхъ попалъ и Павелъ по протекціи кузена Пьера, а остальнымъ говорили, что «все пустяки, что послѣдствій не будетъ». На аренѣ уже кувыркались и пѣли пѣтухами клоуны... Черезъ четверть часа миссъ Шрамъ подъ крики «бра-о» раскланивалась публикѣ.

— Вы такъ испугали этого молодого человѣка, что онъ

крикнулъ и чуть не упалъ въ обморокъ,—замѣтилъ ей кузенъ Пьеръ, указывая на Павла и скаля зубы.

— Thank you!—мелодическимъ голосомъ произнесла она и дружески сжала на ходу руку юноши.

Онъ воротился на свое мѣсто въ восторгѣ.

— Если вы не выгоните этого мерзавца, я отказываюсь ѣздить, — говорила между тѣмъ миссъ Шрамъ содержателю цирка за занавѣсой злобнымъ голосомъ и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

Человѣкъ, названный сю мерзавцемъ, стоялъ, понуривъ голову. Его лицо было худо и старо и разрисовано зеленой, красной, желтой и черной красками. Въ этомъ положеніи онъ былъ похожъ на какого-то голоднаго чорта въ отставкѣ и казался тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ жалостнѣе было выраженіе его лица. Плачъ шута всегда вызываетъ смѣхъ. Около него стоялъ оборванный и тоже худой мальчуганъ — его сынъ. Дома лежала больная жена и копошилось еще четверо дѣтей.

— Миссъ Шрамъ, я штрафъ внесу, — проговорилъ онъ жалобнымъ тономъ.

— Что̀ мнѣ въ вашемъ штрафѣ?—сердито отвѣтила она и скрылась въ толпѣ клоуновъ и своихъ поклонниковъ.

— Сходи къ Лорешнѣ, авось устроитъ дѣло, — сказалъ кто-то попавшему въ опалу клоуну.

— А штрафъ ты все-таки внесешь, — сурово произнесъ содержатель цирка.—Безъ этого ужъ не обойдется, любезный другъ! Пользы не приносите, а только гадите! Кому ты нуженъ? Кто тебѣ аплодируетъ? Какъ ни раскрашивай свою харю, а все на одра похожъ. Смотрѣть гадко! Тьфу! Ты думаешь, публикѣ нужна такая старая сволочь, какъ ты?

Клоунъ стоялъ, понуривъ голову; онъ самъ сознавалъ въ душѣ, что онъ давно уже не слышалъ рукоплесканій себѣ, что онъ давно пережилъ ту пору, когда его дарили, когда его привѣтствовали, когда онъ могъ являться передъ толпой съ природнымъ румянцемъ на молодыхъ, покрытыхъ первымъ пухомъ щекахъ, въ полупрозрачномъ шелковомъ трико, возбуждая восторгъ зрителей своей фигурой Аполлона! Теперь онъ былъ похожъ на поросшую мхомъ, отвратительную руину, полную гнилья, летучихъ мышей и червей, мозолящую глаза зрителя среди прелестей новыхъ, сверкающихъ свѣжестью и красотою зданій.

А представленіе шло своимъ чередомъ. Крики «бра-о» не умолкали. Клоуны выдѣлывали свои невообразимыя штуки,

присяжные посѣтители, «свои люди цирка», громко выражали свои мнѣнія. Кузенъ Пьеръ разжигалъ своего юнаго ученика и новаго друга своими замѣчаніями насчетъ удалыхъ наѣздниковъ и наѣздницъ. Павелъ не могъ преодолѣть своего увлеченія красотою лошадей и отвагой людей. Для него, для новичка въ этомъ мѣстѣ, было что-то одуряющее во всей этой массѣ разнообразныхъ впечатлѣній. Его душу волновали то страхъ за наѣздниковъ, то восторгъ за удачное окончаніе трудныхъ прыжковъ, то удивленіе передъ пламеннымъ оживленіемъ артистовъ, то иногда проскальзывало живое чувство грусти за униженіе человѣка. Но каковы бы ни были всѣ эти чувства, они всѣ приводили къ одному результату,—къ опьяненію. Оно усилилось еще болѣе, когда въ антрактѣ Павлу предложили бокалъ шампанскаго; когда кто-то подошелъ къ нему со словами: «пааэольте закугить паа-ни-осу!» и началъ восхищаться артистками, разсказывая, что онѣ еще пламеннѣе внѣ цирка; когда миссъ Шрамъ въ мужскомъ охотничьемъ платьѣ стала танцовать ирландскій танецъ на натянутомъ канатѣ, то поднимаясь на воздухъ, то садясь на эластическій канатъ и сразу поднимаясь съ него снова на воздухъ,—Павелъ пожиралъ глазами эту пламенную, черноволосую и черноглазую женщину и не могъ оторвать отъ нея взоровъ, когда она на время останавливалась и, пронзая насквозь зрителей своимъ взглядомъ, съ минуту, не смигнувъ, мрачно глядѣла жгучими глазами исподлобья на кого-нибудь изъ нихъ. Казалось, въ эту минуту она выбирала свою жертву и ставила себѣ задачею смутить эту жертву однимъ своимъ медленнымъ, пронзающимъ, жгучимъ взглядомъ. Одинъ этотъ взглядъ вызывалъ бѣшеныя рукоплесканія, а миссъ Шрамъ, только натѣшившись вполнѣ смущеніемъ избранной жертвы, только наслушавшись досыта рукоплесканій, прояснялась улыбкой и снова порхала по канату. Павелъ не могъ сдерживаться и неистово рукоплескалъ ей. Ему казалось, что страсть, кипѣвшая въ немъ самомъ въ памятный для него скорбный вечеръ у Кряжова, должна была именно такъ отражаться на его лицѣ, и ему чудилось, что миссъ Шрамъ, такъ же, какъ онъ самъ, тщетно жаждетъ любви и, можетъ-быть, страдаетъ.

Когда представленіе кончилось, кузенъ Пьеръ — промолвилъ Павлу:

— Ну, вы довольны?

— Да,—отвѣтилъ безсознательно Павелъ.

— Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не скучно и нѣтъ вялости. Чортъ знаетъ, какъ отупляютъ человѣка скука и вялая жизнь. Я пригласилъ бы васъ и на пикникъ съ нами, но на первый разъ съ васъ довольно... А то послушали бы, какъ поетъ миссъ Шрамъ англійскія пѣсни и какъ танцуетъ джигъ. Чудо! Это огонь женщина!.. Ну, да время не ушло; увидите еще!

Павелъ сталъ прощаться.

У подъѣзда стояло нѣсколько троечныхъ саней и около нихъ толпилась, хохотала и шумѣла буйная масса блестящей молодежи, и раздавались веселые и звонкіе женскіе голоса. Всѣ ждали только миссъ Шрамъ, чтобы тронуться въ путь; кони давно уже храпѣли отъ нетерпѣнія. Вдругъ среди этой суматохи и этого шума Павелъ услыхалъ за собою смѣлый и скорѣе юношескій, чѣмъ женскій голосъ; этотъ голосъ напѣвалъ одну изъ элегическихъ наивныхъ пѣсенъ Бёрнса. Павелъ настолько зналъ по-англійски, чтобы понять простыя и трогательныя слова этой пѣсни. Онъ обернулся, передъ нимъ стоялъ стройный юноша, съ немного откинутой назадъ головой и вьющимися черными кудрями.

— Бра-о, бра-о! Миссъ Шрамъ! Миссъ Шрамъ, васъ ждутъ!—раздались крики у саней, и юный пѣвецъ шаловливо, съ громкимъ смѣхомъ, вскочилъ въ сани.

Все заговорило, захохотало, въ воздухѣ раздался свистъ разгульныхъ троечниковъ, прозвучало ржанье коней, голосъ кузена Пьера произнесъ: «прощайте, Поль!» шаловливый юноша-пѣвецъ крикнулъ: «adieu, my poor boy!»—и черезъ мигъ кругомъ Павла все было тихо, темно и безлюдно, а въ его ушахъ все еще звенѣлъ веселый хохотъ и серебристые звуки: «adieu, my poor boy!» Ему чудились блестящіе огнями загородные залы богатаго отеля, танцы, веселье, беззаботный хохотъ, стройный юноша-пѣвецъ съ жгучими, впивающимися въ душу глазами, и среди этого веселья и шума слышались серебристые звуки: «adieu, my poor boy!» У Павла шумѣло въ головѣ шампанское, его била то лихорадочная дрожь, то бросало въ горячечный жаръ; съ трудомъ дотащилъ его на своей хромой клячѣ ночной извозчикъ до дома, съ трудомъ добрелъ онъ до своей мрачной, безмолвной, похожей на могильный склепъ комнаты, съ трудомъ улегся онъ въ холодную постель, тоскливо стараясь уснуть и заглушить эти неотступные, благословляющіе его на сонъ и въ то же время отгоняющіе сонъ серебристые звуки: «adieu, my poor boy!»

Отнынѣ долго не будетъ онъ знать спокойнаго сна!..

XIV.

Домашній адъ и случайное перемиріе.

Груня все чаще и чаще стала подумывать объ объясненіи со своимъ мужемъ насчетъ отношеній къ ней Марьи Ивановны и выжидала удобной минуты. Ей становились невыносимы нападки свекрови, и она еще вѣрила отчасти въ возможность какъ-нибудь уладить дѣло съ мужемъ. Но, прежде чѣмъ она успѣла привести въ исполненіе свое намѣреніе, въ ихъ домѣ случилась неожиданная тревога, отвлекшая еще болѣе вниманіе Алексѣя Алексѣевича отъ его жены и ея положенія. Онъ случайно узналъ о поданномъ ко взысканію векселѣ въ пятнадцать тысячъ, данномъ Стефаніи Высоцкой покойнымъ Евграфомъ Александровичемъ. Разстроенный и раздраженный, вернулся Обносковъ домой, узнавъ эту новость. Его лицо вдругъ пожелтѣло болѣе обыкновеннаго, губы дрожали и кривились какой-то неестественной улыбкой.

— Каково!—улыбаясь, говорилъ онъ задыхающимся голосомъ, обращаясь къ матери и женѣ. — Высоцкая представила вексель, подписанный дядею. Пятнадцать тысячъ требуетъ.

— Да она взбѣсилась, что ли! — неистово воскликнула Марья Ивановна, всплеснувъ руками. — Кто это ей ихъ дастъ? Вотъ нашла дураковъ!

— Да какъ же вы не дадите-то?—съ негодованіемъ прохрипѣлъ сынъ и засмѣялся какимъ-то глухимъ смѣхомъ.

— Да вѣдь ты, батюшка, законный, единственный наслѣдникъ всего имущества дяди.

— Ну, что-жъ изъ этого?—Законный наслѣдникъ! А что я наслѣдовать-то буду? Много ли останется имущества за вычетомъ пятнадцати тысячъ?

— Да ты ужъ и впрямь не хочешь ли уплатить ей эти деньги?—изумилась мать.

— Да поймите вы, что у нея въ рукахъ законно написанный вексель!

— А ты скажи, что она украла его. Вѣдь я образъ со стѣны сниму, къ присягѣ пойду, что она его украла. Она съ сыномъ и придушила братца и выкрала, вѣрно, бумаги.

— Да что вы говорите? Это не сохранная записка, а вексель, вексель! понимаете ли вы? тутъ никакой рѣчи не можетъ быть о воровствѣ. Украла или нѣтъ, а все-таки уплатить по немъ деньги нужно.

— Что же мы дѣлать-то будемъ? Беззащитные мы горемыки! Господи, за что Ты на насъ испытаніе посылаешь?— хныкала Марья Ивановна, ломая руки.

— Я думаю съѣздить къ ней, образумить ее... Вѣдь она грабитъ законныхъ наслѣдниковъ... Должна же у нея быть хоть капля совѣсти,—говорилъ Обносковъ, совершенно теряя разсудокъ и самообладаніе.

— Мнѣ кажется, Алексѣй,—вмѣшалась Груня:—что тебѣ и хлопотать не о чемъ. Слава Богу, что дядя такъ честно распорядился и не оставилъ нищими законныхъ наслѣдниковъ.

— Ты съ ума сошла? Дура!—съ гнѣвомъ сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ и, плюнувъ, вышелъ изъ комнаты.

— Да вы это кого законными наслѣдниками-то называете, матушка?—воскликнула Марья Ивановна, отирая торопливо слезы.

— Дѣтей дяди и его жену,—отвѣтила Груня.

— Господи! до чего мы дожили! — всплеснула руками Марья Ивановна.—Вы бы стѣнъ-то постыдились! Публичную женщину женой называете, незаконнорожденныхъ выкидышей законными дѣтьми признаете! И хоть бы кто-нибудь чужой это говорилъ, а то говоритъ родная, по закону вѣнчанная жена... Не вы бы говорили, не я бы слушала!.. Да вамъ мужъ-то что? Пѣшка? Вы на чей счетъ-то живете, что его деньгами не дорожите? Ужъ не на свой ли? Нѣтъ, вашъ милый папенька баловалъ васъ, холилъ, а капитала, небось, за вами не далъ. «Я, говоритъ, буду ежегодно давать на содержаніе»,—пискливо произнесла Марья Ивановна, должно быть, подражая басу Кряжова, и плюнула.—Ишь какой добрый! Нѣтъ, а ты дай весь капиталъ, весь капиталъ дай, а на одномъ содержаньи не отъѣзжай! Старый надувало! Скряга поганый!

— Марья Ивановна, я долго терпѣла,—заговорила Груня взволнованнымъ и дрожащимъ голосомъ: — но теперь терпѣніе лопнуло. Всему бываетъ конецъ. Вы ежедневно придирались ко мнѣ, я молчала. Но съ нѣкотораго времени вы стали дѣлать намеки на то, что я ничего не принесла за собою, бранить моего отца... Вы сами знаете, что это гнусная ложь, что вы и мой мужъ живете, большею частію, на деньги, выдаваемыя моимъ отцомъ. Я объ этомъ напоминаю вамъ затѣмъ, чтобы вы не смѣли болѣе упрекать меня и бранить моего отца.

— Ахъ, матушка, расхвасталась своими деньгами,—съ

пошлой ироніей развела руками Марья Ивановна.—Да что ваши деньги? тьфу! плюнуть и ногой растереть. За Леню и не такую бы нищую отдали, какъ вы. Нашли бы мы и получше невѣсту.

Груня съ отвращеніемъ взглянула на свою свекровь.

— Если бы я не уважала себя, то только въ такомъ случаѣ я могла бы говорить съ вами,—промолвила она.— Но я еще уважаю себя и считаю невозможнымъ препираться съ вами вашимъ же площаднымъ языкомъ; другого же языка вы не понимаете и не поймете. Но замѣчу вамъ разъ и навсегда, и прошу васъ это понять и помнить, что мы не можемъ жить вмѣстѣ...

— Ну, матушка, не съ сыномъ ли меня разлучить думаете?—перебила Марья Ивановна.—Такъ ошибаетесь, ошибаетесь! Дудки! Далеко кулику до Петрова дня. Не видать вамъ этого, какъ своихъ ушей безъ зеркала. Не выжить вамъ меня отсюда.

— Я и не говорю, что я непремѣнно васъ выживу,— холодно отвѣтила Груня.—Я утверждаю и повторяю только одно то, что вмѣстѣ мы жить не можемъ.

— Такъ ужъ не вы ли думаете мужа бросить?—крикнула Марья Ивановна, хлопая себя по колѣнямъ.

— Не знаю, что будетъ. Но вмѣстѣ съ вами я жить не могу,—отвѣтила Груня.

— Погодите, погодите! дайте Ленѣ съ дѣлами справиться, тогда онъ васъ научитъ, какъ нужно его мать уважать,—грозила Марья Ивановна.

— Я Алексѣя еще плохо понимаю,—сдержанно промолвила Груня.—Но во всякомъ случаѣ, или онъ самъ не станетъ меня учить уваженію недостойной женщины, или я не стану учиться этому. Такимъ вещамъ не учатъ. Уваженіе заслуживается людьми.

— Скажите, пожалуйста, какая умница. Обо всемъ говоритъ, какъ расписываетъ!—хлопнула себя еще разъ по колѣнямъ Марья Ивановна.

Груня съ омерзѣніемъ отвернулась и ушла въ свою комнату. Ей было отвратительно это грубое и пошлое созданіе. Бѣдную женщину давили сотни мыслей. Она не могла ничего сообразить и прежде всего старалась успокоиться. Но это было не такъ легко сдѣлать въ обносковскомъ домѣ. Марья Ивановна не оставила невѣстку въ покоѣ и явилась черезъ часъ къ ней снова.

— Хоть бы лампаду-то затеплили,—заговорила свекровь

укорительнымъ тономъ, вставая на стулъ, чтобы достать лампаду.—О Богѣ бы больше думали, такъ дурь и не лѣзла бы въ голову. Вспомнили бы, что сегодня суббота, люди ко всенощной идутъ. А у васъ и мысли-то о Господѣ нѣтъ, богоотступница!

— Ступайте вонъ изъ моей комнаты, — вскочила Груня со своего мѣста и указала на дверь стоящей передъ образомъ на стулѣ свекрови. — Чтобъ ваша нога никогда не была здѣсь. Слышите!

— Да вы хоть грѣха-то побоялись бы, поглядѣли бы, за какимъ я дѣломъ здѣсь стою, — проговорила Марья Ивановна, не сходя со стула и держа въ рукѣ лампаду.

— Говорятъ вамъ, идите вонъ! не то я людей позову, дворниковъ позову и велю васъ вытащить отсюда силой,— вышла изъ себя Груня, сверкая большими глазами.

Марья Ивановна впервые услышала такіе страшные звуки въ голосѣ человѣческомъ и струсила. Она вышла. Груня замкнула дверь на ключъ. Минутъ черезъ десять Марья Ивановна постучалась снова въ дверь.

— Отворите,—промолвила она довольно мягкимъ тономъ.

— Вамъ сказано, что васъ сюда не будутъ пускать,— отвѣтила ей Груня.

— Да мнѣ лампаду надо поставить. За что вы на Бога-то сердитесь.

— Не нужно мнѣ никакихъ вашихъ лампадъ. Идите прочь!—крикнула Груня, и снова въ ея голосѣ послышались страшныя ноты. Это не былъ жидкій, полудѣтскій крикъ, но слышались полные и твердые звуки гнѣва.

— Господи, да что же это такое? Свѣтопреставленіе начинается, что ли? Развратъ, безбожіе, беззаконіе. Сынъ на мать, жена противъ мужа идутъ,—вопила Марья Ивановна.— Вы лампаду-то возьмите, я ее на окно здѣсь поставлю,—продолжала она, немного погодя. — Вы Богу угодите, а Онъ, Творецъ нашъ небесный, васъ не оставитъ.

Груня не трогалась съ мѣста и оставила лампаду теплиться на окнѣ.

Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ несся, между тѣмъ, къ Стефаніи Высоцкой. Онъ совершенно не вѣрилъ въ успѣхъ своей поѣздки, не былъ нисколько увѣренъ въ ея необходимости и все-таки ѣхалъ. Его била лихорадка, душила злоба, и ему нужно было сорвать на комъ-нибудь эту злобу, высказаться до конца и уже тогда начать размышленія о необходимости примиренія со своею судьбою. Онъ хитрилъ

теперь даже съ самимъ собою и увѣрялъ себя, что его поѣздка должна имѣть благія послѣдствія, что должна же быть и у Стефаніи Высоцкой совѣсть, которая не позволитъ ей ограбить законныхъ наслѣдниковъ и пустить почти по міру двухъ сестеръ покойника. Возбужденіе было такъ сильно, что Обносковъ храбрился всю дорогу и струсилъ только тогда, когда въ его рукѣ уже дрогнулъ колокольчикъ у дверей Высоцкой. Въ эту минуту Алексѣй Алексѣевичъ готовъ былъ вернуться домой и отложить визитъ до другого времени, но дверь отворилась. Передъ Обносковымъ показалось привѣтливое морщинистое лицо сгорбленнаго старика,—черезъ минуту съ этого лица пропалъ всякій признакъ привѣтливости; оно вдругъ приняло то грубое выраженіе, на какое способны только старые лакеи изъ крѣпостныхъ; спина старика выпрямилась, голова поднялась.

— Кого вамъ? — сурово спросилъ Матвѣй Ильичъ, это былъ онъ.

— Высоцкую,—отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ и бокомъ прошелъ мимо заслонившаго дорогу старика. Онъ самъ сбросилъ съ себя пальто и выказалъ явное намѣреніе пройти въ комнаты.

— Да вы это куда?—остановилъ его Матвѣй Ильичъ.— Надо прежде доложить. Спросить: желаютъ ли принять... А то—на! безъ доклада прямо въ горницы прутъ! какой это такой порядокъ!—ворчалъ старикъ и пошелъ изъ передней въ комнаты, захлопнувъ дверь у самаго носа Обносковъ.

— Старая бестія, лягается!—прошепталъ Алексѣй Алексѣевичъ, ходя по передней нетерпѣливой походкой.

— Ну, вотъ доложилъ,—заворчалъ Матвѣй Ильичъ, снова являясь предъ гостемъ и садясь въ уголъ, гдѣ онъ до того что-то портняжилъ.

— Ну, что же велѣли сказать?—спросилъ Обносковъ въ ярости.

— Что?! видите, дверь открыта, — ну, и ступайте, — отвѣтилъ старикъ, не обращая на него вниманія, и заворчалъ что-то себѣ подъ носъ.

Подъ вліяніемъ этой сцены у Алексѣя Алексѣевича прошла минутная трусость, и на мѣсто ея явилось дерзкое желаніе быть грубымъ до послѣдней степени и выместить на комъ-нибудь проглоченную обиду. Онъ вошелъ въ простую, но уютную гостиную. Передъ нимъ, почти на срединѣ комнаты, стояла Стефанія, спокойная, прекрасная, безъ всякихъ гримасъ и признаковъ волненія. Она молчала.

— Здравствуйте, — скороговоркой пробормоталъ Обносковъ.—Меня привело въ вашъ домъ только дѣло... Вы подали ко взысканію безденежный вексель, выпрошенный вами у дяди.

Стефанія молча слушала, ея лицо оставалось попрежнему спокойнымъ. Глядя на нее въ эту минуту, можно было подумать, что эта женщина сумѣетъ владѣть собою на какомъ угодно допросѣ.

— Вы, вѣроятно, не хорошо понимаете, что̀ вы дѣлаете,— заговорилъ снова Обносковъ, отчасти удивленный этимъ безстрастнымъ спокойствіемъ. — Требовать не свои деньги — вообще низко; но если притомъ онѣ отнимаются у законныхъ наслѣдниковъ, то подобному поступку трудно пріискать названіе.

Стефанія все молчала и слушала. Обносковъ вышелъ изъ терпѣнія.

— Что̀ же вы молчите?—спросилъ онъ ее.

— Что̀ же мнѣ отвѣчать? Вы выражаете свои мнѣнія, я ихъ слушаю,—улыбнулась Стефанія невозмутимо-холодною улыбкою.

— Я совсѣмъ не затѣмъ пріѣхалъ, чтобы высказывать свои мнѣнія,—съ досадой вымолвилъ Алексѣй Алексѣевичъ, взбѣшенный этой улыбкой.

— Но покуда ваши слова имѣли именно этотъ характеръ,—замѣтила Стефанія.

— Я очень слабъ, мнѣ тяжело объясняться стоя,—произнесъ съ одышкой Обносковъ и съ злобной ироніей прибавилъ:—я сяду, хотя вы, кажется, и не желаете этого.

— Мнѣ совершенно все равно, — равнодушно сказала Стефанія, и первая опустилась на кресло.

Обносковъ тоже сѣлъ. Оба помолчали. Онъ измѣрялъ ее яростными глазами, она же смотрѣла просто и невозмутимо спокойно,—казалось, что ей очень удобно сидѣть на мягкомъ креслѣ и слушать гостя. Такъ какъ Стефанія не изъявляла никакого желанія начать бесѣду, то ему снова пришлось заговорить первому.

— Вы должны отчасти знать, — началъ гость:—что у моего покойнаго дяди, кромѣ меня, прямого наслѣдника, было двѣ сестры. У этихъ женщинъ нѣтъ ничего, онѣ почти нищія. Вся ихъ надежда заключалась въ помощи брата и въ тѣхъ деньгахъ, которыя могли достаться имъ послѣ его смерти. Состояніе дяди оказалось, противъ всякихъ ожиданій, гораздо менѣе, чѣмъ мы думали. Я не стану упрекать

въ чемъ-нибудь васъ, хотя я знаю, что вы были главной причиной, уменьшившей состояніе дяди. Но этого не поправишь... Послѣ его смерти осталось имущества столько, что если уплатить вамъ деньги по взятому вами векселю, то въ остаткѣ получится почти нуль; если же вычесть изъ этого остатка слѣдующую мнѣ часть, то сестрамъ покойнаго достанется просто нѣсколько рублей.

По лицу Стефаніи скользнула едва замѣтная усмѣшка при упоминаніи объ этомъ вычетѣ законной части Алексѣя Алексѣевича изъ имущества, равняющагося нулю.

— Эти двѣ несчастныя женщины, плохо образованныя, не привыкшія къ труду, — продолжалъ гость: — останутся нищими. И причиной этого будете вы. Загляните въ свою совѣсть. Не должны ли пробудиться тамъ стыдъ и раскаяніе. Вы—любовница, извините за названіе, но вы добровольно принимали его, живя съ дядей; ваши дѣти—незаконнорожденныя,—чьи они, это—не наше дѣло,—и вы берете деньги, грабите ихъ у законныхъ наслѣдниковъ, пуская послѣднихъ по-міру. Это такое позорное преступленіе, это такой несмываемый грѣхъ, передъ которымъ человѣкъ не можетъ не краснѣть въ своей душѣ.

Стефанія спокойно полулежала въ креслѣ и упорно продолжала молчать.

— Вы, кажется, хотите сыграть со мною комедію,—раздражился Обносковъ:—хотите отмолчаться, вывести меня изъ терпѣнія и выгнать вонъ своимъ молчаніемъ?

— Что же я буду вамъ отвѣчать?—снова спокойно спросила Стефанія.—Вы опять выражаете только свои мнѣнія, я ихъ слушаю. Ваше дѣло такого рода, что вамъ приходится ограничиться именно одною этою ролью. Вы понимаете, что другого исхода для васъ нѣтъ.

— Вы такъ думаете-съ?—ѣдко спросилъ Обносковъ, разозленный тѣмъ, что Высоцкая сразу поняла и безплодность его разговоровъ, и характеръ его роли.—Но положимъ, что я только и могу дѣлать въ этомъ дѣлѣ одно—высказывать свои мнѣнія. Въ такомъ случаѣ, мнѣ хотѣлось бы слышать *ваше* мнѣніе.

— Мое мнѣніе высказано гораздо раньше вашего,—равнодушно отвѣтила Стефанія.

— Да вы все молчали!—увлекся Обносковъ и не сразу сообразилъ сущность отвѣта Стефаніи.

— Да, теперь я молчала, потому что высказалась уже прежде, подавъ ко взысканію вексель,—улыбнулась Высоцкая.

Обносковъ позеленѣлъ и, вскочивъ съ мѣста, заходилъ по комнатѣ.

— А! такъ вы смѣетесь надъ нами!—заговорилъ онъ въ гнѣвѣ.—Прекрасно! Вы думаете, что мы такъ оставимъ это дѣло? Вы полагаете, что мы не станемъ требовать судомъ своихъ денегъ? Нѣтъ-съ, я послѣдній грошъ отдамъ, чтобы показать вамъ, что у насъ любовницы и незаконнорожденныя дѣти не могутъ ни при какихъ условіяхъ грабить законныхъ наслѣдниковъ. Вы думали, что вы нашли выходъ обойти законъ? Вы хотѣли насмѣяться надъ этимъ закономъ, жили безъ вѣнчанья съ человѣкомъ, грабили его, чтобы заставить общество поклоняться вамъ и уважать васъ за деньги; дураки даже называли васъ, любовницу, женою этого человѣка; потомъ вы вынудили его дать вамъ вексель и теперь вы опять хотите торжествовать, пуская по-міру законныхъ наслѣдниковъ и показывая всѣмъ, что и развратъ можетъ торжествовать надъ честностью и беззаконіе надъ законностью. Но вамъ этого не удастся, слышите вы, не удастся!

Обносковъ, весь покрытый потомъ, искривленный отъ злобы, опять бросился на стулъ и тотчасъ же вскочилъ снова.

— Кто же вамъ мѣшаетъ дѣйствовать судебнымъ порядкомъ, а не раздражать себя кричаньемъ здѣсь?—почти съ участіемъ спросила Стефанія своего измученнаго гостя.

Гость сжалъ кулаки и снова тяжело опустился на стулъ, облокотившись на столъ и стиснувъ голову руками.

Стефанія неторопливо встала и позвонила. Вошелъ Матвѣй Ильичъ.

— Матвѣй Ильичъ, подайте господину Обноскову воды,— обратилась она къ старику и, тихо наклонивъ голову, прошла мимо гостя въ другую комнату.

Матвѣй Ильичъ подалъ воду. Обносковъ молча выпилъ. Теперь онъ былъ похожъ на ослабѣвшаго ребенка. Его можно было заставить дѣлать, что угодно.

— Прикажете нанять извозчика? — спросилъ Матвѣй Ильичъ довольно мягкимъ голосомъ и съ невольнымъ сожалѣніемъ покачалъ головой, глядя на это вдругъ осунувшееся лицо съ мутными глазами.

— Да... ѣхать... больше нечего дѣлать...—бормоталъ Обносковъ, какъ пьяный.—Нужно было!..—треснулъ онъ кулакомъ по столу, не докончивъ своей фразы..

Стефанія между тѣмъ вошла въ свою комнату, и ея лицо приняло вдругъ озабоченный видъ.

— Что съ тобой, матушка?— спросилъ ее старшій сынъ, знакомый читателю. — Теперь онъ уже былъ студентомъ Технологическаго института.

— Надо будетъ съѣздить къ Обносковымъ,—сказала она и потерла въ раздумьѣ свой лобъ рукою.

— Къ Обносковымъ?—изумился сынъ.

— Да, къ сестрамъ покойнаго твоего отца,—продолжала мать и потомъ прибавила какимъ-то тономъ удивленія:— Вообрази, онѣ чуть не остались нищими. У отца оказалось совсѣмъ не такое большое состояніе, какъ всѣ думали. Надо будетъ успокоить этихъ несчастныхъ женщинъ.

Сынъ помолчалъ.

— Матушка, — началъ онъ нерѣшительно черезъ минуту.—Должно ли и полезно ли помочь имъ? Онѣ много сдѣлали тебѣ зла.

— Что же? Мстить? — спросила мать съ упрекомъ въ голосѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отрицательно покачалъ головою сынъ.— Но онѣ вредныя женщины.

— Онѣ нищія и будутъ еще вреднѣе, если имъ не помочь,—промолвила мать.—Онѣ привыкли держать себя чопорно, жить безъ труда и порядочно одѣваться. Если у нихъ не будетъ средствъ, онѣ пустятся въ развратъ или станутъ обирать другихъ, отнимая кусокъ хлѣба у бѣдняковъ своими происками.

— Онѣ и теперь отнимутъ хлѣбъ у бѣдняковъ. Ихъ долю ты могла бы отдать другимъ...

— Но я не могла бы тогда имѣть вліянія на нихъ.

— Ты думаешь ихъ исправить?

— Нѣтъ, но для сдерживанья ихъ у меня будутъ въ рукахъ средства.

Сынъ замолчалъ.

— А я ужъ думалъ, — началъ онъ снова уже веселымъ тономъ:—что ты къ этому подлецу хочешь ѣхать,—указалъ онъ на ту комнату, гдѣ былъ за минуту Алексѣй Алексѣевичъ.

— Да, онъ подлъ и вреденъ, — съ отвращеніемъ произнесла мать и потомъ весело засмѣялась:—глупъ онъ невообразимо!

Сынъ тоже засмѣялся и нѣжно поцѣловалъ руку матери, точно благодаря ее за что-то.

Въ домѣ Алексѣя Алексѣевича шла уже въ это время суматоха. Хозяинъ былъ привезенъ домой совсѣмъ больнымъ,

и съ трудомъ дотащился до своей постели. Его била лихорадка, душилъ кашель, во всемъ тѣлѣ чувствовалась непомѣрная слабость.

— Леня, голубчикъ, что̀ съ тобой? — всплеснула руками Марья Ивановна.

— Пошлите за докторомъ! Я умираю! Дышать трудно!— прошепталъ больной и закрылъ глаза.

Марья Ивановна бросилась изъ комнаты, послала за докторомъ, выругала за неповоротливость кухарку и, захвативъ съ вѣшалки изъ передней что-то изъ верхняго платья, кажется, салопъ, бросилась въ комнату сына. Здѣсь она прикрыла его принесенной теплой одеждой и снова побѣжала чѣмъ-то распоряжаться. Груня еще ничего не знала. Наконецъ пріѣхалъ докторъ, новыя хлопоты, новая бѣготня. До ушей Груни достигъ весь этотъ шумъ, она позвала горничную и спросила о его причинѣ.

— Баринъ умираетъ-съ!—отвѣчала горничная.

Груня поблѣднѣла и поспѣшно отправилась въ кабинетъ мужа.

— Поздно, поздно пожаловать изволили, — прошипѣла Марья Ивановна.

Груня вздрогнула.

— Какъ? — воскликнула она и бросилась къ постели мужа. Онъ, тяжело дыша, спалъ.

Видя, что онъ живъ, Груня съ негодованіемъ взглянула на Марью Ивановну, перепугавшую ее.

— Полюбуйтесь! Хорошъ?—шипѣла свекровь. — Вы все довели его до этого. Въ семьѣ-то радостей нѣтъ, такъ не поздоровѣешь.

— Здѣсь не мѣсто ссориться,—шопотомъ замѣтила Груня.—Вамъ надо заботиться объ его выздоровленіи, а не добивать его огорченіями... Надѣюсь, что эта потеря тяжелѣе всего отзовется на васъ.

Груня вышла.

— Ужъ на комъ же больше, какъ не на мнѣ!—воскликнула Марья Ивановна, и вдругъ ея воображенію представилась возможность смерти Лени. Что̀ тогда дѣлать? Опять нищаться, опять содержать студентовъ-жильцовъ, прокармливать себя поданіями благотворителей? «Господи, спаси его и сохрани! Услышь материнскія слезы»,—шептала она, глядя на образъ и мысленно сравнивая настоящее свое сытое довольство съ пережитой нуждою. Ей стало страшно за свое будущее. Но мало-по-малу она начала понимать, что

ея настоящее довольство только отчасти и очень мало зависитъ отъ жалованья Лени, которое прекратится съ его смертью; она начала сознавать, что главный источникъ этого довольства заключается въ деньгахъ, выдаваемыхъ отцомъ Груни, что часть этихъ денегъ стала бы выдаваться и ей послѣ смерти сына, если бы она была въ хорошихъ отношеніяхъ съ невѣсткой. Прошлаго нельзя воротить, но можно управлять своими отношеніями къ людямъ въ настоящемъ. Сойтись съ невѣсткой, ухаживать за ней, поддѣлываться къ ней стало теперь цѣлью Марьи Ивановны. Казалось ей, что все надо перенести, что надо кошкѣ поклониться въ ножки, только бы обезпечить свое будущее. Тяжелая, безсонная ночь прошла для нея у постели умирающаго сына. Не менѣе тягостную ночь провела и Груня въ своей комнатѣ. Она не молилась, не плакала, подобно свекрови, она даже не содрогалась при мысли о смерти мужа. Нѣтъ, какое-то странное чувство боязливой радости было въ ея душѣ при мысли о смерти этого человѣка, и Груня даже не стыдилась этого чувства. Только теперь она поняла, что ея связь разорвана не только со свекровью, но и съ мужемъ.

Однако, у нея не стало силъ не пойти въ комнату этого чуждаго ея сердцу человѣка. Она говорила себѣ, что надо ходить даже и за чужими больными, а тѣмъ болѣе за тѣми, съ кѣмъ насъ связали законныя узы брака.

— Голубчикъ, ангелъ мой кроткій, вотъ и вы пришли сюда,—воскликнула Марья Ивановна, встрѣтивъ на другой день Груню въ комнатѣ Алексѣя Алексѣевича.

Груня изумилась этому привѣтствію.

— Простите вы меня! – всхлипывая, говорила свекровь.— Надѣлала я вамъ въ жизни непріятностей!.. Вспыльчива я, а вы сердиты, вы неуступчивы... Если бы вы хоть разъ приласкались ко мнѣ, такъ я бы ножки ваши цѣловала, какъ собачонка за вами бѣгала бы... Вѣдь я горя въ жизни натерпѣлась много, меня жизнь испортила... Развѣ я виновата, что мой характеръ таковъ?.. Забудьте вы все старое. У одра смертнаго люди сходятся, врагамъ прощаютъ. А вѣдь это сынъ мой умираетъ,—зарыдала Марья Ивановна:—сынъ мой.

У Груни дрогнуло сердце, но она не шевелилась съ мѣста.

— Простите меня, грѣшную, глупую!—еще разъ простонала Марья Ивановна и быстро поднесла къ губамъ руку невѣстки.

— Что вы, что вы дѣлаете!—закрыла лицо руками Груня и впервые зарыдала какими-то истерическими слезами.— Зачѣмъ это люди жить не умѣютъ другъ съ другомъ, зачѣмъ они губятъ другъ друга, когда и въ ихъ сердцахъ есть и любовь, и нѣжность!—восклицала она и тихо поцѣловала свекровь.

Молодое, неопытное существо было растрогано, потрясено голосомъ матери, рыдающей у постели умирающаго сына... Сыну не стало въ эту минуту легче, но горячо любящая мать успокоилась: у нея явилась надежда избавиться отъ нужды даже и тогда, когда онъ помретъ.

Настало затишье и перемиріе въ обносковскомъ семействѣ. Всѣ дружно хлопотали о выздоровленіи больного, совѣщались, проводили вмѣстѣ вечера, дружески говорили между собой, не скупились на поцѣлуи, и никто не думалъ заглянуть въ свою душу и прямо спросить себя: измѣнилась ли хоть какая-нибудь существенная черта въ ихъ характерахъ и убѣжденіяхъ? полюбили ли они другъ друга? и можетъ ли быть естественнымъ этотъ миръ, если ничто внутри примирившихся личностей не измѣнилось? Этихъ вопросовъ не дѣлалъ никто: одни по расчету и подлости, другіе по неопытности и довѣрчивости.

XV.

Во время выздоровленія Алексѣя Алексѣевича Обноскова.

Алексѣй Алексѣевичъ поправлялся медленно.

Долгіе дни, проведенные въ постели, въ одиночествѣ, не прошли для него даромъ и внесли еще болѣе желчи въ его и безъ того желчный характеръ. По цѣлымъ часамъ во время болѣзни размышлялъ онъ о недавнихъ событіяхъ, возмутившихъ мирное теченіе его жизни.

То представлялось ему, какъ графъ Струговъ, аристократъ по рожденію, консерваторъ въ душѣ, оказалъ покровительство «развратной женщинѣ», назвалъ ея любовную связь гражданскимъ бракомъ и отнялъ для нея деньги отъ законныхъ наслѣдниковъ. То вспоминалось ему, какъ его дядя, человѣкъ, постоянно уважавшій законы, сумѣлъ обойти законъ въ пользу своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей и, не имѣя силъ и смѣлости написать духовное завѣщаніе, все-таки передалъ бо́льшую часть имущества этой же развратницѣ. Все это будило злобу Обноскова, но еще бо́льшую злобу пробуждала въ больномъ та мысль, что и графъ Струговъ, и покойный дядя и, наконецъ, эта низкая жен-

щина видимо насмѣялись надъ нимъ, надъ честнымъ человѣкомъ, стоявшимъ за свои законныя права. «Одни хитры и ловко работаютъ для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей,—думалъ Алексѣй Алексѣевичъ.—другіе по своей слабости потакаютъ имъ, третьи же безъ всякаго сознанія роютъ яму тѣмъ принципамъ, за которые они стоятъ и должны стоять по своему положенію въ свѣтѣ. Какъ посмотришь со стороны, то подумаешь, что и дядя стоялъ по убѣжденію, а не по жалкой слабости, за гражданскій бракъ; подумаешь, что и графъ Струговъ признаетъ въ принципѣ, а не въ видѣ исключенія, право незаконнорожденныхъ дѣтей на деньги законныхъ наслѣдниковъ. И вѣдь не сознаютъ подобные дураки, что̀ значатъ исключенія, что̀ значатъ примѣры въ подобныхъ дѣлахъ. Если бы они сознавали это, то они сами испугались бы своихъ поступковъ. Вѣдь чѣмъ чаще открываются подобныя лазейки, чѣмъ больше надѣются найти ихъ наши противники, тѣмъ смѣлѣе они дѣйствуютъ. Сегодня выйдетъ счастливо изъ дѣла одна Стефанія Высоцкая, завтра явятся десять такихъ Высоцкихъ. Да и страшнѣе всего то, что всѣ эти Струговы не по неосмотрительности, не по необдуманности такъ поступаютъ, нѣтъ! это на нихъ духъ времени отразился. Теперь они мягче стали смотрѣть на то, противъ чего воевали и еще воюютъ сами. Прежде, сколько бы ни жила развратная женщина съ человѣкомъ, она все-таки оставалась въ ихъ глазахъ любовницей, развратницей, а теперь, извольте видѣть, давность связи въ подобныхъ дѣлахъ смываетъ, по ихъ мнѣнію, пятно. Дураки! да эта давность, эта продолжительность связи дѣлаетъ пятно только болѣе яркимъ, болѣе несмываемымъ... Тутъ уже не можетъ быть оправданія въ минутномъ заблужденіи, въ минутномъ увлеченіи, а это просто сознательное попираніе законовъ государства и нравовъ общества... Духъ времени, духъ времени, да будетъ онъ проклятъ! Скоро честному человѣку нельзя будетъ жить на свѣтѣ среди іезуитски-хитрыхъ противниковъ и до глупости слабыхъ и неосмотрительныхъ сторонниковъ. Теперь нужно бороться, теперь или никогда»...

Характеръ Алексѣя Алексѣевича, несмотря на свою желчность, вялый по природѣ и замѣтно клонившійся къ самодовольному добродушію подъ вліяніемъ наслажденій новаго строя семейной жизни, сталъ теперь замѣтно живѣе и—если можно такъ выразиться въ этомъ случаѣ—воинственнѣе. Дѣйствительно, Обносковъ началъ чувствовать теперь

не одну потребность копошиться въ канцеляріи министерства, собирать матеріалы для изслѣдованія разныхъ древностей и изрѣдка шипѣть на жизнь, но ему хотѣлось бороться и воевать съ обществомъ, идущимъ, по его мнѣнію, къ пропасти подъ вліяніемъ духа времени. Презирая съ давнихъ поръ всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ болтуновъ, онъ сталъ теперь чувствовать потребность пустить въ свѣтъ нѣсколько шипящихъ статеекъ по тѣмъ или другимъ современнымъ вопросамъ. Насмѣхаясь постоянно надъ нашими ораторскими изліяніями на разныхъ торжественныхъ обѣдахъ и собраніяхъ, онъ теперь мечталъ о первой возможности произнести гдѣ-нибудь и отъ своего лица какую-нибудь рѣчь. Такое тревожное состояніе духа не мало поддерживалось въ нашемъ героѣ и нашептываніями его матери. Да и сами текущія событія какъ общественной, такъ и его собственной жизни были не такого свойства, чтобы онъ могъ успокоиться: наставала пора дѣлежа имѣнія.

— Леня, какъ же ты теперь съ тетками-то раздѣлаешься?—спрашивала Марья Ивановна сына, сидя однажды въ его кабинетѣ.

— Понятно, какъ раздѣлаюсь: дамъ имъ все, что имъ слѣдуетъ по закону,—отвѣтилъ сынъ.

— То-то! А я ужъ думала, добрый ты мой, что намъ придется все имъ отдать, такъ какъ твою-то часть захватила эта мерзавка...

— Что вы выдумываете!—раздражился Алексѣй Алексѣевичъ. — Она не мою часть захватила, а нашу общую, и если отъ этого уменьшилась моя доля наслѣдства, то точно такъ же уменьшилась и доля тетокъ... Имъ почти ничего не придется, ну, да мнѣ не изъ чего благодѣтельствовать. Пусть на нее и плачутся, если имъ мало достанется!

— И-и, батюшка, что за мало! На первый разъ станетъ. Проживутъ кое-какъ; руки, славу Богу, есть, надо вѣдь и потрудиться, не все же за чужой спиной на свѣтѣ жить. Богъ труды любитъ!..

— Что онѣ тамъ будутъ дѣлать, это не мое дѣло, — отвернулся Обносковъ отъ матери и взялъ книгу, чтобы прекратить разговоръ.

— Ну, занимайся, занимайся, я тебѣ не стану мѣшать,— проговорила мать и на цыпочкахъ вышла изъ комнаты.

Сестры покойнаго Евграфа Александровича пришли просто въ ужасъ, узнавъ, что имъ достается изъ имѣнія «братца» такая малая часть, на которую нельзя жить ни при какой

экономія. Со слезами на глазахъ и мольбою въ голосѣ явились днѣ дѣвственницы къ племяннику просить помощи. Онѣ немного опустили крылья въ послѣднее время и были болѣе кротки, чѣмъ въ недавно прошедшія времена. Призракъ нужды заставитъ присмирѣть хоть кого...

— Поймите, что я радъ бы всей душою помочь вамъ,— говорилъ имъ Алексѣй Алексѣевичъ:—но мнѣ самому жить нужно, у меня семья... Вы получили законную часть, такъ же какъ и я, никто изъ насъ не виноватъ, что наши части такъ малы... Если мы можемъ на кого-нибудь пенять, такъ это на покойнаго дядю, да на ту, которая ограбила насъ всѣхъ.

— Проклятая! проклятая! она насъ обобрала, по-міру пустила,—воскликнула Марья Ивановна.—И вы, сестрицы, кругомъ виноваты!..

— Мы?—всплеснули руками отъ удивленія сестры.

— Да, да, вы... Не могли отвлечь отъ нея братца! — упрекнула Марья Ивановна.—Вотъ и были бы теперь всѣ и богаты, и счастливы. А то, на-ко, жили весь вѣкъ съ братцемъ, а не могли узнать, къ кому онъ ходитъ, въ кого деньги садитъ... Вы только подумайте, что̀ онъ ей при жизни-то передавалъ?

— Да что̀ же мы могли сдѣлать, сестрица? Братецъ все такъ тайно дѣлалъ, мы и мѣшаться въ его дѣла не смѣли,— заплакали сестры.

— Не смѣли, не смѣли! — передразнила ихъ пискливые голоса Марья Ивановна. — А вы развѣ не могли его въ рукахъ держать? Гдѣ такъ востры, а на это ума не хватило!.. Да на что же и женщина на свѣтъ создана, какъ не для того, чтобы мужчину въ рукахъ держать? Да дай-ка имъ, мужчинамъ-то, волю, такъ что же послѣ этого и со свѣтомъ-то сталось бы? Въ разоръ разорились бы всѣ... Нѣтъ, нѣтъ, ужь вы-то кругомъ виноваты, только дрязги умѣли заводить, а дѣла дѣлать не умѣли.

— Грѣхъ вамъ, Марья Ивановна, насъ обижать,—проговорила слабодушная Вѣра Александровна.

— Это, видишь, потому, что мы бѣдны стали,—ѣдко замѣтила уже начинавшая сердиться Ольга Александровна.

— Ну да, бѣдны, а вотъ эта-то мерзавка теперь и смѣется надъ нами по вашей милости да по вашей слабости, — кричала Марья Ивановна. — По-міру пойдете — гроша не подастъ!

— Ну, это вы не подадите, а она подастъ,—раздражительно ввернула сестра Ольга.

— Она... она... вотъ и теперь хотѣла намъ помочь,— хныкала совсѣмъ растерявшаяся сестра Вѣра: — да мы на Леню надѣялись.

— Что-о?.. Да вы ее гдѣ это видѣли?—изумилась Марья Ивановна.

— Она къ намъ заѣзжала,—отвѣтила меньшая сестра.

— Да, матушки, такъ вы вотъ какъ поступаете!—хлопнула себя по колѣнкамъ Марья Ивановна и вся раскраснѣлась отъ гнѣва.—Такъ это вотъ какая механика-то подведена была! Вы это, значитъ, стакнулись съ ней! Ужъ и вексель-то братецъ не по вашей ли милости ей выдалъ?

— Что вы! что вы, сестрица! — молящимъ тономъ воскликнула перепуганная Вѣра Александровна.

— Да чего тутъ: что вы! Все, все теперь ясно, какъ день; это вы Леню-то ограбить хотѣли, втроемъ пятнадцать тысячъ раздѣлить задумали!.. Ай да роденька! Отлично!.. Ну, не ожидала я этой подлости отъ васъ!

— Оставьте, маменька! — сердито замѣтилъ Обносковъ, все время ходившій въ нетерпѣніи по комнатѣ.—Что̀ вамъ за охота вѣчно начинать исторіи!

— Нѣтъ, батюшка, не оставлю, и ты мнѣ ужъ въ этомъ дѣлѣ не мѣшай, потому не успокоится моя душенька, пока я этимъ низкимъ дѣвкамъ всей правды не отпою! И нечего тебѣ насъ слушать, потому что дѣла у насъ свои и мы женщины, а ты мужчина и ничего этого не понимаешь! — отстранила Марья Ивановна своего сына.

Онъ пожалъ плечами и вышелъ. Сестры тоже изъявили видимое поползновеніе скрыться отъ раздраженной родственницы.

— Стойте, стойте! — удержала ихъ Марья Ивановна. — Вы это такъ улизнуть отъ меня хотите, голубушки. Нѣтъ!.. Такъ это какъ же она къ вамъ пріѣзжала? Зачѣмъ?

— Ахъ, Марья Ивановна, да что вы къ намъ пристали?— грубо промолвила Ольга Александровна.—Почему мы знаемъ, зачѣмъ она пріѣзжала? Пріѣхала, говоритъ: я вамъ помочь хочу, вотъ и все!

— Помочь! скажите, пожалуйста, какія нынче благодѣтельницы есть! Такъ прибѣгутъ съ вѣтру — мы, говорятъ, помочь вамъ хотимъ!.. Да статочное ли дѣло, чтобы она помогла вамъ, если бы вы во враждѣ весь вѣкъ прожили? Ну, гдѣ это видано?

— Да чѣмъ же мы-то тутъ виноваты, сестрица? — произнесла Вѣра Александровна.

— Ахъ, лицемѣрки! ахъ, лицемѣрки бездушныя!— всплеснула руками Марья Ивановна.

— Да, что вы, въ самомъ дѣлѣ, раскричались на насъ!— вышла изъ себя Ольга Александровна. — Мы вамъ не позволимъ браниться, потому что мы много горя перенесли отъ васъ и безъ того, а больше переносить не станемъ. Вы бы хоть постыдились, старую нашу хлѣбъ-соль вспомнили бы; вспомнили бы, какъ мы братца упрашивали вамъ и вашему сыну помочь!

— Да вы обязаны, обязаны были это дѣлать. Вѣдь мой сынъ-то родной племянникъ былъ вамъ, вѣдь онъ наслѣдникъ дядинъ былъ. Вотъ чѣмъ упрекать вздумали! А вы думаете, мнѣ сладка была ваша хлѣбъ-соль? Слезами я обливалась, униженіемъ передъ вами каждый кусокъ покуная! Богъ да Леня знаютъ, что̀ я слезъ пролила, видя, какъ вы мной помыкаете, какъ вы меня отъ братца заслонить хотите.

— Грѣхъ вамъ, грѣхъ это говорить!—воскликнули сестры разомъ.—Вы сами нашептывали братцу на насъ, мы васъ съ нимъ на минуту однѣхъ оставить не смѣли... Вы и насъ ссорили; мы только теперь, въ горѣ нашемъ, узнали, какъ вы наговаривали намъ другъ на друга.

— Да вы сами одна другой бока мыли. Откуда бы я узнала всю вашу подноготную, какъ не отъ васъ самихъ!— кричала Марья Ивановна.

— Пойдемъ, сестрица, пойдемъ скорѣе! — прошептала Вѣра Александровна, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— А-а! къ своей сообщницѣ пойдете! Погодите, погодите, еще развратничать научитъ! Такъ всѣ три вмѣстѣ и живите. Отлично будетъ!—кричала Марья Ивановна вслѣдъ удаляющимся сестрамъ.—Вы, Вѣра Александровна, еще не стары, если подрумянитесь немного... Пѣвчему-то своему глазки опять начните дѣлать. Вѣдь вы къ Троицѣ-то недаромъ ходите, все противъ клироса становитесь!.. Теперь, небось, не придете къ намъ денегъ клянчить!..

Долго еще не умолкалъ и лился неудержимый потокъ брани и сальныхъ намековъ раздраженной Марьи Ивановны. Все надувательство, все обоюдное лицемѣріе, всѣ тайныя сплетни, всѣ низкія интриги, склеивавшія до этой поры въ тѣсный союзъ мирную и любящую обносковскую семью, поднялись теперь съ своего дна, какъ грязная и отвратительная липкая почва въ стоячей водѣ пруда, внезапно возмущеннаго и приведеннаго въ броженіе набѣжавшею на него

бурей. Эта буря уничтожила и сорвала покровъ яркихъ, но почти неимѣвшихъ прочнаго корня цвѣтовъ и рыхлыхъ листьевъ болотныхъ растеній, плававшихъ на поверхности и служившихъ внѣшнимъ украшеніемъ спрятанной подъ ними грязи. Родственная любовь, уваженіе къ старшимъ въ семьѣ, заботы о младшихъ и слабыхъ ея членахъ, снисходительность къ ошибкамъ тѣхъ или другихъ стоявшихъ въ обносковскомъ союзѣ лицъ, всѣ эти цвѣты, какъ оказалось, питали здѣсь свои непрочные корни сокомъ корыстолюбія, ловкихъ сплетенъ, лицемѣрнаго самоуниженія, стремленія каждаго члена въ свою очередь высосать послѣднюю каплю жизни изъ всѣхъ остальныхъ членовъ-союзниковъ. Теперь членамъ обносковской семьи не оставалось возможности прикрывать цвѣтами лицемѣрія свою грязь: она всплыла наружу и била въ глаза. Оставались два пути: нужно было или отречься навсегда, очиститься по возможности отъ этой грязи, или щеголять ею, хвалиться ею, говорить, что эта-то грязь и должна составлять настоящую подкладку жизни.

Ольга и Вѣра Обносковы стояли теперь другъ передъ другомъ почти нищими, то-есть такими созданіями, которымъ нужнѣе всего сходиться въ тѣсный союзъ, и вдругъ онѣ узнали, что каждая изъ нихъ въ свою очередь была виновна передъ другою въ мелкихъ сплетняхъ, въ мелкихъ интригахъ. Имъ было совѣстно взглянуть въ глаза другъ другу, имъ было совѣстно за себя въ душѣ. Только теперь онѣ поняли всю безцѣльность своихъ грязныхъ поступковъ, своей поддѣльной преданности своимъ родственникамъ, своихъ безобразныхъ нападеній на неизвѣстную имъ женщину, которая одна протягивала теперь имъ руку помощи. Онѣ чувствовали, что онѣ втянулись по уши въ эту грязь, что въ ихъ душахъ почти нѣтъ незагрязненнаго мѣста, что онѣ еще не могутъ вполнѣ честно относиться одна къ другой. Но онѣ уже раскаивались, онѣ уже какъ-то стыдливо, но искренно ухаживали одна за другой. Онѣ понимали, какъ добра опозоренная ими женщина, но какое-то безсознательное чувство стыда не пускало ихъ идти къ этой женщинѣ, пресмыкаться передъ нею, лгать ей о своемъ раскаяньи и выпрашивать у нея куски хлѣба своимъ униженіемъ. Онѣ видѣли, что лесть на этомъ пути дала бы имъ средства къ существованію, и все-таки не шли на этотъ путь. Жалкія созданія не знали, хорошее или дурное это чувство, но покорились ему...

Совсѣмъ въ другомъ положеніи стояла Марья Ивановна.

Она терпѣла въ теченіе всей своей жизни нужду и не понимала значенія честнаго труда. Ей приходилось по необходимости съ каждымъ годомъ все глубже и безсознательнѣе втягиваться въ этотъ омутъ, гдѣ она видѣла все свое спасеніе. Она окунулась въ него до такой степени, что у нея даже не было никакой потребности выйти изъ него теперь. Казалось, что эта женщина родилась въ этой грязи и внѣ ея не видѣла жизни. Разругавшись съ «сестрицами», она по цѣлымъ днямъ распространялась о томъ, какія онѣ подлыя, какой дурачина и филя былъ ихъ братъ, сколько она натерпѣлась горя отъ нихъ, какъ онѣ продавали на каждомъ шагу одна другую, какъ Вѣрка въ каждаго военнаго пѣвчаго влюблялась, какъ Ольга всѣмъ домомъ вертѣла и Вѣркой командовала, какъ теперь онѣ съ Степанидкою Высоцкою «гулять» будутъ, однимъ словомъ, все, что можетъ быть грязнаго въ закулисной жизни каждой человѣческой семьи и личности, то было на языкѣ Марьи Ивановны. Алексѣй Алексѣевичъ, Груня, кухарка, дворникъ, всѣ равно годились, по мнѣнію Марьи Ивановны, на роль слушателей, и число ихъ все росло и росло.

Съ страннымъ чувствомъ вслушивалась въ эти рѣчи Груня.

Тысячи мыслей и вопросовъ осаждали ея головку.

«Неужели могутъ люди въ теченіе всей своей жизни лицемѣрить и ужъ не лицемѣритъ ли теперь Марья Ивановна и передо мной?—спрашивала она себя.—Честно ли я дѣлаю, что поддаюсь ея ласкамъ, презирая ее въ душѣ? Но, что заставило ее вдругъ примириться со мною? Неужели необходимость жить на мои деньги?.. Но я-то для чего примирилась съ нею наружно? Для того, чтобы избавиться отъ волненій, отъ правдиваго объясненія человѣку, что я съ нимъ не могу жить, что я его не могу уважать и любить? Это подло!.. Но что же за женщина эта развратная Высоцкая?.. Неужели и она ради какихъ-нибудь видовъ предложила помощь двумъ ненавистнымъ ей и ненавидящимъ ее женщинамъ?.. И какъ можетъ она такъ спокойно, такъ равнодушно переносить свое постыдное положеніе, за которое ее клеймитъ и должно клеймить все общество?.. Я хотѣла бы увидѣть ее. Я никогда не видала еще такихъ наглыхъ женщинъ... Однако, за что же я браню ее? Вѣдь я ее еще не знаю, я слышала о ней только отъ тѣхъ людей, которыхъ я не люблю и не уважаю. Такъ, но она развратница, это-то я знаю навѣрное... Развратница? Почему? Въ чемъ ея развратъ?.. Это просто, можетъ-быть,

несчастная ошибка».—Груня совершенно терялась подъ наплывомъ этихъ вопросовъ. Развратъ и честность, беззаконіе и законность представлялись ей теперь чѣмъ-то смутнымъ и иногда доводили ее до странныхъ, неразъяснимыхъ парадоксовъ: «Я, остающаяся вѣрною нелюбимому мужу, съ отвращеніемъ позволяющая ему ласкать себя ради своего брака съ нимъ, — честная женщина; а Высоцкая, обожавшая въ теченіе всей своей жизни одного человѣка, остававшаяся вѣрною ему даже безъ всякой внѣшней принудительной причины,—развратница. Алексѣй и его мать, не любившіе покойнаго своего родственника, связанные съ нимъ чисто случайными узами родства,—законные его наслѣдники; а его любимыя дѣти, часть его самого, — незаконные грабители чужого имущества». Вотъ чего не могла разрѣшить въ своемъ умѣ неопытная, мало знающая условія жизни Груня...

Время, между тѣмъ, летѣло все впередъ и впередъ...

Однажды Груня гуляла и встрѣтилась съ Вѣрой Александровной Обносковой. Та сухо поклонилась Грунѣ и холодно спросила ее о здоровьѣ.

— Слава Богу, я здорова,—равнодушно отвѣтила Груня, и съ участіемъ спросила, какъ живетъ сама Вѣра Александровна и ея сестра.

Груню давно тяготила мысль, что эти жалкія дѣвушки терпятъ нужду по милости ея мужа.

— Ничего, живемъ кое-какъ,—отвѣтила Вѣра Александровна. — Конечно, теперь не то, что̀ было при братцѣ... Но, дай Богъ здоровья Стефаніи Владиславовнѣ, она насъ не оставляетъ.

— Вы съ ней видитесь?—изумилась Груня.

— Какъ же не видаться-то? Что̀ же стали бы мы дѣлать безъ ея помощи?.. Вотъ ужъ не родная, не знакомая, а лучше всѣхъ родныхъ и знакомыхъ!.. Сама отыскала насъ, пріѣхала, утѣшила и помощь оказала... Загладитъ она свои грѣхи передъ Богомъ своею добротою...

Груня задумалась.

— Однако, прощайте, меня сестрица ждетъ дома, — сказала она дружескимъ тономъ родственницѣ.

— Милости просимъ... Что-жъ, вы не виноваты, что вашъ мужъ такъ дурно поступилъ съ нами. Вы меня извините, а ужъ ему я по гробъ, по гробъ этого не прощу...

— Повѣрьте, мнѣ самой очень совѣстно за него,—поспѣшила замѣтить Груня.—Если бы я могла что-нибудь сдѣлать...

— Что ужъ можете вы сдѣлать! Я думаю, въ ежовыхъ рукавицахъ васъ самихъ держатъ. Знаю я вашу свекровь-то и мужа вашего знаю,—махнула рукой Вѣра Александровна.

Груня покраснѣла, но не заступилась за близкихъ ей людей, какъ заступилась бы она за своего отца или за Павла Панютина.

Черезъ недѣлю она посѣтила сестеръ покойнаго Евграфа Александровича. Онѣ жили въ довольно уютной, но очень маленькой квартирѣ. Обѣ сестры приняли довольно чопорно, но вѣжливо свою молодую родственницу. Разговоры шли о разныхъ предметахъ, но часто какъ-то неловко обрывались. Видно было, что какая-то черная кошка пробѣжала между женщинами и имъ было какъ-то неловко сидѣть рядомъ другъ съ другомъ. Нерѣдко Груня краснѣла, упомянувъ имена свекрови или мужа; еще чаще прорывалась строптивая Ольга Александровна бранью противъ этихъ лицъ, на что сентиментальная Вѣра Александровна постоянно замѣчала, указывая на Груню:

— Полноте, сестрица; имъ непріятно слышать подобныя вещи!

Уходя отъ родственницъ мужа, Груня готова была дать себѣ обѣщаніе не заглядывать болѣе къ нимъ, но какое-то непреодолимое и непонятное любопытство увидать Стефанію влекло ее туда. Черезъ нѣсколько времени она сдѣлала новый визитъ къ двумъ сестрамъ и застала ихъ за работою. Онѣ шили дѣтское бѣлье.

— Что это вы шьете? — спросила она, разсматривая работу.

— Стефанія Владиславовна просила помочь ей сшить бѣлье на дѣтей,—отвѣтили сестры.

— А я думала, что это какой-нибудь посторонній заказъ.

— Нѣтъ, гдѣ же найти сразу заказы, а эта работа и не трудная, и выгодная.

— Она вамъ платитъ?

— Конечно... Вотъ не навернется ли у васъ работа, такъ дайте намъ... Теперь времени-то свободнаго много...

— Ну, вѣдь у васъ и прежде было немного работы,— замѣтила Груня.

— Да работы-то не было, но за то, бывало, то сами ходимъ въ гости, то къ намъ кто-нибудь придетъ... Отлично мы при братцѣ жили,—вздохнула Вѣра Александровна и отерла слезу.

— Да, отлично жили, все гости да гости, а теперь никто вотъ и не заглянетъ, когда объѣдать да обпивать нельзя,—съ желчной ироніей ввернула Ольга Александровна и сердито дернула иглу, такъ что у нея оборвалась нитка.

— Это все урокъ... Богъ это посылаетъ,—замѣтила смиренно меньшая сестра.

— Ну, ужъ кто тамъ ни посылаетъ, а людишекъ вдоль и поперекъ узнали,—еще разъ сердито пробормотала старшая сестра и снова рванула нитку.—Не дай Богъ вамъ никогда горе узнать,—обратилась она къ Грунѣ.

— Чужая душа потемки,—прошептала Груня.—Жаловаться не стóитъ, никто не поможетъ...

— Ужъ конечно!

— Нѣтъ, сестрица, это грѣхъ говорить,—замѣтила младшая сестра.—Вотъ и намъ помогла же Стефанія Владиславовна.

— Много ли такихъ-то!—разсердилась Ольга и передернула свою работу.

За этими словами полился со стороны Вѣры Александровны потокъ благословеній Стефаніи, а Ольга Александровна опять прорвалась бранью на мужа и свекровь Груни, за что получила замѣчаніе отъ сестры. Еще два, три визита были сдѣланы Грунею родственницамъ мужа; она дала имъ какую-то работу и мало-по-малу сошлась довольно близко съ младшею изъ сестеръ, хотя и не открывала ей своей внутренней жизни—подобныя признанія и жалобы были не въ характерѣ Груни. Черная полоса, раздѣлявшая этихъ людей, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе блѣднѣла и становилась незамѣтною... Но желанной встрѣчи съ Высоцкою все не было.

Наступилъ день рожденія Ольги Александровны. Груня тревожно ожидала этого дня, точно готовилось для нея какое-то необычайное событіе. Наступилъ и онъ... Въ маленькой квартирѣ двухъ сестеръ собралось небольшое общество: двое, трое изъ старыхъ знакомыхъ, да семья Высоцкой. Всѣ были довольно веселы, и Груня услыхала смѣхъ гостей уже при входѣ въ квартиру родственницъ. Ее встрѣтили радушно и отрекомендовали знакомымъ. Начались разговоры; Груня вмѣшивалась въ нихъ, дѣлала свои замѣчанія и очень зорко наблюдала за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ Высоцкой, точно это было какое-то особенное существо. Высоцкая была, по обыкновенію, проста, весела, спокойна, но она не обращала ни малѣйшаго вниманія на

Груни. Раза два Груня прямо обратилась къ ней съ какими-то вопросами и получила односложные отвѣты. Ее немного удивила и задѣла за живое такая, повидимому, ничѣмъ незаслуженная холодность, близкая къ невнимательности. Послѣ завтрака Высоцкая уѣхала, очень вѣжливо, но холодно поклонившись Грунѣ и даже не протянувъ ей руки. Въ душѣ молодой женщины закипѣло чувство негодованія. Она была оскорблена, что передъ нею, передъ честною и чистою, держитъ такъ высоко голову это падшее созданіе. Но въ то же время молодая женщина не могла не сознаться, что въ этомъ падшемъ созданіи много привлекательной граціи, безпечной веселости и подкупающаго прямодушія, хотя всѣ эти обаятельныя качества сразу исчезали, какъ только это падшее созданіе обращалось лицомъ къ Грунѣ, и замѣнялись выраженіемъ спокойной, безстрастной холодности.

— Скажите, пожалуйста, Высоцкая, кажется, не любитъ меня?—спросила Груня Вѣру Александровну, уловивъ удобную минуту, когда онѣ остались вдвоемъ.

— Нѣтъ, милочка, ангелочекъ, она всѣхъ любитъ, она добрая,—сентиментальничала по старой привычкѣ младшая Обноскова.

— Зачѣмъ вы говорите неправду? — пристально посмотрѣла Груня на ея смущенное лицо, съ моргающими глазками.—Она не любитъ меня?

— Да... то-есть, душечка, она не васъ не любитъ... она вашего мужа не любитъ,—конфузясь, объясняла Вѣра Александровна.

— Но чѣмъ же я виновата, что мой мужъ дуренъ?—спросила Груня, нахмуривъ брови.

— Ну, полноте, милочка! Ахъ, какія вы, право, строптивыя?—увивалась Вѣра Александровна, желая ускользнуть отъ отвѣта.

— Нѣтъ, однако... Она, вѣрно, говорила вамъ что-нибудь по этому поводу,—настаивала Груня.

— Ахъ, да вѣдь это сплетни будутъ, если передавать...—мялась младшая Обноскова.

— Какія же это сплетни? Мнѣ очень нужно знать, какъ она смотрѣла на меня, чтобы не напрашиваться напрасно на встрѣчи...

— Вы не сердитесь на нее, она добрая...

— Но что же она говорила? Что я виновата въ томъ,

что мой мужъ дуренъ? Что я его въ рукахъ держать не умѣю?—насмѣшливо спрашивала Груня.

— Нѣтъ... Она... Ахъ, да вы разсердитесь!.. Она говоритъ, что съ дурнымъ мужемъ можетъ жить только дурная жена, — совсѣмъ растерялась слабодушная Вѣра Александровна и еще болѣе заморгала глазами.

— У нея совсѣмъ извращенныя понятія!—холодно произнесла Груня, вставая съ мѣста.

— Вотъ вы и разсердились!.. По глазамъ вашимъ вижу, что разсердились,—слезливо шептала младшая Обноскова, цѣлуя Груню.

— Нисколько! эта женщина, несмотря на свое доброе сердце, просто жалка,—холодно отвѣтила Груня.

Это свиданіе съ Высоцкой и разговоръ съ Вѣрой Обносковой могли отбить навсегда въ молодой женщинѣ охоту продолжать начатое знакомство, и Груня, дѣйствительно, рѣшилась не напрашиваться на встрѣчи съ Высоцкой и готова была при случайномъ свиданіи съ нею поднять также гордо и высоко свою молоденькую, почти дѣтскую головку.

«Передо мной ей нечѣмъ гордиться, — думала Груня:— я чище и честнѣе ея!.. Я не жила съ постороннимъ мужчиной и не убѣгу отъ законнаго мужа...»

XVI.

Внутренній разладъ.

Чѣмъ замѣтнѣе поправлялся Алексѣй Алексѣевичъ, тѣмъ болѣе охладѣвала Марья Ивановна къ своей невѣсткѣ, видя, что бѣда миновала ихъ семью, и не имѣя силъ продолжать мирную жизнь. Груня не могла не замѣтить этой перемѣны, такъ какъ переходъ отъ ухаживанья къ нападеніямъ былъ довольно рѣзокъ и не походилъ на случайныя семейныя недоразумѣнія, которыхъ было не мало и во время болѣзни Алексѣя Алексѣевича. Случаевъ для придирокъ къ невѣсткѣ находилось всегда довольно: то свекровь сердилась, что невѣстка неизвѣстно куда отлучается иногда изъ дома, то она злилась на ея постоянную холодность, то просто упрекала ее за вялость и нерадивость характера. Въ одинъ прекрасный день эти мелкія нападенія перешли въ серьезную сцену и не остались безплодными. Началось, по обыкновенію, съ пустяковъ: Алексѣю Алексѣевичу попался въ руки разорванный платокъ и онъ замѣтилъ женѣ, что надо поаккуратнѣе смотрѣть за бѣльемъ. Этого было вполнѣ достаточно для

Марьи Ивановны, чтобы начать бурную сцену, какъ только ея сынъ ушелъ въ должность.

— Вы и за мужемъ-то ходить не умѣете? — проговорила она, обращаясь къ Грунѣ.—Вамъ до него и дѣла нѣтъ. Онъ трудится, онъ работаетъ, а вы живете себѣ барыней и ни на что вниманія не обращаете. Боленъ ли онъ, здоровъ ли, вамъ все равно, въ васъ и перемѣны никакой не замѣтишь. Точно рыба, прости Господи, какая! Вамъ бы вотъ статуемъ быть, комнаты украшать собою!

Груня съ безмолвнымъ удивленіемъ выслушала эти неожиданные комплименты.

— Дивлюсь я, право, на васъ,—продолжала свое пиленье свекровь.—Ни ссорами, ни ласками ничего изъ васъ не подѣлаешь... Я-то, дура, думала: ну, вотъ у нея мужъ при смерти лежитъ, авось, она одумается, авось, къ семьѣ привяжется, такъ нѣтъ! куда! то же самое вижу, что и прежде... И куда вы это изъ дому стали бѣгать? какихъ такихъ знакомыхъ нашли?

— Кажется, я не обязана отдавать вамъ отчетъ, куда я хожу,—вспыхнувъ, замѣтила Груня.

— А кому же и отдавать отчетъ, какъ не мнѣ?—воскликнула Марья Ивановна.—Кажется, мнѣ Леня-то сыномъ приходится, недаромъ меня матерью называли, мнѣ его честь дороже всего...

— Что же это вы подозрѣваете меня въ чемъ-нибудь?— съ невольнымъ отвращеніемъ спросила невѣстка.

— Кто васъ знаетъ? Вы рядитесь, за вами ухаживаютъ, вамъ комплименты разные говорятъ, а голова-то у васъ молодая да вѣтреная, такъ вѣдь и Богъ знаетъ, что̀ вамъ на умъ взбредетъ.

— Да кто же это за мной ухаживаетъ здѣсь? — пожала плечами Груня.

— Мало ли кто? Да вотъ хоть бы Петра Петровича, напримѣръ, взять,—прошипѣла Марья Ивановна и зорко посмотрѣла злыми глазами на невѣстку.—Развѣ вы думаете, что никто не замѣчаетъ, какъ онъ за вами увивается, да что-то нашептываетъ вамъ?.. И съ чего вы съ нимъ при мнѣ по-французски говорите? вѣрно по-русски-то нельзя этого говорить?.. Стыдно замужней женщинѣ позволять чужому мужчинѣ ухаживать за собою, а вѣдь онъ вамъ чужой, хоть вы его и называете родственникомъ. Этакой-то родни не оберешься!

— Такъ вы убѣждены, что я его люблю? — усмѣхнулась горькой улыбкой Груня.

— Ну, матушка, если бы я убѣждена-то въ этомъ была, такъ я не такъ бы съ вами заговорила! — угрожающимъ тономъ произнесла свекровь.—А я только предупреждаю васъ, говорю, что вамъ не слѣдъ разговаривать съ подобными подлипалами.

— Какъ же это я не стану съ нимъ говорить, если онъ бываетъ у насъ въ домѣ? Скажите лучше Алексѣю, чтобы онъ не принималъ его.

— Вотъ-съ какъ! Ради васъ гостей не принимать, знакомствъ не заводить. Ну, это ужъ непорядокъ! Нѣтъ-съ, каждая женщина сама себя должна соблюдать. Мужъ приводи, кого хочетъ, а она себя соблюдай. Такъ и отцы наши жили и намъ такъ жить велѣли.

Груня усмѣхнулась, хотя ей давило грудь отъ волненія и негодованія.

— Съ чего это вы, матушка, смѣетесь-то? Ужъ не надо мной ли?—воскликнула Марья Ивановна.

— Надъ вами,—съ презрѣніемъ отвѣтила невѣстка и пошла въ свою комнату.

Это было ея единственное убѣжище, ея единственная защита въ этомъ домѣ.

— Да ты это что̀ выдумала? А? Что̀ ты задумала?—кричала ей вслѣдъ свекровь, выходя изъ себя отъ необузданной ярости. — Ужъ не завела ли и впрямь какія-нибудь шашни на сторонѣ? Да я тебя тогда со свѣту сживу!.. А, смѣется! надо мной смѣется!.. Да такъ прямо и говоритъ, что надо мной. Да ты гдѣ этой храбрости набралась? Погоди, погоди, я тебѣ, голубушка, крылья-то пообшибу!

Вечеромъ въ тотъ же день Марья Ивановна прошла въ кабинетъ Алексѣя Алексѣевича и долго разъясняла ему, что онъ долженъ, наконецъ, взять жену въ руки и присматривать за нею.

— Ты-то, Леня, такой слабый, хилый, а она все здоровѣетъ,—говорила Марья Ивановна жалобнымъ тономъ:— такъ за ней нуженъ глазъ да глазъ. Ей молодежь-то голову вскружила похвалами, а надѣяться-то на нее нельзя...

— Что это вы, маменька, какія глупости выдумываете!— сердито замѣтилъ сынъ и взялся за книгу, надѣясь этимъ обыкновеннымъ пріемомъ прекратить бесѣду съ матерью. Но она, противъ своего обыкновенія, не замолчала, увидавъ, что сынъ хочетъ читать.

— Нѣтъ, батюшка, я ничего не выдумываю. Ужъ какая я выдумщица!—проговорила она съ горечью.—А только она теперь все одна по гостямъ ходитъ...

— Не сидѣть же ей все дома одной.

— То-то и плохо, что ей домъ-то опостылѣлъ. Другая бы жена, видя, что мужъ для нея цѣлый день горбъ гнетъ, сидѣла бы дома, да старалась бы, какъ бы для мужа родное гнѣздо уютить, а у нашей-то этого и въ мысляхъ нѣтъ. Ты въ должность, а она за дверь, а, между тѣмъ, на нее засматриваются...

Лицо Алексѣя Алексѣевича вдругъ омрачилось, что-то, какъ будто, укололо его въ самое сердце.

— Да кто же засматривается?—нетерпѣливо спросилъ онъ и отложилъ книгу въ сторону.

— Мало ли кто!.. Ты за Петромъ Петровичемъ-то наблюдай, за нимъ смотри,—шопотомъ произнесла мать и боязливо оглянулась во всѣ стороны, какъ будто боясь, что кто-нибудь ихъ подслушиваетъ.—Ухаживаетъ, ухаживаетъ,—протянула она.—Ужъ я эти подходы-то знаю. Сама...

— Тьфу! этого только недоставало!—произнесъ съ гнѣвомъ и досадою Алексѣй Алексѣевичъ.—И что вамъ за охота постоянно смущать мое спокойствіе?

— Да какъ же, Леня, голубчикъ, о комъ же мнѣ и заботиться, какъ не о тебѣ? Вѣдь ты родной мнѣ. Хуже, если чужіе на смѣхъ поднимутъ, да пальцами на тебя указывать будутъ... Ты думаешь, мнѣ легко, что тебя обманываютъ?..

— Да развѣ вы уже знаете что-нибудь? — вскочилъ съ мѣста Алексѣй Алексѣевичъ.

Онъ былъ страшно блѣденъ. Его маленькіе калмыцкіе глаза впились въ лицо матери, точно онъ хотѣлъ прочитать на этомъ лицѣ всѣ сокровенныя мысли этой близкой ему женщины. Но оно было невозмутимо.

— Навѣрное, батюшка, ничего не знаю, но смотрю за ними, въ оба смотрю,—отвѣтила мать.

Алексѣй Алексѣевичъ махнулъ рукою и большими шагами заходилъ по комнатѣ въ страшномъ волненіи. Впервые онъ понималъ, что за чувство можетъ испытывать человѣкъ, когда ему угрожаютъ отнятіемъ его старой собственности, его достоянія. Марья Ивановна слѣдила за сыномъ съ скорбнымъ участіемъ, умиленными и сострадательными взглядами, полными той совершенно своеобразной материнской любви, на какую была способна Обноскова.

— Вы у меня цѣлую ночь покоя отняли!—желчно упрекнулъ ее сынъ, на минуту останавливаясь передъ нею.

— Бѣдный ты мой, бѣдный!—жалобно промолвила она, качая съ сожалѣніемъ головой.—Не понимаютъ люди, какъ ты ихъ любишь. Вотъ теперь одна вѣсть о ихъ глупости да вѣтрености тебя на цѣлую ночь разстроила, а что̀ было бы, если бы ты-то во̀-время не узналъ объ этомъ, да вдругъ дождался бы того, что они по глупости, да по вѣтрености и грѣховъ натворить успѣли бы?... Не ночь бы тогда тебѣ они отравили, а всю жизнь твою драгоцѣнную!

Еще довольно долго распространялась Марья Ивановна убаюкивающимъ тономъ о негодности людей и слѣдила за тревожно шагающимъ по комнатѣ сыномъ нѣжными глазами. Наконецъ, она обняла его и ушла въ свою спальню, гдѣ набожно опустилась на колѣни передъ образами и начала свои обычныя молитвы за сына.

Но сыну не спалось.

«А что̀ если мать не все сказала мнѣ, что̀ она знаетъ?—думалось ему.—Меня цѣлые дни дома нѣтъ, я некрасивъ, я слабъ, а она молода, хорошѣетъ съ каждымъ днемъ, кругомъ разная молодежь вертится, книжки разныя подъ руку попадаются, долго ли закружиться головѣ! Да вѣдь нынче и въ модѣ бѣгать отъ мужей!.. «Я, скажетъ, миленькій, ошиблась, я тебя не любила, мы не сошлись характерами, и я ухожу съ другимъ...» Коротко и ясно!.. Нѣтъ-съ, со мной этого не сдѣлать! Я этого не допущу, не позволю!.. Впрочемъ, что я!.. И съ кѣмъ она уйдетъ!.. Съ Петромъ Петровичемъ?.. Вотъ глупости! Онъ волокита, но онъ не увезетъ чужой жены, не навяжетъ ее себѣ на шею... Отъ него можно ее предостеречь... Эхъ, если бы я могъ не принимать подобныхъ негодяевъ! Да вѣдь ему весь городъ родня, связи у него... Связи! Связи! Будь онѣ у меня самого, такъ я бы на порогъ не пустилъ этой сволочи, всѣхъ этихъ Петровъ Петровичей!.. Но надо поговорить съ нею, поговорить съ нею надо...»

Проходивъ съ часъ по комнатѣ, выпивъ два стакана воды, Алексѣй Алексѣевичъ прошелъ въ комнату жены.

— Что̀ у васъ тамъ опять вышло съ матерью?—спросилъ онъ жену.

— То же, что̀ и всегда выходитъ у меня съ нею,—отвѣтила Груня недовольнымъ тономъ.—Она придралась ко мнѣ безъ всякой причины и разбранила меня.

— Но...—началъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Позволь,—перебила его Груня.—Ты отъ кого узналъ, что между нами произошла ссора?

— Мать сказала...

— А-а! такъ ты ей позволяешь говорить про меня, и только я не имѣю права говорить тебѣ про нее? Или ея сплетни не мѣшаютъ твоимъ серьезнымъ занятіямъ?

— Да вѣдь нельзя же.

— Пожалуйста, не оправдывайся! Я это такъ замѣтила, чтобы знать, въ какомъ положеніи я стою въ этомъ домѣ.

Груня отвернулась отъ мужа.

— Послушай, Груня; ты сегодня какая-то странная,—промолвилъ Алексѣй Алексѣевичъ, удивленный тономъ Груни, отъ котораго вѣяло холодомъ и въ которомъ слышалась необычайная твердость.—Я не хочу передавать тебѣ, что̀ говорила мнѣ мать, но замѣчу только одно: веди себя осторожнѣе и не играй съ огнемъ. Ты...

— Ахъ, это идетъ рѣчь насчетъ подозрѣній!

— Да, но я имъ не вѣрю; ты должна понимать это,—произнесъ Алексѣй Алексѣевичъ и пытливо взглянулъ на жену.

— И очень умно дѣлаешь,—сухо отвѣтила она.

— Ты настолько честная женщина и настолько знаешь обязанности жены, что...

— Пожалуйста, избавь меня отъ школьныхъ наставленій,—рѣзко перебила его Груня.—Я никого не люблю, я ни съ кѣмъ не кокетничаю и, значитъ, объ этомъ нечего и говорить.

— Но, знаешь, люди видятъ иногда то, чего еще и нѣтъ, и выводятъ...

— Я тебѣ сказала, что объ этомъ нечего говорить!—почти крикнула Груня и встала съ своего мѣста.—Неужели всѣ вы такъ тупы, что не можете понять, какъ вы оскорбляете женщину разъясненіемъ ей ея обязанностей? Или ты считай меня честною женщиной и никогда не учи меня моимъ обязанностямъ на этомъ пути, или прямо признай, что я одна изъ тѣхъ, которыя могутъ пасть, и тогда принимай свои мѣры и не толкуй о своей вѣрѣ въ мою честность.

Лицо Груни пылало негодованіемъ, она какъ-то черезчуръ горячо отстаивала себя отъ подозрѣній мужа. Алексѣй Алексѣевичъ и обрадовался, и растерялся отъ этой неожиданной вспышки. Онъ вдругъ увидалъ, что его жена принадлежитъ къ разряду тѣхъ женщинъ, которыя выше всего

ставятъ исполненіе своего супружескаго долга, и ему стало совѣстно, что онъ могъ, хотя въ теченіе минуты, подозрѣвать ее и сомнѣваться въ ней. Снова онъ былъ готовъ благодарить судьбу за то, что у его жены холодная, а не страстная натура. Почти совершенно успокоенный, ушелъ онъ и легъ спать, нисколько не думая о томъ, что его жена, можетъ-быть, не уснетъ во всю ночь послѣ этой сцены...

При всѣхъ своихъ обширныхъ и, можетъ-быть, для чего-нибудь необходимыхъ знаніяхъ, Алексѣй Алексѣевичъ все-таки былъ плохимъ психологомъ и совершенно не зналъ человѣческаго сердца. Онъ восхищался теперь тѣмъ, что его честная жена такъ горячо приняла къ сердцу его несправедливыя подозрѣнія, и не раздумывалъ о томъ, что эта вспышка была, можетъ-быть, результатомъ начала той внутренней борьбы, вслѣдствіе которой человѣкъ переходитъ отъ старыхъ убѣжденій къ новымъ, и тѣмъ горячѣе отстаиваетъ свои старыя убѣжденія, чѣмъ сильнѣе побиваютъ ихъ, противъ его воли, жизненные факты. Дѣйствительно, Груня переживала именно такую пору внутренней ломки: всѣ ея прежнія, освященныя преданіемъ и обычаемъ, отношенія къ близкимъ людямъ, видимо, побивались фактами жизни. Она начинала сознавать, что, слѣпо поддавшись желанію отца, она погубила себя, и что-то шептало ей, что подобная покорность была въ этомъ случаѣ нелѣпостью, что отецъ, можетъ-быть, и даже навѣрное, не умеръ бы, если бы она не вышла замужъ за мало извѣстнаго ей человѣка, а что она навѣрное зачахнетъ теперь съ тоски и горя подъ гнетомъ вѣчныхъ раздоровъ и при отсутствіи любви. Она, какъ мы видѣли, уже задавалась вопросами о томъ, честны ли ея хорошія отношенія къ нелюбимой свекрови, честенъ ли обманъ, и жизнь опять подсказываетъ ей, что обманъ не можетъ быть честнымъ и что, насилуя свои чувства, она ничего не выиграетъ, а только сдѣлается игрушкою въ рукахъ своей противницы. Не утѣшительнѣе былъ выводъ изъ размышленій объ отношеніяхъ къ нелюбимому мужу и, стоя на этомъ опасномъ и скользкомъ пути, уже нерѣдко спрашивала Груня у себя: «Да для кого же я жертвую собою, своею молодостію, своимъ счастіемъ, своею жизнію? Для отца, который выдалъ меня замужъ ради своихъ старческихъ причудъ? Для мужа, котораго не люблю? Для свекрови, которую ненавижу? Нѣтъ, нѣтъ, не для нихъ! Но я сдѣлала ошибку и мой

долгъ переносить ея послѣдствія»,—горячо заключила Груня, отстраняя какія-то другія мысли, а въ головѣ безъ ея воли возникали роковые, опасные вопросы: «Но признавать неисправимыми послѣдствія ошибки,—не фатализмъ ли, не глупость ли, не сонливость ли это? Послѣдствія всякой ошибки могутъ быть пресѣчены, по крайней мѣрѣ человѣкъ долженъ къ этому стремиться. И что за адъ былъ бы на землѣ, если бы не было возможности исправлять хотя отчасти прошлыя заблужденія и прошлыя ошибки? Но что же дѣлать? Уйти отъ мужа, порвать всѣ связи, сдѣлаться предметомъ переговоровъ, сплетенъ, произвести скандалъ, являться въ обществѣ съ ярлыкомъ бѣжавшей отъ мужа жены, развратницы, быть выкинутою изъ порядочнаго круга? Не будутъ ли эти публичныя мученія страшнѣе тѣхъ закулисныхъ дрязгъ и ссоръ, отъ которыхъ я хочу спастись? Теперь, по крайней мѣрѣ, никто не смѣетъ сказать, никто не смѣетъ подумать, что я безчестная, никто не смѣетъ наложить на меня тѣнь подозрѣнія. Да, да, въ этомъ и только въ этомъ осталось мое счастье!..»

Такъ думалось Грунѣ въ тѣ дни, когда на нее внезапно посыпались упреки свекрови, упреки за стремленіе кокетничать съ Петромъ Петровичемъ. Груня улыбалась, слушая эти подозрѣнія, Груня глядѣла спокойно, но внутри у нея словно что-то оборвалось: казалось, что у бѣдняка сжигаютъ послѣдній, единственный уголъ, гдѣ онъ надѣялся найти спасеніе и пріютъ отъ непогоды. Груня могла еще владѣть собою при разговорѣ съ ненавидимой ею свекровью, но когда мужъ высказывалъ ей намеки на тѣ же подозрѣнія, то она стала съ ожесточеніемъ отстаивать это послѣднее шаткое убѣжище, въ которомъ она видѣла единственную награду за всѣ свои жертвы. Ей хотѣлось въ эту минуту застраховать себя передъ цѣлымъ свѣтомъ отъ грязныхъ подозрѣній и крикнуть всѣмъ людямъ: «Поймите вы, что я страдаю, но переношу страданія потому, что я честная женщина!» А что если у нея отнимутъ и имя честной женщины? Если и ее заклеймятъ клеветой, какъ клеймятъ безчестныхъ женщинъ? Во имя чего будетъ она тогда исполнять свой долгъ и терпѣть всѣ муки за свою прошлую ошибку? Во имя собственнаго сознанія своей честности? Но въ томъ-то и горе, что у Груни уже подрывалось жизнью и это сознаніе, и она сознавалась передъ собою, что она лицемѣритъ и лжетъ на каждомъ шагу: лжетъ передъ мужемъ, выказывая ему любовь, лжетъ передъ свекровью, съ

отвращеніемъ отвѣчая на ея поцѣлуи, лжетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, говоря о довольствѣ своею судьбою. «Но почему же не они всѣ, а я одна должна страдать?—строптиво спрашивала себя Груня, все глубже и глубже разрывая передъ собою эту бездонную пропасть сомнѣній.—Неужели я одна совершила эту ошибку, а они были правы?»—«Нѣтъ,—отвѣчала она себѣ:—отецъ также виноватъ; онъ могъ понять, что я не люблю Алексѣя, я ему говорила объ этомъ; онъ просто исполнялъ свою прихоть, выдавая меня замужъ, и погубилъ меня. Алексѣй тоже не любилъ меня такъ, какъ должно любить жену, онъ выше меня цѣнилъ и ставилъ свою мать; онъ зналъ, что я неопытна, что наши характеры не сходны, но онъ гнался за смирной дѣвочкой, за игрушкой, за ребенкомъ, за деньгами и хотѣлъ просто пріобрѣсти рабу, а не жену-подругу, онъ тоже виноватъ. А Марья Ивановна,—Боже мой, да развѣ можетъ быть не виновата эта низкая женщина, отравившая съ первой минуты моего вступленія въ этотъ домъ и мое счастье, и мой покой? За что же они должны быть счастливы, а я должна быть несчастна? За что же они должны терзать меня, а я обязана покоряться? За что я одна являюсь жертвой, а они палачами?»

У Груни кружилась голова отъ этихъ проклятыхъ, безысходныхъ вопросовъ, думъ и сомнѣній, но она бодро, настойчиво шла имъ навстрѣчу и не старалась закрыть передъ ними глаза. Она забыла все окружающее и жила теперь этою лихорадочною внутреннею жизнью. Люди и мелкія событія внѣшней жизни мелькали передъ нею, какъ смутныя тѣни въ китайскомъ фонарѣ. Отецъ, Павелъ, книги, все, все забылось ею. Постоянно разсѣяная, постоянно задумчивая, она пропускала мимо ушей и любезности гостей, и брань свекрови, и даже не замѣчала, что мужъ иногда слѣдитъ за нею то тревожными, то ревнивыми глазами. Ей было тяжело жить въ этомъ омутѣ, но разорвать внѣшнюю связь съ мужемъ она не рѣшалась: отдаленная отъ него по своимъ чувствамъ, она жила подъ одной крышей съ нимъ и холодно играла роль его жены. Еще ничто не манило ее изъ этого дома. Она видѣла и за его стѣнами то же горе, ту же безрадостную, одинокую, отрѣзанную отъ всѣхъ и безцѣльную жизнь для себя. Она даже не рѣшалась строить планы какого бы то ни было счастливаго существованія, возможнаго за стѣнами этого дома, какъ будто тамъ была безлюдная, непривѣтная пустыня.

Время тянулось убійственно медленно и вяло. Дни были похожи, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой. Все чаще и чаще нападала свекровь на невѣстку; все угрюмѣе и подозрительнѣе дѣлался Алексѣй Алексѣевичъ, тревожимый странною задумчивостью жены, и не на шутку началъ онъ ревновать ее ко всѣмъ людямъ, которые ухаживали за нею. Иногда онъ дѣлалъ ей сцены... Эта ревность была такъ замѣтна, что о ней уже говорили посторонніе.

— Вотъ мѣщанство-то; даже скрыть не умѣетъ, что жену считаетъ принадлежностью своего имущества,—съ презрѣніемъ замѣчалъ своимъ носовымъ голосомъ графъ Родянка.

— Нѣмецкіе профессора не любятъ, чтобы посторонніе даже заглядывали въ ихъ книги, а ужъ не то, что читали бы ихъ.—хохоталъ Левчиновъ.

— Надо его побѣсить. Это презабавно, когда онъ становится зеленымъ,—скалилъ свои бѣлые зубы кузенъ Пьеръ и подсаживался къ Грунѣ.

— Я боюсь и подходить къ вамъ, кузина. Вашъ мужъ смотритъ на всѣхъ такими ревнивыми глазами, что становится жутко,—смѣялся онъ.

— Вы ошибаетесь: онъ очень хорошо знаетъ, что ревность тутъ не у мѣста,—холодно и равнодушно замѣчала хозяйка.

— Да вѣдь это чувство невольное. Хорошенькихъ женщинъ мужья ревнуютъ ко всѣмъ, а подруги этихъ хорошенькихъ женщинъ завидуютъ имъ, подозрѣвая ихъ въ маленькихъ шалостяхъ.

— На эти подозрѣнія прежде всего нужно имѣть право,—вспыхивая, но такъ же холодно произносила Груня.

— Помилуйте, кузина, какія тутъ права? Молодость, красота, милое far-niente, немножко скуки и вотъ вамъ неизбѣжная почва для романа,—осклаблялъ свои зубы кузенъ Пьеръ.

— Ну, не неизбѣжная!

— Увѣряю васъ, что неизбѣжная. Рано ли, поздно ли, но онъ начнется и, право, лучше начинать рано, чѣмъ поздно...

— И лучше поздно, чѣмъ никогда?—улыбнулась хозяйка скучающею улыбкой.

— Послѣдняго я не добавилъ, потому что считаю романъ неизбѣжнымъ въ жизни молодой женщины. Разница въ томъ только, что одни романы дѣлаются популярными, а другіе

хранятся только для двухъ-трехъ заинтересованныхъ лицъ, какъ недосягаемыя сокровища.

— Кузенъ, у васъ всѣ такъ смотрятъ на женщинъ?

— Всѣ, кузина.

— Очень жаль.

— Почему же? Развѣ лучше было бы, если бы на нихъ смотрѣли, какъ на бездушныхъ куколъ, продающихся съ аукціоннаго торга въ крѣпостное владѣніе тѣмъ или другимъ господамъ мужьямъ?—усмѣхнулся кузенъ Пьеръ.

— Но вѣдь не всегда же женщина продается, иногда она идетъ замужъ и по любви...

— Да, да, это бываетъ... Но, кузина, свѣтъ всегда сначала задаетъ себѣ вопросъ: могла ли быть любовь между такою-то и такою-то личностями? и потомъ, получивъ отрицательный отвѣтъ, дѣлаетъ свои предположенія насчетъ предстоящаго романа.

— Свѣтъ очень любитъ мѣшаться въ чужія дѣла,—сердито проговорила Груня и взяла со стола альбомъ съ визитными карточками.

— Люди—братья, кузина; значитъ, ихъ дѣла не чужія, а свои свѣту,—засмѣялся кузенъ Пьеръ, выставляя свои зубы.

У Груни вертѣлся на языкѣ довольно щекотливый вопросъ: «А про меня что говорятъ?» Но она удержалась отъ него, взглянула на играющаго въ карты въ смежной комнатѣ мужа, сутуловатаго, худого, некрасиваго и желтаго, и мысленно рѣшила, что про нее свѣтъ говоритъ, что она не могла, не можетъ и никогда не будетъ любить своего мужа.

«Значитъ, тоже подозрѣваютъ въ развратѣ. Да какъ же и не подозрѣвать, когда самъ мужъ даетъ право на эти подозрѣнія, не выпуская меня изъ виду, дѣлая мнѣ сцены... Хотѣла бы я знать, есть ли хоть одинъ человѣкъ, который считалъ бы меня чистою и честною?»

Груня снова впала въ раздумье...

XVII.

Жизнь Павла.

Такъ проходилъ и кончался для Груни второй годъ ея замужней жизни. Всегда задумчивая и тоскующая, она не могла никому повѣрить своихъ тяжелыхъ и безвыходныхъ думъ. Только сентиментальная Вѣра Александровна считала своимъ долгомъ мягко и нѣжно обходиться съ Груней; но эта необразованная, очень слабая по уму и характеру дѣ-

вушка внушали молодой женщинѣ скорѣе чувство снисходительной жалости, чѣмъ ту горячую привязанность и уваженіе, которыя необходимо нужно питать къ человѣку, чтобы сдѣлать его своимъ повѣреннымъ. Всѣ остальные люди смотрѣли на Груню или холодно, или враждебно, или были сами настолько слабы, что не могли дать ей ни дѣльнаго совѣта, ни твердой опоры. Правда, былъ одинъ человѣкъ въ мірѣ, который понялъ бы ее и искренно раздѣлилъ бы ея горе, пошелъ бы на борьбу за нее, но именно отъ этого человѣка она сама старалась по возможности стоять въ сторонѣ. Этотъ человѣкъ былъ Павелъ Панютинъ. Такое насильственное отчужденіе отъ любимой личности стоило Груне также не малой внутренней борьбы и еще бо́льшая боль пробудилась въ ея сердцѣ, когда она стала замѣчать, что и самъ Павелъ началъ все рѣже и рѣже посѣщать ихъ домъ. Бросая тайно зоркіе взгляды на Павла, молодая женщина замѣтила въ послѣднее время значительную перемѣну въ своемъ любимцѣ. Онъ уже давно пересталъ быть ребенкомъ и застѣнчивымъ, едва вступающимъ въ жизнь юношею; онъ сталъ развязнѣе, былъ болѣе ловокъ; его прежняя угрюмость и угловатость пропали совершенно. Въ его одеждѣ, во всей его фигурѣ появилась какая-то неуловимая изящность, въ его головѣ роились широкіе планы и въ рѣчахъ слышалось стремленіе ловить минуты молодой жизни: онъ переживалъ свой праздникъ—молодости годъ. Иногда онъ даже рѣшался подсмѣиваться надъ Груней и говорилъ ей:

— Не понимаю я, какъ можетъ человѣкъ киснуть въ своемъ углу, когда въ жилахъ молодая кровь кипитъ, когда жить каждымъ нервомъ хочется, когда знаешь, что второй молодости не будетъ.

— Нельзя же веселиться, когда веселья нѣтъ,—вскользь замѣтила Груня.

— Надо отыскать его!—отвѣчалъ Павелъ.—Ужъ по-моему лучше закружиться, опьянѣть отъ жизни, чѣмъ заснуть непробуднымъ сномъ. По крайней мѣрѣ, хоть будетъ чѣмъ помянуть молодость. А то иные только тѣмъ и помянутъ молодую жизнь, что продавливали они весь вѣкъ въ своемъ углу свое мѣсто, ѣли, пили до отвала, да высиживали праздную скуку.

— Этихъ людей жалѣть надо, а не смѣяться надъ ними,—замѣтила Груня:—потому что, вѣрно, они не изъ любви къ праздной скукѣ, а только по необходимости подчинялись ей.

— По необходимости! Вотъ вздоръ говоришь! — смѣялся Павелъ.—Развлеченье всегда найдется. Одинъ работу найдетъ, если онъ ее любитъ, да такую работу, что день для нея малъ будетъ! Другой въ кутежѣ завихрится, если ничего лучшаго жизнь не даетъ, и птицей промчатся его молодые годы! Третій, если ему своя среда надоѣла, можетъ взять котомку за плечи, палку въ руки, да идти отъ постылыхъ людей смотрѣть на другія земли, на другіе народы, да учиться, какъ люди иначе на свѣтѣ живутъ:—походитъ, посмотритъ, а глядишь, скука-то и устанетъ шагать за нимъ по пятамъ.

— Ты который же путь выбралъ? — несмѣло спросила Груня, а у самой сердце отъ чего-то сжалось.

— Всего понемногу хочу попробовать. Сперва поработаю, да покучу, а тамъ палку въ руки, котомку на плечи и поминай, какъ звали, — махнулъ рукой Павелъ и засмѣялся.—Здѣсь оставлять будетъ нечего, пойду за границу.

— На это нужны средства...

— Глупости! Нѣмцы въ Америку и безъ средствъ уходятъ, да богатѣютъ...

— Иные и погибаютъ...

— Ну, такъ что же, что погибаютъ? Ихъ и дома задавили бы; такъ ужъ лучше гибнуть тамъ, гдѣ и просить о помощи не имѣешь никакого права... Тяжелѣй гибнуть дома, слыша, какъ смѣются, да, можетъ-быть, тебѣ же яму роютъ ближніе...

Грунѣ хотѣлось что-то замѣтить, но ей было трудно высказать желанное слово.

— А вотъ мы,—продолжалъ Павелъ, поддаваясь своимъ завѣтнымъ мечтамъ:—потому и сидимъ на мѣстѣ, потому и высиживаемъ праздную скуку, что все боимся со своимъ насиженнымъ гнѣздомъ разстаться. И не то, что ужъ куда-нибудь въ Америку боимся ѣхать, нѣтъ! просто въ глубину Россіи боимся уйти. Къ Петербургу приросли...

— Еще бы не прирасти, здѣсь все родное,—промолвила Груня съ грустью.

— Могилы?.. Что мнѣ въ нихъ?

— Ну, есть и живые люди изъ ближнихъ... Я думаю... и у тебя есть что-нибудь дорогое здѣсь...

Груня чуть не заплакала.

— Конечно, конечно,—задумчиво промолвилъ Павелъ.— Но что я могу сдѣлать для дорогихъ лицъ?.. Отецъ живетъ въ своемъ кабинетѣ и не умретъ съ тоски обо мнѣ, имѣя

около себя твое любящее существо... Ты... ты замужемъ, счастлива; для тебя не можетъ быть большой потери въ томъ, что я не стану являться разъ или два въ мѣсяцъ въ твоемъ домѣ... Да и сколько силъ убивается даромъ только потому, что мы пришиты къ своему семейному кружку, что мы дальше его ничего не знаемъ и не видимъ. Мы затянулись на своей дорогѣ, тащимся по грязи; намъ надо провѣтриться, набраться новыхъ силъ, новыхъ понятій и, можетъ-быть, тогда откроются для насъ новые пути, новыя не грязныя, не скучныя дороги...

— Это все мечты!—вздохнула Груня.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Но и все начиналось съ молодыхъ мечтаній: Робинзонъ или Гусъ со своими друзьями, протестанты или соціалисты шли проповѣдывать свои доктрины, все было плодомъ восторженныхъ мечтаній, вдохновеній великими идеями!.. Чтобы что-нибудь сдѣлать, нужно лихорадочно ловить минуты и рисковать жизнью. Или будь она такою, какою мы желаемъ ее, или пропадай совсѣмъ!

Груня задумчиво покачала головой и ничего не отвѣтила Павлу; ей было тяжело думать, что онъ въ одинъ прекрасный день придетъ къ ней, весело пожметъ ея руку и скажетъ: «Прощай, я уѣзжаю отыскивать себѣ счастья!»

Но что же онъ дѣлалъ, какъ проводилъ свою молодую жизнь покуда?

Съ того памятнаго дня, когда кузенъ Пьеръ свезъ его въ циркъ, въ образѣ жизни Павла произошло много перемѣнъ. Во-первыхъ, Павелъ не на шутку увлекся на-время отважною миссъ Шрамъ и непремѣнно хотѣлъ познакомиться съ нею; во-вторыхъ, у Павла сперва явилось много такъ-называемыхъ шапочныхъ знакомыхъ, къ которымъ онъ сталъ ходить въ гости и которые посѣщали иногда и его. Это была по большей части молодежь, лишенная всякаго серьезнаго дѣла и старающаяся убить какъ-нибудь свое время и угомонить кипящую кровь. Кутежи отъ скуки, кутежи отъ избытка силъ, кутежи отъ праздности, обусловленной обезпеченнымъ положеніемъ, вотъ тотъ путь, на которомъ тратилась молодость этихъ людей и, можетъ-быть, не они одни были виноваты, что для нихъ не нашлось лучшаго и болѣе честнаго занятія. Павла давила та же скука, мучилъ тотъ же избытокъ молодыхъ, еще непочатыхъ силъ, и онъ иногда былъ радъ забыться среди буйнаго кружка кутящихъ юношей. Но у него не было большихъ средствъ для постоянныхъ кутежей съ ними, и было много гордости для того,

чтобы кутить на чужой счетъ. Это обстоятельство дало его образу жизни совершенно своеобразный характеръ. Павелъ, чтобы не отказывать себѣ ни въ чемъ, сталъ искать работы: уроки, переводы, это все не выпускалось имъ изъ рукъ. Трудъ, лихорадочно совершаемый съ какимъ-то смутнымъ желаніемъ забыться и утомиться до истомы, кипѣлъ и поспѣвалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а тамъ вдругъ Павелъ задавалъ себѣ праздники и въ какомъ-то опьянѣніи летѣлъ куда-нибудь на пикникъ за городъ, на какой-нибудь черезчуръ свободный балъ. Такая жизнь не могла принести пользы его здоровью, и иногда во всемъ его тѣлѣ чувствовалась истома, у него ломило кости, ныла грудь, тогда онъ заваливался у себя дома и «отсыпался», по его собственному выраженію. Такимъ образомъ, проходилъ ли періодъ работы, кутежа или «отсыпанья», а опомниться, все-таки, не было времени, да Павелъ, кажется, и боялся этого пробужденія, боялся той пустоты и безлюдности, которыя давили его въ предшествовавшій годъ.

Подобное существованіе могло окончательно загрязнить его въ нравственномъ отношеніи. Съ перваго же пикника онъ могъ попасть въ когти миссъ Шрамъ, на которую онъ такъ заглядывался въ первое свое посѣщеніе цирка. Но эта женщина, вѣчно вплетавшая въ свои фразы слова всѣхъ извѣстныхъ ей языковъ, это существо, изображавшее на своей физіономіи оттѣнки всѣхъ извѣстныхъ ей чувствъ, этотъ клоунъ женскаго рода, одѣтый то въ шотландскій, то въ балетный, то въ женскій, то въ мужской костюмы, изображавшіе собой то невинную дѣвочку, то едва возмужавшаго мальчика, однимъ словомъ, эта миссъ Шрамъ любила прежде всего деньги, деньги и большія деньги, а потому могла заигрывать, могла любезничать съ Павломъ, но не могла приковать его къ себѣ и протащить за собою въ омутъ мошенническихъ игръ и возмутительныхъ оргій, покупаемыхъ на занятыя, украденныя, добытыя всѣми неправдами и подлостями деньги. Обыкновенно степень любезности этихъ женщинъ прямо указываетъ на степень близости ласкаемыхъ ими людей къ долговому отдѣленію или къ подлости и преступленію. Застрахованный своимъ матеріальнымъ положеніемъ отъ этой опасности, Павелъ нашелъ себѣ спасеніе и въ чистотѣ своей натуры, еще не загрязненной нашею столичною жизнью. Цинизмъ новыхъ знакомыхъ, разсказывавшихъ Павлу со смѣхомъ возмутительныя біографіи всѣхъ тѣхъ личностей, на красоту которыхъ

глядѣлъ юноша любопытными глазами,—этотъ цинизмъ сразу оттолкнулъ Павла какъ отъ описанныхъ личностей, такъ и отъ самихъ разсказчиковъ. Подъ прилизанной внѣшностью разсмотрѣлась грязная подкладка. Видя, какъ эти люди пляшутъ, слыша, какъ они острятъ и хохочутъ, Павелъ не могъ удержаться отъ молодого, легко возбуждаемаго смѣха, но какое-то непріятное ощущеніе являлось въ его сердцѣ, когда эти люди слишкомъ близко и фамильярно прикасались къ нему. Ему въ эти минуты хотѣлось сказать имъ: «Стойте подальше, вы мнѣ и такъ видны, а больше мнѣ ничего не надо». Онъ могъ быть наблюдателемъ, могъ случайно стать дѣйствующимъ лицомъ, но не могъ вполнѣ втянуться въ этотъ кругъ. Пріѣзжая домой съ пикниковъ, онъ бросался на постель, старался скорѣе уснуть и на слѣдующій день лихорадочно принимался за работу.

Кряжовъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, ничего не зналъ о поведеніи своего воспитанника и былъ очень доволенъ, когда слышалъ, что тотъ даетъ уроки и занимается переводами. Иногда старикъ добродушно распространялся въ обществѣ даже о томъ, «что нынче славная, трудящаяся молодежь, что, правда, у нея много разныхъ непригодныхъ къ жизни идей, но что это все перебродится, осядетъ, когда пройдетъ молодость, и не пройдетъ только привычка къ труду, къ усидчивымъ занятіямъ».

— Вотъ хоть бы и мой Павелъ,—доходилъ добрякъ до желанной цѣли разговора:—денегъ я ему даю довольно, позволяю своею рукою брать, все у него есть, знаетъ, что я ему и капиталъ оставлю, могъ бы жить безъ труда, такъ вѣдь нѣтъ! работаетъ, работаетъ, такъ что я иногда журю его, совѣтую поберечь себя и не утомляться. Вѣдь даже худѣетъ, право худѣетъ!

Всѣ приходили въ изумленіе отъ достоинствъ Павла, а Кряжовъ гордо потиралъ руки и самодовольно улыбался: вотъ, молъ, какого человѣка я воспиталъ!.. Онъ съ каждымъ днемъ привязывался все сильнѣе къ своему воспитаннику. И не мудрено. Выдавъ замужъ Груню, Кряжовъ отчасти обманулся въ своихъ надеждахъ; онъ думалъ, что его дочь и зять будутъ постоянно пребывать въ его домѣ, но вышло совсѣмъ иначе. Марья Ивановна не согласилась жить въ домѣ Кряжова «подъ надзоромъ», какъ выражалась она, а Алексѣй Алексѣевичъ, имѣя много занятій, не могъ каждый день ходить съ женою къ старику въ гости. Такимъ образомъ, старикъ остался одинъ и скучалъ. При встрѣ-

чахъ съ Грунею радости было не больше: она не жаловалась на судьбу, говорила, что ей хорошо живется, но была грустна, молчалива. Старикъ потиралъ лобъ, снималъ шейную косынку, начинавшую душить ему горло, и не могъ ничего выдумать для развлеченія своей дочери и для разгадки ея сердечныхъ тайнъ. При такомъ положеніи развязность и веселость, явившіяся въ характерѣ Павла, были чистою находкою для старика. Онъ хохоталъ надъ выходками и продѣлками юноши, иногда даже добродушно позволялъ ему трунить надъ собою и замѣчалъ только при этомъ:

— Что̀ съ нимъ подѣлаешь, всѣхъ на смѣхъ поднимаетъ! Таковъ ужъ паренекъ уродился!

Часъ, два, проведенные Кряжовымъ съ воспитанникомъ, успокаивали его на цѣлый день. Иногда старикъ, сидя въ своемъ креслѣ, мечталъ вслухъ, какъ онъ поѣдетъ съ Павломъ за границу.

— И Груню хорошо бы взять съ собою?—въ видѣ вопроса говорилъ онъ.

— Отчего же бы и не взять, возьмемъ, — утвердительно рѣшалъ Павелъ.—Въ студенты ее опредѣлимъ,—смѣялся онъ.

— Ну, вотъ ты балясничаешь, а я не шутя говорю, что ей надо разсѣяться,—серьезно говорилъ Кряжовъ.

— Надо, надо, батюшка,—уже задумчиво и грустно замѣчалъ Павелъ.

Кряжовъ вздыхалъ, но Павелъ вдругъ начиналъ смѣяться, представлялъ, какъ изумится Трегубовъ, когда узнаетъ, что они ѣдутъ за границу, какъ онъ самъ захочетъ ѣхать съ ними и какъ его не пуститъ туда его старая ключница, которую онъ все-таки впервые въ жизни надуетъ, вылѣзетъ ночью въ окно и уѣдетъ съ чужимъ паспортомъ. Затѣмъ слѣдовала не менѣе интересная исторія о путешествіи обманутой ключницы вслѣдъ за Трегубовымъ за границу... Старикъ смѣялся...

— Славный малый ты у меня, и какъ это ты такъ вдругъ развернулся,—ласкалъ иногда старикъ воспитанника, удаляясь въ свой кабинетъ.

Всѣ неровности вспыльчиваго характера юноши прощались теперь старикомъ, и онъ скорѣе умолкалъ самъ, чѣмъ настаивалъ на усмиреніи этой «горячей головы»... Такъ жили эти два младенца на жизненномъ пути—одинъ, едва вступая на этотъ путь, другой, подходя по немъ къ близкой могилѣ...

Добрякъ Кряжовъ былъ правъ, считая Павла добрымъ и

честнымъ человѣкомъ. Но не такимъ считалъ его Алексѣй Алексѣевичъ Обносковъ. Давно уже привыкъ онъ относиться съ ненавистью къ молодому человѣку и слѣдилъ зоркимъ глазомъ отъявленнаго врага за ненавистнымъ ему «мальчишкой». Богъ знаетъ, была ли эта ненависть слѣдствіемъ тайнаго предчувствія въ ревнивомъ мужѣ, что его жена еще слишкомъ сильно любитъ это существо, злился ли просто Обносковъ за прежнюю близость Груни къ этому «мальчишкѣ», или просто боялся онъ, что этому юношѣ оставятъ бо̀льшую часть капитала, слѣдующую дочери Кряжова, но только Алексѣй Алексѣевичъ ненавидѣлъ Павла еще сильнѣе, чѣмъ прежде, и выискивалъ всевозможные случаи, чтобы отмстить своему врагу, подорвавъ его кредитъ въ глазахъ Кряжова. Былъ одинъ незначительный случай, которымъ думалъ съ успѣхомъ воспользоваться Обносковъ для своихъ цѣлей. Павелъ, кромѣ своихъ кутящихъ знакомыхъ, которые уже порядочно надоѣли ему, сталъ въ послѣднее время встрѣчаться и съ иными людьми, жившими трудомъ. Въ этомъ кружкѣ часто говорились довольно смѣлыя рѣчи, еще чаще дѣлались сборы незначительныхъ суммъ въ пользу различныхъ неблагонамѣренныхъ личностей. Павелъ участвовалъ и въ этихъ разговорахъ, и вносилъ свою долю помощи въ эти сборы. Онъ никогда не думалъ, что изъ этого можетъ выйти что-нибудь серьезное. Но однажды въ квартиру Кряжова неожиданно явилась ночью полиція и произвела обыскъ въ комнатѣ Павла. На слѣдующій день его пригласили къ допросу... Все кончилось очень благополучно. Но Кряжовъ струсилъ не на шутку за участь своего воспитанника.

— Какъ это ты такъ неосторожно ведешь себя! — говорилъ онъ ему по окончаніи всего дѣла.

— Да что-жъ тутъ такого важнаго? Ну, обыскали, допросили, однимъ опытомъ больше прибавилось, вотъ и все,— смѣялся Павелъ. — Отъ этого не убережешься. Всѣ подъ полиціей ходимъ.

— Съ тебя все, какъ съ гуся вода! — смѣялся остротѣ старикъ и не думалъ журить своего воспитанника за знакомство съ опасными людьми; къ такимъ же опаснымъ людямъ хаживалъ и онъ въ былые годы, были они во всѣ времена.

Но не такъ взглянулъ на дѣло Алексѣй Алексѣевичъ. Узнавъ о происшествіи, онъ замѣтилъ Кряжову:

— Вотъ до чего доводятъ разныя идеи-то! Эти нигилисты

листы все вверхъ дномъ хотятъ перевернуть, чѣмъ бы о дѣлѣ думать... Вамъ надо слѣдить за Павломъ! онъ и себя погубитъ, и на насъ набросить тѣнь.

— Что̀ это ты, Алексѣй Алексѣевичъ, говоришь?—недовольнымъ тономъ отвѣтилъ Кряжовъ. — Кто же станетъ подозрѣвать меня? А онъ молодъ, горячъ и всегда можетъ проговориться, сколько бы я ни присматривалъ за нимъ... И мы были молоды и увлекались... Да и не дитя онъ, чтобы я сталъ слѣдить за нимъ.

— Я не зналъ, что вы оправдываете эти ребяческіе толки о предметахъ, которыхъ и мы-то съ вами не должны касаться,—ехидно замѣтилъ Обносковъ.—Но, все-таки, совѣтую вамъ, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, построже смотрѣть за мальчикомъ ради собственнаго его блага... Тутъ опасность, а не шутки. Взгляните, сколько силъ гибнетъ теперь ради того, что ихъ не направили, а распустили старики... Послѣ поздно будетъ тужить...

Слабый по характеру старикъ, несмотря на свое заступничество за поведеніе Павла, призадумался и въ тотъ же вечеръ прочелъ проповѣдь своему воспитаннику, ероша себѣ волосы и потягивая галстукъ.

— Что̀ съ тобой, батюшка?—спросилъ недовольнымъ тономъ Павелъ. — Ужъ не съ Обносковымъ ли ты обо мнѣ поговорилъ?

— Да, съ Алексѣемъ,—отвѣтилъ старикъ.—Онъ человѣкъ осторожный, разсудительный.

— Старая тряпка онъ!—сердито проговорилъ Павелъ.—Но что̀ бы онъ ни былъ, а я попрошу тебя никогда не говорить съ нимъ обо мнѣ. Не люблю я подобныхъ опекуновъ, да и вообще опеки не потерплю... Я ужъ, слава Богу, вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

Павелъ нахмурился; это не ускользнуло отъ вниманія Кряжова.

— Не хорошо, что ты такъ относишься къ Алексѣю, — попрекнулъ онъ.

— Не говори лучше со мною о немъ,—раздражился еще болѣе Павелъ. — Если хочешь, чтобы мы были съ тобой друзьями, то не упоминай его имени при мнѣ. На этой точкѣ мы всегда разойдемся въ разныя стороны.

Кряжовъ загорячился и сталъ отстаивать своего зятя.

— Послушай, батюшка,—серьезно сказалъ Павелъ.—Потакать твоимъ похваламъ ему я никогда не буду, на ложь у меня нѣтъ способности; бранить же его, высказывать все,

что я вижу, у меня духу не хватитъ, и если бы мнѣ пришла необходимость или прямо объясниться объ Обносковѣ съ тобой, или уйти навсегда отсюда, то я выбралъ бы послѣднее,—кончилъ, блѣднѣя, Павелъ.

— Спасибо за привязанность!—горько произнесъ старикъ.

— Ты не сердись. Это любви моей къ тебѣ не убавитъ, но ты долженъ же знать, какъ я, продолжая любить тебя, поступилъ бы въ подобномъ случаѣ.

Послѣ этого объясненія Кряжовъ дня три дулся на Павла, но отношенія Павла къ старику не измѣнялись, онъ былъ попрежнему мягокъ, веселъ, предупредителенъ, и старикъ забылъ случайную размолвку со своимъ любимцемъ, какъ за два года передъ тѣмъ забылъ умышленное отсутствіе Павла на свадьбѣ Груни.

Увидавъ неудачу своей попытки поселить раздоръ между Кряжовымъ и Панютинымъ, озлобясь еще болѣе при видѣ торжествующей и вызывающей физіономіи послѣдняго, Обносковъ искалъ новыхъ данныхъ для достиженія своей цѣли, разсчитывая довольно вѣрно, что нужно не много усилій для того, чтобы вывести изъ терпѣнія строптиваго и непокорнаго врага. Изъ случайно сказанныхъ различными личностями словъ о поѣздкахъ Павла на пикники и загородныя гулянья, Обносковъ началъ съ нѣкоторыхъ поръ составлять себѣ очень непривлекательное понятіе о поведеніи молодого человѣка и, наконецъ, рѣшился очень обязательно подѣлиться своими свѣдѣніями съ Кряжовымъ.

Старикъ былъ какъ-то въ гостяхъ у зятя. Зашла рѣчь о Павлѣ. Кряжовъ хвалилъ его.

— Плохо вы за нимъ смотрите, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, — промолвилъ со вздохомъ Обносковъ. — Васъ ослѣпляетъ ваша честная привязанность къ нему и ваша доброта.

— Ну, Алексѣй Алексѣевичъ, ты этого не говори! — горячо вступился Кряжовъ за своего любимца. — Вы вѣдь у меня все почему-то коситесь другъ на друга, такъ потому и относитесь такъ строго одинъ къ другому... А Павла и посторонній человѣкъ не можетъ не похвалить. Это честный, добрый и умный малый. Горячъ онъ, строптивъ, ну, да это пройдетъ съ молодостью, а ты погляди, какъ онъ быстро развился въ послѣднее время, какъ обо всемъ трезво судитъ...

— Не спорю, не спорю, это-то такъ, добрѣйшій мой Аркадій Васильевичъ, но...

Обносковъ вздохнулъ и остановился, не договоривъ начатой фразы. У Груни сжалось отъ страху сердце, она замѣтила, какъ по лицу ея мужа скользнула едва замѣтная насмѣшливая улыбка.

— Ну, что же ты не договорилъ?—спросилъ Кряжовъ.— Началъ и не договорилъ. Такъ, братъ, обвинять голословно нельзя; если началъ, такъ и досказывай.

Обносковъ сдѣлалъ какую-то сострадательную мину.

— Мнѣ непріятно огорчать васъ, добрѣйшій мой другъ...

— Ты, Алексѣй Алексѣевичъ, уже огорчилъ меня,—сухо замѣтилъ Кряжовъ. — Не люблю я недосказанной клеветы! Противъ нея защищаться даже нельзя.

Обносковъ вспыхнулъ, какъ порохъ.

— Не клевета-съ, Аркадій Васильевичъ, а правда,—заговорилъ онъ скороговоркой и съ одышкой. — Недосказанная правда—это такъ, но только потому недосказанная, что мнѣ тяжело открывать вамъ глаза...

Груня, вся блѣдная и дрожащая отъ негодованія, пристально слѣдила за мужемъ; въ эту минуту ей хотѣлось взять и увести отца изъ ихъ квартиры.

— Вашъ Павелъ, — продолжалъ Обносковъ, взвѣшивая слова и придавая имъ особенную важность:—вашъ Павелъ сошелся съ развратниками, картежниками и негодяями, для которыхъ нѣтъ ничего святого. Среди грязныхъ и циничныхъ камелій, среди отвратительныхъ оргій и пьянства проводитъ онъ ночи и пропиваетъ тамъ и свой умъ, и свое здоровье, и тѣ деньги, которыя вы, надѣясь на его честность, позволяете ему брать изъ вашего стола безъ счету...

— Это ложь! это ложь!—съ горячностью воскликнули разомъ Кряжовъ и Груня.

— Нѣтъ-съ, это правда... Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, я справлялся,—увлекся Обносковъ.

— Чтобы вооружить отца противъ Павла? — промолвила Груня задыхающимся отъ волненія и гнѣва голосомъ.

— Нельзя ли помолчать?—проговорилъ шопотомъ Обносковъ, обращаясь къ женѣ. — Я говорю съ твоимъ отцомъ о близкомъ ему человѣкѣ...

— Онъ точно такъ же близокъ и мнѣ,—перебила его жена.

— Я не знаю, можетъ ли быть близкимъ человѣкъ тебѣ только потому, что ты жила съ нимъ подъ одной кровлей,— сухо промолвилъ Обносковъ, зеленѣя. — Но мнѣ было бы пріятнѣе, если бы, кромѣ меня, никто изъ постороннихъ мужчинъ не былъ близокъ тебѣ... Назвалъ же я Павла

близкимъ человѣкомъ твоему отцу,—продолжалъ громко Алексѣй Алексѣевичъ: — потому, что твой отецъ взялся воспитать его и дастъ за него, за каждый его проступокъ, отвѣтъ передъ людьми и Богомъ.

Кряжовъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— Моя жена отвлекла меня отъ нашего разговора,—заговорилъ зять.—Я всегда принималъ участіе въ судьбѣ Павла, хотя я и не имѣю способности выражать участіе и любовь послабленіями и потачками. Не безъ сожалѣнія выслушивалъ я въ послѣднее время различные толки о его прискорбномъ поведеніи. Я ни слова не говорилъ объ этомъ вамъ, боясь огорчить васъ этимъ. Можетъ-быть, я дурно поступалъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ жертвовалъ судьбою этого «мальчика» сохраненію вашего спокойствія, но сегодня вы сами заставили меня высказаться, не удовлетворившись однимъ моимъ совѣтомъ смотрѣть за нимъ.

Кряжовъ молча ходилъ по комнатѣ.

— Я не знаю, насколько успѣлъ втянуться этотъ мальчикъ въ разгульную жизнь,—продолжалъ Обносковъ.—Но я знаю, что она стóитъ денегъ, что эти деньги ему приходится или придется занимать гдѣ-нибудь, или брать у васъ безъ спросу...

— Павелъ не воръ, чтò вы мнѣ разсказываете!—сердито пробормоталъ Кряжовъ.

— Я и не думалъ обвинять его въ воровствѣ,—простодушно произнесъ Обносковъ.—Хотя эта пропасть втягиваетъ во всѣ пороки, и если онъ теперь, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, обманываетъ васъ, не говоря, гдѣ онъ бываетъ, или унижается, кутя на чужой счетъ, то послѣ ему придется дойти и до болѣе крупныхъ ошибокъ, можетъ-быть, просто до преступленій... Я говорю это потому, что мнѣ кажется необходимымъ вò-время принять мѣры и удержать его на краю пропасти...

— Удержать! удержать! — бормоталъ Кряжовъ, потирая себѣ лобъ.—Легко это сказать!

— Тутъ, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, строгость нужна,—говорилъ Обносковъ.—Нужно добиться признанія, хотя это и трудно, и потомъ принять свои мѣры... Если намъ трудно объясниться съ нимъ, то я согласенъ, хотя это и тяжело для меня, переговорить съ нимъ...

— Папа, ты, вѣроятно, *самъ* поговоришь съ нимъ?—быстро замѣтила Груня и обратила къ отцу вопросительный взглядъ.

— Конечно, конечно,—утвердительно кивнулъ головою старикъ и тревожно сталъ поправлять воротъ своей рубашки, точно она его душила въ эту минуту.—Охъ, ужъ мнѣ эти объясненія!—махнулъ онъ рукою.

— Необходимость, необходимость заставляетъ, — пожалъ съ прискорбіемъ своими узенькими плечами Обносковъ.— Или своимъ спокойствіемъ, или человѣкомъ жертвовать приходится...

Кряжовъ взялъ фуражку и простился съ дочерью и зятемъ. И дочь, и зять пошли за нимъ въ переднюю.

— Ты бы ушла отсюда; простудишься, пожалуй,—замѣтилъ заботливо Обносковъ женѣ, желая на минуту остаться вдвоемъ съ Кряжовымъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно съ отцомъ поговорить, — прямо отвѣтила жена, вышедшая въ переднюю съ тѣмъ же намѣреніемъ, какъ и мужъ.

— Вотъ не могла этого сдѣлать въ комнатѣ!

— Мнѣ *одной* нужно переговорить съ нимъ.

— Значитъ, я мѣшаю?—сердито спросилъ мужъ.

— Да, я попросила бы тебя оставить насъ однихъ, — спокойно произнесла она.

— Я и не зналъ, что у тебя есть тайны отъ меня,— злобно усмѣхнулся онъ и прибавилъ, обращаясь къ Кряжову съ усмѣшкой: — Дитя еще, какъ видите, все хочется шептаться!

Пожавъ руку тестю, онъ вышелъ.

— Папа, не вѣрь, пожалуйста, ему, это все клевета!— торопливо заговорила Груня, когда за мужемъ затворилась дверь.

— Дитя мое, какая же можетъ быть цѣль у Алексѣя для клеветы на Павла? — покачалъ головой Кряжовъ. — Нѣтъ, это правда, Павелъ обманывалъ меня, низко обманывалъ говоря, что онъ работаетъ. Обманъ обиденъ!

— Папа, милый мой, какъ ты скоро всему вѣришь!—съ грустью воскликнула Груня. — Алексѣй ненавидитъ Павла, онъ видитъ въ немъ врага.

— Что ты, что ты!—замахалъ руками старикъ.

— Да, да, это ничтожный, мелкій и злой характеръ! — воскликнула молодая женщина, выходя изъ себя.—Онъ готовъ погубить всѣхъ, кого онъ ненавидитъ, а Павлу онъ завидуетъ, къ Павлу онъ ревнуетъ.

— Кого это? — безсознательно спросилъ ошеломленный неожиданными открытіями дочери старикъ.

— Меня.

— Къ брату-то? къ твоему брату? — покачалъ головою отецъ.—Дитя, дитя, всегда-то ты готова изволноваться изъ-за любимыхъ тобою людей... Но не хорошо, что ты такъ дурно думаешь о своемъ мужѣ, который тебя любитъ...

— Любитъ! — какъ-то горько произнесла Груня и снова стала просить отца:—Но, ради Бога, осторожнѣе говори съ Павломъ. Ты знаешь его строптивый характеръ. Онъ не потерпитъ ни грубости, ни полицейскаго надзора въ домѣ... Позволь лучше мнѣ переговорить съ нимъ...

— Ну, хорошо бы ты поговорила съ нимъ! — улыбнулся Кряжовъ.—Но головкѣ его же погладила бы.

— Ну, такъ дай слово быть осторожнымъ,—настаивала Груня.

— Хорошо, хорошо! Вѣдь не звѣрь же я, въ самомъ дѣлѣ,— успокоивалъ ее Кряжовъ, задумчиво качая головой и выходя изъ дверей.

Груня, блѣднѣе обыкновеннаго, возвратилась въ комнаты. Обносковъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по гостиной.

— Скажи, пожалуйста, что̀ за секреты могутъ быть у тебя съ отцомъ,—остановился онъ передъ женой, зорко и ревниво щуря свои калмыцкіе глаза, сверкавшіе злобнымъ свѣтомъ изъ-подъ очковъ.

— Если это *секретъ* отъ тебя, то, значитъ, именно его-то содержанія я и не могу передать тебѣ,—холодно проговорила жена и пошла въ свою комнату.

— Однако, ты съ нѣкотораго времени принимаешь все чаще и чаще въ обращеніи со мною такой тонъ, какого я не желалъ бы слышать, — внушилъ онъ ей, пытливо всматриваясь въ ея лицо. — Прошу тебя разъ и навсегда не играть въ эту игру. ..

— Мнѣ кажется, что намъ скоро придется перестать играть въ какую бы то ни было игру, — твердо сказала жена.—Тѣмъ болѣе, что здѣсь, кажется, всѣ только и умѣютъ играть въ кошки и мышки: кто кого поймаетъ, тотъ того и давитъ.

— Что̀ съ тобой?—нахмурился мужъ, какъ осенняя ночь.— Ужъ не этому ли негодяю обязанъ я всей сегодняшней сценой?

— Нѣтъ, ты во всемъ обязанъ одному себѣ,—насмѣшливо отвѣтила молодая женщина, улыбаясь болѣзненной улыбкой, и вышла изъ гостиной.

Обносковъ походилъ большими шагами по комнатѣ и рѣшился объясниться съ женою на другой день при первой удобной минутѣ. Однако, на слѣдующій день его жена ускользнула отъ объясненій и вышла со двора гораздо раньше, чѣмъ Алексѣй Алексѣевичъ собрался начать важные для него переговоры...

XVIII.

Двѣ порванныя связи.

Проснувшись въ тревожномъ состояніи на другой день послѣ описанной нами сцены, Груня рѣшилась идти къ отцу, чтобы по возможности внести примиреніе въ его переговоры съ Павломъ. Одѣвшись наскоро, она вышла изъ дому и пришла въ домъ Кряжова,—оказалось, что ея отца не было дома. Онъ ушелъ съ утра, не сказавъ никому куда; Груня очень хорошо знала всѣ привычки отца и потому не могла не встревожиться, услышавъ о его выходѣ изъ дома: старикъ по привычкѣ покидалъ свой кабинетъ только въ опредѣленные съ давнихъ поръ часы и уходилъ изъ своей квартиры не въ опредѣленное время только вслѣдствіе головной боли или неспокойнаго состоянія духа.

— А Павелъ Петровичъ гдѣ? Дома?—спросила молодая женщина у лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ онъ.

— Давно онъ ушелъ?

— Со вчерашняго дня не изволили возвращаться.

— Значитъ, отецъ не видалъ его вечеромъ?

— Нѣтъ-съ, не видали. Приказывали это они вечеромъ позвать къ нимъ Павла Петровича, коли они придутъ, да только Павелъ Петровичъ такъ и не пришли... Ужъ и мы безпокоимся, не случилось ли чего... Пожалуй, какъ оно-медни, полиція забрала...

— Полиція?—испугалась Груня.

— Да-съ, вотъ какъ тогда, когда ихъ обыскивали-то...

— А-а!

Грунѣ самой стало совѣстно, что она не сразу поняла лакея и подумала, что Павла брали въ полицію за какое-нибудь буйство. Встревоженная больше прежняго, она не знала, что̀ дѣлать,—приходилось идти домой, гдѣ ее ждали разспросы и подозрительные взгляды мужа и свекрови. Ей стало какъ-то особенно тяжело возвращаться къ нимъ, и она медлила.

— Я отдохну немного,—сказала она лакею и прошла въ столовый залъ отца.

Все стояло по-старому въ этой большой, убранной по-старинному комнатѣ. Тѣ же высокія, темныя кресла, тѣ же тяжелыя, темныя драпри, тотъ же мрачный, какъ пропасть, каминъ. Но все было пусто, угрюмо, въ каминѣ не пылалъ веселый огонекъ, какъ въ былые годы. И между тѣмъ, каждая изъ этихъ вещей, каждый изъ этихъ угловъ напоминали молодой женщинѣ какія-нибудь счастливыя или трогательныя событія изъ ея мирнаго дѣтства и дѣвической жизни. И со всѣми этими событіями неразрывно связывалось воспоминаніе о двухъ дорогихъ сердцу и теперь отчужденныхъ отъ нея существахъ—воспоминанія объ отцѣ и Павлѣ. Съ безмолвнымъ, сжимающимъ сердце чувствомъ безнадежной грусти смотрѣла Груня на всѣ эти предметы, а слезы сами собою катились по ея щекамъ. Такъ смотрятъ люди на заросшія травою, безотвѣтныя могилы, гдѣ безвозвратно схоронены дорогія имъ личности. А вотъ и то старое кресло, гдѣ она, Груня, впервые со страхомъ въ сердцѣ узнала, *какою* любовью любитъ ее Павелъ, гдѣ впервые на ея губахъ прозвучалъ страстный, не братскій поцѣлуй юноши, тогда почти еще мальчика, теперь—молодого возмужавшаго человѣка. Невольно, безсознательно опустилась молодая женщина на колѣни передъ этимъ кресломъ и закрыла лицо руками, точно передъ нею носился призракъ Павла и она просила у него за что-то прощенья. Какой-то тайный, внутренній голосъ шепталъ ей: «Взгляни, какъ все здѣсь стало пусто. Твой братъ, твой другъ, твой возлюбленный бѣжалъ отсюда, чтобы спастись отсюда. Твой нѣжный, привыкшій къ семейному затишью отецъ бросилъ свой обычный трудъ и ушелъ, тоже Богъ знаетъ куда, отъ этихъ безотвѣтныхъ стѣнъ. И ты сама, несчастная, нелюбимая въ своемъ домѣ, ненавидящая этотъ домъ, рыдаешь здѣсь о своемъ утраченномъ счастьи. Останься здѣсь и *они* снова придутъ сюда. Имъ недостаетъ только тебя... Ты помнишь, что они не бѣжали отсюда, когда здѣсь раздавался твой голосъ привѣтный, твой смѣхъ молодой... Зачѣмъ же ты колеблешься? Рѣшайся!.. Помнишь, твой братъ говорилъ тебѣ, что мы всѣ гибнемъ, потому что ничѣмъ не рискуемъ, всего боимся... Или жизнь такая, какою мы желаемъ жить, или смерть...»

— «Нѣтъ, нѣтъ!—быстро вскочила Груня. — Мнѣ надо бѣжать, бѣжать отсюда!.. Это мой долгъ, мое наказаніе за

прошлую ошибку, — это наше общее наказаніе, потому что мы всѣ виноваты и теперь всѣ равно несемъ свой крестъ. Да, я теперь только поняла, что не я одна — жертва, что наказаніе постигло всѣхъ виновныхъ...»

Торопливо отирая слезы, накинувъ шляпу, она поспѣшными шагами ушла изъ дома отца, какъ будто кто-то гнался за нею слѣдомъ и хотѣлъ силою удержать ее въ этомъ домѣ.

— Гдѣ это ты пропадала? — спросилъ ее мужъ, когда она, испуганная и трепещущая, вернулась домой.

— Я нездорова,—проговорила она вмѣсто отвѣта.

Онъ взглянулъ на ея лицо и изумился: ея глаза были еще красны отъ слезъ, щеки пылали горячечнымъ румянцемъ, губы запеклись.

— Что̀ такое случилось?—тревожно спросилъ мужъ.

— Ничего... мнѣ нужно лечь, успокоиться... Я стоять не могу...

— Да ты не къ отцу ли ходила?

— Ради Бога, не спрашивай меня ни о чемъ! — съ невольнымъ ужасомъ произнесла молодая женщина, чувствуя, что первое грубое слово теперь разорветъ послѣднюю, туго натянутую нить ея связи съ мужемъ. — Мнѣ нужно отдохнуть, успокоиться... Тебѣ же будетъ хуже, если мы станемъ теперь объясняться,—почти съ угрозой говорила она.

Алексѣй Алексѣевичъ пожалъ плечами, но не рѣшился продолжать допросъ. Что-то зловѣщее и грозное было въ выраженіи лица его жены. Онъ позвалъ горничную, чтобы та уложила въ постель барыню, и хотѣлъ ѣхать за докторомъ. Жена не велѣла звать врача... Покуда Обносковъ безпокоился и добирался въ своемъ умѣ до причины всего случившагося, покуда мать настаивала, чтобы сынъ пугнулъ жену, — въ домѣ Кряжова происходили сцены совершенно другого рода.

Не заставъ дома Павла, при своемъ возвращеніи отъ Обноскова, старикъ Кряжовъ велѣлъ слугѣ сказать, когда возвратится Павелъ, и сталъ ходить въ ожиданіи по своему кабинету. Время шло своимъ чередомъ, а лакей все не являлся съ докладомъ. Чѣмъ болѣе сгущалась ночь, тѣмъ чаще звонилъ старый ex-профессоръ и спрашивалъ слугу, не пришелъ ли Павелъ Петровичъ.

Отвѣтъ получался отрицательный.

— Часто онъ не ночуетъ дома? — спросилъ Кряжовъ.

— Иногда не ночуетъ-съ,—отвѣтилъ заспанный лакей.

— Иногда! Иногда!.. Тебя спрашиваютъ: часто ли?—разсердился старикъ.

— Не то чтобы часто, а иногда бываетъ-съ, что ночевать не изволятъ, коли гдѣ-нибудь запоздаютъ...

— Дуракъ, толкомъ не умѣешь ничего сказать! Ступай!

Кряжовъ снова ходилъ по комнатѣ и ждалъ. Павелъ не являлся.

— Ну, что-жъ, и съ нами то же бывало въ молодости,— утѣшалъ себя старикъ.—А пожурить надо, все-таки надо... Однако, въ какое общество онъ попалъ? Вѣдь совсѣмъ погубятъ!.. И зачѣмъ онъ меня обманываетъ? Развѣ не могъ онъ откровенно все разсказать мнѣ? Обманъ, обманъ, вотъ что гадко!.. Пожалуй, въ карты играетъ, долги дѣлаетъ... Ну, вотъ и погибнетъ. А кто виноватъ будетъ? Я! Я потачку давалъ, не умѣлъ строгимъ быть, по головкѣ гладилъ, волю далъ, вотъ и плоды!.. Нѣтъ! Строгость, строгость нужна, въ ежовыхъ рукавицахъ надо ихъ держать... Мы откровенности ихъ дожидаемся! Гмъ! Хороша откровенность!.. Смѣются, поди, надъ старымъ дуракомъ, что онъ спитъ и не знаетъ, гдѣ гуляетъ его воспитанникъ!.. Спитъ! Спитъ! Нѣтъ, я не сплю, тутъ не успешь, когда человѣкъ, близкій человѣкъ гибнетъ?.. Можетъ-быть, онъ уже и въ полиціи сидитъ, а я вотъ хожу, жду... Долго ли у насъ-то до бѣды!

— Иванъ, Павелъ Петровичъ не приходилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

«Ну да, ну да, и не придетъ, знаетъ, что я сплю, что я не заботусь о немъ, что я вѣрю ему!» — снова думалъ Кряжовъ, а утро уже бросало свои блѣдные лучи въ его кабинетъ.

На слѣдующій день старикъ не могъ работать и, какъ мы уже знаемъ, ушелъ изъ дома, чтобы освѣжить свою голову. Часамъ къ четыремъ онъ вернулся домой. Павла все еще не было. Кряжовъ одинъ сѣлъ обѣдать. Старикъ уже не сердился, но просто грустилъ и безпокоился. Черезъ нѣсколько минутъ въ передней послышался звонокъ. «Наконецъ-то!»—подумалъ Кряжовъ, и очень изумился, когда на мѣсто Павла къ нему явился Обносковъ. Алексѣй Алексѣевичъ пришелъ для объясненій со старикомъ насчетъ Груни и хотѣлъ узнать, между прочимъ, гдѣ она была утромъ.

— Ба! Какими судьбами ко мнѣ завернулъ? — спросилъ Кряжовъ.

— Пошелъ провѣтриться, голова что-то болитъ, — отвѣтилъ разсѣянно Обносковъ.

— У меня тоже побаливаетъ. Передъ погодой, вѣрно, — сказалъ Кряжовъ, зная, что у него совсѣмъ не передъ погодой болитъ голова.

— Должно-быть,—согласился зять, хотя тоже зналъ, что его голова болитъ не передъ погодой:—жена тоже не такъ здорова...

— Что съ ней?—встревожился старикъ.

— Такъ что-то привалилась немного, — отвѣтилъ Обносковъ.—Странная она какая-то стала въ послѣднее время, все капризы...

— Да, да, но, можетъ-быть... знаешь, Алексѣй Алексѣевичъ, у женщинъ время такое бываетъ...

Въ эту минуту раздался сильный звонокъ въ передней. Такъ обыкновенно звонилъ только Павелъ. Кряжовъ постарался нахмурить брови. Дверь въ столовую шумно отворилась, и Павелъ развязно и весело вошелъ въ комнату.

— А, наконецъ-то! — проворчалъ сквозь зубы Кряжовъ, хмуря брови.

— Опоздалъ, извини, батюшка,—промолвилъ молодой человѣкъ и, кивнувъ головой Обноскову, наклонился къ Кряжову и поцѣловалъ его въ лобъ.

Это была одна изъ тѣхъ ласкъ Павла, которую болѣе всего любилъ старикъ Кряжовъ.

— Обѣдалъ?—попрежнему хмуро спросилъ старикъ.

— Нѣтъ, голоденъ, какъ собака,—отвѣчалъ Павелъ, бросая перчатки на столъ, и пристально взглянулъ на старика.—Ты здоровъ?—спросилъ онъ озабоченно.

— Здоровъ, что̀ намъ дѣлается! Спимъ цѣлыя ночи, да и днемъ ходя спимъ,—съ ироніей и раздраженіемъ отвѣтилъ Кряжовъ и бросилъ такой взглядъ на Обноскова, какъ будто посылалъ его въ душѣ ко всѣмъ чертямъ.

Старику хотѣлось поскорѣй высказаться, поворчать, и въ то же время онъ не могъ говорить при Обносковѣ съ Павломъ. Любовь и раздраженіе боролись въ душѣ стараго добряка.

— Хорошо, если бы молодежь и днемъ, и ночью спала по-вашему,—не безъ ѣдкости замѣтилъ Обносковъ, кажется и не думавшій объ уходѣ.

Кряжовъ нахмурился еще болѣе.

— А! Вы все на молодежь попрежнему нападаете, — развязно засмѣялся Павелъ, бросивъ бойкій взглядъ на Обноскова и усердно истребляя супъ. — Я вотъ, дѣйстви-

тельно, не могу ни къ какой регулярности привыкнуть: и сплю, и работаю запоемъ.

— И кутите запоемъ?—обозлился Обносковъ за эту разнязность своего веселаго врага.

— О! ужъ, разумѣется; тутъ-то регулярности и подавно не можетъ быть быть. А то, пожалуй, пришлось бы начать, что вотъ такого-то числа, въ такой-то часъ, такого-то мѣсяца я кутить буду... это ужъ вышло бы слишкомъ комично,—весело засмѣялся Павелъ.

— Вамъ, вѣроятно, сегодня все покажется смѣшно, потому что вы, какъ я замѣчаю, находитесь именно въ такомъ настроеніи, въ какомъ люди бываютъ, вернувшись съ кутежа.

— Ну, ужъ если пошло на сравненія, то ваше настроеніе похоже на настроеніе человѣка, выпившаго какой-то горькой дряни,—засмѣялся Павелъ.

Кряжовъ, который привыкъ въ послѣднее время забавляться выходками Павла, невольно улыбнулся, но тотчасъ же снова закусилъ губу, увидавъ, какое впечатлѣніе произвела послѣдняя фраза Павла на Обноскова.

— Хорошо вы шутите, Павелъ Петровичъ, да плохо живете,—промолвилъ Обносковъ шипящимъ тономъ.

— Ай, вы опять за наставленія хотите приняться! — махнулъ рукой Павелъ и продолжалъ прусердно истреблять жаркое.

— Да-съ, за наставленія! И хорошо, если бы вы слушались ихъ. Это вамъ скажетъ и добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, который, вѣроятно, еще не успѣлъ объясниться съ вами,—обратился онъ къ Кряжову:—но я зайду послѣ, а теперь оставлю васъ однихъ; вамъ, я думаю, нужно переговорить другъ съ другомъ, послѣ всего того, о чемъ мы говорили съ вами...

— Н-да... пожалуй... — почему-то смѣшался Кряжовъ, у котораго уже успѣлъ остыть гнѣвъ при видѣ Павла не пьянымъ, здоровымъ и веселымъ.

— Нѣтъ, постойте,—удержалъ Павелъ Обноскова, измѣняясь въ лицѣ, и обернулся къ Кряжову. — Ты, батюшка, дѣйствительно, за что-нибудь недоволенъ мною?

— Н-да, есть причины... то-есть, какъ бы это сказать, не то что причины, но подозрѣнія... — совсѣмъ растерялся Кряжовъ отъ прямодушнаго вопроса Павла.

— И ты говорилъ объ этихъ причинахъ, или объ этихъ, какъ ты ихъ назвалъ, подозрѣніяхъ съ Алексѣемъ Але-

ксѣевичемъ? — еще болѣе задушевно и уже грустно спросилъ Павелъ.

— Н-да... то-есть не я говорилъ... но... это онъ говорилъ,— совсѣмъ спутался Кряжовъ.

— Ну, и прекрасно, значитъ вамъ по праву слѣдуетъ первое мѣсто занимать при объясненіяхъ отца со мною, какъ судьѣ въ семейныхъ дѣлахъ.

Павелъ отодвинулъ отъ себя тарелку, у него вдругъ пропалъ всякій аппетитъ и исчезли послѣдніе слѣды веселости. Его голосъ дрожалъ отъ гнѣва.

— Что же, батюшка, я слушаю,—проборматалъ онъ.

— Да это пустяки, мы переговоримъ одни, — замѣтилъ Кряжовъ, увертываясь отъ объясненій.

— Зачѣмъ же?.. Ужъ если ты про меня за глаза говорилъ дурно съ нимъ, — небрежно указалъ Павелъ на Обноскова:—то въ глаза-то и подавно можно.

— Да чего ты злишься-то?—треснулъ по столу кулакомъ Кряжовъ, досадуя, кажется, болѣе на Обноскова и на себя, чѣмъ на своего виновнаго воспитанника.

— Да какъ же и не злиться, когда ты жалуешься на меня чортъ знаетъ кому, совсѣмъ постороннимъ людямъ, — отвѣтилъ запальчиво Павелъ.

— Стыдись! — упрекнулъ Кряжовъ. — Алексѣй тебѣ не чужой.

— Я его никогда не считалъ своимъ родственникомъ, ты это знаешь.

— Ну, если такъ смотрѣть на вещи, такъ ты и меня съ Груней можешь считать чужими.

— Ты знаешь, что я уважаю тебя, какъ отца, и люблю ее, какъ сестру,—отвѣтилъ Павелъ.—А его, все-таки, считалъ и считаю чужимъ.

— Насильно милъ не будешь!—проговорилъ Обносковъ, иронически улыбаясь. — Но, оставимте разговоръ обо мнѣ, а перейдемте лучше къ дѣлу... Вы приняли такой тонъ, который совсѣмъ не подходитъ къ вашей роли. Вы огорчили своего воспитателя своимъ поведеніемъ и теперь грубите ему же.

— Да, да, ты меня огорчилъ, — проговорилъ Кряжовъ, постоянно терявшійся, когда ему приходилось дѣлать строгіе выговоры или принимать крутыя мѣры.

— До Аркадія Васильевича дошли слухи, что вы кутите...

— Это вы сообщили ему подобные слухи? — дерзко перебилъ Павелъ.

— Ну, хоть бы и я, такъ что же? — спросилъ Обносковъ.

— Очень вамъ благодаренъ, — насмѣшливо поклонился Павелъ.

— Да ты и долженъ благодарить его, потому что онъ заботится о твоей судьбѣ, — ввернулъ свое слово Кряжовъ, очень усердно и наивно подливая масло въ огонь, который ему хотѣлось потушить.

— Но дѣло не въ вашей благодарности, а въ вашемъ отвѣтѣ на вопросъ: имѣютъ ли основаніе эти слухи? — допрашивалъ сухимъ, учительскимъ тономъ Обносковъ.

— Ты уполномочиваешь этого доносчика и на роль инквизитора?—угрюмо спросилъ Павелъ, обращаясь къ Кряжову.

— Да, это будетъ тебѣ наказаніе. Ты обошелся и обходишься съ нимъ дерко, такъ и отвѣчай теперь ему же, — сказалъ Кряжовъ, обрадовавшись этому случаю отдѣлаться отъ несвойственной ему роли и не видя возможности прекратить допросъ.

— Да, — отвѣтилъ совершенно поблѣднѣвшій Павелъ: — я кучу иногда, если вамъ такъ угодно называть мои случайныя поѣздки на пикники и загородныя гулянья.

— Вы, кажется, считаете эти удовольствія очень невинными?

— Не невинными, но очень естественными въ молодости, если еще прибавить, что этой молодости скучно.

— То-есть, если она дѣла не дѣлаетъ, а бьетъ баклуши...

— Ну, въ этомъ-то не я виноватъ.

— Вѣроятно, среда?

— Можетъ-быть среда, а можетъ-быть характеръ. Во всякомъ случаѣ вы не поймете, почему иному человѣку тошно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, жить безъ людей, безъ дѣятельности и корпѣть надъ безплодной работой, которую онъ даже не считаетъ серьезнымъ дѣломъ...

— Такъ-съ! У васъ широкая натура, вамъ, вѣрно, гражданской дѣятельности нужно, такъ вы и ищете ее въ средѣ развратниковъ и развратницъ.

— Клевещете! Я тамъ просто думаю иногда разсѣять скуку, но и это теперь иногда не удается, наскучило...

— Полно, наскучило ли?—злобно улыбнулся Обносковъ.— Но дѣло въ томъ, что эти милые кутежи стоятъ денегъ, и очень жаль, что вы не такъ богаты, чтобы кутить на свои деньги...

— Что же, не думаете ли вы, что я на чужой счетъ веселюсь?—строптиво спросилъ Павелъ.

— Я ничего не думаю, но именно этотъ вопросъ могъ интересовать добрѣйшаго Аркадія Васильевича. Вы живете на его счетъ, у васъ нѣтъ ничего своего, ни гроша за душой, а потому не худо бы знать, на что и какія деньги вы тратите?—отчеканивалъ Обносковъ.

— Я зарабатываю деньги,—старался сдержать себя подсудимый.

— Ну, ихъ, вѣроятно, не достанетъ на всѣхъ этихъ камелій и на всѣ эти разъѣзды, можетъ-быть, картежныя игры.

— Батюшка, и ты тоже не вѣришь, что я трачу на эти глупости только свои деньги?—спросилъ Павелъ, обращаясь къ Кряжову.

— Ну... — началъ Кряжовъ, все время задумчиво чертившій что-то ножомъ по тарелкѣ.

— Аркадій Васильевичъ такъ честенъ и добръ, — перебилъ Обносковъ: — что повѣритъ всему, что̀ вы говорите ему. Но если даже вы и тратили, дѣйствительно, только свои деньги, а не его, не взятыя въ долгъ на сторонѣ, то и тогда подобная жизнь не могла бы найти себѣ никакого оправданія и непремѣнно должна повести васъ ко всѣмъ мерзостямъ, до которыхъ доходятъ подобные вамъ голяки, вздумавшіе тянуться за богачами.

— Ну, пожалуйста, не переходите изъ роли допросчика въ слишкомъ почетную для васъ роль наставника, — оборвалъ его Павелъ.—Наставленій вашихъ я не стану слушать. Къ этому не можетъ принудить меня и отецъ...

— Я говорю вамъ только то, что̀ сказалъ бы и онъ, — произнесъ Обносковъ.

— Да, да, все это и я хотѣлъ сказать тебѣ,—замѣтилъ Кряжовъ, не слышавшій половины разговора и размышлявшій о своей собственной бурной молодости, полной молодого разгула, молодыхъ увлеченій и ошибокъ.

— Вы видите, что я имѣю право давать вамъ наставленія, хоть это и непріятно вамъ, — улыбнулся Обносковъ.—Но что бы ни было въ прошломъ, — оно непоправимо. Поэтому, самое лучшее будетъ съ вашей стороны сознаться, не сдѣлано ли вами долговъ, и если, къ счастью, вы не успѣли ихъ сдѣлать, а могли обойтись тѣми деньгами, которыя вы всегда можете достать здѣсь, то васъ попросятъ на будущее время измѣнить образъ жизни и побольше думать о дѣлѣ, а не о развратѣ.

— Да, да, Павелъ, сдѣлай мнѣ это удовольствіе и веди себя порядочно, — ласково промолвилъ Кряжовъ, полагая, что вся исторія пришла къ концу.

— Во всякомъ случаѣ, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ и я, мы постараемся слѣдить за ними болѣе зорко, чѣмъ слѣдили прежде,—вмѣшалъ Обносковъ.

— Что же это я буду жить подъ надзоромъ домашней полиціи и шпіоновъ-любителей?—гнѣвно воскликнулъ Павелъ.

— Вы это своего воспитателя шпіономъ называете?—ѣдко спросилъ Обносковъ.

— Нѣтъ, васъ!—рѣзко отвѣтилъ Павелъ.

— Ты опять-таки говоришь дерзости,—разсердился Кряжовъ. — Ты благодарить долженъ Алексѣя, что онъ заботится о тебѣ, заботится потому, что я прошу его объ этомъ... Н-да!

— Ты просишь?—блѣднѣя произнесъ Павелъ.—Такъ ты думаешь, что я когда-нибудь стану уважать этого человѣка, или подчиняться ему?

— Да, да, и будешь, если я заставлю!—сказалъ Кряжовъ съ какою-то старчески-добродушною и настойчивою увѣренностью.

— Ну, нѣтъ!

— Не нѣтъ, а да! И если я тебя жить у Алексѣя заставлю, такъ и жить тамъ будешь. Да!—настаивалъ Кряжовъ, до комизма стараясь быть строгимъ.

Онъ такъ сжился съ Павломъ, что все еще видѣлъ въ немъ того самаго ребенка, который сиживалъ у него когда-то на колѣняхъ.

— Въ такомъ случаѣ, я лучше заранѣе уйду изъ твоего дома,—промолвилъ Панютинъ.

— Этимъ-то, вѣроятно, и выразится ваша любовь къ отцу?—спросилъ Обносковъ и съ умысломъ впервые назвалъ въ этотъ день Кряжова отцомъ Павла.

— Какой я ему отецъ! Мы чужіе! Вы видите: жилъ-жилъ на квартирѣ, а теперь не понравилась, такъ на другую переѣхать хочетъ,—съ горечью промолвилъ старикъ.—Ну, что жъ, переѣзжай! Да поскорѣй переѣзжай! Что долго раздумывать? И тебѣ, и мнѣ покойнѣе будетъ.

— Покойнѣе всѣхъ будетъ тотъ этому мерзавцу, — вымолвилъ Павелъ, стискивая зубы, и указалъ на Обносковъ.— Онъ погубилъ одну половину твоего счастія, теперь губитъ и послѣднюю. Жаль мнѣ тебя, отецъ.

Обносковъ позеленѣлъ.

— Что? — вскочилъ Кряжовъ со своего мѣста. — Ты, подобранный съ улицы, наплевалъ на меня за всѣ мои благодѣянія, да ты же еще смѣешь оскорблять горячо преданныхъ мнѣ и избранныхъ мною людей?

— Э, какое тутъ благодѣяніе, если подберутъ щенка, да потомъ станутъ его на веревкѣ водить и позволять каждому негодяю съ улицы ломаться надъ нимъ!—проговорилъ, задыхаясь, Павелъ.

— Если бы вы не были мальчишка, такъ вы расквитались бы со мною за свои дерзости,—прошипѣлъ Обносковъ.

— Напротивъ того, только изъ того, что вы не расплачиваетесь со мною, я и понимаю, что я уже не мальчишка,—разсмѣялся нервнымъ смѣхомъ Павелъ.

— Ступай вонъ!.. Иди!.. И не смѣй болѣе являться ко мнѣ на глаза!—кричалъ Кряжовъ.

Павелъ вышелъ. Кряжовъ зашагалъ по комнатѣ, развязалъ на ходу шейную косынку, швырнулъ ее въ сторону и разстегнулъ воротъ рубахи.

— Негодяй, какъ онъ разстроилъ васъ, — проговорилъ Обносковъ.

Кряжовъ ходилъ по комнатѣ, изрѣдка отирая ладонью свой лобъ.

— И вѣдь черствость сердца какая,—еще рѣшился произнести Обносковъ.

Кряжовъ все ходилъ молча. Взялъ со стола салфетку, отеръ ею вспотѣвшую шею и сталъ засовывать салфетку въ карманъ.

— Я пойду, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ. Прощайте,—поднялся съ своего мѣста Обносковъ, совершенно сконфуженный молчаніемъ тестя.

— Хорошо... Прощай!..

Кряжовъ даже не взглянулъ на зятя и продолжалъ шагать по комнатѣ изъ одного угла въ другой.

Изрѣдка потирая себѣ лобъ, старикъ размышлялъ о тысячѣ предметовъ. Думалось ему, что не умѣлъ онъ составить ни своего счастья, ни счастья любимыхъ дѣтей. «Вѣдь вотъ и Павелъ обозлился, нагрубилъ, уходитъ отъ меня, а все-таки ему не сладко. И у Груши есть какое-то горе, что-то случилось у нея съ мужемъ, отчего-то она худѣетъ... Теперь хоть въ могилу ложись, да умирай! И какъ это Алексѣй такъ повелъ дѣло, что разозлилъ Павла... Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, не мальчишка же Павелъ, не ребенокъ

онъ. А я чего смотрѣлъ? чего молчалъ, покуда Алексѣй говорилъ? Вѣдь я своими руками подложилъ огня къ ссорѣ... Ну, да и то сказать, могъ бы и помолчать передо мною Павелъ. Вѣдь не грубила же, покорялась же мнѣ Груня?» И вдругъ въ головѣ Кряжова возникли вопросы: нашла ли счастіе за свою покорность Груня? наслаждается ли она семейными радостями въ домѣ навязаннаго ей мужа? доставила ли эта покорность наслажденіе хотя самому ему, Кряжову?—На всѣ эти вопросы онъ готовъ былъ отвѣчать скорѣе отрицательно, чѣмъ утвердительно. Начались думы о томъ, что и самъ Кряжовъ велъ такую же жизнь, какую велъ Павелъ, что и онъ еще мальчишкой бѣжалъ изъ школы, потомъ студентомъ бѣжалъ отъ своего дяди, потомъ профессоромъ вышелъ въ отставку по капризу изъ университета.

— Что же, ужъ не мнѣ ли прощенія просить у Павла? нѣтъ, молодъ еще онъ для этого! — разсуждалъ старикъ.— И какой чортъ дернулъ Алексѣя впутаться въ это дѣло!— топнулъ онъ ногою, вытащилъ изъ кармана салфетку, чтобы отереть лобъ, посмотрѣлъ на нее съ какимъ-то тупымъ удивленіемъ и швырнулъ на полъ. — Правду Груня говорила, что ни я, ни Алексѣй не сумѣемъ повести дѣло,— продолжалъ онъ.—Однако, почему она такъ скверно говорила о мужѣ? На что намекалъ Павелъ, говоря, что Алексѣй погубилъ уже половину моего счастья? Что у нихъ тамъ дѣлается? Скрытная она, молчитъ все... Вотъ и Павелъ такой же былъ... За дурака они меня считаютъ, за безсильнаго ребенка... Да я ребенокъ и есть, не умѣю я жить... Вездѣ что-нибудь напутаю!..

Кряжовъ махнулъ рукой и снова шагалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Тревожный день взаимныхъ недоразумѣній окончился безсонной ночью. Рано утромъ Кряжовъ спросилъ у лакея:

— Павелъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, вчера ушли...

— Ничего не бралъ съ собою?

— Книги, кажется, взяли-съ... Такъ, узелокъ маленькій несли-съ подъ мышкой...

— Ступай!..

Кряжовъ опять ходилъ по комнатѣ.

— Ну, Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! — шепталъ старикъ. — Я спокоенъ, я свое дѣло сдѣлалъ, я проживу и одинъ. У меня дѣло есть, мнѣ некогда тосковать. И что

мнѣ онъ?.. Чужой... Правда, привыкли жить вмѣстѣ, привыкли... Ну, да это ничего не значитъ. Отвыкну... Какъ не отвыкнуть!.. Къ тому же, онъ въ послѣднее время часто не бывалъ дома... Вѣдь я и безъ того почти всегда одинъ былъ.

Кряжовъ надувалъ и старался увѣрить себя, что Павелъ по каждый день сидѣлъ въ столовой, пока старикъ пилъ пиво.

Протянулось кое-какъ утро, настало время обѣда. Кряжовъ вошелъ въ столовую. На большомъ столѣ стоялъ только одинъ приборъ и столъ выглядѣлъ какимъ-то пустымъ. Слуга подалъ супъ и ушелъ. Кряжову не съ кѣмъ было говорить, некого было поджидать, не на кого было посердиться за поздній приходъ... Онъ молча принялся за супъ, зачерпнулъ ложку и остановился; передъ его глазами носился образъ какого-то чумазаго ребенка; вотъ мало-по-малу образъ ребенка превращается въ образъ бойкаго, но суроваго и строптиваго мальчика; вотъ онъ становится задумчивымъ юношею съ страстными глазами, наконецъ, это уже совсѣмъ возмужалый молодой человѣкъ, быстро развернувшійся, стройный, лихорадочно подвижной, иногда увлекательно веселый, иногда какъ-то трогательно грустный, но всегда ласковый, даже въ минуты вспышекъ...

— Прикажете принять супъ?—спросилъ лакей, появляясь въ комнатѣ и видя, что Кряжовъ не ѣстъ.

— Убирай!.. Я не буду обѣдать, — очнулся Кряжовъ и всталъ.

Онъ провелъ рукой по лицу, оно было мокро; онъ опустилъ руку на грудь, на рубашкѣ были капли слезъ...

Точно забывъ что-то и тщетно стараясь вспомнить забытое, пошелъ Кряжовъ въ свою комнату, обвелъ ее глазами, пошарилъ что-то на полкахъ, повертѣлъ какую-то книгу, положилъ ее снова на мѣсто и безсознательно вышелъ изъ дома. Черезъ нѣсколько времени онъ сидѣлъ въ домѣ Обноскова передъ диваномъ, на которомъ лежала Груня; она не была больна, но чувствовала неномѣрную слабость и истому.

— Не хорошо, не хорошо хворать,—говорилъ старикъ, стараясь придать шутливый тонъ своимъ словамъ.

— Да ты самъ, папа, какъ-то дурно выглядишь сегодня,— замѣтила Груня, всматриваясь въ его лицо.

— Ничего, я-то здоровъ. Что мнѣ дѣлается!

Всѣ помолчали.

— Ну, а что Павелъ? Говорилъ ты съ нимъ?

— Да, да, все пустяки.

— Ну, я такъ и знала, что ты не правъ,—обратилась Груня къ мужу съ торжествующимъ лицомъ.

— Аркадій Васильевичъ говоритъ про ничтожность объясненія, а не про самый фактъ, заявленный мною. Оказалось, что Павелъ, дѣйствительно, кутилъ, моталъ деньги и даже, вдобавокъ, вмѣсто раскаянья, надѣлалъ грубостей отцу и мнѣ, — произнесъ Обносковъ, не обращая вниманія на таинственные знаки тестя, приглашавшіе его замолчать.

— Ты развѣ былъ при ихъ объясненіи? — поднялась Груня на локтѣ, чтобы лучше видѣть лицо мужа, на которомъ она научилась читать всѣ тайные помыслы.

— Былъ.

— Ну? ну? Что же? чѣмъ же кончилось? — спрашивала она, уже не помня, что̀ говоритъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Пустяки, пустяки все! — заговорилъ Кряжовъ и тихонько замахалъ рукою, дѣлая очень выразительные глаза.

— Кончилось тѣмъ, что онъ ушелъ изъ дому твоего отца,—объяснилъ сухо Обносковъ.

— Какъ ушелъ?—крикнула Груня.

— Совсѣмъ... Неблагодарный мальчишка!..

— Что̀ я надѣлала, что̀ я надѣлала! Зачѣмъ я бѣжала изъ отцовскаго дома, когда я могла спасти брата!—закрыла лицо руками Груня и зарыдала.

— Дитя мое, что̀ съ тобою? Когда же ты бѣжала изъ моего дома? — подошелъ поспѣшно къ ней съ утѣшеніемъ Кряжовъ, думая, что Груня говоритъ о своемъ замужествѣ, и не зная о ея вчерашнемъ посѣщеніи его дома.

— Она бредитъ, я за докторомъ съѣзжу, — сказалъ Обносковъ.

— И какъ вы допустили его уйти,—рыдала Груня.—Вы оба, оба погубили его! Знали, что онъ гибнетъ, что онъ стоитъ надъ пропастью, и въ эту минуту рѣшились оттолкнуть его отъ себя! Куда онъ пойдетъ? Къ тѣмъ развратнымъ женщинамъ, у которыхъ онъ, по вашимъ словамъ, проводилъ время? Къ тѣмъ гнуснымъ кутиламъ, съ которыми, какъ вы говорите, онъ былъ друженъ? Вѣдь вы знали, что у него нѣтъ другихъ знакомствъ, что вы держали его взаперти, вдали отъ общества. И какъ тебѣ-то не стыдно, отецъ! Если Алексѣй умѣетъ только ненавидѣть всѣхъ, только рыть яму всѣмъ, то у тебя-то такое мягкое, доброе сердце...

— Дитя мое, дитя мое, успокойся,—говорилъ старикъ и поспѣшно вызвалъ Обносова въ другую комнату.

— Съѣзди за докторомъ, она больна,—сказалъ онъ.

Черезъ полчаса явился докторъ, нашелъ въ своей паціенткѣ маленькій жаръ, маленькое нервное раздраженіе, маленькую слабость, объявилъ, что, можетъ-быть, все пройдетъ само собою, что, можетъ-быть, болѣзнь разовьется, но что во всякомъ случаѣ больной прежде всего нужно спокойствіе. Послали за лѣкарствомъ, заплатили доктору за визитъ и оставили больную одну. Иного средства для успокоенія нѣтъ...

— Мнѣ надо объясниться съ вами,—сказалъ Обносовъ Кряжову.

— Извини, Алексѣй Алексѣевичъ, я сегодня неспособенъ ни на какія объясненія. Довольно вчерашняго... Береги свою жену, а я зайду завтра, — проговорилъ старикъ и ушелъ.

Обносовъ не спалъ всю ночь. Онъ былъ встревоженъ, его мучила ревность, въ головѣ роились разныя подозрѣнія.

— Что же это, мальчишка—соперникъ?—шепталъ онъ въ ярости. — Отлично! отлично!.. онъ хорошъ собою, онъ ловокъ, здоровъ, а я слабъ, боленъ, дуренъ, какъ же не полюбить его! И это такъ удобно исполнить, имѣя занятаго дѣломъ мужа: мужъ въ должность,—жена на свиданіе; мужъ горбъ гнетъ, — жена хохочетъ въ это время съ молокососомъ-возлюбленнымъ... Никто вѣдь не узнаетъ! Это не дѣвушка развратничаетъ, уликъ нѣтъ... Потому мы и замужъ пошли, не любя, свобода была нужна. Не за гимназиста же было, въ самомъ дѣлѣ, выйти... Не ждать же, когда онъ подрастетъ... ха-ха-ха! Славные люди, славное поколѣніе растетъ!.. Подлецы, подлецы! Сгнiете вы у меня оба, я васъ придушу, медленно придушу,—медленно, какъ вы опутывали меня сѣтью своихъ интригъ... И за что̀ это, Господи? За что̀ все противъ меня? Потому, что я иду прямымъ путемъ, потому, что я стою за правду, за свои права... Вѣдь умри она, ее же назовутъ жертвой... Палача назовутъ жертвой... Вѣдь нужно допускать свободу чувства, кормить развратныхъ женъ, воспитать незаконнорожденныхъ дѣтей! Это все модныя идеи!.. Господи, у меня голова кругомъ идетъ!—восклицалъ Обносовъ и, почти рыдая, въ изнеможеніи падалъ на диванъ.

На слѣдующій день онъ пошелъ въ должность въ самомъ тревожномъ настроеніи духа. Ему хотѣлось остаться дома,

пролежать день, но манкировать службой было не въ его характерѣ.

Около двѣнадцатаго часа Груня позвала къ себѣ горничную.

— Баринъ ушелъ?—спросила она.

— Ушли-съ.

— А Марья Ивановна?

— На рынкѣ-съ.

— Одѣнь меня.

Горничная помогала Грунѣ одѣться.

— Найми извозчика.

— Что вы, барыня, вамъ нельзя выѣзжать.

— Найми извозчика: мнѣ надо ѣхать...

— Охъ, да вѣдь меня бранить будутъ, со свѣту сживутъ...

— Ничего не сдѣлаютъ... милая, сходи за извозчикомъ... Я тебя возьму къ себѣ... въ домъ отца.

— Да развѣ вы совсѣмъ хотите уѣхать отсюда?—изумилась горничная.

— Совсѣмъ.

Черезъ полчаса Груня, шатаясь отъ слабости, входила въ квартиру своего отца.

— Дитя мое, какъ тебя отпустили, какъ ты сюда попала? — всплеснулъ руками старикъ и бросился поддержать дочь.

— Папа, я болѣе не уйду отъ тебя,—слабымъ голосомъ произнесла она, теряя послѣднія силы, и прижалась къ груди отца.—Они меня измучили... Я презираю, я ненавижу ихъ. Я лучше пойду въ могилу, чѣмъ вернусь къ нимъ.

Кряжовъ отшатнулся отъ нея, но она едва не упала отъ слабости. Старикъ бросился къ ней и обнялъ ее.

— Разскажи, что̀ случилось, что̀ случилось, — говорилъ онъ, обнимая и поддерживая ее, свое единственное сокровище.

— Не спрашивай, я ничего не стану разсказывать. Но не выгоняй, ради Бога, не выгоняй меня! — еще крѣпче прижалась Груня къ отцу.

— Дитя мое, дитя мое, могу ли я выгнать тебя! — воскликнулъ старикъ, поднялъ Груню и, какъ ребенка, какъ въ былые годы ея дѣтства, донесъ дочь до ея старой дѣвической спальни. — Вотъ ты и опять здѣсь, какъ прежде, какъ жила дѣвочкой!..

Груня въ изнеможеніи закрыла глаза и впала въ забытье. Кряжовъ сидѣлъ надъ ней, понуривъ свою львиную

сѣдую голову, и о чемъ-то думалъ. Невыносимой тоской дышала каждая черта его честнаго, обрюзглаго старческаго лица...

Груня не шевелилась.

XIX.

Отецъ и мужъ.

Кряжовъ сидѣлъ у постели дочери, не замѣчая, какъ летитъ время, и не дѣлалъ никакихъ распоряженій, даже не посылалъ за докторомъ. Онъ былъ совершенно ошеломленъ неожиданною бѣдою. Въ его головѣ былъ какой-то хаосъ, мысли путались и не вязались одна съ другою. Старикъ не зналъ, что̀ начать дѣлать, какъ поправить случившееся несчастіе. Съ самаго дѣтства не умѣлъ онъ справляться съ житейскими невзгодами и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ находилъ спасеніе себѣ только въ бѣгствѣ: такъ онъ бѣжалъ отъ розогъ изъ школы, бѣжалъ отъ неволи изъ дома своего дяди, бѣжалъ отъ стѣснительныхъ для его преподаванія мѣръ изъ университета, вѣроятно, убѣжалъ бы и отъ своей жены, если бы она была дурна. Но въ настоящемъ положеніи патентованное средство никуда не годилось и на мѣсто его требовалась дипломатическая тонкость для объясненій съ зятемъ; а именно этой-то способности и не было у Кряжова, не умѣвшаго, какъ мы знаемъ, ни въ какихъ случаяхъ объясняться съ людьми. Старикъ теперь кипятился и злился, хотя именно въ эту минуту ему всего нужнѣе было спокойствіе и хладнокровіе. Рѣзкій звонъ колокольчика въ передней вывелъ его изъ оцѣпенѣнія и заставилъ поспѣшить въ другую комнату, чтобы встрѣтить непрошеннаго гостя. Входя въ столовую, Кряжовъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ зятемъ. Обносковъ былъ встревоженъ не менѣе тестя.

— Что̀ у васъ тамъ вышло съ женою?—сурово спросилъ Кряжовъ у зяти, не подавая ему руки.

— Она здѣсь? — торопливо спросилъ Алексѣй Алексѣевичъ задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— Здѣсь.

— Слава Богу, слава Богу!—обрадовался Обносковъ и, вздохнувъ свободно, отеръ со своего плоскаго лба крупныя капли пота.—Фу, какъ я струхнулъ!.. Вѣдь я ужъ думалъ, что въ бреду горячки она, Богъ знаетъ, куда убѣжала... Вы не можете себѣ представить, какъ это меня перевернуло... Мать прискакала въ должность, говоритъ: «жена

убѣжала!» я ничего не могу въ толкъ взять, въ головѣ какой-то туманъ,—отвратительная минута!..

Обносковъ налилъ себѣ воды и залпомъ опорожнилъ стаканъ.

— Не въ томъ дѣло! — прервалъ его Кряжовъ, хмуря брови.—Я спрашиваю, что у васъ тамъ вышло съ женою?

— Ничего не выходило, — отвѣчалъ уже болѣе спокойно Обносковъ.

— Какъ ничего не выходило?

— Я ее со вчерашняго вечера, когда вы у насъ были, и не видалъ даже.

— А какъ вы съ ней постоянно-то обращались? Какъ жили?—раздражительно промолвилъ тесть.—Мучили ее!

— Что съ вами, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ? — изумился зять, слыша строптивый тонъ старика.—Живемъ мы, слава Богу, мирно, тихо... Вы сами знаете, что иначе я и не могу жить при моихъ занятіяхъ... Но меня удивляетъ, добрѣйшій...

— Убирайтесь вы къ чорту со своимъ *добрѣйшимъ*!.. Что я вамъ за добрѣйшій достался! Вы меня за мокрую курицу считаете, что ли?—вышелъ изъ себя плохой дипломатъ и ближе подступилъ къ Обноскову, отступившему на шагъ назадъ.

Начало не сулило ничего хорошаго.

— Что съ вами?

— А то, сударь, что вы измучили мою дочь. То, сударь, что она, Груня, мое дитя, не воротится больше въ вашъ домъ!.. Понимаете вы это?

Обносковъ въ изумленіи довольно широко открылъ свои подслѣповатые глазки и еще на шагъ отступилъ передъ угрожающей фигурой стараго ex-профессора.

— Что же это такое? — прошепталъ онъ, слегка измѣняясь въ лицѣ. — Разрывъ... бѣгство... это уже не бредъ, не горячка...—потеръ онъ рукою лобъ.—Да нѣтъ! Вы разстроены, вы сами не знаете, что вы говорите!—промолвилъ онъ и выпилъ еще стаканъ воды. — Глупости какія-нибудь пришли въ голову женщинѣ, а вы изъ мухи слона сдѣлали... Гдѣ она? Я пойду къ ней... Надо переговорить...

Обносковъ совсѣмъ растерялся.

— Я вамъ сказалъ, что вы ее не увидите, и она не воротится въ вашъ домъ, — сердито топнулъ ногою Кряжовъ и заходилъ по комнатѣ.

— Помилуйте, кто же ей позволитъ оставаться здѣсь? — нетерпѣливо пожалъ плечами зять.

Я! Слышите вы: я! — крикнулъ Кряжовъ, точно онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, перекричать, если не убѣдить зятя, и рванулъ съ шеи свою косынку.—Я ее не пущу къ вамъ; не пущу, если она сама захочетъ идти къ вамъ... Мало того, что вы сами мучили жену, такъ вы позволяли своей матери мучить ее... Вы отъ чужихъ прячете эту бабу; она за кулисами, когда у васъ гости; вамъ стыдно показать это неотесанное чучело посторонним людямъ, но не стыдно заставлять жену жить изо-дня-въ-день съ этою грубою тварью...

— Послушайте, — началъ задыхающимся, но сдержаннымъ голосомъ Обносковъ. — Я извиняю ваши дерзости только потому, что вы стары и не помните, что̀ говорите... Вы раздражены... Я понимаю ваше положеніе. Вы слѣпо любите свою дочь, вы не можете видѣть ея слезъ... Она, вѣроятно, разсердилась на меня и на мою мать за какую-нибудь мелочь, пришла къ вамъ жаловаться, расплакалась и разстроила васъ окончательно...

Кряжовъ молча продолжалъ шагать по комнатѣ, опустивъ на грудь свою сѣдую львиную голову.

— Вы знаете,—продолжалъ зять, успокоиваясь подъ мѣрное теченіе своей рѣчи: — что я человѣкъ не свѣтскій, не паркетный шаркунъ, не праздный острякъ... Я не умѣю и не желаю быть любовникомъ своей законной жены, я считаю брачный союзъ слишкомъ священнымъ для того, чтобы осквернять его мелкимъ развратцемъ любезностей, ухаживаній и безконечныхъ поцѣлуевъ... Можетъ-быть, моей женѣ,—извините меня за этотъ упрекъ вамъ,—начитавшейся въ вашемъ домѣ разныхъ современныхъ развратныхъ романчиковъ, захотѣлось на мигъ имѣть именно такого мужа-любовника. Но она, какъ умная по природѣ женщина, испорченная только воспитаніемъ, скоро пойметъ, что церковь не для этого освящаетъ союзъ мужа и жены. Теперь повѣтріе на бѣгство женъ и мужей, это зараза въ воздухѣ, внесенная десяткомъ развратныхъ сорванцовъ, подтачивающихъ всѣ основы честной, законной и, говорю смѣло, христіанской жизни... Не намъ съ вами, добрѣйшій Аркадій Васильевичъ, потакать этому злу. Мы призваны на борьбу съ нимъ,—вы по лѣтамъ, я по убѣжденіямъ...

Кряжовъ давно уже сидѣлъ у стола, скорбно опустивъ на руки голову, и, кажется, не слышалъ рѣчей Обноскова.

— Помните, другъ мой, — продолжалъ зять, сверкая узенькими глазами: — сколько разъ мы толковали съ вами здѣсь, въ затишьѣ семейнаго кружка, объ этихъ прискорбныхъ, все чаще и чаще повторявшихся заблужденіяхъ? Вы смотрѣли съ такимъ же неподдѣльнымъ ужасомъ, какъ и я, на этихъ несчастныхъ жертвъ, бѣжавшихъ при первой размолвкѣ отъ законныхъ мужей. Мы знали, что ихъ ждетъ развратъ, позоръ и гибель. Какъ же вы хотите, чтобы я, зная ваши убѣжденія на этотъ счетъ, хоть на минуту повѣрилъ, что вы желаете содѣйствовать разврату и гибели своей любимой дочери?

Кряжовъ молчалъ. Все ниже и ниже склонялась его сѣдая голова, все болѣе скорбнымъ становилось выраженіе его лица. Обносковъ съ невольнымъ удивленіемъ, почти съ любопытствомъ, смотрѣлъ на эту безмолвную, полную тоски и горя фигуру старика.

— Успокойтесь, бѣдный мой другъ, — съ покровительствомъ и участіемъ произнесъ Обносковъ, подходя къ старику и дотрогиваясь до его плеча.—Дѣло поправимое!

Этотъ тонъ снисхожденія внезапно вывелъ Кряжова изъ забытья. Старикъ вскочилъ и поднялъ голову.

— Прочь, негодяй!—крикнулъ онъ, встряхивая съ омерзѣніемъ плечомъ, до котораго дотронулся зять. — Я тебя изъ своихъ рукъ задушу, если это будетъ нужно для свободы моей дочери. Я черезъ твой трупъ перенесу ее на волю, бездушная, пресмыкающая тварь!.. Сожалѣніе!.. Ты смѣешь жалѣть меня!.. Понимаешь ли ты, что̀ надѣлалъ?.. Ты человѣка загубилъ! Мою дочь загубилъ!.. Да что я говорю: дочь! Ты загубилъ насъ всѣхъ, все наше счастіе, весь нашъ семейный миръ... Слышишь ты? — трясъ Кряжовъ зятя за плечи, какъ бы готовясь вышвырнуть его за окно на улицу.

— Что же это, убійство? — прошепталъ Обносковъ глухимъ голосомъ, обезсилѣвъ въ могучихъ рукахъ старика, и его лицо исказилось отъ страха.

Кряжовъ опомнился и съ отвращеніемъ оттолкнулъ отъ себя это больное, слабое и трусливое созданіе. Обносковъ едва переводилъ духъ и тяжело опустился на кресло.

— Ты лучше не являйся ко мнѣ на глаза,—ворчалъ съ угрозой старикъ, шагая въ волненіи по комнатѣ. — Ты умѣешь говорить... ну, а я не привыкъ съ такими подлецами объясняться... Н-да, не умѣю и, слава Богу, что не умѣю!.. Не готовился въ дипломаты,—ворчалъ вполголоса Кряжовъ.

— Вы... вы... не забудьте, — съ усиліемъ шепталъ зять, дрожа отъ недавняго испуга и злобы:—что у насъ... у насъ есть законы...

— Да... есть законы! — пробормоталъ Кряжовъ, разводя руками. — Ну, и обращайся къ нимъ, когда я тебѣ расшибу голову!—скрипнулъ онъ зубами и вышелъ въ другую комнату.—Есть законы,—говорилъ онъ самъ съ собою, шагая въ другой комнатѣ. — И нечѣмъ оправдать бѣгство жены отъ такого мужа: тихій, скромный, не развратникъ, ну, и должна жить вмѣстѣ! Вѣдь и точно, не потакать же гнуснымъ прихотямъ всякой развратницы, захотѣвшей бѣжать отъ законнаго мужа! Вѣдь ее не насильно за него выдавали!.. Да, это значитъ: погубить ее же, если позволить ей бѣжать... Да, да, это все *мои* слова, *мои* убѣжденія!.. Дитя мое, дитя мое, что̀ я съ тобой сдѣлалъ!—рыдалъ, какъ ребенокъ, старикъ, припадая къ постели лежавшей безъ движенія дочери. — До сѣдинъ дожилъ, общество всю жизнь училъ, а не научился понимать людей, не сумѣлъ понять, что̀ выйдетъ изъ того, что я дѣлаю... Старый дуракъ, палачъ въ шутовской одеждѣ!

Кряжовъ рванулъ воротъ своей рубашки такъ, что у него отлетѣли пуговицы. Въ эту минуту, должно-быть подъ вліяніемъ восклицаній отца, Груня стала бредить во снѣ.

— Что же докторъ не идетъ? — очнулся старикъ. — Вѣдь я, кажется, посылалъ за нимъ... Нѣтъ!.. Забылъ... Дуракъ, дуракъ!.. Недостаетъ еще, чтобы самъ ее уморилъ теперь!

Старикъ бѣгомъ отправился въ людскую и поднялъ на ноги всю прислугу... Бѣготня, толки докторовъ, посылка за лѣкарствомъ, хлопоты около больной, и все это утихло только къ ночи, когда, наконецъ, въ домѣ настала тишина и покой. Вездѣ погасили огонь, всѣ уснули и только едва-едва теплилась лампа съ темнымъ абажуромъ въ спальнѣ лежавшей безъ памяти Груни, у постели которой не спалъ Кряжовъ: онъ сидѣлъ, въ полумракѣ, въ большомъ креслѣ, опустивъ на грудь и поддерживая одною рукой свою сѣдую голову.

Идутъ дни за днями своимъ чередомъ. Кряжовъ не заглядываетъ въ свой любимый, уютный кабинетъ. Пусто и тихо въ этой комнатѣ. Пыль покрываетъ книги; до нихъ никто не дотрогивается; нѣкоторыя изъ нихъ такъ и остались открытыми, какъ бросилъ ихъ хозяинъ, выбѣжавъ навстрѣчу къ своей дочери, пришедшей искать спасенія, мо-

жетъ-быть, спокойствія могилы въ отцовскомъ домѣ; какъ-то непріятно дѣйствуютъ на глаза эти открытыя страницы, занесенныя густымъ слоемъ пыли, словно онѣ говорятъ о скоропостижной смерти труженика, словно напоминаютъ, что у этого труженика не было въ мірѣ ни одного близкаго существа, которое закрыло бы съ священной скорбью недописанную имъ страницу. Такое любимое существо было у Кряжова, и у его-то постели проводитъ онъ теперь дни, для этого-то любимаго существа бросилъ онъ недописанныя страницы своихъ изысканій и не заботится ни о пыли, осѣдающей на свѣжія чернила, ни о мышахъ, которыя могутъ, если имъ вздумается, обгрызать эти исписанные листы. Все это писалось для науки, для общества, для потомства, можетъ-быть; но что̀ за дѣло теперь старику до этихъ любимыхъ умомъ предметовъ, когда судьба отрываетъ у его сердца всю его жизнь — его любимую дочь? Онъ долженъ быть здѣсь: у ея постели его мѣсто. Это мѣсто его нравственной пытки, его лобное мѣсто, но старикъ не хочетъ, ради чего бы то ни было, уступить это мѣсто другому. Оно надрываетъ его старое сердце, но оно дорого ему. Тянется долгій мучительный день, — старикъ чутко прислушивается къ каждому шороху и трепещетъ, что вотъ-вотъ раздастся звонокъ въ передней, отворится дверь и появится въ этой комнатѣ зять, чтобы потребовать къ себѣ свою жену. Какъ подѣйствуетъ его появленіе на больную? Не убьетъ ли оно сразу это хрупкое существо? Можетъ-быть, и убьетъ, но какъ предупредить это естественное появленіе зятя, какъ устранить отъ постели дочери ея законнаго мужа?.. Но, слава Богу, день, проклятый, истомившій нервы, меркнетъ: мужъ дочери не приходилъ, теперь можно успокоиться до слѣдующаго дня. Успокоиться? Едва ли! Наступаетъ ночь, воцаряется тишина, — но старикъ тщетно старается задремать въ своемъ большомъ креслѣ. Сонъ не идетъ, а идутъ новыя страшныя думы. Эта проклятая ночь не разгоняетъ ихъ, она какъ будто только для того и тиха, и беззвучна, чтобы не нарушать этихъ думъ, — и онѣ все растутъ и растутъ. Что̀ будетъ, если дочь выздоровѣетъ? Не должна ли она идти на новыя мýки, не будетъ ли ея выздоровленіе только средствомъ заставить ее переносить новыя страданія, новыя сцены, новыя болѣзни? Такъ лѣчили преступниковъ, чтобы они имѣли возможность получить недоданные имъ удары палача... Такъ неужели же нужно желать, чтобы она умерла?

Отцу желать смерти любимой дочери?.. У старика болѣзненно сжимается сердце, и онъ начинаетъ тревожно прислушиваться къ дыханію дочери: жива ли она? ужъ не умерла ли и въ самомъ дѣлѣ? Но вотъ она бредитъ, вотъ она чуть слышно шепчетъ его имя, имя мужа, имя Павла... Новыя воспоминанія, новую пытку переживаетъ старикъ. Гдѣ Павелъ? За что разорвана связь и съ этимъ дорогимъ существомъ? Что оно дѣлаетъ? Не гибнетъ ли въ омутѣ столичной жизни?.. А бредъ дочери все продолжается, вотъ слышатся слова любви... Она говоритъ о любви, ужъ не любила ли она Павла болѣе, чѣмъ брата? Онъ былъ хорошъ, она молода; они росли вмѣстѣ, они сжились вмѣстѣ по чувствамъ, по мыслямъ, по стремленіямъ... Да, да, они любили другъ друга... Любили! Они и теперь любятъ другъ друга... Безнадежная любовь эта—источникъ новыхъ мукъ. Жить съ ненавистными людьми, терпѣть отъ нихъ гоненія и знать, что гдѣ-то близко есть любящее, дорогое существо, съ которымъ можно бы прожить счастливо всю жизнь, да вѣдь это невыносимо... Но гдѣ же исходъ, гдѣ исходъ?.. Опустивъ на руки свою измученную голову, сидитъ старикъ до утра, и болью отдается въ его сердцѣ каждое слово, произнесенное въ бреду его дочерью, и такою же болью сжимается его сердце, когда кругомъ воцаряется могильная тишина, и дочь лежитъ, подобно трупу, безъ всякаго движенія на постели...

Да, это лобное мѣсто для Кряжова. Даже нѣтъ въ его головѣ мысли, что онъ наказанъ безъ вины, что онъ правъ. Даже не ищетъ никакого оправданія себѣ этотъ честный и прямодушный старикъ. Онъ сознаетъ, что онъ не подленъ, не негодяй, но онъ слабый человѣкъ, неопытный младенецъ въ дѣлахъ жизни, а это хуже подлости. Подленъ имѣетъ опредѣленную цѣль, подлецъ знаетъ, кого онъ долженъ погубить своею подлостью, подлецъ знаетъ, что его можетъ встрѣтить наказаніе за его поступки; но ничего этого не знаетъ слабый и неопытный человѣкъ: нѣтъ у него умѣнья достигнуть полезной цѣли, не предвидитъ онъ, кто можетъ погибнуть отъ его безсознательныхъ и неумѣлыхъ поступковъ, не понимаетъ онъ, что и его можетъ ждать казнь за эти поступки, безполезные, можетъ-быть, даже для него самого. Подлецъ съ полнымъ сознаніемъ губитъ враговъ и стоитъ за своихъ сторонниковъ; слабый человѣкъ очень часто безсознательно помогаетъ врагамъ и запутываетъ положеніе своихъ друзей...

Жизнь въ эти дни казалась Кряжову какимъ-то тягостнымъ сномъ, невыносимымъ кошмаромъ, горячечнымъ бредомъ. Его заставило отчасти очнуться и вспомнить о необходимости дѣйствовать письмо зятя:

«Ваше возмутительное обращеніе со мною при нашей послѣдней встрѣчѣ,—писалъ, между прочимъ, зять въ своемъ длинномъ посланіи: — заставило меня отказаться отъ личныхъ переговоровъ съ вами и прибѣгнуть къ письменнымъ объясненіямъ. Я узналъ отъ вашей прислуги, что моя жена опасно больна. Очень естественное чувство заботы о ея здоровьи заставляетъ меня не требовать ея немедленнаго возвращенія въ мой домъ въ настоящую минуту. Мнѣ тяжело не видать ея, но приходится въ этомъ случаѣ покориться судьбѣ. На вашъ уходъ за нею я надѣюсь вполнѣ, зная, какъ вы любите ее, и потому я покоенъ хотя въ этомъ отношеніи. Не желая тревожить и раздражать ее, покуда она будетъ слаба, я обѣщаюсь вамъ не являться ей на глаза. Но за эти уступки *вы обязаны*, какъ честный человѣкъ, какъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, приложить всѣ свои старанія для внушенія своей дочери твердыхъ понятій о ея долгѣ. Не думайте, многоуважаемый Аркадій Васильевичъ, что вы этимъ сдѣлаете только услугу мнѣ, нѣтъ! Вы спасете честь своего семейства, спасете свою дочь и избавите себя отъ скандала и огласки всей этой прискорбной исторіи. *Вы должны* подготовить свою дочь къ лучшему пониманію супружескихъ обязанностей, потому что *именно вы* должны загладить этимъ свое прошлое неумѣнье воспитать честную женщину—жену и мать семейства. Вы должны исправить прошлое и ради того, чтобы для вашей дочери началась мирная и счастливая жизнь въ домѣ ея мужа. Поймите, что только моя любовь къ женѣ заставляетъ меня временно уклониться отъ тѣхъ мѣръ, на которыя я имѣю полное, неоспоримое и, такъ-сказать, священное право. Я даю вамъ срокъ уладить все прочнѣе, спокойнѣе, безъ ломки, безъ шуму. Но я долженъ предупредить васъ, что никто не заставитъ меня отказаться отъ моихъ законныхъ правъ. Я не изъ тѣхъ, которые грабятъ, и не изъ тѣхъ, которыхъ грабятъ. Законность для меня выше всего, и я еще не считаю себя въ правѣ думать, что вы серьезно придерживаетесь другого образа мысли. Живую или мертвую, но я ворочу въ свой домъ свою жену и не позволю ни одному мерзавцу смѣяться надо мною. Мы, слава Богу, живемъ въ такомъ обществѣ

и въ такія времена, что можемъ найти справедливый судъ и расправу. Говорю все это вамъ, чтобы вы смотрѣли серьезнѣе на свою задачу примирителя и не думали, что есть какой-нибудь незаконный путь для удовлетворенія каприза вашей дочери. Этого пути нѣтъ. Вы знаете, что она должна или вернуться ко мнѣ въ домъ, или идти въ монастырь; послѣдняго она, конечно, не сдѣлаетъ, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ случай узнать ея, къ несчастію, очень печальный взглядъ на такіе предметы, какъ монастыри.»

Кряжовъ опустилъ руки, прочитавъ посланіе. Онъ увидалъ необходимость выпросить у зятя отсрочку для вступленія Груни въ домъ мужа... Начинаются переписка, свиданія, переговоры. Обносковъ держитъ себя холодно, спокойно, съ достоинствомъ, иногда язвительно подсмѣивается надъ старикомъ. Кряжовъ сначала проситъ, почти умоляетъ, потомъ раздражается, бушуетъ и вдругъ приходитъ въ себя, сознаетъ свое положеніе и снова переходитъ къ просьбамъ. Но оба выглядятъ не весело, не хорошо, лица обоихъ осунулись, пожелтѣли; Кряжовъ ходитъ невѣрною походкою, Обносковъ сильно кашляетъ.

— Скорѣй надо ковать желѣзо, скорѣй!—говорилъ Обносковъ на прощаньи съ Кряжовымъ.—Вы видите, чего намъ обоимъ стóитъ эта исторія. Мы оба въ гробъ смотримъ и уходимъ себя, если не кончимъ дѣла скорѣе...

— Подождите, дайте ей совсѣмъ поправиться, тогда я ее подготовлю къ свиданію съ вами... Ради Бога, подождите, теперь она такъ слаба,—умоляетъ старикъ.

— Вы видите: я жду... Вѣдь надо удивляться, какъ иногда бываютъ снисходительны тираны-мужья, — насмѣшливо и злобно заключаетъ Обносковъ:—и какъ не снисходительны ихъ страдалицы-жены. Тиранъ-мужъ боится женѣ на глаза показаться, чтобы не повредить ея здоровью излишними волненіями, а страдалица-жена позоритъ мужа, бросаетъ его по капризу, доводитъ его чуть не до могилы... Дивныя дѣла бываютъ на свѣтѣ!

Кряжовъ молча и задумчиво выслушиваетъ эти желчныя слова, и въ его головѣ вертится мысль:

«А что если *онъ* умретъ черезъ полгода? какъ бы протянуть это время?»

Старикъ пристальнѣе всматривается въ лицо зятя: оно желто, изнуренно и мѣстами на щекахъ горитъ пятнами зловѣщій румянецъ.

«Умретъ, скоро умретъ!.. А можетъ-быть, еще десятки

лѣтъ проживетъ!» думается старику, и онъ боится этой послѣдней мысли; гонитъ ее отъ себя... Да, онъ, честный, прямодушный, не стыдится теперь желать смерти ближнему; старикъ не стыдится желать смерти молодому человѣку!

XX.

Заря новой жизни.

— Дитя мое, не холодно ли здѣсь... Не простудись... И зачѣмъ ты ходишь одна, ты еще такъ слаба, — такъ говорилъ однажды Кряжовъ, заботливо суетясь около дочери, перешедшей въ столовый залъ безъ его вѣдома.

Она была еще слаба и блѣдна, но уже могла ходить безъ посторонней помощи. Закутанная въ большую шаль, она полулежала теперь въ дорогомъ ей по воспоминаніямъ креслѣ и, не слыша словъ отца, задумчиво смотрѣла на огонь, пылавшій въ каминѣ.

— Позволь, я проведу тебя въ твою спальню,—уговаривалъ ее старикъ.

— А-а! ты здѣсь, — очнулась молодая женщина отъ забытья.—А я мечтала... Все воспоминанія... Скажи мнѣ, что̀ ты знаешь о немъ?—отрывисто говорила она, какъ будто отецъ долженъ былъ знать, о комъ она думала во время своихъ мечтаній.

— Какъ бы тебѣ сказать, дитя мое,—смѣшался старикъ, не понимая ея вопроса и не желая показать этого.—Покуда я ничего не могу сказать навѣрное... Я не знаю...

— Такъ ты справься... Я хотѣла бы знать, что̀ онъ дѣлаетъ, какъ живетъ.. Неужели ты совершенно разлюбилъ его?.. Вѣдь онъ росъ на твоихъ рукахъ, онъ былъ близокъ тебѣ, какъ сынъ... Не понимаю я, какъ это могутъ люди забывать другъ друга только потому, что не родные!..

— Что ты, что ты, голубка! Я его и теперь помню, люблю, какъ сына,—поторопился сказать Кряжовъ, понявъ, о комъ идетъ рѣчь.—Я на-дняхъ пошлю узнать... Это время все о тебѣ хлопоталъ, совсѣмъ потерялся... Хорошая моя, напугала ты меня!

Кряжовъ ласкалъ дочь, но она была какъ-то апатично холодна. Казалось, что вмѣстѣ съ здоровьемъ отцвѣла ея любовь, погибла ея нѣжность. Постоянно задумчивая, постоянно молчаливая, она не ласкалась, какъ прежде, къ отцу, не говорила съ нимъ по цѣлымъ часамъ и какъ-то разсѣянно слушала его болтовню. Онъ же никогда не былъ такъ говорливъ, какъ теперь. Казалось, что онъ хочетъ воз-

наградить себя за долгіе дни молчанія и одинокой тоски. Подъ его говоръ нерѣдко засыпала дочь въ своемъ большомъ креслѣ. У старика навертывались на глаза слезы, когда онъ замѣчалъ, что дочь не слушала его и заснула, но онъ быстро оправлялся и тихо, осторожно отвозилъ больную въ креслѣ въ ея комнату, гдѣ, при помощи горничной, укладывалъ дочь, какъ ребенка, въ постель.

— Дитя мое, я справился о немъ,—толковалъ, радостно потирая руки, Кряжовъ на другой день послѣ разспросовъ дочери о Павлѣ.

— Ну и что же?—спросила молодая женщина.

— Ничего, работаетъ, здоровъ.

— Не думаетъ зайти къ намъ?

— Какъ бы тебѣ это сказать... Онъ заходилъ, то-есть не то чтобы заходилъ, а справлялся о твоемъ здоровьи у дворника... почти каждый день справлялся... Я это отъ лакея вчера узналъ... Да этого и нужно было ожидать. Я всегда былъ увѣренъ, что Павелъ насъ любитъ. Строптивъ онъ, непокоренъ, но насъ никогда не забудетъ. Добрая душа!

Дочь молча слушала болтовню разговорившагося старика.

— Н-да, справлялся и не зашелъ,—качая головою, разсуждала она какъ бы про себя.—Онъ и не зайдетъ сюда, никогда не зайдетъ...

— Отчего же, дитя мое, отчего же!—торопливо прервалъ ее отецъ.—Теперь вотъ ты поправилась, говорить можешь, онъ и зайдетъ непремѣнно...

— Нѣтъ, отецъ, онъ не зайдетъ... И не зачѣмъ ему заходить сюда... Мы его оттолкнули отъ себя... Ты позабылъ о немъ, я... что̀ я ему теперь?

— Что за мысли, что за мысли!—воскликнулъ старикъ, подергивая шейную косынку. — Зачѣмъ этотъ тонъ? Развѣ мы враги съ нимъ? Развѣ онъ не знаетъ, что мы любимъ его, какъ родного?... И отчего это ты вдругъ могла сдѣлаться чуждою его сердцу? Развѣ онъ такъ черствъ? Вотъ ужъ этого я не люблю, когда такъ думаютъ о ближнихъ...

Старикъ горячился и путался, но дочь уже не слушала его рѣчей и дремотно смотрѣла на огонь въ каминѣ. Какія-то неуловимыя и смутныя видѣнія носились передъ ея глазами, въ головѣ роились отрывки воспоминаній, клочки разговоровъ; иногда ей вдругъ представлялось на мгновеніе будущее и по ея лицу пробѣгало выраженіе ужаса, плечи слегка вздрагивали... Но слабость сдѣлала свое дѣло, и молодая женщина снова заснула, какъ убаюканное дитя.

На слѣдующій день Кряжовъ весь сіялъ, не могъ посидѣть на мѣстѣ, не могъ наговориться.

— А знаешь ли, голубка, гдѣ я былъ вчера? — весело спрашивалъ онъ у дочери и какъ-то лукаво подмигивалъ добродушными глазами.

— Почему же я знаю!—отвѣтила разсѣянно дочь.

— У него, у нашего Павла,—торопился высказать старикъ. — Я знаю его, онъ упрямъ, непокоренъ, онъ не пришелъ бы первый... Да ему и не слѣдъ было приходить первому. Я старше его, я долженъ былъ первый показать ему, что прошлое забыто... Вотъ я такъ и сдѣлалъ... Обрадовался онъ, цѣлуетъ... Все о тебѣ говорилъ... Онъ теперь придетъ. Только поправляйся скорѣе, онъ тогда и придетъ.

— Это онъ тебѣ сказалъ?

— Да, да, онъ сказалъ, что придетъ, когда тебѣ будетъ лучше.

— Онъ это обманулъ тебя, успокоить хотѣлъ, — промолвила молодая женщина.—Онъ не придетъ. Я теперь поняла это... Ему *нельзя* придти сюда... И для чего?.. Ну, скажи мнѣ, для чего придетъ?

— Какъ для чего?—растерялся старикъ и засуетился, не вынося пристальнаго взгляда дочери.—Вотъ ты увидишь, я самъ его приведу!

— Зачѣмъ?—еще пристальнѣе и неотступнѣе взглянула дочь.

Старикъ растерялся окончательно и началъ развязывать шейную косынку, подергивая и запутывая узелъ.

— Зачѣмъ?—продолжала въ раздумьи дочь.—Увидаться на минуту, погоревать вмѣстѣ, еще болѣе убѣдиться въ томъ, что въ будущемъ тьма и безысходность... Стóитъ ли для этого видѣться?.. И одной надоѣло страдать, пыть...

— Чтò у тебя за мысли! — тревожно проговорилъ старикъ, чувствуя, что дочь касается именно того предмета, о которомъ онъ старался не думать, обманывая себя насчетъ ея будущаго возвращенія къ мужу.—Мы должны быть всѣ вмѣстѣ... Старую жизнь начнемъ...

— Ты вѣришь въ возможность этого? — съ упрекомъ въ голосѣ спросила дочь.

— Да, да, мы будемъ счастливы,—увернулся отъ ея взгляда отецъ.—Пожалуйста, не возражай! Вѣдь ты хочешь увидать его? Хочешь?

— Отецъ, чтò ты спрашиваешь! Зачѣмъ ты это спрашиваешь!.. Все, все отдала бы я, чтобы онъ былъ здѣсь,—ожи-

вилась на мигъ молодая женщина, и вдругъ снова на ея лицо набѣжала какая-то мрачная тѣнь.—Да нѣтъ, зачѣмъ!—раздражительно проговорила она. — Не напоминай мнѣ объ этомъ... Это мечта, бредъ... Лучше приготовить меня перенести дѣйствительность, близкое будущее... Ты не могъ отвратить его, такъ, по крайней мѣрѣ, постарайся облегчить...

Что-то суровое и почти черствое было въ этихъ словахъ дочери. Отецъ опустилъ на грудь голову, и его говорливость внезапно смѣнилась тоскливымъ молчаніемъ. Онъ почти боязливо ждалъ, что вотъ-вотъ дочь еще заговоритъ и поразитъ его сердце сотнями упрековъ за прошлыя и предстоящія страданія. Но она молча поднялась съ мѣста и тихо, почти шатаясь, пошла въ свою спальню.

Отецъ бросился поддержать ее.

— Оставь, я дойду одна, — проговорила она холоднымъ тономъ.

— Дитя мое, ты сердишься,—началъ старикъ.

Дочь остановилась на минуту; выраженіе ея лица стало совершенно мрачнымъ.

— Пора все кончить, пора кончить игру въ прятки,—отрывисто проговорила она, поддаваясь нервному раздраженію.—Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Я тебя не упрекаю, но зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ прямо, что исхода нѣтъ?.. Надо было принудить меня жить съ мужемъ: закрѣпостили, такъ и нужно было разъяснить это... А то отъ слугъ приходится узнавать, что мужъ можетъ черезъ полицію вернуть... черезъ полицію!.. А ты... ты еще новые сны навѣваешь... точно нарочно хочешь сдѣлать болѣе страшнымъ мое пробужденіе... Скорѣе, скорѣе кончай все, какъ-нибудь, но кончай... или я сама развяжу узелъ...

Дочь отвернулась отъ отца и прошла, шатаясь, въ свою спальню.

Онъ, какъ оглушенный громомъ, стоялъ безъ движенія на мѣстѣ и опять ни одного оправданія себѣ не находилось въ его умѣ. «Виноватъ, кругомъ виноватъ!»—шепталъ онъ, и казалось, что ему не далеко было до сумасшествія.

Странныя чувства овладѣли теперь Кряжовымъ: онъ не сердился, не смѣлъ сердиться на дочь за ея рѣзкія слова; нѣтъ, напротивъ того, онъ еще болѣе понялъ всю тягость ея положенія и страдалъ за нее болѣе прежняго. До сихъ поръ любовь молодой женщины къ Павлу казалась однимъ предположеніемъ старику, теперь же онъ увѣрился въ справедливости своихъ догадокъ. Нѣсколько дней, какъ мы уже

видѣли, онъ тѣшился, радуя свою дочь разсказами о Павлѣ, и готовъ былъ продолжать эти невинные, по его мнѣнію, толки о молодомъ человѣкѣ. И вдругъ нѣсколько отрывочныхъ фразъ дочери открыли ему, къ чему онъ ведетъ ее этими подогрѣваніями того чувства, которое она старалась насильно задушить въ себѣ, вырвать съ корнемъ изъ своего сердца. «Что дѣлать?»—спрашивалъ себя старикъ. Снова цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна, снова взвѣшивалъ всѣ обстоятельства и тщетно старался найти исходный путь. Наконецъ, онъ на что-то рѣшился. Дня черезъ три онъ явился къ дочери опять съ сіяющимъ лицомъ.

— Дитя мое, тебѣ лучше? У тебя сегодня и цвѣтъ лица свѣжѣе,—говорилъ старикъ молодой женщинѣ.

— Да, я почти здорова,—отвѣчала она.

— Ну, и отлично, и отлично!—радовался отецъ, потирая руки.—А что, если бы... Только ты будь покойна, не волнуйся, не волнуйся... Если бы, знаешь, вдругъ теперь вошелъ...

— Папа, онъ здѣсь? Здѣсь?.. Веди его сюда, милый! Я хочу его видѣть, въ послѣдній разъ видѣть! — волновалась дочь, и ея щеки вспыхнули яркимъ румянцемъ.

— Ну, полно, полно, успокойся... Погоди...

— Павелъ, Павелъ, другъ мой!—поднялась молодая женщина съ кресла и опустила свою голову на грудь Павла, быстро подошедшаго къ ней.

Съ минуту длилось молчаніе. Никто не могъ выговорить ни слова. Первый очнулся Кряжовъ.

— Ахъ, я и забылъ, мнѣ еще нужно къ Трегубову съѣздить. Ты побудь здѣсь, Павелъ, покуда я не возвращусь, — засуетился старикъ и торопливо, почти бѣгомъ скрылся изъ комнаты.

— Милый, милый, какъ я счастлива!—шептала молодая женщина, любуясь лицомъ своего друга.—Какъ ты измѣнился, похудѣлъ... Какъ ты жилъ это время? что дѣлалъ? Я все хочу знать...

— Послѣ, послѣ разскажу все,—говорилъ Павелъ, цѣлуя руки Груни и сидя у ея ногъ на скамейкѣ.—Теперь надо думать не о прошломъ, а о будущемъ.

— О будущемъ?—вздрогнула Груня и по ея лицу скользнуло выраженіе боязни. — Другъ мой, не лучше ли не заглядывать въ это будущее? Тамъ мракъ.

— Тамъ свѣтъ, тамъ счастье! — говорилъ Павелъ оживленнымъ и страстнымъ тономъ.—Будущее наше. Будущее создаемъ мы.

Молодая женщина вздохнула.

— Это мечты!

— Нѣтъ, не мечты! Надо дѣйствовать и добиться счастья. Надо искать исхода.

— Я, по крайней мѣрѣ, теперь не въ состояніи ничего придумать... Я думала—ничего не выходило: впереди была все та же безразсвѣтная тьма... Практической, дѣйствительной жизни я не знаю... Я думала сперва, что такъ легко отдѣлаться отъ мужа...

— Полно! Я все устрою, я все отдамъ, но устрою наше будущее. Говорятъ, нѣтъ для насъ исхода. Глупости! Найдемъ исходъ!.. Онъ есть вездѣ для всего. Лѣнивые и трусы только не находятъ его... Какой исходъ былъ у меня, когда я вышелъ отсюда изъ дома безъ гроша въ карманѣ? Какой исходъ былъ у меня, когда три дня я питался кускомъ хлѣба и водой, оставшись безъ помощи въ этомъ чуждомъ для меня обществѣ? Однакоже, я выбился изъ нужды. Я готовъ былъ кули таскать, готовъ былъ въ лакеи идти, только бы выбиться своимъ трудомъ изъ рукъ голодной смерти, и выбился. И всякій человѣкъ выбьется изъ ея рукъ, если въ немъ есть энергія, если онъ не станетъ плакать, что у него не явится сразу богатства. Но только былъ бы кусокъ хлѣба да силы, а то явится и остальное. Или борьба съ случаемъ, или смерть. А исходы будутъ всегда. Биться, биться нужно до послѣдней капли крови и побѣдить или умереть. И то и другое благо, и то и другое освобождаетъ отъ гнета...

— Я сама думала о смерти, — задумчиво проговорила Груня.

— Думала о смерти, не начавъ борьбы?—горячо проговорилъ Павелъ, тономъ строптиваго упрека. — Умереть, не помѣрявшись силами съ врагомъ? Убить себя прежде битвы, чтобы прямо уступить ему поле сраженія? Да развѣ тутъ есть смыслъ?.. Нѣтъ! надо всѣ средства испробовать, надо не сдаваться до послѣдней минуты... И развѣ это такъ трудно тебѣ сдѣлать? Ты не изъ-за хлѣба бьешься, ты деньги имѣешь для борьбы, а это уже не малое подспорье.

— Укажи мнѣ путь, и я пойду на него,—произнесла Груня.—Но еще разъ повторяю, что я теперь ничего не могу придумать... У меня есть рѣшимость, но нѣтъ опытности... Веди меня, куда хочешь. Я вся твоя. Что бы ни случилось, я перенесу все. Позоръ, лишенія, трудъ,—все, все перенесу, только бы вырваться изъ этой грязи, отдѣ-

латься отъ этой лжи, прикрытой маской нравственности, набожности и серьезности...

Молодая женщина горячо и крѣпко сжимала руки Павла.

— Ну, вотъ, дѣти мои, мы и вмѣстѣ, и опять по-старому живемъ, дружно, мирно,—говорилъ Кряжовъ, появляясь въ комнатѣ.—А ты, Павлушка, ужъ не дуешься на меня? А?—шутилъ онъ съ своимъ воспитанникомъ.

Тотъ пожалъ его руку.

— Береги мою Груню, береги! Я слабъ, я старъ, а ты теперь не дитя, тебѣ можно вѣрить ее,—говорилъ старикъ, и въ его словахъ было какое-то особенное значеніе.—Ну, а ты довольна? счастлива?—спрашивалъ онъ у дочери.

Она притянула къ себѣ его сѣдую голову и поцѣловала ее. Она была веселѣе, оживленнѣе, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе дни.

Отецъ снова чуствовалъ, что дочь любитъ и прощаетъ его. Въ ея ласкѣ было даже что-то похожее на благодарность. Вполнѣ довольный перемѣною въ настроеніи дочери, старикъ былъ веселъ и болтливъ, но почему-то онъ какъ будто считалъ своею обязанностью поминутно ускользать изъ комнаты и, не выдерживая, возвращался снова къ своимъ дѣтямъ.. Вечеръ кончался, Павелъ сталъ собираться домой.

— Переѣзжай къ намъ теперь,—сказалъ ему Кряжовъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Павелъ и простился съ Груней.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой,—замѣтилъ онъ шопотомъ Кряжову и пошелъ съ нимъ въ кабинетъ.

Кряжовъ встревожился.

— Скажи, какъ ты уладилъ дѣло съ ея мужемъ?—спросилъ Павелъ у старика.

— Покуда ничего не могъ уладить,—заговорилъ старикъ.—И нельзя ничего сдѣлать... вотъ посмотри его письма.

Павелъ прочиталъ посланія Обноскова.

— Но думаешь ли ты, что онъ оставитъ у тебя Груню хоть на нѣсколько мѣсяцевъ еще? Можешь ли ты сдѣлать хоть это?—спросилъ Павелъ.

— Я думаю... надо хлопотать... просить,—волновался Кряжовъ.

— Я къ тебѣ не переѣду,—серьезно замѣтилъ Павелъ.—Мой переѣздъ сюда заставитъ Обноскова сильнѣе настаивать на возвращеніи Груни въ его домъ.

— Ну, это почему?—съ недовѣріемъ промолвилъ старикъ, сильно желавшій переѣзда Павла въ его домъ.

— Почему?—въ раздумьи повторилъ Павелъ.—Онъ меня ревнуетъ къ ней.

— Глупости!

— Не глупости, а правда. И онъ имѣетъ на это полное основаніе,—отчетливо проговорилъ Павелъ.—Каковы бы ни были наши отношенія до сихъ поръ, но они не могутъ остаться навсегда такими... Подумай объ этомъ и ты... Но что̀ бы тамъ ни было въ будущемъ, а все-таки дѣло въ томъ, что я жить здѣсь не буду для пользы Груни... Хорошо, если бы ты запретилъ и людямъ разсказывать, что я буду ходить сюда... Надо выждать время, обдумать все... До весны бы протянуть...

— А тогда?

— Тогда... Я самъ не знаю покуда, что̀ будетъ тогда, но намъ надо выиграть время, чтобы успѣть все сообразить и чтобы она поправилась совсѣмъ, стала бы бодрѣе... Вдругъ ничего не придумаешь...

— Дѣлай, какъ знаешь,—проговорилъ Кряжовъ и растроганнымъ голосомъ прибавилъ:—тебѣ я поручаю спасти ее, тебѣ отдаю ее...

— И даже не спрашивая, какія выйдутъ изъ этого послѣдствія?

— Спасеніе, спасеніе, вотъ все, что̀ я жду отъ тебя,—проговорилъ Кряжовъ.

Павелъ крѣпко сжалъ его руку, и казалось, что онъ, какъ въ былыя времена, хотѣлъ этимъ ободряющимъ рукопожатіемъ сказать ех-профессору: «Не падай, старичина, духомъ, я спасу твою дочь!»

Съ этого дня выздоровленіе Груни пошло быстрѣе, силы возвращались съ каждымъ днемъ. Она снова была весела, говорлива и почти не чувствовала боязни при взглядѣ на будущее. Если же эта боязнь и закрадывалась въ ея душу, то Павелъ всегда умѣлъ разсѣять это мимолетное чувство своими горячими рѣчами. Онъ приходилъ не часто въ домъ Кряжова и оставался здѣсь недолго; Груня знала, что у него есть занятія, что онъ поступаетъ такъ недаромъ, и не настаивала на частыхъ визитахъ. Ихъ братскія, прежнія отношенія возстановились вполнѣ. Любовныхъ объясненій, порывовъ страсти не было никакихъ. Они были попрежнему свободны въ своихъ отношеніяхъ и въ этомъ было ихъ счастье. Иногда въ домъ Кряжова появлялись сестры Обносковы. Сентиментальная Вѣра Александровна даже оставалась изрѣдка ночевать у Груни. Она стала приносить своей

молодой родственницѣ извѣстія, что Высоцкая справляется о ея здоровьи; потомъ отъ Высоцкой стали приноситься поклоны; она теперь какъ будто напрашивалась на знакомство съ Груней; наконецъ, Груня поручила попросить ее пріѣхать въ ихъ домъ. Отношенія этихъ двухъ женщинъ измѣнились совершенно: Груня уже не упрекала въ душѣ Стефанію за развратъ, Стефанія, въ свою очередь, не считала Груню ни дурной, ни слабой женщиной. Нерѣдко встрѣчалъ Павелъ Высоцкую въ домѣ Кряжова и началъ любить и уважать ее, какъ любила и уважала ее теперь Груня. Дни, между тѣмъ, шли впередъ.

— Что ея мужъ?—спрашивалъ Павелъ потихоньку у Кряжова.

— Бунтуетъ, не хочетъ болѣе терпѣть, хочетъ огласить все дѣло, если Груня не вернется,—печально говорилъ старикъ.

— Постарайся затянуть еще на нѣсколько времени дѣло. Ей надо совершенно оправиться.

— Хорошо, хорошо, попытаюсь.

Проходили еще дни.

— Другъ мой, я боюсь, что ты ничего не придумаешь для моего спасенія,—грустно говорила Груня Павлу.

— Не бойся. Все уладится,—утѣшалъ онъ.—Я давно нашелъ средство, его легко было найти. Но я боюсь еще за твои силы, тебѣ еще нуженъ уходъ близкихъ людей.

Прошла еще недѣля.

— Ну, братъ, ничего, кажется, больше не подѣлаешь,—говорилъ Кряжовъ Павлу.—Алексѣй Алексѣевичъ требуетъ объясненія съ женою.

— Можетъ объясняться, сколько ему угодно, дней черезъ пять,—улыбнулся Павелъ.—Груня теперь здорова и можетъ рѣшиться на все.

Вечеромъ въ этотъ же день у Кряжова были въ гостяхъ Высоцкая и сестры Обносковы. Груня была какъ-то особенно мила и оживленна въ этотъ вечеръ. Высоцкая смѣялась и шутила.

— Вы удивительно помолодѣли и похорошѣли въ послѣднее время,—говорила она Грунѣ.

— Это потому, вѣрно, что волосы обрѣзала, такъ и выглядю дѣвочкой,—улыбнулась Груня.

— Премиленькой, надо прибавить,—ласково промолвила Стефанія.—Но какъ вы думаете устроить свои дѣла? Я слышала отъ Вѣры Александровны, что въ домѣ вашего мужа собирается гроза. Надо бы подумать о громоотводѣ.

— Не знаю, право, это зависитъ отъ... случая,—проговорила, краснѣя, Груня, бросивъ взглядъ на Павла.

— И, можетъ-быть, отъ васъ,—замѣтилъ онъ.

— О, если отъ меня, то она будетъ счастлива,—горячо произнесла Высоцкая.—Даже не изъ одной любви къ ней, а ради мести этому человѣку я готова все сдѣлать... Это первый человѣкъ въ жизни, котораго я ненавижу... Но что же я могу сдѣлать?

— Достать ей заграничный паспортъ,—промолвилъ Павелъ и пристально взглянулъ на Кряжова: онъ боялся, что придуманная имъ мѣра встрѣтитъ несогласіе со стороны старика, и потому рѣшился молчать до поры и вдругъ сдѣлалъ быструю атаку.

— Какъ же это я достану ей пассъ? — спросила Стефанія.

— Да, т. е. вы возьмете на свое имя...

— Ха-ха-ха! Это мило!—засмѣялась звонкимъ смѣхомъ Высоцкая.—Тамъ не пишутъ примѣтъ?

— Нѣтъ.

— Отлично! А то, пожалуй, мнѣ пришлось бы ради этого стриженаго ребенка обрѣзать свои длинныя косы... Душа моя, такъ вы черезъ нѣсколько дней будете называться Стефаніей Высоцкой...

Груня, изумленная и взволнованная, не могла выговорить ни слова. Кряжовъ тревожно ходилъ по комнатѣ.

— Молодость, молодость!—бормоталъ онъ, качая головой, и вдругъ остановился передъ Павломъ.—Но, знаешь ли ты,—началъ онъ:—что это... это можетъ отрѣзать ей дорогу на родину?..

— А возвращеніе къ мужу не отрѣжетъ ли ей дороги къ жизни?—строптиво спросилъ Павелъ, и его лицо нахмурилось.

— Что ты! что ты!.. развѣ я что-нибудь возражаю,—поторопился оправдаться старикъ.—Я только сказалъ, чего она можетъ ожидать... Пусть ѣдетъ... Не мнѣ давать теперь совѣты, довольно я давалъ ихъ и прежде.

Въ голосѣ старика послышалась горечь. Ему было тяжело помириться съ мыслью, что его дочь бѣжитъ, можетъ-быть, навсегда за границу, бѣжитъ съ чужимъ паспортомъ. Онъ молча, понуривъ голову, ходилъ по комнатѣ.

— Что-жъ, и я не прикованъ къ мѣсту, и я поѣду,—бормоталъ онъ, утѣшая себя хоть этимъ.

— Да, но покуда тебѣ лучше остаться здѣсь,—замѣтилъ

Павелъ.—Ты могъ бы сказать ея мужу, что не знаешь, куда она уѣхала, чтобы тебя не считали сообщникомъ въ дѣлѣ этого бѣгства...

— Сообщникъ... сообщникъ въ противозаконномъ дѣлѣ!—шепталъ Кряжовъ въ раздумьи и опять внезапно, какъ-то неестественно ободрился.—Хорошо, хорошо,—заговорилъ онъ.—Я покуда здѣсь дѣла приведу въ порядокъ... Все отлично пойдетъ, отлично!

— А какъ же ты?—взглянула Груня на Павла боязливыми глазами.

— Пріѣду весной къ тебѣ. Мнѣ здѣсь работать надо... Да и тебѣ лучше пожить тихой, покойной жизнью, отдохнуть, собраться съ силами.

— Вѣра Александровна, не поѣдете ли вы со мною мѣсяца на три, на четыре?—спросила Груня у младшей Обносковой.

— Ахъ, мой ангелъ, помилуйте, какъ же это я вдругъ за границу попаду!—застѣнчиво захихикала Вѣра Александровна.—Мнѣ, право, совѣстно!

Груня закусила себѣ губы, чтобы удержаться отъ смѣху.

— Чего же совѣститься? Вы очень, очень обяжете меня этимъ,—пожала она руку младшей Обносковой.

— Ахъ, нѣтъ, это вы обяжете меня,—воскликнула Вѣра Александровна.—Мнѣ такъ хочется видѣть заграницу!—восторженно воскликнула она и захихикала снова.

— Вотъ воображаю я изумленіе нашего взаимнаго родственника и его матушки,—разсмѣялась Высоцкая.

— Такъ имъ и надо, аспидамъ!—злобно промолвила Ольга Александровна.—Ехидные люди!

Начались толки о будущемъ. Составлялись планы поѣздокъ за границу въ гости къ Грунѣ. Въ семейномъ кружкѣ царствовало то оживленіе, которое всегда бываетъ, когда одинъ изъ членовъ семьи ѣдетъ въ далекій путь. Всѣ какъ будто хотятъ наговориться, вознаградить себя за долгое время предстоящей разлуки и разсѣять невольную грусть, стѣсняющую подчасъ сердце въ эти послѣднія минуты свиданія.

Приготовленія къ отъѣзду пошли быстро. Груня и Павелъ были особенно нѣжны съ Кряжовымъ въ эти дни: они понимали, чего стоитъ старику согласіе на отъѣздъ дочери. Но онъ старался бодриться, старался шутить и смѣяться; только иногда онъ говорилъ Павлу:

— Ну, теперь ты побереги меня, покуда и не уѣду къ ней.

— Я переѣду къ тебѣ тотчасъ же, какъ только она уѣдетъ,—отвѣчалъ Павелъ.

— Спасибо, спасибо, братъ. Теперь мнѣ нужна нянька. Старъ я становлюсь!—вздыхалъ Кряжовъ и на минуту его лицо темнѣло отъ грусти.

Насталъ день отъѣзда.

— Все ли вы отправили? все ли вы уложили?—заботилась Ольга Александровна, какъ практическій человѣкъ.

— Никогда, можетъ-быть, я не увижусь съ тобою?—плакала чувствительная Вѣра Александровна, обнимая сестру.

— Чудесно, чудесно, все кончится сегодня вечеромъ,—радовалась Высоцкая. — Корабли сожгутся и возврата не будетъ.

— Ахъ, развѣ мы на кораблѣ поѣдемъ?—испугалась простодушная Вѣра Александровна.

— Нѣтъ, не на кораблѣ.

— А вы о какихъ-то корабляхъ говорили.

— Да,—засмѣялась Высоцкая: — я хотѣла сказать, что Агриппинѣ Аркадьевнѣ нельзя будетъ вернуться на старый путь.

— А! а ужъ я испугалась!

— А вы-то не боитесь, сжигая корабли?—спросила Высоцкая у Груни.

— Нѣтъ, я спокойна,—твердо отвѣтила молодая женщина.

Въ кабинетѣ Кряжова шелъ, между тѣмъ, разговоръ другого рода.

— Павелъ, если мнѣ не удастся ѣхать весною къ дочери, то поручаю ее тебѣ, береги ее, не покидай ее,—говорилъ Кряжовъ.—Я сдѣлаю распоряженіе насчетъ имѣнія, оно все перейдетъ вамъ обоимъ. Надѣюсь, что ты не бросишь ее...

— Ты сомнѣваешься во мнѣ?—спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, мой другъ,—задумчиво проговорилъ старикъ.—Правда, ты молодъ, ты моложе ея на нѣсколько мѣсяцевъ, но... но ты твердъ и любишь ее, какъ добрый другъ. Ты не бросишь ее, никогда не бросишь... Скажи мнѣ, успокой старика, обѣщаешь ли ты мнѣ не бросить ее?

— Отецъ, ты совсѣмъ не то думаешь, что̀ говоришь,—мягко и задушевно произнесъ Павелъ.—Можетъ-быть, я отчасти угадываю твои мысли... Скажу тебѣ одно, это не минутная вспышка, это даже совсѣмъ не вспышка, это привязанность, выросшая со мною съ колыбели, и она умретъ только тогда, когда умру я самъ... Можетъ-быть, ты боишься того, что̀ скажетъ свѣтъ...

— Сынъ мой, другъ мой, я ничего не боюсь,—обнялъ Кряжовъ Павла.—Старъ я, старъ я, трудно мнѣ себя ломать, свои взгляды измѣнять трудно... Ну, да самъ виноватъ! Тутъ выбора нѣтъ: или ваше несчастье, или ломка своихъ убѣжденій... Да благословитъ васъ Богъ, да благословитъ васъ обоихъ, неразлучныхъ!

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ позвалъ дочь въ свой кабинетъ.

— Груня, можетъ-быть, мнѣ не удастся пріѣхать къ тебѣ лѣтомъ,—заговорилъ онъ.

— Милый, почему же?—печально спросила дочь.

— Я ничего не говорю положительно, но, можетъ-быть, можетъ-быть... Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ,—промолвилъ отецъ. Лучше предвидѣть все дурное, чѣмъ тѣшиться розовыми мечтами... По опыту узналъ я это!.. Да, такъ если я не пріѣду, или пріѣду позже Павла, то я передаю тебя въ его руки. Онъ твой другъ, твой защитникъ... Будьте счастливы!

— Папа, да зачѣмъ же этотъ мрачный, прощальный тонъ? Мы еще увидимся,—сказала дочь.

— Да, да, можетъ-быть, увидимся... Но... но Богъ знаетъ, что̀ можетъ произойти въ вашей жизни, прежде моего свиданія съ тобой... Я васъ благословляю.

Старикъ отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Груня, я не хочу,—началъ онъ твердо послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:—чтобы говорили, что я обманутъ дочерью... Нѣтъ, я теперь все вижу, знаю, что̀ было прежде, что̀ будетъ дальше. Въ прошломъ виноватъ я, и если за будущее кто-нибудь станетъ упрекать тебя, то пусть этотъ упрекъ падетъ на меня, а не на тебя. Ты не виновата, ты не должна краснѣть... Я неосторожной рукой хотѣлъ вырвать взлелѣянную мною самимъ траву, которая должна была расти... и вотъ, она не погибла, но только пробилась другимъ путемъ... Вы не должны краснѣть за мою ошибку...

Груня тихо сжала руку Павла, и оба стали успокоивать старика. Его мучила мысль, что его Груня не можетъ сдѣлаться женою Павла, и въ то же время онъ зналъ, что отношенія брата и сестры должны непремѣнно кончиться между молодыми людьми. Старику непремѣнно хотѣлось найти оправданіе новымъ, предстоящимъ въ будущемъ, отношеніямъ этихъ людей. Но сами молодые люди не искали этого оправданія и очень спокойно и трезво смотрѣли на новый, открывавшійся передъ ними путь...

XXI.

Обносковъ навсегда лишается жены.

Не легко жилось въ это время Алексѣю Алексѣевичу Обноскову. Огорченный бѣгствомъ жены, боящійся пуще всего огласки, раздражаемый постоянно вопросами постороннихъ людей о Грунѣ, не находилъ онъ утѣшенія и спокойствія даже тогда, когда оставался одинъ въ своемъ домѣ и стремился забыть все случившееся за книгами, за учеными занятіями. Эти занятія постоянно прерывались приходомъ его матери и ея то плаксивыми сожалѣніями, то подзадаривающими нашептываніями. Онъ чувствовалъ себя нездоровымъ: у него, какъ это обыкновенно случалось съ нимъ при всякихъ непріятностяхъ, начались сильные припадки кашля и лихорадочное состояніе. Бо́льшую часть свободнаго времени онъ проводилъ, лежа на диванѣ, загромоздивъ стулья и неизмѣнный ночной столикъ книгами и бумагами. Марья Ивановна, видя, что ея сынъ часто «приваливается», какъ она выражалась, ухаживала за нимъ и совѣтовала ему, хотя безплодно, бросить на время занятія. По возможности она старалась какъ можно чаще быть около сына, вязала въ его кабинетѣ чулокъ и сообщала ему грязныя сплетни о женѣ или читала ему наставленія.

— Охъ, Леня, Леня, что̀ люди-то про насъ толкуютъ,— вздыхала она, пощелкивая вязальными спицами: — весь городъ говоритъ, что ужъ это недаромъ наше-то сокровище у своего отца находится. Никого не обманешь, никого не увѣришь, что она такъ гоститъ у своего отца, съ твоего согласія. Да какъ и невѣрить? Какой мужъ позволитъ гостить женѣ у отца, когда отецъ живетъ въ томъ же городѣ и безъ того можетъ видѣть каждый день свою дочь.

Обносковъ упорно молчалъ.

— Ну, да и она хорошо ведетъ себя, — продолжала мать.—Нашихъ-то мерзавокъ, Вѣрку и Ольку, зазвала къ себѣ, съ ними компанію ведетъ. Видно намъ бока моетъ. Нечисто что-то у нихъ, что-то онѣ затѣваютъ...

— Ну, скажите, что̀ онѣ могутъ затѣвать! — раздражительно говорилъ Обносковъ.—Что̀ онѣ могутъ затѣвать?

— Не знаю, батюшка, не знаю, только ужъ не даромъ къ нимъ Степанида-то стала ходить,—провязывала мать новую спицу своего вязанья.—Разузнавала я—не ходитъ ли кто-нибудь изъ мужчинъ, людишки не говорятъ, подкуплены... Всѣ подкуплены... А сдается мнѣ, что кто-то ходитъ. Вчера

я своими глазами видѣла, какъ кто-то шмыгнулъ къ нимъ на подъѣздъ. Ужъ не Павлушка ли, чего добраго.

— Да перестаньте вы меня раздражать!—сердито вскрикивалъ Обносковъ. — Кто бы тамъ ни ходилъ, а я все это на-дняхъ покончу.

— Охъ, хорошо, если бы покончилъ, — качала головой мать. — Да нѣтъ! ты такой добрый, все потакаешь имъ.

— Да что же вы прикажете дѣлать! — поднимался на локтѣ Обносковъ. — Съ полиціей ее танцить? Вы поймите, что я на виду стою, я скандала боюсь, я своего имени не хочу отдать на пересуды, я свою карьеру не хочу портить. Вѣдь все надо огласить. Что̀ они вздумаютъ наговорить на меня, это еще неизвѣстно... Вы думаете, легко мнѣ будетъ, когда всѣ пальцами станутъ указывать на меня? Вонъ и теперь Петръ Петровичъ, Родянка, Левчиновъ, всѣ они перестали ходить, а если и придутъ, такъ въ каждомъ словѣ слышится насмѣшка...

— Ахъ, батюшка, да пусть ихъ смѣются!

— Пусть смѣются! Хорошо вамъ говорить, а я черезъ это уроковъ могу лишиться. Эти болтуны не мою жену чернить станутъ, а меня, меня!.. Теперь во всемъ одни мужья виноваты, бабье царство настало...

— Такъ это, значитъ, такъ и нужно позволить ей жить у отца?—всплеснула руками мать.

— Нѣтъ, нужно запугать Кряжова, чтобы онъ выгналъ ее изъ дому; нужно заставить ее, чтобы она сама пришла въ мой домъ, за прощеньемъ пришла... Вотъ чего я добиваюсь и добьюсь! Кряжовъ уже въ моихъ рукахъ, онъ кланяется, онъ понялъ, что право на моей сторонѣ, — говорилъ сынъ.

Вечеромъ онъ писалъ новое письмо къ Кряжову съ угрозами и настоятельными требованіями. На слѣдующій день къ нему приходилъ уклончивый отвѣтъ съ обѣщаніями скораго примиренія. А мать снова вязала чулокъ въ кабинетѣ сына и снова пилила его.

— Береги себя, Леня, — заботливо и плаксиво говорила она. — Брось ты свои занятія. Теперь тебѣ укрѣпиться надо, голубчикъ, чтобы собраться съ силами и поѣхать за нашей негодяйкой. Она со своимъ паненькой-то, я думаю, радъ, что успѣла уходить тебя. Поди-ко, полагаетъ, что ты такъ и оставишь ее на волѣ гулять на всѣ четыре стороны...

— Ничего она не полагаетъ,—злился сынъ.—Я ей пи-

салъ, что не оставлю ее у отца, и она знаетъ, что это мое *послѣднее* рѣшеніе.

— Э, голубчикъ,—вздыхала мать:—мало ли что̀ въ письмахъ-то пишется, бумага все терпитъ, да на нее никто и вниманія-то не хочетъ обращать! Ты ей пишешь одно, а она въ свой носъ дуетъ!

— Погодите, одумается! Вѣдь и она, и ея отецъ очень хорошо знаютъ, что я не шучу и что право на моей сторонѣ...

— Плохо мнѣ что-то вѣрится, что они знаютъ это... Для нихъ, видно, и правъ-то никакихъ нѣтъ, такіе ужъ беззаконники!

— А вотъ увидимъ: поѣду къ нимъ, какъ немного поспокойнѣе буду. Все это проклятое нездоровье затянуло дѣло... Кажется, все бы отдалъ, чтобы быть теперь здоровымъ! А то отъ перваго волненья чуть не въ обморокъ падаю... Тутъ твердость нужна...

— Ужъ что и говорить! Больнымъ не поѣдешь къ нимъ,— вздыхала мать. — А ты бы мнѣ позволилъ переговорить съ ними.

— Э, вы только хуже испортите дѣло!

— Ну, батюшка, если ужъ ты такой дурой меня считаешь, такъ это твоя воля!—оскорблялась мать.—Мы вѣдь вотъ стары да глупы, а все же въ наши-то времена не дѣлалось такихъ дѣловъ. Жили съ мужьями честно, терпѣли все, да никто и не зналъ, что̀ мы терпимъ. Да если бы въ наше время такая исторія случилась, такъ мы бы дѣло-то мигомъ уладили бы, церемониться не стали бы... Ну, а теперь люди умны стали, порядки другіе; что-то только изъ этого выйдетъ, не пришлось бы кому-нибудь эту кашу-то расхлебывать...

Сынъ молчалъ.

На слѣдующій день шла та же пѣсня, то же нытье. Алексѣй Алексѣевичъ почти привыкъ къ этимъ бесѣдамъ и очень часто не произносилъ ни одного звука во время сѣтованій матери. А эти сѣтованія принимали все болѣе и болѣе угрожающій тонъ.

Однажды Алексѣй Алексѣевичъ возвратился домой съ одного урока и хотѣлъ пройти къ себѣ въ кабинетъ, но былъ остановленъ на порогѣ матерью. Ея видъ не предвѣщалъ ничего хорошаго, глаза сверкали какимъ-то злораднымъ блескомъ, движенія были торопливы и тревожны.

— Ну, что, дождался?—ѣдко заговорила она скороговоркою.—Радуйся теперь, обманули, провели!..

— Что такое? Будете ли вы когда-нибудь толкомъ говорить!—раздражился сынъ.—Что̀ случилось?

— Ничего, батюшка, ничего!—язвительно говорила Марья Ивановна.—Мать у васъ дура, мать ничего не понимаетъ, ее слушать не сто̀итъ. Ну, и прекрасно, и наслаждайтесь, какъ изъ васъ дурака дѣлаютъ.

— Да станете ли вы говорить, какъ слѣдуетъ? Что̀ вы меня-то пилите? Понимаете ли вы, что вы измучили меня?—почти простоналъ сынъ. — У васъ святого-то ничего нѣтъ! Вы, вы меня сводите въ могилу!

Марья Ивановна вдругъ разрыдалась.

— Прости, родной мой, прости!—застонала она.—Не могу я, не могу сдержать себя при этакомъ-то позорѣ! Вѣдь наша-то развратница, душегубка-то наша, сбѣжала!

Обносковъ тяжело опустился на диванъ.

— Сбѣжала за границу, съ любовникомъ, вѣрно, сбѣжала, съ Павлушкой, вѣрно! Безъ ножа зарѣзала! Срамъ-то, срамъ-то какой! Что̀ теперь говорить-то будутъ!

— Что̀ же это такое? Надо идти, справиться, — бормоталъ Обносковъ. — Да это ложь, у нея не было паспорта... Ложь! ложь!.. Кто вамъ сказалъ?

— Людишки, людишки ихъ,—рыдала мать.—Лица этакія поганыя съ улыбочками дѣлаютъ, радуются нашему горю нашему позору... Подкуплены, бестіи, подкуплены!

Обносковъ съ усиліемъ поднялся съ дивана...

— Батюшка, я съ тобою поѣду, ты слабъ, — засуетилась мать.

— Подите прочь,—оттолкнулъ ее сынъ съ непривычной грубостью.

Въ его глазахъ сверкала злоба.

— Не смѣйте никому разсказывать объ этомъ до моего возвращенія. Слышите?

— Слышу, слышу, — робко произнесла мать, и въ ея головѣ вдругъ промелькнула мысль: «что это онъ точно мой покойникъ мужъ сдѣлался!»

— Ступайте въ свою комнату, а то вы съ прислугой болтать станете. Привыкли къ сплетнямъ!—еще болѣе рѣзко и сухо проговорилъ сынъ, и, дѣйствительно, въ эту минуту онъ былъ похожъ на своего забитаго отца, когда тотъ бывалъ пьянъ и грозенъ.

Обносковъ вышелъ. Его походка была неторопліва, но тверда. Во всей его фигурѣ было что-то зловѣщее и мучительное. Худой и истомленный, но сдержанный, появился

онъ въ домѣ Кряжова и приказалъ лакею доложить о своемъ приходѣ старому ex-профессору. Онъ сѣлъ въ столовой и устремилъ глаза на дверь, изъ которой долженъ былъ выйти Кряжовъ. Въ этомъ не было ничего разсчитаннаго на эффектъ, но этотъ пристальный взглядъ, встрѣтившій Кряжова при первомъ его шагѣ въ столовую, смутилъ старика и заставилъ его впервые потупить глаза передъ зятемъ. Обносковъ не спускалъ съ него глазъ. Оба они страшно измѣнились за послѣднее время, на обоихъ страданіе наложило свою неизгладимую печать. Кряжовъ молча поклонился и сѣлъ. Онъ какъ-то совсѣмъ сгорбился.

— Что̀ же это значитъ?—неторопливо заговорилъ Обносковъ довольно твердымъ голосомъ. — Я жду вашихъ объясненій!

— Что̀ же мнѣ объясняться!—произнесъ старикъ.

— Гдѣ ваша дочь?

— Не знаю, — солгалъ Кряжовъ и глянулъ въ сторону, избѣгая встрѣчи съ испытующимъ взглядомъ зятя.—Она уѣхала куда-то безъ моего вѣдома...

Старику было непривычно, мучительно лгать и еще передъ кѣмъ, передъ презираемымъ человѣкомъ.

— Безъ вашего вѣдома?—засмѣялся Обносковъ и въ его голосѣ уже послышалось лихорадочное волненіе.—Безъ вашего вѣдома! И вы думаете, что я вамъ повѣрю? Не въ ваши бы годы прибѣгать ко лжи. Вы когда-то такъ гордились своею прямотою.

Кряжовъ промолчалъ; онъ ясно слышалъ насмѣшку въ словахъ зятя, но говорить не могъ.

— И что̀ вы хотите этимъ выиграть?—продолжалъ Обносковъ.—Не думаете ли вы, что вашу дочь не вернутъ назадъ?.. Да я ее изъ могилы отрою, я ее съ того свѣта верну!—вдругъ прорвался Обносковъ болѣзненнымъ восклицаніемъ.—Знаете ли вы, чего мнѣ все это сто̀итъ! Жизнью, жизнью я поплачусь!

Кряжовъ молчалъ. Какую-то тупую боль пробудилъ въ немъ измученный видъ этого больного человѣка, какъ-то странно звучалъ въ его ушахъ этотъ хриплый, задыхающійся голосъ, прерываемый глухимъ кашлемъ. Старикъ возненавидѣлъ зятя въ послѣднее время, но теперь ему было жаль этого человѣка, и въ глубинѣ своей честной души онъ слышалъ упреки совѣсти, чувствовалъ, что и онъ виноватъ, можетъ-быть, болѣе всѣхъ виноватъ и въ горѣ, и въ теперешней болѣзненности этого человѣка. Здѣсь рѣзко отрази-

лась противоположность характеровъ этихъ двухъ человѣкъ: Кряжова страшно мучили упреки совѣсти, а Обносковъ не упрекалъ себя ни въ чемъ и считалъ себя вполнѣ правымъ и безупречнымъ.

— Полно, Алексѣй Алексѣевичъ,—промолвилъ старикъ:— мы оба равно несчастны, мы оба равно ошиблись.

— Ошиблись!—гнѣвно проговорилъ Обносковъ, сверкнувъ глазами.—Значитъ, и вы ошиблись во мнѣ? Но я все тотъ же, какимъ я былъ прежде. Зачѣмъ же вы выбирали меня въ мужья своей дочери? Гдѣ были тогда ваши глаза?.. Вы ошиблись во мнѣ и потому рѣшились принести въ жертву *меня*. Стыдитесь! Стыдитесь!

Кряжовъ смутился и опять отвелъ въ сторону свои глаза, чтобы не встрѣтить взглядовъ зятя.

— Полно, полно, Алексѣй Алексѣевичъ,—снова промолвилъ старикъ. — Я говорю, что мы оба несчастны и намъ остается только примириться со своею участью.

— Примириться? Никогда, никогда! — крикнулъ Обносковъ, волнуясь все болѣе и болѣе.—Я призову васъ къ суду, какъ сообщника въ дѣлѣ ея бѣгства. У меня найдутся и улики, и свидѣтели. Я призову къ допросу вашу прислугу. Вы подкупили ее, но я разожму ей ротъ... Я опозорю васъ, а все-таки заставлю сознаться, заставлю!

Старикъ поднялся съ мѣста и выпрямился во весь ростъ. Его колоссальная, величавая въ своей скорби фигура была прекрасна въ эту минуту.

— Ну, и что̀ же будетъ дальше?—спокойно спросилъ онъ безмятежнымъ и твердымъ тономъ.—Опозоришь и заставишь сознаться, а дальше-то что?

Голосъ старика былъ необыкновенно ясенъ. Обносковъ не отвѣчалъ.

— Я опозоренъ уже и тѣмъ, — продолжалъ старикъ, не измѣняясь въ лицѣ:—что моя дочь *должна* была бѣжать отъ мужа, выбраннаго мною. Я опозоренъ уже и тѣмъ, что *я* выбралъ такого зятя, какъ ты. Ты хочешь наказать меня, но я уже наказанъ, видитъ Богъ, что я наказанъ. Ты видишь, я одинъ, я оставленъ дочерью, я чувствую себя виноватымъ передъ нею и не нахожу оправданія себѣ даже въ своей совѣсти. Чего же мнѣ бояться еще? Публичнаго скандала? Но его боятся только тѣ, кто не боится суда своей совѣсти; для меня высшее наказаніе ея судъ. Этотъ судъ я перенесъ, тутъ я уже отстоялъ свой законный срокъ у

позорнаго столба... Ты видишь, я постарѣлъ на десятки лѣтъ, а моя натура не легко ломается...

Обносковъ какъ-то туго молчалъ и слушалъ эту странно спокойную, безмятежную и все же потрясающую по своей глубокой скорби рѣчь старика.

— Итакъ, ты хочешь скандала, — продолжалъ Кряжовъ все тѣмъ же тономъ.—Все въ твоей волѣ. Объявляй, жалуйся. Пусть судятъ меня, я не испугаюсь. Я могъ бы испугаться, если бы судъ могъ воротить въ твой домъ мою дочь. Но, благодареніе Богу, на землѣ нѣтъ такой власти, которая могла бы сдѣлать это. Здѣсь ваши законы безсильны...

— Ошибаетесь, ошибаетесь! Ее вернутъ, непремѣнно вернутъ!—вскричалъ Обносковъ.

Старикъ сострадательно усмѣхнулся.

— Ты убѣжденъ въ этомъ?—промолвилъ онъ.—Подумаешь посерьезнѣе, увидишь, что это ошибка, что никто не смѣетъ вернуть ее, никто... И откуда вернуть? гдѣ она? кто это скажетъ?.. Значитъ, вся польза изъ скандала будетъ въ нашемъ позорѣ съ тобою. Я не боюсь суда и публичности, какъ я уже сказалъ тебѣ. Но загляни поглубже въ свою душу; ты, какъ видно, считаешь себя безупречнымъ и не знаешь, что̀ значитъ страшный судъ совѣсти. Отъ этихъ мученій ты сумѣлъ избавиться, къ несчастію. Да, къ несчастію, потому что это судъ всѣхъ честныхъ людей!.. Но не дрогнешь ли ты передъ гласностью? Не побоишься ли ты сдѣлаться, безъ всякой пользы для себя, предметомъ салонныхъ толковъ? И будетъ ли говорить въ твою пользу тотъ свѣтъ, который уже насмотрѣлся на подобныхъ тебѣ мужей? Не будетъ ли колоть тебя каждое двусмысленное слово, каждый намекъ, каждое насмѣшливое сожалѣніе? Твоя совѣсть покуда спокойна и не видитъ твоихъ ошибокъ, но тогда ей укажутъ на каждую мелочь, на каждый промахъ, тебѣ разъяснятъ, что̀ за женщина твоя мать, каково жить съ нею, насколько было честно отдать жену подъ ея гнетъ, и едва ли даже ты сохранишь свое спокойствіе. Что-жъ, поступай, какъ знаешь. Я на все смотрю уже такъ холодно, какъ можно смотрѣть, только стоя одной ногой въ могилѣ, а ты — ты привыкъ волноваться даже изъ-за пустяковъ, изъ-за отнятыхъ у тебя грошей...

— Надѣли петлю, затягиваютъ ее и глумятся, доказывая, что ее нельзя снять!—почти зарыдалъ Обносковъ и треснулъ кулакомъ по столу.

— Богъ свидѣтель, что я глубоко жалѣю тебя и каюсь

за свою ошибку, — потрясеннымъ голосомъ произнесъ Кряжовъ.

— Будьте вы прокляты съ вашимъ сожалѣніемъ!—крикнулъ Обноскова и направился, шатаясь, къ дверямъ.

— Не намъ проклинать другъ друга, и разсудитъ насъ только Богъ,—тихо и грустно промолвилъ Кряжовъ.

Опять долго проходилъ онъ по комнатѣ въ глубокомъ раздумьи. Въ его душѣ не было волненія, не было тревоги, но какое-то торжественное спокойствіе хладнокровнаго взвѣшиванья своихъ дѣлъ и мнѣній, спокойствіе молчаливой провѣрки своего прошлаго царило въ этой старой, честной душѣ. Что-то покорное, тихое, хотя и не лишенное слѣдовъ мученія, отражалось на похудѣвшемъ и обрюзгшемъ лицѣ стараго ex-профессора.

Вечеромъ за чаемъ онъ мелькомъ замѣтилъ Павлу о посѣщеніи Обноскова.

— Что, онъ обѣщалъ выдать ей паспортъ?—спросилъ Павелъ.

— Мы объ этомъ не говорили, онъ очень разстроенъ,—отвѣтилъ Кряжовъ.

— Жаль его; съ пеленъ совсѣмъ искалѣчили человѣка!—проговорилъ Павелъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

Кряжовъ вздохнулъ и особенно горячо пожалъ на прощаньи руку своего названнаго сына. Старику было крайне пріятно, что Павелъ не сказалъ ни одного рѣзкаго слова про Обноскова.

Не въ такомъ безмятежномъ настроеніи духа возвратился домой Алексѣй Алексѣевичъ. Онъ былъ угрюмъ, раздраженъ и нетерпѣливъ. Марья Ивановна вышла къ нему навстрѣчу, желая разспросить о результатахъ его визита къ Кряжову, но увидала выраженіе его лица и струсила. Опять лицо сына напомнило ей лицо мужа, когда тотъ бывалъ въ буйномъ настроеніи духа.

— Не надо ли тебѣ чего-нибудь, Леня? Чаю не хочешь ли?—боязливо спросила она.

— Оставьте меня одного,—проговорилъ онъ, не обращая на нее вниманія.

— Утомился ты, бѣдный! Ты прилегъ бы,—съ участіемъ проговорила мать.

— Оставьте меня одного, слышите ли вы?—топнулъ ногою Алексѣй Алексѣевичъ.—И меня выжить изъ дому хотите, что ли?—гнѣвно остановился онъ передъ матерью.

— Отъ тебя-то этого я не ожидала! — захныкала Марья Ивановна.

— Идите въ другую комнату плакать, довольно я насмотрѣлся на ваши слезы, — сказалъ сынъ и отвернулся отъ матери.

Она украдкой поспѣшно отерла слезы и вышла походкой наблудившей кошки... Алексѣй Алексѣевичъ сталъ ходить по комнатѣ. Сотни думъ роились въ его головѣ, онъ мысленно обвинялъ во всемъ случившемся тестя, жену, Павла, свою мать, но ни разу не пришло ему въ голову, что и онъ виноватъ не менѣе ихъ всѣхъ. Онъ представлялъ себя мученикомъ испорченныхъ людей, испорченныхъ нравовъ современнаго общества и отчасти даже съ гордостью думалъ, что чаша еще не выпита до дна, что онъ еще будетъ страдать за свою честность, за свои права. Эта мысль отчасти давала ему силы смотрѣть безъ особеннаго страха на предстоящую ему въ свѣтѣ роль обманутаго и брошеннаго мужа. Онъ зналъ, что въ глазахъ свѣта всегда правъ побѣдитель и смѣшонъ побѣжденный, но Обносковъ теперь презиралъ и ненавидѣлъ этотъ свѣтъ, какъ скопище мерзавцевъ, подрывающихъ всѣ основы спокойствія, и дураковъ, не умѣющихъ бороться противъ этихъ нарушителей порядка. Въ его головѣ возникъ вопросъ: что дѣлать? объявлять ли о бѣгствѣ жены, или выдать ей паспортъ?—Сначала ему хотѣлось, во что бы то ни стало, произвести скандалъ. Но мало-помалу онъ склонился къ мысли о выдачѣ паспорта. Трусость передъ гласностью взяла верхъ надъ желаніемъ опозорить Кряжова и его дочь. Алексѣй Алексѣевичъ видѣлъ ясно, что его дѣло проиграно безвозвратно, что жену воротить нельзя, что Кряжовъ слишкомъ зарекомендованъ въ мнѣніи общества для того, чтобы къ нему пристала грязь, что, наконецъ, борьба будетъ неровная, такъ какъ онъ, Обносковъ, располагаетъ очень небольшими матеріальными средствами и связями, а Кряжовъ заручился и тѣмъ, и другимъ. Первый разъ Обноскову приходилось поступить противъ своихъ убѣжденій, и это было причиною самыхъ сильныхъ мученій. Но на комъ выместить злобу? кого обвинить за необходимость такой поблажки противникамъ? Подъ рукой была мать. Она уже давно вызывала негодованіе Алексѣя Алексѣевича своимъ нытьемъ, своими упреками и сплетнями. Болѣе чѣмъ когда-нибудь чувствовалъ онъ въ настоящее время на себѣ весь гнетъ ея безобразнаго характера. Теперь онъ обвинялъ ее болѣе всѣхъ другихъ людей за бѣгство жены.

— Леня, что̀ же ты теперь будешь дѣлать?—говорила она на другой день ноющимъ и слезливымъ тономъ.

— Паспортъ женѣ выдамъ,—отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой.— Пусть гуляетъ и радуется, что обманула меня.

— Что ты это, голубчикъ, шутишь!—воскликнула мать.— Какъ же это можно такую негодяйку прикрывать!

— А вы что̀ прикажете дѣлать? Не угодно ли вамъ, чтобы Кряжовъ разсказалъ, почему его дочь бѣжала отъ меня? Да вы знаете ли, что она изъ-за васъ бѣжала?—злобно взглянулъ Обносковъ на мать.

— Господи! Да кто же повѣритъ этому!—всплеснула руками мать.

— Всѣ, всѣ повѣрятъ! Вы думаете, что ваши кухарки, ваши родные, ваши знакомые не знаютъ, что̀ вы за женщина?—ядовито и раздражительно говорилъ сынъ.—Вы не только ея жизнь отравляли, вы теперь мою жизнь отравляете!

— Грѣхъ тебѣ, Леня! Отвѣтишь ты Богу за меня на томъ свѣтѣ!—заплакала Марья Ивановна.

— Никогда не отвѣчу!—гнѣвно произнесъ сынъ.—Я и теперь избѣгаю скандала, чтобы спасти вашу репутацію. Я своею грудью заслоняю васъ, я свою жизнь отдаю за вашу честь, я своимъ убѣжденіямъ измѣняю для спасенія васъ отъ сплетенъ... Полноте плакать, слезы тутъ не поведутъ ни къ чему! Много я ихъ видѣлъ на своемъ вѣку! Если бы вы не были моей матерью, то я отшатнулся бы отъ васъ при первой встрѣчѣ. Но вы мнѣ мать—и моя обязанность отстаивать васъ передъ обществомъ. Да, поймите все это!

Понимала Марья Ивановна всѣ эти разсужденія довольно плохо, но они, все-таки, имѣли довольно благотворное вліяніе какъ на ея сына, такъ и на нее. Обносковъ, высказавъ эти мысли, пришелъ къ убѣжденію, что онъ дѣлаетъ невольную уступку женѣ для спасенія чести своей матери, и возгордился этимъ великимъ подвигомъ. Марья Ивановна, слушая его рѣчи, поняла то, что сынъ, хотя и сердится на нее, но, все-таки, не выгоняетъ ее изъ дому, и потому въ глубинѣ души тоже успокоилась и даже подумала: «Пусть его поутихнетъ, тогда и поговорю съ нимъ толкомъ, вѣдь это не въ первый разъ молодая-то кровь въ немъ расходилась. Вотъ такъ же сердился, какъ я ему на первой невѣстѣ жениться не позволила, да ничего, утихъ, и меня же потомъ благодарилъ. Охъ, ужъ эта молодежь, словно порохъ, вспыхиваетъ; только бѣги въ сторону, чтобъ не опалила». Принявъ сми-

ренный видъ угнетенной невинности, мать стала надрывать сердце сына ежеминутными вздохами и невообразимою предупредительностью. Въ его комнату она входила не иначе, какъ на цыпочкахъ. Говорила почти шопотомъ. Если ему нужно было что-нибудь, то она не шла, а бѣжала за понадобившеюся вещью. Такимъ образомъ, Обносковъ и его мать играли роль двухъ мучениковъ и показывали видъ, а можетъ-быть, даже и вѣрили сами, что они принесли себя въ жертву другъ другу и своему долгу...

XXII.

Затишье послѣ грозы.

Въ первыхъ числахъ іюня Кряжовъ собрался за границу къ немалому удивленію Трегубова, который никакъ не могъ помириться съ мыслью, что его старый другъ уѣзжаетъ одинъ, не дождавшись его. Павелъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Кряжовымъ. Всю дорогу шли у нихъ безконечные разговоры о Грунѣ, о нетерпѣніи поскорѣй увидаться съ нею и, кажется, оба путешественника считали чуть ли не минуты, остающіяся до ихъ свиданія съ любимой ими женщиной. Оба они походили на школьниковъ, вырвавшихся на свободу. Павелъ сознавалъ, что Кряжовъ желаетъ видѣть дочь едва ли не сильнѣе его самого, и потому онъ чрезвычайно удивился, когда старикъ неожиданно сказалъ ему въ одинъ прекрасный день:

— А вотъ мы теперь разстанемся. Ты поѣзжай прямо къ ней въ Женеву, а я заѣду въ Баденъ-Баденъ.

— Что̀ тебѣ это вздумалось?—въ недоумѣніи посмотрѣлъ Павелъ на старика.

— Полѣчиться надо немного, — проговорилъ Кряжовъ, избѣгая испытывающихъ взглядовъ своего спутника и принимая равнодушное выраженіе лица.

— Однако, ты прежде не хотѣлъ лѣчиться!... Ты развѣ чувствуешь себя худо!—встревожился Павелъ и еще пристальнѣе взглянулъ на Кряжова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—поспѣшилъ старикъ успокоить его.—Но знаешь... вотъ я полѣчусь и недѣли черезъ четыре пріѣду къ вамъ...

Павелъ не спускалъ глазъ съ смущеннаго ех-профессора и, кажется, хотѣлъ прочитать его затаенныя мысли.

— А вы, между тѣмъ, обживетесь, приготовите все для моего пріѣзда...

— Да тамъ все приготовлено...

— Ну да, ну да, приготовлено,—совсѣмъ спутался старикъ.—Но... но... лишній я буду теперь при вашемъ свиданіи,—отвернулся онъ въ сторону.

Павелъ весь покраснѣлъ и не могъ сказать ни одного слова. Ему хотѣлось поблагодарить Кряжова и въ то же время было почему-то совѣстно. Онъ былъ особенно веселъ вечеромъ въ этотъ день. Старикъ тоже шутилъ и забавлялся, какъ малое дитя. Рано утромъ на слѣдующій день имъ приходилось разъѣхаться въ разныя стороны. Они горячо обнялись и поцѣловались.

— Скажи Грунѣ, что я здоровъ, веселъ и спокоенъ,—промолвилъ Кряжовъ.—Непремѣнно скажи ей это.

— Мы сами къ тебѣ дня черезъ три пріѣдемъ,—сказалъ Павелъ, обнимая его.

— Смотри, чтобы мѣсяцы за дни не показались!—спутилъ старикъ, а въ тонѣ его словъ, все-таки, послышалась невольная грусть.

Тщетно старался Кряжовъ въ послѣднее время скрыть этотъ оттѣнокъ грусти, онъ невольно примѣшивался теперь къ его рѣчамъ даже въ самыя счастливыя минуты.

Однажды, недѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда въ Баденъ-Баденъ, Кряжовъ возвращался съ прогулки и еще издали увидѣлъ стройнаго молодого человѣка, шедшаго подъ руку съ молоденькой женщиной. Молодые люди были, повидимому, вполнѣ счастливы, очень близки другъ къ другу и вели оживленный разговоръ. Старикъ съ волненіемъ сталъ всматриваться въ нихъ слабыми глазами, узналъ эту пару, хотѣлъ ускорить свою старческую поступь и не могъ сдѣлать ни шагу; ему пришлось поскорѣй опуститься на первую попавшуюся скамью. Молодые люди, наконецъ, тоже замѣтили его и бросились бѣжать къ нему на перегонку, крикнувъ:

— Кто скорѣе?

— Я прежде! — отвѣтилъ молодой человѣкъ, добѣжавъ первымъ къ старику.

— Ну, зато ее на закуску поцѣлую!—весело поддразнилъ молодого человѣка старикъ и обнялъ дочь.—Милые, милые, спасибо вамъ, что и теперь вспомнили обо мнѣ!

Молодые люди, краснѣя, переглянулись между собою и улыбнулись.

— А ты думалъ, что ты лишній между нами? Какъ тебѣ не стыдно!—ласково упрекнула старика дочь и покрыла горячими поцѣлуями его лицо.

— Теперь ты не долженъ разставаться съ нами,—говорилъ Павелъ.—Вмѣстѣ жизнь будетъ полнѣе.

— Будетъ кого нянчить?—улыбнулся ех-профессоръ.

Съ этого дня для маленькаго семейнаго кружка, въ средѣ котораго была и Вѣра Александровна, болѣе всего удивлявшаяся тому, что она здѣсь все по-французски говоритъ, началась мирная счастливая жизнь. Кряжовъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привыкалъ къ новымъ отношеніямъ своихъ любимыхъ «дѣтей» и все рѣже омрачалось его старое лицо грустными думами. Въ эти немногія минуты на выручку являлась простодушная Вѣра Александровна: ея неумолкающая болтовня, ея наивное удивленіе передъ разными иностранными обычаями, ея смѣшно сентиментальныя выходки развлекали старика, и онъ, въ концѣ-концовъ, говаривалъ ей:

— Ну, оставимте нашу молодежь да пойдемте бродить по городу, мы съ вами тоже пара не хуже ихъ!

Вѣра Александровна приходила въ восторгъ, брала подъ руку стараго ех-профессора и гордо смотрѣла на всѣхъ проходящихъ, полагая и, можетъ-быть, не безъ основанія, что всѣ удивляются и даютъ невольно дорогу ея спутнику: дѣйствительно, рѣдкій встрѣчный проходилъ, не взглянувъ съ видимымъ любопытствомъ на прекрасную львиную голову, съ волнистыми, совсѣмъ сѣдыми волосами, и съ открытымъ взглядомъ, на колоссальную фигуру широкоплечаго старика, всегда просто, но оригинально одѣтаго, все въ тотъ же завѣтный, просторный и длинный сюртукъ, все съ тѣмъ же откиднымъ, широкимъ воротникомъ на рубашкѣ, все съ тою же, едва завязанною около шеи косынкой.

— Ахъ, вашъ папаша такой удивительный человѣкъ! — восторженно шептала Вѣра Александровна Грунѣ.

— Папа, папа, Вѣрочка влюблена въ тебя,—шутила со смѣхомъ Груня.

Вѣра Александровна краснѣла до ушей и, моргая глазами, умоляющимъ тономъ чопорно шептала молоденькой шалуньѣ:

— Ахъ, что̀ вы меня конфузите!

— Ничего, ничего, Вѣра Александровна, пусть ихъ смѣются надъ нами, вотъ и мы когда-нибудь надъ ними подшутимъ,—дружески говорилъ Кряжовъ своей постоянной спутницѣ по прогулкамъ.

Пробывъ недолго въ Баденъ-Баденѣ, семья переселилась въ Швейцарію, гдѣ и было проведено время до поздней осени. Осенью Павелъ сталъ собираться въ Россію, съ

нимъ уѣзжала и Вѣра Александровна, но только на время, для свиданія съ сестрою: безъ нея уже не могли обойтись здѣсь, да и она сама отвыкла отъ прежней жизни и чувствовала горячую привязанность къ пріютившимъ ее людямъ. Груня порядочно грустила передъ разлукою съ Павломъ, но старалась скрыть свою грусть и обѣщала работать и учиться до возвращенія своего друга. Онъ разсчитывалъ пріѣхать снова къ ней зимою на мѣсяцъ.

— Береги, отецъ, Груню, — говорилъ Павелъ Кряжову передъ отъѣздомъ.—Я долженъ тебѣ сказать,—началъ онъ въ смущеніи нерѣшительнымъ тономъ:—что теперь ей нуженъ особенный уходъ... Ты, можетъ-быть, это замѣтилъ.

— Положись во всемъ на меня. Я все знаю, все вижу,— задушевно перебилъ его старикъ, положивъ руку на его плечо. Но старикъ запнулся на первомъ словѣ и только черезъ двѣ-три минуты собрался съ духомъ.—Ты знаешь,— сказалъ онъ:—что ребенокъ можетъ быть записанъ законнымъ, хотя это...

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога,—быстро перебилъ его Павелъ:—даже и не упоминай о существованіи ея мужа! Пусть мой ребенокъ носитъ какое хочешь имя, какое хочешь званіе, но только онъ не долженъ быть Обносковымъ!

Кряжовъ тихо вздохнулъ.

— Не сердись на меня,—кротко проговорилъ онъ.—Тяжело мнѣ мириться со всѣмъ этимъ, очень тяжело! И не потому тяжело, что я гляжу на мнѣніе свѣта или придаю значеніе названіямъ вещей, но мнѣ все еще больно, что именно *я* виноватъ во всемъ...

— Полно, отецъ! Ты видишь, что мы спокойны; зачѣмъ же тебѣ тревожить себя? Будемъ жить мирно, и пусть люди говорятъ про насъ, что̀ имъ угодно.

Пошли дни, недѣли, мѣсяцы, безъ особенныхъ волненій, безъ особенныхъ событій. Всѣ герои этихъ семейныхъ сценъ стали мало-по-малу отдыхать отъ пережитыхъ тревогъ и бурь и сознавали, что ихъ жизнь принимаетъ ровное и правильное теченіе. Это было затишье послѣ грозы; всѣ чувствовали, что надъ ними прошумѣла гроза, что она оборвала многіе листья, обломала многія вѣтви, только сами они не согнулись передъ ней и остались цѣлы. Эти уцѣлѣвшіе люди не считали себя окончательно поломанными людьми и имъ, можетъ-быть, не безъ основанія казалось, что подъ грозой погибли только тѣ части ихъ самихъ, которыя уже давно были гнилы и только могли мѣшать развитію здо-

ровой части ихъ организма. Павелъ работалъ въ Петербургѣ особенно усиленно, безъ прежнихъ порывовъ, но зато постоянно и осмысленно; счастье опять придало ему силы и ни разу думы о Грунѣ, желаніе свиданія съ нею, смутныя стремленія dahin не прервали его занятій; напротивъ того, онъ именно потому работалъ бодро, что только этимъ путемъ онъ надѣялся, спокойно, не разлучаясь, жить съ нею въ будущемъ. Кряжовъ, испытавшій, что̀ значитъ полное одиночество, сталъ теперь искать людского общества и поселился со своею дочерью на время въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетскихъ городовъ. У нихъ образовался небольшой кружокъ знакомыхъ: у Груни собиралась большею частью русская молодежь; у Кряжова сходились иногда нѣмцы-профессора попить пиво и поспорить. Неизвѣстно, почерпнулъ ли что-нибудь вполнѣ довольный своею судьбою Кряжовъ изъ этихъ бесѣдъ, но Груня развивалась съ каждымъ днемъ, жадно хватаясь за каждую новую мысль, за каждое новое знаніе, и уже въ ея головѣ бродили смѣлые планы различныхъ предпріятій, которымъ ей хотѣлось отдаться по пріѣздѣ въ Петербургъ. Но когда настанетъ этотъ день? Эта мысль иногда заставляла молодую женщину строптиво хмурить брови и впадать въ глубокое раздумье. Но облако печали проходило снова и опять являлась бодрость, пробуждались силы и надежды. А время шло. Вотъ и зима наступила; воротилась за границу Вѣра Александровна съ наивными разсказами, какъ она, въ качествѣ дѣвицы, боялась ѣхать одна; пришло Рождество, прикатилъ Павелъ къ своей семьѣ на елку, какъ онъ говорилъ; прошли праздники, и Павелъ уѣхалъ снова въ Россію; все чаще и чаще стали приходить отъ него письма не къ Грунѣ, а на имя ея отца съ вопросомъ о ея здоровьи, наконецъ получилась телеграмма на имя Кряжова со словами: «Благодарю тебя, отецъ, и да сохранитъ судьба младенца. Цѣлую Груню»,—а желанный день возвращенія въ Россію все не наступалъ.

Дѣло въ томъ, что Алексѣй Алексѣевичъ, выдавъ женѣ заграничный паспортъ, никакъ не хотѣлъ выдать ей постоянный видъ для отдѣльнаго свободнаго проживанія въ Россіи. Сдѣлавъ поневолѣ, по необходимости одну уступку, онъ никакъ не рѣшался согласиться, чтобы его жена жила въ Россіи; по его мнѣнію, ея поѣздка за границу могла еще не вызывать толковъ и не походить на формальный разводъ, но ея отдѣльная жизнь въ Петербургѣ прямо да-

вала возможность обществу заглянуть въ закулисныя тайны ихъ семейной жизни и дѣлать свои нелестные выводы. Кряжевъ уже рѣшился не хлопотать о выдачѣ для дочери вида на жительство, тѣмъ болѣе, что и она сама на время успокоилась и перестала думать о возвращеніи въ Россію, такъ какъ Павелъ окончилъ курсъ въ университетѣ и переселился въ Германію, гдѣ впервые увидалъ маленькое дорогое ему созданьице, носившее имя Аркадія Панютина. Семья окончательно устроилась на мѣстѣ и, повидимому, позабыла совершенно, что гдѣ-то далеко есть человѣкъ, который можетъ и, по всей вѣроятности, не затруднится вдругъ смутить ея семейное затишье хотя бы просто изъ чувствъ зависти и мести. Переставъ на время думать о возвращеніи на родину, Груня радовалась, что Павелъ пробудетъ съ нею неразлучно два года, и нянчилась со своимъ младенцемъ никакъ не менѣе, чѣмъ нянчилась Вѣра Александровна съ другимъ младенцемъ—со старикомъ Кряжовымъ...

XXIII.

Заключеніе.

Совсѣмъ иная жизнь шла въ это время въ домѣ Обноскова. Алексѣй Алексѣевичъ, несмотря на болѣзненное и раздраженное состояніе своего организма, весь отдался работѣ и старался забыть всѣ невзгоды своей дѣйствительной жизни среди памятниковъ давно забытой и чуждой ему древности. Между нимъ и его матерью царствовала замѣтная непріязнь. Сынъ всячески избѣгалъ бесѣдъ съ нею и сталъ затворять отъ нея двери своего кабинета; если же она случайно врывалась въ это послѣднее убѣжище сына, то онъ прямо говорилъ ей:

— У меня работа есть, не мѣшайте мнѣ!

Сухой и холодный тонъ этихъ словъ дѣлалъ невозможнымъ какое бы то ни было возраженіе. Мать вознаграждала себя за потерю сыновней любви жалобами на невѣстку, говорила всѣмъ и каждому, что эта змѣя подколодная ее съ сыномъ разссорила, что онъ теперь въ меланхолію впалъ, не ѣстъ, не пьетъ и ни съ кѣмъ говорить не хочетъ, что онъ чахнетъ, какъ свѣча передъ образомъ таетъ, и что каково же все это материнскому-то сердцу видѣть! Откуда-то Марья Ивановна узнала, что «Павлушка» за границу ѣздилъ къ своей «полюбовницѣ», что «старый грѣховодникъ-отецъ самъ, самъ повезъ къ своей доченькѣ любовника, и что если бы Леня-то захотѣлъ, такъ ей бы, женѣ-

то его, публично выдали бы такой, знаете, билетъ, какіе развратнымъ женщинамъ выдаютъ, а то еще, можетъ-быть, въ монастырь на покаяніе засадили бы; да только Леня-то духомъ, духомъ упалъ и ничего не хочетъ съ ними, съ мошенниками-то, съ кровопивцами-то дѣлать, хоть онъ теперь воленъ въ ихъ смерти и животѣ: захочетъ сказнитъ, захочетъ помилуетъ!..»

— Ахъ, дѣла, дѣла!—разѣвали рты слушательницы, по большей части принадлежавшія къ сословію кухарокъ.

Эта сфера была самая достолюбезная для Марьи Ивановны, такъ какъ только здѣсь ее называли «барынею», преклонялись передъ ея великимъ чиномъ титулярной совѣтницы и считали ея Леню какимъ-то грознымъ судьею, имѣющимъ право казнить и миловать не только жену, но и всѣхъ ея родныхъ и близкихъ. Неизвѣстно, какія думы мучили въ это время Обноскова: тосковалъ ли онъ о женѣ, придумывалъ ли для нея какую-нибудь месть или боялся людскихъ толковъ, сплетенъ и огласки, но только онъ, дѣйствительно, избѣгалъ общества и выѣзжалъ лишь на уроки, въ должность или на университетскіе диспуты, гдѣ постоянно вступалъ въ ожесточенные и колкіе споры, преслѣдуя каждую живую и новую мысль. Онъ самъ готовилъ диссертацію, полную тонкихъ и ѣдкихъ намековъ на совершенную безграмотность, на верхоглядство и дилетантизмъ въ наукѣ; ожидая полнаго успѣха своему труду, онъ надѣялся скоро получить каѳедру, и уже впередъ говорилъ, что у него на экзаменахъ пройдутъ счастливо только тѣ, которые будутъ знать его предметъ, по крайней мѣрѣ, не хуже его самого. Среди этихъ занятій и надеждъ ему представился еще одинъ случай публично высказать свои мнѣнія.

Дѣло въ томъ, что въ Петербургѣ приготовлялось одно изъ часто повторявшихся въ послѣднее время торжествъ; десятокъ докторовъ и ученыхъ готовилъ юбилейный обѣдъ для одного престарѣлаго, заслуженнаго доктора изъ обрусѣвшихъ нѣмцевъ, извѣстнаго нѣсколькими, написанными на иностранныхъ языкахъ статьями. Несмотря на свое несомнѣнно нѣмецкое происхожденіе, докторъ Гренингъ былъ извѣстенъ за яраго славянофила; несмотря на свою принадлежность къ міру медиковъ, докторъ Гренингъ прославился одной надѣлавшею шуму статьею, гдѣ выражалось то мнѣніе, что только классическія науки развиваютъ умъ и нравственность человѣка, а естествознаніе ведетъ къ без-

божію и невѣрію. Эта статья прославилась еще болѣе, когда одинъ естествоиспытатель сталъ доказывать, отвѣчая на нее, что именно естественныя-то науки и развиваютъ вѣру, и указалъ при этомъ на нѣсколькихъ вѣрующихъ и даже служащихъ обѣдни иностранныхъ естествоиспытателей. На эту статью явилось возраженіе какого-то литератора, который замѣтилъ: «А! такъ вы своихъ учениковъ заставляете все принимать на вѣру? А я думалъ, что первая обязанность естествоиспытателя — заявить своимъ слушателямъ, что каждый ихъ выводъ, каждый ихъ взглядъ долженъ быть основанъ на фактахъ и опытахъ, что безъ фактовъ и опытовъ нельзя составлять никакихъ понятій и заключеній, и что понятія, составленныя инымъ образомъ, — ерунда». Воспользовавшись этимъ возраженіемъ, докторъ Гренингъ тонко указалъ кому слѣдуетъ, какія идеи проповѣдуютъ естественники, и вышелъ побѣдителемъ изъ спора. Помня эту бурю въ стаканѣ воды, можно было ожидать очень многаго отъ юбилейнаго обѣда, тѣмъ болѣе, что и всѣ другіе подобные обѣды не проходили безъ шума и курьезовъ. Петербургъ, да и вся Россія, какъ, вѣроятно, замѣтилъ каждый, такъ же стремительно бросились на путь ораторства, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ они бросились на путь обличительной литературы; Богъ знаетъ для какихъ цѣлей развиваются теперь эти ораторскія способности, но вѣроятнѣе всего, что въ результатѣ получится то же, что̀ получилось отъ обличительной литературы, т. е. почти полнѣйшее исчезновеніе съ лица земли. Но что̀ бы ни было въ будущемъ, а покуда мы ораторствуемъ, видимъ отъ этого великую пользу, относимся къ «рѣчамъ» съ неподражаемо комичною серьезностью и глубокомысленно съ какою-то боязливой оглядкой называемъ эти невинныя упражненія «подготовкой къ будущему», а потому юбилейный обѣдъ доктора Гренинга, какъ и обѣдъ для братьевъ славянъ, какъ и всѣ другіе обѣды, казался чѣмъ-то важнымъ, какимъ-то событіемъ въ жизни всѣхъ согражданъ и всей Россіи, наиѣрное не одному Обноскову. Что-жъ мудренаго, что и онъ поспѣшилъ воспользоваться возможностью свободно, съ дозволенія начальства, высказать свои мнѣнія и подписался чуть ли не первымъ на обѣдъ. Этому гражданскому подвигу онъ даже жертвовалъ своимъ здоровьемъ и сильнѣе всего боялся только того, что его нездоровье разовьется не на шутку до дня юбилея. Онъ употреблялъ неимовѣрныя усилія надъ собою, чтобы казаться, даже въ своихъ собственныхъ

глазахъ, здоровѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и увѣрялъ себя, что и кашель, и лихорадка были просто слѣдствіемъ неопаснаго гриппа. Накапунѣ давно ожидаемаго дня Обноскова бросало и въ потъ, и въ дрожь; отъ нетерпѣнія онъ почти не могъ ничего дѣлать, двадцать разъ ложился и снова вставалъ и набрасывалъ на бумагу рѣчь, которую, подобно всѣмъ другимъ ораторамъ, хотѣлъ произнести на обѣдѣ, конечно, экспромтомъ. Наконецъ насталъ и желанный день. Алексѣй Алексѣевичъ пріободрился и одѣлся, посмотрѣлъ на часы и увидалъ, что еще слишкомъ рано ѣхать на обѣдъ.

— Не ѣздилъ бы ты, голубчикъ, сегодня,—сказала ему мать. — На тебѣ лица нѣтъ, а сегодня морозъ такой, что носъ страшно на улицу показать.

— Что̀ вы выдумываете! — разсердился сынъ. — Я совсѣмъ здоровъ, да если бы и былъ боленъ, то все-таки надо ѣхать.

— Охъ, Леня, ужъ неужели начальство и на болѣзнь-то не смотритъ...

— Какое начальство? Я на обѣдъ ѣду...

— Господи, ужъ будто ты дома-то пообѣдать не можешь! Слава Богу, живемъ мы...

— Ничего вы не понимаете, а суетесь во всякое дѣло!

Обносковъ повернулся къ матери спиною, вышелъ, хлопнувъ дверью, и подумалъ:

«Вотъ и живи вѣкъ съ такою круглою невѣждою! И какъ это она умѣетъ во все свой носъ сунуть. Мало ей кухоннаго царства!»

Пріѣхавъ на обѣдъ не въ очень хорошемъ настроеніи духа, Алексѣй Алексѣевичъ имѣлъ несчастіе неожиданно встрѣтить тамъ Левчинова. Это обстоятельство еще болѣе раздражило Обноскова. Левчиновъ, по обыкновенію, довольно пошло балагурилъ и хохоталъ громкимъ смѣхомъ.

— Что̀, Алексѣй Алексѣевичъ, отъ скуки по торжественнымъ обѣдамъ разъѣзжаете?—сказалъ онъ Обноскову, фамильярно хлопая его по плечу въ качествѣ стараго товарища.

— Вамъ подражаю,—хмуро отвѣтилъ Обносковъ.

— Я-то по обязанности здѣсь, нужно «отмѣтку» веселенькую настрочить о томъ, какъ это люди будутъ нѣмца за русскій патріотизмъ выхвалять и доктора славить за борьбу противъ естествознанія. Ну, да послѣ такого драматическаго представленія и на балетъ посмотрѣть хочется.

— На какой балетъ?—сердито спросилъ Обносковъ.

— А какъ наши престарѣлые тузы въ присядку ради патріотизма пойдутъ.

— Что вы выдумываете?

— А вотъ увидите. И трепака пропляшутъ. Ей-Богу! Вотъ его превосходительство докторъ Винтеръ непремѣнно въ присядку пойдетъ. Ему уже не впервые этимъ художествомъ заниматься, навострился!

— Удивляюсь я, какъ вамъ не надоѣстъ всякой чепухѣ вѣрить. Негодяи гдѣ-нибудь распустили пошлую выдумку, а вы вѣрите.

Обносковъ ходилъ по залѣ, желая скрыться отъ Левчинова, но тотъ, какъ тѣнь или вѣрный песъ на травлѣ, слѣдовалъ по его пятамъ.

— Ой, какой вы сердитый нынче стали!—смѣялся онъ.— Ну, а что ваша супруга? Здорова ли? Скоро ли мы ее снова увидимъ?

— Она еще не поправилась,—прошипѣлъ Обносковъ и бросилъ свирѣпый взглядъ на Левчинова, какъ будто онъ хотѣлъ его уничтожить.

Левчиновъ не унимался.

— Какъ жаль, какъ жаль!—говорилъ онъ съ участіемъ въ голосѣ.—Гдѣ же она теперь? въ Ниццѣ или въ Швейцаріи?

Обносковъ закусилъ губы. Онъ не зналъ навѣрное, гдѣ живетъ теперь его жена, и боялся явно и смѣшно проврваться, если Левчинову почему-нибудь извѣстно настоящее мѣстопребываніе Груни.

— Не хотите ли вы навѣстить ее?—постарался онъ отдѣлаться отъ прямого отвѣта и поспѣшно улизнулъ въ толпу, увидавъ какое-то знакомое лицо.

Но Левчиновъ не отступалъ отъ своей жертвы и тѣшился травлею со всею нахальностью и неотвязчивостью праздношатающагося повѣсы. Во время обѣда онъ усѣлся возлѣ Обноскова и отравлялъ своими шутками каждый кусокъ стараго пріятеля. Каждая рѣчь, каждый тостъ давали поводъ къ насмѣшкамъ и остротамъ. Обносковъ кусалъ губы и молчалъ. Обѣдъ, между тѣмъ, дѣлался все шумнѣе, нѣкоторые голоса уже звучали какъ-то невѣрно, мѣстами уже слышались приглашенія выпить на *ты*; приходилось торопиться произнести рѣчь.

Алексѣй Алексѣевичъ всталъ, попросилъ слова и началъ говорить... Желчная и ѣдкая рѣчь Обноскова о необходимости борьбы съ модными идеями развращеннаго поколѣ-

нія матеріалистовъ, реалистовъ и нигилистовъ уже начала возбуждать вниманіе, какъ вдругъ Левчиновъ крикнулъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, господа, теперь примиреніе нужно! Да погибнетъ вражда и распри! Мы всѣ дѣти одной матери, какіе бы ярлыки и клички мы ни носили, и нашъ почтенный юбиляръ служитъ яркимъ доказательствомъ истины моихъ словъ: онъ нѣмецъ по фамиліи, но онъ русскій въ душѣ!

— Да, да, ты нашъ братъ русакъ!—крикнулъ кто-то невѣрнымъ голосомъ.

— Качать его, качать!

Десятокъ пожилыхъ и еще не старыхъ людей, пошатываясь, окружилъ юбиляра, и началось качанье.

— Пей, братъ, пей и докажи, что и ты русскій! Къ чорту шампанское! подавай намъ родной сивухи!—сипло раздавалось въ одномъ углу.

— Ну-ка, Эдуардъ Карловичъ, пройдемся, — говорилъ кто-то почтенному доктору Винтеру, размахивая взятымъ за уголъ носовымъ платкомъ, въ знакъ приготовленія къ русской пляскѣ.

Среди этого хаоса ошеломленный и безмолвный Обносковъ остался одинъ, не досказавъ своей строго обдуманной рѣчи. Кто-то подошелъ къ нему и ударилъ его по плечу. Обносковъ обернулся и увидалъ передъ собою улыбающагося старикашку съ лысой, словно обмазанной саломъ, лоснящейся головой; онъ не зналъ этого человѣка.

— Вы Обносковъ?—спросилъ старикашка, едва стоя на ногахъ и умильно улыбаясь.

— Да,—отвѣтилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Ну, и выпьемте за вашу будущность! Выпьемте, потому что я люблю васъ, люблю всю такую молодежь.

— Я не могу много пить,—сухо отвѣтилъ Обносковъ.

— Глупости! Брудершафтъ выпьемъ... На *ты*... Ну, давай! Къ чорту церемоніи, къ чорту скуку! Мы здѣсь въ своей семьѣ, и всѣ мы братья!

Обносковъ выпилъ бокалъ вина черезъ руку съ лысымъ старичкомъ. Послѣдовало лобзаніе. Старикъ потащилъ Обноскова въ другую комнату, усадилъ на диванъ, велѣлъ подать кофе и подлилъ въ него рому. Началась бесѣда; старикъ со слезами на глазахъ разсказывалъ о своей студенческой жизни, выболталъ всѣ свои семейныя тайны, пожаловался на жену и на непокорныхъ дѣтей и налилъ еще стаканъ вина Обноскову, заставивъ его насильно выпить.

— Нѣтъ, ты пойми, каково мнѣ жить,—рыдалъ подгулявшій лысый старичокъ, полируя носовымъ платкомъ свою лоснящуюся голову.—Сынъ у меня, Николашка, разбойникъ, говоритъ: «Не хочу я съ мачихой жить...» Ну, говорю, и убирайся къ чорту!.. «Да я, говоритъ,— и сестеръ съ собой возьму, потому что не хочу, чтобы онѣ на безобразіе смотрѣли...» Ну, говорю, и бери ихъ на свою шею, а я вамъ гроша не дамъ... Хорошо! Ушли, бросили меня... А она-то, жена-то моя, обманываетъ меня, на каждомъ шагу обманываетъ... А? каково мнѣ это сносить?.. Вотъ ты молодой человѣкъ, а какъ бы ты это снесъ, если бы тебя жена обманывать стала?... Ну, скажи мнѣ откровенно, скажи,—приставалъ лысый старичокъ, рыдая.

Обносковъ молчалъ и, неизвѣстно почему, тоже горько плакалъ. Онъ захмелѣлъ окончательно.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ: ты мнѣ другъ? А?—приставалъ лысый старичокъ.

— Господа, не здѣсь ли юбиляръ? — громко спросилъ кто-то, вбѣгая въ комнату, гдѣ сидѣли наши собесѣдники.

— Нѣ-ѣтъ,—отвѣтили они, оглядывая комнату мутными глазами.

— Боже мой, онъ пропалъ! Кучеръ его ждетъ, а его отыскать нигдѣ не могутъ.

— Надо идти! Иска-ать! -заговорилъ старичокъ путающимся языкомъ, громко икая, и потащилъ за собою Обносковa, говоря ему: «Поддерживай насъ, стариковъ, поддерживай, молодой человѣкъ!»

Безплодно отыскивая пропавшаго юбиляра, толпа подкутившихъ гостей вышла на улицу безъ шубъ и шляпъ, чтобы разспросить кучеровъ. Одинъ изъ гостей отправился на домъ къ юбиляру. Черезъ полчаса онъ возвратился и объявилъ, что юбиляра увезли въ чужой каретѣ, и что онъ спокойно спитъ въ своей спальнѣ.

— Ура, пить за его здоровье!— крикнули сиплые голоса...

Обносковъ, шатаясь, улизнулъ изъ комнаты и вышелъ на крыльцо, гдѣ едва отыскали ему шубу. Онъ чувствовалъ себя скверно и не могъ дать себѣ отчета, что̀ дѣлается съ нимъ.

— Ѣдешь уже, Алексѣй Алексѣевичъ? — нѣжнымъ и печальнымъ голосомъ спросилъ его, появляясь на крыльцѣ, Левчиновъ, говорившій уже со всѣми на *ты* и съ чрезвычайною сладостью и мягкостью. — А у насъ, голубчикъ,

жженка устраивается, Gaudeamus споемъ,—еще болѣе огорченнымъ тономъ добавилъ онъ.

— Нѣтъ, ты свинья! Ты глубоко, глубоко оскорбилъ меня!—почти плача, произнесъ Обносковъ заплетающимся языкомъ.—Ты подлецъ!

— Полно! ну, что ты ругаешься? Ну, подлецъ я, подлецъ, а ты прости меня,—полѣзъ съ открытыми объятіями Левчиновъ къ своему старому пріятелю. — Ну, какіе мы враги? Что̀ намъ дѣлить-то! Всѣ мы мученики подневольные...

— Да вѣдь больно мнѣ, больно! — разрюмился Алексѣй Алексѣевичъ, лобзаемый Левчиновымъ.—Ты думаешь, я подлецъ, ты думаешь я не понимаю васъ? Я очень понимаю... Но я за законъ, за законъ... Ну, зачѣмъ вы не законъ? А, зачѣмъ?.. Ну и я бы съ вами, за васъ бы... за конституцію...

— Ну, останься, останься, голубчикъ, хоть теперь съ нами,—умолялъ огорченный Левчиновъ.—Вѣдь ты не повѣришь, какъ я тебя люблю. Будь ты женщиной, я бы женился на тебѣ. Ей-ей!—объяснялся онъ въ любви.

— Нѣтъ, я поѣду, измучился я,—бормоталъ Обносковъ, безсмысленно мотая головой.

— Ну, не хочешь оставаться, Богъ съ тобой! Давай я тебя провожу, давай я тебя усажу! Помнишь, Леша, я тебя маленькаго на руки подымалъ... Маленькій ты такой былъ, сла-абенькій...

— Эхъ, бра-атъ, горько мнѣ, о-очень горько!—шепталъ Обносковъ совсѣмъ заплетающимся языкомъ почти въ полуснѣ.

Левчиновъ, обнимая и цѣлуя пріятеля, отвелъ его на улицу, усадилъ въ сани и закуталъ, поднявъ воротникъ его шубы до̀ самыхъ ушей. Извозчикъ уже хотѣлъ ѣхать, когда Левчиновъ еще разъ облобызалъ Обноскова и пробормоталъ:

— Постой, голубчикъ, я тебя перекрещу!

Левчиновъ сотворилъ крестное знаменіе надъ лицомъ пріятеля. Обносковъ во всю дорогу заливался слезами...

Рано на слѣдующій день поднялась Марья Ивановна и, узнавъ отъ кухарки, что барина привелъ дворникъ «не въ своемъ видѣ», прошла на цыпочкахъ въ комнату сына. Онъ, нераздѣтый, лежалъ на спинѣ на своемъ диванѣ въ страшномъ жару. Марья Ивановна попробовала разбудить его, онъ не просыпался. Она позвала служанку и кое-какъ съ ея помощью раздѣла сына. Онъ что-то пробормоталъ во снѣ,

Но не открылъ глаза. Его пылающее худое лицо было покрыто пятнами. Къ вечеру сынъ все еще спалъ, но бредилъ. Пришлось звать доктора. Докторъ покачалъ головою, сказалъ, что дѣло плохо, прописалъ лѣкарства и уѣхалъ... Прошло недѣли двѣ, Алексѣй Алексѣевичъ былъ уже въ памяти, но надеждъ на выздоровленіе не было никакихъ.

— Священника позовите, — слабымъ голосомъ говорилъ онъ однажды матери.

Она расплакалась.

— Не плачьте... мнѣ надоѣли слезы,—прошепталъ онъ и отвернулся.

— Какая она въ дѣвушкахъ была веселая, — пробормоталъ онъ черезъ минуту въ забытьи.

— Про кого это ты, голубчикъ, говоришь?—съ участіемъ спросила мать.

— Вы еще здѣсь?—очнулся больной.—Ступайте за священникомъ... Что-жъ, одну жизнь отняли, такъ и другую хотите отнять?—съ испугомъ на лицѣ бормоталъ больной.— Священника, священника!..

Онъ потянулся за колокольчикомъ.

— Что ты, Леня?—спросила мать.

— Священника!.. Вы меня губите... Адъ... адъ...—стоналъ больной.

Мать вышла.

— А потомъ она была всегда такая печальная, — снова черезъ нѣсколько минутъ бормоталъ Обносковъ въ забытьи.

Пришелъ духовникъ и попросилъ Марью Ивановну выйти изъ комнаты.

— Да, да, уйдите, васъ не надо,—проговорилъ больной.

Мать повиновалась и вышла. Началась исповѣдь. Больной отвѣчалъ несвязно.

— Жена меня не проститъ... проклинать будетъ, — совсѣмъ тихо произнесъ онъ, принимая причастіе, и опять на его лицѣ появилось выраженіе мучительнаго испуга.—Жену! жену!—громко и звучно крикнулъ больной почти съ ужасомъ.

— Не хотите ли, чтобы я что-нибудь передалъ ей?— спросилъ священникъ.— Подумайте.

Онъ помолчалъ, чтобы дать больному время подумать, и сталъ укладывать крестъ въ небольшой ящикъ. Прошло нѣсколько минутъ.

— Ну, что же, не имѣете ли вы еще чего-нибудь сказать?

Священникъ обратилъ свои глаза на больного: тотъ не

шевелился и лежалъ съ открытыми и неподвижными глазами. Священникъ тихо началъ читать надъ нимъ молитву...

Отъ Обноскова остался одинъ бездушный трупъ, да нѣсколько никому не нужныхъ начатыхъ работъ... На лицѣ покойника, когда онъ лежалъ на столѣ, виднѣлось все то же выраженіе испуга; казалось, что онъ именно для того закрылъ глаза, чтобы не видать окружающихъ людей и кипящей кругомъ жизни, а, можетъ-быть, въ этомъ выраженіи отразился его послѣдній страхъ передъ тою жизнью, въ которую онъ такъ боялся вступить... Марья Ивановна дико кричала, рвалась и билась у гроба...

Похороны совершались довольно торжественно и нашлось много людей, придавшихъ какое-то особенное значеніе покойнику. «Онъ былъ, какъ Россія, весь въ будущемъ!» «Мы хоронимъ наши лучшія надежды на будущее!» «Это былъ стойкій и глубоко убѣжденный человѣкъ, способный направить на путь новое поколѣніе», раздавалось со всѣхъ сторонъ и кто-то даже тиснулъ въ этомъ родѣ статейку: Богъ знаетъ, заставило ли выкинуть эту штуку искреннее убѣжденіе, или просто желаніе сказать, что и авторъ статейки былъ тоже знакомъ съ порядочными людьми, или, можетъ быть, побужденіе было еще мельче и просто явилось слѣдствіемъ желанія заинбить лишнюю копейку...

На могилѣ одинъ изъ провожатыхъ совершенно неожиданно рѣшился произнести рѣчь и принялъ приличный случаю видъ.

— Господа, кого мы хоронимъ?—торжественно спросилъ ораторъ и обвелъ собраніе глубокомысленнымъ, немного отупѣлымъ взглядомъ, какъ это обыкновенно дѣлается при подобныхъ вопросахъ во время надгробныхъ рѣчей.—Кого мы хоронимъ? — еще торжественнѣе повторилъ онъ, выкатывая глаза и многозначительно качая головой.

— Сына моего, батюшка, сына моего... Обноскова...— зарыдала Марья Ивановна, услышавъ вопросъ и совершенно не зная, что на подобные вопросы въ рѣчахъ обыкновенно отвѣчаютъ сами же ораторы.

По лицамъ присутствующихъ промелькнули неприличныя, плохо сдержанныя улыбки, а ораторъ совсѣмъ растерялся, остолбенѣлъ и, потерявъ нить своей рѣчи, могъ продолжать ее только черезъ нѣсколько минутъ. Но, къ сожалѣнію, ему надо было торопиться, такъ какъ Марья Ивановна окончательно рѣшилась вступить съ нимъ въ разговоръ и поминутно отвѣчала на всѣ похвалы оратора.

— Это точно, батюшка! Такъ, такъ! Охъ, онъ, мой голубчикъ, еслибъ онъ зналъ, какъ его люди-то хвалятъ! Вотъ ужъ видно, что вы добрый человѣкъ! Не имѣю чести только знать, какъ васъ зовутъ...

Вслѣдствіе этихъ возгласовъ надгробная рѣчь, противъ всякаго ожиданія, превратилась въ какой-то странный діалогъ; ораторъ, посылая чуть не къ чорту Марью Ивановну, спѣшилъ, путался, а недоумѣвающая публика смотрѣла на это необычайное зрѣлище совсѣмъ не съ похороннымъ настроеніемъ духа.

— Фу! — отеръ ораторъ со своего лица потъ, окончивъ рѣчь, и отошелъ отъ могилы. — Нѣтъ, каково эта баба-то ко мнѣ привязалась! совсѣмъ, разбойница, доѣхала!—воскликнулъ онъ въ кругу своихъ знакомыхъ. — Это вѣдь чортъ знаетъ, что̀ за положеніе!

— Позвольте-съ, засыпать надо! — проговорили могильщики и, поплевавъ на ладони, принялись за лопаты.

Комки мерзлой земли глухо застучали о крышу гроба.

— О-й, пустите меня къ нему, къ моему голубчику! Охъ, отцы родные, не могу я безъ него жить! Тошнехонько мнѣ!.. Леня, ангелъ мой, ненаглядный, разочекъ дай взглянуть на себя!—рвалась Марья Ивановна изъ поддерживавшихъ ее рукъ.

Провожатые начинали понемногу расходиться... Раздосадованный ораторъ обдумывалъ теперь, что̀ надо бы еще сказать на обѣдѣ, и рѣшился иначе начать свою новую рѣчь, надѣясь на болѣе удачный конецъ...

— Не пожалуете ли, сударь, на чаекъ?.. За копанье могилъ... умаялись... Здѣсь грунтъ-отъ, пусто бы ему было, чистая глина, да и замерзло все... Пока копаешь, такъ самъ десять разъ въ яму носомъ ткнешься, — разсуждалъ одинъ изъ могильщиковъ, пока распорядитель похоронъ шарилъ въ своемъ кошелькѣ, отыскивая мелочь.

— Батюшка, имъ заплачено... Охъ, всѣмъ заплачено, всѣмъ! — вмѣшалась, рыдая, Марья Ивановна. — Мошенники здѣсь обобрать норовятъ... Жалости-то въ нихъ нѣтъ!.. Охъ, я сирота-горемычная!.. На кого ты меня оставилъ, кормилецъ ты мой!..

— Ишь ты, полтину на трехъ далъ,—съ укоризной разсуждалъ могильщикъ, когда и Марья Ивановна была уведена съ могилы.—Ну, кулакъ народъ! И вѣдь экое время-то, ни къ чему приступу нѣтъ...

— А вотъ погоди, хлѣбъ-отъ, говорятъ, еще подорожаетъ,—замѣтилъ другой могильщикъ, сердито прибивая лопатою землю на могилѣ Обноскова.

— Черти, черти проклятые! — ругался собесѣдникъ, не менѣе сердито оканчивая свою работу. — Довольно, и такъ не встанетъ! — отеръ онъ потъ съ лица и поднялъ лопату на плечо, какъ солдатъ ружье.

Отъ кладбища уже мчались на похоронный обѣдъ кареты, и шли въ нихъ веселые, беззаботные разговоры о житейскихъ дѣлахъ, о сегодняшнемъ днѣ, о вечернемъ спектаклѣ... Сегодня похороны, завтра свадьба; утромъ погребальное пѣніе, вечеромъ обнаженныя плечи Деверій, или балетъ чуть не голыхъ фей; одинъ умеръ, другой родился; Алексѣя Алексѣевича Обноскова похоронили, а гдѣ-нибудь съ нетерпѣніемъ и радостью ждутъ рожденія какого-нибудь его однофамильца; покойникъ стоялъ за чистую, отвлеченную отъ жизни науку и, къ сожалѣнію, не кончилъ своего поприща, даже не началъ настоящей борьбы за свои идеи, но, можетъ-быть, новорожденный его однофамилецъ будетъ успѣшнѣе бороться за тѣ же самыя идеи; вѣдь не сегодня началась эта борьба, не завтра кончится; наука не скоро унизится до того, чтобы сойти въ простую кухню или въ грязный подвалъ мастерового, ну, да и жизнь-то обходится безъ науки, не много нужно знать, чтобы весело прожить... Зимой кутили въ пользу несносныхъ голодающихъ, лѣтомъ поѣдемъ на воды за границу мотать послѣднія деньги; на нашъ вѣкъ всего хватитъ, а внуки пусть сами о себѣ думаютъ; старые порядки, можетъ-быть, и худы, да не ломать же намъ себя, а новые, можетъ-быть, и хороши, ну, такъ и пусть ихъ вводятъ, когда насъ не будетъ... Житейскія рѣчи, житейская мудрость! Плохо живется на свѣтѣ съ этою мудростью...

Въ Германіи стояла уже давно чудесная весна. Однажды небольшой семейный кружокъ Кряжова и нѣсколько короткихъ знакомыхъ Панютина и Груни усѣлись въ саду пить послѣ обѣда кофе. Между собесѣдниками шли тѣ не слишкомъ торопливые, отчасти задумчивые разговоры, къ которымъ обыкновенно располагаетъ послѣобѣденная пора. Толки шли о Россіи, о газетныхъ извѣстіяхъ, о голодѣ, о женскомъ вопросѣ, о просьбѣ женщинъ позволить имъ слушать университетскій курсъ естественныхъ наукъ. Одни выражали свои молодыя надежды, другіе, болѣе опытные, покачивали головами и повторяли свой вѣчный припѣвъ: «ничего не выйдетъ!» Вопросъ перешелъ къ тому, отчего ничего не выйдетъ? Начались споры, и бесѣда оживилась. Не вмѣшивалась въ разговоры въ этотъ день только Груня. Она въ послѣднее время съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала

вѣстей изъ Петербурга, такъ какъ оттуда долженъ былъ пріѣхать старшій сынъ Высоцкой, а можетъ-быть, и она сама. Споры еще продолжались, какъ вдругъ Груня быстро поднялась съ мѣста, взяла на руки ребенка и быстро побѣжала съ нимъ по аллеѣ сада.

— Куда ты? — съ удивленіемъ спросилъ Павелъ.

— Она, она пріѣхала!—крикнула Груня, продолжая бѣжать.

— Милая, дорогая! — раздавалось у калитки сада.— Сколько времени мы не видались.

— Давай ребенка!—послышался мелодическій голосъ Стефаніи Высоцкой.—Боже мой, какой онъ у тебя бутузъ! Ты чѣмъ его кормишь?

— Не смѣй смѣяться надъ нимъ!

— Ну, а ужъ щипать я его непремѣнно буду!

— Такъ я тебѣ и позволю!

— Да вы не поссорьтесь на радостяхъ!—засмѣялся Павелъ и нагнулся къ рукѣ Стефаніи.

— Богъ мой, какой онъ цивилизованный сталъ за границею!—захохотала она, подставивъ ему свободную руку.

— Все попрежнему веселы, живы,—ласково промолвилъ Кряжовъ, здороваясь съ пріѣзжею.

— Что мнѣ дѣлается!

— А сынъ, другія дѣти гдѣ?

— Всѣ, всѣ со мною. Возятся въ отелѣ.

— Ну, ужъ это не дѣло, изволь сюда переѣзжать,—произнесла Груня и побѣжала распоряжаться о перенесеніи вещей Высоцкой въ ихъ домъ.

— Да вѣдь это такой гвалтъ здѣсь поднимется, что вы убѣжите изъ своего кабинета,—обратилась Стефанія къ Кряжову.

— Ну, я и безъ того извѣнился здѣсь, постоянно бѣгаю отъ работы. То внученка поняньчить хочется, то милѣйшая Вѣра Александровна безъ меня скучаетъ, ее утѣшать надо,—смѣялся старикъ.

— Ахъ, а гдѣ же она? Ведите меня къ ней! Она все по-старому влюблена въ васъ?

— Да смѣйтесь, смѣйтесь! А мы такими друзьями стали, что жить другъ безъ друга не можемъ,—шутилъ Кряжовъ, дѣйствительно привыкшій, какъ къ близкой родной, къ наивной и немного сентиментальной старой дѣвѣ.

Когда поутихъ первый шумъ и гамъ веселаго свиданія, Стефанія осторожно завела рѣчь объ опасной болѣзни Обноскова.

— Говори прямо: онъ умеръ?—измѣняясь въ лицѣ и пристально глядя на Высоцкую, спросила Груня.

— Да,— отвѣтила Стефанія.

Всѣ разомъ замолчали. Кряжовъ, опустивъ голову, заходилъ по комнатѣ и время отъ времени по старой привычкѣ подергивалъ шейную косынку. Груня чертила что-то на пескѣ и по ея щекѣ катилась едва замѣтная слеза.

— Что-жъ, этого надо было ожидать, этимъ должно было все рано или поздно кончиться,—проговорила Стефанія.

Груня не поднимала головы.

— Знаю,—прошептала она, украдкой отирая упавшую на руку слезу:—но мнѣ тяжело, что я могу воротиться въ Россію, только перешагнувъ черезъ его могилу.

— Да вѣдь и всегда приходится шагать чрезъ чьи-нибудь могилы къ новой жизни! — отвѣтила Высоцкая серьезнымъ тономъ.—Мы-то это знаемъ по опыту.

— Да, ты говоришь о великихъ событіяхъ, а тутъ мелкіе семейные интересы...

— Ну, зато и могилъ не много,—отвѣтила Высоцкая.— Это грустно, да вѣдь свѣтъ не передѣлаешь. Не перешагнешь ты черезъ могилу врага,—онъ перешагнетъ черезъ твою... Остается то утѣшеніе, что не мы виноваты въ такомъ порядкѣ дѣлъ.

Павелъ подошелъ къ Грунѣ и взялъ ее за руку.

— Ты не согласна съ нею?—тихо спросилъ онъ.

— Согласна, но ты знаешь, какъ трудно пріучить нервы къ выносливости въ этихъ случаяхъ,—отвѣтила Груня.

Павелъ тихо поцѣловалъ ее и, взявъ ее подъ руку, удалился съ нею въ глубину сада. Между ними зашелъ серьезный разговоръ о будущемъ.

Что̀ будетъ далѣе съ нашими героями — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ихъ дальнѣйшая исторія, несмотря на всѣ ихъ ошибки, недостатки и промахи, не можетъ принадлежать къ исторіи господъ Обносковыхъ. Мы могли бы поговорить здѣсь о Марьѣ Ивановнѣ, но подобныя женщины не измѣняются до гробовой доски и потому съ ними довольно познакомиться разъ, чтобы уже никогда не желать продолженія начатаго знакомства. Носятся слухи, что она снова переѣхала на Выборгскую сторону и наклеила на окна объявленія объ отдачѣ комнатъ для студентовъ. Что-жъ, это очень вѣроятные слухи: такая жизнь, все-таки, доставитъ ей утѣшеніе ежедневно изо всѣхъ силъ пилить кого-нибудь и горько плакаться передъ каждымъ встрѣчнымъ на угнетеніе судьбы и на сиротскую долю.

РАЗСКАЗЫ.

I.

Бѣдные углы большого дома.

I.

Большой домъ и его отношенія къ рожденію, жизни и смерти его обитателей.

Это былъ дѣйствительно большой домъ, какъ Россія есть дѣйствительно большое государство. Число его жителей равнялось числу жителей иного изъ безуѣздныхъ и даже уѣздныхъ русскихъ городовъ. Его достопочтенные обитатели, какъ это бываетъ и въ городахъ, принадлежали ко всѣмъ сословіямъ, даже были въ немъ и такіе, которые простонапросто не принадлежали ни къ какому сословію, несмотря на то, что законодательство устроило сословіе «разночинцевъ». Кромѣ этихъ «Ивановъ, не помнящихъ родства», гулявшихъ съ «волчьими паспортами», было въ большомъ домѣ нѣсколько семей толстыхъ купцовъ, у которыхъ висѣли на шеяхъ медали за пожертвованія, теплились во всѣхъ комнатахъ жертвенныя лампады съ запыленными фарфоровыми яйцами и понемногу приносилась въ жертву времени и моли дорогая мебель, скрывавшаяся въ теченіе многихъ лѣтъ подъ чехлами. О бокъ съ однимъ изъ купцовъ нанимала квартиру «мадамъ», какъ называли въ домѣ дѣвицу, содержавшую школу исключительно для женскаго пола, между которымъ въ неурожайные годы были и мальчики. Надъ школой жилъ какой-то разбогатѣвшій изъ скуднаго жалованья и нивший запоемъ надворный совѣтникъ, съ Станиславомъ въ петлицѣ и пряжкою за безпорочную службу. Надъ нимъ существовала какая-то вдовица, устроившая государство въ государствѣ, то-есть раздѣлившая свою квартиру на части, и такимъ образомъ превратившаяся въ хозяйку-собственницу. Этимъ раздѣленіемъ она пріобрѣла право

изгонять изъ своихъ владѣній непокорныхъ вассаловъ-жильцовъ и доказала міру, какъ легко захватить въ свои руки извѣстную долю власти. Былъ въ домѣ даже и генералъ, но—успокойтесь, встревожившійся читатель,—генералъ былъ статскій. Не стану исчислять всѣхъ жильцовъ большого дома, но скажу, что тутъ было все, начиная съ нѣмецкой аптеки господина Гифта и кончая русскимъ трактиромъ. О немъ гласила вывѣска съ нарисованными на ней тарелками, летящимъ ножомъ и чайнымъ приборомъ. Надъ нимъ красовалась надпись: «Трахтиръ сѣми купающихся лѣбѣдей», а внизу значилось лаконическое: «въ хоть». Всѣ эти предметы съ ихъ жизнью и видомъ до того знакомые и, такъ сказать, родные, что, глядя на правописаніе этой вывѣски—я боюсь болѣе смѣлыхъ примѣровъ—и на правописаніе другихъ вывѣсокъ, невольно приходишь втупикъ и думаешь, что именно это—появляющееся на вывѣскахъ и во всѣхъ безъ исключенія письмахъ великихъ и малыхъ россіянъ—правописаніе есть настоящее, а другое, — появляющееся только въ учебникахъ,—есть вымышленное злонамѣренными людьми для нашей гибели. Въ теченіе каждаго года въ домѣ родилось, женилось и умирало скоропостижно и отъ изнурительныхъ болѣзней, отъ пьянства и насильственною смертью, ни болѣе, ни менѣе людей, какъ сколько слѣдуетъ по неизмѣннымъ законамъ статистики, то-есть какъ разъ столько, чтобы жители могли имѣть всегда свѣжія темы для разговоровъ, тѣмъ болѣе интересныхъ, что предметъ ихъ весьма близко касался каждаго изъ жителей.

Если глядѣть со стороны, изъ пустынь Африки, напримѣръ, то, пожалуй, можетъ казаться, что до жильцовъ большого дома нисколько не касалось вотъ хоть бы рожденіе сына—немного преждевременное—у двадцатидвухлѣтняго портного Приснухина, котораго женили на двадцатипятилѣтней генеральской горничной, видя всѣ признаки его пламенной любви къ ней. Но это можетъ казаться только изъ пустынь Африки, и то людямъ вѣтренымъ, готовымъ назвать сплетнями возникшіе по поводу этого рожденія толки, споры и счеты недѣль,—за неимѣніемъ мѣсяцевъ,—дней и даже часовъ, протекшихъ со дня брака. Но благоразумный, практическій человѣкъ, надѣленный съ избыткомъ способностью къ глубокимъ соображеніямъ, сейчасъ смекнетъ, что новорожденный младенецъ очень и очень важное событіе въ жизни большого дома и что средства его родителей непремѣнно должны быть приведены въ ясность.

— Рожаетъ, рожаетъ! — кричала жирная и вѣчно тревожная слесарша Иванова, или, попросту, Иваниха, своему мужу, вбѣгая съ одышкой въ свою грязную квартиру въ день рожденія Порфирія Приспухина, одного изъ моихъ любезныхъ героевъ.

— Экъ тебя рòзобрало! — флегматично пробормоталъ сквозь зубы слесарь, отирая оборотомъ грязной руки грязный потъ съ грязнаго лба.—Четырехъ недѣль нѣтъ, какъ они повѣнчались.

— А все-таки рожаетъ.

— Машинный онъ, что ли, у нихъ будетъ! Хлебнула ты, вѣрно, на радостяхъ,—произнесъ мужъ, стуча молоткомъ.

— Ну да, ты подносилъ! Дни-то я и безъ тебя сосчитала: сегодня двадцать-пятый пошелъ, третьяго дня онъ ее въ шестой разъ билъ...

— Такъ что-жъ, что билъ?—прервалъ неторопливо слесарь потокъ жениныхъ рѣчей. — Тебѣ-то какое дѣло? Завидно, что ли?

— Какое дѣло? — избоченилась слесарша и покраснѣла отъ злобы.—Она третьяго дня на весь домъ орала, съ нашимъ Васькой съ перепугу родимчикъ сдѣлался. Такъ что-жъ, я не мать развѣ своему дѣтищу? Какое мнѣ дѣло! Это тебѣ-то, безстыжіе твои глаза, дѣла ни до чего нѣтъ, благо ты ночью-то, чѣмъ бы съ женой быть, чортъ знаетъ гдѣ пляшешься. Закона-то ты не знаешь, христопродавецъ, фармазонъ ты этакой! Сосѣди рѣзаться будутъ, а намъ и дѣла нѣтъ!.. А ты чего подъ ноги суешься? У-у, чтобъ васъ не было!—крикнула раздраженная женщина и вытрепала за волосенки вбѣжавшаго со двора грязнаго сынишку.

Маленькое созданье выпаращило глаза на мать и стало пятиться задомъ къ отцу.

— Плюнь, братъ, на нее: дура у тебя мать,—шопотомъ проговорилъ слесарь и провелъ жесткою и сырою рукой по щекѣ сына, оставивъ на ней четыре сѣровато-черныя полосы.

Маленькое созданье юркнуло подъ ноги отца, и черезъ секунду его головенка уже торчала между стуломъ, наковальнею и колѣнями слесаря. Это нисколько не смутило работника, и онъ хладнокровно продолжалъ стучать молоткомъ около самой головы сына. Этотъ тощій господинъ, какъ человѣкъ, имѣвшій въ жизни столкновенія съ полиціей, съ ремесленной управой и мѣщанской гильдіей, былъ выносливымъ философомъ и съ должнымъ презрѣньемъ смотрѣлъ на глупый бабій задоръ своей жены.

— Разбойникъ, разбойникъ! — воскликнула она: — сына изуродовать хочешь. Чего ты молотищемъ-то стучишь у его носа, чего потакаешь-то ему? Вѣдь дитё глупо, вѣдь...

— Здравствуйте! Готовъ мой замочекъ?—зазвенѣлъ голосокъ, и между желѣзными опилками слесарной зашурили крахмаленныя юбки молоденькой горничной надворнаго совѣтника.

— Да вѣдь я сказалъ, что въ субботу будетъ готовъ, въ субботу и будетъ, — сурово отвѣтилъ неразговорчивый человѣкъ.

— Ахъ, а я и забыла, думала въ пятницу,—раскаялась въ своей мнимой забывчивости горничная и обратилась къ хозяйкѣ съ желаннымъ вопросомъ:—слышали, рожаетъ?

— Какъ не слыхать,—слышали! Это мой-то оселъ только не вѣритъ. Начнутся теперь крики да ревъ, не дадутъ и ночью покоя, вѣдь къ намъ отъ нихъ все до слова слышно.

— А по мнѣ, хоть изъ пушекъ пали, такъ я не услышу, если спать завалюсь,—замѣтилъ философъ, дѣлая раскленку на замкѣ.

— Ну, ужъ что̀ про тебя и говорить. А вотъ, погоди, годика черезъ три твоему Васькѣ проходу не будетъ, портняжкино дѣтище тузить его станетъ. Разбирай ихъ тогда. Будетъ еще горя, ложками не выхлебаемъ, кулаками слезы отирать будемъ.

— Это точно,—согласилась горничная.

— А пусть ихъ дерутся,—рѣшилъ хозяинъ.—Битая посуда два вѣка живетъ...

— Пусть дерутся! А какъ такой разбойникъ вырастетъ, какъ у полового? Намедни разбилъ стекло у насъ камнемъ, а самъ драло,—намъ же пришлось стекло вставлять. Что, скажешь, не правда? Дѣла намъ нѣтъ, хоть у всѣхъ сосѣдей по шести ребятъ родись?

— Свиньи они, что ли, что по шести рожать станутъ?

— Тьфу, дуракъ!

Въ эту минуту въ двери слесарской просунулось худощавое лицо частной повивальной бабки, принимавшей у всего бѣднаго населенія дома дѣтей и извѣстной всѣмъ подъ именемъ «бабушки».

— Пожалуйста, Кузьма Петровичъ, стучите потише!— промолвила эта женщина, поздоровавшись съ присутствующими.—Роженица страшно мучится, повремените немного работать.

— Ахъ, матушка, ужъ и въ своей-то конурѣ работать

нельзя!—вобѣсилась слесарша. Да я нарочно все вверхъ дномъ поставлю, покажу, что я у себя хозяйка.

— Полноте, Анна Семеновна! У васъ у самихъ недавно ребенокъ родился, вы знаете, что это не шутка,—кротко замѣтила бабка.—Съ больною отъ испугу можетъ несчастье случиться, да вы потомъ себѣ покою не найдете, каяться будете.

— По мнѣ, пожалуй, я и отдохну часокъ, — промолвилъ слесарь по уходѣ бабки и, захвативъ, какъ бы мимоходомъ, со стѣны фуражку съ раздвоеннымъ козырькомъ, побрелъ лѣнивою, болѣзненною походкой къ двери, уводя за руку сынишку.

— Знаю я твой отдыхъ! Безстыжіе твои глаза, въ кабакъ пойдешь отдыхать, вернешься буянить, жену колотить! Человѣконенавистникъ, кровопійца ты! — сквозь слезы кричала ему вслѣдъ жена и махнула рукой, когда тощая фигура мужа и его заломленная на-бокъ, сальная фуражка пропали изъ виду.—Вотъ время-то подоспѣло, а я-то дура думала, что еще мѣсяцевъ семь будемъ спокойны!

— Нашихъ барина и барыню тоже страхъ беретъ, все утро сегодня только объ этой исторіи и толковали,—снова залепетъ голосокъ горничной.—Сама-то у насъ скаредная такая, боится, что у портняжки расходовъ прибавится, дрянь не на что будетъ купить, станутъ изъ нашего сарая таскать; тамъ, глядишь, молока ребенку понадобится, тоже у сосѣдей красть начнутъ... Вотъ вамъ прибыль, замки ко всему нужно будетъ придѣлать...

— Какая теперь работа! Чуетъ мое сердце, что мой соколъ теперь загуляетъ. Больно буенъ онъ во хмелю-то,— вздохнула слесарша и съ свойственной ей живостью перешла къ новому разговору:—а что у генерала?

— Лакей ихъ горюетъ: платье чистить онъ отдалъ портняжкѣ, теперь боится, что тотъ заложитъ вещи...

— А сами-то, сами-то что?

— Сама, сказывалъ лакей по секрету, вчера весь вечеръ сыну выговаривала. «Вотъ, говоритъ, теперь и помогай имъ, заботься о всякой дряни, воспитывай чужого ребенка, чтобы не срамили насъ».—«Эка важность,—отвѣтилъ сынъ:— бросить имъ грошъ, такъ и будутъ молчать, а нѣтъ—такъ и ничего не дадимъ. Имъ же хуже будетъ. Что я, дѣвчонка, что ли, что это сдѣлаетъ мнѣ мараль? Слушая васъ, подумаешь, что я преступленіе сдѣлалъ. Шалость—вотъ и все! Въ восемнадцать лѣтъ это позволительно».—«Ну, что тамъ

толковать, въ наше время и не то дѣлалось,—говоритъ генералъ.—Вотъ время-то было!!!..» Шутникъ онъ, знаете, такой...

— Я думаю, сынъ-то ихній и крестить будетъ?

— Конечно!

— Ужъ только и тяжело же ей жить! Когда она подъ вѣнецъ становилась, такъ я ужъ знала, что плохо ей будетъ. Женихъ-то фертомъ къ налою подлетѣлъ, а она, точно ее на веревкѣ волокли, едва дотащилась до подножки. Такъ мнѣ и хотѣлось ее толкнуть въ спину. Свое счастье, дура, упустила, своими руками выдала, а вотъ теперь и плачься, какъ мужъ свое право купилъ, первымъ сталъ. И намъ-то было бы лучше, когда бы она верхъ надъ нимъ взяла, а то съ этого битья покою нѣтъ...

Никто не позаботился, хорошо ли будетъ жить новорожденному человѣчку, никто не подумалъ, что, можетъ-быть, надо для общаго благополучія сдѣлать что-нибудь болѣе дѣйствительное, чѣмъ замки къ сараямъ; но зато долго продолжались разныя глубокія соображенія и занимали они всѣхъ жильцовъ. Даже одинъ изъ сотни нашихъ геніальныхъ писателей, жившій въ большомъ домѣ, терпѣливо выслушалъ отъ своей жены-институтки всѣ подробности этой исторіи, вѣроятно, съ благою цѣлью написать на подготовленную самою жизнью тему одинъ изъ своихъ блистательныхъ, столь любимыхъ публикою, комическихъ разсказовъ. Я привелъ бы здѣсь всѣ эти разсужденія, если бы не зналъ, во-первыхъ, что мои соотечественники способны къ точно такимъ же глубокимъ соображеніямъ. Однимъ изъ самыхъ яркихъ доказательствъ этой способности было признаніе, гордившагося красотою своихъ формъ, Чичикова за безногаго калѣку капитана Копѣйкина. Но я, однако, сомнѣваюсь, что мы не способны къ еще болѣе крупнымъ соображеніямъ, до того твердо укоренившимся въ насъ, что никакія послѣдующія и противорѣчащія имъ событія не заставятъ насъ попотчивать себя именемъ телятины. Во-вторыхъ, я знаю, что моимъ соотечественникамъ, вѣроятно, и нѣтъ покуда другого дѣла, кромѣ глубокихъ соображеній.

Итакъ, въ большомъ домѣ всегда былъ неистощимый запасъ разговоровъ. Такъ какъ подобные разговоры, какъ мы видѣли, близко касались каждаго изъ жителей, то послѣдніе, несмотря на свои лѣта, знаніе и образованность, не имѣли ни охоты, ни времени, ни нужды заниматься какими-нибудь общественными, политическими, научными или

литературными вопросами, или какимъ-нибудь тому подобнымъ «посторонним» вздоромъ, очень вѣрно, по своей великой русской смѣтливости, соображая, что своя рубашка къ тѣлу ближе и что имъ не для чего заботиться, напримѣръ, объ общественныхъ дѣлахъ, потому что это дѣла общества, т.-е. чьи-то чужія, а не ихъ личныя, собственныя, не дѣла портного Приснухина, не дѣла содержательницы комнатъ Игнатьевны или кого-нибудь изъ близкихъ, изъ «своихъ». Все это заставляетъ меня съ прискорбіемъ сознаться, что избранные мною герои больного дома были люди дюжинные, ничѣмъ не выдававшіеся изъ общаго колорита нашей сѣренькой жизни, и что я, какъ пѣвецъ ихъ мелкихъ радостей и страданій, стою очень не высоко, доказывая свою неспособность къ воспроизведенію великихъ событій и великихъ личностей. Но могу увѣрить читателя, что я не щадилъ усилій отыскать болѣе великихъ героевъ, болѣе кипучей жизни, болѣе высокихъ страстей, желая возвысить себя описаніемъ возвышенныхъ предметовъ, и, все-таки, усилія моего сильно разбитаго самолюбія остались тщетными...

Теперь прологъ конченъ, исторія начинается, дѣйствующія лица дѣлаютъ приличныя своимъ ролямъ физіономіи, ненужные актеры бѣгутъ за кулисы, и зрители успѣваютъ увидать изъ-подъ приподнятаго занавѣса только ихъ ноги...

Въ тотъ день, или, лучше сказать, въ тѣ три дня, съ которыхъ собственно начинается разсказъ, большой домъ не былъ разстроенъ рожденіемъ какого-нибудь человѣческаго образчика, не бѣжалъ въ ближайшій храмъ удостовѣриться въ дѣйствительности и законности вѣнчанія одного изъ «своихъ», не подсматривалъ, кто первый изъ вѣнчающихся встанетъ на розовую подстилку и неминуемо вырветъ у судьбы для себя право на старшинство въ будущей семьѣ, не шептался по поводу обычной драки и глухихъ воплей въ жилищѣ портного Приснухина, но, тѣмъ не менѣе, домъ былъ видимо взволнованъ. Повсюду слышался какой-то зловѣще таинственный шопотъ, на нѣкоторыхъ лицахъ выражались признаки испуга, сожалѣнья и болѣе всего нетерпѣнья. Волненіе росло съ приближеніемъ къ квартирѣ Игнатьевны, но начиналось оно у самыхъ воротъ, гдѣ вы могли узнать причину его, подслушавъ разговоръ дворника съ какимъ-то мѣщаниномъ въ смазныхъ сапогахъ, въ длиннополомъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до шеи и

засаленномъ на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, до которыхъ могли касаться длинныя и худыя руки его владѣльца. Шея послѣдняго была обмотана черной шелковой тряпкой, состоявшей въ должности галстука и походившей на обрывокъ веревки. Мѣщанинъ, вѣроятно, и не подозрѣвалъ, что онъ съ этой веревкой на шеѣ очень походилъ на человѣка, почти покончившаго съ жизнью, сорвавшагося съ висѣлицы. Сходство сильно подкрѣплялось всею его вытянутою, узкою и костлявою фигурою. Встрѣтивъ его ночью, вы отсторонились бы отъ него, хотя онъ не былъ ни воромъ, ни разбойникомъ и жилъ честнымъ и прибыльнымъ трудомъ гробовщика.

— Что, еще не отправился?—спросилъ онъ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно спрашиваютъ про лѣнтяя, кончилъ ли онъ заданное ему дѣло.

— Нѣтъ еще,—лѣниво позѣвывая, отвѣтилъ дворникъ.

Онъ сидѣлъ на тумбѣ у воротъ и, поигрывая метлой, дѣлалъ узоры изъ кучи смятенной пыли.

— Долго мается! Ужъ одинъ бы конецъ да и на боковую, — замѣтилъ мѣщанинъ, вертя жадными и высматривающими глазами, похожими на глаза хищной птицы, ищущей падали.

Сходство съ сорвавшимся съ висѣлицы человѣкомъ заставляло думать, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ друженъ съ этими птицами.

— Ну, да вамъ-то все равно, немного отъ него поживитесь,—проговорилъ дворникъ, подогнавъ метлой подъ хвостъ бѣжавшую развлечься собачонку.—Не знаю я, что̀ вамъ за охота пришла изъ-за такой дряни сюда по жару переть. Дѣло-то все сломаннаго гроша не сто̀итъ!

— Копейка рубль бережетъ!.. Да я, впрочемъ, не для него шелъ. Это я мимоходомъ остановился. Я вотъ тутъ черезъ двѣ улицы у купца Иванова былъ...

— А что? нешто сама-то померла?

— Померла. Тамъ ужъ теперь и полиція понаѣхала. Опечатываютъ все. Дѣти-то малолѣтнія остались. И вѣдь какъ пронюхаетъ эта полиція? Изъ Иваниха духъ вонъ, а красные воротники въ двери со своими печатями. Видно, деньгамъ нигдѣ пропасть не дадутъ. Опекать, вишь, дѣтей надо! Богаты, такъ вотъ и станутъ ихъ денежки опекать. Мой молодецъ тоже всю ночь провелъ у ихъ дома, ждалъ, когда она Богу душу отдастъ.

— Поладили?

— Еще бы! Я ужъ, благодареніе Богу, на нихъ не впервые работаю. Шокинъ хотѣлъ перебить. Да нѣтъ,—шалишь! Рыломъ, значитъ, не вышелъ такія работы справлять. И время-то нынче плохое, радъ-радъ, какъ какая-нибудь работишка навернется. Вотъ въ холеру такъ не то было... Тоже и матеріалъ вздорожалъ, а господа скупятся, торгуются. Да что! Хоронить нонче вздумали въ необитыхъ гробахъ безъ глазету. Вотъ тутъ и получай барыши!..

Въ эту минуту подъ ворота протряслась изъ лавочки старушонка, желавшая, повидимому, показать, что она бѣжитъ, и встрѣтилась съ содержательницею комнатъ Игнатьевною, бѣжавшею со двора и по дорогѣ натягивавшею на растрепанную голову платокъ.

— Ну, что, мать моя? — жалобно воскликнула старушонка.

— Преставился, голубушка моя, преставился! Охъ! Тихо умеръ—ровно заснулъ... Намъ, сиротамъ, долго жить велѣлъ. За гробовщикомъ бѣгу...

— Варька-то, я думаю, убивается?

— Охъ, ужъ и не спрашивай! — простонала слезливо, сморкаясь въ шерстяной шейный платокъ, Игнатьевна, очень довольная, какъ былъ бы доволенъ каждый изъ насъ на ея мѣстѣ, что Богъ привелъ похлопотать на чужихъ похоронахъ, знать всѣ подробности, предшествовавшія имъ, сдѣлаться черезъ это первымъ лицомъ на нихъ и обратить на себя вниманіе цѣлаго дома, какъ обращаютъ на себя вниманіе цѣлаго государства неизвѣстные прихлебатели извѣстныхъ покойниковъ.—А, Филиппъ Ивановичъ!—воскликнула Игнатьевна, увидавъ мѣщанина:—васъ-то мнѣ и нужно. Семенъ Мартыновичъ приказалъ долго жить, такъ ужъ вы гробикъ-то подешевле по сосѣдству сдѣлайте.

— Дешевле денегъ не будетъ.

— Это что говорить!

— Мы съ нашимъ удовольствіемъ всегда готовы служить, когда вамъ угодно. Умрите, такъ мы васъ такъ похоронимъ, что и не услышите.

— Подите вы, грѣховодникъ, съ вашими шутками! Такое ли теперь время?..

— А что же? время какъ время! Или вы насчетъ того, что Семенъ Мартыновичъ-то умеръ?.. Такъ могу васъ увѣрить, что ежечасно въ году кто-нибудь да умираетъ. Такъ этакъ и ротъ пришлось бы запечатать-съ. Даже вотъ и теперь-съ, въ эту минуту, я думаю, что не только множество

людей умираетъ, а, можетъ-быть, иного изъ нихъ и Семеномъ Мартыновичемъ зовутъ-съ. Право слово-съ! такъ что же тутъ печалиться?

Мѣщанинъ, какъ всѣ сухіе, отжившіе и похожіе на сорвавшихся съ висѣлицы людей субъекты, очень любилъ разсуждать сухо, доказательно и хладнокровно. Извѣстно, что не отжившіе еще люди не разсуждаютъ, а спорятъ, но въ сущности это все равно.

Во время этихъ разсужденій вся компанія съ дворникомъ въ хвостѣ добралась по черной, узенькой лѣстницѣ съ обкусанными временемъ ступенями до четвертаго этажа, гдѣ помѣщались лепныя владѣнія Игнатьевны. Всѣ путники вошли въ квартиру. Дворникъ, втянувшійся въ свою службу, не преминулъ подмахнуть метлой соръ на площадкѣ лѣстницы, за что его объявила грѣховодникомъ какая-то старушка, такъ какъ не слѣдуетъ убирать сору тамъ, гдѣ есть покойникъ; на этотъ упрекъ дворникъ проворчалъ: «ну да, вы все знаете», поставилъ метлу въ уголъ, покачалъ перила, пробуя ихъ крѣпость, потрогалъ замокъ дверей и затѣмъ послѣдовалъ за другими въ жилище.

Оно начиналось кухней, гдѣ была отгорожена половинкою ширмы, шкапомъ и комодомъ кровать хозяйки и гдѣ подъ печкой возились куры, сообщая кухнѣ своеобразный запахъ. На столѣ бѣгали въ волненіи прусаки, видимо недоумѣвая, почему въ это утро хозяйка не пила чаю и лишила ихъ обычныхъ хлѣбныхъ крошекъ. Они, кажется, совѣщались о значеніи этого необыкновеннаго событія и значительно поводили усами. Далѣе находилась проходная комната вдовы капитана Акулины Елизаровны Успенской, женщины, имѣвшей видъ вареной груши, которую мужики продаютъ въ лѣтнее время. Лицо этой особы очень легко было спрятать подъ ладонью, такъ оно было бѣдно размѣромъ, и вообще вся она имѣла особенное свойство юркости скользить, выскальзывать и вырастать, неизвѣстно откуда, передъ людьми, поражая ихъ своимъ жалобнымъ голосомъ, имѣвшимъ всего двѣ-три нотки для выраженія всѣхъ душевныхъ ощущеній, горя, радостей, страстей. Не знаю, были ли эти свойства слѣдствіемъ маленькаго роста или бѣдности, которая пріучаетъ дѣлать и не такіе потѣшные фокусы,—но это было такъ; до причинъ мнѣ, какъ эпическому писателю, нѣтъ дѣла. За комнатою капитанши слѣдовала комната дочери маіора, тоже проходная, тоже раздѣленная «драпиріею», какъ выражалась гордая, сухая и длин-

ная маіорская дочь, имѣвшая громадный лобъ, надъ которымъ по случаю неумѣстнаго вихра выстригались посрединѣ волосы, такъ что этотъ лобъ придавалъ лицу маіорской дочери египетское выраженіе, извѣстное всѣмъ знатокамъ древнихъ египетскихъ изваяній, то-есть, когда она смѣялась, то вы должны были чувствовать въ этомъ смѣхѣ затаенныя слезы и глухой, какъ шумъ далеко скачущаго коня, ропотъ на судьбу. Слыша, напримѣръ, бойко произнесенное ею французское слово «драпира», вы невольно должны были впасть въ тоску и воскликнуть: «О! зачѣмъ ее не учили по-французски: она была бы счастлива». Можетъ-быть, и это былъ фокусъ съ ея стороны, которому научила бѣдность, а, впрочемъ, какихъ лицъ не создаетъ мать-природа! Послѣдняя непроходная, но самая маленькая комната принадлежала до этого дня человѣку, котораго добрые люди звали въ дѣтствѣ Сенюшкой и сироточкой и, замѣчая, что у него нѣтъ куска хлѣба, изъ сожалѣнія надѣляли грошовыми пряниками, цареградскими стручьями и подсолнечниками. Потомъ добрые люди прозвали его Сенькой и бабочникомъ и драли за выбитыя бабками стекла и за лѣность въ уѣздномъ училищѣ и выдрали двѣсти тридцать четыре раза. Послѣ двѣсти тридцать четвертой порки онъ былъ пожалованъ въ Семены Мартыновичи, въ приказную крысу, въ чернильную душу, въ міроѣда, въ взяточника, и, кромѣ этихъ общихъ многихъ титуловъ, прозванъ горемыкой и кротомъ, а теперь... Теперь кто-то захватывающимъ душу голосомъ шепчетъ ему тысячи ласкательныхъ, страстныхъ и сладкихъ прозвищъ, зоветъ его ими къ жизни и счастью, но онъ не откликнется ни на одно... Страшное дѣло смерть!.. Впрочемъ, я смѣюсь на похоронахъ людей и плачу въ день ихъ рожденія... Эта комната была чище другихъ, на окнахъ стояли горшечки съ дешевенькими цвѣтами, занавѣски у оконъ были не новы, но чисты и искусно подштопаны, въ простѣнкѣ висѣло завѣшанное зеркало, въ углу стоялъ диванъ, хранившій во всю длину углубленіе, въ которомъ смутно можно было узнать оттискъ, сдѣланный долго лежавшимъ человѣческимъ тѣломъ; здѣсь спалъ и умеръ кротъ, а наискосокъ дивана стояла довольно нарядная кровать съ дѣвственно бѣлымъ пологомъ. На этой кровати спала обыкновенно «Варя», «Варюшка», «Варичка», «ненаглядная», «жизнь», «счастіе» чернильной души, міроѣда, приказной крысы, Семена Мартыновича—его четырнадцатилѣтняя дочь. Теперь это дитя стояло на колѣняхъ,

положивъ голову на столъ, гдѣ лежалъ покойникъ, и горько рыдало, какъ никогда не рыдали вы, читающій отъ праздности эту исторію, читатель,—рыдало, не обращая вниманія ни на любопытные взгляды, ни на нѣжныя утѣшенія собравшейся вокругъ толпы, передъ которою какъ-то страшно вытянулся худой покойникъ. У него были закрыты глаза мѣдными пятаками, накрѣпко притянута платкомъ нижняя челюсть къ верхней и связаны на груди руки, у правой руки были подогнуты два крайніе пальца, а три другіе сложены для крестнаго знаменія,—точно эти люди боялись, что онъ сброситъ эти мѣдные пятаки, крикнетъ и взглянетъ на всѣхъ грозными глазами, чтобы испугать навѣкъ того, кто думаетъ сдѣлать вредъ его Варѣ. Эти пятаки могли бы подѣйствовать страшно даже на твердые и выносливые нервы, если бы каждый изъ присутствовавшихъ не былъ погруженъ въ свои глубокія соображенія...

— Ну, не много онъ унесетъ тѣла съ собою,—проговорилъ мѣщанинъ, снимая мѣрку съ покойника.

— Исхудалъ, исхудалъ совсѣмъ голубчикъ!

— Оно, впрочемъ, и хорошо: нести легче будетъ, — сообразилъ мѣщанинъ.

— Ну, какъ отпоютъ, такъ тоже отяжелѣетъ, — рѣшилъ дворникъ.

— Извѣстное дѣло! Ужъ какой щепкой ни высохни, а какъ скажутъ: «Земля въ землю отыдетъ»,—такъ и отяжелѣетъ, земля, значитъ, станетъ тянуть свое.

— Это, я думаю, преданіе! — гордо усомнилась маіорская дочь, и въ ея лицѣ было видно, что ей самой прискорбно это сомнѣніе.

— Что̀ намъ до этого за дѣло, что оно такое! А ужъ вѣрно такъ постановлено,—пустила въ ходъ свои жалобныя три нотки Акулина Елизаровна.

— Это точно-съ!—ввернулъ мѣщанинъ. — Вотъ теперь хоть бы и объ кошкѣ сказать. Тоже, кажется, такъ себѣ: дрянь—скотина. Ну, а сколько бы ни ѣхало на телѣгѣ людей, все ничего, присади же къ нимъ только кошку—и пойдетъ лошадь въ мыло, въ мыло; совсѣмъ умается. Ужъ такое животное отъ Бога эта кошка!

Всѣ молчали, вѣроятно, скорбя о судьбѣ Вари и ея отца. Покойникъ попрежнему пугалъ своими пятаками. Читальщикъ-сосѣдъ гнусливо бормоталъ что-то себѣ подъ носъ, катая восковой шарикъ и выскабливая изъ-подъ ногтей грязь. Онъ читалъ у всѣхъ покойниковъ въ домѣ «по сосѣдству»,

а плату нерѣдко получалъ натурою, то-есть штофъ въ день и приличную закуску.

— А деньги-то за гробъ, Авдотья Игнатьевна, оставилъ онъ или собирать отъ продажи имущества будете?—спросилъ мѣщанинъ, высматривая ястребомъ комнату.

— Нѣтъ, батюшка, на гробъ и попу оставилъ. Всѣмъ этимъ распорядился. Халата даже шить не велѣлъ, въ сюртукѣ приказалъ хоронить, да и тотъ сзади не разрѣзать... Ужъ языкъ это у него мѣшался, а говорилъ:—«Не надо халата!.. Что я—мастеровой, что ли?.. Не рѣжьте сюртука, задомъ стать будетъ нельзя...» Остальное-то продавать будемъ. Варюшкѣ деньги на первый случай нужны. Ничего-то у нея нѣтъ!..

— Да-съ, богатая невѣста осталась! Истинно безприданница!..

— Поди-ко, сюда полиція носу не покажетъ имущество опечатывать.

— Побоится, что все на сургучѣ останется!

— Охъ! хлопотъ-то сколько! Не знаю я, справлюсь ли, успѣю ли все обдѣлать,—жаловалась Игнатьевна, и всѣ прочіе добрые люди признались, что у нихъ дѣла много, что едва ли они успѣютъ сдѣлать все нужное.

И когда же у человѣка бываетъ мало дѣла? Помните, читатель, какъ вы торопились на-дняхъ по дѣлу, когда вамъ попался вашъ знакомый и въ теченіе часа передавалъ вамъ и о родинахъ, и о крестинахъ, и о похоронахъ у какихъ-то Ивановъ Ивановичей и Матренъ Кузьминишнъ, а другой знакомый затащилъ васъ въ кондитерскую и разсказалъ вамъ смѣшную исторію Амаліи Ѳедоровны, любовницы Василія Васильевича, съ которымъ друженъ родственникъ вашего начальника? Пропасть дѣла было у васъ въ этотъ день, страшно вы торопились.

Толпа любопытныхъ, между тѣмъ, росла. Покойника ежеминутно осматривали, приподнимали надъ нимъ простыню. Боязливые люди, осмотрѣвъ его до мельчайшихъ подробностей, разспросивъ всю его, всему дому извѣстную, исторію, трогали его за большой палецъ ноги, чтобы онъ не пригрезился имъ ночью, и сильно боялись, что патентованный способъ можетъ не помочь, какъ выдохшійся персидскій порошокъ. Они очень, очень боялись смотрѣть на покойникомъ! Мухи бродили по лицу трупа, какъ бы желая ободрить людей и сказать имъ: да смотрите, онъ и насъ вонъ спугнуть не можетъ! Настала ночь, насталъ еще день,

время шло своимъ чередомъ, шумно, дѣятельно и, признаюсь съ сожалѣніемъ, очень прозаично, безъ всякой торжественности. И помилуйте! какая торжественность можетъ быть въ смерти какого-нибудь бѣдняка Семена Мартыновича въ чаду глубокихъ соображеній? Насталъ и третій день. Черноглазая Варя въ черненькомъ ситцевомъ платьицѣ снова стояла у трупа, въ послѣдній разъ рыдала надъ своимъ отцомъ. Вотъ передъ нею закрыли его крышкою и понесли съ лѣстницы, гдѣ раздавались крики разныхъ чиновниковъ, иногда черезъ мѣру и опасно либеральные.

— «Вотъ ужъ чисто петербургская лѣстница!—кричали безумные смѣльчаки.—Каковы у насъ домохозяева-то! Ой, вы меня придавили гробомъ! Выше, выше поднимайте на поворотѣ черезъ эти проклятыя перила. На конную площадь вывелъ бы я здѣшняго хозяина!»

Наконецъ, гробъ снесли внизъ, поставили на дроги, и дѣ клячи, вѣроятно, завидовавшія участи каждаго покойника, кряхтя, потащили дроги. Чиновники обтерли съ пальцевъ приставшее къ нимъ сусальное золото и спокойно выпрямились для шествованія за гробомъ, такъ какъ ихъ ропотъ и протесты не навлекли на нихъ рѣшительно никакихъ дурныхъ послѣдствій. Все народонаселеніе большого дома было обращено въ глаза, изо всѣхъ оконъ торчали головы, матери отталкивали дѣтей, чтобы достать лучшее мѣсто, дѣти карабкались имъ на спины, чтобы увидать хоть что-нибудь, на дворѣ была давка. Въ воротахъ вся толпа засуетилась, заговорила, загалдѣла и остановилась; въ заднихъ рядахъ люди встали на цыпочки и закинули кверху головы, чтобы дальше видѣть.

— Что такое случилось? Почему не ѣдутъ дальше?—кричали взволнованные голоса.

— Нельзя. Иваниху везутъ. Подождать надо,—перебѣгало по рядамъ.

— Худая примѣта. У дворницкой остановились. Померсть дворнику,—рѣшила слесарша.

— Ну, вотъ еще! Это по причинѣ лошадей остановили, а не онѣ сами по себѣ остановились,—заспорила другая баба.

— Это все равно.

— Все равно, да не одно!

— Экая умная! всѣ порядки знаетъ, тебѣ вѣрно кульера прислали съ епешей,—озлилась слесарша.

— Ну, да, кульера!

— Усь, усь, хвати ее за космы-то!—крикнулъ халатникъ-мастеровщина.

Бабы напустились на него. Неизвѣстно, чѣмъ бы это кончилось, если бы дроги не тронулись, и самихъ бабъ не увлекла все увлекающая за собою толпа.

— Взгляни на эту праздную чернь,—говорила генеральша своему сыну, выходя съ лорнетомъ въ рукѣ на балконъ и раздвигая дорогіе цвѣты.—Чего сбѣжались смотрѣть? Похоронъ не видали! И это въ будни, когда у нихъ работа стоитъ. Послѣ этого жалѣй ихъ, сочувствуй ихъ нуждамъ!

— Кто же не знаетъ теперь, что они лѣнтяи, тунеядцы? дураки одни могутъ имъ сочувствовать,—отвѣтилъ сынъ, выдвигая голову за рѣшетку балкона.

— Вонъ генеральша съ сыномъ на похороны смотритъ,—говорили въ толпѣ глупой черни, указывая на балконъ и не зная, что никакая генеральша не унизится до такого глупаго любопытства, что ей нѣтъ на это времени, и что она интересуется не похоронами, а просто желаетъ на дѣлѣ убѣдиться въ грубости, праздности и отвратительныхъ привычкахъ черни. Съ этою же цѣлью оторвался отъ своихъ великихъ трудовъ и подошелъ къ окну на зовъ своей жены одинъ изъ нашихъ славныхъ писателей, жившій въ домѣ; но геній, какъ это всегда случается, не былъ замѣченъ толпой...

Между тѣмъ, тѣло Семена Мартыновича поѣхало за богатымъ погребальнымъ поѣздомъ купчихи Ивановой, точно и его назначили для увеличенія и безъ того длинной процессіи. Впрочемъ, Игнатьевну и ея вассалокъ радовало это стеченіе обстоятельствъ.

— Вотъ ужъ не ждалъ онъ, голубчикъ, что ему такое счастье выпадетъ. И попы-то, и пѣвчіе впереди идутъ, путь ему въ царствіе небесное указываютъ,—говорила жалобнымъ голосомъ капитанша.

— Да, да, не всякій такого счастья дождется,—соглашалась какая-то особа въ поношенномъ салопѣ, приставшая по дорогѣ къ провожатымъ.—А что, видно, онъ бѣдный былъ?

— Охъ, ужъ и не говорите! Меня спросите, видѣла я его нужды-то. Штаны самъ себѣ шилъ, носки штопалъ!

— Охъ ты, Господи, чиновникъ-то!.. Сиротъ вѣрно оставилъ?

— Да, вонъ дочь идетъ...

— А мальчикъ-то, гимназистъ, что съ ней идетъ, тоже сирота, племянникъ какой-нибудь?

— Нѣтъ, это чужой ей, это мой сынишка.—сказала капитанша.

— Мм!.. Ну, а насчетъ судьбы-то дочери сдѣлалъ онъ распоряженіе?

— Какое распоряженіе? Началъ онъ ей, должно-быть, наставленье читать. «Не живи...»—говоритъ,—да и замолчалъ; кашель началъ его душить. Мы ужъ и то, и другое,—поотдохнулъ. Спрашиваемъ: «Семенъ Мартыновичъ, ты, батюшка, что-то сказать хотѣлъ Варѣ»... Рукой замахалъ. Мы и то, и се,—молчитъ; вѣрно языкъ у него отнялся... либо что. Такъ и не знаетъ она, наша голубушка, что̀ онъ ей сказать хотѣлъ. Не живи! Вотъ теперь и догадывайся, что̀ онъ думалъ. Не живи! А какъ не жить, если самъ ей жизнь далъ? Руки на себя наложить, что ли? Такъ для этого и родиться не стоило. Не живи! вотъ оно слово-то!

А дроги все подвигались впередъ...

Отпѣли купчиху Иванову въ особенной церкви, Семена Мартыновича въ общей, и обоихъ зарыли въ одинаково тѣсныя, въ одинаково темныя и безотвѣтныя могилы. Гости поѣхали въ собственныхъ экипажахъ, на наемныхъ дрожкахъ и потащились пѣшкомъ на поминки. Много высказали разныхъ глубокихъ соображеній у Ивановыхъ и не менѣе того у Игнатьевны.

— И умеръ то онъ, голубчикъ, въ экое время, весною, когда жильцовъ и собаками не отыщешь, такъ и разсчитывай, что два мѣсяца комната простоитъ пустая,—говорила Игнатьевна, въ которой на минуту проснулись эгоистическіе расчеты. Потомъ опять пришла ей на умъ продажа имущества для помощи Варѣ.—Боюсь я, послѣ покойника платья не купятъ. Всякій боится, знаетъ, что оно тлѣетъ на человѣкѣ, лѣзетъ и разлетается, точно кто-нибудь силою тайною тянетъ его и снизу, и сверху, и въ стороны...

— Ахъ, это преданіе!—опечалилась своимъ собственнымъ сомнѣніемъ маіорская дочь.

— Ну, ужъ нѣтъ-съ! это извѣстно, что сорокъ дней душа-то къ мукамъ приготовляется, по землѣ летаетъ, ни въ раю, ни въ аду, и это она-то и дѣлаетъ.

— Вы только свѣшайте его на вѣсахъ, да замѣтьте, сколько вѣсу, такъ все какъ рукой снимете. Это дѣло всѣмъ извѣстное,—утѣшила капитанша.

— Вотъ мы теперь тутъ разсуждаемъ, а его душа, можетъ-быть, здѣсь носится, грѣхи свои оплакиваетъ, молитвъ нашихъ грѣшныхъ проситъ. Все-то ей теперь ясно, и вражда

наша, на грѣхъ ее наводившая, и прегрѣшенья старыя. Гнѣвно смотритъ она теперь на насъ, искусителей. Охъ, тяжко ей, бѣдной!—расчувствовалась Игнатьевна, у которой сочились слезы сожалѣнія за бѣдную душу.—Разскажите-ко намъ, какъ это тамъ вы по божественному знаете,—обратилась она къ читальщику, наливая ему рюмку водки изъ пустѣвшаго штофа.

Читальщикъ выпилъ, крякнулъ и замогильнымъ голосомъ началъ разсказывать замогильныя тайны, точно онъ самъ недавно вернулся изъ далекаго путешествія на тотъ свѣтъ...

Вечеръ тихо наступалъ и бросалъ тѣнь на окружающіе предметы... Особенно чутко и болѣзненно вслушивался въ гробовые разсказы отставного дьячка маленькій гимназистъ, сынъ капитанши, прижавшійся къ матери и косо поглядывавшій на полурастворенную дверь, за которой была тьма. Изрѣдка заставляли его издрагивать возникшіяся въ кухнѣ куры... Одно, повидимому, главное лицо молчало и не то прислушивалось къ рѣчамъ, не то о чемъ-то размышляло. Это лицо—была Варя.

— Не боишься ли ты, Варя, здѣсь спать? — спросила Игнатьевна, когда разошлись гости.

— Нѣтъ.

— Да и я-то что горожу! Вѣдь ты и при покойникѣ тутъ спала, а теперь и подавно бояться нечего, ты ему не врагъ была, дурного ему не сдѣлала. Не придетъ онъ тебя укорять, что ты ему грѣховъ прибавила. Спи, голубчикъ мой!

Варя простилась съ Игнатьевной, отъ которой попахивало водкой, и осталась одна въ комнатѣ, гдѣ по лѣтнему положенію не было и свѣчи. У ней вдругъ сжалось сердце отъ непонятнаго страха. Ей помнилось, что здѣсь стоялъ покойникъ и—странное дѣло!—онъ казался ей не отцомъ, не ея любимымъ отцомъ, а просто страшнымъ покойникомъ, съ пятаками вмѣсто глазъ, съ грознымъ лицомъ, покойникомъ, котораго душа мучается въ эти минуты, пугаетъ враговъ, не находитъ себѣ мѣста и носится надъ землей, иногда стонетъ и проситъ молитвъ, молитвъ и прощеній... Варя оглядѣлась: ея кровать съ бѣлымъ пологомъ стояла, какъ катафалкъ съ бѣлымъ балдахиномъ; дѣвочка не рѣшилась лечь на нее и, крадучись, сѣла на кресло, прижалась въ уголокъ и закрыла глаза руками. По ея тѣлу то пробѣгала дрожь, то бросало ее въ жаръ, передъ глазами носились какіе-то ужасные призраки, все смутно и смутно.

Наконецъ, ея руки медленно упали на колѣни, голова опустилась на грудь, остриженные волосенки выбились изъ-подъ траурнаго чепчика и разсыпались по лицу: она спала. А сумерки вечера побѣлѣли, и въ окно глядѣла блѣдная, безстрастно спокойная, петербургская майская ночь, безъ звѣздъ, безъ мѣсяца, съ безслѣдно тающими въ воздухѣ облаками, не сулящими ни освѣжительной грозы, ни истребляющаго града, ни благодатнаго дождя, ночь похожая и на разсвѣтъ, и на сумерки, и, болѣе всего, на призракъ, созданный больнымъ воображеніемъ, и обливала она своимъ бѣлесоватымъ свѣтомъ и безъ того блѣдное лицо дѣвочки, дѣлая его еще блѣднѣе...

II.

Что могло случиться и что случилось на дѣлѣ послѣ похоронъ.

На третій день послѣ похоронъ, содержательница школы въ большомъ домѣ, госпожа Скрипицына или mademoiselle Skripizine, какъ называлъ ее учитель-французъ, сидѣла въ ожиданіи сбора учениць въ своемъ кабинетѣ-гостиной и такъ чинно, граціозно и медленно пила недорогой кофе, что если бы въ комнатѣ имѣлось постороннее лицо, то можно было бы предположить, что она не пьетъ, а только даетъ урокъ, какъ должно пить кофе благовоспитаннымъ людямъ съ развитымъ вкусомъ. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ была репетиція урока, если не самый урокъ. Предположеніе, тѣмъ болѣе похожее на истину, что и самая дорогая чашка, изъ которой пился недорогой напитокъ, болѣе походила на красивую игрушку, нежели на настоящій, назначенный на полезное употребленіе, сосудъ. Госпожа Скрипицына считала себя аристократкой по происхожденію и потому была ревностной помощницей нашего общества въ его ожесточенной войнѣ противъ грубаго и убивающаго всякія высокія стремленія утилитаризма. Ея глаза, когда опустѣла игрушка,— на что, при всей убійственной медленности, не требовалось много времени, — неторопливо и съ приличной мыслящимъ людямъ задумчивостью, устремились на письменный столъ; съ него взялась французская книга: «Мученики христіанства Шатобріана», развернулась наудачу и положилась на колѣни. Сдѣлавъ это, наставница продолжала попрежнему смотрѣть на столъ и не думала читать; вѣроятно, оно такъ и слѣдовало, потому что и книги бываютъ разныя: иную нужно прочесть, другую подержать на колѣняхъ. Впрочемъ, и столъ госпожи Скрипицыной заслуживалъ вниманія и могъ

оторвать человѣка отъ любой книги. Онъ былъ искусно сдѣланъ изъ орѣховаго дерева и окруженъ точеными перильцами. Посрединѣ его стояла чернильница, отлично поддѣланная подъ бронзу и проданная за бронзовую; около нея такіе же подсвѣчники; далѣе лежало нѣсколько пресс-папье, изображавшихъ голову араба, женскую руку, ящерицу и тому подобные крайне интересные предметы; передъ чернильницей лежалъ отдѣланный перламутромъ портфель для почтовой бумаги и три перламутровыхъ съ затѣйливою рѣзьбою ножа. Въ углахъ находились портреты въ красивыхъ рамкахъ, около нихъ виднѣлись вазочки для перьевъ и карандашей, и стоялъ красивенькій бронзовый мальчикъ, державшій термометръ. Единственное пустое мѣсто занималъ томъ путешествія ко святымъ мѣстамъ Авраама Норова. Норовъ лежалъ иногда на Шатобріанѣ, иногда же, наоборотъ, Шатобріанъ лежалъ на Норовѣ; это дѣлалось прилично случаю, то-есть смотря по тому, говорили или нѣтъ по-французски посѣтители Скрипицыной. Неизвѣстно, какъ находилось мѣсто на этомъ столѣ, если нужно было написать письмо, но писанье писемъ—утилитаризмъ, потому объ этомъ не стóитъ и говорить. Не видавъ этого стола, даже трудно повѣрить, что онъ могъ помѣстить такую кучу предметовъ, безъ сомнѣнія, необходимыхъ, такъ какъ иначе зачѣмъ бы имъ было и лежать на столѣ и заставлять какого-нибудь новаго Сизифа въ юбкѣ заниматься ежедневно сметаніемъ пыли съ безполезныхъ вещей? Пыль же сметалась съ каждой вещицы каждый день. Но не одинъ этотъ столъ отличался изумительною вмѣстительностью. Вся комната казалась на первый взглядъ свѣжему человѣку складочнымъ магазиномъ, и нуженъ былъ нѣкоторый промежутокъ времени, чтобы понять, что это дѣйствительно жилой покой, а не магазинъ, что и восхитительная козетка, стоявшая посрединѣ комнаты и являвшаяся на первомъ шагу посѣтителя баррикадой къ дальнѣйшему шествованію, была столь же необходима, какъ двѣ пустыя урны у оконъ, какъ на столѣ у зеркала изящное блюдечко съ визитными карточками, съ которыхъ тоже стиралась пыль, какъ фальшивый каминъ, какъ портретъ Авраама Сергѣевича Норова, висѣвшій надъ письменнымъ столомъ, какъ десятки дорогихъ растеній въ не менѣе дорогихъ горшкахъ и рѣшеткахъ орѣховаго дерева, однимъ словомъ, все въ комнатѣ было не менѣе необходимо, чѣмъ сама госпожа Скрипицына. Да не подумаетъ читатель, что я злостно хочу унизить одну изъ моихъ ге-

ронить, намекнуть на сходство ея сердца съ складочнымъ магазиномъ, съ пустою урною или съ блюдечкомъ для визитныхъ карточекъ. Совсѣмъ нѣтъ! Я, говоря это, даю понять, что создательница воплотила себя въ своемъ созданіи, и соглашаюсь съ преданнымъ ей душой и тѣломъ учителемъ-французомъ, нерѣдко восклицавшимъ: «Глядя на эту комнату, чуешь присутствіе de mademoiselle Skripizine!» Не знаю, о чемъ она думала во время нашей прогулки по ея комнатѣ, можетъ-быть, присутствіе назойливыхъ соглядатаевъ, вторгающихся въ чужія владѣнія, помѣшало ея геніальному уму придумать новое украшеніе для своего жилища. Но намъ легко успокоить свою совѣсть, такъ какъ слѣдомъ за нами къ ней вошла ея горничная и доложила о приходѣ Авдотьи Игнатьевны.

— Кто она?—спросила mademoiselle Skripizine, не безъ ловкости щуря глаза, надъ которыми хотя и не имѣлось бровей, но тянулись по тѣлу тонкія черныя полоски.

— Въ нашемъ домѣ живетъ-съ, комнаты жильцамъ отдаетъ.

— Баба какая-нибудь?

— Баба-съ. Я вамъ, сударыня, говорила-съ вчера объ ней, какъ у нея...

— Ахъ, какъ ты наивна, Даша! Неужели ты думаешь, что я слышу и помню все то, что̀ ты мнѣ болтаешь по вечерамъ?—сострадательно улыбнулась госпожа Скрипицына.

Она въ самомъ дѣлѣ ничего, совсѣмъ ничего не помнила изъ вседневной болтовни Даши. У нея было столько заботъ, занятій и размышленій.

— Какія же могутъ быть отношенія между мной и ею?—спросила барышня, пожимая плечами послѣ минутнаго раздумья и внимательно поправляя бѣлые нарукавники. — Спроси ее, — добавила она: — о чемъ она пришла меня просить?

— Она пришла съ дочерью того, что третьяго дня хоронили, — промолвила Даша, позабывшая, повидимому, имя покойника.

— Аа!.. Ну, такъ что же?.. Классы начнутся черезъ полчаса... Впрочемъ, вели имъ подождать въ передней, я выйду.

Горничная вышла съ повелѣніемъ. Mademoiselle Skripizine медленно встала, лѣниво подошла къ зеркалу, съ какою-то граціозной истомой поглядѣла, хорошо ли щурятся ея глаза, вздернула складки платья на груди, неизвѣстно

почему сохранившей полноту, хотя лицо, шея и руки Скрипицыной были чрезвычайно тонки. Потомъ, тщательно поправивъ прическу, она тихо вышла въ переднюю и, снова сощуривъ глаза, оглядѣла неизвѣстную ей Игнатьевну и извѣстную ей ея ученицу Варю.

— Bonjour, mon enfant! Mais qu'avez-vous? Est-ce qu'on porte le bonnet dans votre âge?.. C'est stupide! — неторопливо и хладнокровно проговорила она своей ученицѣ и обратилась къ Игнатьевнѣ съ повелительными словами: — ты можешь идти!

— Матушка-мадамъ, у меня есть просьба!—жалобно произнесла Авдотья Игнатьевна, видя, что нуждающаяся въ помощи сирота Варя ничего не отвѣтила на привѣтствіе нѣжной наставницы.

— Что тебѣ нужно?

— Ужъ сдѣлайте такую божескую милость, позвольте Варюшѣ-то доходить этотъ мѣсяцъ въ пансіонѣ, не пропадать же заплаченнымъ деньгамъ, а можетъ все же чего-нибудь она еще понахватается.

— Пусть ходитъ! — снисходительно разрѣшила содержательница школы, выслушавъ безъ улыбки простодушную просьбу Игнатьевны, и даже не подумала, какъ не подумалъ бы каждый изъ насъ простодушныхъ русскихъ людей на ея мѣстѣ, что тутъ и просить было не о чемъ.

— Награди васъ Богъ за вашу добродѣтель, а то что̀ ей болтаться-то дома, вѣдь тоже не скоро въ магазинъ ее опредѣлишь...

— Въ какой магазинъ?

— Къ портнихѣ какой-нибудь отдать хотимъ.

— Развѣ *вы* и *она* родныя?

— Гдѣ намъ, матушка-мадамъ, вѣдь она благородная.

— Что же ея родные?

— Какіе родные? У нея одинъ Отецъ Небесный, всѣхъ насъ грѣшныхъ Заступникъ, родной,—отвѣтила Игнатьевна и, перекрестившись, высморкала носъ концомъ шерстяного шейнаго платка.

— Гм!—задумчиво произнесла Скрипицына, постояла съ минуту и, кивнувъ головой, пошла въ свою комнату.

Игнатьевна взялась за ручку двери, чтобы уйти, когда Скрипицына съ порога дверей обернулась къ ней и сказала:

— Ты подожди отдавать ее въ магазинъ. Я подумаю, можно ли это.

— Будьте мать родная! подумайте, матушка-мадамъ, по-

думайте. Ужъ мы и ума не приложимъ, что съ ней дѣлать, мы вѣдь люди темные. Вотъ, говорятъ, что ее въ институтъ можно отдать, да поди, сунь-ка носъ туда наша сестра, такъ какой-нибудь тамъ пѣтухъ индѣйскій, швейцаръ, булавою своей шею накостыляетъ, вотъ тебѣ и будетъ институтъ, наука: не суйся, ворона, въ высокія хоромы! Вѣдь не на улицу же ее, бѣдную, выбросить, чтобъ подобрали да призрѣли! — разсуждала Игнатьевна, не замѣчая, что двери школы давно закрылись за нею, и что она, Игнатьевна, уже шагаетъ по лѣстницѣ, возвращаясь въ свое феодальное государство.

Mademoiselle Skripizine медленно походила по своему кабинету, поправила разныя вещицы на себѣ и на своемъ столѣ, оборвала три желтыхъ листа съ цвѣтовъ, нацурила для практики глаза и, наконецъ, услышавъ бой часовъ, приняла такое безстрастное выраженіе лица, какъ будто приготовлялась позировать въ роли статуи правосудія, и пошла въ классы. Тамъ уже собрались дѣвочки и тихо шушукались между собою, но едва пошевелилась ручка двери, какъ шушуканье утихло, и въ комнатѣ можно было разслышать одно шуршанье шелковаго платья наставницы и легкую поступь французскаго учителя. Наставница осмотрѣла классъ и ровнымъ голосомъ произнесла:

— Mademoiselle Rabon, priez!

Рабонъ стала читать молитву на французскомъ языкѣ, какъ это дѣлалось всегда передъ французскимъ урокомъ. Утреннія занятія начались. Дѣвочки удивлялись присутствію наставницы, что бывало только во время экзаменовъ. Уже нѣсколько разъ прозвучало въ классѣ: Adam, redoutant la présence de Dieu и т. д., когда пришла очередь отвѣчать Варѣ. Она начала говорить урокъ; mademoiselle Skripizine вся обратилась въ слухъ, поправляла ученицу на каждомъ грубо произнесенномъ le и r, не похожемъ на r Людовика XIV. Потомъ спросила дѣвочку:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Четырнадцатый годъ.

— Покажи мнѣ твою тетрадь для диктовки.

Варя показала наставницѣ тетрадь съ розовыми листиками протечной бумаги и бѣлыми атласными ленточками. Наставница сочла всѣ ошибки, подвела имъ итогъ, посмотрѣла издали на почеркъ и замѣтила:

— Ты пишешь писарскимъ почеркомъ, женщина не должна такъ писать. Это не принято. Садись!

Классъ кончился.

— Mesdames, Скрипицына сказала Крыловой: *ты*,—кричали дѣвочки другъ другу.

— Почему она сказала ей: ты? Не будетъ ли она и намъ говорить: ты?

— Я сама скажу ей: ты! Меня maman возьметъ послѣ этого изъ ея пансіона.

— Меня и то бранили за то, что я рубли мѣдными деньгами не могу отсчитать.

Приходъ жиденькой гувернантки и начало рукодѣльнаго класса прервали этотъ шумъ, въ которомъ Варя, по обыкновенію, играла роль безмолвнаго существа, что̀ начинаетъ тревожить меня за ея умственныя способности. Въ половинѣ класса явилась Скрипицына и спросила работы Вари. Осмотрѣвъ разныя вышитыя подстилки подъ колокольчики и лампочки, бисерные кошельки и воротнички, наставница сдѣлала нѣсколько замѣчаній и, когда классъ кончился, сказала Варѣ:

— Иди обѣдать съ пансіонерками!

Варя повиновалась, не спрашивая ничего, ни о чемъ не разсуждая. Послѣ обѣда начались вечернія занятія; Варя снова подверглась экзамену; кончился и онъ, дѣвочка собралась идти домой.

— Иди заниматься съ пансіонерками!—приказала содержательница школы.

Ученица повиновалась. Между пансіонерками начался шопотъ. Въ комнатѣ носился чадъ глубокихъ соображеній. Насталъ ужинъ. Послѣ ужина госпожа Скрипицына позвала горничную и велѣла привести Варю. Варя явилась тихая, робкая и стала у дверей извѣстнаго читателю кабинета. Со стѣны тайный совѣтникъ со звѣздой смотрѣлъ съ любопытствомъ на дѣвочку, козетка гордо загораживала ей путь.

— Подойди сюда, — произнесла Скрипицына и зорко осмотрѣла походку Вари.—Тебя хотятъ отдать въ магазинъ къ портнихѣ. Ты благородная, а тамъ живутъ простыя дѣвчонки. Какая-нибудь баба, въ родѣ той, у которой ты жила со своимъ отцомъ, — при словѣ «отецъ» Варя начала тихо плакать,—какая-нибудь баба, говорю я, считаетъ столь же возможнымъ бросить дочь дворянина въ этотъ омутъ безнравственности, неприличій и грязи, какъ высморкать свой носъ въ шерстяной шейный платокъ.—Наставница пріостановилась, чтобы дать понять Варѣ силу своей собственной наблюдательности. — Но благородные люди думаютъ иначе.

Ихъ святой долгъ, ихъ обязанность спасать отъ гибели равныхъ или, по крайней мѣрѣ, *почти* равныхъ съ ними. Они готовы жертвовать собою для спасенія другихъ. Это высокое нравственное преимущество развитыхъ надъ неразвитыми, благородныхъ надъ неблагородными. Я рѣшилась пожертвовать долею своего спокойствія, чтобы спасти тебя. Ты остаешься у меня.

Варя, которую такъ же не изумила эта рѣчь, какъ слово *ты*, сказанное ей впервые въ этотъ день наставницею, тихо плакала и молчала. Госпожа Скрипицына ждала и была въ правѣ ждать экзальтированныхъ благодарностей, слезъ умиленія и восторга, но загрубѣвшій между неблагородными людьми ребенокъ остался неподвиженъ и тупоумно хныкалъ Богъ знаетъ о чемъ, хныкалъ передъ зарею новой жизни и яркаго счастья. Это немного смутило и оскорбило наставницу:

— Тебя хотятъ отдать въ магазинъ,—начала она снова своимъ ровнымъ, холоднымъ, какъ приговоръ судьбы, голосомъ. — Другого исхода для тебя нѣтъ. Никто въ цѣломъ мірѣ,—ты знаешь, что міръ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ людей—пойми же это хорошенько!—никто, рѣшительно никто изъ этихъ сотенъ милліоновъ людей не думаетъ, не заботится, не хочетъ заботиться о твоей судьбѣ. Ты всѣмъ имъ чужая,—что я говорю!—ты просто не существуешь для нихъ. Если тебя выбросятъ на улицу, то ты пробудешь на ней часы, дни, ночи, тебѣ даже не подадутъ гроша, какъ нищей, потому что каждый подумаетъ: негодница, на пряники проситъ! Ты навѣрное слышала эти слова даже отъ своего отца, когда у него просили милостыни дѣти. Правда: ты слышала?

— Слышала,—глухо прошептала Варя.

— Я и не сомнѣвалась. Всѣ это слышали. Нѣтъ человѣка, который бы не слыхалъ этого... кто скажетъ, что не слыхалъ, тотъ солжетъ... Итакъ, ты проходишь одна до тѣхъ поръ, пока не упадешь отъ голода, отъ изнеможенья, отъ злобы, и тогда тебя подберетъ какой-нибудь пьяный, грубый полицейскій солдатъ, чтобы отвести тебя, какъ бродягу, въ полицію, гдѣ содержатъ воровъ, нищихъ, пьяницъ... Они встрѣтятъ тебя наглымъ смѣхомъ, и едва ли ты спасешься отъ гибели... О тебѣ публикуютъ въ газетахъ, будутъ ждать, когда явятся родственники. Ихъ у тебя нѣтъ... И тогда — тогда тебя отправятъ въ нищенскій комитетъ, пройдутъ дни, недѣли, мѣсяцы, прежде чѣмъ тебя бросятъ

въ какой-нибудь пріютъ не имѣющихъ родни, неблагородныхъ дѣтей. Но и для этого людямъ нужно прежде выбросить тебя на улицу, ихъ эгоизмъ не позволяетъ имъ сдѣлать это: испорченные, загрубѣлые, они, все-таки, боятся людскихъ упрековъ совѣсти и вотъ тебя хотятъ отдать въ магазинъ...

Скрипицына выпила стаканъ воды, можетъ-быть, было бы не худо выпить воды и Варѣ, но она не попросила, да и графинъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, былъ пустъ.

— Но знаешь ли ты, что̀ значитъ быть ученицей въ магазинѣ, какая тамъ жизнь? Тамъ тебя не будутъ учить ничему, рѣшительно ничему, что̀ дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, равняетъ его съ ближними, тамъ даже не научатъ тебя необходимымъ каждому христіанину истинамъ религіи,— на это зло никто не обращаетъ вниманія, хотя и требуютъ нравственности отъ этихъ людей,—и ты, можетъ-быть, будешь молиться Богу по привычкѣ, по инстинкту, но ты не будешь знать, что такое Богъ? Ты, можетъ-быть, и не развратишься, но отъ этого удержитъ тебя случай, а не сознаніе, что это грѣхъ, что это порокъ! Зато тебя заставятъ шить, цѣлый день шить, и если понадобится какой-нибудь другой богатой женщинѣ къ спѣху бальное платье, то тебя заставятъ шить и ночью въ грязной, сырой, душной комнатѣ, почти въ подвалѣ, набитой до-нельзя злыми, оборванными, простыми дѣвчонками, дочерями кухарокъ, дворничихъ, прачекъ, солдатокъ... Ты будешь спать на одной постели съ десяткомъ этихъ дѣвчонокъ, больныхъ, покрытыхъ слоемъ грязи, заѣденныхъ насѣкомыми, будешь дышать зараженнымъ ими воздухомъ и, чтобы не зябнуть въ холодныя зимнія ночи, прижмешься къ этимъ дѣвчонкамъ, будешь грѣться ихъ ядовитой теплотой...

Скрипицына смолкла на мгновеніе; ей хотѣлось высказать всю горькую правду. Она прошлась по комнатѣ.

— Вонъ, взгляни!—зловѣщимъ голосомъ произнесла она, подводя Варю къ окну и показывая ей на узкую улицу, застроенную высокими, какъ стѣны тюрьмы, домами, походившую въ сумеркахъ туманнаго вечера на угрюмое подземелье.

По этому подземелью бѣшено неслись лихіе экипажи лихихъ господъ; тянулись съ поклажей ломовые извозчики, ругаясь съ встрѣчными легковыми; частили мелкими шажками бездушныя фигуры мертвенно приличныхъ чиновни-

ковъ; шаталась пьяная и оборванная мастеровщина, оглашая воздухъ циническою, доходившею въ своей ироніи до ужаса, бранью; сѣменили ногами истаскавшіеся юноши и съ безстыдствомъ нетерпѣливаго разврата, не стѣсняясь передъ прохожими, поддаваясь только своимъ животнымъ побужденіямъ, бѣжали за нарумяненными жертвами общественнаго темперамента, заглядывали имъ подъ шляпки, шепча какія-то рѣчи, не тайныя въ этой обстановкѣ даже для ребенка, да, суясь подъ ноги людей, кружились въ какомъ-то бѣшеномъ чаду никому не принадлежавшія собаки... — Вонъ, взгляни,—продолжала Скрипицына:—на эту грязную босую дѣвочку съ подвязанной щекой, затертую, затерянную въ грубой толпѣ народа. Это ученица изъ магазина. Ее послали куда-нибудь въ лавку или даже, мнѣ скверно сказать это слово,—въ кабакъ! Съ тобой было бы то же самое. Представь себѣ, ты уже не дитя, ты можешь это представить, что твой отецъ, дворянинъ, служившій тридцать лѣтъ отечеству, имѣвшій регаліи, увидѣлъ бы съ небесъ, что его дочь, оборванная, прибитая, идетъ босикомъ за водкою для мужа своей хозяйки, идетъ въ то мѣсто, гдѣ шумятъ пьяные мужики, погибшія женщины, полунагіе люди, гдѣ человѣкъ становится ниже животнаго и готовъ оскорбить, опозорить даже беззащитную дѣвочку, готовъ погубить ее... Вотъ отъ чего я тебя спасаю!

Послѣднія слова и выраженіе, съ какимъ они произнеслись, полныя тихаго спокойствія и гордаго достоинства, стоили знаменитаго: qu'il mourût.

Скрипицына замолчала. Варя рыдала, какъ въ день смерти своего отца, но не благодарила. Неужели этотъ ребенокъ по своей тупости не чувствовалъ величины благодѣянія или — но это невѣроятно! — онъ понималъ, что благодѣяніе само по себѣ есть самая величайшая награда для благодѣтеля?

— О чемъ ты плачешь?—холодно спросила Скрипицына.

— По-озвольте мнѣ про-проститься,—всхлипывала Варя.

— Съ кѣмъ?

— Съ ни-ми... Съ на-ашими... Съ Игнатьевной...

Такая неблагодарность возмутила Скрипицыну.

— Вотъ глупости! Развѣ прощаются съ хозяевами, переѣзжая отъ нихъ? Гдѣ это видано? Неужели, если бы я стала переѣзжать, то и мнѣ нужно было бы идти къ нашему хозяину въ лабазъ прощаться? Нелѣпость! Твои вещи перенесутъ сюда завтра—и конецъ!

— Онѣ до-обрыя! —зарыдала Варя.

— Добрыя! Ты такъ мала и неразвита, какъ я вижу теперь, что не понимаешь, кто добръ, кто золъ. И какъ можетъ быть доброю какая-нибудь баба, отдающая внаймы комнаты, какъ ей показать свою доброту жильцамъ? И что за дѣло жильцамъ до доброты, до характера хозяевъ! Объ этомъ даже неприлично справляться, это слѣдствіе привычки мѣшаться въ чужія дѣла, это первое начало страсти къ сплетнѣ, страсти низкой, марающей высокое достоинство человѣка. Тебя уже успѣли испортить, но я надѣюсь, что я успѣю исправить тебя, развить. Я приложу всѣ свои силы, пожертвую всѣмъ, чтобы ты развилась... Теперь иди спать.

Госпожа Скрипицына протянула Варѣ руку для цѣлованія. Варя тихо поцѣловала ее и съ поникшей головой вошла въ спальню, гдѣ уже спали пансіонерки и жиденькая гувернантка. Варя тихо раздѣлась и легла въ постель; ей стало тяжело, странно, по тѣлу пробѣгала лихорадочная дрожь. Черезъ четверть часа природа взяла свое, и дѣвочка начала дремать. Въ полуснѣ она почувствовала надъ собой теплое дыханье, и кто-то едва слышнымъ поцѣлуемъ коснулся ея щеки; она открыла глаза и увидала удаляющуюся на цыпочкахъ жиденькую гувернантку. По лицу Вари пробѣжала ясная улыбка, и въ эту ночь ей снились свѣтлые сны...

Видѣла она во снѣ знакомую комнатку съ кисейными занавѣсками, съ кроватью, украшенной бѣлымъ пологомъ, съ дешевыми цвѣтами на окнахъ. Въ комнатѣ ходитъ съ завязанными глазами бѣлокуренькій мальчикъ и, вытянувъ впередъ руки, старается поймать двухъ человѣкъ, играющихъ съ нимъ въ жмурки: эти люди были сама Варя и ея старый отецъ, отставная приказная крыса, чернильная душа. Вотъ мальчуганъ поймалъ отца Вари и, сдернувъ повязку, кричитъ:

— «Вамъ, вамъ завязывать глаза!»

— «Ну, довольно!»—смѣется чернильная душа, и въ ея словахъ слышится святое, нѣжное чувство любви.—«Измучили вы меня, старика. Играйте одни!»

Онъ улыбается и садится въ кресла, безконечная ласка свѣтится въ его лицѣ, кажется, если бы ему сказали: «рѣшись вытерпѣть страшную пытку, дай отрубить себѣ голову, и эти дѣти будутъ счастливы», то онъ съ улыбкой пошелъ бы на колесо, легъ бы на плаху и почувствовалъ бы, что

только впервые въ жизни, въ эту минуту онъ узналъ, что значитъ блаженство. Чернильная душа! Приказная крыса!..

Варя и гимназистъ придумываютъ, какъ бы имъ поиграть вдвоемъ, берутъ карты и играютъ въ дурачки, а солнце свѣтитъ такъ ярко, такъ хорошо и обливаетъ комнату своими грѣющими лучами, рисуетъ прихотливые узоры на полу... Варя улыбалась въ своемъ снѣ, Варя была счастлива...

Да благословитъ же Богъ жиденькую, жалкую гувернантку за то, что въ чаду глубокихъ соображеній ей показалось нужнѣе всего въ данную минуту напечатлѣть поцѣлуй на лицѣ печальной дѣвочки, отходившей ко сну!

«Что-то дѣлаетъ теперь Ардальона?»—думала Варя, проснувшись на другой день и смутно вспоминая сонъ. Ей очень хотѣлось идти съ горничной за вещами въ квартиру Игнатьевны, но она уже начала «соображать», разсудила, что это разсердитъ госпожу Скрипицыну, что откровенно высказанное желаніе навлечетъ упреки, гнѣвъ и наставленія, что лучше затаить его въ глубинѣ души и постараться сдѣлать веселое лицо, попробовать выказать ласку къ благодѣтельницѣ.

— Ты сегодня очень мила,—улыбнулась Скрипицына, когда Варя пришла поутру къ ней и цѣловала ея руку.— Я вижу, что мои наставленія не пропадутъ даромъ. Будь всегда такою скромною, признательною и откровенною.

Варя покраснѣла, и ей стало неловко, точно она согрѣшила, солгала передъ кѣмъ-то, впервые въ жизни была и неоткровенна, и непризнательна.

— Экая гордячка: и меня не приняла, и Варю не пустила ко мнѣ,—говорила вечеромъ того же дня Игнатьевна въ кругу своихъ подданныхъ, распивая кофейные переварки.—Убавилось бы ея, что ли, если бы она поговорила со мной.

— Ну, Богъ съ ней,—жалобно произнесла Акулина Елизаровна.—Слава Богу, что хоть Варю, сироту горемычную, призрѣла. Намъ-то и Богъ велѣлъ терпѣть униженія, недаромъ сказано въ писаніи: бражени кротци.

— Ахъ, друзья мои, она благородная! Вы не осуждайте ее. Ей съ вами нельзя говорить, — воскликнула маіорская дочь, и слышно было, что она скорбѣла о неблагородствѣ своихъ друзей.

— Что мнѣ въ ея благородствѣ! я сама себѣ благородная. Я своимъ потомъ хлѣбъ достаю, ночей не сплю, чтобы

кусокъ хлѣба достать, подлаживаюсь ко всѣмъ, все перенёшу, чтобы не нажить враговъ. Мнѣ ваши благородныя ни пенсій, ни вспомоществованій не даютъ,—жаловалась съ обычной желчью Игнатьевна на свою долю, должно-быть, намекая на свой великій трудъ отдачи комнатъ, такъ какъ это была ея единственная дѣятельность.

— Ардальонъ, ты хоть бы книжечку взялъ почитать,— назидательно пустила въ ходъ три нотки Акулина Елизаровна.—Какъ тебѣ не стыдно съ котенкомъ возиться? Нарисовалъ бы что-нибудь, вѣдь въ гимназіи, чай, учатъ рисовать-то?

— Учатъ-съ,—печальнымъ шопотомъ отвѣтилъ Ардальонъ и, съ сожалѣніемъ оставивъ нитку, съ привязанною къ ней бумажкою, принялся раскладывать на столѣ бумагу, рисунки и сталъ рисовать, прислушиваясь въ то же время къ разговорамъ, на которые до этой минуты онъ не обращалъ никакого вниманія.

Котенокъ потрепалъ его за штанишки, словно говоря: вѣдь тебѣ не хочется рисовать, брось это, Ардальонъ, давай играть!—и, оскорбившись невнимательностью своего милаго друга, пошелъ на середину комнаты и, поддразнивая упрямца, сталъ одинъ подшвыривать и ловить игривыми лапками комокъ бумаги.

А разговоры шли своимъ чередомъ.

— Благородная!—съ ироніей воскликнула Игнатьевна.— А небось съ французинкой шушукаетъ? Все въ него сидитъ, по всѣмъ лавочкамъ задолжала, а передъ нами носъ поднимаетъ.

— Ахъ, душа моя, это коммеражи!—воскликнула маіорская дочь.—Вѣдь вы это отъ ея горничной слышали?

— Да, отъ Дашки слышала!

— Ну, можно ли вѣрить этому народу? И что̀ намъ за дѣло, съ кѣмъ она живетъ? Нѣтъ, нѣтъ, вы не правы, она доброе дѣло сдѣлала.

— Ну, и оставайся ея добродѣтель при ней, а меня-то ей не слѣдъ было обижать. И съ Варей-то проститься не дала! Да я ей этого по гробъ не забуду, умирать буду, на духу покаюсь, что врага не прощаю. Вотъ вамъ и весь сказъ!

А Ардальонъ все слушалъ, и въ его бѣлокуренькой головкѣ бродили смутныя мысли о томъ, что вотъ бѣдныхъ и неблагородныхъ нельзя принимать богатымъ и благороднымъ, что вотъ и его мать, потому что она бѣдная и не-

благородная, валялась въ ногахъ у директора гимназіи, когда Ардальону пришлось держать вступительный экзаменъ, и просила принять сына, и что хотя онъ выдержалъ экзаменъ не хуже другихъ, получилъ изо всего пятерки, а все-таки мать благодарила господина директора за то, что тотъ сжалился надъ ними, надъ сиротами беззащитными. И онъ — Ардальонъ тоже кланялся, сознавая, что директоръ только по добротѣ своего сердца говорилъ ему:

— «Не надо, не надо благодарить! Я принимаю всѣхъ, кто оказываетъ удовлетворительныя познанія на испытаніяхъ».

И все яснѣе и яснѣе казалось Ардальону, что онъ недаромъ, по приказанію матери, кладетъ ежедневно земной поклонъ за благодѣтеля-начальника, сказавшаго ему разъ и навсегда:

— «Если ты будешь дурно учиться и вести себя, то тебя выгонятъ, а тебѣ не на что надѣяться: твоя мать бѣдна, необразована, ты погибнешь, тебя въ дворники не возьмутъ».

Задумчиво подошелъ Ардальонъ къ окну и, повидимому, безцѣльно началъ смотрѣть на дворъ; быть-можетъ, въ эту минуту онъ думалъ угадать будущность обитателей большого дома, быть-можетъ, просто дышалъ молодою, но слабою грудью теплымъ майскимъ воздухомъ... Въ нѣсколькихъ окнахъ уже мелькали огни и, какъ въ китайскомъ фонарѣ, двигались огромныя, большеголовыя тѣни проходившихъ по комнатамъ людей; то тамъ, то тутъ высовывались въ форточки разнообразныя лица, выставлялась за окна провизія. Въ спальнѣ госпожи Скрипицыной было отворено окно, блестѣлъ, не колеблясь, такъ тихо было въ воздухѣ, огонекъ свѣчи и озарялъ двѣ женскія головы: одну—съ осунувшимися чертами лица, другую—полненькую и молодую; молодая женщина, повидимому, читала вслухъ книгу...

На дворѣ спорили и изощряли свое остроуміе мастеровые, дворникъ травилъ, отъ нечего дѣлать, собакъ, куча дѣтей играла въ бабки, между играющими Ардальонъ узналъ одного изъ своихъ товарищей по гимназіи, сына портного «Присухина изъ Парижа», какъ значилось на вывѣскѣ этого честнаго ремесленника. «Мундиръ-то марастъ!»—подумалъ Ардальонъ про своего товарища и тихо началъ раздѣваться, услышавъ молящій и ноющій голосъ матери:

— Легъ бы ты спать, Ардальоша,—говорила она:— а то,

сними насъ Владычица Небесная, пожалуй, раннюю обѣдню проспимъ. Сними-ка сапожки, я ихъ вычищу.

— Да я самъ, маменька, вычищу ихъ.

— Э, голубчикъ, что̀ тебѣ руки марать, да мозоли на нихъ натирать щеткой. Мое дѣло привычное, мнѣ некому рукъ показывать, а твоя жизнь впереди; Богъ знаетъ, кому придется руки жать.

Ардальонъ снялъ сапоги, легъ, но долго ему не спалось въ душной, низенькой комнаткѣ. Долго слышалъ онъ и крики мастеровыхъ, и лай собакъ, и громкій смѣхъ Порфирія Присухина, и шарканье щетки по сапогамъ. Но вотъ все мало-по-малу начало стихать, только изрѣдка глухо дребезжали проѣзжавшія по улицѣ дрожки, раздавался легкій храпъ капитанши, долетало изъ другой комнаты сопѣнье Игнатьевны, смѣшанное съ какимъ-то не лишеннымъ сладости присвистомъ, да безостановочно стучалъ громадный маятникъ широкихъ стѣнныхъ часовъ съ засиженнымъ мухами циферблатомъ. Въ комнатѣ вдругъ послышалось медленное шипѣнье, легкій трескъ и потомъ раздался первый глухой ударъ часовъ, за нимъ послѣдовали снова то же шипѣнье, тотъ же трескъ и ударъ... Часы пробили полночь, то-есть пробили безъ остановки двадцать семь разъ, но привычные люди знали, что это они только шалятъ по праву стариннаго знакомства, и догадывались о настоящемъ времени. Ардальонъ поднялся съ постели и на цыпочкахъ подошелъ къ окну. Небо было свѣтло, но на дворѣ было темно, какъ въ пропасти, всюду погасли огни и только въ спальнѣ Скрипицыной, страдавшей безсонницей, попрежнему теплился огонь свѣчи, и виднѣлись двѣ женскія головы.

— Варька все еще читаетъ!—произнесъ вслухъ Ардальонъ со вздохомъ и испугался, услышавъ движеніе и бредъ матери.

— Молись, молись!—шептала она во снѣ.

Онъ поспѣшно легъ.

Рано подняла его мать на другой день. Приготовила ему чистое бѣлье, вычищенные сапоги и верхнюю одежду, съ которой заботливо счистились всѣ пушинки и вся пыль. Когда ребенокъ одѣлся, мать напомадила ему голову и, причесавъ его, перекрестила.

— Ступай впередъ въ церковь. Что̀ тебѣ со мной со старухой-лохмотницей идти, я въ уголочкѣ гдѣ-нибудь встану, чтобы меня не видали. Поди-ка, у васъ тамъ насмѣшники схназисты, на зубки тебя подымутъ, что вотъ

какая у тебя мать замухрышка,—говорила мать, провожая сына и глядя съ площадки лѣстницы, какъ онъ спускался внизъ.

Звучно лилось въ храмѣ пѣніе пѣвчихъ, носились волны дыма, сверкая при утреннихъ лучахъ солнца, кружилась пыль, пахло ладаномъ и воскомъ, мигали свѣчи и какъ будто изъ недосягаемой дали тихо проносился старческій голосъ благословляющаго священника, и было что-то неизъяснимо поэтическое, какъ младенческій сонъ, во всей этой торжественной картинѣ. Полусонный ребенокъ то любовался съ упоеніемъ ею, то жарко молился, то уносился куда-то своей дѣтской фантазіей, какъ будто ее подняли за собою несущія вверхъ волны опміама. «Что-то я буду дѣлать теперь одинъ, безъ Вари? Опять рисовать? Нѣтъ, скучно! лучше я книжку почитаю. Славныя есть книжки волшебныя! Вотъ гдѣ о феяхъ пишутъ», — думалось Ардальону. И точно, по возвращеніи домой, напившись кофею съ сдобной булочкой, онъ отрылъ у себя замасленную волшебную книжку, притащилъ къ окну старое, обтянутое черной кожею, кресло, подладилъ его такъ, чтобы на него падали солнечные лучи и, поджавъ подъ себя ноженки, угнѣздился, какъ котенокъ, и сталъ читать, грѣясь на солнцѣ, разгораясь хорошенькимъ личикомъ и уносясь далеко-далеко отъ бѣдной, низенькой, проходной комнатки...

А мать погладила его по головкѣ, поцѣловала и, натянувъ на голову платчишко, побѣжала мелкими шажками на рынокъ купить мучки, да яицъ, да разнаго другого снадобья, чтобы испечь прѣсные пирожки для своего сынишки. Онъ читалъ-читалъ, наконецъ, одолѣла его дремота и, горя яркимъ румянцемъ, съ улыбкой на лицѣ, онъ уснулъ, а во снѣ снились чудныя грёзы: богатство, воздушные дворцы, безконечное яркое небо, летающія въ горячемъ воздухѣ феи и, качаясь на сонной, залитой блескомъ рѣкѣ, пѣли русалки ему сладкую пѣсню...

Кому изъ насъ незнакомы эти волшебныя, разнѣживающія душу сновидѣнья? Развѣ какому-нибудь маравшему въ дѣтствѣ свой гимназическій мундиръ сорванцу Приснухину...

Да, кстати, гдѣ онъ теперь?

Вонъ далеко на концѣ города, въ устьѣ Фонтанки, предирается онъ между барокъ на дрянной лодчонкѣ съ двумя шестнадцатилѣтними мастеровыми-халатниками изъ мастерской своего отца. Фуражка натянута на затылокъ, крупныя капли пота струятся съ пылающаго лица, глаза бле-

стать огнемъ силы и страсти, онъ снуетъ по лодкѣ, поднимаетъ притянутые по рѣкѣ канаты и веревки, отпихивается отъ барокъ, работаетъ багромъ.

— Ей вы, спутанные! — кричитъ онъ: — чего по рѣкѣ слани-то распустили? Не можете къ сторонѣ причалить? Проѣду нѣты! Черти, черти проклятые! Митрій, забирай правымъ-то весломъ. Вотъ такъ, молодецъ! Ну, теперь прихвати лѣвымъ... Фу, ты Господи, совсѣмъ умаялся!—говоритъ онъ, садясь на доску, играющую роль скамьи, и, отирая потъ обшлагомъ рукава, любуется, какъ быстро несется лодка, вырученная имъ на свободу. А вдали уже мелькаетъ зелень, островокъ. Еще нѣсколько минутъ—и передъ пловцами откроется широкое раздолье залива, а грязная Фонтанка и неугомонный, пьяный, ради праздника, городъ исчезнетъ вдали, закутанный своимъ дымомъ, опоясанный кладбищами.

— «Эхъ, если бы вѣтеръ разыгрался!»—говоритъ Порфирій, и искренно это его желаніе, и нѣтъ въ немъ страха, онъ дѣйствительно убѣжденъ, что борьба съ бурей чудное дѣло; ему кажется, что онъ могучій гигантъ, и въ эту минуту онъ любитъ болѣе всего картину, висящую въ магазинѣ его отца и изображающую Петра на Ладожскомъ озерѣ, усмиряющаго бурю.

Ему кажется, что онъ скорѣе бы утонулъ, чѣмъ рѣшился бы крикнуть: помогите! И то сказать: кто—если трезво глядѣть на міръ и на всѣ его глубокія соображенія — поможетъ ему, Приспухину, когда онъ самъ не сможетъ спасти себя? Ему никто никогда не говорилъ о существованіи спасительницъ фей, а онѣ, отъ тупоумной гордости, или отъ крайней лѣни, не поспѣшили какимъ-нибудь чудомъ заявить ему о своемъ существованіи и такимъ образомъ навѣки потеряли одного изъ возможныхъ поклонниковъ. Бѣдныя, жалкія, глупыя феи!

III.

Маленькая сестрица и бѣдный братишка.

Въ то же воскресенье госпожа Скрипицына возвратилась съ Варей отъ поздней обѣдни и застала у себя обычныхъ праздничныхъ гостей: учителя-француза и своего восемнадцатилѣтняго брата-кадета, молодого человѣка съ ухарской прической и беззаботно-удалымъ выраженіемъ на недурненькомъ личикѣ съ вздернутымъ носикомъ, сильно развитыми ноздрями и полными, алыми губами. Этотъ достой-

ный всякаго уваженія и потому любившій принимать признаки уваженія, молодой человѣкъ любилъ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ, напѣвать отрывки изъ арій и романсовъ, изъ которыхъ онъ отлично помнилъ первыя двѣ строчки и мотивъ. Онъ серьезно говорилъ, какъ и слѣдуетъ истинному таланту, что у него «прекрасный теноръ», и иногда высказывалъ сожалѣніе, что у него нѣтъ времени обработать свой «замѣчательный голосъ», и вообще смотрѣлъ съ должнымъ презрѣніемъ на тѣхъ, кто не имѣлъ голоса или просто стѣснялся пѣть, не зная первыхъ строчекъ арій и романсовъ. Не менѣе прекрасно, и тоже не стѣсняясь вкусами постороннихъ, умѣлъ молодой человѣкъ свистать и съ восторгомъ говорилъ, просвиставъ удачно какой-нибудь маршъ, что онъ «отлично свищетъ». Въ эти минуты онъ былъ особенно привлекателенъ, потому что нѣкоторымъ образомъ находился въ положеніи вдохновеннаго свыше лица, размахивалъ руками и шагалъ огромными шагами по комнатѣ, стуча каблуками, наступая на чужія ноги и задѣвая за мебель. По обыкновенію онъ не любилъ сидѣть, но лежалъ въ креслѣ, закинувъ назадъ голову, свѣсивъ въ стороны руки, протянувъ и расширивъ длинныя ноги, такъ что вся его фигура представляла человѣка, лежащаго на покатой доскѣ. Онъ находилъ эту позу граціозною и ловкою и почему-то называлъ ее «вызывающею». Если онъ не свисталъ, не напѣвалъ первыхъ строчекъ арій, не лежалъ въ креслѣ, то крошилъ ножницами попавшіяся ему вещи, или комкалъ ихъ въ рукахъ, за неимѣніемъ ножницъ. Ѣлъ аппетитно, по-кадетски, бралъ кушанья, не дожидаясь приглашенья, изъ любви къ лучшимъ кускамъ блюда; если ставилась на столъ коробка съ конфетами, то онъ спокойно ставилъ ее себѣ на колѣни или, лучше сказать, на грудь, такъ какъ это было удобнѣе въ его лежачемъ положеніи, и рылся въ конфетахъ, осматривалъ и вертѣлъ каждую, иногда даже подносилъ къ носу, отыскивая самыя лучшія, подходившія къ его развитому вкусу, оставляя гостямъ довольствоваться тѣмъ, что не нравится ему. Это, впрочемъ, могло быть непріятно только тѣмъ, у кого былъ одинаковый съ нимъ вкусъ, но такъ какъ на вкусъ товарища нѣтъ, то подобное дѣйствіе и не могло быть непріятнымъ кому бы то ни было. Иногда онъ пряталъ нѣсколько конфетъ для друга, съ которымъ его звали *неразлучкой*. Тотъ былъ хорошенькій мальчикъ, ходившій большею частью въ шинели, а не въ курточкѣ, хотя это и

было запрещено въ корпусѣ. Но до него намъ нѣтъ дѣла. Госпожу Скрипицыну часто возмущало поведеніе брата, чего мы, при всемъ уваженіи къ ней, разумѣется, не оправдываемъ, любя воинственную свободу и полное сознаніе своихъ достоинствъ въ воинахъ. Но Скрипицыной это было простительно, она была *такъ* воспитана, выросла въ *такомъ* обществѣ и была въ *тѣхъ* лѣтахъ... Да, кстати, о лѣтахъ госпожи Скрипицыной.

Читательница, не приходите въ ужасъ, что, говоря о лѣтахъ женщины, я могу добраться и до вашихъ лѣтъ. Вы молоды, я знаю навѣрное, что вы молоды; я васъ встрѣтилъ послѣ десятилѣтней разлуки на балу и былъ радъ, что на вашихъ щечкахъ цвѣтутъ попрежнему розы, что у васъ роскошные локоны, падающіе на алебастровую шейку, что ваши бровки черны, узки и правильно очерчены. Этого съ меня довольно; подробнѣе узнаетъ степень вашей молодости вашъ будущій супругъ на другой день вашей свадьбы...

Скрипицына же была въ той порѣ, когда всякая женщина перестаетъ прибавлять лѣта своей милой, дорогой подругѣ, а мужчины перестаютъ справляться о нихъ. И такъ она, державшаяся прямо, говорившая плавно и медленно, изящно поправлявшая нарукавнички и складочки платья, не смущавшая своей особой гостей даже въ гостиной графовъ Дикобразовыхъ, своихъ дальнихъ родственниковъ, она огорчалась воинственностью брата и называла его манеры «армейскими».

— Ты знаешь, мой другъ,—говорила она:—что именно за эти манеры у графовъ Дикобразовыхъ, нашихъ родственниковъ, не принимаютъ армейскихъ офицеровъ.

— Ну, вотъ еще выдумала. Графиня сама таскала свою дочь къ намъ на балы въ корпусъ, а тамъ не станетъ же наша братья для нихъ перемѣнять манеръ. «Пью за здравіе Мари»,—вдохновенно пѣлъ братъ, качая во всѣ стороны головой.

— Могу тебя увѣрить, графиню ужасаютъ эти манеры. Она повезла дочь на балъ, потому что тамъ былъ Жоржъ Гребецкій. Она хочетъ устроить эту партію, и онъ долженъ какъ можно чаще видѣть ея чудную, несравненную дочь. Ты долженъ вести себя прилично, отличаться тѣмъ аристократизмомъ, которымъ отличались всѣ «наши». Вспомни, что фамилія Скрипицыныхъ не изъ тѣхъ, которыя стоятъ въ переднихъ. Ты знаешь по исторіи судьбу нашихъ пред-

ковъ въ 1612 году. Да что я говорю! Довольно взглянуть на твои черты, на твои ручонки и ноги, чтобы убѣдиться, что твой дѣдъ вышелъ не изъ курной избы.

— «Лобзай меня, твои лобзанья»,—моталъ головой братъ, выставляя свою хорошенькую, протянутую на середину комнаты, ногу.

— Я согласна, что твой голосъ рѣдкій алмазъ, но онъ не обработанъ. Если бы у меня были средства...

— Кстати, сестра, что эти подлецы, мои мужики, не приносили оброка?

— Нѣтъ, мой другъ.

— По-міру, канальи, ходятъ, чѣмъ бы на мѣста идти. Конечно, скоро ли по грошамъ соберешь оброкъ, да еще, я думаю, каждый день нализываются. «Что за ночь, за луна»,— заливался братъ.

— Итакъ, мой другъ, если бы у меня были средства, или если бы твои мужики работали, а не ходили по-міру, и платили бы большіе оброки, то мы взяли бы тебѣ учителя пѣнія, и ты, конечно, могъ бы пѣть даже у графа Дикобразова. Его же младшая дочь, которая еще не просватана, такъ любитъ пѣть дуэты. Но пѣть, ходя по комнатѣ, это не принято.

— Ты, душа моя, ничего не понимаешь. Вы всѣ въ институтѣ привыкли быть нѣмыми, чопорными куклами, ходить на пружинахъ, se tenir droit и цѣловать подругъ за блѣдныя, чахоточныя лица. Идеализмъ! Къ тому же ты позабыла, я думаю, какое дѣйствіе производитъ мужской голосъ на женщинъ, онъ магически дѣйствуетъ на нихъ. «Обойми, поцѣлуй»,—пѣлъ братъ и, вытянувшись еще прямѣе въ креслѣ и закинувъ еще выше свою умную головку, вспоминалъ, какъ его пѣніе очаровало одну изъ знакомыхъ ему дѣвицъ, жившихъ въ одной общей квартирѣ, куда привезъ его впервые, вышедшій въ полкъ товарищъ, и куда съ того дня онъ ходилъ съ друзьями по субботамъ. Но возвратимся къ разсказу.

— Отчего ты не съ вечера пришелъ?—спросила сестра у брата послѣ обычныхъ привѣтствій съ гостями, садясь за столъ, гдѣ былъ поставленъ кофе, и заботливо стала расправлять платье и нарукавнички.

— Нельзя было. Мы съ товарищами въ гости ходили,— отвѣтилъ братъ.

— Къ кому?

— Такъ... къ знакомымъ...

— Надѣюсь, что это порядочные люди, что ты не роняешь своего достоинства знакомствомъ съ ними?

— Вотъ еще выдумала! Знакомые, какъ знакомые!

— Хорошее общество у нихъ собирается?

— Всѣ, кто хочетъ, тотъ и идетъ...

— Весело провелъ время?

— О, у нихъ-то всегда весело! — плутовато засмѣялся братъ, подмигивая учителю-французу, которому онъ уже успѣлъ сообщить, кто такіе эти знакомые, и что дѣлаютъ тамъ мужчины.

— Что же вы тамъ дѣлали?

— Да все!

— То-есть, что же все?

— Да такъ все, что хочешь... Пѣли, танцовали... Странная ты, сестра, развѣ можно разсказывать все? «Когда легковѣренъ и молодъ я былъ».

— Отчего же нѣтъ?

— Ну, вотъ еще! «Младую гречанку...»

— Однако?

— Ты такая пуританка!.. «я страстно любилъ...»

— Что съ тобою? Развѣ тамъ было что непозволительное?

— Ну, хоть бы и непозволительное, такъ что же? Это вѣдь все относительныя понятія. Что непозволительно для тебя, то можетъ быть позволительно для меня.

— Il est spirituel! — ввернулъ, весело улыбаясь, французъ, у котораго начинались судороги отъ скрываемой зѣвоты, онъ поминутно отиралъ навертывавшіяся отъ нея на глаза слезы.

— Но я боюсь за него, онъ такъ пылокъ!

— О, это ничего. Мы, французы, тоже чрезвычайно рано развиваемся, и потому насъ не пугаетъ раннее развитіе.

— Вы думаете, что оно не опасно?

— Нисколько.

Братъ, не говорившій, къ прискорбію сестры, по-французски, считалъ за лучшее, во время этого разговора, напѣвать восхитительную строчку изъ моднаго романса. Варя, между тѣмъ, напилась кофе, и госпожа Скрипицына обратилась къ ней:

— Ступай, дитя мое, вышивать мой воротничокъ. Только, пожалуйста, выполни аккуратно рисунокъ. Тамъ, помнишь, есть прорѣзъ, ты будь осторожна, чтобы послѣ не сыпалось на этихъ мѣстахъ. И тамъ, гдѣ паутинки, дѣлай ихъ отчетливѣе. Каждое искусство требуетъ внимательности.

Варя вышла изъ комнаты, получивъ предварительно поцѣлуй въ щеку и поцѣловавъ протянутую ей руку.

— Что это за лѣнь наказуемая? — спросилъ братъ, удивляясь присутствію дѣвочки у сестры въ праздничный день.

— Нѣтъ, я ее взяла на воспитаніе.

— А! Прибавка барышей!—родственно обрадовался братъ счастью сестры.

— Фи! Она нищая, у нея нѣтъ никого въ мірѣ, я ей замѣнила мать.

— Вотъ фантазія! Охота няньчиться!

— Нельзя же жить вѣчно для одной себя.

— Ты, кажется, рѣшительно хочешь закабалить себя. Няньчишься съ дѣвчонками въ будни, а теперь и въ праздники не будешь имѣть отдыха. Да это и стоитъ чего-нибудь, ты не такъ богата.

Братъ въ своей юной головкѣ тотчасъ же сообразилъ, что лишніе расходы сестры убавятъ его приходы, и разсердился на алчную дѣвчонку, навязавшуюся на шею его сестры. Такая разсчетливость насъ рѣшительно изумляетъ, потому что у него было молодое, то-есть мягкое и доброе сердце, онъ, какъ всѣ запертые въ корпусѣ кадеты, былъ щедрый молодой человѣкъ и каждую недѣлю давалъ своему другу часть своихъ карманныхъ денегъ, платилъ щедро каптенармусу за то, что тотъ выбиралъ ему лучшую одежду, прибавлялъ извозчикамъ, смѣясь, что они называли его графчикомъ и вашимъ сіятельствомъ; даже Даша знала его щедрость. Хотя за что бы ему платить хорошенькой Дашѣ? Не за то ли, что она смотрѣла, какъ чистила по субботамъ его сапоги и платье старая, рябая кухарка, которой (нельзя же всѣмъ платить) не платилось ничего?

— Это нашъ святой долгъ, мой другъ, спасать ближнихъ.

— Mademoiselle такъ добра, — промолвилъ учитель: — что для нея величайшее счастье есть счастье ея ближнихъ.

— Не хвалите меня, я испорчусь, — сладко улыбнулась добрая Скрипицына и, опустивъ глаза, стала задумчиво помѣшивать ложкой въ чашкѣ. — Меня страшно безпокоитъ,—какъ бы про себя говорила она:—удастся ли мнѣ ее развить, внушить ей высокія понятія о призваніи женщины-христіанки. Она такъ очерствѣла, такъ испортилась въ этой грязной обстановкѣ среди необразованныхъ, грубыхъ людей, погруженныхъ въ мелочные матеріальные расчеты. Я опасаюсь, что у меня не хватитъ на это силъ, я такъ жарко прошу ихъ у Бога. Если бы у меня было

краснорѣчіе графа Дикобразова, нашего великаго родственника, — о, тогда бы другое дѣло! Но я — я бѣдная, слабая женщина!

— Давай я буду тебѣ помогать! — воскликнулъ съ вѣтренымъ смѣхомъ братъ.

— Ты шутишь, Basile, ты дитя и не понимаешь, что значитъ принять на себя эти обязанности.

— Такъ зачѣмъ же и брать ихъ, если трудно исполнить?

Сестра съ сожалѣніемъ меланхолически пожала плечами.

— А наше нравственное развитіе? А наше образованіе? Развѣ они не принуждаютъ насъ къ исполненію извѣстныхъ обязанностей? Какой-нибудь грубый невѣжда, мужикъ, не считаетъ нужнымъ помогать ближнимъ, онъ спокоенъ, видя ихъ нужды; но мы, получая извѣстныя права и преимущества, получаемъ и извѣстныя обязанности. Трудъ страшный, но, разумѣется, мы не промѣняемъ его святыни на беззаботную, безсмысленную, животную жизнь неразвитаго мужика. Въ насъ не дремлетъ сознаніе своего человѣческаго достоинства и, ставъ однажды на верхнюю ступень лѣстницы, мы не сойдемъ въ пропасть грязи, грубости и эгоизма.

Госпожа Скрипицына, какъ видитъ читатель, любила и умѣла произносить рѣчи; это было слѣдствіемъ сознанія своего умственнаго и нравственнаго превосходства надъ окружающими. Это сознаніе не могло не навѣвать на нее грусти, проявлявшейся во всѣхъ ея рѣчахъ и очень понятной въ ея положеніи. Мои развитые и понимающіе свое развитіе читатели знаютъ это по себѣ. Тяжело стоять одиноко, на какой бы то ни было высотѣ! Всякій богачъ, это извѣстно всѣмъ, обладая умственными или матеріальными, или другими сокровищами, терзается, зная, что этихъ богатствъ нѣтъ у его братьевъ-бѣдняковъ, терзается болѣе этихъ бѣдняковъ, потому что они даже и не понимаютъ, что значитъ быть богатымъ.

— Ты судишь, какъ англійская леди, — замѣтилъ братъ, по-кадетски называвшій въ своемъ кругу всѣхъ англичанокъ *дохлыми*.

— Вы правы только отчасти, — замѣтилъ учитель, не умѣвшій льстить по своей гордой французской натурѣ. — Въ вашей сестрѣ, при всемъ нравственномъ сходствѣ съ англичанками, есть еще то высокое качество, котораго нѣтъ у нихъ: она мягка, женственна, въ ней нѣтъ ихъ сухости и черствости.

— О, вы сегодня сговорились баловать меня. Вы сговорились, покуда были одни. Это награда за мою рѣшимость. И вѣрьте, друзья мои, эта награда нужна мнѣ, какъ поддержка, какъ одобреніе для слабаго путника въ трудной дорогѣ къ высокой цѣли.

Госпожа Скрипицына съ искреннимъ чувствомъ пожала руки учителя и брата, хотя послѣдній и удивлялся, почему его сестрѣ кажется комплиментомъ найденное въ ней сходство съ дохлыми англичанками, тощими, какъ щепки, и длинными, какъ жерди. Этотъ миленькій ребенокъ именно такими представлялъ себѣ англичанокъ. Его сестра вдругъ приняла веселое выраженіе лица, и минутное облако печали, налетѣвшее на нее, исчезло, какъ весеннія облака при лучахъ солнца. Ея еще юное сердце, лѣта котораго, по обыкновенію, не считаются никѣмъ, затрепетало подъ корсетомъ отъ одобренія милыхъ друзей. Быстро пролетѣло время до обѣда. Скрипицына разсказывала объ институтѣ, о пріѣздѣ туда разныхъ знаменитостей, о поцѣлуѣ, данномъ ей тамъ княгинею Мухортовой-Таракановою, о кадрили, гдѣ Скрипицына танцовала съ княземъ Миловидовымъ и vis-à-vis съ своимъ кузеномъ, графомъ Дикобразовымъ, бросавшимъ ревнивые взгляды на князя и едва не вызвавшимъ послѣдняго на дуэль за нее. Даже кусочекъ широкой орденской ленты, подаренный какою-то еще болѣе значительною особой, явился на сцену и удивилъ своимъ полинялымъ голубымъ цвѣтомъ, походившимъ на загрязненное тучами осеннее небо, не дающее никакого понятія о его лазури, ослѣплявшей глаза въ весенніе дни. Французъ-учитель толковалъ объ удовольствіяхъ Парижа, о нарядахъ и локонахъ дамъ изъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, объ очаровательныхъ головкахъ юношей и, не мудрено, что его разсказы выходили и вѣрны, и картинны, такъ какъ онъ самъ держалъ гребенки, помаду и пудру во время того, какъ его патронъ-куаферъ убиралъ эти чудныя головки; даже одинъ изъ пальцевъ monsieur Davoust хранилъ до сихъ поръ слѣды обжога, полученнаго, по его словамъ, на дуэли за маркизу Ріо, а по словамъ исторіи — отъ куаферскихъ щипцовъ. Большой же палецъ правой руки учителя навѣки остался изогнутымъ наружу отъ долгаго ежедневнаго верченія этихъ щипцовъ, когда они слишкомъ перекалялись. Василій Николаевичъ Скрипицынъ между пѣніемъ и свистомъ ввертывалъ тоже свое словцо о томъ, что «мы первые *фруктовики,* что у насъ нѣтъ *кол-*

плаваетъ, то-есть дурныхъ фрунтовиковъ, что экономъ у насъ воръ, а директорша отдаетъ чинить на казенный счетъ свои сковороды, приказывая вносить плату за починку въ число расходовъ по ремонту лазаретныхъ принадлежностей, что гусарская форма самая лучшая, и что какой-нибудь *пятифирка* не можетъ угоняться за гусаромъ, что гусаръ ему по носу надаетъ, что никакая барышня не устоитъ противъ гусара и каждая смѣется надъ рябчикомъ».

Но, любезный читатель, вы давно знаете, о чемъ говоритъ и будетъ говорить каждый изъ вашихъ милыхъ, добрыхъ, скучныхъ знакомыхъ... Не прерывайте, читательница, вашу милую, умную подругу Ольгу Петровну Черемухину, и она будетъ въ теченіе всего своего визита говорить о нарядахъ, ленточкахъ, кружевцахъ, воланцахъ, брошкахъ, сережкахъ и непремѣнно — о, непремѣнно! — припомнить ихъ фасонъ того времени, когда «она жила въ Парижѣ», то-есть, пробывъ тамъ три недѣли, бѣжала отъ кредиторовъ. Объ этомъ вы могли бы прочесть въ иностранныхъ газетахъ, если бы изъ нумеровъ, долетѣвшихъ до васъ, не исчезло, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, именно это извѣстіе на горе для вашего маленькаго сердечка, обожающаго Ольгу Петровну. А Иванъ Ивановичъ Добронравинъ (тотъ самый, что нажилъ деревню изъ трехсотъ рублей жалованья), онъ будетъ въ теченіе всего вечера всѣмъ и всюду разсказывать о крестѣ, полученномъ недостойнымъ Чубуковымъ, будетъ до мельчайшихъ подробностей разбирать всю позорную дѣятельность Чубукова, его жены, дѣтей, родственниковъ, слугъ, крестьянъ и, все-таки, не успокоитъ своей желчи, почувствуетъ ея приливы и завтра, и послѣзавтра, и по необходимости будетъ ее изливать снова за вистомъ до тѣхъ поръ, пока самъ не получитъ креста. А опера? Княжнѣ Мери дѣлается дурно, если ей не дадутъ говорить объ оперѣ. Тамберликъ, Кальцоляри, аріи, дуэты, парижская опера, петербургская опера, — о, восторгъ! — о, счастіе! о, княжна Мери, какъ громадно великъ, какъ подавляющъ вашъ умъ! Моя кухарка тоже цѣлый день надоѣдаетъ мнѣ разсказами о дороговизнѣ говядины и злокачественности картофеля, она даже знаетъ, почему дорога говядина и въ пятнахъ картофель, — но, другъ мой, чѣмъ я могу помочь тебѣ?

Итакъ, очертивъ характеры своихъ героевъ, я могу не передавать всѣхъ ихъ разговоровъ. Достаточно сказать, что Скрипицына и ея друзья любили другъ друга, и каж-

дый изъ нихъ давалъ довольно много времени своему собѣднику на разсужденья о любимомъ его предметѣ. Такимъ образомъ, наговорившись досыта, одинъ уступалъ слово другому, тотъ тоже договаривался до изнеможенія, вывертывалъ свой предметъ на изнанку и показывалъ, что пришелъ чередъ третьему, за третьимъ слѣдовалъ первый. Эта система взаимныхъ услугъ и одолженій знакома всѣмъ, кто хоть разъ былъ въ русскомъ обществѣ: оно очень скучно для посторонняго, но зато каждый членъ общества можетъ до совершенства объѣздить своего «конька». Да что же и дѣлать, не объ общественныхъ ли дѣлахъ разсуждать? Этимъ витьемъ веревокъ изъ песку и себя не потѣшишь! Послѣ обѣда братъ отправился въ ту комнату, гдѣ вышивала Варя, и сѣлъ противъ нея. Варя не пошевельнулась и продолжала вышивать. Кадетъ посмотрѣлъ на вышивку, посвисталъ, зѣвнулъ два раза, наконецъ, взялъ ножницы и сталъ играть ими. «Не стану я съ нимъ говорить»,—думала Варя. «А вѣдь ты первая заговоришь»,—размышлялъ онъ. Долго длилось молчаніе, наконецъ, Варѣ понадобились ножницы. Она поискала ихъ и, увидавъ, что онѣ въ рукахъ кадета, покраснѣла и устремила на нихъ глаза.

— Позвольте,—промолвила она почти шопотомъ.

— Что вамъ позволить?

— Ножницы дайте.

— Вотъ онѣ... Вы, кажется, годъ просидѣли бы молча, если бы онѣ не были вамъ нужны. Я думалъ, что вы нѣмая.

— О чемъ же говорить?

— Такъ неужели вы не можете найти предметовъ для разговора.

— Нѣтъ.

Воцарилось молчаніе. Варя, дѣйствительно, не умѣла *разговаривать,* она до сихъ поръ только играла, отвѣчала на вопросы и спрашивала, если ей что-нибудь было нужно.

«Ну, матушка, — подумалъ кадетъ: — ты порядочная тупица!»

— Вы любите вышивать?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы и въ праздники вышиваете?

— Mademoiselle велѣла.

— Какое право имѣетъ кто-нибудь велѣть что-нибудь другому?

Варя не поняла вопроса и промолчала.

— Развѣ вы ея крѣпостная?

— Не знаю.

— Го-го-го, — захохоталъ кадетскимъ смѣхомъ Скрипицынъ.—Какъ вы не знаете: крѣпостная вы или нѣтъ?

Варя опять промолчала, вполнѣ доказывая этимъ свое крайнее тупоуміе.

— А вѣдь я на вашемъ мѣстѣ не пошелъ бы жить сюда. Здѣсь скука смертная! Я думаю, васъ все Шатобріашку заставляютъ вслухъ читать? У сестры безсонница. Дуракъ былъ этотъ Шатобріашка! Сама сестра его, кажется, какъ рыбій жиръ глотаетъ отъ золотухи.

— Развѣ у нея золотуха?—наивно спросила Варя.

— Го-го-го! — залился кадетъ. — Разумѣется, золотуха! Это она и васъ согласилась взять отъ золотухи, чтобы ей не такъ тошно было. Она съ вами будетъ играть, какъ дѣти съ котятами играютъ... А вы, дѣйствительно, хорошенькій котенокъ. Вы ей не поддавайтесь.

— Вамъ грѣхъ это говорить.

— Ого!

— Да, грѣхъ, и мнѣ грѣхъ! Mademoiselle моя благодѣтельница, она сказала: я спасаю тебя отъ гибели!

— Отъ какой?

Варя не отвѣтила.

— Ну, отъ чего же она васъ спасаетъ?

— Отъ битья, отъ голода...

— А кто ей сказалъ, что васъ стали бы бить? что вы умерли бы съ голода?

— Она говорила, что простые люди всегда бьютъ дѣтей.

— А вы жили у благородныхъ?

— Нѣтъ.

— Били васъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ видите ли, какой вы глупости повѣрили! Какое вы дитя. Она васъ ни отъ чего не спасла. Люди не умираютъ съ голода. Вы глупо сдѣлали, что просили ее взять васъ къ себѣ, вы думали, что она богата, глаза разгорѣлись, да въ расчетѣ ошиблись.

Послѣднія глубокія соображенія казались вполнѣ вѣрными миленькому ребенку-кадету, онъ не зналъ, что Варя еще слишкомъ глупа для подобныхъ расчетовъ, и все считалъ ее болѣе умною, чѣмъ она была на дѣлѣ.

— Я не просила.

— Вотъ это хорошо! Такъ, значитъ, она насильно взяла васъ къ себѣ? Молодецъ-сестра, даромъ крестьянъ пріобрѣтаетъ, пожалуй, цѣлую деревню для меня пріобрѣтетъ.

Варя съ удивленіемъ посмотрѣла на собесѣдника; какія-то новыя, до сихъ поръ неслыханныя ею соображенія высказывались имъ, но она ничего не могла вдругъ понять изъ нихъ, не могла сдѣлать выводовъ.

— Вотъ теперь и шейте ей воротнички, нарукавнички, вяжите кошелечки, читайте Шатобріанку, а какъ она разорится,—вамъ и придется идти по-міру или въ горничныя дѣвки. Еще до пятнадцатаго года дожили, а этого не поняли. Вѣдь черезъ два годика вы замужъ можете выйти, черезъ три, да еще и раньше, своихъ дѣтей можете имѣть. Иныя очень рано развиваются и могутъ рожать. Я зналъ...

Варя вспыхнула и вспомнила слова маіорской дочери, что о такихъ вещахъ стыдно говорить, хотя сама и не понимала, почему стыдно.

— Ступайте прочь!

— Это зачѣмъ?

— Я не хочу съ вами говорить.

— Почему?

Отвѣта не послѣдовало.

— Или вамъ стыдно слушать о томъ, что у васъ дѣти будутъ? Полноте, черезъ годикъ сами объ этомъ будете шептаться съ подругами. Знаю я васъ. Я думаю, вы и теперь учителямъ записочки суете, а по вечерамъ между собою...

— Уйдите!

— Чего вы волнуетесь, малютка? Давайте вашу лапенку и помиримся!

— Уйдите!

— Ну нѣтъ, вотъ на зло не уйду, чтобы вы не капризничали. Давайте руку.

— Не дамъ! — воскликнула упрямая Варя, и въ ея голосѣ послышалась не нервная раздражительность слабаго существа, а злоба, лицо покрылось блѣдностью, глаза засверкали гнѣвомъ. Котенокъ обратился въ тигренка.

— Дашь!—крикнулъ кадетъ и подошелъ къ ней.

Она схватила съ пялецъ катушки и, швырнувъ ихъ въ лицо противника, убѣжала въ спальню. Пяльцы полетѣли на полъ.

Шумъ достигъ до ушей госпожи Скрипицыной. Она, какъ заслышавшій драку адъютантовъ Отелло, съ гнѣвомъ

явилась въ комнату и обратилась съ разспросами къ брату. Онъ чистосердечно признался, что Варя задремала за работой, уронила во снѣ пяльцы и, испугавшись ихъ паденія, убѣжала въ спальню. Позвали Варю.

— Какъ ты неосторожна! — сказала Скрипицына, разглядывая, не порвался ли воротничокъ.—Шумишь на весь домъ. Насъ трое, и мы не дѣлаемъ шума, насъ даже не слышно, а ты одна тревожишь всѣхъ. Эта угловатость манеръ неприлична, это свойство мужиковъ.

— Но развѣ я виновата, что...

— Пожалуйста, оставь привычку оправдываться. Я ее уже не разъ замѣчала въ тебѣ. Сознаніе своей вины, раскаяніе — лучшія оправданія. Въ женщинѣ должна быть покорность и покорность. Ты должна учиться принимать дѣльныя наставленія, должна дорожить ими. Время летитъ и, можетъ-быть, придетъ пора, когда я не въ силахъ буду подать тебѣ совѣтъ, протянуть руку помощи.

Скрипицына впала въ элегическій тонъ.

— Но знаете ли вы, что...

— Все, все знаю и не браню тебя. Теперь шей и будь осторожна.

Варя нахмурила брови, взглянула исподлобья на наставницу и опустила голову; въ эту минуту было ясно, что она дурная, злая дѣвочка. Ея лицо было непріятно, въ ея глазенкахъ горѣлъ зловѣщій свѣтъ.

— Что, выслушали проповѣдь? — засмѣялся кадетъ по удаленіи сестры.

Ему не отвѣчали.

— Послушайте, не дуйтесь! Будемъ друзьями.

Варя молчала, кадетъ посвистывалъ.

— Ну, хотите, я вамъ что-нибудь почитаю?

Отвѣта не было. Кадетъ еще посвисталъ и побарабанилъ пальцами, что̀ онъ дѣлалъ весьма ловко.

— Вѣдь это отвратительно быть такой упрямой! Вы знаете, кто упрямѣе всѣхъ? Оселъ!

Варя и тутъ выдержала свой характеръ.

— Сестра правду говоритъ, что вы неразвиты. Съ вами не сто̀итъ и говорить. Я хотѣлъ быть вашимъ другомъ, научить васъ, какъ должно поступать, чтобы быть независимой, свободной, а вы дуетесь, какъ глупая дѣвчонка. Прочли бы сказку о томъ, какъ баба не хотѣла сказать: слава Богу, мужъ лапоть сплелъ. Тогда увидали бы, какъ нелѣпо упрямство. Оставайтесь же однѣ, я уйду

Въ комнатѣ только иголка щелкала по натянутому батисту.

— Прощайте, истуканчикъ!

Вечеромъ подали чай.

— Сестра, ты любишь истуканчиковъ?—спросилъ кадетъ.

— Какихъ истуканчиковъ?

— Вотъ такихъ съ кривыми ножками, съ глупенькими рыльцами, какимъ китайцы молятся.

— Фи! о какихъ гадостяхъ ты говоришь.

— О гадостяхъ! А вотъ mademoiselle хочетъ сдѣлаться похожею на нихъ.

— Какъ такъ?

— Да, она хочетъ постоянно молчать, чтобы сдѣлаться похожею на нихъ. Я о чемъ ни говорилъ съ ней, она ни на что не отвѣчала.

— Она неразвита и не понимаетъ, что это невѣжливость. Нельзя же, мой другъ, все въ минуту сдѣлать, Богъ дастъ, отучится и отъ этого. У нея жесткій и черствый характеръ, она огрубѣла въ грубой средѣ.

— Ну, да ты сдѣлаешь его мягкимъ.

— Можетъ-быть. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ хочется, чтобы онъ получилъ болѣе женственности.

Кадетъ сталъ собираться въ корпусъ.

— Дай, пожалуйста, мнѣ денегъ, сестра...

— Неужели ты въ недѣлю издержалъ пять рублей?

— Да вѣдь я же былъ вчера у...

— У кого?

— А, чортъ возьми!—смѣшался и разсердился братъ.— Ну, у кого бы ни былъ, но у меня денегъ нѣтъ!

Сестра покачала головой.

— Моя маленькая сестрица, кажется, жалѣетъ дать своему бѣдному братишкѣ на bonbons? Ну, такъ братишка и безъ нихъ обойдется,—проговорилъ кадетъ печальнымъ и замѣтно дрожавшимъ голосомъ и, поспѣшно, нервно простившись со всѣми, вышелъ изъ комнаты.

Госпожа Скрипицына вышла за нимъ въ переднюю.

— Ступай, сестра, я одинъ найду шинель,—слышался оттуда дрожащій голосъ.

— Полно, Basile, полно! —говорила маленькая сестрица.— Перестань! Ты плачешь?

— Нѣтъ!.. Ничего... Говорю тебѣ, уйди, сестра!

— У тебя голосъ дрожитъ и руки тоже.

— Нѣтъ, нѣтъ, это такъ!.. Ахъ, уйди!.. Да что же это!.

Уйди!—говорилъ братъ, стараясь высвободить свои конвульсивно дрожавшія руки и скрыть трепетавшее въ истерическихъ судорогахъ лицо.

Бѣдный! ему такъ не хотѣлось огорчить сестру и показать нервную чувствительность своей нѣжной натуры.

— Неправда, неправда, у тебя и глаза влажны. Я пошутила. Я не разсчитываю. Видитъ Богъ, я никогда не разсчитываю, я не жалѣю денегъ. Ну, перестань, поцѣлуй меня, прости!

— Сестра, сестра!—воскликнулъ бѣдный братишка и скрылъ на ея мягкой, какъ вата, груди свое взволнованное лицо.—Можетъ-быть, тебѣ теперь нужны деньги, у тебя теперь расходовъ болѣе?.. Ты добрая, великая женщина! Я понимаю это. Твой бѣдный братишка сумѣетъ тоже пожертвовать долею своихъ привычекъ... Онъ не эгоистъ... Онъ понимаетъ, что ты дѣлаешь добро...

— Ну, милый, милый мой, полно... Ахъ, онъ же мои руки цѣлуетъ! Я его оскорбила, а онъ же мои руки цѣлуетъ! Голубчикъ! Милый!

Госпожа Скрипицына дала бѣдному братишкѣ денегъ и проводила его до дверей передней.

— Чортъ возьми, какъ это все глупо!—ругался еще сильнѣе дрожавшимъ голосомъ бѣдный братишка.—Съ этими институтками безъ слезъ ничего не подѣлаешь. Кислятины онѣ этакія! Эй, извозчикъ! Только лицо все перемаралъ слезами. Хороши и слезы-то,—расхохотался онъ, вспомнивъ, изъ какого источника онѣ нашлись.

А маленькая сестрица, въ свою очередь, тоже поспѣшила осторожно, не задѣвая румянца на щекахъ, отереть слезы и прошла въ спальню. Пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, она возвратилась къ гостю-учителю. Глаза не были красны и даже почему-то одна рѣсница побѣлѣла, какъ будто на нее упалъ легкій иней. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы въ спальнѣ Скрипицыной и притомъ въ лѣтнее время могъ быть даже легкій иней.

Въ одиннадцать часовъ, по уходѣ француза, госпожа Скрипицына пошла въ свою спальню въ сопровожденіи Вари и горничной. Варя должна была читать вслухъ французскую книгу, покуда не заснетъ наставница, такъ какъ для дѣвочки, не имѣвшей чистаго французскаго произношенія, такія чтенія должны были оказать громадную пользу, а госпожа Скрипицына, вѣрная принятымъ на себя обя-

занностямъ, заботилась о сиротѣ, какъ мать, все предвидѣла, все разсчитала.

— Вчера въ домѣ у насъ опять исторія случилась, всѣхъ жильцовъ всполошила,—говорила горничная, раздѣвая свою госпожу.

— Опять скандалъ какой-нибудь?—съ пренебреженіемъ замѣтила госпожа.

— Да еще какой! Кажется, какъ свѣтъ стоитъ, такъ такого не бывало. Портняжка, что у насъ въ домѣ живетъ, пьянъ напился по обыкновенію, ну, и сталъ жену бить, ей ужъ это не въ диво...

— Дай мнѣ другой чепчикъ, съ кружевами, знаешь,— сказала Скрипицына, конечно, нисколько не обращавшая вниманія на болтовню горничной, какъ на болтовню попугая.

— Извольте, сударыня... Вотъ сталъ онъ ее бить, а она въ слезы. «Лучше бы, говоритъ, мнѣ помереть, чѣмъ съ тобою жить! Заступиться, говоритъ, за меня некому». А на эту пору и вернись ихъ сынишка со двора. «Что ты, говоритъ, отецъ, мать-то колотишь? Натрескался»...

— Какія у тебя выраженія пошлыя, Даша!

— Право-съ, такъ и сказалъ: «Самъ, говоритъ, натрескался, а мать своими боками отдувайся! И безъ того она тщедушная, на ладанъ дышитъ, а ты ее еще заколачиваешь. Ложись! говоритъ, не то я тебѣ руки свяжу». «Какъ ты смѣешь такъ съ отцомъ разговаривать? — говоритъ портняжка. — Да я тебя въ бараній рогъ согну, убью, пасченокъ!»

— Помилуй, Даша, ты забываешься!

— Извините, сударыня!.. «Убью, говоритъ, тебя!» «Ну, это еще старуха на-двое сказала»,—говоритъ сынъ. Отецъ на него замахнулся, а онъ, какъ взялъ его за обѣ руки, скрестилъ ихъ, да такъ его, раба Божія, и положилъ на кровать. «Лежи, говоритъ, пока не отрезвишься, не то къ кровати привяжу». И вѣдь, говорятъ, до трехъ часовъ ночи это онъ просидѣлъ на отцовской кровати и продержалъ его руки. Такъ тотъ и уснулъ. Ну, сегодня проснался, въ ногахъ у жены валяется, благодѣтельницей ее своею называетъ, у сына прощенья проситъ. Тотъ уѣхалъ на цѣлый день на лодкѣ кататься... Вотъ разбойникъ-то растетъ, ужъ не уйти ему отъ висѣлицы, помяните мое слово.

— Пожалуйста, не передавай мнѣ этой грязи. Что мнѣ за дѣло до этихъ исторій? Ступай!

— Прикажете этотъ чепчикъ спрятать?

— Нѣтъ, онъ на мнѣ неловко сидитъ, мнѣ его не надо.

— Такъ неужели же бросить такой миленькій чепецъ?

— Возьми себѣ, если онъ такъ хорошъ.

— Ахъ, Господи, благодарствуйте! Вотъ ужъ не ожидала. Подаромъ у меня бѣленькое пятнышко на ногтѣ всю недѣлю было. А я-то думала: ну, ужъ обманетъ, не откуда подарка получить.

— Какъ ты наивна! Ты еще вѣришь этимъ дѣтскимъ примѣтамъ!

— Ахъ, сударыня, да какъ же имъ не вѣрить? вотъ и теперь вышла правда. Впрочемъ, у васъ и примѣтъ никому не нужно, вы всѣмъ мать родная, только всѣ ли это цѣнить-то будутъ,—вздохнула Даша, совершенно случайно взглянувъ на Варю.

— Ты добрая дѣвушка, Даша! — сообразила Скрипицына.— Прощай!

— Покойной ночи, пріятнаго сна!

Варя начала читать, смутно понимая содержаніе перваго читаемаго ею романа. Это былъ не Шатобріанъ, а Поль-де-Кокъ, лежавшій не въ гостиной, а въ спальнѣ.

— Читай, дитя мое, не такъ громко. Вообще пріучайся говорить и читать, не торопясь и не возвышая голоса. Въ обществѣ это не принято. Вообрази, если бы сошлось двадцать человѣкъ въ комнатѣ, и всѣ начали бы говорить скоро и громко—изъ этого вышла бы жидовская школа, базаръ. Это нервы раздражаетъ.

Подъ тихое чтеніе Вари нервы госпожи Скрипицыной не раздражались, но успокоились, и она уснула сладкимъ сномъ ребенка или чистаго, безгрѣшнаго существа, какимъ она была, какъ видитъ читатель, на самомъ дѣлѣ, а Варя, увидавъ, что слушательница уснула, опустила книгу на колѣни и впервые серьезно задумалась о своемъ положеніи. Она, что ясно видно изъ разсказа, была, повидимому, тупоумна и принадлежала къ разряду тѣхъ дѣтей, которыхъ съ негодованіемъ назвалъ мнѣ генералъ Воиновъ мерзавцами и негодными, дрянными вѣтряными мельницами. «Вы заступаетесь въ своемъ Шуповѣ, — грозно внушалъ онъ мнѣ,—за эту дрянь, вертящуюся въ ту сторону, куда дуетъ вѣтеръ. Ваши любимые герои, попавъ въ среду разбойниковъ, не думаютъ вести благонамѣренную жизнь, а готовы сами сдѣлаться разбойниками. Заступаться за такихъ лицъ, милостивый государь, безнравственно, вы кладете этимъ, милостивый государь, пятно на себя.» Я согласился съ мнѣніемъ

генерала Воинова и возненавидѣлъ бы эту вѣтряную мельницу, Варю, если бы наблюдателю-романисту было позволено ненавидѣть и преслѣдовать кого бы то ни было (хоть бы даже самихъ васъ, генералъ Воиновъ) въ своихъ романахъ. Въ головѣ этой вѣтряной мельницы, Вари, роились весьма непохвальныя мысли. Она не чувствовала умиленія, глядя на свою спящую благодѣтельницу, не чувствовала благоговѣнія къ ея бѣдному братишкѣ за его попытку развить сироту, не чувствовала занимательности разсказа горничной и романа Поль-де-Кока и уносилась мысленно въ грязную квартиру необразованной, иногда попахивавшей водкою Игнатьевны, не ощущая ни малѣйшаго отвращенія къ грязи и необразованности и ни малѣйшей привязанности къ блеску и благовоспитанности. Вставъ со стула, она приподняла свѣчу такъ, что лучи упали на лицо спавшей женщины и озарили его вполнѣ. Румянецъ на лѣвой щекѣ этого существа, лежавшаго во время чтенія на лѣвомъ боку, и черная полоска на мѣстѣ лѣвой брови исчезли безъ всякаго слѣда и остался румянецъ и черная бровь только на правой сторонѣ, что, при содѣйствіи жиденькихъ волосъ, заплетенныхъ въ тощія косички, при остромъ носѣ, придавало дѣйствительно довольно потѣшный и оригинальный видъ госпожѣ Скрипицыной: дѣвочка съ непріятной насмѣшливостью улыбнулась и пошла изъ комнаты. Въ ея лицѣ было что-то ядовитое и вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимо-веселое, торжествующее. Она мелькомъ взглянула на себя въ зеркало, впервые улыбнулась своему юному личику и легла спать. Черезъ полчаса къ ней подошла возвратившаяся отъ родныхъ жиденькая гувернантка и напечатлѣла третій поцѣлуй на ея щеку.

«Очень мнѣ нужны твои поцѣлуи!» съ пренебреженіемъ подумала еще не спавшая Варя, и, вспомнивъ, что ея подруги зовутъ жиденькую гувернантку «медовой сосулькой», раздражительно отерла щеку.

Варя, Варя, то ли ты думала три дня тому назадъ? Знала ли теперь ты, что ты надолго, можетъ-быть, навсегда, по своей волѣ прогоняешь отъ себя свои свѣтлые сны?

IV.

Жизнь Вари и ея Трезора въ школѣ большого дома.

Варѣ, какъ дѣвочкѣ неразвитой и уже освоившейся съ будничною жизнью въ жилищѣ необразованной Игнатьевны, было неловко въ болѣе изящномъ и праздничномъ домѣ

благодѣтельницы. Ее подавлялъ братъ Скрипицыной своею благородною воинственностью и взглядомъ на всѣхъ окружающихъ, какъ на осажденныхъ или покоренныхъ враговъ. Конечно, воинственность болѣе пригодна въ военную пору, но она требуетъ, какъ и всѣ другія качества, постоянной практики и въ мирное время, такъ какъ иначе война можетъ застать врасплохъ неосмотрительнаго воина. Значитъ, братъ Скрипицыной былъ правъ въ своемъ поведеніи. Варю подавляла госпожа Скрипицына своимъ высокимъ, сопряженнымъ съ горечью развитіемъ, своимъ сознаніемъ собственнаго превосходства надъ окружающими, своими кроткими, но, тѣмъ не менѣе, длинными и подавляющими рѣчами, своими воспоминаніями о Дикобразовыхъ и пожатыхъ во время институтскихъ баловъ лаврахъ. Варю подавляла бойкая Даша своею смѣтливостью, говорливостью, своею способностью извиваться мелкимъ бѣсомъ, дѣлать тонкіе, но колкіе намеки на «неблагодарность нѣкоторыхъ людей», своею манерой говорить: «Всѣ ли будутъ цѣнить васъ, сударыня?» — и въ это время случайно бросать взглядъ на Варю, какъ будто Варя похожа на отогрѣваемую за пазухой змѣю. Варю подавляли ея подруги, глядѣвшія свысока и имѣвшія полное право такъ глядѣть на даровую ученицу, могущую ради выслуги сплетничать на нихъ, хотя еще и удерживавшуюся отъ сплетенъ. Подавляли ее рѣзные перламутровые ножички, могущіе хрустнуть въ рукѣ при разрѣзываніи книгъ; подавляли книги въ богатыхъ переплетахъ, падавшія иногда на полъ и мявшіяся во время паденія; кушетки, столы, ковры, стѣны, все, все подавляло Варю, все блестѣло, сверкало и даже грязный, ничѣмъ, кромѣ своей наглости, не блестѣвшій мясникъ, ворвавшійся однажды въ комнату Скрипицыной, стучавшій грязными сапожищами, сморкавшійся въ запачканный кровью передникъ и требовавшій уплаты долга,—даже этотъ мясникъ подавлялъ Варю, взглянувъ на нее злобными глазами. Варя почему-то вдругъ поняла изъ этого взгляда, что и онъ, и лавочникъ, и дворникъ, и вся улица, и весь городъ знаютъ, что она живетъ даромъ у Скрипицыной, что, можетъ-быть, изъ-за нея Скрипицына не можетъ свести концовъ съ концами и все больше и больше входитъ въ долги,—и Варю, эту глупую, бездушную, вѣтряную мельницу, стали подавлять всѣ встрѣчные...

Случалось ли вамъ, читатель, въ дѣтствѣ, послѣ того, какъ ваша добрая мамаша, разсерженная неудачно сши-

тымъ платьемъ, очень, очень неудачно сшитымъ, потрепала васъ за ухо и сказала, что она пожалуется на васъ вашему доброму папашѣ, а добрый папаша, возвратившійся изъ должности, сердитый на своего писаря, услышалъ эту угрозу и, не требуя никакихъ объясненій, не дѣлая никакихъ справокъ, пребольно высѣкъ васъ,—случалось ли вамъ послѣ подобной исторіи дать сильный пинокъ ногою вашему любимому Трезору, всегда лизавшему ваши руки, катавшему васъ на своей лоснистой спинѣ? Помните, какъ Трезоръ поджималъ хвостъ, цѣлый день былъ грустенъ, и съ особенною нѣжностью лизалъ ваши руки, съ особенною осторожностью каталъ васъ, когда вы снова подзывали его къ себѣ? И послѣ каждаго подобнаго случая Трезоръ становился все нѣжнѣе и нѣжнѣе, дошелъ, наконецъ, до той нѣжности, что вздрагивалъ и прислушивался къ каждому шороху во время вашего сна, а тебя, другъ мой, Тоня, даже спасъ изъ омута твой вѣрный Трезоръ. Кстати, Тоня, гдѣ онъ находится съ тѣхъ поръ, какъ ты по расчету женился на перезрѣлой дѣвѣ, чаще цѣлующей свою слезливую Контеску, чѣмъ тебя? Не твоего ли Трезора, голоднаго, обкусаннаго другими собаками, протащили на-дняхъ фурманщики?..

У Вари, подавленной всѣми, не было Трезора, но у нея была жиденькая гувернантка, и Варя сдѣлала ее своимъ Трезоромъ.

— Подите вы со своими конфетами! Меня при гостяхъ разбранили, попрекнули, какъ нищую, а вы съ конфетами суетесь! Очень мнѣ онѣ нужны!—давала Варя свой пинокъ вѣрному Трезору, и Трезоръ грустно отходилъ прочь, вздыхалъ и зорко слѣдилъ за всѣми поступками Вари, ловилъ, какъ сбѣгали одна за другою тѣни злобы съ молодого лица, и, привѣтствуя сильнымъ біеніемъ сердца первый лучъ свѣта въ дѣтскихъ выглядывавшихъ исподлобья глазенкахъ, ждалъ, что вотъ-вотъ подойдетъ Варя и, шутя, спроситъ у своего Трезора:

— А что, конфеты-то вы кому-нибудь другому отдали?

— Нѣтъ, голубчикъ, нѣтъ! Вотъ онѣ,—слышался отвѣтъ.

Какъ сильно, сильно билось въ эти минуты сердце Варинаго Трезора!..

Есть особый разрядъ людей, способныхъ безкорыстно,—впрочемъ, тутъ о корысти не можетъ-быть и рѣчи,—сдѣлаться чьими-нибудь Трезорами. Это существа бѣдныя, некрасивыя собою, одинокія; они столько терпѣли, не встрѣчая ни въ комъ любви, что имъ стало больно ненавидѣть кого

бы то ни было; первая вспышка ненависти потухаетъ въ нихъ при мысли, что, можетъ-быть, и этотъ, вызывающій ненависть, человѣкъ сдѣлался такимъ дурнымъ вслѣдствіе недостатка любви въ ближнихъ, и ненависть смѣняется въ Трезорахъ жалостью, «дурной» человѣкъ получаетъ у нихъ названіе «несчастнаго» человѣка. Рѣзкихъ сужденій вы отъ нихъ не услышите; они, пожалуй, разойдутся съ дурными людьми, но обвинять будутъ все-таки только себя за свою черствость, за неумѣнье прощать. Не знаю, нужные ли это для жизни, умные ли это люди, но я самъ не разъ состоялъ въ должности Трезора при иномъ дрянномъ созданьицѣ, и потому могу сказать одно то, что это грустная роль и много нужно любить и перестрадать, чтобы дойти до нея. Ольга Васильевна, «жиденькая гувернантка» или, еще проще, «медовая сосулька», долго напрашивалась на роль чьего-нибудь Трезора. Сначала она привязалась къ Скрипицыной, «сочувствуя горечи ея рѣчей», но ей почему-то не понравились отношенія Скрипицыной къ учителю-французу, а Скрипицыной показалась неприличною дружба съ гувернанткою, получавшей отъ нея жалованье. Отношенія сдѣлались холодными. Потомъ Ольга Васильевна пробовала каждое воскресенье привозить дѣтямъ гостинца и «ласкать самыхъ слабыхъ и самыхъ бѣдныхъ» воспитанницъ пансіона, но одна бѣдная воспитанница украла у нея брошку, другая слабая воспитанница пришпилила ей къ платью билетъ съ позорною надписью, третья назвала ее медовою сосулькою, и пансіонъ утвердилъ кличку. Вслѣдствіе этого прозвища Ольга Васильевна выслушала замѣчаніе Скрипицыной:

— Что это такое?—воскликнула, по-французски, Скрипицына.—Какъ васъ называютъ?

— Развѣ это моя вина?—оправдывалась тоже по-французски Ольга Васильевна.

— Ну, а если Дикобразовъ или кто-нибудь другой изъ моихъ родныхъ пріѣдетъ и увидитъ это слово на доскѣ,—что онъ скажетъ? Вы подумайте, что онъ скажетъ!—произнесла Скрипицына, забывъ, что ея родственники не посѣщаютъ ея школы.

— Но развѣ это я выдумала?—вздохнула Ольга Васильевна.

— Чтобы я этого не слыхала больше!—рѣшила Скрипицына.

Ольга Васильевна расплакалась, и съ этого дня ей было болѣе прилично названіе «пансіонской тряпки», чѣмъ медовой

сосульки, такъ какъ ею помыкали всѣ, и она давала дѣтямъ конфеты, чтобы они не дразнили ее, не писали ея прозвища на доскахъ. Всѣ продолжали шумѣть, когда она появлялась въ классъ. Если какая-нибудь работа была невѣрно сдѣлана, то всѣ говорили, что такъ велѣла сдѣлать Ольга Васильевна, и Скрипицына, чтобы показать дѣтямъ свою строгую и честную справедливость, дѣлала при нихъ же выговоръ гувернанткѣ. Послѣ одного изъ подобныхъ выговоровъ Ольга Васильевна собрала свои вещи и хотѣла тайкомъ уѣхать отъ Скрипицыной, желая избѣжать ссоры. Послѣднее слово для Ольги Васильевны было такъ же страшно, какъ слово «жупелъ» для одной изъ героинь Островскаго. Она готова была десять верстъ пѣшкомъ пройти, по городу босикомъ пробѣжать, только бы спастись отъ ссоры. Она нерѣдко оставляла мѣста, не получивъ жалованья, и радовалась, что сумѣла-таки схитрить, избѣжать ссоры, не заикнувшись о деньгахъ. Теперь она радовалась, пробираясь изъ спальни съ чемоданчикомъ, чтобы передать его потихоньку дворнику, но вдругъ ее поразилъ голосъ:

— Что это вы?—спросила Скрипицына, явившись въ спальню совершенно случайно, такъ какъ сборы гувернантки были подсмотрѣны только Дашею.

— Иду къ... въ классъ,—пробормотала Ольга Васильевна.

— Съ чемоданомъ?—изумилась Скрипицына.

Ольга Васильевна покраснѣла до волосъ, провела въ воздухѣ рукою и проговорила:

— Это... это я въ разсѣянности!..

— Помилуйте, какой примѣръ подаете вы дѣтямъ, мой другъ? По разсѣянности идете съ чемоданомъ въ классъ! Хорошо еще, что я васъ остановила, душа моя. Вы и безъ того такъ мало внушили къ себѣ уваженія, а тутъ еще чемоданъ! Да вамъ бы проходу не было отъ насмѣшекъ!

«Сейчасъ поссоримся!»—ужаснулась Ольга Васильевна, чувствуя, что ее до глубины души оскорбили и возмутили слова содержательницы пансіона, что у нея самой готово вырваться рѣзкое слово упрека, и прошептала:

— Благодарю васъ!

— Помилуйте, я васъ такъ люблю! Вы знаете, какъ я заботусь о васъ, какъ я стараюсь внушить дѣтямъ любовь къ вамъ. Я хочу помощницу вамъ взять, облегчить вашъ трудъ... Видитъ Богъ, что я не виновата, если дѣти болѣе уважаютъ меня. Вы слабы, мой другъ, съ ними, вы не имѣете этой, этой dignité, которая нужна въ наставницѣ.

Но все же я васъ люблю... Вы, можетъ-быть, сердитесь, что я не могла отдать вамъ жало...

— Ради Бога, ради Бога, не думайте этого!—воскликнула Ольга Васильевна.

— Доброе созданье!—трогательнымъ тономъ произнесла Скрипицына.

Она была очень мягка въ послѣднее время вообще и особенно въ этотъ день.

«Не поссорились!»—обрадовалась Ольга Васильевна и заплакала отъ радости, горячо благодаря Скрипицыну и сознавая, что Скрипицына могла бы поссориться съ нею, выгнать ее, конечно, заплативъ ей за годъ жалованье. Но что значатъ эти деньги передъ ужасомъ ссоры? И стала ли бы ласкать ее изъ-за нихъ прямодушная Скрипицына? Это событіе случилось какъ разъ въ тотъ день, когда въ домъ Скрипицыной поступила на житье Варя. Трауръ, печаль, беззащитность, сиротство были достаточными причинами для того, чтобы Ольга Васильевна сдѣлалась Варинымъ Трезоромъ. Мы видѣли, что Варя не очень гналась за поцѣлуями Ольги Васильевны, но Ольгу Васильевну ставало не на одни поцѣлуи. Въ сороковой день послѣ смерти своего отца Варя захотѣла посѣтить его могилу.

— Помилуй, не одной же тебѣ идти туда,—сказала Скрипицына.—Ты можешь помолиться за душу отца въ любой церкви.

— Я попрошу Дашу сходить со мной на кладбище,—сказала Варя.

— Нѣтъ, барышня, мнѣ некогда-съ,—отвѣтила Даша.

— Я свезу ее туда,—вмѣшалась Ольга Васильевна.

— Для чего? Это прихоть. Ей погулять хочется, а не молиться. Молиться она можетъ вездѣ,—замѣтила разсудительная наставница.

— Но вѣдь и вамъ дорога могила вашего отца,—чрезвычайно просто и кротко произнесла Ольга Васильевна.

Скрипицына посмотрѣла на нее удивленными глазами и какъ-то разсѣянно промолвила:

— Поѣзжайте... я не держу васъ...

Даша стала что-то разсказывать своей госпожѣ, когда уѣхали Варя и Ольга Васильевна, но госпожа выслала ее вонъ и долго, долго ощипывала какіе-то листочки съ цвѣтовъ; въ ея головѣ вертѣлись, Богъ знаетъ почему, слова жиденькой гувернантки... «Дорога могила отца»,—шептала она, въ раздумьи качая головой...

На кладбищѣ Варя встрѣтила всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ и очень обрадовалась имъ. Ей какъ-то легко дышалось въ этотъ день.

— Давно, давно, моя голубка, мы тебя не видали,— говорила Игнатьевна, цѣлуя Варю.—Хоть бы глазкомъ взглянуть на тебя хотѣлось.

Варя вздохнула.

— А я тебя каждую ночь видѣлъ,—шепнулъ ей Ардальонъ.

— Во снѣ?—тоже шопотомъ спросила Варя.

— Нѣтъ, я каждый вечеръ ждалъ, когда ты пройдешь со свѣчой по комнатѣ книжку читать мадамѣ,—едва слышно произнесъ онъ и покраснѣлъ до ушей.

Варя задумчиво посмотрѣла на могилу отца и снова о чемъ-то вздохнула.

— Это новое платьице на тебѣ?—освѣдомилась Акулина Елизаровна.—Поди-ка, по сороку копеекъ за аршинъ плочено, за барежъ-то?

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнула маіорская дочь.—Это барежъ-крепе, шестьдесятъ копеекъ аршинъ стоитъ, никакъ не меньше!

— Ну, что бы тамъ ни стоилъ, а ужъ я ей по гробъ не прощу, что она тебя къ намъ не пускаетъ,—сказала злопамятная Игнатьевна.

— Ахъ, она благодѣтельствуетъ!—раздалось восклицаніе маіорской дочери.

— Пошли ей Господь здоровья!—умилилась Акулина Елизаровна.—Вотъ она тебя выучитъ всему, жениха тебѣ богатаго найдетъ...

Варя молчала и, кажется, не слышала глубокихъ соображеній бѣдныхъ женщинъ. Начались толки о быломъ житьѣ-бытьѣ, о Семенѣ Мартыновичѣ, о дороговизнѣ говядины, о смертности человѣка, о попѣ, долго неидущемъ служить панихиду; наконецъ, пришелъ и онъ, пропѣлъ вѣчную память, всѣ поплакали и пошли. Одицъ Ардальонъ безучастно смотрѣлъ на все и слушалъ толки. Онъ тихонько дернулъ Варю за платье, когда всѣ пошли съ могилы, и остановилъ ее на этомъ мѣстѣ.

— Ты, Варька, ни за кого не выходи,—проговорилъ онъ и потупилъ глаза.

— Что?

— Ты, говорю я,—ни за кого замужъ не выходи, потому что я женюсь на тебѣ.

Въ дѣтскомъ голосѣ Ардальона было столько застѣнчивой любви и мягкой грусти, что Варѣ вдругъ вспомнилось все, все прошедшее, всѣ игры съ отцомъ и Ардальономъ, всѣ долгіе вечера за чтеніемъ волшебныхъ сказокъ съ заключенными царевнами, всѣ ласки, давно невѣдомыя ей. Изъ ея глазъ впервые въ этотъ день хлынули горькія, неудержимыя слезы, она припала къ землѣ. Ардальонъ наклонился, на лету поцѣловалъ ее въ щеку и хотѣлъ бѣжать, испугавшись своей смѣлости, но Варя торопливо схватила его за рукавъ, притянула къ себѣ и съ быстротой молніи нѣсколько разъ крѣпко поцѣловала его испуганное личико. Ея глазенки блестѣли какою-то отвагою и силой.

— Вонъ наша парочка идетъ, — сказала Игнатьевна своимъ спутницамъ, встревоженнымъ по случаю отсутствія дѣтей.—Женихъ съ невѣстой.

— Ну, мой Ардальоша бѣденъ, ему богатую нужно,—сообразила Акулина Елизаровна.

— И Варя не пойдетъ за бѣднаго; съ ея образованіемъ можно сдѣлать блестящую партію, — вступился Трезоръ за Варю.

— Ахъ, нѣтъ, они оба благородные, они могутъ обвѣнчаться только по страсти!—прекратила маіорская дочь первую стычку Акулины Елизаровны съ Ольгой Васильевной.

Эти двѣ кроткія, простыя женщины не могли предвидѣть будущаго, какъ не предвидитъ его и читатель, повидимому, умѣющій сообразить все, что̀ можетъ произойти въ русской жизни и въ русскомъ романѣ. И слава Богу, что будущее было неизвѣстно, иначе оно ужаснуло бы бѣдныхъ женщинъ и заставило бы ихъ съ ненавистью отшатнуться другъ отъ друга, для читателя же романъ потерялъ бы половину своего интереса.

Возвратившись домой, Ольга Васильевна обѣщала Варѣ ѣхать съ нею на кладбище въ день, когда совершится полугодіе смерти Семена Мартыновича, и Варя стала мечтать объ этомъ днѣ, какъ о предстоящемъ великомъ праздникѣ. Въ привязанности къ ней необразованныхъ обитательницъ ленныхъ владѣній Игнатьевны было для ребенка что-то неизъяснимо отрадное. Эта мечта о свиданіи съ бѣдными женщинами занимала Варю долго; выѣзды съ Скрипицыной въ театры и на парадные визиты только на время заставляли дѣвочку забыть свою любимую мечту, но они не заставляли ее ни на минуту забыть о томъ, что въ одно изъ оконъ ленныхъ владѣній каждый вечеръ смотритъ на нее

Ардальонъ, и она почти всегда, проходя по комнатѣ, дружески кивала ему головой, хотя и не могла видѣть, стоитъ ли онъ у окна или нѣтъ. Въ этомъ дружескомъ ежедневномъ поклонѣ невидимому другу было нѣчто поэтическое, граціозное, какъ граціозна дѣтская любовь. И если невидимое существо обладало чуткимъ, понимающимъ сердцемъ, то оно могло каждый день по поклону, по жесту Вари угадать ея настроеніе. Настроеніе угадывалось, невидимое существо очень часто бывало озабочено, убѣдясь, что Варя провела тотъ или другой день дурно. Объ этихъ тревогахъ, за неимѣніемъ другихъ повѣренныхъ, оно передавало своему товарищу Порфирію Приснухину.

— Варьку сегодня разобидѣли,—грустно качало головой невидимое существо.

— А ты почему знаешь?—спрашивалъ Порфирій.

— Она плакала, когда мы видѣлись съ ней сегодня,—отвѣчало невидимое существо.

— Пòгань должна быть эта Скрипицына!—выражалъ на своемъ подворотномъ жаргонѣ Приснухинъ.

— Можетъ-быть и не она обидѣла Варьку, а кто-нибудь другой. Она благодѣтельница!—сомнѣвалось доброе невидимое существо, напоминая своимъ голосомъ Акулину Елизаровну.

— Гляди ей въ зубы-то! Благодѣтельница! Она вонъ ее вмѣсто холопки держитъ, заставляетъ книжки себѣ читать, уроки у дѣтей спрашивать, въ комнатахъ прибирать...

— Тебѣ кто это сказалъ?

— Даша косолапая говорила.

— Ты развѣ съ нею знакомъ?

— Давно она около меня подхалимничаетъ,—съ пренебреженіемъ отозвался шестнадцатилѣтній Порфирій.—«Я вамъ, говоритъ, Порфирій Александровичъ, если не побрезгуете, манишечку подарю». А на кой чортъ мнѣ ея манишечки? Нищій я, что ли?

— Она тебя любитъ вѣрно,—съ участіемъ рѣшило невидимое существо.

— Вотъ какъ молоко на губахъ обсохнетъ, тогда и будемъ объ любви толковать.

— А вотъ я люблю Варю,—грустно сказало невидимое существо.

— Это не то! Ты, братъ, ни въ чемъ ни уха, ни рыла не смыслишь!—рѣшилъ Порфирій и махнулъ какъ-то безнадежно рукою.

Порфирій Присухинъ былъ правъ относительно занятій Вари въ домѣ Скрипицыной. Мы видѣли, что на второй же день послѣ своего поступленія въ этотъ домъ Варя заняла при благодѣтельницѣ мѣсто чтицы. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на нее возложили долю обязанностей по дѣлу убиранія классныхъ комнатъ и стиранія пыли съ бездѣлушекъ въ кабинетѣ содержательницы школы. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и Варѣ поручили спрашивать уроки у учениць меньшаго класса и смотрѣть за порядкомъ.

— Ты должна, дитя мое, пріучаться къ труду,—говорила добрая Скрипицына.—Теперь, твой трудъ—игра, ты не утомляешься, не трудишься изъ-за куска хлѣба, не заботишься о необходимыхъ для жизни вещахъ, у тебя все есть въ избыткѣ; но, играя въ трудъ, если можно такъ выразиться, ты все же привыкаешь къ нему, втягиваешься въ него. И въ этомъ-то я вижу громадную пользу для тебя.

Варя цѣловала руку наставницы и—хитрая, неблагодарная дѣвочка—думала: «Господи, скоро ли она уснетъ сегодня! Мнѣ еще нужно чернила разлить въ классныя чернильницы для завтрашняго дня».

— Вонъ наша горничная пришла, — шептались, между тѣмъ, дѣвочки при входѣ Вари въ классъ.

— Крылова, здѣсь пыль не сметена!—кричали ей болѣе смѣлыя.

— Сметите ее сами, если не сметена,—отвѣчала Варя и блѣднѣла.

— Мы не горничныя!

— И я не горничная.

— Ты обязана смотрѣть за порядкомъ, тебя для этого держатъ здѣсь,—отвѣчали дѣвочки въ чаду глубокихъ соображеній.

Варя спокойно подходила къ доскѣ и еще спокойнѣе записывала на нее фамиліи досаждавшихъ ей подругъ. Въ ея спокойствіи было что-то роковое: такъ, стиснувъ зубы, старается быть спокойнымъ человѣкъ, переносящій мучительную операцію.

— Что это ты насъ записываешь?—кричали подруги.

— Я должна за порядкомъ смотрѣть, меня для этого держатъ здѣсь,—сухо отвѣчала Варя, и только въ ея глазенкахъ сверкала злоба.

— А, ты думаешь, что насъ накажутъ изъ-за тебя? Такъ нѣтъ же, не накажутъ! Горничная, горничная! — кричали возмутившіяся подруги, видя, къ чему привели высказан-

ныя ими глубокія соображенія насчетъ обязанностей Вари.

Варя, безмолвная, какъ статуя, сидѣла у доски и ждала, когда скрипнетъ дверь, и войдетъ учитель. Дверь отворялась, учитель входилъ, и начиналось разбирательство. Иногда Варя, пристыженная и униженная, должна была собственноручно стирать съ доски имена, записанныя ею.

— Что взяла? что взяла?—шептали ей подруги.—Дрянь, туда же хочетъ, чтобы изъ-за нея наказывали! Фискалка!

Въ одинъ изъ такихъ дней въ классъ вошелъ учитель-французъ. Его обожалъ весь старшій классъ... Видѣли ли вы когда-нибудь этихъ милыхъ, завитыхъ, припомаженныхъ учителишекъ, которые радуются, что ихъ «обожаютъ» ученицы! Это преинтересные субъекты. Они изысканно одѣваются, даже часто шьютъ себѣ платье въ долгъ у Шармера, они нѣжно и элегантно обходятся съ воспитанницами, любезно благодарятъ послѣднихъ, когда тѣ ставятъ имъ на каѳедру лимонадъ или подсовываютъ богато переплетенные учебники, въ листки которыхъ вложены страстныя записочки. Эти учителишки не краснѣютъ, когда при появленіи ихъ раздается: «Душка Жадовъ!» «Мимишка Купидоновъ!» «Киска Телушкинъ!» или звучатъ другія, еще болѣе глупыя, прозвища. Они ничего и никогда не сдѣлаютъ, чтобы прекратить этотъ публичный скандалъ и показать ученицамъ, что они сошлись здѣсь не для романтическаго развратца, а для болѣе великихъ цѣлей. Кончаютъ они тѣмъ, что раздражатъ свою дрянную натурнику до крайности, увлекутъ какую-нибудь изъ выпускныхъ ученицъ за предѣлы романтизма, женятся на ней и на другой день послѣ свадьбы слышатъ, какъ остальныя обитательницы пансіона кричатъ вслѣдъ имъ: «Бяшка Жадовъ!» «Фифишка Купидоновъ!» «Мовешка Телушкинъ!» Этихъ дрянныхъ, хотя и типичныхъ созданьицъ безчисленное множество, отъ этихъ личностей отворачиваемся не только мы, но отворачиваются отъ нихъ даже ихъ обожательницы, какъ только удастся этимъ обожательницамъ выйти на свѣтъ Божій. Скажите любой матери семейства при ея дѣтяхъ, что она когда-то, закатывая подъ лобъ глазки, называла Купидонова «киской» и «бяшкой»—и она покраснѣетъ отъ стыда до ушей... А Купидоновъ? Э, да его и теперь еще зовутъ «бяшкой!..» Къ разряду такихъ людей принадлежалъ и monsieur Davoust. Его обожали всѣ, начиная съ Скрипицыной, не умѣвшей во всю свою жизнь оторваться отъ старыхъ привычекъ.

— Monsieur Davoust, Крылова насъ напрасно записала,—

кричали въ описываемый день учителю его обожательницы.— Она не за порядкомъ смотритъ, а только сплетничаетъ!

Даву съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Варю и сказалъ ей:

— Сотрите съ доски, что̀ вы тамъ намарали.

— Потрудитесь ихъ наказать,—твердо отвѣтила Варя.

— Вы меня учить хотите?—насмѣшливо спросилъ отставной куаферъ.—Дѣлайте то, что̀ вамъ приказываютъ.

Варя стерла съ доски имена виновныхъ. Дѣвочки торжествовали и посмѣивались.

— Вотъ такъ-то лучше,—сказалъ Даву.—Теперь ступайте на мѣсто.

Варя пошла.

— Куда же вы идете? Я вамъ велѣлъ на ваше мѣсто сѣсть,—сказалъ Даву.

— Я иду къ mademoiselle,—отвѣтила Варя дрожащимъ отъ злобы голосомъ.

— Ябедничать хочетъ,—послышались голоса.

— Оставайтесь здѣсь,—произнесъ Даву.

— Мнѣ нужно отдать ей это письмо,—сказала Варя и показала изъ кармана клочокъ какого-то письма.

Даву вспыхнулъ и вскочилъ со стула.

— Подайте сюда эту бумажку!—крикнулъ онъ.

Варя разсмѣялась злымъ и непріятнымъ смѣхомъ и взялась за ручку двери.

— Какъ вы смѣете чужія письма брать? Вы знаете, что это шпіонство, подлость, за такіе поступки плохо расправляются съ людьми,—удержалъ Варю за руку учитель.

— Я ничего не знаю. Но mademoiselle имѣетъ право читать все, что̀ приносятъ съ собой ученицы въ классъ, и она велѣла мнѣ смотрѣть за порядкомъ. Я это и дѣлаю,— отвѣтила Варя.

— Что же вы хотите этимъ сдѣлать?—спросилъ Даву.

— Я хочу, чтобы онѣ,—Варя указала на провинившихся подругъ:—простояли весь классъ на колѣняхъ.

Даву исполнилъ желаніе Вари. Дѣвочки не хотѣли повиноваться; произошла довольно живая сцена. Варя усмѣхалась, слыша плачъ и угрозы ученицъ. Даву проповѣдывалъ ей, какъ не хороша ея мстительность, какъ мало въ ней женственности, но она была совершенно спокойна, точно ея сердце было совсѣмъ испорчено жизнью. Вечеромъ, съ раскраснѣвшимся отъ злобы и волненія личикомъ, она передавала подробности этой исторіи Ольгѣ Васильевнѣ.

— Варя, Варя, зачѣмъ ты такая злая!—прервала ее кроткимъ голосомъ Ольга Васильевна.

Варя вдругъ задрожала и разрыдалась.

— О чемъ это, дитя мое, милая моя? — испугалась Ольга Васильевна, не ожидавшая такого перехода отъ торжества къ слезамъ.

— Если бы вы были въ классѣ, я не сдѣлала бы этого,— всхлипывала Варя.—А онъ и онѣ сами такіе гадкіе...

Ольга Васильевна взяла обѣими руками голову Вари и поцѣловала ее въ лобъ.

— При васъ я добрая... Вы меня и бранить можете... Я васъ послушаюсь,—рыдала Варя на груди своего Трезора.—А они злые, они дурные, они не смѣютъ меня учить... Я на зло имъ буду злою... Я лучше ихъ!..

Ольга Васильевна растерялась отъ изумленія. Она вполнѣ сознавала, что Варя лучше всѣхъ людей въ мірѣ, она была готова трубить объ этомъ всему городу, даже присягнуть въ этомъ, но будь она сама на мѣстѣ Вари, то ей никогда бы не пришло и на мысль сказать про себя, что она лучше кого-нибудь. Варя же сказала это про себя и въ этой-то чертѣ характера впервые высказалось ясно, что изъ Вари выйдетъ не второй экземпляръ Ольги Васильевны, а нѣчто совершенно другое, новое. Не будь этой черты въ характерѣ Вари, узнавшей въ дѣтствѣ, что и ее могутъ любить и цѣнить близкіе люди, и она, можетъ-быть, сама сдѣлалась бы жиденькою гувернанткою, медовою сосулькою и никогда ничѣмъ не изумила бы своего Трезора, никогда не разошлась бы съ нимъ. Долго думала Ольга Васильевна о послѣднихъ словахъ Вари, о томъ, что дурные не могутъ учить хорошихъ, и что хорошіе, на зло дурнымъ, могутъ поступать дурно.

— Да развѣ есть дурные люди? всѣ они такіе несчастные, — разсуждала Ольга Васильевна.—Но, можетъ-быть, я сама нехорошая, оттого я такъ и думаю. Можно ли, слѣдуетъ ли Варѣ слушаться меня? И что я могу ей посовѣтовать? Я такая глупая. Варя, одна только Варя умѣетъ обращать мои глупыя слова въ умныя, потому что она сама умная и добрая. Отчего же ей и не сознаваться, что она лучше другихъ? А я еще хотѣла ее побранить за это! Вотъ глупая-то, глупая я!

V.

Комедія жизни, по обыкновенію, оканчивается драмою смерти.

Тяжело возиться съ дѣтьми! Это мы всѣ знаемъ не только по слухамъ, но и по опыту, такъ какъ каждый изъ насъ, по добротѣ своей души, или воспитывалъ какого-нибудь пріемыша-бѣдняка, употребляя его на посылки, или былъ опекуномъ богатыхъ сиротъ, забывая изъ любви къ нимъ свой домъ, свою жену и своихъ дѣтей, или, несмотря на то, что его считали въ дѣтствѣ ни на что неспособнымъ и тупымъ, развивалъ чужихъ ребятъ въ качествѣ домашняго учителя. Честные, безупречные люди, мы если и погибали когда-нибудь нравственно, то погибали не за свои ошибки, не за свои дурныя наклонности, нѣтъ! ихъ не было въ нашихъ чистыхъ сердцахъ, но гибли мы ради дѣтей, въ чемъ и признавались, когда насъ ловили на взяткѣ или въ воровствѣ.—«Семья, дѣти, ваше превосходительство!» лепетали мы заплетающимся языкомъ въ эти роковыя минуты. Но даже если кто-нибудь не былъ ни въ одномъ изъ этихъ положеній, то ужъ, конечно, рѣдкій изъ насъ могъ безъ стѣсненія въ сердцѣ глядѣть на шалости брошенныхъ родителями безъ присмотра ребятишекъ, и хотя мимоходомъ, а замѣчалъ имъ: «У-у! срамъ какой плакать, вотъ тебя бука съѣстъ!» или: «Зачѣмъ вы воробушка мучаете, вотъ васъ Богъ камешкомъ убьетъ!» или просто принималъ на себя роль судьи и разнималъ дерущихся дѣтей, освобождая тщедушнаго ребенка и давая подзатыльники здоровымъ ребятамъ,—такъ какъ тщедушность, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, служитъ всегда признакомъ правоты,—и, довольный своимъ добрымъ дѣломъ, возвращался импровизированный судья домой съ длиннымъ разсказомъ о томъ, какъ онъ спасъ отъ негодяевъ бѣднаго «малютку», и какъ эти негодяи бѣжали за нимъ—судьею—по улицѣ, дразнили его и показывали ему языки. — «Ахъ, дѣти, дѣти, бѣда съ вами», съ горечью заключалъ разсказчикъ повѣсть о своемъ подвигѣ, вспоминая послѣднія событія, то-есть высунутые языки, ознаменовавшіе этотъ подвигъ... Да, господа, мы люди добрые, очень добрые, мы любимъ дѣтей, только о нихъ и думаемъ, и потому тяжело намъ жить на этомъ свѣтѣ, и, глядя на все совершающееся вокругъ, невольно приходишь къ мысли, что жизнь съ каждымъ днемъ становится труднѣе и труднѣе для добрыхъ людей, посвятившихъ себя всецѣло дѣтямъ, тогда какъ дѣти все болѣе и болѣе

отбиваются теперь отъ рукъ и даже опекаемые богатые сироты рѣшаются иногда клеветать на своихъ опекуновъ! Скверныя времена! тяжелыя времена!

Не легко жилось и госпожѣ Скрипицыной. То дѣти реверансы плохо дѣлали, то выказывали неприличныя манеры, дурныя наклонности, рисуя портретъ наставницы съ усами, то, наконецъ, приходилось страдать, слушая выговоры ихъ глупыхъ родителей, не воспитывавшихся, должно-быть, нигдѣ.

— Что это вы, мадамъ, мою-то дѣвчонку арихметикѣ не учите, сосчитать сдачи съ рубля не умѣетъ,—говорила толстая купчиха госпожѣ Скрипицыной, являясь съ платой за ученье. Дѣло было въ горячее время, передъ экзаменомъ.— Вы ужъ лучше не заставляйте ее вышивать, ей не бѣлошвейкой быть. А безъ арихметики какая же она будетъ мужу жена?

— Помилуйте, какъ же я могу не учить вышивать, когда всѣ вышиваютъ въ классѣ?—отвѣтила Скрипицына.

— Ну, а она пусть въ арихметикѣ учитъ...

— Это невозможно, на все свое время.

— Нѣтъ, ужъ это что же!

— Я васъ увѣряю.

— Что меня увѣрять-то! Это вы вотъ, что она простого купца дочь, говорите. А то почему бы не время?—Мой хозяинъ подарковъ не можетъ дарить, нешто сахарцу голову...

— Мнѣ не нужно подарковъ.

— Нѣтъ, ужъ это что! Кому не нужно подарковъ! Небось другія-то и пишутъ лучше, а у нашей-то ничего и не разберешь, словно мухи, прости Господи, бумагу засидѣли.

— У нея почеркъ порядочный, женщины не пишутъ крупно.

— Ну, ужъ я неграмотный человѣкъ, надо мной можно смѣяться; по мнѣ можетъ и впрямь для бабъ другая грамота, а про нее и отецъ говоритъ, что у нея ничего не разберешь. Ужъ знали бы это, такъ и учить не стоило бы, даромъ деньги платили. Та же безграмотная, царапать перомъ-то я, пожалуй, нацарапаю. А еще хвалились, что у васъ не такая дрянь школа, какъ у Митрофанихи; необразованной ту называли, а въ ея-то школѣ дочь нашего молодца нашу-то Машутку во всѣхъ статьяхъ обогнала.

— Зачѣмъ же вы не отдадите и вашу дочь къ madame Mitrofanoff, если тамъ хорошо?—холодно замѣтила Скрипицына.

— Да что же намъ по-сорочьи съ мѣста на мѣсто скакать, это ужъ не резонъ; отдали, а потомъ, нако-сь, и бери опять!

— Вѣрно вы и сами поняли, что у madame Mitrofanoff дѣтей развращаютъ, что въ ея школѣ нравственность не развиваютъ, что оттуда можетъ выйти горничная, и то дурная, а не благовоспитанное дитя.

— Ну, да, а вы послушали бы, что Митрофаниха-то про васъ поетъ! Я ужъ было и испугалась, каюсь, подумала: гласъ народа, гласъ Божій! Можетъ, это все и правда, что вы-то живете съ...

— Ради Бога, не передавайте мнѣ сплетенъ этой отвратительной женщины! — воскликнула съ ужасомъ госпожа Скрипицына, чувствуя стѣсненіе въ груди. Она глубоко страдала въ эту минуту.—Вы меня извините, отъ этихъ разсказовъ у меня спазмы, я не могу... Я не такъ воспитана... Охъ, что же это!.. Боже мой, за что Ты меня испытываешь?—изъ глазъ бѣдной женщины брызнули слезы, пальцы ея руки, лежавшей на столѣ, судорожно дрожали.

Купчиха испугалась не на шутку.

— Охъ, я окаянная! Ужъ вы простите меня, старую дуру! Не даромъ мой-то мнѣ говоритъ: ну, ты воды не удержишь? Не хотѣла, видитъ Богъ, не хотѣла васъ изобидѣть, мадамъ, вы ужъ меня простите! на Машуткѣ-то не вымещайте.

— Я васъ не держу, извините, мнѣ нужно отдохнуть... Все это... Отдохнуть мнѣ нужно...

— Отдохните, отдохните, авось пройдетъ... Это у меня тоже случаемъ бываетъ, какъ мой-то воевода хмельнымъ придетъ, ну, у меня и въ глазахъ замутится... Отдохните. Только ужъ Машутку-то не обижайте, ребенокъ что? не виноватъ въ нашей глупости!

Другой визитъ окончился печальнѣе. Какая-то нарядная чиновница, выбивающаяся на дорогу благосостоянія, негодовала на Скрипицыну за то, что въ школѣ дурно кормятъ пансіонерокъ.

— Я думала, что у васъ *такіе* родственники,—говорила она язвительнымъ тономъ, точно каждое ея слово должно было пронзить и проколоть Скрипицыну.—Я думала, что вы хоть въ ихъ домахъ привыкли, какъ надобно обращаться съ благородными дѣтьми. А вы? Вы чѣмъ кормите дѣтей?

Скрипицына искала въ своемъ умѣ оправданія; она сама

знала, что столъ сталъ дурнымъ въ послѣднее время, и страдала отъ этого болѣе всѣхъ окружающихъ.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, чѣмъ вы кормите дѣтей? — язвила чиновница, видя смущеніе содержательницы школы.— Этимъ кормитъ дѣтей у вашихъ родственниковъ?

— Ахъ, Боже мой!..

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ основательно отвѣтьте, этимъ ли кормятъ дѣтей у вашихъ родственниковъ?.. А я вамъ вотъ что скажу: надо или школу содержать, или покровительствовать бѣднымъ учителямъ-иностранцамъ, что-нибудь одно, что-нибудь одно...

— Послушайте!—воскликнула Скрипицына.

— Нѣтъ-съ, не буду и слушать, и не говорите! Если я и начала говорить съ вами, такъ только для того, чтобы дать вамъ почувствовать, что благородные люди понимаютъ васъ, насквозь понимаютъ. У-у, какъ! сощурила чиновница глаза и ткнула указательнымъ пальцемъ въ воздухъ.—А то бы я и не стала говорить съ вами; я не говорю съ «такими» женщинами!

Скрипицына вскочила, послѣдняя фраза поразила ее.

— Вонъ!—крикнула она, не владѣя собою.

— Постойте! — воскликнула чиновница. — Я за тѣмъ и пришла, чтобы сказать вамъ, что никогда, никогда нога моя не будетъ въ вашемъ домѣ. Не вы выгоняете изъ него, а люди сами бѣгутъ отъ васъ... Да я, да я всѣмъ разскажу, всѣхъ обѣгаю!—не выдержала чиновница благороднаго, но колкаго тона и обличила свои неблагородныя стремленія «обѣгать всѣхъ» съ разсказами объ «исторіи».

Но этимъ не кончилось; этимъ только, такъ сказать, началась суть романа Скрипицыной. Чиновница взяла изъ школы свою дочь и, должно-быть, «обѣгала» многихъ, потому что за ея дочерью начали убывать и другія ученицы. Большой домъ, а за нимъ и другіе дома, и весь кварталъ начали бить въ набатъ о дѣлахъ Скрипицыной. Одни говорили, что у нея худо учатъ, другіе, что у нея худо кормятъ, третьи, что она развратничаетъ. Добрые граждане предостерегали другъ друга отъ опасности, и даже самые страшные враги теперь самоотверженно забыли свои личные дрязги, стараясь помогать другъ другу въ распространеніи слуховъ. Добрая сторона человѣческой природы взяла верхъ надъ злой. Болѣе всѣхъ другихъ отличались въ успѣшномъ распространеніи слуховъ сестры Скрипицыной по профессіи. Madame Mitrofanoff клялась, что Скрипицына близка не

только съ учителемъ французомъ, но и завлекаетъ другого учителя, что французъ узналъ объ этомъ и вышла сцена такая, такая сцена, что «ахъ и не говорите!» Mademoiselle Petroff съ гримасой объяснила, что Скрипицына едва ли можетъ учить дѣтей, что она была и въ институтѣ послѣднею ученицею, въ томъ самомъ институтѣ, откуда сама mademoiselle Petroff вышла первою, что, конечно, можетъ-быть, Скрипицына послѣ училась, но это едва ли правда, такъ какъ mademoiselle Petroff видѣла сама своими глазами одно изъ писемъ Скрипицыной, «съ двадцатью ошибками, съ двадцатью, можете себѣ представить!» Madame Glanz и mademoiselle Rondeau говорили еще болѣе, и особенно смѣсна была mademoiselle Rondeau, которая ровно ничего не говорила, а только со вздохомъ восклицала на всѣ разспросы о Скрипицыной: «Богъ съ ней! мнѣ только страшно за ея воспитанницъ! Бѣдныя, бѣдныя дѣти!» Родители этихъ воспитанницъ приходили въ ужасъ и чувствовали, какъ морозъ пробѣгалъ по ихъ кожѣ. Всѣ поименованныя мною женщины держали школы, тоже хотѣли приносить пользу отечественному просвѣщенію, какъ же имъ было не говорить дурного про Скрипицыну? Это все въ порядкѣ вещей и отъ этого-то всякое дѣло у насъ и идетъ такъ успѣшно впередъ, дѣлаетъ изумительные успѣхи при помощи братьевъ по профессіи!..

Съ убылью ученицъ убывали и средства Скрипицыной. Ея школа, какъ и всѣ наши частныя школы, была открыта для хлѣба, и запасныхъ денегъ не было; въ нее, тоже какъ во всѣ русскія школы, сначала хлынуло много народу, вѣчно поддающагося золотымъ надеждамъ; теперь эти надежды были обмануты, народная волна бѣжала прочь, и корабль становился на мель. Пришлось отказать нѣсколькимъ учителямъ, послѣдней школьной приманкѣ; пришлось не платить остальнымъ двумъ и забирать все, что можно, въ долгъ.

— Лавочники, сударыня, ужъ очень насъ одолѣли,—говорила Даша госпожѣ, прибирая въ комнатѣ.—Скоро ли вы, говорятъ, долги-то отдадите. Нахлѣбницъ разныхъ, сиротъ неблагодарныхъ держите, а въ лавки не платите...

— Ахъ, Даша, я всѣмъ заплачу, — произнесла Скрипицына, пропуская безъ замѣчанія намекъ на Варю.

— Знаю, барышня, только очень ужъ ругаются они...

— Богъ съ ними, я ихъ прощаю! — трогательно отвѣчала госпожа и кротко вздыхала, поднимая къ потолку потухающіе глаза.

Въ это тяжелое время подоспѣла новая, но не неожиданная бѣда. Василій Николаевичъ Скрипицынъ оканчивалъ курсъ ученія и выходилъ въ офицеры. Уже часто въ послѣднее время примѣрялъ онъ на голову мѣховую гусарскую шапку и мечталъ объ этой красивой формѣ съ шнурочками и побрякушками. Также часто пробовалъ онъ расчеркиваться для практики «корнетомъ Скрипицынымъ», но, къ сожалѣнію, выйти въ гусары не представилось средствъ. Весна—пора цвѣтовъ, пора любви и, можетъ-быть, поэтому самаго сильнаго истребленія денегъ. Въ это время во всѣ концы Россіи несутся грамотныя и безграмотныя письма, гласящія: «Любезные родители, я, слава Богу, здоровъ, выхожу въ полкъ, то пришлите мнѣ триста рублей денегъ». Получая эти письма, провинція приходитъ въ ужасъ; мамаши, нашивавшія для сыновей всякихъ принадлежностей мужского туалета изъ домашняго холста, никакъ не подозрѣвали, что сынкамъ понадобятся еще и деньги, и какія деньги! Триста рублей—да этого мамашѣ въ провинціи на два года хватаетъ! И вотъ провинціалы-родители бѣгаютъ изъ дома въ домъ занимать триста рублей, а провинція шепчетъ: «ну, петербургскіе сынки протрутъ глаза батюшкинымъ деньгамъ!» Въ эту же пору явился и Василій Николаевичъ къ сестрѣ съ требованіемъ трехсотъ рублей на обмундировку.

— Мнѣ нужно бѣлье, — говорилъ онъ: — нужны разныя мелочи; ты, пожалуйста, выдай мнѣ на это денегъ, послѣ изъ оброка крестьянъ вычтешь.

— Другъ мой, я не могу себѣ сдѣлать всего вдругъ, мои дѣла идутъ плохо,—говорила сестра.

— Помилуй, ты взяла къ себѣ эту дѣвчонку, значитъ, у тебя есть средства, а мнѣ не хочешь въ долгъ дать,—разсердился братъ.

Скрипицына потупила голову; ей хотѣлось сознаться, разумѣется, драматическимъ тономъ, что Варя взята по другимъ соображеніямъ, что она приноситъ не убытокъ, а пользу, но сознаться въ этомъ значило отказаться отъ званія благодѣтельницы, а это было не въ силахъ Скрипицыной, несмотря на все появившееся въ ней въ послѣднее время смиреніе.

— Попробуй съѣздить къ Дикобразову, можетъ-быть, онъ дастъ тебѣ взаймы,—начала она.

— Мнѣ ѣхать къ нему? Унижаться? — воскликнулъ Василій Николаевичъ.—Нѣтъ! Если ты не хочешь этого сдѣлать, то я и подавно не могу. Моя жизнь впереди, я не хочу войти въ свѣтъ съ именемъ нищаго.

— Мой другъ, что же дѣлать?—убивалась сестра.

Василій Николаевичъ шагалъ по комнатѣ.

— Ты пойми, я отъ гусарскаго мундира отказываюсь, чтобы не разорять тебя, я отказываюсь отъ своего призванія,—желчно говорилъ онъ.— Ты только вздыхать умѣешь, когда людямъ нужна помощь! Ты губишь меня... И если бы я требовалъ подарковъ, жертвъ, а то я прошу въ долгъ. Ты получишь эти деньги обратно... Не бойся, я не отрекусь отъ уплаты.

— Другъ мой, другъ мой, пойми, что я нищая!—воскликнула сестра.

— Нищая!—бросился къ ней братъ.—Нищая, а въ шелковыхъ платьяхъ ходишь, бирюльки разныя покупаешь, французишку содержишь; ты думаешь, я ребенокъ, не понимаю ничего?

— Мои отношенія къ нему святы!—зарыдала сестра.— Неужели ты-то этого не знаешь? Господи, Господи, до чего я дожила!

— Полно хныкать! Довольно я видѣлъ слезъ, пора покончить съ этими комедіями! Поѣзжай къ Дикобразовымъ и проси у нихъ денегъ, но на себя проси, слышишь, на себя проси!

Въ голосѣ Василія Николаевича было нѣчто свирѣпое, безпощадное; его молодое личико было грозно.

— Я не поѣду,—зарыдала сестра.

— Поѣдешь! Слышишь: поѣдешь! Если ты откажешься отъ этого, то я здѣсь, въ твоей комнатѣ, передъ твоими глазами застрѣлюсь!

— Ахъ!—истерически крикнула сестра, и въ ея ушахъ уже раздавался звукъ будущаго выстрѣла.

Пришлось ѣхать къ Дикобразовымъ, просить у нихъ денегъ.

— Помилуйте, вѣдь вы школу содержите, у васъ должны быть средства,—отвѣтили Дикобразовы на просьбу.

— Моя школа падаетъ, она мнѣ убытокъ приноситъ,— говорила Скрипицына.

— Такъ бросьте ее, идите въ гувернантки.

— Въ гувернантки!—ужаснулась Скрипицына, и ея воображенію представилась картина жизни въ гувернанткахъ.

Эта жизнь заставляетъ человѣка отказаться отъ всѣхъ своихъ привычекъ, заставляетъ его подлаживаться подъ новые характеры, навлекаетъ на него сотни выговоровъ; на эту жизнь трудно рѣшиться въ тѣ годы, въ какихъ была Скрипицына. По ея тѣлу пробѣжала дрожь.

— Ни за что,—проговорила она:—лучше умереть!

— Хорошо, если умрете; а если жизнь протянется, такъ надо же найти средства къ существованію,—холодно замѣтили ей.

Переговоры кончились ничѣмъ. Скрипицына не спала всю ночь послѣ этого визита и перебирала всѣ вещи, думая, что̀ бы такое продать, чтобы достать денегъ. Но за что̀ она ни бралась, все было такъ ничтожно по своей стоимости, все было поддѣльное, ненужное, лощеное только снаружи.

— А вѣдь за все деньги платила!—какъ-то тупо произнесла она, качая головою, и развела руками.

Ея умъ, повидимому, началъ ей измѣнять. Что-то недоумѣвающее и трусливое выражалось въ ея помутившихся глазахъ. На слѣдующій день явился Василій Николаевичъ.

— Ну, что?—спросилъ онъ.

— Не дали,—отвѣтила сестра.

— Надо еще къ кому-нибудь съѣздить,—возразилъ братъ.

— Некуда больше ѣхать. Вотъ продай мои часы и серебро.

— Что̀ за это дадутъ!—съ пренебреженіемъ воскликнулъ братъ.

— Что̀ бы ни дали, но больше ничего нѣтъ для продажи,—отвѣтила глухо сестра и еще глуше прибавила:—и не ѣзди ко мнѣ, что̀ тебѣ ко мнѣ ѣздить?

Василій Николаевичъ поглядѣлъ на нее и удивился, увидавъ, что ея брови почему-то не черны, а щеки не блистаютъ свѣжимъ румянцемъ.

— Ты больна?—спросилъ онъ.

— Чего тутъ спрашивать? Бери вещи, ступай и дай Богъ тебѣ счастья.

Скрипицына говорила не своимъ голосомъ. Братъ, молча, забралъ вещи и ушелъ. «Новую комедію ломаетъ, дура!»—думалъ онъ дорогою.

Скрипицына легла на диванъ и не трогалась съ мѣста до вечера.

— Нездоровы вы, барышня?—спрашивала Даша.

— Да.

— Охъ, ужъ горе какое! Бывало вы и не хворали прежде и веселы были, а вотъ, какъ я замѣтила, съ приходомъ этой дѣвчонки, ужъ вы меня за слово извините, все пошло подъ гору.

— Оставь ты ее въ покоѣ,—замѣтила Скрипицына.

— Нѣтъ-съ, я правду говорю, — заспорила Даша. — И дѣти все ею попрекаютъ, и я сама вижу, что мы на нее разорились.

— Да какое тебѣ дѣло, на кого я разорилась?—сердито произнесла Скрипицына.

— Какъ какое?—обозлилась Даша.—Вѣдь и мнѣ не весело, когда мнѣ два мѣсяца жалованья не отдаютъ!

— Господи!—вырвался вздохъ у Скрипицыной.

Кончились, между тѣмъ, экзамены, настали каникулы. Кредиторы осаждали двери. Въ одинъ прекрасный день явился Даву.

— Mademoiselle, — говорилъ онъ Скрипицыной: — мнѣ очень грустно, но я долженъ попросить васъ выдать мнѣ жалованье.

— Ахъ, добрѣйшій monsieur Davou-t,—отвѣтила Скрипицына: — подождите, я въ настоящее время нахожусь въ страшно затруднительномъ положеніи.

— Я знаю. Я и не безпокоилъ бы васъ. Вы знаете, что я и не заикался о деньгахъ въ теченіе всего времени, — оправдался Даву;—но, къ сожалѣнію, я долженъ оставить школу.

Скрипицына поблѣднѣла.

— Вы оставляете школу? Другъ мой, вы чѣмъ-нибудь недовольны?

— Нѣтъ, нѣтъ, помилуйте! Но я уѣзжаю изъ Петербурга навсегда.

Скрипицына провела рукой по лбу.

— Какъ же это?.. Такъ вдругъ...—начала она.

— Мнѣ необходимо нужно. Я ѣду черезъ недѣлю. Вы будете такъ добры и передадите деньги моему повѣренному, господину Гро.

Даву сталъ откланиваться. Скрипицына безсмысленно и безсознательно простилась съ нимъ. Ея мысли перемѣшались совсѣмъ. Три послѣднихъ года ея дѣла шли все хуже и хуже, но событія послѣдняго года выходили изъ ряда вонъ. Теперь въ ней точно что-то оборвалось.

— Уѣзжаетъ,—говорила она, ходя по комнатѣ и машинально поправляя нарукавнички на костлявыхъ рукахъ.— Уѣзжаетъ!—простонала она, потерла рукой лобъ и подошла къ столу, взяла книгу и бросила ее снова на столъ.— Уѣзжаетъ!!.—зарыдала она и прильнула головой къ столу.

Скрипицына была смѣшна даже въ эту минуту. Ея изліянія походили на ломанье мелодраматическаго яраго ак-

тера, ея тощая подкрашенная фигурка походила на уродливую куклу, все это было комично.

И точно, какъ же не смѣяться до колотья надъ этой женщиной? Ей говорили въ дѣтствѣ: tenez vous droit! и она держалась прямо, за что ее прозвали потомъ «гренадеромъ въ юбкѣ»; она слышала съ пеленъ, что тонкія манеры и хорошая обстановка важнѣе всего, что безъ этого на человѣка смотрятъ подозрительно и не принимаютъ его въ порядочное общество, и она отличалась такими манерами и такой одеждой; за первое ее считали бездушнымъ истуканомъ, за вторую она вошла въ долги; ее не учили въ дѣтствѣ разсчитывать, называя это мѣщанствомъ, но теперь ее называли безчестною, такъ какъ она не могла платить долговъ бѣднякамъ ремесленникамъ; она научилась въ юности обожать подругъ и учителей и считать «позорными» всякія другія отношенія къ людямъ, и вотъ она обожала monsieur Даву, что заставило Даву насмѣяться надъ ея романтизмомъ, посторонних людей забросать ее грязью за развращенность, а насъ улыбнуться и дать ей эпитетъ «старой дѣвы», играющей роль пансіонерки. Каждая бездѣлушка, каждый ея поступокъ были слѣдствіемъ привитыхъ къ ней съ дѣтства понятій и привычекъ, и за все это ее осмѣивали, обманывали, злословили. Да, дѣйствительно, она была смѣшна, шла бы учиться жизни въ общество всѣхъ тѣхъ людей, которые закрыли для нея двери, шла бы замужъ за тѣхъ жениховъ, которые не являлись къ ней, попросила бы по выходѣ изъ института совѣтовъ и помощи у тѣхъ юныхъ родственниковъ, которые возили ей конфеты въ институтъ и бросили ее по выходѣ оттуда... Давайте же смѣяться надъ нею! Веселѣе же! чего тутъ задумываться?

Въ комнату вошла Варя и сѣла за пяльцы. Скрипицына опомнилась, подняла голову и стала смотрѣть на Варю.

«Какая она тихая. Славное у нея лицо,—думала Скрипицына.—У нея и сердце доброе. Я видѣла, какъ она ласкала Ольгу Васильевну. Отчего же она не ласкаетъ меня, боится меня? Я сама, вѣрно, виновата. Запугала я ее, я мало вниманія на нее обращала. Она будетъ меня любить, если я буду съ ней ласковѣе. И что я падаю духомъ? Дѣла устроятся. Даву вѣрно чѣмъ-нибудь обидѣлся; онъ вернется, я ему напишу. Будемъ мы жить мирно. Продамъ что-нибудь, займу, средства будутъ. Вотъ Варя подрастетъ, помогать будетъ. Доброе дитя!»

Скрипицына встала и подошла къ Варѣ. Она провела рукою по шелковистымъ волосамъ дѣвочки; въ этомъ движеніи была какая-то необычайная нѣжность и мягкость.

— Варя,—сказала она грустнымъ тономъ:—слышала ли ты, нашъ добрый Даву уѣзжаетъ?

— Да-съ, онъ женится,—отвѣтила спокойнымъ голосомъ Варя, не поднимая головы отъ пялецъ. Она не понимала всего ужаса своихъ словъ.

— Что?! — воскликнула Скрипицына и схватила руку Вари.

— Онъ женится на Бѣляевой,—отвѣтила Варя, поднявъ голову и чувствуя боль въ рукѣ, сжатой костлявыми пальцами Скрипицыной.

Это пожатіе походило на пожатіе командора въ Донъ-Жуанѣ.

— Лжешь, лжешь, лжешь, негодная дѣвчонка!—схватила Скрипицына плечи Вари своими костлявыми пальцами. — На Бѣляевой, на моей бывшей ученицѣ! Женится! Лжешь! Какъ онъ могъ ее полюбить, какъ она смѣла? Говори, почему ты знаешь это?

— Они переписывались, когда она была еще здѣсь,— отвѣтила Варя, дрожа всѣмъ тѣломъ подъ костлявыми пальцами, сжавшими ея плечи.

— Переписывались! Переписывались! и я не знала!

Варя почувствовала, какъ костяные пальцы, державшіе ее, разжались, и въ комнатѣ раздался глухой стукъ отъ паденія человѣческаго тѣла. Варя въ ужасѣ вскочила и прислонилась къ стѣнѣ, не имѣя силъ пошевельнуться съ мѣста. Ея плечи еще ныли отъ боли. Въ комнату на стукъ прибѣжали Даша, Ольга Васильевна и кухарка. Онѣ хлопотали около лежавшей въ обморокѣ Скрипицыной, и никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на Варю.

— Чего вы стоите-то истуканомъ? лучше бы помогли намъ. Вѣдь она ваша благодѣтельница была, а не наша,— сказала, наконецъ, Даша, замѣтивъ Варю.

Варя вздрогнула и сѣла, почти упала на стулъ. Ея голова была отуманена всей предшествовавшей сценой. Ей самой нужна была помощь. Скрипицыну уложили въ постель. Пріѣхалъ докторъ и сказалъ, что у нея горячка. Варя начала ходить, чередуясь съ Ольгой Васильевной, за благодѣтельницей. Она какъ-то боялась этой женщины, костлявой, блѣдной, съ полусѣдыми волосами, прежде казавшимися черными. Ее заставлялъ вздрагивать горячечный бредъ по-

лумертваго существа. Сначала этотъ бредъ вертѣлся на давно минувшихъ свѣтлыхъ событіяхъ молодости, что подавало доктору надежду на выздоровленіе, и дѣйствительно, Скрипицына какъ будто забыла недавно случившееся и отдыхала въ далекомъ прошломъ; но какъ только стали воскресать ея силы, такъ тотчасъ же недавнее вспомнилось ей снова.

— Модисткѣ не смѣютъ давать совѣтовъ, а мнѣ, начальницѣ школы, смѣютъ!—бормотала она.—Я тряпка... Кредиторы, братъ... Переписывались, переписывались!.. Лжешь, лжешь, лжешь, негодная дѣвчонка!

Варю бросало въ жаръ отъ этихъ отрывистыхъ фразъ, а ночи, блѣдныя, тихія, мутныя, снова напоминали ей другія ночи, другую потухающую жизнь и тоже бредъ, полубезсмысленный, полупонятный, среди котораго яснѣе всего звучало слово: «не живи!..» Какъ не жить? Вопросы, мечты, воспоминанія роились, какъ пчелы, жужжали, мѣшались между собою, иногда убаюкивали молодую голову, и тихо клонилась она въ полудремотѣ, низко, низко клонилась на грудь. Вдругъ какой-нибудь внезапный шумъ на дворѣ пробуждалъ Варю; она поднимала голову, медленно обводила глазами комнату, видѣла все ту же полумертвую массу худого человѣческаго тѣла, тотъ же едва мерцающій ночникъ, едва теплющуюся лампаду, озаряющую потемнѣвшіе лики святыхъ, и снова дремала усталая дѣвушка. Въ одно изъ такихъ полупробужденій она увидѣла въ полудремотѣ, что полуживой трупъ копошится на кровати, его голова какъ-то странно поднята и прислонена къ столбику кроватной спинки, на шеѣ повязанъ платокъ, обвивающій и этотъ столбикъ отъ кровати, тѣло какъ будто силится податься впередъ, въ горлѣ трупа слышится какая-то страшная хрипота, ночникъ едва горитъ и, кажется, готовъ потухнуть. Варя долго смотрѣла испуганными глазами на эту картину, наконецъ, очнулась и бросилась изъ комнаты.

Въ комнату явились со свѣчами люди и внезапно озарили свѣтомъ Скрипицыну, которой худая голова была привязана къ спинкѣ кровати, а руки силились оттянуть тѣло отъ этой страшной головы съ острымъ носомъ и впалыми глазами. Стали развязывать платокъ. Скрипицына начала биться, у нея на мигъ явилась сила.

— Не хочу, не хочу жить!—бормотала она. — Слышите, не хочу! Не смѣйте трогать! Негодная, ты имъ сказала! Проклятая дѣвчонка! Слышите, не хочу!

Скрипицына билась, ее пришлось держать. Черезъ минуту силы снова оставили ее. Не долго пришлось ей жить, судьба услужила ей, послала смерть.

Опять похороны, опять осмотръ покойника и глубокія соображенія, теперь еще болѣе глубокія, такъ какъ весь домъ интересовался предстоящимъ аукціономъ и разглядывалъ, нѣтъ ли какой-нибудь посудины для выгодной покупки. Вѣроятно, и читатель поинтересовался бы всѣмъ этимъ, потому что интересно видѣть, какъ продаютъ для уплаты долговъ тѣ вещи, которыми мы любовались. Вотъ кушетка, гдѣ вы часто сиживали, расточая комплименты хозяйкѣ; вотъ блюдечко, гдѣ лежала ваша визитная карточка, она лежитъ на немъ и теперь, и суровый кредиторъ, прочитавъ на ней вашу фамилію, говоритъ: «Ишь, тоже, вѣрно, какой-нибудь прихлебатель былъ, поѣдалъ, что у насъ въ долгъ забиралось». Все это интересно, но я напомню читателю, что у насъ есть одна живая вещь, которую некому взять,—это Варя. Передъ нею въ эти два года совершился цѣлый романъ человѣческой жизни, описанный въ этихъ пяти главахъ, она понимала это и не думала, что эти два года прошли безсодержательно, нѣтъ! она научилась понимать многія вещи, которыхъ не понимала прежде. Два года тому назадъ она слышала дома одни вопросы о томъ, что испечь въ воскресенье: пирожокъ или каравайчикъ? и въ этомъ видѣла почти всю сущность жизни. Теперь она узнала, что значитъ блескъ балоиъ и театровъ, прочитала нѣсколько романовъ; поняла, что такое значитъ привязанность Ардальона, Игнатьевны, Ольги Васильевны, Скрипицыной и ея брата, и яснѣе всего поняла, что значитъ остаться одной среди сотенъ тысячъ чужихъ, не знающихъ о ея существованіи людей. Два года тому назадъ эти слова были для нея китайской фразой, теперь они стали роковою частью ея думъ. Она твердила себѣ: «я никому не нужна!» и эти страшныя слова были правдой. Вѣдь, положа руку на сердце, читатель, вы должны сознаться, что и вы не взяли бы ее ни въ горничныя, ни въ гувернантки, ни въ швеи; вѣдь она ни къ чему не была еще приготовлена. Да, она была никому ни на что не нужна.

— Душенька, о батній мой малютка! — говорила ей ломанымъ языкомъ на похоронахъ Скрипицыной какая-то нѣмка.—Фи совсѣмъ сиротъ, никого у фасъ нѣтъ?

— Никого!—опустивъ голову, отвѣтила Варя.

— О, я такъ любитъ такой молотенькой созтань! — вос-

кликнула съ чувствомъ нѣмка. — Хотитъ, я фасъ къ себѣ беретъ?

Варя взглянула на нее благодарными глазами и вдругъ почувствовала, что кто-то грубо, по-мужицки, дернулъ ее въ сторону.

— Чего вы съ ней разговариваете?—произнесъ молодой, но суровый голосъ.

Варя съ изумленіемъ взглянула на юношу.

— Никогда не говорите съ ней; слышите? не то пальцами на васъ показывать будутъ,—продолжалъ онъ.

Нѣмка снова подошла къ Варѣ.

— Послушайте, мадамъ, лучше не подходите къ ней, худо будетъ,—погрозилъ юноша нѣмкѣ.

Нѣмка сцѣпилась съ нимъ ругаться, а Варя поспѣшила уйти. Ей было знакомо это молодое, широкое лицо, но она забыла имя этого человѣка...

Что̀ же оставалось ей дѣлать?..

VI.

Приснухины,—романъ въ одной главѣ.

Разговоръ Вари съ нѣмкой былъ прерванъ Порфиріемъ Приснухинымъ. Хорошо ли, дурно̀ ли было это вмѣшательство,—объ этомъ нечего говорить; но во всякомъ случаѣ оно показывало, что Приснухинъ рано началъ понимать многое и могъ возбудить любопытство своею особою. Глядя на его голову, можно было сказать: да, это будетъ энергичный человѣкъ! Рядомъ съ̀ этими словами идутъ мечты о свѣтлой жизни, о широкой дѣятельности, о великихъ поступкахъ... Но, Боже мой, какъ много видѣлъ я энергичныхъ головъ, никогда не сдѣлавшихъ ничего путнаго въ жизни! Не будемъ же увлекаться мечтами, пророчить славу энергичнымъ головамъ, но шагъ за шагомъ станемъ слѣдить за ихъ жизнью, и если будетъ счастье — порадуемся, если же ихъ ждетъ нравственная гибель—поплачемъ,—вѣдь это намъ не новость!

Какъ же развивалась энергичная голова Порфирія?

Мать Порфирія была изъ крѣпостныхъ.—дѣло, какъ видите, было очень давно и принадлежитъ къ числу казусовъ, сданныхъ въ архивъ. Сначала дѣвочка Глаша играла съ барышней и барченкомъ и отъ нихъ научилась грамотѣ, ариѳметикѣ и клочкамъ другихъ наукъ; потомъ барышню отдали въ институтъ, барченка въ гимназію, а Глашу засадили въ дѣвичью, и она плела по цѣлымъ днямъ

кружева или вышивала прошивки, воротнички, нарукавнички и нарѣдка, во время отсутствія господъ, урвавшись на свободу, въ село, смотрѣла на хороводы, присутствовала на посидѣлкахъ. Молодая, стройная, здоровая, она была типомъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя расцвѣтали въ дѣвичьихъ старыхъ, хорошихъ помѣщичьихъ домовъ. Не было у нея ни особеннаго горя, ни особенныхъ желаній; всегда она была сыта, находилась въ теплой, сухой комнатѣ, пользовалась расположеніемъ добрыхъ, простыхъ господъ и, конечно, не заглядывала со страхомъ впередъ, такъ какъ впереди не предстояло особенныхъ печалей: ее ждало мѣсто горничной при молодой доброй барышнѣ, а тамъ—ну, нянькой сдѣлаютъ, въ ключницы произведутъ, какой-нибудь любимецъ барина камердинеръ на ней женится... Наконецъ, пришли годы, когда барышня вышла изъ института, — господа поднялись съ насиженнаго гнѣзда, поѣхали въ Петербургъ и взяли съ собой Глашу. Поселились господа въ «большомъ домѣ». Столичный блескъ и шумъ, балы у господъ, привѣтливость молодой институтки-барышни, ласковость молодого барина-студента, роснаго тоже съ Глашей, общія воспоминанія о далекомъ дѣтствѣ, почетъ и заискиванье со стороны бѣдныхъ жильцовъ большого дома, — все это вмѣстѣ заставило Глашу успокоиться и осушить слезы по деревенскомъ углѣ, гдѣ жилось такъ тихо и мирно, гдѣ плылъ такой свѣжій воздухъ въ окна, гдѣ то соловей вечеромъ пѣлъ за густымъ малинникомъ, то издалека слышались ухарскіе звуки балалайки и пѣсни какого-нибудь парня, или звенѣли бубенцы на большой дорогѣ все ближе и ближе и заставляли молодое сердце биться непонятнымъ любопытствомъ: кто это тамъ ѣдетъ? мимо или къ намъ? если къ намъ, то надолго ли? можетъ-быть, это молодой баринъ?.. Въ Петербургѣ, сходя по черной лѣстницѣ, Глаша часто встрѣчалась съ какимъ-то вертлявымъ, приномаженнымъ франтомъ, постоянно отдававшимъ ей поклонъ.

— Наше вамъ-съ почтеніе, — говорилъ кавалеръ, наотмашь снимая фуражку и шаркая по-господски ногою.

— Здравствуйте,—сухо кланялась Глаша.

— Что рѣдко изволите выходить-съ, осмѣлюсь сдѣлать вопросъ?

— Мнѣ и въ комнатахъ хорошо.

— Это показываетъ вашу безчувственность, потому что есть люди, которымъ ваше отсутствіе причиняетъ печаль.

Глаша хихикала надъ вычурными фразами кавалера и.

слыша его тяжелый, похожій на сопѣнье вздохъ, спрашивала, убѣгая въ комнату:

— У васъ, вѣрно, насморкъ?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кавалеръ, называвшійся Александромъ Приснухинымъ, презентовалъ Глашѣ колечко съ бирюзой. Глаша не хотѣла брать; кавалеръ умолялъ ее взять подарокъ, объясняя, что «вы, молъ, не подумайте чего дурного, а это мы вамъ презентуемъ только ради нашего уваженія». Глаша, смѣясь, взяла колечко. Любовь Приснухина была проста, серьезна; выраженія ея были вычурными, шутовскими. Вліяніе трактирныхъ знакомствъ и лакейской полированности не могли не сказаться въ дѣлѣ любовныхъ объясненій. Глаша слышала только эти смѣшныя фразы, но не знала, что̀ таится подъ ними, и не могла смотрѣть серьезно на знакомство съ Приснухинымъ. Послѣ перваго подарка она, еще смѣясь, еще не измѣняя своего гордаго вида, чаще говорила со своимъ поклонникомъ. Это дало ему смѣлость подарить ей платочекъ и выразить крайнюю степень своей любви къ ней щипкомъ въ руку повыше локтя. На это Глаша отвѣтила сильнымъ ударомъ по рукѣ Приснухина и строптиво замѣтила ему:

— Вы рукамъ воли-то не давайте, я вамъ не позволю!

Какъ видите, дѣла шли къ обычной развязкѣ, къ свадьбѣ, но вмѣсто свадьбы произошло совсѣмъ другое: Глаша вдругъ начала избѣгать встрѣчъ съ Приснухинымъ и, встрѣчаясь съ нимъ, на всѣ его любезности отвѣчала, что у нея нѣтъ свободнаго времени говорить съ нимъ. Приснухинъ вздыхалъ, но Глаша уже не хихикала и оставалась серьезной, даже грустной. Какъ-то поклонникъ рѣшился высказать яснѣе свою любовь, но ему отвѣтили:

— Полноте, что̀ вамъ меня любить!

Приснухинъ опустилъ голову, его поразилъ грустный и серьезный тонъ этихъ словъ. Встрѣчи кончились,—правда, была еще одна встрѣча, но Глаша даже не замѣтила своего обожателя.

— Что̀ за жизнь распроклятая, такъ я и изобразить тебѣ, братецъ ты мой, не умѣю,—говорилъ Приснухинъ тощему сосѣду слесарю, уже знакомому читателямъ.

— А по мнѣ — первое выпей, и ничего твоя жизнь съ тобою не сдѣлаетъ? Потому что вино — значитъ веселіе, духъ бодрый, вотъ оно что!—отвѣчалъ слесарь и брался за фуражку съ раздвоеннымъ козырькомъ.

— Въ кабакъ, кабакъ пойдетъ, такъ я и знала! кровопійца

ты такой, — кричала толстая слесарша.—И вы-то хороши, Александръ Ивановичъ, мужа моего смущаете,—накидывалась она на Присухина.

— Помилуйте-съ, чѣмъ же мы тутъ причинны,—оправдывался Присухинъ.

— Какъ чѣмъ? Да чего вы нюни-то передъ нимъ распустили? Передъ нимъ заплачь, такъ онъ и думаетъ, что ему тоже ревѣть надо.

— Такъ что же-съ?

— Какъ что? Извѣстно, у него какъ слезы, такъ и водки подавай! Ужъ такой нравъ его, кажется, знаете, вѣдь не чужіе, — сосѣди... Ну, а тамъ бить начнетъ меня же, вамъ хорошо...

— Ужъ какое хорошо,—хуже быть не можетъ! — вздыхалъ Присухинъ.

А Глаша дѣлалась все задумчивѣе и грустнѣе. Смѣхъ молодой, улыбка радостная, краска свѣжая на лицѣ, — все пропало. Люди около нея о чемъ-то шушукались, а она и смотрѣть въ глаза имъ не смѣла.

— Ты это что, какъ въ воду опущенная, ходишь,—сурово спросила у нея однажды барыня.

У Глаши навернулись слезы, и дрогнуло тѣло.

Барыня осмотрѣла ее пристальнымъ взглядомъ, а у самой сердце сжалось. Любила она Глашу въ теченіе многихъ лѣтъ чисто родственною любовью.

— Ты знаешь, у кого ты служишь?—еще строже и грознѣе спросила она, стараясь подавить въ себѣ чувство естественной привязанности къ Глашѣ. — У моей дочери ты служишь, у дѣвушки, у ангела чистаго.

Глашу била лихорадка, грудь поднималась отъ сдержанныхъ рыданій.

— Что же ты думаешь, что и еще годы пройдутъ, а никто и не узнаетъ, въ какомъ ты положеніи? Ты взгляни на себя-то!

Глаша инстинктивно опустила глаза на свою талью и поблѣднѣла, какъ полотно.

— Хорошо?—спросила барыня.

— Матушка, Вѣ-ра Га-ври...—не договорила Глаша, захлебнувшись слезами, и рухнулась къ ногахъ барыни.

— Глаша, Глаша, голубушка!—вырвалось у барыни, и она быстро наклонилась къ лежавшей на полу дѣвушкѣ.

Много въ этотъ день пролилось слезъ.

— Не являлся бы ты ко мнѣ на глаза, — говорила ба-

рыня Вѣра Гавриловна своему сыну-студенту.—Что̀ ты надѣлалъ, за что ты ее погубилъ? Ты бы хоть вспомнилъ, что̀ это за дѣвушка была!

Сынъ покраснѣлъ.

— Увлекся!—пробормоталъ онъ, передернувъ плечами.

— Увлекся! Неужели за тобой, какъ за малымъ ребенкомъ, еще нянекъ нужно, чтобъ ты бѣды не надѣлалъ? Жизнь-то вамъ чужая не дорога! И чему вы учитесь? Всѣ науки выучили, а умнѣй не сдѣлались,—отвернулась мать.—Душегубцы!

Наступило молчаніе; человѣчное, горячее состраданіе въ доброй женщинѣ начало смолкать; проснулось сознаніе того, что она живетъ въ свѣтѣ, что кругомъ кишитъ муравейникъ со своими толками, соображеніями...

— Надо что-нибудь сдѣлать, пристроить ее какъ-нибудь,—промолвила мать.

— За ней, кажется, портной какой-то ухаживаетъ,—отвѣтилъ сынъ.

— Откуда ты узналъ эти подробности?—спросила мать.

— Она разсказывала.

Мать съ отвращеніемъ посмотрѣла на него.

— Иди ты отъ меня!—проговорила она.—Бѣдная ты моя, Глаша! А я еще, грѣшница, подумала, что ты сама завлекла его, негодяя!

Сынъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты, пожимая плечами, но не имѣя силъ скрыть краску стыда. Вѣра Гавриловна плакала. Она любила Глашу; она привыкла къ ней; она любовалась, какъ въ былые годы молилась Глаша въ деревенскомъ храмѣ; она иногда мечтала, что никогда не разстанется съ Глашей, что Глаша будетъ нянчить ея внучатъ, будетъ одною изъ тѣхъ вѣрныхъ слугъ, какія были и въ домѣ матери самой Вѣры Гавриловны, какія хранили и ея собственную жизнь въ далекія времена дѣтства; она, пріѣхавъ въ столицу, радовалась, что и ея дочь, и ея сынъ не забыли въ годы разлуки своей подруги дѣтства и привѣтливо приняли ее, эту бѣдную Глашу. И что же вышло, что вышло! Теперь всѣ мечты Вѣры Гавриловны разлетѣлись въ прахъ. Была минута, когда барыня думала простить Глашу,—нѣтъ, не простить; она вѣдь даже и не обвиняла свою любимицу, но просто думала она оставить дѣвушку у себя, отдавъ будущаго ребенка на воспитаніе въ деревню. Была минута, когда барыня увлеклась этими мечтами и даже представляла Глашу еще болѣе

преданной, благодарной слугой; но всѣ эти мечты смѣнились новыми соображеніями, болѣе глубокими, болѣе вѣрными, можетъ-быть, но зато болѣе безотрадными. Барыня думала, что, оставивъ Глашу у себя, она дастъ ей возможность видѣться съ молодымъ бариномъ, а кто поручится, что онъ перестанетъ ухаживать за Глашей? Потомъ примѣръ для дочери, потомъ толки прислуги, знакомыхъ, потомъ мысли о томъ, что повадился кувшинъ по воду ходить, — далѣе извѣстно, что̀ бываетъ съ кувшиномъ. Барыня рѣшилась переговорить съ портнымъ, переговорить съ Глашей. Не легки были эти переговоры для всѣхъ трехъ существъ, и, право, тяжело ихъ передавать. Еще тяжелѣе было бы разсказывать, какъ молодой баринъ говорилъ своимъ товарищамъ: «у меня дома цѣлая драма разыгралась. Расчувствовался и попалъ въ нетлы...»

— Такъ-то-съ, Глафира Николаевна,—покачалъ портной головою, когда онъ и Глаша остались одни.—Не хотѣли вы нашихъ рѣчей слушать, загубили себя не за денежку!

— Ужъ не говорили бы вы мнѣ этого,—зарыдала Глаша:— мнѣ и безъ того тяжело.

— Мнѣ, думаете, легче?—отозвался портной.

Наступило молчаніе.

— Не берите вы меня за себя, голубчикъ мой, Александръ Ивановичъ! Не стою я васъ!—рыдала Глаша.—Любить-то вы меня не будете.

— Эхъ, Глафира Николаевна, если бъ я не пропащій человѣкъ былъ, такъ я и не знаю, какъ бы я васъ осчастливилъ,—махнулъ рукою портной.

Глаша и онъ помолчали: она слышала какіе-то новые звуки любви, это были уже не полированныя фразы ухаживателя, но скорбь страстнаго человѣка, хватавшая за сердце.

— Пить я началъ,—глухо пробормоталъ портной, отвернувшись въ сторону.

Глаша рыдала. Портной тихо приблизился къ ней и обнялъ ее одною рукой. Она не трогалась съ мѣста. Онъ поцѣловалъ ее въ щеку. Въ былые дни онъ не посмѣлъ бы сдѣлать этого, а она ударила бы его за такой поцѣлуй,— теперь было не то.

— Голубчикъ мой, какъ мы жить-то будемъ!—вырвалось у Глаши.

— Живы будемъ,—увидимъ!—промолвилъ онъ, и въ его глазахъ сверкнулъ огонь страсти.

Кажется, этотъ человѣкъ готовъ былъ схватить ее въ эту

минуту и унести куда-то далеко-далеко, на край свѣта, чтобы жить съ нею вдвоемъ, чтобы не видать, не слышать людей!.. А вечеромъ ему говорилъ весь большой домъ на сотнѣ своихъ разнообразныхъ языковъ:

— Ну ужъ, Александръ Ивановичъ, убили бобра!.. Не такая бы пошла за васъ... Охота пришла на ней жениться, вы человѣкъ работящій, честный... И что̀ вы нашли въ ней хорошаго? ничего мы въ ней хорошаго не видимъ!

— Намъ-съ хороша, а на другихъ плевать,—сурово отвѣчалъ Приснухинъ и, гордо отворачиваясь отъ сосѣдей, шелъ со двора.

— Ишь, онъ же и рыло поднимаетъ! Шваль этакая! — говорили про достойнаго уваженія человѣка.

А этотъ человѣкъ бродилъ безцѣльно по городу, словно бѣжалъ отъ кого-то, словно хотѣлъ скрыться отъ своихъ думъ, а думы были безотрадныя, и не у кого было допроситься отвѣта на нихъ, никто и не могъ и не умѣлъ укрѣпить портного, да онъ самъ едва ли бы сумѣлъ высказать, что̀ давило его грудь, что̀ надрывало сердце. То ему казалось, что плевать онъ хотѣлъ на толки, а то стыдно было на людей смотрѣть; то горячо̀, безумно любилъ онъ Глашу, то попрекалъ ее мысленно за ея грѣхъ; то въ будущемъ видѣлъ счастье, а то живо до безобразія, до цинизма, къ которому способна необузданная страстная натура, представлялъ себѣ свою женитьбу, и въ эти минуты хоть въ воду броситься, такъ и то было бы легче. И шелъ онъ, находившись по городу, въ кабакъ...

Гордо, фертомъ, какъ выразился большой домъ, стоялъ онъ подъ вѣнцомъ, чтобы показать людямъ, что, молъ, смотрите, какъ мы женимся и на васъ плевать хотимъ; а на другой день встрѣтился съ сосѣдомъ, тотъ его съ законнымъ бракомъ поздравилъ, пожелалъ ему дѣтей,—и пошелъ Приснухинъ выпить. Вечеромъ онъ билъ жену.

— Голубчикъ мой, простите меня... Рабой вашей буду, только не бейте меня... Все послѣ выместите, только теперь пощадите, вѣдь вы знаете...—рыдала Глаша, а у замочной скважины, у оконъ, у стѣнъ были уши,—незримыя въ темнотѣ ночи тѣни ловили каждый вопль и разносили о немъ вѣсти по дому.

— Билъ ее сегодня!

— О-о!

— Вотъ житье-то будетъ!

— Ха-ха-ха! — хохотали злые духи во мракѣ и, кажется,

этотъ хохотъ слышался въ бѣдномъ жилищѣ портного, доходилъ до самаго сердца обитателей этого угла. — Ха-ха-ха, вотъ житье-то будетъ!

На слѣдующій день портной бушевалъ:

— Молчать!.. Никто меня уговорить не смѣй! я самъ себѣ господинъ. Ну, и кончено!.. Какъ хочу, такъ и дѣлаю! Слесарша усовѣщиваетъ? исколочу проклятую!.. Ты моя жена, ну, и конецъ, ну, и конецъ!.. Ноги твои цѣловать буду и никто не запретитъ, никто!.. Я самъ себѣ господинъ... Подслушиваютъ? Пусть подслушиваютъ, окаянные!

Еще насталъ день. Портной протрезвился, валялся въ ногахъ у своей жены, руки ея цѣловалъ, просилъ прощенья, и страстной, горячей любви было полно все его существо.

— И за что я ее гублю?—говорилъ онъ себѣ. — Каинъ я проклятый, демонъ отверженный. Да я этакую жену на рукахъ носить долженъ; и вѣдь хоть бы попрекнула она меня,—такъ нѣтъ: я ее билъ, а она руки мои цѣловала!

И думы все росли, все росли въ теченіе недѣли, когда портной кроилъ, шилъ сюртуки, брюки, жилеты, и все тяжелѣй и тяжелѣй становились его упреки себѣ; въ праздникъ дѣлалось совсѣмъ тошно... Вечеромъ слышались мольбы Глаши...

Родился сынъ. Портной запилъ сильнѣе, но черезъ шесть недѣль онъ началъ остепеняться. Сына онъ не любилъ, но зато сильнѣе сталъ любить жену и рѣже билъ ее. Въ Глашѣ тоже произошла перемѣна: она уже не молила мужа, не плакала, но суровымъ шопотомъ говорила ему:

— Ты меня не бей, ребенокъ спитъ... Не подходи ко мнѣ, перовенъ часъ...

Мужъ, несмотря на опьяненіе, замѣчалъ зловѣщій блескъ женныхъ глазъ и дѣлался тише, смирнѣе. На другой день онъ просилъ извиненія у жены безъ страстнаго порыва, но искренно и какъ-то вѣжливо.

— Скверную я привычку взялъ, Глафира, — говорилъ онъ.—Не пускай ты меня въ кабакъ, совсѣмъ пропаду и тебя-то загублю.

Какъ-то онъ увидалъ, что жена тащитъ ведро съ помоями. Это было слишкомъ черезъ два года послѣ женитьбы.

— Что ты, Глаша, сама таскаешь ведра, — сказалъ онъ ей.—Бѣда еще какая-нибудь приключится, храни Господи!

Приспухинъ надѣялся скоро сдѣлаться отцомъ.

Родилась дочь.

— Вотъ она какая красавица! — любовалъ отецъ ребен-

комъ, лежавшимъ въ люлькѣ. — Ты куда ползешь! — крикнулъ онъ сынишкѣ, едва тащившемуся около стѣны къ ложу сестренки.—Убьешь, сорванецъ, младенца!—портной погрозилъ сыну кулакомъ.

— Не любишь ты его, Александръ Ивановичъ,—слабымъ голосомъ говорила Глаша, лежавшая въ постели.

— Что̀ мнѣ его не любить!—отозвался мужъ:—я только насчетъ того, что онъ вездѣ суется...

— Нѣтъ, ты его притѣсняешь,—заплакала Глаша.

— Ишь, чего расплакалась!—взволновался портной.—И безъ того больна, вѣдь этакъ и Катя захворастъ... Ну, вонъ смотри, я ему пряника далъ. На̀, баринъ, пряника, чего хвостъ поджалъ, — обратился отецъ къ сыну, остановившемуся въ раздумьи въ ту минуту, когда ему былъ показанъ кулакъ.

Такъ пошли дни, мѣсяцы и годы въ жилищѣ Приснухина. Семья прибавлялась и убавлялась ежегодно. То родины, то похороны. Бѣдность росла. Нерѣдко приходилось Глашѣ просить помощи у старой барыни. Барыня стала холодна къ Глашѣ, но помогать не отказывалась. Портной почти пересталъ пить и началъ относиться къ своей женѣ болѣе гуманно. Работа стала прибавляться: Приснухинъ вошелъ въ сдѣлку съ какимъ-то подрядчикомъ. Сына, какъ мы видѣли, онъ не любилъ и готовъ былъ всегда побить, но за сына стояла мать, и злоба отца мало-по-малу перешла въ какую-то насмѣшливую холодность. Разъ сынишка, играя на дворѣ, увидалъ нищую съ ребенкомъ.

— Вотъ, батюшка, рубашечки даже нѣтъ у ребенка, — говорила она жалобнымъ голосомъ прохожему.

— Возьми мою; у меня другая есть,—быстро подвернулся Порфирій и, стянувъ черезъ голову верхнюю рубашонку, отдалъ ее нищей.

— Ишь, какой жалостливый, такъ и видно, что не холопъ,—отозвался отецъ, услышавъ о поступкѣ сына.

Въ другой разъ Порфирій сотворилъ другую штуку. Сынъ жившаго въ домѣ надворнаго совѣтника постоянно задиралъ сына портного: то толкнетъ его, то языкъ ему высунетъ, а иногда и скажетъ:

— Дрянь!

Порфирій въ одну изъ такихъ встрѣчъ не вытерпѣлъ и «вздулъ», какъ онъ выражался, семилѣтняго врага.

— Обидчивъ больно, не наша кровь!—презрительно улыбнулся портной, когда ему пожаловались на буяна.

Встрѣчая холодность и притѣсненія со стороны отца, Порфирій привязался къ матери. Сынъ и мать научились понимать каждый жестъ, каждый взглядъ другъ друга. Мать не бранила сына за шалости, чтобы не навлечь гнѣва отца, но качала ему незамѣтно головой, и сынъ конфузился, утихалъ. Мать не плакала при сынѣ, но сынъ угадывалъ по цвѣту ея глазъ, по выраженію ея лица, что ей тяжело, что она плакала безъ него. Въ обоихъ существахъ развилась изумительная чуткость.

— Мамка, что ты все плачешь?—спрашивалъ маленькій Порфирій, сидя съ нею по вечерамъ у топившейся печки.

— Такъ... горя много... — отвѣчала мать, ласково глядя на него.

Сынъ вздыхалъ, точно и ему было извѣстно тяжелое горе, и смотрѣлъ на огонь, который дрожалъ и вспыхивалъ въ печи. Какіе-то сны носились надъ дѣтской головкой ребенка и надъ головой его матери. Въ комнатѣ царила тишина.

— Что ты шляешься по двору! — раздавался крикъ на лѣстницѣ, и въ комнату появлялся Приспухинъ-отецъ, ведя за ухо одного изъ мальчишекъ-работниковъ.

— Я только вышелъ,—хныкалъ мальчуганъ.

— Халаты дерете, сапоги топчете, не напасешься на васъ одежи, разбойники!—бушевалъ портной.

— Полно, Александръ Ивановичъ, ложись спать, — уговаривала его жена.

— А! ты думаешь, я пьянъ?—кричалъ мужъ.—Врешь, я не пьянъ! Гдѣ баринъ-то?

Баринъ, или, иначе сказать, Порфирій успѣвалъ спрятаться въ уголъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ушелъ, дома его нѣтъ!—отвѣчала жена.

— Погоди, приди онъ, такъ я ему задамъ выволочку!—грозилъ портной, и если жена очень сильно рѣшалась возражать, то мужъ пробовалъ вспомнить былые годы и побить ее.

— Мамка, отецъ за меня тебя колотитъ,—говорилъ сынъ на слѣдующій день, сидя снова съ матерью у огня. — Я прятаться отъ него не буду...

— Нѣтъ, это онъ не за тебя дерется,—отвѣчала мать.

— А за что же?

— Такъ, Порфирушка, пьетъ онъ...

— А съ чего онъ пьетъ, мамка?

— Христосъ его знаетъ,—говорила мать, едва сдерживая слезы.

Знала она, съ чего онъ пьетъ.

Наставало молчаніе; сынъ глядѣлъ въ огонь и о чемъ-то размышлялъ.

— Я не буду пить, какъ большой вырасту! — какъ бы самому себѣ говорилъ сынъ, а можетъ-быть, онъ говорилъ огню, который весело и бойко сверкалъ передъ его глазами, съ трескомъ пожирая смолистыя дрова.

Шли еще годы, сынъ началъ читать,—мать научила его, научила, сидя все у той же печки въ полусумеркахъ зимнихъ вечеровъ. Нерѣдко ребенокъ, разбирая склады, засыпалъ у ея ногъ съ книжкою въ рукахъ, и когда онъ просыпался, то видѣлъ тѣ же потухающія дрова въ печи и ту же мать съ заплаканными глазами и груднымъ младенцемъ на рукахъ.

— Мамка, ты любишь мою сестричку?—спрашивалъ сынъ.

— Люблю, я всѣхъ васъ люблю,—отвѣчала мать.

— А отецъ не всѣхъ любитъ,—задумывался сынъ и протяжно говорилъ, устремляя глаза въ огонь:—меня онъ не любитъ!

— Мамка, хочешь, я въ книжкѣ читать буду?—спрашивалъ онъ, когда научился читать.

— Читай, голубчикъ.

— Ну, слушай!

Начиналось чтеніе какой-нибудь книжки, романа Лажечникова или Загоскина, Нарѣжнаго или Масальскаго,—всего того, что мать могла гдѣ-нибудь достать для любящаго чтеніе сынишки, и эти, то наивныя, какъ дѣти, то чувствительныя, какъ женщины, книги занимали дѣтскій умъ и согрѣвали дѣтское сердце: онѣ были, со всѣми своими странностями и ошибками, и добрѣе и умнѣе людей, окружавшихъ ребенка.

— Кто же это, мамка, французы? Нехристи они, что ли?—спрашивалъ сынишка, встрѣтивъ въ книгѣ разсказъ о нашествіи французовъ на Россію.

— Должно-быть, нехристи.

— А за что они нашихъ бьютъ?

— Такъ, Порфирушка... Объяснить-то я тебѣ ничего не умѣю.

Порфирій устремлялъ глаза въ печку и думалъ, искалъ объясненій для своихъ вопросовъ, обѣщалъ матери научить и ее всему, чему выучится самъ. Вопросы становились, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ сложнѣе и сложнѣе. Рядомъ съ этими вопросами шло развитіе ребенка въ практическомъ

отношенія. Родился ли у него братишка или сестренка, Порфирій сновалъ по комнатѣ, услуживалъ, бѣгалъ за священникомъ. Умиралъ ли кто-нибудь изъ дѣтей, Порфирій зналъ, что будетъ стоить гробъ, панихида, могила. Приходилъ ли отецъ изъ мѣщанской или ремесленной управы, Порфирій зналъ, на что будетъ злиться отецъ и кого ругать будетъ. Отецъ началъ понемногу входить въ подряды при помощи протекціи женниной барыни; Порфирій и тутъ зналъ, какое сукно поставитъ отецъ, кого угощать будетъ, кому деньгами ротъ заткнетъ. Пріемъ новаго мальчишки въ ученье заставлялъ Порфирія предугадывать всю судьбу этого мальчугана, и жаль ему было отца и мать этого ребенка, когда они кланялись и просили его отца, Присухина, поберечь ихъ дитятко ненаглядное. И чѣмъ тяжелѣе становились сцены семейной жизни, тѣмъ сильнѣе тянуло Порфирія къ книжкѣ или за порогъ квартиры къ бабкамъ. Мы видѣли его управлявшимъ лодкою на Фонтанкѣ; мы могли бы увидѣть его въ кулачномъ бою на дворѣ. Мы слышали, какъ онъ успокоилъ однажды отца, заступаясь за мать,—мы могли бы подслушать, какъ онъ говорилъ отцу:

— За меня крестный отецъ въ гимназію платитъ, ты меня не попрекай.

— Кто тебя, баринъ, попрекаетъ; ты въ генералы выйдешь, а мы порадуемся,—насмѣшливо отвѣчалъ портной и кланялся сыну.—И насъ, грѣшныхъ, можетъ-быть, не позабудешь, накормишь подъ старость за то, что мы тебя въ малолѣтствѣ кормили.

Мы могли бы увидать въ эти минуты на лицѣ Порфирія краску стыда и негодованія. Онъ былъ изъ тѣхъ натуръ, которымъ нужны прямые отвѣты на прямые вопросы, открытый бой съ незамаскированнымъ врагомъ. Эти натуры могутъ дѣлать дѣло, могутъ бороться, могутъ успѣвать во всемъ; но онѣ испортятъ всякое дѣло, если съ ними будутъ хитрить; онѣ вспыхнутъ, какъ порохъ, и сожгутъ весь запасъ своей силы въ то время, какъ врагъ будетъ медленно и тайно подводить свои мины, разставлять сѣти. Передъ Порфиріемъ стоялъ теперь человѣкъ, котораго онъ никакъ не могъ назвать своимъ другомъ, потому что помнилъ его тайныя колотушки, и не могъ считать его врагомъ, потому что этотъ человѣкъ наклонялъ передъ нимъ голову, отвѣчалъ на его дерзости кротостью и только изрѣдка въ этой кротости слышался звукъ насмѣшливости и презрѣнья. Порфирій не зналъ, какъ держать себя съ этимъ

человѣкомъ, выходилъ изъ себя въ столкновеніяхъ съ нимъ, встрѣчалъ въ отвѣтъ на свои вспышки спокойные отвѣты и краснѣлъ, терялся, внутренно ругая себя.

Въ гимназіи Порфирій отличался своею откровенностью, быстрымъ соображеніемъ, бойкостью, но считался не очень прилежнымъ ученикомъ и засиживался въ классахъ по два года. Лѣнтяй—это названіе часто прилагалось бы къ нему, если бы его горячая натура могла быть заподозрѣна въ сонливости, всегда сопровождающей настоящую лѣность. Его прозвали вѣтромъ, огнемъ, вспышкою. Но почему же онъ лѣнился? Начнетъ онъ уроки учить, а отецъ въ это время треснетъ кого-нибудь изъ своихъ учениковъ, тотъ разревется,—глядишь, Порфирій покраснѣетъ, заткнетъ уши, броситъ книгу и бѣжитъ во дворъ. Тамъ игра, смѣхъ, его приглашаютъ въ бабки играть,—заиграется онъ, а вечеръ идетъ къ концу.

— Что ты, Порфирушка, все бѣгаешь, не учишься?—упрекнетъ его мать.

— Не могу я учиться, когда въ домѣ стонъ стоитъ. Чего отецъ-то зря мальчишекъ забиваетъ?—отвѣчаетъ Порфирій.

— Да ты вниманья не обращай на это,—совѣтуетъ мать.

— А ты, мамка, зачѣмъ по вечерамъ плачешь? Нешто не отъ того тебѣ горько, что въ домѣ у насъ Содомъ? Нешто не оттого ты вонъ то во щи соль забудешь положить, то въ комодъ вмѣсто шкапа чашки ставишь.

Мать вздыхаетъ.

— Посмотрѣлъ бы я, много ли бы ты научилась, если бъ тебя на мое мѣсто засадить,—говорилъ сынъ.

— Умный ты, на все у тебя отвѣтъ найдется,—усмѣхается и въ то же время вздыхаетъ мать.—А учиться надо, голубчикъ, надо.

— Самъ я это знаю!

Воскресный вечеръ приходитъ, и снова мать съ сыномъ сидятъ у огня, сынъ снова читаетъ ей книги и говоритъ съ нею, но теперь онъ учитъ ее: онъ передаетъ ей слышанное отъ учителей, разсказываетъ, за что били насъ французы, и мать чутко слушаетъ; ей становится веселѣе, и у нея является какая-то бодрость, та бодрость, которая дѣлала ее прекрасною въ дѣвическіе годы. Иногда разговоры смолкнутъ, мать и сынъ задумчиво глядятъ на огонь, и носятся въ ихъ головахъ какія-то свѣтлыя думы.

— Теперь я счастлива,—задумчиво шепчетъ мать.—Учись, голубчикъ, меня учи...

Сынъ удивленными глазами смотритъ на мать; онъ еще и не сознавалъ, что онъ учитъ ее, а она уже поняла это и увлекалась мыслью, что и она будетъ что-нибудь знать.

— Помнишь, сколько ты за меня отъ отца терпѣла?— спрашиваетъ сынъ нѣжнымъ голосомъ, вспоминая, какъ мать защищала его.

— Богъ съ нимъ, со старымъ житьемъ!—произноситъ мать и проводитъ рукой по волосамъ сына, а тутъ бѣжитъ кто-нибудь изъ младшихъ ребятишекъ и кричитъ:

— Мама, мама, мнѣ игрушку подалили!

Ночь наступаетъ мирно...

Шелъ Порфирію семнадцатый годъ. Въ это время портной, уже перенесшій мастерскую изъ маленькой квартиры въ большую, задумалъ открыть еще бо̀льшую мастерскую и прихватилъ третью квартиру. Денегъ у него скопилось не мало, подряды вывезли его на хорошую дорогу. Мало и рѣдко онъ пилъ, теперь онъ называлъ питье желаньемъ «побаловаться», но оно уже не было необходимостью забыться отъ горя. Жену онъ уже не билъ, рѣдко билъ и мальчишекъ, хотя иногда и давалъ имъ мимоходомъ тумака. Фигура его сдѣлалась степенною; глаза, горѣвшіе прежде лихорадочнымъ блескомъ отъ страсти, отъ недовольства жизнью, отъ гнѣва, стали спокойнѣе, холоднѣе, лукавѣе, и зорко высматривали человѣка. Низко гнулась его спина передъ всѣми, кто стоялъ выше его или кого можно было провести. Холодно выпрямлялся онъ передъ просителемъ, передъ должникомъ, и на всѣ мольбы сухо отвѣчалъ:

— Всѣмъ ѣсть хочется!

«Изъ прошенья шубы не сошьешь», «слезами сытъ не будешь», «всѣхъ покойниковъ не оплачешь», «не побожишься—не продашь», и тому подобныя фразы пошли въ ходъ, и говорились онѣ съ добродушно-лукавою улыбкою. Теперь «большой домъ» въ лицѣ своихъ жильцовъ кланялся въ поясъ Александру Ивановичу; теперь «большой домъ» боялся говорить дурно объ Александрѣ Ивановичѣ; теперь Александръ Ивановичъ глядѣлъ съ презрѣньемъ на «большой домъ» и словно вызывалъ его на бой: «ну, говори, что̀ ты про меня, подлецъ, знаешь?» Въ это время умерла барыня Глаши, а молодой баринъ отказался платить за Порфирія въ гимназію. Приходилось окончить годъ ученья и выйти изъ пятаго класса. Порфирій сталъ просить отца платить за него въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ.

— Видно, и кошкѣ поклонишься иногда въ ножки, — усмѣхнулся отецъ.—Нѣтъ, братъ, довольно учености набираться, умъ за разумъ зайдетъ. Посмотри-ка на нашихъ ученыхъ купчиковъ, все пьяницы; что отцы нажили, то они прожили. Сволочь!.. Теперь ты можешь у меня дѣломъ заняться, а мнѣ другихъ дѣтей грамотѣ обучить надо.

— Я буду ихъ учить, только платите за меня,—просилъ Порфирій.—Я все готовъ дѣлать.

— Смѣшной ты человѣкъ! Много ли времени будетъ у тебя оставаться отъ ученья на дѣло и за что же я тратиться буду?

— Да вѣдь я же буду учить дѣтей, книги вамъ вести...

— Ну, эти дѣла и за харчи всякій согласится вести,— усмѣхнулся отецъ.—Махни я рукой, такъ студентишки-оборванцы сотнями набѣгутъ. Ѣсть-то и имъ, чай, хочется. А ты, баринъ, больно дорого свой трудъ цѣнишь... Тебя, пожалуй, и одѣвать надо?

Началась одна изъ страшныхъ, скорбныхъ сценъ. Поднялась грязь упрековъ, воспоминаній, обличеній и брани. Насмѣшки отца и ѣдкія фразы юноши-сына слились въ одинъ какой-то адски-мучительный и безобразный по своей безчеловѣчности хоръ.

— Такъ живите же вы один со своими деньгами; я найду гдѣ-нибудь кусокъ хлѣба,—воскликнулъ сынъ.

— Не видалъ я что-то, чтобы хлѣбъ на улицахъ валялся, а впрочемъ, поищи, баринъ, можетъ, ты и счастливый,—усмѣхнулся отецъ.

— Да ты лучше избилъ бы меня, чѣмъ издѣваться надо мною!—вырвался стонъ изъ груди сына.

Глаза отца сверкнули на мигъ и потухли снова.

— Зачѣмъ бить, Порфирій; вольному воля, спасенному рай... Хочешь особнякомъ жить—живи; придешь ко мнѣ— милости просимъ... Ты вотъ теперь все кулаки сжималъ, а ты кулакомъ стѣны не прошибешь, ты проси; знаешь: просите и дастся вамъ!

— Онъ и просилъ тебя, Александръ Ивановичъ,—послышался неожиданно женскій голосъ.—Только если кулакомъ стѣны не прошибешь, такъ и просьбой не много изъ нея сдѣлаешь... Стыдно тебѣ, да и грѣхъ...

Упрекъ былъ произнесенъ ровнымъ, тихимъ голосомъ, но Александръ Ивановичъ поблѣднѣлъ.

— Сынъ горячъ, но тебя не ударитъ,—продолжала жена

все тѣмъ же тономъ.—А вѣдь ты, когда горячъ былъ, такъ ты людей въ гробъ заколачи...

— Полно, Глафира Николаевна, что̀ про старое говорить,—торопливо перебилъ Александръ Ивановичъ. Его, точно коленое желѣзо, жгли простыя слова жены и ея убійственно спокойный тонъ.—Я не могу заплатить за него, потому что другихъ дѣтей обучать надо. Или тебѣ эти не милы, только онъ милъ?

— Ты вѣдь и не думаешь этого,—просто отвѣтила жена.

Мужъ отвернулся. Порфирій вышелъ изъ комнаты, махнувъ рукою. Порфирій пошелъ къ инспектору гимназіи спросить, не можетъ ли тотъ доставить ему уроковъ. Инспекторъ любилъ Приснухина, но помочь ему не могъ: уроковъ не было на примѣтѣ. Инспекторъ обѣщалъ доставить ихъ своему любимцу зимою, а теперь предложилъ написать письмо къ его отцу и усовѣстить врага.

— Нѣтъ, не пишите; онъ только осмѣетъ васъ,—отвѣтилъ Порфирій.

— Какъ осмѣетъ?—изумился инспекторъ.

— Да такъ; скажетъ, что на чужія деньги у всѣхъ глаза горятъ, что въ чужомъ карманѣ всѣ считать умѣютъ.

Инспекторъ задумался и обѣщалъ хлопотать, чтобы Порфирія по бѣдности избавили отъ взноса платы. Возвращаясь домой, Порфирій встрѣтился съ отставнымъ дьячкомъ-читальщикомъ, читавшимъ псалтырь и надъ тѣломъ Семена Мартыновича. Юношу озарила какая-то мысль.

— А что, взяли бы вы меня къ себѣ, если бы я сталъ пѣть въ хорѣ вашего сына или читать съ вами по покойникамъ?—спросилъ онъ.

— Отчего не взять,—отвѣтилъ дьячокъ.—Сходи, поговори съ Васькой.

Порфирій пошелъ къ Васькѣ, къ сыну дьячка, регенту пѣвчихъ, нанимавшихся къ кому угодно на свадьбы и на похороны и пѣвшихъ въ одной изъ ближайшихъ отъ «больного» дома церквей. Квартира регента Богословскаго находилась на чердакѣ. Тамъ Порфирій засталъ юнаго хозяина, какую-то отвратительную женщину и водку; въ углу, свернувшись клубкомъ, спалъ на дырявой шинелишкѣ одинъ изъ маленькихъ пѣвчихъ и изрѣдка почесывался, вѣроятно, обороняясь отъ клоповъ. Регентъ былъ полупьянъ. Объясняться было почти невозможно, но надежда на принятіе въ число пѣвчихъ была, такъ какъ хозяинъ радушно предложилъ гостю водки и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Поступай-ка, братъ, къ намъ въ хоръ. Ты вѣдь лихо поешь!

Женщина отъ чего-то захихикала. Порфирію стало гадко, а въ головѣ, между тѣмъ, промелькнула мысль: авось, привыкну! Поздно вечеромъ вернулся онъ домой и легъ спать. На слѣдующій день,—это было воскресенье,—онъ снова видѣлся съ Богословскими и пошелъ посмотрѣть на бывшую въ домѣ покойницу, словно желая убѣдиться, можетъ ли онъ сдѣлаться читальщикомъ. Покойница эта была Скрипицына. Здѣсь онъ встрѣтилъ Варю, разговаривавшую съ нѣмкою. Порфирій вспомнилъ встрѣченную имъ вчера у Богословскаго женщину и не удержался отъ вмѣшательства въ дѣло, отвелъ Варю отъ нѣмки. Этимъ онъ возобновилъ или, лучше сказать, началъ знакомство съ Варею, такъ какъ они почти забыли другъ друга въ послѣдніе два года. Оба они изъ дѣтей превратились въ молодыхъ людей: она сдѣлалась дѣвушкою, готовою идти хоть подъ вѣнецъ, у него пробивался тонкій пухъ надъ верхней губой. Изъ квартиры Скрипицыной онъ пробрался домой въ свою каморку и сталъ связывать нѣкоторыя изъ своихъ вещей. Мысль объ оставленіи родного гнѣзда не покидала его. Юность, самонадѣянность, чуткость къ обидамъ,—все вмѣстѣ толкало его отсюда, а вѣра въ свои еще неиспытанныя, но свѣжія силы обольщала надеждой на будущее, на возможность бороться съ судьбой. Но куда идти? Все чужія, незнакомыя, непривѣтливыя лица. У Богословскихъ грязь... Что-жъ, что грязь? Надо испытать, перенести все. Узелокъ былъ связанъ. Порфирій осмотрѣлъ свою каморку и вздохнулъ. Тутъ пережилось не одно горе, были и счастливые часы... Вотъ на стѣнѣ, надъ постелью, выцарапанъ какой-то стишокъ, сочиненный въ день рожденія матери самимъ Порфиріемъ въ подраженіе Кольцову; вотъ комодъ съ замыкающимися ящиками, подаренный тоже матерью, здѣсь прятались отъ меньшихъ братьевъ и сестеръ любимыя книги, картинки, купленныя на деньги матери, и все это связано съ ея именемъ, съ ея любовью. И вдругъ бросить ее, бросить въ воскресный вечеръ, когда она, вѣрно, сидитъ у огня и ждетъ сына! Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Порфирій бросился въ комнату, гдѣ обыкновенно сидѣла мать, и, отворивъ двери, остановился на порогѣ. Мать, спокойная, кроткая, сидѣла у огня; у ея ногъ играло двое дѣтей, третій ребенокъ спалъ на колѣняхъ.

— А я все тебя поджидала,—проговорила она, не ново-

рачивая головы и узнавъ сына по походкѣ.—Я придумала, какъ устроить дѣло. Все пойдетъ хорошо.

Порфирій съ поникшей головой и опущенными глазами приблизился къ ней и остановился передъ нею, спиной къ огню, такъ что она почти не могла разсмотрѣть его лица.

— У меня есть деньги,—продолжала она.—Я ихъ копила для всѣхъ васъ. Теперь я пущу ихъ въ оборотъ, открою магазинъ, стану платья шить на заказъ. Ты будешь жить и учиться на мои деньги. Вѣдь тебѣ тяжело оставить гимназію?

— Я бы и не оставилъ ее! Никогда, никогда не оставилъ бы!—вырвалось восклицаніе у сына.

— Такъ ты, вѣрно, тоже придумалъ что-нибудь,—просто замѣтила мать.—Скажи, что? Можетъ-быть, по-твоему удобнѣе сдѣлать...

Сынъ еще ниже опустилъ голову и молчалъ.

— Что же, голубчикъ?—подняла мать на сына свои глаза.

— Матушка, я уйти хотѣлъ,—опустился онъ на колѣни передъ нею и положилъ свою голову около спавшаго на ея рукахъ ребенка.

— Дитя, дитя!—проговорила мать, и въ ея глазахъ сверкнула слеза.

Наступило продолжительное молчаніе.

— А еще меня училъ,—улыбалась черезъ нѣсколько минутъ мать.—Хорошъ учитель, бѣжать хотѣлъ! Кто же бы съ ученицей-то остался? Что̀ бы она стала безъ тебя дѣлать?..

— Нечему мнѣ тебя учить,—прошепталъ сынъ, все еще не отнимая головы отъ колѣней матери.

Воскресный вечеръ шелъ къ концу. Мать и сынъ вели серьезные разговоры. Они впервые сознавали, что они, словно по ошибкѣ, заброшены въ этотъ домъ; что она не похожа на жену, а онъ не похожъ на сына портного; что они стоятъ выше; что ихъ подняло что-то надъ этой сферой самодурства, пьянства, торгашества, черствой мѣщанской морали и мѣщанскихъ наслажденій. Они поняли, что они стоятъ не въ отношеніяхъ матери и сына, но въ отношеніяхъ брата и сестры, испытавшихъ одно и то же общее горе, общія притѣсненія и общія радости. Они были вполнѣ счастливы и даже не подозрѣвали, что это счастье будетъ смѣшно людямъ, что оно погибнетъ или, по крайней мѣрѣ, его будутъ стараться губить люди въ чаду своихъ глубокихъ соображеній. Вечеръ кончился. Порфирій вошелъ

въ свою каморку и осмотрѣлся, какъ будто онъ вернулся сюда послѣ десятилѣтняго отсутствія, и каждая вещь здѣсь казалась ему теперь еще милѣе, еще дороже, чѣмъ прежде; онъ впервые понялъ, что значитъ родное гнѣздо.

На слѣдующій день онъ зашелъ къ Ардальону.

— Вонъ ты съ Варькой всякій день раскланивался въ окно,—сказалъ онъ пріятелю:—а что бы теперь пройти къ ней, да помочь ей. Ее вонъ нѣмка къ себѣ жить сманиваетъ.

— Какая нѣмка?—спросилъ Ардальонъ.

Порфирій началъ разсказывать. Ардальонъ ничего не понималъ.

— Эхъ ты, младенчество горемычное,—промолвилъ Порфирій.

Ему щемило сердце за участь Вари; онъ думалъ, что ей такъ же горько покидать квартиру Скрипицыной, какъ было трудно ему покинуть свой уголъ. Онъ не зналъ, что у Вари не было родного гнѣзда, родныхъ сердцу воспоминаній, связанныхъ съ какими-нибудь вещами, не понималъ, что она равно холодно смотрѣла на всѣхъ и готова была идти за первымъ встрѣчнымъ, если онъ возьметъ ее съ собою.

Черезъ нѣсколько времени на стѣнѣ «большого дома» появилась пятнадцатая вывѣска съ надписью: «Моды и Платья, Modes et Robes»; вывѣска жалась къ вывѣскѣ портного, но нарисованная на ней рука указывала на отдѣльную дверь, не имѣвшую, повидимому, ничего общаго съ мастерской портного; почти въ то же время въ ленныхъ владѣніяхъ Порфирій встрѣтился съ новыми жильцами, можетъ-быть, немного знакомыми и намъ.

VII.

Трезоръ пробуетъ осчастливить людей и терпитъ за это непріятности.

Читатель видѣлъ, что Варѣ предстояла почти неизбѣжная гибель, но въ то же время онъ могъ угадать, что кто-нибудь непремѣнно долженъ спасти бѣдную дѣвочку, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, разсказъ долженъ бы былъ кончиться въ самомъ началѣ. Читатель, можетъ-быть, даже угадалъ и то, кто спасетъ Варю: онъ уже успѣлъ познакомиться съ ея Трезоромъ, съ жиденькой гувернанткой. Дѣйствительно, Ольга Васильевна Суздальцева рѣшилась спасти Варю. Но какъ? Вотъ вопросъ, долго мучившій бѣдную дѣвушку. Сначала она начала строить различные

планы, доказывавшіе вполнѣ, что у нея очень сильно развито воображеніе и что она довольно своеобразно понимаетъ дѣйствительную жизнь. Если бы мы сказали, что она представляла себѣ пріѣхавшаго изъ-за границы наслѣднаго принца, что она представляла его влюбившимся въ Варю, что она представляла его бракосочетаніе съ Варей, сопровождаемое торжествомъ и ликованіемъ всего «большого дома», то все это было бы не очень далеко отъ истины и уступало бы только немного въ яркости колорита, такъ какъ у насъ въ воображеніи не могло бы найтись столь яркихъ красокъ, какія были въ воображеніи Ольги Васильевны. Но изъ подобныхъ соображеній ничего не выходило, несмотря на сладкія улыбки, вызванныя ими на лицо бѣдной, доброй, простенькой дѣвушки. Долго тѣшилась этими соображеніями Суздальцева, называя мысленно Варю «Сандрильоной» и представляя ея шествованіе къ вѣнцу; наконецъ, насталъ день, когда нужно было очистить квартиру Скрипицыной. Ольга Васильевна неожиданно, даже для себя самой, сказала Варѣ:

— Сходимъ, Варя, къ Авдотьѣ Игнатьевнѣ, не уступитъ ли она намъ комнату твоего отца.

— Сходимте, Ольга Васильевна,—отвѣтила Варя.—Но чѣмъ же мы будемъ жить?

— Полно, полно, милочка! Что̀ тебѣ объ этихъ мелочахъ заботиться. Объ этомъ и думать не сто̀итъ!

Къ вечеру слѣдующаго дня Ольга Васильевна и Варя перебрались къ Авдотьѣ Игнатьевнѣ въ ленныя владѣнія. Это былъ первый «поступокъ» Ольги Васильевны. Вторымъ «поступкомъ» было то, что она рѣшилась давать частные уроки, чтобы существовать съ своей любимицей; третьимъ «поступкомъ» были ея занятія съ Варей «всѣми предметами науки», цѣлью этихъ занятій былъ университетскій экзаменъ, который Варя должна была когда-нибудь выдержать. Послѣ этихъ «поступковъ» Ольга Васильевна снова предалась своимъ соображеніямъ и снова мечтала о наслѣдномъ принцѣ или, по крайней мѣрѣ, о графѣ, предлагающемъ руку и сердце милой Сандрильонѣ, и стала совершенно спокойна, видя, какая блестящая будущность ждетъ ихъ всѣхъ впереди.

— Тяжело вамъ, голубчикъ, трудиться,—говорила ей Варя.

— Полно,—отвѣчала Ольга Васильевна съ сладкой и немного плутоватой улыбкой.—Все это мелочи, все это

пройдетъ. Мы теперь, какъ солдаты, на бивуакахъ живемъ. Нельзя же безъ этихъ маленькихъ непріятностей прожить. А вотъ ты подожди, что̀ будетъ-то... Хорошо будемъ мы жить!..

Варя вѣрила.

— Иногда вы мнѣ кажетесь той волшебницей, которая однимъ движеніемъ руки обращаетъ тыкву въ богатую карету,—говорила Варя.

— А знаешь, Варя, это самое мнѣ снилось вчера во снѣ; даже Акулину Елизаровну и ту я сдѣлала такою счастливою, счастливою,—улыбалась жиденькая гувернантка.

Нечего говорить, какъ обрадовалась Игнатьевна новымъ жильцамъ, какъ она выгнала съ позоромъ и свойственнымъ ей озлобленіемъ изъ комнаты Семена Мартыновича худо платившую за помѣщеніе жилицу, какъ маіорская дочь говорила выѣзжающей жилицѣ, что «ужъ, конечно, пріятнѣе жить съ образованными людьми, чѣмъ съ какой-нибудь мѣщанкой», а Акулина Елизаровна, какъ только взглянула на Ольгу Васильевну, такъ тотчасъ же и прослезилась и прошептала: «Награди ее, Господи, за благодѣянія!» Все это было въ порядкѣ вещей и объясненій тутъ не нужно. Началась новая жизнь въ феодальномъ государствѣ. Съ утра до вечера шли тамъ разговоры о предшествовавшихъ событіяхъ, разсужденія о будущемъ, въ комнатѣ капитанши сталъ чаще появляться Ардальонъ, прежде проводившій многіе часы у товарищей; въ комнатѣ маіорской дочери чаще раздавались французскія слова въ родѣ «драпиры» и даже если подавались хорошія булки, то маіорская дочь громогласно объявляла, что онѣ настоящій «при-фиксъ». Гувернантка очень уставала отъ бѣготни на уроки, но ни разу не явилась она домой съ угрюмымъ лицомъ и при входѣ въ феодальныя владѣнія уже въ первой комнатѣ на ея губахъ появлялась ея добродушная улыбка, потому что изъ третьей комнаты уже слышался тихо напѣвающій какую-нибудь пѣсню голосокъ Вари, и молодое существо, заслышавъ скрипъ двери, бѣжало навстрѣчу къ своему вѣрному другу-Трезору.

— Не смѣйте, не смѣйте сами шляпки снимать, я васъ раздѣну,—суетилась Варя около Трезора, развязывая ленты шляпки.—Вотъ такъ, садитесь, я все уберу.

— Да я не устала,—говорила съ улыбкой Ольга Васильевна.

— Устали! Устали!—кричала Варя, усаживая Ольгу Ва-

сильевну, прибирая ея вещи и поминутно выбѣгая въ кухню, чтобы поторопить Игнатьевну, приготовлявшую чай. Молоденькая хозяйка то забывала подать себѣ чашку, то наливала сливокъ вмѣсто чаю, то вмѣсто сахару клала сухари, начинался хохотъ, звонъ серебристаго молодого голоса проносился черезъ всѣ ленныя владѣнія, и ихъ обитательницы оживлялись, смѣялись, говорили: «Ай-да молодая хозяйка, хорошо хозяйничаетъ!» А Варя иногда звала ихъ, по желанію Ольги Васильевны, къ себѣ и тоже поила чаемъ. Шли безконечные разговоры, совѣщанія, признанія, и вечеръ летѣлъ быстро.

— Да вотъ скоро мнѣ безъ Ардальоши придется жить, выйдетъ онъ черезъ годъ изъ емназіи, студентомъ будетъ, разъѣдемся,—жалобно говорила Акулина Елизаровна.

— Отчего же вамъ и тогда не жить вмѣстѣ?—удивлялась Ольга Васильевна.

— Гдѣ мнѣ, вѣдь я неблагородная! Товарищамъ неловко будетъ къ нему ходить.

— Да почему вы считаете себя неблагородною, вѣдь вы капитана жена?

— Да-съ, это точно, что мой мужъ капитанъ былъ, царство ему небесное, а я-то неблагородная... Ужъ и какъ это я замужъ-то за него, моего голубчика, вышла,—сама по сію пору не знаю!—предавалась грустнымъ воспоминаніямъ капитанша.—Жили мы это съ покойницей-матушкой въ бѣдности, семья была большая, дѣти малъ-мала-меньше, вотъ я однажды по мѣщанству да по бѣдности и мою полы,—вдругъ дверь настежь, гляжу—офицеръ въ дверяхъ. Молода я была, платьишко подобрано, прости Господи, мочалка въ рукахъ,—покраснѣла я. Оно, знаете, трудиться Богъ велѣлъ, а вотъ покраснѣла-таки тогда, грѣшница! «Кого вамъ?» спрашиваю офицера.—«Не здѣсь ли, говоритъ, Мухраковы живутъ?»—«Здѣсь», отвѣтила я-то.—«А вы, вѣрно, Акулина Елизаровна?» спрашиваетъ онъ. — «Да-съ,» отвѣчаю я, да платьишко обдергиваю.—«Ничего, ничего, говоритъ, не стыдитесь, трудиться не стыдно... Я это, знаете, только потому зашелъ, что вы мнѣ понравились. Хотите выйти за меня замужъ?»—Какъ онъ сказалъ это, я такъ и залилась слезами, представилось мнѣ, что онъ шутитъ надо мной, а вѣдь что-жъ, если бъ и пошутилъ? не барыня была! Я бѣжать, онъ за мной въ комнату... Помяни его Господи во царствіи Твоемъ!—слезливо произнесла капитанша и утерла набѣжавшую слезу.

— Ну, и что же?—полюбопытствовала Ольга Васильевна.

— Повѣнчались, — въ раздумьи отвѣтила Акулина Елизаровна.

— И счастливо вы жили, любилъ онъ васъ?

— Какъ же-съ, вѣдь онъ благородный былъ... Вотъ теперь тоже и Ардальоша благородный, пошли ему Господи счастья! А я что?—кое-какъ вѣкъ доживу...

— Такъ-то вамъ весь вѣкъ и пришлось трудиться?

— Что-жъ, мое дѣло такое, мнѣ не привыкать, вотъ дай Богъ, чтобы Ардальошѣ-то не пришлось чернаго дѣла дѣлать, онъ не мнѣ чета.

— Ну, авось еще будетъ счастливъ и васъ осчастливитъ, будете въ довольствѣ съ нимъ жить...

— Ни, ни, ни, что вы! Мнѣ ничего не надо! Да я на него изъ-за уголка смотрѣть буду, когда онъ на службу станетъ ходить. Что̀ я срамить его, что ли, буду своимъ холопствомъ? Какая же я послѣ этого мать ему буду?

— На боковую, однако, пора, — говорила Игнатьевна, когда сумерки вечера смѣнялись полумглою лѣтней ночи.— Благодаримъ за угощенье.

— Къ заутрени завтра далъ бы Господь не проспать,— крестилась Акулина Елизаровна.

— Мерси-съ, монъ анжъ,—оканчивала маіорская дочь, и всѣ тихо и мирно расходились по своимъ комнатамъ. Въ ленныхъ владѣніяхъ наступала тишина, носились какіе-нибудь запахи истребленнаго ужина, слышались звуки храпѣнья, присвиста, бой часовъ, и все это стихало все болѣе и болѣе, а въ комнатѣ Семена Мартыновича еще звучалъ едва внятный, полудремотный шопотъ.

— Всѣ онѣ такія добрыя, любятъ насъ,—говорила Ольга Васильевна.—Хорошо намъ жить, Варя. И вотъ говорятъ, что нѣтъ хорошихъ людей... Да ты спишь, голубчикъ? Ну, спи, спи, дитя мое!.. Ди-тя мо-е...—уже сквозь сонъ шептала Ольга Васильевна и тихо засыпала.

Счастье было бы полное, если бы на землѣ, то-есть въ обществѣ, имѣющемъ свои глубокія соображенія, могло быть полное счастіе. Если бы я былъ молодраматическимъ писателемъ, то я сейчасъ бы привелъ въ квартиру Ольги Васильевны какого-нибудь яраго героя, и онъ погубилъ бы счастье моихъ героинь.—«Маниловщина!—воскликнулъ бы онъ, ероша волосы,—плѣсень старосвѣтскихъ помѣщиковъ, духота, животная жизнь и т. д.»—Услышавъ эти страшныя рѣчи, Варя начала бы ненавидѣть животную жизнь и про-

клинать маниловщину; Ольга Васильевна, слыша, что ее причисляютъ къ маниловцамъ, выбросилась бы съ горя въ окно; Варю потрясъ бы этотъ поступокъ, и она тоже выбросилась бы въ окно; маіорская дочь воскликнула бы: «ахъ какой пассажъ!» и упала бы въ обморокъ, читатели послѣдовали бы ея примѣру, и сотни докторовъ получили бы по лишнимъ тремъ рублямъ за визитъ и вмѣстѣ со своими паціентами признали бы мой разсказъ за произведеніе, полное содержанія. Но, къ несчастію, я не мелодраматическій писатель, героевъ въ моемъ разсказѣ нѣтъ, а трагическія исторіи, напоминающія сказку, я оставляю въ полное владѣніе всѣмъ салоннымъ болтунамъ, разносчикамъ новостей, провозвѣстникамъ скандаловъ. Читатель, полагающій, что безъ *такого* содержанія не можетъ быть никакого разсказа, можетъ обратиться къ этимъ господамъ, и они его непремѣнно угѣшатъ разсказомъ—ну, хоть про исторію какой-нибудь Даріи Ивановны или Вѣры Дмитріевны и ихъ мужей,—то будутъ непремѣнно трагическія исторіи, полныя глубокаго содержанія, въ нихъ будутъ играть роль пистолеты, яды, ножи, невѣрность, обмороки, и будетъ отсутствовать только здравый смыслъ, но за такой бездѣлицей не стоитъ и гнаться! Я же вижу въ жизни своего рода смыслъ и занимаюсь именно имъ, потому-то даже самыя скорбныя мѣста въ моей исторіи не будутъ неожиданными и явятся послѣдствіе извѣстныхъ причинъ. Итакъ, непріятности явились къ моимъ дворянскимъ героинямъ не отъ появленія недворянинаго героя, а совершенно съ другой стороны. Черезъ мѣсяцъ послѣ переселенія въ квартиру Игнатьевны двухъ дѣвушекъ къ нимъ явились неожиданныя гостьи. Это была тетушка Ольги Васильевны Дарья Петровна со своими тремя средними дочерьми. У тетушки было ихъ шесть и столько же сыновей; старшей дочери, родившейся во времена мучительныхъ стремленій къ благосостоянію, нянчившей своихъ сестеръ и едва знавшей грамоту, было лѣтъ тридцать пять, младшей дочери, родившейся во время самодовольнаго пользованія плодами долгихъ трудовъ и воспитывавшейся въ институтѣ, было лѣтъ пятнадцать. Тетушка, судя по лѣтамъ ея дѣтей, была не молода, но она была толста, бойка, бодра. Она была не бѣдна, ея мужъ, статскій совѣтникъ Гребешковъ, получалъ значительное жалованье, но она не могла считаться и богатой, потому-что четырнадцати человѣкамъ нужно очень много денегъ, чтобы быть богатымъ, а если эти люди къ тому же не могутъ уже

заниматься работою по своему званію и положенію въ свѣтѣ, то средства должны быть еще больше. Ольга Васильевна въ былое время воспитывала трехъ среднихъ дочерей своей тетушки, разумѣется, даромъ,—она была такъ осчастливлена, такъ осчастливлена предложеніемъ жить у родныхъ, а не наниматься въ чужой домъ, что готова была сама платить за это одолженіе, возможное только со стороны родныхъ, уже выбившихся изъ нужды, уже заботившихся не о хлѣбѣ единомъ, но еще даже и не мечтавшихъ объ институтѣ. Потомъ она постоянно получала приглашенія ѣздить къ добрымъ родственникамъ по праздникамъ и такъ цѣнила эту родственную привязанность, что постоянно возила маленькіе подарочки кузинамъ; правда, у нея у самой нерѣдко бывали худы сапожки, не было перчатокъ, но развѣ можно не дарить такихъ милыхъ, добрыхъ кузинъ; онѣ такъ любили ее! Онѣ, я думаю, даже увѣренъ въ этомъ, и принимали подарочки только для того, чтобы не обидѣть ее, такъ какъ что же значили какія-нибудь трехрублевыя брошки для людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи три, четыре тысячи въ годъ? Появленіе неожиданныхъ гостей напомнило Ольгѣ Васильевнѣ всю ея черную неблагодарность къ нимъ: она въ тревогахъ послѣ смерти Скриницыной ни разу не была у нихъ! Теперь это волновало ее, дремавшая совѣсть проснулась.

— Ахъ, Ольга, куда ты забралась! Мы едва дошли до тебя. Я ужъ думала, что мы заблудились. Ужасный ходъ!— говорила тетушка, цѣлуя Ольгу Васильевну, и въ ту же минуту раздалось еще три звонкихъ поцѣлуя.—Какъ жаль, что мы не могли предложить тебѣ комнату у себя, но ты знаешь, мы сами такъ стѣснены! Теперь дѣти выросли, всѣмъ нужны отдѣльныя комнаты...

— Знаю, знаю, тетя! Я бы и не рѣшилась стѣснять васъ,—сказала Ольга Васильевна, даже и не вспомнившая, что въ квартирѣ тетки было для нея мѣсто, когда кузины еще не выросли и не кончили курса ученья.

— Ты, милочка, нехорошая, недобрая,—лепетала маленькая двадцатилѣтняя кузина Жени, дѣлая такія сердитыя губки, что ихъ непремѣнно хотѣлось расцѣловать.—Ты забыла своихъ маленькихъ кузинъ!

— Да, да, пять воскресеній не была у насъ!—быстро проговорила другая кузина Фани, неожиданно передернувъ и выставивъ изъ-подъ открытаго лифа кругленькія плечики, которыя, казалось, говорили этимъ дѣтскимъ

движеніемъ: а погляди-ка на насъ, ты на насъ только посмотри!

— По-смо-три, какъ хо-рошъ, какъ идетъ ко мнѣ твой браслетъ,—меланхолически произнесла третья кузина Софи, медленно протянувъ свою обворожительную руку и, кажется, этотъ жестъ прямо говорилъ: на колѣни передъ этой рукой!

— Къ тебѣ все идетъ, душка, — поцѣловала Ольга Васильевна кузину Софи.

Она точно такъ же должна была поцѣловать и кузину Фани, кузину Жени, такъ какъ всѣ равно требовали и равно заслужили поцѣлуевъ. Въ сущности, это были не три существа, но одно,—кузина Фани говорила и дѣлала только то, что могла бы сказать и сдѣлать кузина Жени или Софи, и наоборотъ. Вся разница была въ тонѣ, и это объяснялось очень просто: у кузины Жени были хорошенькія губки, и она надувала ихъ и говорила будирующимъ тономъ; у кузины Фани были прелестныя плечики, и она рѣзко передергивала и выставляла ихъ изъ-подъ открытаго лифа, произнося фразы дѣтскимъ тономъ; у кузины Софи была чудная рука, и кузина Софи была меланхолична,—ахъ, какъ хорошо было это задумчивое протягиванье руки впередъ, dahin, dahin! Говоря это, конечно, я смѣю утверждать, что это были сильные, недюжинные характеры и что для измѣненія ихъ нужна была нечеловѣческая сила, такъ какъ губки, плечики и ручки, при всѣхъ постороннихъ вліяніяхъ, оставались попрежнему прекрасными, тогда какъ какой-нибудь будто бы сильный характеръ, сложившійся подъ вліяніемъ постороннихъ обстоятельствъ, измѣняется чрезвычайно легко съ измѣненіемъ этихъ условій жизни, но плечики, губки, ручки,—о, ихъ не уничтожатъ никакіе перевороты, надъ ними сильно одно всемогущее время.

— Полноте, вы совсѣмъ заговорили Ольгу, — вступилась тетушка, слушая лепетъ дочерей.— Ну, что ты думаешь, Ольга, насчетъ мѣста? Я пріѣхала къ тебѣ съ предложеніемъ отъ генерала Семенова...

— Ахъ, душка, душка, онъ въ одномъ домѣ съ нами живетъ, къ намъ будешь каждый день ходить,—вздернула плечики Фани.

— Его ма-лютки про-сто удивленіе!—провела въ воздухѣ рукою Софи.

— Я тебя къ нимъ ревновать буду, — надула губки Жени.

— Нѣтъ, тетя, благодарю васъ, но я...—смѣшалась Ольга Васильевна, точно ее поймали въ какой-нибудь страшной шалости.

— Браво! браво! Ты, вѣрно, нашла мѣсто? Я знала, что кузина не будетъ безъ мѣста, — весело передернулись шаловливыя плечики.—А вотъ Фани со мною спорила, что ты не найдешь мѣста до моего рожденія и что я останусь безъ маленькаго cadeau! Браво! браво!

— Ахъ, перестань!—перебила тетушка.—Егоза! У васъ все глупости на умѣ. Настоящія вы дѣти!

— Ничего, ничего, тетушка! Фани такъ наивна,—вступилась Ольга Васильевна, не зная, что̀ говорить насчетъ своего положенія, и радуясь, что разговоръ можетъ принять другое направленіе.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо говорить о дѣлѣ,—настаивала тетка. Ты ихъ избаловала. Онѣ только и толкуютъ о твоихъ cadeaux. Соня до сихъ поръ носилась съ твоимъ портмонэ, но—вообрази ея несчастіе,—у нея его вытащили третьяго дня у обѣдни; бѣдная чуть не захворала. Вотъ грѣховодники-то, гдѣ воруютъ,—въ храмѣ Божіемъ! А вѣдь ты знаешь, что я не могу дѣтей баловать, мнѣ невозможно покупать имъ эти мелочи.

— Бѣдная кузина!—воскликнула Ольга Васильевна.

— Да, и у меня сломали твою брошку. Стали на балу салопъ снимать и сломали: теперь хотѣла отдать починить, мама говоритъ, что заплатить не можетъ,—надулись просящія поцѣлуевъ губки.

— Я заплачў,—сказала Ольга Васильевна.

— Не надо, не надо, мой другъ! Не балуй ихъ,—строго замѣтила тетка.—Будь бережливѣе, душа моя, не обращай вниманія на ихъ вздохи, — повздыхаютъ и перестанутъ. Нужно же учиться переносить маленькія непріятности...

— Мама вотъ всегда такая!—роптали губки.

— Однако, мы все же не кончили разговора о мѣстѣ,—промолвила тетка.—Итакъ, ты нашла мѣсто?

— Нѣтъ, но я...

— Ну, если ты только надѣешься получить его, то лучше согласиться на предложеніе Семенова; это тѣмъ болѣе пріятное предложеніе, что мы знакомы домами и живемъ рядомъ.

— О, кузина, намъ бу-детъ такъ отра-дно, мы каждый день будемъ видѣться, говорить, мечтать,—томно провела въ воздухѣ рукою «меланхолія».

— Ты меня, можетъ-быть, будешь учить на фортепьяно

играть; я такъ плохо играю, — надулись губки «недовольства».

— Душка, душка, согласись! Я съ тобой буду въ коляскѣ кататься, когда ты поѣдешь съ дѣтьми Семенова!—заговорила безпечное «ребячество».

— Добрыя мои, я не могу согласиться покуда ни на что,—воскликнула Ольга Васильевна.

— Это отчего?—воскликнули разомъ примадонна и хоръ.

— У меня, вотъ видите ли...

Ольга Васильевна смѣшалась; ей на языкъ напрашивалась сотни разъ слышанная отъ Скрипицыной фраза: у меня есть святыя обязанности! И именно потому, что эту фразу затвердила Скрипицына, Ольга Васильевна не могла ее произнести, и ей казались какъ-то неподходящими эти высокія слова къ ея простенькому, доброму дѣлу и къ ея столь же простенькой особѣ.

— Что у тебя?—кричали между тѣмъ примадонна и хоръ.

— Я живу здѣсь съ одной дѣвушкой, съ бывшей пансіонеркой Скрипицыной, и не могу ее оставить.

— А-а'—многозначительно выговорила тетушка, и шепнула:—хорошо она тебѣ платитъ?

— А-а!—протянули кузины и, вытянувъ лица, съ неудовольствіемъ отошли къ окну.

— Это та! —быстро пролепетала на ухо сестрамъ бойкая Фани, косясь на Варю.

— Н-да, э-то она!—вздохнула Софи, опустивъ въ отчаяніи руки.

— Какое же сомнѣніе, это та самая! — надула губки Женни.

Хоръ смолкъ на мгновеніе, исподлобья, издалека оглядывая врага: вдругъ онъ мгновенно отвернулся къ окну и сомкнулся еще ближе въ кружокъ, замѣтивъ *что-то*.

— У нея въ ушахъ Ольгины серьги! — дернуло сестеръ за платья «ребячество».

— А-а! А-а!—протянули сестры.

— Я надѣюсь, что ты, Ольга, все разсчитала и не отталкиваешь отъ себя предложенія по пустому капризу,—сказала тетка.—Мнѣ очень пріятно будетъ видѣть у насъ въ домѣ тебя съ твоей воспитанницей.

— Merci, тетя.

— Нѣтъ, теперь маленькая кузина забудетъ своихъ бѣдныхъ кузинъ, — отозвался хоръ изъ своего добровольнаго изгнанія, и мрачный тонъ этихъ словъ дошелъ до глубины души Ольги Васильевны.

— Нѣтъ, нѣтъ, мои милыя; я васъ не забуду, никогда не забуду! — взволновалась Ольга Васильевна, и ей очень хотѣлось заплакать, но, странное дѣло, она почти не понимала во все это время, что ей говорили, и слезы навертывались на глаза просто отъ какого-то нервнаго раздраженія.

Тетушка и кузины стали собираться домой. Женни оставила свою сломанную брошку и просила отдать ее въ починку.

— Я бы никакъ не отдала ее тебѣ для отдачи въ починку, но ты иначе не пріѣдешь къ намъ, забудешь своихъ кузинъ, а это заставитъ тебя вспомнить о нихъ, пріѣхать къ нимъ,—будировала она.

Кузина Фани очень, очень, совсѣмъ по-дѣтски, залюбовалась платочкомъ Ольги Васильевны, и когда та хотѣла подарить его Фани, то Фани обидѣлась и не хотѣла его брать; Ольга Васильевна настаивала; Фани отговаривалась, вслѣдствіе чего десять разъ повторилось съ каждой стороны:

— Ты меня обижаешь!

Послѣ двадцатаго повторенія этихъ словъ, платочекъ перешелъ въ карманъ Фани, увѣрявшей, что она беретъ его «въ залогъ» затѣмъ, чтобы отдать его Ольгѣ Васильевнѣ при первомъ ихъ свиданіи. Когда гости уѣхали, Ольга Васильевна возвратилась въ комнату, проводивъ ихъ, и сѣла на диванъ. Варя тихо подошла къ ней и положила ей на плечи свои руки; онѣ взглянули другъ на друга и вдругъ обѣ заплакали. О чемъ? Ни та, ни другая не могла дать себѣ отчета, но ихъ грудь давилъ какой-то гнетъ, и слезы, подступавшія подъ самое горло, вылились при первомъ словѣ, а это слово было слѣдующее:

— Слава Богу, уѣхали!

Это восклицаніе вырвалось у обѣихъ дѣвушекъ. Когда волненіе поутихло, Варя взяла книгу и начала читать вслухъ. Ольга Васильевна была этому очень рада; ей, какъ и Варѣ, не хотѣлось въ этотъ день говорить. Вечеромъ, лежа въ постели, Ольга Васильевна долго не могла уснуть: въ ея головѣ вертѣлись мысли, какъ бы объяснить теткѣ всю правду и можно ли утаить отъ нея эту правду теперь, когда Ольга Васильевна не можетъ болѣе носить подарковъ кузинамъ. Будутъ ли эти кузины любить ее, и если нѣтъ, то оставятъ ли ее въ покоѣ, не будутъ ли тиранить совѣтами поступить на выгодное мѣсто и бросить Варю, и возможно ли при этихъ совѣтахъ сохранить спокойствіе и не поссо-

раться съ кузинами и теткой. Читатель же знаетъ, какъ страшно было слово «ссора» для Ольги Васильевны и потому не удивится, что по ея тѣлу пробѣгала дрожь при этихъ соображеніяхъ. Среди этихъ мыслей, она отъ времени до времени взглядывала на спавшую и склонившуюся головкой къ ея плечу Варю и кротко улыбалась сквозь слезы. «Дитя мое, я тебя никогда не оставлю», шептала она, и въ этой простой, нехитрой головкѣ при всѣхъ горькихъ размышленіяхъ, промелькнула тысяча печальныхъ мыслей, но не промелькнуло одной, что ей трудно дѣлать благодѣяніе, не промелькнуло даже слово «благодѣяніе». Только въ то время, когда часы капитанши усиленно прошипѣли и пробили двадцать девять, то-есть въ два часа ночи, уснула Ольга Васильевна, переставшая быть жиденькой гувернанткой и замышлявшая громадные планы того; какъ бы осчастливить всѣхъ окружающихъ ее людей.

VIII.

Варя знакомится съ домашней Аркадіей семейства Гребешковыхъ.

— Варя, завтра тебѣ надо получше одѣться: мы поѣдемъ къ тетушкѣ,—говорила Ольга Васильевна своей воспитанницѣ черезъ недѣлю послѣ визита тетушки и кузинъ.— Посмотри, чисты ли твои нарукавнички и воротничокъ. Тамъ празднуютъ завтра рожденіе кузины Жени; вѣроятно, гости будутъ. Ты подаришь ей и другимъ кузинамъ, какъ будто отъ себя, по парѣ перчатокъ. Я конфетъ имъ везу.

— Для чего же мнѣ дарить? Вы сами отдайте имъ подарки,—отвѣтила Варя.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ будетъ лучше: онѣ любить тебя будутъ. Нужно, чтобы тебя любили.

— Меня и такъ всѣ любятъ.

— Всѣ, всѣ, это я знаю! Но нужно, чтобы и у нихъ тебя любили.

Ольга Васильевна смолкла на минуту въ нерѣшимости и потомъ продолжала:

— Онѣ, знаешь, добрыя, простыя, но... какъ бы это тебѣ сказать?.. знаешь, онѣ привыкли къ подаркамъ... Ну, вѣдь онѣ дѣвушки молодыя, ихъ всѣ дарятъ, вотъ онѣ и привыкли,—совсѣмъ смѣшалась Ольга Васильевна.

— Не нравятся мнѣ онѣ,—покачала головой Варя.

— Вотъ ты какая!—торопливо перебилъ Варю Трезоръ.— Строгая! Нельзя такъ, душа моя, о людяхъ судить. Недо-

статки у всѣхъ есть... Варя, ей-Богу, ей Богу, онѣ добрыя, милыя...

— Сами-то вы, голубчикъ, добры, потому такъ и говорите о нихъ.

— Полно! полно! — зарумянилась Ольга Васильевна и стала торопливо рыться въ комодѣ.

Утромъ на слѣдующій день Варя и ея Трезоръ хлопотливо наряжались въ свои лучшія платья и, наконецъ, отправились въ путь. Варя не безъ робости входила первый разъ въ жизни въ чужой домъ въ качествѣ гостьи; робость должна была быть тѣмъ сильнѣе, что этотъ домъ былъ не изъ простыхъ, не изъ бѣдныхъ, какіе дѣвочка видала до сихъ поръ. Квартира Гребешковыхъ была большая, роскошно убранная, народу въ ней было много; всѣ какъ-то ходили изъ угла въ уголъ, точно впервые любуясь на новую обстановку, точно удивляясь каждой кушеткѣ и каждому креслу. Статскій совѣтникъ Гребешковъ былъ тоже какъ будто въ гостяхъ въ своемъ жилищѣ, какъ и его жена и его дочери. Это былъ маленькій, кругленькій, сальный человѣчекъ съ рысьими глазками. Ходилъ онъ мелкими шажками, быстро передвигая толстенькія, несгибавшіяся ножки, говорилъ тоненькимъ голоскомъ, иногда отпускалъ сальныя остротцы, за что собесѣдники фамильярно похлопывали его по брюшку, а онъ зажмуривалъ, какъ котъ, свои и безъ того узенькіе неглупые глазки. Никто изъ знакомыхъ не зналъ, добрые или злые были эти глазки, такъ быстро они бѣгали, такъ часто сжимались, задергивались влагой, походившей по своему блеску на масло. Толстая, рослая его супруга звала его «папочкой», онъ звалъ ее «мамочкой». Въ должности про него говорили: «малъ золотникъ, да дорогъ». Дочери въ счастливыя минуты, подхвативъ съ надеждой комплиментъ какого-нибудь молодого человѣка, его-зили иногда около «папочки», и папочка, ухвативъ которую-нибудь изъ нихъ своими жирненькими пальчиками за подбородокъ, говаривалъ:

— Замужъ, плутовки, хотите! хе-хе-хе! Погодите, всѣхъ перевѣнчаю, всѣхъ перевѣнчаю!

— Гадкій, гадкій папка!—кричали дѣвицы.

У-у-у! —щурилъ глазки «папочка» и бодалъ двумя крайними пальцами, сложенными въ видѣ роговъ, которую-нибудь изъ дочерей.

Появившись среди этой семейной Аркадіи, Варя расте-

рылась и сунула свой подарокъ первой попавшейся изъ сестрицъ Гребешковыхъ.

— Ольга, это ты научила Варвару Семеновну!—упрекали хоромъ сестрицы Трезора.

— Нѣтъ, милыя мои, я и не знала, ей-Богу, ничего не знала!—лгала Ольга Васильевна.

— Неправда, неправда!—шумѣли кузины.

— Божусь вамъ! Я ей сказала, что сегодня рожденіе Жени,—гляжу, она куда-то скрылась и, вѣрно, въ это время она и купила вамъ... Да что такое она привезла? Я и не знаю! Покажите, пожалуйста, это интересно!—лгала коварная Ольга Васильевна съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, что Варя сочла долгомъ покраснѣть за нее.

— Посмотри, посмотри, перчатки. Всѣмъ по парѣ!—кричали кузины.—Merci, merci, mademoiselle Barbe! Вы позволите называть васъ этимъ дружескимъ именемъ?—обратились кузины къ Варѣ.

— Конечно... Мнѣ очень пріятно... — смѣшалась Варя, изумленная способностью Ольги Васильевны ко лжи и склонностью кузинъ къ дружбѣ.

— Но, душка, зачѣмъ вы тратились, вѣдь вы не такъ богаты,—заегозило мягкосердечное ребячество Фани.

— Не богата, но вѣдь у нея есть же карманныя деньги,—вмѣшалась Ольга Васильевна.

— А-а!—вырвалось восклицаніе у кузинъ.

— Ольга васъ очень любитъ?—допытывалось «ребячество» по секрету у Вари.

— Да, очень... Сестра не могла бы такъ любить,—отвѣчала Варя.

— Душка! душка! у меня будетъ до васъ просьба: попросите Ольгу давать уроки музыки сестрѣ.

— Хорошо.

— Вы думаете, она сдѣлаетъ для васъ это?

— Навѣрное.

— Она для васъ все сдѣлаетъ?

— Все.

— Ангелъ! ангелъ! — засосало Варю «ребячество» поцѣлуями.

— Не сидите у окна, здѣсь очень холодно, простудитесь,—протяжно и нѣжно произнесла «меланхолія», то-есть Софи, обращаясь къ Варѣ, и вздрогнула всѣмъ тѣломъ, чтобы показать, какъ холодно у окна.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила неохотно Варя.

— Нѣ-ѣтъ, нѣтъ, тутъ дуетъ, мой другъ, — отвела Варю «меланхолія».

— Счастливица, какое миленькое колечко у васъ!—замѣтило «недовольство».

— Хотите я вамъ его подарю,—спросила Варя, дерзко взглянувъ на «недовольство».

— Ахъ, что вы!—обидѣлась Жени.

— На память о первомъ днѣ нашей дружбы,—еще болѣе раздражительно настаивала Варя.

— Ну, ты ужъ не можешь отказаться въ этомъ случаѣ!—воскликнуло «ребячество».

— Но... Ольга разсердится на васъ...

— Ольга Васильевна ни за что не сердится на меня.

— Я, право, такъ неловко поступила, — сердилось на себя «недовольство».

— Берите! — презрительно воскликнула Варя и снова, какъ въ былые дни, подумала: — «я лучше ихъ!»

— Что? попалась, попалась? — дразнило «ребячество» сестру Жени.

Жени, молча, съ надутыми губками разсматривала кольцо и думала про Варю, что Варя скверная дѣвчонка.

— Вы видѣли нашихъ братьевъ?—спросили сестры.

— Нѣтъ.

— Дунка, это красавцы! Пойдемте къ нимъ въ комнату, мы вамъ покажемъ ихъ портреты.

— Но какъ же... въ ихъ комнату?—смутилась Варя.

— Ихъ дома нѣтъ, дома нѣтъ, пойдемте!

Всѣ четыре сестры вспорхнули и увлекли Варю въ комнату братьевъ. Началось показыванье портретовъ, чернильницъ, прессъ-папье, книгъ, которыя дѣвушкамъ нельзя читать и которыхъ сестры, по ихъ словамъ, не читали. Толпа бродила по комнатѣ, какъ бродятъ зѣваки по разнымъ выставкамъ. Сестра Жени взяла въ ротъ трубку и вздрогнула отъ своей невинной шалости, прибавивъ съ отвращеніемъ:

— Говорятъ, иныя женщины курятъ! Пфа-а!—потрясла она головой и при этомъ разсыпала себѣ на лицо свои чудныя кудри, что заставило ее отбросить ихъ назадъ быстрымъ движеніемъ руки, и въ эту минуту ея запылавшее лицо сдѣлалось очаровательнымъ.—Это дурныя женщины,—продолжала она въ раздумьи:—падшія...

— Наша хозяйка куритъ! она хорошая,—замѣтила Варя.

— Фи-и!—протянула очаровательная дѣвочка, едва успѣвшая смѣнить коротенькое платьице на длинное.

— Брать!—вдругъ раздался убійственно пугливый крикъ, и Варя увидѣла позади себя какого-то молодого франта. Начались извиненія, рекомендаціи, замѣшательство и бѣгство четырехъ сестеръ, увлекшихъ за собою и Варю.

Къ обѣду пріѣхали еще двѣ дѣвицы со своими матерями, и возвратились изъ должности еще два брата Гребешковы, одѣтые въ одинаковые виц-мундиры, причесанные по одной и той же модной картинкѣ, носившіе совершенно одинаковые галстуки, смѣявшіеся одинакою громкимъ смѣхомъ однѣмъ и тѣмъ же остротамъ. Они и ихъ третій братъ, уже познакомившійся съ Варей, бросали на нее многозначительные взгляды, и всѣ поспѣшили подать ей солонки, когда ей понадобилась соль, и всѣ вдругъ отдернули эти солонки, когда она хотѣла взять изъ нихъ соль.

— Поссоримся!—вдругъ засмѣялись три брата своей выдумкѣ и снова подвинули солонки.

Острота вызвала всеобщій смѣхъ; не смѣялась одна Варя къ великому удивленію всѣхъ. Эта острота дала, между прочимъ, поводъ проговорить до конца обѣда сперва о томъ, что слѣдуетъ ли бояться ссоры при передачѣ соли, а потомъ о предразсудкахъ вообще, и бывали ли примѣры, оправдывающіе существованіе этихъ предразсудковъ. Кончился обѣдъ разсказомъ барыни о страшномъ, страшномъ привидѣніи, подошедшемъ къ ея постели и ужасно сопѣвшемъ въ темнотѣ; всѣ испугались, у всѣхъ захватило духъ,—наконецъ, барыня объявила, что это ея лакей напился пьянъ и забрелъ въ ея спальню... Всѣ вздохнули свободнѣе, а одна изъ самыхъ невинныхъ дѣвицъ потупила глазки.

— А гдѣ же кузина Даша?—спросила Ольга Васильевна во время десерта и тотчасъ же покраснѣла за себя, чувствуя, что она сдѣлала непростительную глупость. Гости посмотрѣли на Ольгу Васильевну съ такимъ изумленіемъ, какъ будто она спросила объ отсутствіи какого-то миѳическаго существа.

— Нездорова,—небрежно отвѣтила тетушка и спросила у Ольги Васильевны, давно ли она сшила себѣ это миленькое платье, надѣтое на ней.

Кузины торопливо завязали разговоръ съ Варей о томъ, что съ военными ловчѣе танцовать, чѣмъ со статскими, и вопросъ о миѳической кузинѣ Дашѣ исчезъ безслѣдно среди этихъ болѣе достойныхъ вниманія жизненныхъ вопросовъ.

Послѣ обѣда, одной изъ дѣвицъ, бывшихъ въ гостяхъ у Гре-

бешковыхъ, понадобилось поправить что-то изъ ея туалета, и всѣ дѣвицы отправились въ комнату сестеръ Гребешковыхъ. Вообще, эта толпа юныхъ грацій цѣлый день порхала съ мѣста на мѣсто и представляла что-то подобное перелетнымъ птицамъ. Въ святилищѣ дѣвической спальни начались новыя показыванья разныхъ нарядовъ, зазвучали разныя жалобы и выраженія разныхъ тайныхъ желаній и надеждъ. Тоненькіе голоса звучали такъ звонко и быстро, что Варя едва ловила мысли и различала слова.

— Чего пришли сюда хвосты-то трепать, мало въ другихъ комнатахъ мѣста, что ли? Шмыгаете изъ комнаты въ комнату, какъ угорѣлыя!—раздался, грубый, похожій на мужской басъ, голосъ среди тоненькаго писка сестеръ.

Варя обернулась и увидала топорную, толстую фигуру немолодой дѣвушки съ грубымъ лоснящимся лицомъ, рабочими руками и злыми глазами, смотрѣвшими твердо и прямо. Она была одѣта безъ вкуса, но съ претензіями на моду.

— Дурища необразованная!—прошептала одна изъ сестеръ съ презрѣніемъ.

— Не говорите съ ней!.. Не обращайте на нее вниманія!.. Это Дашка!—прошептали Варѣ другія сестры.

— Хоть бы обѣдъ-то прислали,—злобно заговорила сестра Дарья:—а то и объѣдковъ-то не оставите, слопали все со своею сволочью!

— Уйдемте, уйдемте, душа моя!—воскликнула одна изъ сестеръ.—Она у насъ сумасшедшая.

Варя взглянула со страхомъ на сестру Дарью; та не походила на сумасшедшую, но въ ея лицѣ выражалась злоба и грубость. Всѣ дѣвицы двинулись изъ комнаты, не двигалась одна Варя.

— Что, небось, языки-то прикусили; правда-то, видно, не свой братъ, глаза колетъ!—крикнула сестра Дарья.

— Мы maman пожалуемся на тебя, дура!—отвѣтили ей сестры на ходу.

— Дура! дура! только отъ васъ и слышишь! Пожалуемся! А кто няньчилъ-то васъ? Грязь-то за вами кто прибиралъ? Горничныхъ-то тогда не было. Сами рады были за деньги полы мыть! На свою голову васъ выняньчила! Точно что дура! Утопить бы васъ въ грязи-то слѣдовало. Матери пожалуетесь! Да вы и ей-то голову вскружили, ошалѣла она съ вами-то...

— Замужъ не вышла, такъ и бѣсишься!—отвѣтили ей дѣвицы Гребешковы съ порога комнаты.

— Да, замужъ не вышла! Сами выйдите! А изъ-за кого я-то въ дѣвкахъ сижу?—грызлась сестра Дарья, швыряя по комнатѣ разныя вещи, разбросанныя сестрами.—Ту обмой, другую въ пансіонъ отведи, третьей платьишко почини,—выйдешь тутъ замужъ, держи карманъ! И дура была, что не плюнула на васъ. Думала, вотъ сестры вырастутъ, мнѣ легче будетъ,—ну, ужъ и выросли, нечего сказать! Ишь, дылды какія!—лился необузданный дикій потокъ рѣчей сестры Дарьи.

— Уйдемте! что съ вами? что же вы стали?—вернулась не безъ досады одна изъ сестеръ за Варей.

Та все еще задумчиво стояла у стола съ наклоненной головой и безсознательно перелистывала какую-то книгу, не видя страницъ.

— А!—вздрогнула она, словно очнувшись отъ тяжелаго сна, и съ отвращеніемъ отдернула руку, до которой дотронулась дѣвица Гребешкова.

— Пойдемте.

— Иду,—съ разстановкой отвѣтила Варя и тряхнула головой.

— Я себѣ хочу сдѣлать платье къ первому зимнему балу,—залепетала кузина Фани, съ быстротою дѣтства оправившаяся отъ непріятнаго столкновенія съ необразованной сестрой Дарьей.—Изъ бѣлаго тюля сдѣлаю, съ буфами, вотъ до сихъ поръ все буфы велю нашить, и въ буфы хочу продернуть голубыя ленты, во всякую буфу по лентѣ. У меня бѣлокурые волосы...

— Рыжіе,—замѣтила Жени, еще не успокоившая своего раздраженія.

— Бѣлокурые волосы...—продолжала Фани.

— Рыжіе,—снова остановила Жени.

— Ты думаешь, что ты все еще съ Дашкой говоришь!?—крикнуло разсерженное «ребячество», чисто по-дѣтски, топнувъ ножкой, и проговорило скороговоркой:—У меня бѣлокурые волосы, и ко мнѣ голубое идетъ. Неправда ли, ко мнѣ вѣдь идетъ голубое?

— Идетъ,—медленно отвѣтила Варя, все еще погруженная въ раздумье.

— Что съ вами, душка?—изумилось «ребячество».

— Вы всегда съ ней такъ обращаетесь?—рѣзко спросила Варя и глянула прямо въ глаза «ребячеству».

— Тс... тс!.. Дикобразовъ! Дикобразовъ здѣсь!—воскли-

нули сестры, не отвѣтивъ на вопросъ Вари, и стали оправляться, входя въ гостиную.

Какъ цвѣты сверкаютъ весною при появленіи солнца, такъ сверкали теперь улыбками эти милыя дѣвическія лица— и Богъ знаетъ, которое изъ нихъ въ эту минуту было прелестнѣе и больше напоминало о веснѣ, о блескѣ молодости и радостяхъ любви!

Къ нимъ лѣнивой, медленной походкой подошелъ юноша лѣтъ двадцати-четырехъ, съ нѣжнымъ и прекраснымъ лицомъ, и небрежно кивнулъ имъ головой.

— Поздравляю васъ,—обратился онъ къ Софи.

— Вы ошибаетесь: это не ея рожденье сегодня, а мое,— съ яркимъ румянцемъ на щекахъ улыбнулась Жени и потупила глаза; ея голосъ звучалъ мелодическими звуками наивнаго упрека.

— Да-а? виноватъ! Но вы, кажется, всѣ родились въ одинъ день,—насмѣшливо отвѣтилъ юноша.

— Это было бы очень выгодно для Софи, но не для меня,—замѣтило «ребячество».

— Для васъ это тоже выгодно: вы можете быть увѣрены, что черезъ десять лѣтъ вы такъ же мало измѣнитесь, какъ Софья Дмитріевна,—уже совсѣмъ лѣниво и съ трудомъ кончилъ юноша.

— Вы все шутите!

— Вѣдь и вы тѣмъ же занимаетесь.

— Вы злы.

— Ну, вотъ для этого вы слишкомъ невинны! Правда? вѣдь вы для этого слишкомъ невинны?—засмѣялся дѣланнымъ, оскорбительнымъ смѣхомъ юноша.

Онъ зѣвнулъ, откинулъ назадъ волосы, повернулся и опустился въ кресло спиною къ дѣвицамъ. Около него вертѣлись братья Гребешковы.

— Гребешки, вы мнѣ сегодня надоѣли! — промолвилъ онъ, зѣвая.

Братья Гребешковы осклабились при этихъ словахъ и разсыпались отъ кресла, гдѣ сидѣлъ юноша. Варя смотрѣла съ нѣмымъ изумленіемъ на это прекрасное лицо, на эти нахальныя манеры и старанье юноши выказать утомленье.

Между матушками барышень шелъ въ это время очень интересный и оживленный разговоръ. Мать одной изъ дѣвицъ, находившейся въ гостяхъ, восхищалась красотою сестеръ Гребешковыхъ, а мать Гребешковыхъ восхищалась красотою дочери этой любезной гостьи.

— Какъ мила Софья Дмитріевна!—восхищалась гостья.— Что за цвѣтъ лица, какіе волосы!

— Нѣтъ, вы попросите ее сыграть что-нибудь, сыграть попросите! Она новый вальсъ разучила,—шептала съ чисто материнскимъ лукавствомъ хозяйка.

— Душечка, Софья Дмитріевна, присядьте-ка къ фортепьяно, дайте намъ насладиться вашей игрой,—обратилась гостья къ Софи, и ея голосъ былъ такъ сладокъ, такъ сладокъ, что могъ усладить всѣ горечи жизни.

— Ахъ, я ничего не играю,—съ разстановкой возразила «меланхолія».

— Неправда, неправда, играетъ!—заговорила мать плутоватымъ тономъ.

— Ну, ma-man, ma-man!—умоляющимъ тономъ возразила снова «меланхолія».

— Разумѣется, играешь. Зачѣмъ церемониться? Тутъ все свои... Надѣюсь, что вы не осудите,—обратилась Гребешкова къ юношѣ; но онъ такъ занялся разсматриваньемъ своихъ ногтей, что и не замѣтилъ ни этого вопроса, ни того, что и *его* причислили къ *своимъ*.

Софи сѣла за фортепьяно, еще разъ отказалась играть, попробовала привстать, еще разъ выслушала просьбу своей матери и матери своей подруги и заиграла.

— Софи плохо играетъ,—замѣтила Варѣ Жени, подымаясь, по обыкновенію, своему вѣчному чувству недовольства, и надула губки.

— А вы лучше играете?—спросила Варя съ замѣтнымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— То-есть... да... немного,—отвѣтила застѣнчиво Жени.

— Что же вы играете, тоже польки, вальсы?—спросила Варя съ пренебреженіемъ.

— О, да!

— Лучше бы ничего не играть.

— Совершенная правда,—черезъ плечо повернулъ голову юноша къ Варѣ, сидѣвшей за нимъ, и вдругъ какъ будто окаменѣлъ въ этомъ положеніи, раскрывъ широко глаза, точно передъ нимъ было какое-то видѣніе. Прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ по его лицу скользнула насмѣшливая улыбка.

— А вы какъ играете?—нахально спросилъ онъ.

— Довольно плохо,—отвѣтила Варя, прямо и открыто взглянувъ ему въ лицо:—но моя добрая Ольга Васильевна

хорошо понимаетъ музыку и вѣрно сдѣлаетъ изъ меня что-нибудь.

— Довольно плохо,—съ разстановкой повторила юноша:— то-есть лучше или хуже Софьи Дмитріевны?—еще нахальнѣе спросилъ онъ.

— Лучше,—отвѣтила еще рѣзче Варя.

— Вы...—началъ онъ и вдругъ обратился къ Жени, вставъ съ мѣста.—Евгенія Ивановна, познакомьте насъ.

Жени назвала фамиліи и имена Вари и Дикобразова.

— Вы сыграете что-нибудь?—спросилъ онъ.

— Пожалуй, но я давно не играла, съ тѣхъ поръ, какъ умерла mademoiselle Скрипицына... У насъ нѣтъ фортепьяно.

— А, вы у Скрипицыной воспитывались.

— Да.

Завязался разговоръ. Варя говорила откровенно, просто и весело. Два-три раза она рѣзко возразила сестрицамъ Гребешковымъ, и въ тонѣ ея возраженій послышалось презрѣнье къ нимъ. Можно было угадать, что Варя мысленно уже поставила себя неизмѣримо выше ихъ. Ни малѣйшей черты изъ ея манеръ, рѣчей и оттѣнковъ голоса не ускользнуло отъ Дикобразова. Тонкое чутье, пріобрѣтенное въ теченіе пяти лѣтъ самостоятельной жизни въ свѣтѣ, заставляло его очень часто сразу угадывать людей. Во время всего разговора съ Варей онъ успѣвалъ отвѣчать ей и въ то же время не упускать изъ виду ея лица и мысленно дѣлать замѣчанія на ея рѣчи. «Свѣжа! Не ломается! Презираетъ ихъ. Славная дѣвочка, какъ она попала къ этой дряни?» мелькало въ головѣ Дикобразова, и самъ онъ дѣлался все проще и проще; нахальное выраженье, искусственная апатія, стремленіе острить, иногда очень неудачно, вся эта фальшь, появлявшаяся изъ желанія юноши показать, что онъ не въ своемъ кругу, что онъ презираетъ этихъ людей, все это исчезло, и видно было, что тутъ говоритъ человѣкъ съ человѣкомъ.

— А вы еще хотѣли сыграть что-нибудь,—напомнилъ Дикобразовъ, окончивъ разговоръ.

Варя покраснѣла, но не трогалась съ мѣста.

— Что же вы не хотите играть?

— Нѣтъ... но мнѣ все кажется, что это экзаменъ... Вѣдь mademoiselle Скрипицына всегда пугала насъ вашимъ пріѣздомъ на экзаменъ,—засмѣялась Варя своимъ дѣтскимъ смѣхомъ

— Ха-ха-ха!—засмѣялся такъ же откровенно Дикобразовъ, и вдругъ его лицо просвѣтлѣло и сдѣлалось невыразимо привлекательнымъ.

У него, какъ у всѣхъ молодыхъ Дикобразовыхъ, былъ свѣжій цвѣтъ лица и на двадцать четвертомъ году едва пробивался пушокъ на губахъ, только около ушей на розовыхъ щекахъ были мелкіе, шелковистые темнорусые волосы, совершенно особенно оттѣнявшіе матовую нѣжную кожу. Когда онъ оставался спокойнымъ и естественнымъ, какъ въ эту минуту, тогда его глаза блестѣли ровнымъ, гордымъ и отчасти холоднымъ свѣтомъ; очертанія свѣжихъ губъ были правильны и красивы. Кому приходилось вставать рано и встрѣчать первыя минуты весенняго дня, тотъ знаетъ, что такое значитъ свѣжесть, почти холодъ весенняго утра,—пыль прибита къ землѣ, въ воздухѣ нѣтъ движенья, кругомъ все блеститъ, каждое окно, каждая травка еще покрыта влагой, между тѣмъ въ воздухѣ свѣжо, самый блескъ еще влажныхъ цвѣтовъ какъ-то холоденъ и, можетъ-быть, тѣмъ болѣе привлекателенъ, тѣмъ дольше хотѣлось бы продлить эти минуты и отсрочить наступленіе знойнаго, пыльнаго, удушливаго полдня. Этотъ холодъ утра напоминало лицо юноши. Явись онъ въ свѣтъ съ этимъ лицомъ въ одеждѣ савояра—и онъ обратилъ бы на себя вниманіе, пробилъ бы себѣ молодыми ногами дорогу въ жизнь,—какую?—не спрашивайте объ этомъ?

— Чтобы не казаться экзаменаторомъ, я буду вашимъ пажомъ и стану перевертывать листы нотъ,—улыбнулся онъ.

Варя, смѣясь, подошла къ фортепьяно; она уже не чувствовала робости и заиграла одну не очень трудную, но серьезную пьесу. Играла она съ толкомъ.

— Поняли, Гребешки?—обратился Дикобразовъ, когда она кончила, къ братьямъ Гребешковымъ, столпившимся около фортепьяно.

— Отлично-съ!—разомъ воскликнули братья и осклабились одинаковыми улыбками.

— Что отлично?

— Играютъ-съ,—ухмыльнулись братья.

— Ну, и прекрасно! Ступайте теперь, Гребешки, занимать барышень,—промолвилъ Дикобразовъ, подвинувъ себѣ ногою стулъ. Братья поспѣшили помочь ему въ дѣлѣ подвиганья стула и отошли съ тѣми же одинаковыми улыбками къ дѣвицамъ.

— Такъ у васъ нѣтъ фортепьяно?—задумчиво спросилъ

Дикобразовъ.—А это, право, жаль; вы были бы хорошей музыкантшей... Отчего вы не купите?

— Мы очень не богаты.

Дикобразовъ помолчалъ.

— Хотите, моя мать подаритъ вамъ фортепьяно?—спросилъ онъ неожиданно.

— Я... я никогда не просила милостыни,—еще неожиданнѣе отвѣтила Варя и, дрожа всѣмъ тѣломъ, хотѣла приподняться со стула.

Дикобразовъ тихо удержалъ ее.

— Не сердитесь,—искренно произнесъ онъ, глядя на ея поблѣднѣвшее личико.—Я пошутилъ.

— Такъ не шутятъ,—прошептала Варя.

— Здѣсь-то? — вдругъ насмѣшливо спросилъ Дикобразовъ:—Вы думаете, что каждый порознь и всѣ вмѣстѣ изъ этихъ Гребешковыхъ, Сусликовыхъ и, какъ ихъ тамъ еще зовутъ!—не бросились бы, если бы я швырнулъ имъ свою старую перчатку?

— Но я...

— Вы не они? Это вы хотѣли сказать? Да? А знаете ли пословицу: dis moi qui tu hante... Вѣрная пословица!

— Вы ихъ тоже не любите?—наивно спросила Варя.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся юноша неестественнымъ смѣхомъ.—Знаете ли вы, что одинъ изъ этихъ Гребешковъ попалъ въ нашъ домъ въ годы моего дѣтства, чтобы стоять въ углу, когда я не зналъ уроковъ? Сегодня онъ такъ причесался, какъ былъ причесанъ я вчера. Завтра онъ причешется такъ, какъ я причесался сегодня. Онъ думаетъ, что въ этой прическѣ, въ этомъ узлѣ галстука *все*. Онъ старается забыть, можетъ-быть, и не понимаетъ,—вѣдь онъ глупъ,—что если онъ стаивалъ въ углу за меня, то я никогда не пошевельнулся бы за него съ мѣста... Вонъ барышни ходятъ за мною, ихъ папаша услуживаетъ мнѣ. Вы думаете, что они считаютъ меня женихомъ? Боже сохрани! Я просто сынъ начальника, важнаго лица, они говорятъ въ канцеляріи: у насъ вчера Дикобразовъ былъ... Добровольные холопы. Некому кланяться, такъ надо создать барина!..

— Зачѣмъ вы къ нимъ ходите? — тихо спросила Варя, только наполовину понявшая не то дѣтскую, не то серьезную вспышку собесѣдника.

— Это длинная исторія, долго разсказывать, — отвѣтилъ онъ.

Они помолчали.

— Теперь мнѣ будетъ пріятно встрѣчаться здѣсь съ вами,—шепнулъ онъ самымъ дружескимъ и почти дѣтски-веселымъ откровеннымъ голосомъ.

Варя вся зарумянилась.

Въ это мгновеніе подбѣжали дѣвицы Гребешковы, замѣтивъ, что Дикобразовъ поднимается со своего мѣста; изливаясь въ похвалахъ насчетъ игры Вари, онѣ столпились около смущенной дѣвушки. Лицо Дикобразова приняло прежнее непріятное, дѣланное выраженіе презрѣнья. Онъ исталъ и лѣниво протянулъ руку Варѣ.

— До свиданья! — промолвилъ онъ и сталъ откланиваться.

Начались упрашиванія остаться, писк и хихиканье, маленькіе застѣнчивые упреки и невинныя колкости раздраженныхъ Грацій, покидаемыхъ Аполлономъ.

Варя тоже встала и предложила Ольгѣ Васильевнѣ ѣхать домой.

— Вѣдь вамъ не по дорогѣ; онъ въ своей каретѣ уѣхалъ,—ѣдко улыбнулась вѣчно недовольная Жени и надула губки.

— Если бы и на извозчичьей лошади, то мы не побѣжали бы за нимъ,—сухо отвѣтила Варя.

— Вы обижаетесь пустяками,—замѣтила Жени.

— Я не люблю пустяковъ.

— Это и замѣтно, играете Шопена!

Варя пожала плечами.

— Вы всегда такъ начинаете и такъ кончаете знакомства?—спросила она.

— Ахъ, Боже мой! кто же знаетъ людей, при первой встрѣчѣ съ ними!—воскликнула Жени.

— А я васъ узнала при первой встрѣчѣ.

Другія сестры подбѣжали къ двумъ раскраснѣвшимся дѣвушкамъ и начали уговаривать Варю остаться, стали просить ее оказать имъ какія-то маленькія услуги: купить шелку для вышиванья, вышить платочекъ, сшить манишечку. Варя съ насмѣшливой улыбкой и злымъ смѣхомъ обѣщала исполнить всѣ просьбы и замѣтила съ улыбкой:

— А Жени ничего не нужно—она отошла прочь.

— Ахъ, она капризная, играть не умѣетъ, а туда же суется судить о другихъ... Она въ него влюблена... Думаетъ сдѣлаться... Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!

— Прощайте, прощайте!

— Не забывайте насъ, милочка! Пріѣзжайте, намъ будетъ весело!

Ольга Васильевна и Варя уѣхали, и долго въ ихъ ушахъ раздавался пискъ перелетныхъ птичекъ-сестрицъ.

Позднимъ вечеромъ въ спальнѣ сестрицъ Гребешковыхъ, когда уѣхали гости, раздавались странные разговоры—щебетанья. Всѣ сестры говорили вмѣстѣ, и трудно было догадаться, которой изъ нихъ принадлежала та или другая фраза.

— Перчатки даритъ отъ себя, точно мы не знаемъ, что это Ольга купила! И что̀ Ольга ей поддалась?—раздавалось въ спальнѣ.

— Я просила ее, чтобы она сказала Ольгѣ объ урокахъ музыки.

— Нужно попросить ее, чтобы она сказала Ольгѣ, что мнѣ мало двухъ уроковъ въ недѣлю.

— Говори сама.

— А ты не можешь?

— Не хочу!

— Трудно?

— Да, трудно! Кланяться дряни не хочу!

— А кольцо отъ нея взяла!

— Ну, да, взяла, взяла! Завистница!

— Злючка!

— Молчи!

Въ комнатѣ послышались чьи-то рыданья.

— Плачь, плачь со злости!

— Тише, тише, mesdames!

— Будетъ ли смерть-то на васъ, колотырки поганыя!

— Колотырки! Слышите, mesdames. C'est bien drôle!

— Parlons français.

— Чего по птичьи-то затрещали? Пропасти на васъ нѣтъ! День-деньской-то не набѣгаетесь, языковъ-то не отколотите! Тьфу, ты! Одурь съ вами возьметъ.

— Молчи, дурища безграмотная!—Mesdames à l'ordre!

— Что ты командуешь?!

Долго еще продолжалась перестрѣлка; наконецъ, птички почувствовали утомленье, и мирный сонъ воцарился въ домашней Аркадіи семейства Гребешковыхъ.

Если дѣвицы Гребешковы долго не могли уснуть въ этотъ вечеръ, то еще дольше не могла заснуть Варя. Сотни мыслей осаждали ее, и среди нихъ тысячу разъ мечтала она о красавцѣ-юношѣ, видѣнномъ ею въ этотъ день. Ни-

когда еще въ жизни она не встрѣчала такого прекраснаго лица, такой цвѣтущей и нѣжной молодости. Снился онъ ей и во снѣ, когда она задремала съ слабой улыбкой на губахъ. На слѣдующій день она ходила въ какомъ-то чаду, о чемъ-то мечтала...

IX.

Недолгій праздникъ юношескихъ дней.

Хорошо зная Ольгу Васильевну, не трудно догадаться, что она не была сильна по части математики. Вообще всѣ люди, умѣющіе создавать такіе великіе планы, какіе создавала она насчетъ будущности Вари, приходятъ въ затрудненіе, если имъ нужно рѣшить какую-нибудь болѣе сложную задачу, чѣмъ помноженіе двухъ на два. Очень естественно, что она, сознавая въ себѣ этотъ недостатокъ, рѣшилась найти кого-нибудь другого, кто преподавалъ бы Варѣ ариѳметику. Подъ рукой былъ Ардальонъ, но при первомъ же урокѣ и онъ оказался несостоятельнымъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ все тѣмъ же Ардальошей, котораго мы видѣли однажды мечтавшимъ надъ волшебною книгою, не хуже Ольги Васильевны. Онъ былъ первымъ ученикомъ по гимназіи въ дѣлѣ описаній весны, зимы и другихъ временъ года, служившихъ темою для гимназическихъ сочиненій; онъ писалъ сочиненія даже для другихъ учениковъ, иногда рискновалъ сочинить описаніе «Кавказскихъ горъ» или «Поѣздки за границу», но именно поэтому и былъ плохимъ счетчикомъ и еще болѣе плохимъ объяснителемъ математики. Пришлось искать другого учителя. Учителя были дороги, а требовался дешевый. Въ ленныхъ владѣніяхъ нерѣдко появлялся Порфирій Приснухинъ, и его-то пригласили быть преподавателемъ Вари. Это была чисто для математики созданная голова. Сначала Порфирій, окончивъ урокъ, тотчасъ же брался за фуражку; потомъ его стали приглашать выпить чаю; еще черезъ нѣсколько времени въ ленныхъ владѣніяхъ стали говорить: «Что это, Порфирія Александровича нѣтъ? безъ него и веселья нѣтъ!» Но ужъ зато при Порфиріи Александровичѣ дымъ шелъ коромысломъ! Одинъ разъ дѣло дошло до того, что онъ, Варя, Ардальонъ и сама Ольга Васильевна танцовали безъ музыки. Съ его приходомъ въ ленныя владѣнія врывалась жизнь, жизнь въ полномъ смыслѣ этого слова,—молодая, бодрая, веселая, не звучащая ни одною вялою и ноющею ноткою плаксивой жалобы. Ленныя владѣнія, въ лицѣ своихъ

обитательницъ, сознавали всю прелесть этой жизни, но не удивляться передъ ея появленіемъ не могли. Акулина Елизаровна, нахохотавшись до слезъ своимъ дребезжащимъ голосомъ надъ выдумками Порфирія, вздыхала сильнѣе прежняго, оставшись наединѣ съ своею скорбною и нагоняющею тоску особою, и шептала: «Господи, прости мое согрѣшеніе! Ужъ передъ добромъ ли я это развеселилась? За смѣхомъ-то слезы идутъ, какъ говорится». Размышленія шли дальше и дальше; тоска и боязнь передъ будущимъ росли и грызли слабодушную капитаншу, а тамъ лились и слезы... Маіорская дочь, ложась въ постель, думала: «Ужъ очень много мы хохочемъ, неприлично это, точно у мужиковъ въ обществѣ, такой мове-тонъ». Маіорская дочь начинала соображать, что нѣтъ нынче общества, гдѣ бы велись умные и глубокомысленные разговоры о деликатныхъ предметахъ, и скорбно вздыхала. Слабая здоровьемъ Ольга Васильевна отъ долгаго смѣха чувствовала маленькую боль въ груди или, по крайней мѣрѣ, боялась, что у нея будетъ эта боль. Варя завидовала веселому характеру Порфирія и съ горечью говорила: «Отчего я не такая веселая? отчего мнѣ иногда плакать безъ причины хочется? отчего, если я и пѣсню пою, то мнѣ не веселѣй, а больнѣй становится? Завистливая я!» Ардальонъ, — тотъ дѣлался совсѣмъ хмурымъ, отправляясь спать, и отрывисто бормоталъ: «Только и знаетъ, что смѣяться! Волосы давеча мнѣ растрепалъ!» Воспоминаніе о растрепанныхъ волосахъ отнимало почти полчаса у сна юноши. А на другой день надломанные жизнью люди снова сходились вмѣстѣ, вздыхали, охали, жаловались, серьезничали и къ концу вечера съ сожалѣніемъ произносили: «А вотъ безъ Порфирія-то Александровича и молодежь наша не весела». Молодежь безмолвствовала и мысленно сознавалась, что въ этотъ вечеръ она переговорила объ очень умныхъ вещахъ, можетъ-быть, набрела даже на новыя для нея мысли; но не была молода, не смотрѣла бодро: какой-то гнетъ скорби, недовольства, безсилія, завѣщанный ей въ наслѣдство отцами и дѣдами, лежалъ на ея плечахъ и гнулъ ее къ землѣ... Варя ясно сознавала это и начала цѣнить своего учителя за его способность развеселять людей, но она, все-таки, оставила за собой право говорить про него, когда ей дѣлалось очень скучно, что «вѣчно смѣяться нельзя, однимъ смѣхомъ не проживешь, иногда смѣхъ и надоѣстъ». Среди этихъ глубокихъ соображеній, какой-то тайный, едва слышный голосъ шепталъ

Варѣ: «А ты спросила бы его, можетъ-быть, онъ не только смѣяться умѣетъ, можетъ-быть, онъ и горе переносить можетъ. Ты что-то слышала у Скрипицыной про его жизнь... И вспомни, какъ онъ поспѣшилъ отвести тебя отъ нѣмки...» Варя сердито заглушала этотъ голосъ и разсуждала съ презрительной улыбкой: «Что и Ардальонъ спасъ бы ее отъ нѣмки, если бы онъ былъ въ то время въ квартирѣ Скрипицыной...» Полно, такъ ли, Варя?

Несмотря на все это, веселый учитель привлекалъ къ себѣ все болѣе и болѣе сердца бѣдныхъ жильцовъ. Какая-то неисчерпаемая веселость была въ это время во всемъ его существѣ; бодрый, живой, онъ не могъ посидѣть на мѣстѣ, ему хотѣлось двигаться, пѣть, танцовать, и болѣе всего хотѣлось изобрѣсти какую-то *общую* работу, *общую* жизнь. Иногда ему казалось, что онъ раздвинулъ бы широко, широко стѣны этого бѣднаго жилища, привелъ бы въ него и свою мать, и ея учениць-ивей и засадилъ бы ихъ всѣхъ, и Варю, и Акулину Елизаровну, и Игнатьевну за одну работу, заставилъ бы тутъ же Ардальона учить своихъ маленькихъ братьевъ и другихъ дѣтей, читалъ бы въ свободные часы книжки всѣмъ собравшимся въ свѣтлыхъ просторныхъ комнатахъ, весело и шумно звалъ бы всѣхъ къ большому, чисто накрытому столу въ обѣденный часъ, и лились бы въ это время неумолкаемыя рѣчи и потолстѣла бы даже тощая маіорская дочь отъ этой жизни... Часто онъ сообщалъ эти мысли Варѣ и Ардальону, они приходили въ восторгъ и потомъ, вздыхая, говорили:

— Хорошія эти мечты.

— Какія мечты!—кипятился Порфирій и начиналъ горячо спорить, что онъ не думалъ мечтать, что это-то и есть правда, дѣлалъ счеты, смѣты и этимъ окончательно поражалъ Ардальона, не умѣвшаго считать.

Приближалась осень. Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда въ садахъ спѣшатъ срѣзать послѣднія георгины и на улицахъ продаются букеты по гривеннику, Порфирій вдругъ, неожиданно для самого себя, появился въ квартирѣ Игнатьевны съ букетомъ цвѣтовъ.

— Это я вамъ принесъ, Варя, — сказалъ онъ, подавая ей букетъ, и сдѣлался красенъ, какъ вареный ракъ.

Варя засмѣялась. Глаза всѣхъ обратились на Порфирія и на Варю, стоявшихъ посрединѣ комнаты. Молодые люди смѣшались и стояли другъ противъ друга, потупивъ глаза.

— Это вмѣсто хорошаго балла за ученье?— шопотомъ рѣшилась спросить Варя.

— Это за то, что вы хорошенькая,—еще тише прошепталъ Порфирій и засмѣялся добрымъ, молодымъ смѣхомъ; ему очень хотѣлось въ эту минуту расцѣловать и Варю, и Ардальона, и всѣхъ присутствующихъ.

Варя еще болѣе покраснѣла, поднесла букетъ къ лицу и вдругъ побѣжала ставить его въ воду. Приснухинъ сѣлъ и былъ какъ-то разсѣянъ. Варя, между тѣмъ, выдернула одинъ душистый цвѣтокъ изъ букета и все время играла имъ, поднося его къ носу, раза два она поднесла его къ губамъ и, кажется, поцѣловала, не зная, что играетъ съ огнемъ. Приснухинъ слѣдилъ за нею.

— Пойдемте гулять!—неожиданно предложилъ онъ.—Въ садъ куда-нибудь, на вольный воздухъ...

— Чудесно! чудесно! Пойдемте, Ольга Васильевна, Ардальонъ, Любовь Алексѣевна!—обратилась Варя ко всѣмъ.

Любовь Алексѣевна, такъ звали маіорскую дочь, почувствовала щекотанье въ сердцѣ отъ приглашенія идти гулять съ образованными людьми и сочла непремѣннымъ своимъ долгомъ—отказаться.

— Помилуйте, я въ такомъ абилье!—потупила она стыдливо глаза.

— Ничего, ничего; что̀ за дѣло до вашей одежды!—кричала Варя.—Милочка, пойдемте!

— Ахъ, монъ анжъ, монъ анжъ!—захлебнулась отъ радости маіорская дочь.

— Вы, Авдотья Игнатьевна, чай намъ къ вечеру приготовьте,—распоряжалась молодая царица.—Булокъ, душечка, купите...

— Нѣтъ, Варя, мы по дорогѣ купимъ, — вмѣшалась Ольга Васильевна. — Тамъ, я знаю, есть такая отличная булочная.

— Ну, и чудесно, чудесно!—кричала Варя.

Всѣ засуетились: кто надѣвалъ шляпку, кто искалъ зонтикъ, кто поправлялъ нарукавнички и воротнички, — наконецъ, партія двинулась въ путь. На лѣстницѣ вспомнилъ кто-то, что забылъ носовой платокъ, и послалъ за нимъ Ардальона, но Порфирій побѣжалъ тоже на перегонку, и оба, красные, облитые пòтомъ, запыхавшіеся, вернулись съ двумя носовыми платками. Причина для смѣху, и всѣ, смѣясь громкими голосами, пошли въ Екатерингофъ. Маіорская дочь шла съ Ольгой Васильевной, Варя—съ молодыми

людьми. Разговоры въ городѣ шли очень обыкновенные: то о неровныхъ и избитыхъ тротуарахъ, то о нарядахъ, выставленныхъ въ окнахъ магазиновъ, то о восковой куклѣ парикмахера, мимо котораго шли наши путники, то, наконецъ, о томъ, что никто не ѣлъ и каждый хотѣлъ бы попробовать тѣхъ яствъ, которыя продаются въ разныхъ затѣйливыхъ банкахъ и коробкахъ по фруктовыхъ лавкахъ. Наконецъ, воздухъ сталъ чище, улица просторнѣе, мостовая кончилась, и показалась зелень Екатерингофа, а тамъ виденъ кусочекъ залива и снующія по немъ лодки. Порфирію вспомнились дѣтскіе годы, катанье на челнѣ, уженье рыбы, буйный хохотъ друзей-мастеровыхъ, отвага не понимающаго опасности дѣтства,—все то, что сдѣлало его здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ. Онъ предался воспоминаніямъ. Варя и Ардальонъ заслушались его своеобразныхъ, отрывистыхъ и удалыхъ рѣчей. У нихъ духъ захватывало, когда онъ говорилъ про волны, хлещущія въ лодку, про дождь, пробиравшій до костей, про черныя тучи, про то, какъ онъ въ одеждѣ выкупался, на солнцѣ высушился, какъ попалъ въ тиски между барокъ, и тому подобные ужасы.

— Вотъ жизнь-то!—воскликнула Варя.

— Да, это жизнь, — отвѣтилъ Порфирій. — Не кататься мнѣ больше, какъ прежде... Да нѣтъ, что я!—тряхнулъ онъ головой. — Загуляю еще, закачусь когда-нибудь на цѣлый день на острова, и поминай какъ звали! Воля тамъ...

Всѣ смолкли на нѣсколько минутъ.

— Варя, что вы не начнете учиться платья шить?— вдругъ спросилъ Порфирій.

— Какія платья?—спросила Варя съ недоумѣніемъ.

— Обыкновенныя, женскія,—отвѣтилъ Порфирій.—Вотъ у моей матери стали бы учиться. Потомъ выучились бы, магазинъ открыли бы... Вмѣстѣ бы жили... всѣ...—добавилъ онъ едва слышно и покраснѣлъ отъ какой-то, одному ему извѣстной, мысли.

— Что это ты такое выдумалъ!—воскликнулъ Ардальонъ.— Развѣ Варя въ портнихи пойдетъ, этимъ мѣщанки занимаются.

— Такъ что-жъ, что мѣщанки?

— А она не мѣщанка.

— Не все равно развѣ, кому чѣмъ заниматься? Кто чѣмъ захотѣлъ, тотъ тѣмъ и занимайся,—отвѣтилъ сердито Порфирій. — Въ учительшахъ не лучше, я думаю, жить;

только въ воскресенье и будемъ видѣться,—возразилъ онъ, не зная, что житье въ гувернанткахъ представляетъ не одно только это неудобство.—А въ магазинѣ-то вмѣстѣ бы всѣ жили, мы бы тоже работали...

— Ну, братъ, не пошла бы работа на умъ въ магазинѣ, ты вонъ и самъ жаловался, что у отца заниматься не могъ въ мастерской.

— Такъ вѣдь это былъ бы не такой магазинъ.

— А какой же?

Порфирій не могъ сразу найти выраженія для своей мысли.

— Ну, не дрались бы тамъ, не плакали бы, — рѣшилъ онъ. — Жили бы вотъ такъ, какъ теперь у Игнатьевны, тихо, весело, только работали бы.

— Да, толкуй, а все же и товарищи порядочные не пошли бы къ намъ. Тутъ говорить неловко. Вотъ они и ко мнѣ не ходятъ.

— Ну, и чортъ съ ними!

— Нѣтъ, братъ, соскучишься... О чемъ я дома стану говорить съ матерью и Игнатьевной? Необразованныя онѣ! А у товарищей разговоры, книжки, о театрѣ, обо всемъ говорятъ... Вотъ ты не ходишь къ нимъ, такъ и не знаешь, какъ у нихъ хорошо.

— Плевать я хотѣлъ на ихъ книги и разговоры!

— Такъ и оставался бы портнымъ безграмотнымъ,— разсердился Ардальонъ.

— Ай!—раздался крикъ позади заспорившихъ молодыхъ людей.

Они обернулись и увидали, что передъ Варей, отставшей отъ нихъ и собиравшей какіе-то поздніе цвѣты, стоялъ съ распростертыми объятіями полупьяный господинъ.

Порфирій бросился къ ней, подставилъ чисто по-школьнически ногу пьяному ухаживателю и треснулъ его кулакомъ въ спину, тотъ рухнулся на толченый кирпичъ аллеи. Порфирій съ яростью звѣря пнулъ его два-три раза ногою и плюнулъ.

— Подлецъ,—гаркнулъ онъ.—Изломаю тебя!

Ардальонъ и Варя схватили его дрожащими руками и потащили за собою.

— Сохрани Господи, еще привяжется!—прошепталъ въ испугѣ Ардальонъ.—Изъ гимназіи выгонятъ!

— Такъ что же! не прикажешь ли позволить ему обнимать ее?—выдернулъ Порфирій свою руку изъ рукъ Ардальона.

— Нѣтъ... не исторіи-то эти. Мы, братъ, еще не большіе.

Порфирій сжалъ кулакъ и въ доказательство, что онъ большой, показалъ его Ардальону,— это былъ дѣйствительно большой кулакъ.

— Справлюсь! — промолвилъ буянъ и вдругъ захохоталъ, обернувшись назадъ.

Пьяный господинъ карабкался по песку и, вставши, падалъ снова. Варя и Ардальонъ послѣдовали примѣру Порфирія и съ дружнымъ смѣхомъ прошли въ аллею, гдѣ сидѣли отдыхавшія отъ дороги Ольга Васильевна и Любовь Алексѣевна. Порфирій велъ Варю подъ руку и, кажется, боясь ее выпустить, придерживалъ лѣвою рукою ея руку. Варя хотя и смѣялась, но все еще пугливо жалась къ нему.

— Пора, пора домой, — сказали обѣ дѣвы нашей молодежи, и всѣ отправились въ обратный путь.

Всю дорогу Порфирій не выпускалъ руки Вари, а Ардальонъ почему-то хмурился и шелъ одинъ. Взбираясь по темной лѣстницѣ въ ленныя владѣнія, Присухинъ внезапно выпустилъ руку Вари.

— Что вы? — спросила Варя.

Присухинъ ничего не отвѣтилъ и быстро исчезъ, только снизу лѣстницы отдавались его быстрые и звонкіе шаги.

Долго не могъ онъ уснуть въ эту ночь и въ полутемной комнатѣ, едва освѣщенной лампадой, сто разъ принимался писать и рвалъ бумагу. Какія-то неуклюжія строки съ риѳмами виднѣлись на клочьяхъ бумаги, и только одна строка не выходила изъ его головы и постоянно повторялась въ ней:

Черезъ весь міръ я пройду за тобою...

Куда? зачѣмъ? что изъ этого будетъ?—этого не могъ придумать Порфирій. Онъ то смѣялся, то готовъ былъ плакать, свертывался, какъ котенокъ, кутаясь въ одѣяло, потомъ становилось душно, жарко, онъ разбрасывался снова и до зари не могъ уснуть.

А путники добрались до своихъ ленныхъ владѣній. Ардальонъ дулся и выглядѣлъ очень жалко, какой-то мокрой курицей. Всѣ усѣлись пить чай.

— Что ты, Ардальонъ, все молчишь?—спросила у него Варя со смѣхомъ.

— Вѣдь я не умѣю смѣшить, какъ Порфирій,—отвѣтилъ Ардальонъ съ мрачнымъ видомъ.

— Да ужъ точно весельчакъ онъ,—замѣтила Игнатьевна.

— Герой, герой просто!—воскликнула маіорская дочь и стала распространяться о пассажѣ въ Екатерингофѣ.

— Экая у него силища-то богатырская! — ужаснулась Акулина Елизаровна.—Погубитъ онъ себя этою самою силою... А что ты-то такой блѣдненькій, Ардальошенька? Слабенькій ты, усталъ, голубчикъ мой.

— И не думалъ уставать!—разсердился Ардальонъ за то, что его подозрѣваютъ въ слабости.

— Какое ужъ не усталъ, лица на тебѣ нѣтъ,—сожалѣла Акулина Елизаровна сына.—Лягъ, батюшка, отдохни.

— Что вы выдумываете!

— Да нѣтъ, ужъ вижу я по лицу, что усталъ и умаялся. И молчалъ вотъ все время, это ужъ не спроста. Ты не церемонься, мы допьемъ чай и однѣ, а ты лягъ.

— Точно, Ардальонъ, вы измучились, ходили много. Ступайте спать,—замѣтила Ольга Васильевна.

— Да, да, не жеманьтесь,—ввернула маіорская дочь.— Вы деликатнаго тѣлосложенія.

— Покойной ночи, пріятнаго сна!—засмѣялась Варя.

Ардальонъ вскочилъ съ мѣста и выбѣжалъ въ свою комнату; онъ бросился на постель и залился слезами. Такъ онъ и уснулъ въ одеждѣ, уткнувшись лицомъ въ подушки. Черезъ часъ явилась въ комнату и Акулина Елизаровна, увидала сына, спящаго въ одеждѣ, и всплеснула руками.

— Ишь вѣдь какъ умаялся, бѣдняжка!.. Ардальоша,— шопотомъ проговорила она, дотрогиваясь до его плеча.— Дай я сапожки съ тебя сниму. Ножки затекутъ въ сапожкахъ-то.

Полупроснувшись, Ардальонъ далъ матери раздѣть себя и заснулъ снова.

— Христосъ съ тобою, родной мой, цвѣтикъ нѣжный,— шептала мать и тихо опустилась на колѣни передъ образами.—Долго продолжалась ея неслышная молитва, и только иногда слышался едва внятный шопотъ:

— Брысь! Охъ, ужъ эта кошка... И вѣчно начнетъ по ночамъ бродить! Васька, Васька, брысь!..

Потомъ снова бѣдная капитанша невнятно шевелила губами и клала земные поклоны.

— А вѣдь образокъ-то надо почистить, ишь какъ закоптился,—еще разъ внятно прошептала она среди безмолвной молитвы и, наконецъ, вздыхая и охая, съ озабоченнымъ лицомъ начала укладываться въ постель, словно совершая трудную, мучительную работу.

— Косточки-то всѣ болятъ, маслицомъ, что ли, потереть!—шамшила она.—Клонъ, кажется, прости Господи! У

Ардальону надо будетъ диванчикъ-то посмотрѣть, да-а...— разсуждая такимъ образомъ, засыпала капитанша.

На слѣдующій день, во время урока, Варя посмѣялась Порфирію насчетъ его бѣгства.

— Мнѣ поцѣловать васъ вдругъ захотѣлось, — хмурясь отвѣтилъ онъ едва слышнымъ голосомъ.

— Ну, и поцѣловали бы, если захотѣлось, — засмѣялась она шутливо.

— Варя, зачѣмъ вы шутите этимъ?—спросилъ онъ сурово.—Мы ужъ не дѣти...

— Вотъ еще! Я часто цѣлую Ардальона. Что же мы такое, если не дѣти?

— Какъ что? Да вы взгляните на себя, а про меня и говорить нечего... Вы думаете, что я мальчишка-молокососъ, какъ Ардальошенька? Вонъ я ему разсказывалъ, какъ нѣмка васъ приглашала къ себѣ жить, такъ онъ только ротъ разинулъ и не понялъ ни слова.

Варя нахмурилась.

— Такъ зачѣмъ же вы о такихъ глупостяхъ думаете,— спросила она сердито.

— Въ томъ-то и дѣло, что не глупости,—съ жаромъ замѣтилъ Порфирій.—Или вы думаете, что не придется намъ устроить по-своему жизнь? Что я объ этомъ не думаю?

И Варя, и Порфирій смолкли. Урокъ шелъ довольно вяло. Вечеромъ Присвухинъ съ особенною страстностью спорилъ съ Ардальономъ насчетъ того плана жизни, который постоянно занималъ его молодую и горячую голову.

— Вотъ твоя мать бѣдная, Любовь Алексѣевна бѣдная, Игнатьевна тоже,—говорилъ онъ: — а почему онѣ бѣдныя? Потому что не работаютъ, все просьбы пишутъ, по три рубли въ мѣсяцъ отъ благодѣтелей получаютъ, должны вездѣ. Вотъ онѣ по угламъ картофель ѣдятъ, масла на копейку покупаютъ, а у насъ на эти же деньги всѣхъ мастеровыхъ мать обѣдомъ кормитъ: здѣсь одного чаю сколько выйдетъ, какъ каждый въ своемъ чайникѣ завариваетъ. Вотъ посмотри, Варя учительшей будетъ, а денегъ тоже не скопитъ.

— Она замужъ выйдетъ,—рѣшилъ Ардальонъ.

— Тоже за бѣдноту, такъ ужъ не лучше будетъ! А лучше бы шить училась, съ моею матерью жила бы, и другія стали бы жить съ нами,—указалъ онъ на бѣдныхъ жилицъ ленныхъ владѣній.

Въ такихъ разговорахъ шло время. Варя иногда посѣщала Гребенковыхъ, и все болѣе и болѣе ухаживали за

нею дѣвицы Гребешковы, потому что стоило ей придти, чтобы явился и Дикобразовъ. Онъ даже бралъ иногда ложу въ театрѣ для семейства Гребешковыхъ, непремѣнно настаивая на Вариномъ присутствіи въ ложѣ. Варя, совершенно незамѣтно для себя, завлекала юношу своимъ совершенно невыработаннымъ, чисто-дѣтскимъ характеромъ. Она и сердилась, и смѣялась, и невинно кокетничала безъ всякаго умысла, безъ всякихъ глубокихъ соображеній, хотя всѣ ея поступки и вызывали глубокія соображенія въ головахъ дѣвицъ Гребешковыхъ.

— Она порядочная кокетка, — осмѣлились онѣ какъ-то замѣтить Дикобразову.

— Это бѣлая страница, на которой покуда каждый старается прочитать то, что онъ хочетъ, — отвѣтилъ Дикобразовъ.

— Такъ вы ее пустою называете? — засмѣялись ядовито дѣвицы.

— Я хотѣлъ сказать, что только въ ней еще не нашелъ грязи,—отвѣтилъ онъ, съ гримасой взглянувъ на нихъ.

Было что-то странное въ отношеніяхъ этого страннаго юноши къ Варѣ. Никто не понималъ, почему онъ сошелся съ ней, почему онъ искалъ встрѣчи съ нею и даже дѣлалъ попытку получить позволеніе пріѣхать въ ленныя владѣнія. Попытка эта была отклонена, и, повидимому, это обстоятельство опечалило Дикобразова. Свое неудовольствіе онъ выразилъ совершенно своеобразно тѣмъ, что надулся, какъ дуются избалованныя, капризныя дѣти. Дѣйствительно, онъ былъ избалованный барчукъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ знакомства съ Варей онъ узналъ всѣ подробности житья-бытья ленныхъ владѣній и при встрѣчѣ съ дѣвушкой спрашивалъ уже, какъ про своихъ давнишнихъ знакомыхъ, про Ардальона, Порфирія и другихъ бѣдныхъ жильцовъ «большого дома». Варя тоже привязалась къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь другому; отъ него узнала она многое про жизнь того круга, котораго она прежде не знала и гдѣ постоянно вращался Дикобразовъ; отъ него она получила нѣсколько книгъ, которыя не могли бы получиться ею отъ другихъ ея знакомыхъ; при помощи его, она довольно часто бывала въ театрѣ съ Гребешковыми. Голова неопытной дѣвушки часто очень сильно кружилась. Однажды, послѣ долгихъ разговоровъ съ Дикобразовымъ, она воротилась домой и встрѣтила Приспухина; онъ былъ мраченъ.

— Что съ вами, Порфирій?—спросила она.

— Отецъ пьянъ!—отвѣтилъ Порфирій.

— Но вѣдь онъ пересталъ пить.

— Опять началъ... Не къ добру это! — махнулъ рукою Присухинъ.

На слѣдующій день «большой домъ» былъ какъ-то особенно взволнованъ, какъ умѣлъ онъ волноваться только вслѣдствіе необычайныхъ событій, и шептался о какомъ-то важномъ поразительномъ происшествіи. Наконецъ, слухи достигли и до ленныхъ владѣній, при помощи слесарши, переговорившей со всѣми жильцами «большого дома», сотни разъ всплеснувшей руками и произнесшей тысячи проклятій.

— Подъ судъ, подъ судъ упрятали!—кричала она, вбѣгая къ Игнатьевнѣ съ краснымъ отъ волненія лицомъ.

— Кого?—воскликнули съ испугомъ жилицы.

— Съ жандарами увезли, въ крѣпость! Говорятъ, казнить будутъ,—кричала она.

— Да кого, кого?—приставали къ ней.

— Да все его же, окаяннаго!.. Кого же другого подъ судъ упекутъ? Гдѣ другой-то такой извергъ найдется?.. Вѣдь, какъ свѣтъ стоитъ, такъ такого мошенника не было!..

— Да вы, душа моя, успокойтесь! — попробовала успокоить слесаршу маіорская дочь.

— Ахъ, подлецъ, подлецъ!..—продолжала волноваться слесарша.—Жену загубилъ, сына загубилъ! Провалиться бы ему въ тартарары! Говорила я, что не добромъ наживается, слушать не хотѣли! А вотъ дѣло-то по-моему и вышло... Подлецъ, подлецъ!!

Послѣ долгихъ восклицаній и оханій оказалось, что увезли не «жандары», не въ крѣпость и не для казни, а просто въ тюрьму и увезли не кого-нибудь другого, а Александра Ивановича Присухина, бывшаго подрядчика, плута и мошенника-поставщика. Въ департаментѣ, съ которымъ велъ дѣла Александръ Ивановичъ, былъ тоже переполохъ. Десятки чиновниковъ чуяли, что имъ не сдобровать, и жались на своихъ протертыхъ стульяхъ, зная, что въ послѣдній, можетъ-быть, разъ сидятъ они на этихъ въ теченіе двадцати лѣтъ просиженныхъ мѣстахъ. Громадная плутня поставки гнилого товара, счетъ вещей, не принятыхъ, но зачисленныхъ въ число принятыхъ, фальшивыя квитанціи и расписки,—все это начинало приводиться въ ясность, и Присухинъ былъ, можетъ-быть, менѣе всѣхъ другихъ достоинъ наказанія. Мрачный, потерявшій всякое сознаніе

происходившаго, онъ палъ духомъ и трепеталъ, какъ пойманный звѣрь; въ этомъ трепетѣ видѣлись и безсильная злоба, и подлая трусость. Въ чаду глубокихъ соображеній, надѣясь нажиться и разбогатѣть, на зло всѣмъ, началъ онъ когда-то плутовать: отлично смазалъ всѣ колеса машины, пригналъ въ ней, повидимому, винтъ къ винту, заткнулъ всѣ дыры и прорѣхи, гордо поднялъ голову, вышелъ на торную дорогу обмана, и вдругъ все, все оборвалось разомъ. Тутъ уже были не мысли о томъ, что скажетъ подлецъ «большой домъ», какъ придется кланяться, можетъ-быть, даже ненавистному сыну; но были тутъ полный страхъ передъ наказаніемъ и сознаніе своего безсилья вынести предстоящую кару и жить гдѣ-нибудь въ Сибири. Присмухинъ то приходилъ въ ярость, то валялся въ ногахъ у судьи и смотрителей и, видя безполезность всѣхъ попытокъ, скрежеталъ зубами. Тысячи ругательствъ и проклятій сыпались на жену и сына; онъ велѣлъ не впускать ихъ къ себѣ, грозилъ убить ихъ при первой встрѣчѣ... Ему все казалось, что они ходятъ любоваться и тѣшиться его несчастьемъ... А они бѣгали, какъ помѣшанные, тоже кланялись, хлопотали, суетились,—и ничего не могли сдѣлать. Порфирій попробовалъ въ первый разъ въ жизни отправиться къ своему *крестному* отцу съ просьбой о помощи. Первыя слова юноша произнесъ дрожащимъ, тихимъ голосомъ; слѣдующія фразы уже звучали громкимъ упрекомъ; еще черезъ минуту въ комнатѣ слышалась цѣлая буря. *Крестный* отецъ грозилъ Порфирію отправить его въ полицію и выдрать, какъ послѣдняго щенка.

— Что вы думаете, что я ничего не знаю! — гремѣлъ Порфирій.

— Вонъ, мерзавецъ! Я лакеямъ прикажу тебя вытолкать!—кричалъ *крестный* отецъ.

Зеленый отъ злобы, разбитый, возвратился Порфирій домой... Глаша забывала въ это время, что у нея дома сидятъ голодныя дѣти, и бѣгала по дѣламъ; Порфирій забывалъ, что въ гимназіи каждый день идутъ уроки. Время и послѣднія деньги тратились совершенно безплодно. Бѣдными людьми писались просьбы, платилось писарямъ за то, что просьба принималась; писаря и чиновники знали, что изъ этого ничего не выйдетъ, но деньги принимали и даже совѣтовали, съ очень добродушнымъ видомъ, дать тому-то и тому-то изъ ихъ собратій. Каждый сторожъ, каждая послѣдняя спица въ колесницѣ разныхъ департаментовъ требо-

вали денегъ, денегъ и денегъ. Они соображали, что: отчего же и не взять, если такой случай подошелъ? Глафира Николаевна соображала въ свою очередь, что: какъ же не дать, если это можетъ помочь? и размышляла, что она вѣчно упрекать себя будетъ, если не дастъ денегъ, а мужа попрекнутъ, что тогда она будетъ вѣчно считать, что его наказали вслѣдствіе ея жадности и нерадѣнья. Ни сынъ, ни мать не понимали, что при всей бѣготнѣ, при всѣхъ тратахъ, они не сдѣлаютъ ничего, не облегчатъ ни судьбы Александра Ивановича, ни своей собственной. Въ такихъ случаяхъ голова теряется у человѣка, онъ бѣгаетъ, хлопочетъ, суетится, говоритъ, чтобы только не оставаться въ бездѣйствіи, въ одиночествѣ, чтобы хоть на мгновенье имѣть возможность не глядѣть въ лицо своей будущности и не думать,—а эта будущность и эти думы чернѣе осенней ночи и неотвратимо, быстро сгущается ихъ долгая, почти безразсвѣтная тьма... Удастся ли еще дожить до свѣта?

А на дворѣ была уже весна...

— Порфирій, что̀ мы дѣлать-то будемъ?.. Какъ ты въ гимназію-то будешь ходить?—спрашивала мать у Присухина однажды послѣ долгихъ и неудачныхъ хлопотъ.

— Богъ съ ней, съ гимназіей!.. Теперь надо кусокъ хлѣба добывать,—говорилъ сынъ, исхудавшій и пожелтѣвшій за послѣднее время.

— Вотъ Ардальонъ переѣзжаетъ отъ матери... Что̀ если бы ты тоже одинъ жилъ, тебѣ бы легче...—начала нерѣшительнымъ тономъ Глафира Николаевна, опустивъ въ землю глаза, на которыхъ уже сверкали слезы.

— Что ты, мать, говоришь? Бросить тебя? Теперь бросить? Развѣ я разбойникъ?.. Вспомни только одно: бросила ли ты меня годъ тому назадъ, когда отецъ выгонялъ меня изъ дому? Ты грудью стала за меня, ты ночей за меня не спала... А братья, сестры?.. Кто ихъ учить будетъ? Или ихъ тоже неучами вырасти?.. Пусть хоть они доучатся!..

Порфирій зарыдалъ при послѣднихъ словахъ, какъ дитя; въ его пылкой головѣ вдругъ мелькнула картина его будущности; онъ былъ и долженъ былъ остаться недоучкой, отторгнутымъ отъ быта своего отца и еще не попавшимъ на другую дорогу человѣкомъ. Эта мысль уже грызла его сердце.

— Господи, Господи, что̀ съ тобою?—закрыла лицо руками мать.—Загубила я тебя своею любовью! Какъ цѣпями, я тебя опутала ею... И умереть-то я не могу для твоего

счастія! Они, они тебя свяжутъ!—указала она на дѣтей.— Нѣтъ, голубчикъ, терпи, будемъ вмѣстѣ биться...

Порфирій плакалъ.

— Дура я, дура, сама не знаю, что̀ говорю!.. Господи, вѣдь молодъ еще ты, тебѣ жить бы надо... И за что ты мучаешься? За грѣхъ мой поганый!.. Видитъ Богъ, каялась я за него, по ночамъ не спала, плакала...

Порфирій махнулъ рукою и не могъ болѣе выдержать этой сцены, убѣжалъ въ свою комнату и рухнулся на постель...

X.

Семейныя драмы.

Какъ на саванъ сшиваетъ куски полотна любящая мать мертвому сыну, такъ шила Акулина Елизаровна бѣлье для своего Ардальоши.

— Переѣдетъ, не будетъ его у меня, голубчика! — причитала она, по своему обыкновенію вслухъ, тихимъ шопотомъ и украдкой отирала слезы. — Переѣдетъ! семнадцать лѣтъ жили вмѣстѣ... маленькаго грудью кормила... Растила, няньчила... Дура я, дура необразованная, что я плачу, развѣ я могу съ сыномъ-то жить?.. Мучить-то его своимъ холопствомъ? Чтобъ товарищи-то отъ него бѣгали и на смѣхъ его поднимали... Охъ ты, Господи, Боже мой, Мать Пресвятая Богородица, Владычица Небесная!..

— Что вы, маменька, все плачете?—спрашивалъ возвращавшійся изъ гимназіи Ардальонъ.

— Какъ же мнѣ не плакать, батюшка? съ тобою разстаюсь,—слезливо сморкалась Акулина Елизаровна.

— Такъ вѣдь не хороните же меня! Будемъ видѣться. Вѣдь нельзя же мнѣ въ этой конурѣ жить! Вотъ меня на кондицію одинъ помѣщикъ приглашаетъ.

— На что же это онъ тебя приглашаетъ?

— Дѣтей учить.

— А-а!

— Вотъ въ деревню съ нимъ уѣду...

— Господи!—всплеснула руками Акулина Елизаровна и уставила глаза на сына.—Уѣдешь, какъ же это, батюшка!

— Что же, маменька, вѣдь это мнѣ счастье. Шутка ли сколько денегъ заработаю! Отъ этого моя будущность зависитъ... Не могу же я здѣсь, маменька, жить... Я васъ люблю, но вѣдь надо привыкать жить одному... Потомъ, и по службѣ

можетъ тоже такой случай выйти, что надо будетъ въ отъѣздъ... Вѣдь служба не посмотритъ на наши слезы.

— Охъ, знаю, батюшка, знаю... Христосъ съ тобою! Да неужто ты думаешь, что я твоей судьбѣ стану мѣшать... Да какая же я мать была бы послѣ этого?.. Развѣ я не знаю!.. Вѣдь дура я, вотъ отчего и плачу, ты на эти слезы вниманья не обращай...

— Да и я такъ только сказалъ, что здоровье портите...

— Ну его, здоровье-то мое!.. Вырастила тебя, слава Богу, теперь на покой пора... Ты живи...

Акулина Елизаровна торопливо отирала слезы и принималась снова за работу.

Если не весело теперь жилось Акулинѣ Елизаровнѣ, то хоть и весело, но не легко жилось и Ольгѣ Васильевнѣ. Она рѣшилась дѣлать доброе дѣло, не разсчитывая, достанетъ ли у нея силъ и средствъ на этотъ подвигъ. Доброе дѣло—вещь прекрасная, но (хотя въ этомъ и грустно сознаться чувствительнымъ сердцамъ) и къ нему нужна подготовка, даже болѣе серьезная, чѣмъ подготовка къ самымъ злодѣйскимъ поступкамъ. Послѣдніе удаются легче. Чтобы не считать этой мысли за парадоксъ, спросите себя: что легче—убить или вылѣчить человѣка? Лѣченіе ближнихъ—дѣло прекрасное; лѣченіе же бѣдныхъ, лѣченіе даромъ еще прекраснѣе, но можно ли поощрять тѣхъ добрыхъ, превосходныхъ женщинъ, которыми полны наши уѣздные города и деревни и которыя, затративъ свои деньги, рѣшились безъ всякой подготовки лѣчить даромъ своихъ ближнихъ гомеопатіей! Вы не докажете, что, совершенно не зная медицины, можно узнать характеръ болѣзни, и что, не зная характера болѣзни, можно ее лѣчить; значитъ, эти женщины могутъ приносить только вредъ или совершенно безполезно, подобно бѣгающимъ въ колесѣ бѣлкамъ, убивать свой трудъ. Но взгляните на ихъ любовь къ ближнимъ, самоотверженную затрату денегъ, на ихъ смѣлыя посѣщенія опасныхъ больныхъ, на ихъ геройское перевязыванье и обмываніе язвъ, и попробуйте сказать послѣ всего этого: онѣ взялись за дурное дѣло. Я скажу только одно то, что онѣ взялись за доброе дѣло, но взялись за него въ чаду глубокихъ соображеній, подъ вліяніемъ прописного правила: дѣлай добро ближнимъ! и не обвиню ихъ за то, что прописи не сказали имъ: лучше не дѣлайте добра, если васъ не подготовляли, не хотѣли подготовлять къ этому, думая, что вы не способны даже на это по своей натурѣ. Бѣдныя женщины, на-

смѣшку прописей вы приняли за истину! «Дѣлай добро» на языкѣ прописей значитъ: ходи на головѣ, думай ногами, топи ночи льдомъ... Не я брошу въ васъ камень! Не разъ въ жизни слушалъ я съ горькою улыбкой, какъ вы же первыя возставали противъ женщинъ, вздумавшихъ учиться медицинѣ, желчны были ваши нападки на суующихся не въ свое дѣло вашихъ сестеръ. Но, богобоязненныя, человѣколюбивыя, вы ли были виноваты, что васъ не пріучили даже думать? Весь процессъ вашей мысли сложился въ какой-то чадъ глубокихъ соображеній, напоминающихъ логику жалкой помѣщицы Коробочки. Вы многихъ заставляете страдать, многимъ отравляете жизнь, но все это изъ желанія добра, одного добра!.. Хорошо ли, худо,—Ольга Васильевна начала давать уроки,—тутъ не мѣсто говорить о ея подготовкѣ къ этому дѣлу,—у нея было много знакомыхъ, и недостатка въ ученицахъ и ученикахъ не было, но жизнь дорога, а трудъ дешевъ. Потому Ольгѣ Васильевнѣ пришлось, во-первыхъ, лишить своихъ кузинъ доли маленькихъ подарочковъ; во-вторыхъ, выслушивать за это самое вѣчныя жалобы и птичій пискъ кузинъ-птичекъ; въ-третьихъ, пришлось хуже прежняго одѣваться. Ея платья сдѣлались смѣшны, они вышли изъ моды, пообносились, подшились и стали короче; шляпка покрылась сальцемъ отъ помады; платочки, прежде красивые и яркіе, теперь полиняли, выкрасились и стали черненькими; такая же участь скоро постигла и платья, и шляпку. Ольга Васильевна въ одинъ прекрасный день могла бы увидѣть себя въ этомъ траурномъ нарядѣ, если бы она имѣла время и охоту смотрѣться въ зеркало и думать о себѣ; но она,—къ счастью или къ несчастью, я этого не знаю—забыла совершенно о существованіи жиденькой гувернантки и видѣла и любовалась только однимъ существомъ—Варей, которая теперь сдѣлалась для нея дороже ея собственной особы; насколько это было полезно Варѣ,—опять не наше дѣло. Забывъ о себѣ и помня только о Варѣ, Ольга Васильевна, очень естественно, думала, обѣдая въ гостяхъ: «какъ жаль, что Варя не ѣстъ этихъ слоеныхъ пирожковъ!» — и одинъ изъ пирожковъ исчезалъ со стола въ ея карманъ. Такія же мысли являлись у нея, когда подавались къ чаю вкусныя бріоши, и бріошь незамѣтно переходила въ карманъ въ то время, какъ всѣ думали, что Ольга Васильевна насладилась ею, и спрашивали, «понравилось ли ей это печенье, купленное въ новой булочной, такъ какъ старый булочникъ разжился и совсѣмъ

испортился». Черезъ мѣсяцъ, Ольга Васильевна торопливо пропорола полотнище платья на лѣвой сторонѣ и вшила второй карманъ... Это событіе очень радовало ее, потому что провизія пирожковъ, бріошей, яблоковъ, апельсиновъ и тому подобныхъ предметовъ гастрономической роскоши могла увеличиваться. Похищеніе—если можно такъ назвать прятанье предложенныхъ намъ лакомствъ—было скоро подмѣчено, какъ это всегда бываетъ, быстроглазыми дѣтьми; они первыя сообщили своимъ papas и mamans, что учительница прячетъ провизію въ карманы, что у нея ихъ два, съ обѣихъ сторонъ платья. Это возбудило смѣхъ. Разговоръ господъ, какъ это тоже всегда водится, дошелъ до слуха прислуги, и она первая переименовала Ольгу Васильевну изъ *учительши* въ *побирушку*.

— Кто тамъ звонилъ?—спрашивалъ лакей, проводившій все время въ дремотѣ и кражѣ барскаго вина.

— Побирушка наша пришла,—отвѣчала егоза-горничная, улучшавшая обѣдъ для прислуги объѣдками съ господскаго стола.

— Опять напрячетъ всего. Какъ она бутылокъ не носитъ, чтобъ вино сливать!

— Третьяго дня пять пирожковъ утащила,—промолвила горничная, вѣроятно забывъ, что эти пирожки передала она своему троюродному или какому-то другому брату.

— А еще барышней зовется! Хуже насъ, хамовъ!

— Ну, ужъ барышня! Видали мы этакой-то дряни!

Горничная имѣла полное право презирать Ольгу Васильевну, потому что та въ послѣдній новый годъ, краснѣя и бормоча извиненія, дала ей вмѣсто обычнаго рубля только двугривенный!

Эти разговоры не ушли отъ слуха господъ,—я этимъ не намекаю на то, что господа могутъ подслушивать или выспрашивать слугъ о своихъ знакомыхъ,—и презрѣнье прислуги необходимо должно было отразиться и на образованныхъ господахъ. Ужъ если даже лакей презираетъ кого-нибудь, то какъ же господину стоять ниже его по своимъ нравственнымъ взглядамъ. Это было бы стыдно и нелѣпо, нечестно даже, если хотите, такъ какъ подобный поступокъ роняла бы, нѣкоторымъ образомъ, значеніе образованности развитія. Ольгу Васильевну стали трактовать съ тономъ покровительства, какъ бѣдное и голодное созданье, падающее до безнравственности отъ бѣдности и голода. Ей стали прямо говорить:

— Возьмите, Ольга Васильевна, себѣ этотъ пирожокъ! Ольга Васильевна, душечка, мы вамъ велѣли рябчика завернуть. Вы, милочка, не сердитесь; вѣдь мы васъ, какъ родную, любимъ и знаемъ, какъ вамъ неудобно готовить для себя одной. Это крайне невыгодно. Какъ тяжело у насъ женщинѣ жить одной: мужчина въ кухмистерской можетъ пообѣдать, а женщинѣ мѣшаютъ эти глупые предразсудки и обращеніе нашихъ звѣрей-мужчинъ. Одной же держать столъ невозможно, просто невозможно при этой дороговизнѣ. Право, при видѣ этого иногда готова проповѣдывать въ пользу ассоціацій, а ужъ, кажется, знаешь, какое это зло, какъ это... это... подрываетъ тамъ, ну, знаете, эти... эти основы...

Далѣе барыни вздрагивали, договорившись до «основъ», и рѣчь шла въ серьезномъ тонѣ, съ извѣстною долей запинокъ и подыскиванья разныхъ ученыхъ словъ. Ольга Васильевна, краснѣя, принуждена была брать завернутаго въ бумагу рябчика, дерзко сунутаго ей горничною, и, улыбаясь, благодарила «душеньку», «миленькую», «голубушку», то-есть эту горничную. Черезъ мѣсяцъ еще, она уже не краснѣла, и что же ей было краснѣть? Она, Ольга Васильевна, не существовала, — существовала одна Варя, а для Вари можно было сдѣлать все.

— Настоящая старая дѣвка сдѣлалась,—говорилъ то тотъ, то другой мужъ женѣ про Ольгу Васильевну.—Я думаю, у нея тамъ на цѣлый годъ провизіи запасено.

— Я думаю! Мнѣ кажется, у нея привязные карманы подъ платьемъ.

— Что ты? Ха-ха-ха!.. Однако, серьезно говоря, это отвратительная скаредность! И какъ она одѣвается, платье—поддергулька какая-то, шляпка блиномъ...

— Да, я ее какъ-то на улицѣ встрѣтила,—маршируетъ она по грязи, точно отъ кредиторовъ улепетываетъ,—я, согрѣшила, сдѣлала видъ, что не вижу ея; да она и не замѣтила меня, она, кажется, и никого не видитъ, бѣгая по городу.

— Хорошо еще, что сплетнями не занимается...

— Ну, мой другъ, не вѣрю я этому! Недаромъ она изъ дома въ домъ шмыгаетъ... Правда, я ее разспрашивала, знаешь, для испытанія, про тѣхъ и про другихъ—такъ ничего не сказала, вѣдь она хитрая... у-у, какая хитрая! знаетъ, что я не терплю сплетенъ: я вѣдь и разспрашивала, такъ мнѣ было гадко, гадко; можетъ-быть, вѣдь и на лицѣ

моемъ это было видно... А то, я думаю, сплетничаетъ... Вотъ хотѣлось бы мнѣ узнать, что она про Ивашевыхъ говоритъ, выпытаю у нея непремѣнно, ужъ ихъ-то, я думаю, чернитъ, чернитъ хуже грязи...

— Хорошо еще, что дѣти поняли всю смѣшную сторону этой скаредности и попрошайства, а то иначе она вредно бы подѣйствовала на нихъ; теперь же это даже полезно, они смѣются надъ ней. Она служитъ имъ вмѣсто Илота. Вчера я самъ слышалъ, какъ Ванька съ серьезнѣйшимъ видомъ предлагалъ ей пастилки, и вѣдь не улыбнулся, подлецъ,—ни-ни!

— И взяла?

— Взяла, даже поцѣловала Ваньку. А у него, у мошенника, только щеки надулись, и глаза таращатся, чтобы удержать смѣхъ. Бестія будетъ мальчишка!

Супруга пожала плечами и покачала головой, благодаря въ душѣ Бога, что она совсѣмъ не похожа на Ольгу Васильевну, что ей не пришлось просидѣть въ дѣвушкахъ и дойти до этой грязной сальности, до этого безстыдства. Варя видѣла, какъ у Ольги Васильевны, мало-по-малу, истлѣлось все цвѣтное изъ туалета, и попробовала протестовать противъ чернаго крашеннаго облаченія, не понимая, что только при этомъ облаченіи она сама могла одѣваться въ цвѣтное. Но Ольга Васильевна сказала ей, что она уже отжила свой вѣкъ, что ей пора перестать щеголять, что, наконецъ, на улицѣ дѣвушка безопаснѣе въ темной одеждѣ, что къ ней не пристанутъ нахальные провожатые, что черное удобнѣе и для занятій ея съ маленькими дѣтьми: чернилъ на немъ не видно. Варя, цѣлуя, упрекала сначала Ольгу Васильевну и за пирожки, говоря, что она напрасно ихъ покупаетъ и тратится на нее. Потомъ, мало-по-малу, ей стала открываться часть истины, и она начала краснѣть за Ольгу Васильевну. «Она,—думала Варя,—и въ пансіонъ привозила вечеромъ по воскресеньямъ конфеты и пирожки, значитъ, она и тогда была попрошайкой, и, слава Богу, что это не для меня дѣлается». Варя не знала, что Ольга Васильевна привозила въ пансіонъ конфеты и пирожки не отъ знакомыхъ, а изъ кондитерской, гдѣ постоянно оставляла часть своего жалованья, любя, въ качествѣ жиденькой гувернантки, полакомиться и побаловать любимыхъ воспитанницъ. Эта черта первая примѣшала къ Вариной любви долю какого-то страннаго, непріятнаго чувства. Ольга Васильевна стала казаться Варѣ

ниже ея самой, показалась женщиной, любящей унижаться, любящей собирать всякую дрянь. Варѣ нерѣдко казалось, что Ольга Васильевна готова носить обноски изъ жадности, только бы не купить ихъ. А Варя даже вѣдь обидѣлась, чуть не заплакала, когда Дикобразовъ вполнѣ радушно предложилъ ей подарить фортепьяно? Вотъ какова была сама Варя! И вотъ та самая Ольга Васильевна, которую боготворили, — разумѣется, съ свойственною имъ искренностью,—кузины за ея частые подарки, за ея даровые уроки, за ея самоотверженную преданность, стала черносалопницей, попрошайкой, врагомъ слугъ, посмѣшищемъ дѣтей, предметомъ благодѣяній взрослыхъ, алчной побирушкой, вселявшей что-то въ родѣ отвращенія въ то самое существо, которое погибло бы черезъ минуту, если бы эта алчная побирушка сказала:

— Довольно! Ольга Васильевна снова будетъ прежней Ольгой Васильевной, жиденькой гувернанткой, мокрой курицей, пансіонской тряпкой; она устала играть роль Трезора!

А между тѣмъ, это существо, наша Варя, приготовлялась къ экзамену. Экзаменъ въ университетѣ былъ назначенъ весною. На каждый предметъ посвящался день въ недѣлю. Пріѣзжали на экзаменъ и дѣвицы въ блестящихъ собственныхъ экипажахъ, державшія экзаменъ изъ прихоти; тащились на извозчичьихъ клячахъ дочери болѣе бѣдныхъ родителей, и приходили пѣшкомъ совсѣмъ бѣдныя дѣвушки; собирались и молодыя созданія, и старыя дѣвы. Пестрота одеждъ, званій, возрастовъ, физіономій была полная. Но всѣ эти созданія были барышни очень обыкновенныя, и, значитъ, знакомства и самая прочная дружба завязывались въ одну минуту.

— Позвольте, у васъ воротничокъ завернулся, — говорила одна.

— Ахъ, благодарю васъ! Я такъ торопилась, думала, опоздаю!—отвѣчала другая.

— Да, да, я сама торопилась. Вы первый экзаменъ держите?

— Нѣтъ, второй.

— Ну, такъ вы ознакомились, вѣрно. А я такъ боюсь, такъ боюсь!

— Ничего. Тутъ не страшно. У васъ сережка отстегнулась. Позвольте я поправлю.

— Ахъ, merci, merci, merci!.. Сядемте рядомъ.

— Да, да. Я такъ рада, что вы мнѣ попались. Такъ непріятно быть между незнакомыми.

— О, я вполнѣ согласна съ этимъ. Все чужія, незнакомыя, неловко такъ. Такъ мы вмѣстѣ будемъ сидѣть и на будущей недѣлѣ?

И обѣ барышни вполнѣ были рады, что онѣ не будутъ между незнакомыми и чужими: онѣ уже знакомы, искренно любятъ одна другую и по дорогѣ узнаютъ всѣ тайны другъ отъ друга, черезъ день забѣгутъ другъ къ другу, черезъ недѣлю другъ за друга напишутъ сочиненіе или рѣшатъ задачу на экзаменѣ, черезъ мѣсяцъ... черезъ мѣсяцъ одна изъ нихъ, обнявъ своего друга, шепнетъ своимъ другимъ друзьямъ, что этотъ другъ пренавязчивое существо и воображаетъ себя красавицей, а между тѣмъ у нея «и тутъ, и тутъ, и тутъ вата!»

Варя не была какимъ-нибудь идеальнымъ исключеніемъ рода человѣческаго и имѣла тѣ же добродѣтели и тѣ же пороки, которые имѣли и ея сестры-барышни. Она точно такъ же поправила одной новой знакомой воротничокъ, поблагодарила другую за указаніе на разстегнутую сережку, поклялась въ вѣчной дружбѣ третьей за то, что та сидѣла рядомъ съ нею на трехъ экзаменахъ. Послѣ третьяго экзамена у Вари было уже нѣсколько искреннихъ друзей, радовавшихся, что имъ приходилось идти по одной дорогѣ. Маленькія сестры, маленькія подробности о своемъ прошломъ, маленькія жалобы на своихъ враговъ,—все это быстро и крѣпкими, чрезвычайно крѣпкими, узами связало дѣвушекъ,—конечно, навѣкъ.

— Ахъ, вы съ Ольгой Васильевной Суздальцевой живете!—сказала одна изъ искреннихъ подругъ Вари.

— А вы ее знаете?—спросила Варя.

— Кто же не знаетъ Ольгу Васильевну? Это нарицательное имя! Это типъ!—засмѣялась новая подруга Вари.

— Чему вы смѣетесь?

— Нѣтъ, нѣтъ, душечка, я не скажу! Вы, можетъ-быть, ей родня?..

— Нѣтъ, мы чужія, мы совсѣмъ чужія, у меня нѣтъ родныхъ, — сухо, но торопливо произнесла Варя и покраснѣла.

— Ну, такъ я могу сказать! Она такая смѣшная! Я ее не знаю сама, но въ городѣ о ней говорятъ. Она вхожа въ десятки домовъ; вездѣ поспѣетъ она; мнѣ разсказывали про нее. Она воруетъ у всѣхъ кушанье, у нея привязные карманы. Ее всѣ зовутъ побирушкой. Это типъ старой дѣвы-учительницы...

— Это неправда!—воскликнула Варя и покраснѣла еще болѣе, сознавая, что она лжетъ, что это правда, гадкая для нея самой правда.

— Вотъ мило! Разумѣется, она вамъ не покажетъ своихъ похищеній. Всѣ жидоморки притворяются, что онѣ ничего не берутъ отъ другихъ. А что она побирается—это вѣрно. И вы, душечка, остерегайтесь ея; можетъ-быть, она выпрашиваетъ это для васъ, чтобы не такъ было стыдно самой. Она вашу репутацію можетъ испортить, пользуясь тѣмъ, что вы не имѣете знакомыхъ въ свѣтѣ...

Варя поблѣднѣла. Ей стало, какъ день, ясно, что Ольга Васильевна выпрашиваетъ для нея эти пирожки, проситъ милостыню для нея. Варя вполнѣ поняла только теперь, какъ отвратительно поступала Ольга Васильевна; она сообразила даже, что Ольга Васильевна не по бѣдности, не по привычкѣ жить скромно, но по желанію не вводить ее, Варю, въ свѣтъ, не знакомитъ ее ни съ кѣмъ за исключеніемъ Гребешковыхъ,—вѣдь въ первомъ новомъ семействѣ знакомыхъ Варя узнала бы истину, а этого-то и боится Ольга Васильевна. Варя негодовала до глубины души. Злоба, стыдъ, отвращеніе мѣшались въ ней въ одно тяжелое чувство. Въ день этого знаменитаго открытія истины Ольга Васильевна возвратилась домой усталая и предложила Варѣ, по обыкновенію, пирожки.

— Что это вы, Ольга Васильевна, пирожки отвсюду таскаете? — сказала съ раздраженіемъ Варя, замѣнивъ обычное «мой другъ» болѣе вѣжливыми и болѣе холодными словами.

— Душа моя, ты ребенокъ, и я знаю, что ты любишь лакомиться,—начала простенькая Ольга Васильевна.

— Но не милостынею, не обглодками!—прервала ее Варя.

— Об-глод-ками!—съ недоумѣніемъ повторила Ольга Васильевна и печально начала вертѣть пирожокъ, точно желая удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ обглоданъ.

— Разумѣется, обглодками. Развѣ вы думаете, что я не понимаю, что вы выпрашиваете эти пирожки, что вы на мое имя выпрашиваете ихъ, жалуясь, что вамъ нечѣмъ меня кормить, марая мою репутацію, заставляя людей указывать на меня пальцами...

— Варя! Варя!

Ольга Васильевна тихо положила пирожокъ на столъ и начала безъ всякаго сознанія рыться въ рабочемъ столикѣ. Уже нѣсколько крупныхъ, горячихъ слезъ упало на ея

руки, но она ихъ не замѣчала и все чего-то искала. Наконецъ, она вынула вышивку и начала работать, но игла не попадала въ матерію, глаза ничего не видали, а слезы все текли и текли... Ни одного вздоха, ни одного упрека не вырвалось изъ груди Трезора; но Варя смутилась и, сознавая всю свою правоту, почему-то стыдилась взглянуть на эту безмолвную, покорную фигуру со слезами на щекахъ. Варя сконфуженно ходила по комнатѣ. Прошло съ часъ времени. Игнатьевна вошла объявить, что самоваръ скипѣлъ.

— Можете его подать, Авдотья Игнатьевна,—произнесла Ольга Васильевна, поспѣшно отирая катившуюся по щекѣ слезу.

Самоваръ подали.

— Варичка, не послать ли за сухарями?—спросила Ольга Васильевна.

— Нѣтъ... Я не хочу...

— Я тебѣ налила, мой другъ... Какъ экзаменъ? — раздался робкій вопросъ.—Ты меня встрѣтила такъ... то-есть, ты была раздра... Ахъ, Боже мой!.. Ну, какъ же прошелъ экзаменъ?

Ольга Васильевна терялась и не находила словъ; ей хотѣлось объяснить, что она боится, не произошло ли раздраженіе Вари отъ неудачи.

— Ничего, хорошо.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Ты меня... про... прости... не сердись! — шопотомъ произнесла Ольга Васильевна и неожиданно припала губами къ рукѣ Вари.

Несчастное существо въ теченіе часа раздумывало о своей судьбѣ, перебирало всѣхъ своихъ знакомыхъ, родныхъ, представляло себѣ свое будущее и видѣло, что среди всего этого волнующагося міра оно теперь стало не нужно никому; что этотъ людный городъ для него пустыня, гдѣ оно видитъ только одного близкаго живого человѣка—Варю, и этотъ-то человѣкъ готовъ уйти. Ольга Васильевна испугалась могильнаго одиночества среди тысячеустной толпы...

Варя вся вспыхнула, у нея сердце перевернулось отъ этого поцѣлуя; она за что-то даже упрекала себя, хотя понимала, какъ глубоко виновата передъ нею Ольга Васильевна, какъ скверно поведеніе послѣдней, но по добротѣ, по великодушію, столь свойственнымъ молодымъ дѣвушкамъ, подобнымъ Варѣ, простила Ольгу Васильевну и тихо поцѣловала ее. Ольга Васильевна разрыдалась...

Характеръ Вари высказался вполнѣ,—болѣе нечего ждать отъ него. Это характеръ бездомнаго пролетарія, брошеннаго нами безъ сожалѣнія, лишеннаго всѣхъ опредѣленныхъ обязанностей, дающихъ право на жизнь. Наши радости, наши скорби, наша слава и нашъ позоръ, все, все будетъ ему чуждо,—его не призвали раздѣлить ихъ. Ему бросали тѣ или другія личности кусокъ хлѣба, онъ не зналъ, за что ему брошенъ этотъ кусокъ хлѣба, и въ то же время онъ сознавалъ, что точно такъ же спокойны остались бы мы, если бы ему и не бросилъ никто этого черстваго куска. Его интересы не близки намъ, потому они вдвое ближе ему. Насъ цѣлое общество, а онъ одинъ; ему нужно быть безпощаднѣе, злѣе въ борьбѣ, потому что вся его жизнь будетъ борьба,—борьба съ нами, закрывшими передъ нимъ свои двери. Это—страшное существо, но въ то же время это жалкое, до боли жалкое существо. Ольга Васильевна помнила пансіонскихъ подругъ, помнила, что о ней заботились десятки людей въ молодости, что они развили въ ней потребность любви, поставили ее на извѣстную дорогу, сказали: ты получаешь образованіе, чтобы учить нашихъ дѣтей,—а Варя, кто указалъ ей ея мѣсто въ обществѣ? Скрипицына? Ольга Васильевна? Отдѣльныя личности, взявшія ее, потому что она была жалка, а онѣ одиноки. Подвернись имъ другая дѣвочка въ то же время,—и Варя осталась бы на улицѣ, была бы брошена. Всей ея судьбой управляла случайность, и она почувствовала, угадала это, и не привязалась ни къ чему. И стòитъ ли привязываться къ тому, чтò можетъ черезъ минуту измѣниться, смѣниться новою случайностью? Не стоило бы слѣдить за жизнью этого безучастнаго, ледяного и въ то же время надменнаго существа. Но оно будетъ сталкиваться съ нами и потому посмотримъ: кто прольетъ больше слезъ; оно ли, одинокое, брошенное нами, или мы, сошедшіеся дружно въ кружокъ, довольные, сытые? Наши роли раздѣлятся такъ: мы забудемъ про него и будемъ веселиться, наслаждаться жизнью, интересоваться своими общими задачами и вопросами, а оно будетъ—мстить...

XI.

Бѣдные жильцы прощаются съ большимъ домомъ.

Съ этой роковой минуты, которую мы описали въ предъидущей главѣ, у Ольги Васильевны явились новыя заботы, новыя соображенія и, вслѣдствіе ихъ, развилась новая

черта въ характерѣ; умѣнье изобрѣтать и обманывать. Она стала теперь носить пирожки и рябчиковъ, но не выгружала ихъ при Варѣ, а отдавала Игнатьевнѣ и уговаривала ту подогрѣвать ихъ и дѣлать видъ, что это все куплено или приготовлено дома. Очень часто Игнатьевну посылали купить пятокъ апельсиновъ, который уже два дня лежалъ въ кухонномъ шкапу и совсѣмъ не былъ купленъ. Варя, между тѣмъ, искала мѣста, публиковала о себѣ въ газетахъ и приготовляла себѣ разныя принадлежности женскаго туалета. Наконецъ, мѣсто нашлось отличное и нашлось не черезъ газеты. Наставали дни разлуки. Уже въ іюнѣ мѣсяцѣ въ послѣдній разъ собрались всѣ бѣдные жильцы ленныхъ владѣній, по случаю отъѣзда Ардальона. Молодежь сидѣла въ комнатѣ Ольги Васильевны, у маіорской дочери собрались старыя жилицы. Разговоры не вязались: какой-то гнетъ грусти, недовольства и раздраженія лежалъ у всѣхъ на душѣ.

— Вотъ и несчастье пришло и разлука подоспѣла,—замѣтилъ Порфирій.

— Ну, какое же несчастье?—воскликнулъ Ардальонъ.— Я на мѣсто ѣду, Варя тоже; тебѣ одному плохо, потому что ты вышелъ изъ гимназіи, глупость сдѣлалъ.

— А какъ же бы ты сдѣлалъ?—спросилъ Порфирій.

Онъ похудѣлъ и словно выросъ въ послѣднее время, его лицо было серьезно и сурово. Онъ начиналъ понимать, что онъ теперь глава дома, и съ чисто юношескою надменностью, не лишенною прелести, исполнялъ эту роль.

— Остался бы учиться.

— А мать-то, братьевъ и сестеръ бросилъ бы.

— Да-а...

— И то хорошо,—желчно промолвилъ Присухинъ.

— Да ты пойми меня, ты вотъ все меня какимъ-то бездушнымъ считаешь,—началъ Ардальонъ.—А я вотъ какъ думаю: твоя мать въ теченіе года перебилась бы, а ты-то, кончивъ курсъ, былъ бы полезнѣе ей, чѣмъ теперь. Кто тебя безъ диплома возьметъ на службу?

— Служу же теперь,—отвѣчалъ Порфирій.

— Да, хороша служба! Корректуру знакомый типографщикъ, Христа ради, сталъ давать...

— Не Христа ради, а потому, что дешево взялъ...

— Ну, это все равно. На это не разживешься.

— Однако, я и перепиской зарабатываю, и еще время остается на ученье братьевъ и на свои занятія.

— А что изъ твоихъ занятій выйдетъ? Ну, выучишься ты всему, ученѣе меня будешь, а сунь носъ на государственную службу, не бывъ въ университетѣ,—такъ и не примутъ.

— Ты это насчетъ диплома говоришь?

— Да.

— Ну, такъ знай же, что никакихъ дипломовъ не буду я брать, ни на какую службу не пойду, а добьюсь того, что всякій подлецъ мнѣ кланяться станетъ. Голова да руки есть, такъ безъ хлѣба не останусь!

Ардальонъ вытаращилъ глаза на Порфирія, услышавъ въ его голосѣ какую-то ѣдкую злобу и заносчивость.

— По правдѣ сказать, братъ, мнѣ противно твое отношеніе къ матери,—продолжалъ Приспухинъ.—Пріучила она тебя считать ее неблагородною, а себя благороднымъ, вотъ ты и гонишься за разными дипломами и свидѣтельствами. Бери ихъ, они не мѣшаютъ, только сдается мнѣ, что будешь ты чиновникомъ вонъ такимъ, какъ тѣ, что съ моимъ отцомъ фальшивыя квитанціи писали...

Ардальонъ покраснѣлъ и отвернулся. Всѣ помолчали.

— Что тебѣ вздумалось ссориться на прощаньи?—ласково спросилъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ.

— Это не ссора; я просто сказалъ, что я думаю,—отвѣтилъ Порфирій.—Не обижайся, братъ! Всѣхъ насъ заѣла нужда. Вотъ взгляни, и онѣ всѣ горюютъ,—указалъ онъ на женщинъ, сидѣвшихъ въ комнатѣ маіорской дочери.—Твоя мать плачетъ, что не можетъ жить по своему неблагородству съ тобою, а ты привыкъ къ этой мысли и повѣрилъ, что это правда. Моя мать мучается, что я изъ-за нея здоровье гублю; а скажи я, что я переѣду, она меня удержитъ. Да и не можетъ не удержать... Впрочемъ, и я-то не уѣду. Что я безъ ея любви?.. Кому нуженъ?

— Порфирій, мы васъ любимъ,—промолвила тихо Варя.

— Полноте, Варвара Семеновна! Мы привыкли другъ къ другу, а кто кого любитъ—это узнаемъ послѣ, когда другъ другу помочь будетъ нужно. Кто первый прибѣжитъ на крикъ,—тому и дипломъ на любовь...

Всѣ помолчали.

— А вѣдь это вы правду говорили о томъ, что насъ бѣдность заѣла,—замѣтила Варя.—Вотъ и Ольга Васильевна унижается, потому что и я, и она бѣдны.

— Разумѣется. Долго я раздумывалъ,—задумчиво произнесъ Порфирій:—и увидалъ, что какъ ни бейся каждый

изъ бѣдняковъ, а въ концѣ-концовъ все то же выйдетъ,— придется или разойтись другъ съ другомъ, какъ Ардальону съ матерью, какъ Варѣ съ Ольгой Васильевной, или губить себя другъ для друга, какъ губимъ себя мы съ матерью... Мнѣ работать за троихъ приходится и о себѣ думать нельзя а ее это грызетъ,—а разстанемся, такъ еще хуже будетъ обоимъ... Вотъ если бъ мы всѣ вмѣстѣ-то остались жить, такъ дѣло лучше бы было...

— Ну, нѣтъ; я ужъ не осталась бы больше здѣсь!— воскликнула Варя.

— А были вѣдь и хорошіе дни,—элегическимъ тономъ произнесъ Ардальонъ:—помнишь Варя, какъ мы дѣтьми играли въ этой же комнаткѣ, твой отецъ былъ живъ. Порфирій въ тѣ годы еще буянилъ на дворѣ, иногда забѣгалъ и къ намъ. Все, каждая мелочь оживаетъ теперь передъ моими глазами и заставляетъ меня горевать объ этихъ дняхъ.

— О чемъ тутъ горевать, если все это надоѣло!—воскликнулъ Приснухинъ.

— Совсѣмъ не надоѣло; кто тебѣ это сказалъ? Я всей душой радъ бы воротить это время.

— Оно и воротилось бы, если бы не надоѣло тебѣ нытье твоей матери, вѣчная праздность Любови Алексѣевны и вѣчныя сплетни Игнатьевны. Варѣ тоже надоѣли и поцѣлуи, и пирожки Ольги Васильевны... Глупая, братъ, это жизнь и настроился ты на скорбь о ней, потому что ты нытьлюбишь. Дуннно было здѣсь и глупо прошло наше дѣтство. Слышались здѣсь ласки, но звучали онѣ словно заупокойное пѣніе, точно все кого-то отпѣвали здѣсь. Всѣ о хлѣбѣ охали, а добывать его никто не умѣлъ... Вотъ и мы выросли тоже олухами, не знаемъ, какъ взяться за дѣло и какое-такое это дѣло будетъ. Чортъ съ ней, съ этою жизнью, и да благословитъ Господь этихъ бѣдныхъ женщинъ за ихъ любовь къ намъ!

Лицо Приснухина горѣло лихорадочнымъ румянцемъ, и глаза сверкали уже не дѣтскимъ огнемъ.

— Дэвеча,—продолжалъ Порфирій страстнымъ тономъ:— кто-то изъ васъ сказалъ о вашей любви ко мнѣ. Вотъ эта-то любовь другъ къ другу есть все, что дала намъ хорошаго прошлая жизнь. Но мы еще сами не знаемъ, что такое любовь. Мы только цѣловать другъ друга умѣемъ, а когда нибудь понадобится и помощь, и не нужны будутъ поцѣлуи. Я это уже испыталъ. Меня мать цѣлуетъ теперь, братья

ласкаютъ, а никто изъ нихъ не могъ мнѣ пособить, не могъ научить меня въ эти тяжелые дни. Дорого я далъ бы, если бы кто-нибудь поддержалъ меня теперь... Придется, можетъ-быть, и вамъ испытать такое горе, тогда идите ко мнѣ,—я помогу. Не знаю, поможете ли вы мнѣ, но я за себя ручаюсь.

Тонъ этихъ задушевныхъ словъ былъ до того искреннимъ, что ихъ нельзя было назвать хвастовствомъ. Ардальонъ, съ свойственной ему чувствительностью, бросился на шею къ Приснухину. Варя тихо подошла къ нему и поцѣловала его. Онъ вспыхнулъ и, совершенно растерявшись, прильнулъ губами къ ея рукѣ.

— Варя, я васъ очень люблю!—взволнованнымъ голосомъ прошепталъ Порфирій.

Варѣ даже и въ голову не пришло, что ей объяснялись въ любви, что эти слова вырвались изъ глубины этой открытой, честной души.

На другой день уѣхалъ Ардальонъ. Еще болѣе принизилась крошечная Акулина Елизаровна, еще жалобнѣе стали звучать единственныя три нотки ея голоса. Варя торопилась шить себѣ платья. Ольга Васильевна старалась добыть побольше денегъ на покупку нужныхъ для Вари вещей. Наконецъ, осенью переѣхала съ квартиры и Варя... Всѣ были какъ-то грустны, словно не на жизнь провожали цвѣтущую юность, а готовились къ ея похоронамъ. Повидимому, и Ольга Васильевна, при поступленіи Вари на мѣсто, могла снова начать жизнь жиденькой гувернантки и оставить ленныя владѣнія, опустѣвшія и безъ того. Но привычка къ новому образу жизни была уже очень сильна въ Ольгѣ Васильевнѣ. Она разсудила, что, во-первыхъ, она стала теперь свободнѣе жить, чѣмъ прежде, что у нея хотя нѣсколько часовъ въ день принадлежитъ собственно ей самой и не смущается шумомъ дѣтей; во-вторыхъ, она думала, что Варя можетъ, по какому-нибудь случаю, лишиться мѣста, и тогда ей снова понадобится помощь друга,—значитъ, лучше удержать квартиру за собой и быть всегда наготовѣ принять свою любимицу. Сообразивъ послѣднее, Ольга Васильевна рѣшилась копить деньги, чтобы Варя могла занимать ихъ у нея на свои нужды или, въ случаѣ своего замужества, сдѣлать на нихъ, хотя необходимое, приданое. Ольга Васильевна, несмотря на потребность копить деньги, все-таки рѣшилась на одинъ расходъ: на шитье новаго платья для себя, и дала себѣ слово не пользоваться чужими

прежними; но, внимательно разсмотрѣвъ свой гардеробъ, она увидѣла, что онъ еще очень и очень хорошъ, особенно, если вывернуть черное шелковое платье и изъ двухъ черныхъ люстриновыхъ сдѣлать одно. Она даже упрекнула себя въ стремленіи къ мотовству, когда выгладила распоротыя полотнища двухъ платьевъ и увидѣла, что у нея изъ остатковъ выйдетъ даже небольшая пелеринка. Что-то въ родѣ страха закралось въ ея сердце при мысли о своей склонности къ мотовству. «Такія ли теперь мои средства и лѣта, чтобы мотать?—думала она.—И вдругъ я захвораю, что тогда будетъ?» Ей стало казаться неблагоразумнымъ готовить для себя ежедневный обѣдъ, потому что ее непремѣнно гдѣ-нибудь накормятъ на урокахъ, да сверхъ того, что же она за исключеніе? Вѣдь не готовитъ же обѣдовъ никто въ своеобразномъ царствѣ Игнатьевны? И сама его правительница, и ея капитанша, и ея маіорская дочь, всѣ онѣ живутъ кофеемъ и ѣдятъ въ «сухомятку», то-есть, сегодня питаются ситникомъ съ колбасой, завтра вареным картофелемъ съ маслицемъ, послѣзавтра поѣдятъ рѣдечки съ кваскомъ да прихватятъ студеню, и только развѣ въ воскресенье испекутъ пирожокъ... Это и дешево, и удобно, хлопотъ меньше.

— Мы не семейные люди; Богъ напиталъ, никто не видалъ, а кто и видѣлъ, такъ тотъ не обидѣлъ. Живъ Богъ—жива и душа, не отъ хлѣба человѣкъ сытъ будетъ, какъ говорится. Куда намъ кушанья-то разстрнпывать, однихъ горшковъ потомъ не перемоешь; да оно и лучше, какъ въ печи-то у насъ стряпни нѣтъ: горшокъ съ горшкомъ столкнется, а тамъ и ссора. Ну ее, ссору-то!

Всѣ эти правила принимались всѣми, и только маіорская дочь, иногда чувствуя невыносимый голодъ, рисковала произвести неожиданный эффектъ и говорила, что ее у знакомыхъ угощали сегодня «тертымъ пуреемъ» и «французскимъ потажемъ»... Итакъ, Ольга Васильевна новела, несмотря на всѣ колебанія, ту же жизнь и иногда радовалась, угощая своихъ добрыхъ, добрыхъ сосѣдокъ разными кусочками рябчиковъ и пирожковъ. Она любила этихъ жилицъ отъ всей души; да, впрочемъ, кого же не любила Ольга Васильевна? Для нея всѣ, весь міръ были добрыми, добрыми, добрыми существами...

— Что вы, матушка, не подадите просьбы о вспомоществованіи?—спросила ее однажды ноющимъ голосомъ капитанша:—Убиваетесь вы работою, а тутъ, все-таки, вамъ денежная помощь была бы.

— Куда же это подать просьбу?—удивилась Ольга Васильевна.

— Какъ куда? гдѣ вашъ папенька изволили служить, или въ человѣколюбивое. Разумѣется, тутъ ужъ мало выдадутъ, къ митрополиту отошлютъ, ревизоръ пріѣдетъ. А нѣтъ, такъ подайте въ комиссію прошеній.

— Да я и не знаю, какъ написать эту просьбу.

— И, матушка, что̀ тутъ мудренаго; вотъ у насъ есть форма, вы съ нея и спишите... Гдѣ-то она у меня завалилась только... Память-то у меня стала... Все послѣ Ардальоши,— захныкала бѣдная женщина.—А вотъ, кажется, она. Я ее по уголку знаю, уголокъ вонъ тутъ оборванъ.

— «Ваше Сіятельство,—начала читать Ольга Васильевна затасканную и почернѣвшую отъ грязи бумагу.—Оставшись послѣ смерти мужа моего, коллежскаго совѣтника Тараканчикова, безъ всякой пенсіи и не имѣя состоянія, будучи притомъ обременена пятерыми малолѣтними дѣтьми, изъ коихъ»...

— Какъ же это?—сконфузилась Ольга Васильевна.—Тутъ о дѣтяхъ говорится и мужъ...

— А вы мужа-то выкиньте и дѣтей тоже, вотъ оно и подойдетъ. И Ардальоша такъ дѣлалъ. Это, видите, Тараканчиковой прошеніе; счастливое оно такое, всегда на него выдаютъ...

— Кто эта такая?

— А Христосъ ее знаетъ, коллежская совѣтница какая-то была. Мнѣ, знаете, эту форму-то одна знакомая дала, помяни ее, Господи, во царствіи Своемъ. Умерла она... Ардальоша былъ тогда малъ еще, охъ-хо-хо!.. Сочинять онъ, голубчикъ мой, тогда еще не умѣлъ, такъ вотъ съ формы и писалъ.

— Нѣтъ ужъ,—вздохнула Ольга Васильевна:—я не буду просьбы подавать. Какъ-то совѣстно.

— И-и, чего тутъ совѣститься. Для того и капиталы эти есть, чтобы бѣдные люди просьбы подавали,—заговорила строптиво Игнатьевна.—Вѣдь вотъ вы бѣдняетесь, бѣгаете, а вдругъ что̀ случится, захвораете, на вѣтеръ будь сказано, тогда деньги-то и пригодятся. Вѣдь безъ нихъ належитесь, никто и не поможетъ, ваши-то знакомые, чай, и не заглянутъ справиться о васъ. Вотъ знавала я одну учительшу, тоже неподалеку здѣсь жила; такъ, матушка, какъ захворала она, то ровно деревяжка какая навалялась, такъ и умерла, можетъ и не отъ болѣзни, а съ голода просто. Да что̀ хло-

поть было, какъ пришлось ее чужимъ людямъ хоронить...

Ольга Васильевна задумалась, и передъ нею воскресъ образъ этой брошенной учительницы. Она вздрогнула. Стало ей ясно, что ее ждетъ та же участь, если не будетъ скоплено денегъ. Она теперь думала объ этомъ съ невольнымъ страхомъ. Черезъ день, изъ просьбы вдовы Тараканчиковой вышло, при помощи всѣхъ жилицъ, прошеніе отъ имени Ольги Васильевны Суздальцевой. Ольга Васильевна краснѣла, составляя эту просьбу; она готова была выкинуть изъ нея и «ангела кротости и милосердія, и молитвы къ престолу Всемышнаго за истинно отеческую любовь» невѣдомаго для нея его сіятельства,—но ареопагъ феодальнаго государства возсталъ и безъ того на Ольгу Васильевну за то, что она не соглашалась въ своей просьбѣ «припасть къ стопамъ его сіятельства и лобзать его щедрую руку». Наконецъ, просьба написалась и была подана...

Изъ комиссіи принятія прошеній вышло довольно значительное вспомоществованіе.

— Ну, теперь въ человѣколюбивое подайте,—жалобно посовѣтовала капитанша.—Жаль, что вы замужемъ-то не были, дѣтей у васъ нѣтъ, а то и отсюда побольше бы на первый разъ выдали.

Разъ сочиненная просьба переписалась снова и подалась. Пріѣхалъ ревизоръ, сморщенный, тощій, съ разбитыми ногами и мигавшими отъ старости глазами. По совѣту своихъ опытныхъ наставницъ, Ольга Васильевна объявила, что она живетъ въ одной комнатѣ съ маіорской дочерью, что у нея глаза плохи, и работать она не можетъ. Старикъ, полудремотно сидя на стулѣ и какъ-то тыкаясь впередъ головою, безмолвно слушалъ исповѣдь просительницы.

— А вонъ, того..., пирожки ѣдите...—указалъ онъ на лежавшіе на столѣ пирожки.

— Батюшка, ѣсть нечего, такъ хозяйка сжалилась,—вмѣшалась Акулина Елизаровна, уже десятки лѣтъ знакомая съ ревизорами.

— Хоро-шіе пи-ро-жки,—сонно проговорилъ старикъ и нюхнулъ съ ногтя большого пальца табаку.

— Не угодно ли, если не побрезгуете,—предложила Акулина Елизаровна.

— Отъ хлѣба-соли, того... не отказываются... Что-жъ, попробую,—пробормоталъ ревизоръ и, стряхнувъ пальцы, выпачканные въ табакѣ, взялъ пирожокъ.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

— Такъ, того, кто мужъ-то былъ?—очнулся старикъ.

— Я дѣвица,—покраснѣла Ольга Васильевна.

— Без-дѣ-тная, значитъ... Ну, что-жъ, не у всѣхъ дѣти... Да и какія дѣти теперь!.. Н-да, такъ я, того, похлопочу-у. Охъ-хо-хо!—кряхтя, поднялся онъ со стула и медленною походкою, сопровождаемый поклонами и просьбами бѣдныхъ женщинъ, вышелъ вонъ.

Получилось и еще пособіе въ пять рублей.

Путь проторился...

Читатель, вѣроятно, очень часто встрѣчался съ бѣднымъ Трезоромъ—съ Ольгой Васильевной. Вонъ она съ нотами подъ мышкой въ черномъ коротенькомъ платьѣ, въ засаленной кофточкѣ, съ озабоченнымъ сухимъ лицомъ маршируетъ по грязи на уроки, бытъ-можетъ, къ вашимъ дѣтямъ, читатель...

II.

Подъ гнетомъ окружающаго.

I.

— А ну-ка, Михайло Ивановичъ Топтыгинъ, покажи намъ, какъ старыя бабы румянятся, въ зеркальце смотрятся, молодыхъ парней къ себѣ зовутъ,—говорилъ густымъ искусственнымъ басомъ довольно плотный, порядочно обрюзгшій и помятый кутежами, усачъ не первой молодости, одѣтый въ истасканную венгерку.

Въ отвѣтъ на эти слова ребенокъ лѣтъ шести, сидѣвшій на полу, поджавъ подъ себя ноги и держа въ зубахъ веревку, другой конецъ которой держалъ господинъ въ венгеркѣ, началъ изображать, какъ румянятся старыя бабы.

— А какъ мужики изъ кабака идутъ, пѣсни поютъ, да съ боку-на-бокъ переваливаются, земли подъ собой не слышатъ,—снова забасилъ немолодой господинъ.

Ребенокъ поднялся на кривыя отъ англійской болѣзни ноги и сталъ неуклюже, по-медвѣжьи, представлять пьянаго мужика, потомъ повалился на полъ и началъ ворчать, вѣроятно, желая изобразить, какъ ругается упавшій въ грязь пьяница.

Кругомъ раздавался дружный хохотъ пятерыхъ дѣтей, окружавшихъ этихъ двухъ странныхъ актеровъ.

— А ну, честные господа, не поднесете ли Михайлу Иванычу водочки?—забасилъ господинъ въ венгеркѣ.

Одинъ изъ дѣтей, мальчуганъ лѣтъ десяти, побѣжалъ къ шкапчику, досталъ оттуда графинчикъ, налилъ въ небольшую чарку водки и поднесъ ее старшему изъ комедіантовъ.

— Любишь, Михайло Иванычъ, водочку?—спросилъ господинъ въ венгеркѣ.

Ребенокъ, изображавшій медвѣдя, зарычалъ по-звѣриному и началъ утвердительно трясти головой.

— Молодецъ, Михайло Иванычъ! Только рыломъ ваше благородіе не вышло,—пробасилъ усачъ и разомъ осушилъ поднесенную ему чарку, опрокинувъ ее въ ротъ.

Въ кругу дѣтей снова раздался хохотъ; шестилѣтній мальчуганъ на четвереньках поскакалъ къ обманувшему его усачу, вскарабкался къ нему на колѣни и, сердито рыча, сталъ отнимать пустую чарку.

— Панка, панка, покажи ему, какъ лягушки скачутъ!—кричали со смѣхомъ дѣти.

Усачъ изобразилъ на столѣ, при помощи трехъ пальцевъ, какъ скачутъ лягушки, и вызвалъ новый взрывъ хохота.

Эта сцена происходила между отцомъ и дѣтьми въ большой комнатѣ помѣщичьяго дома въ деревнѣ Бабиновкѣ. Комната, гдѣ помѣщалась веселая компанія, несмотря на свою обширность, представляла очень мало простора, такъ какъ она была захламощена различными, не гармонировавшими одинъ съ другимъ предметами. Повидимому, это была дѣтская; тутъ стояли кровати разныхъ размѣровъ, валялись жалкія игрушки, висѣли на стѣнахъ дѣтскія одежды. Но при болѣе тщательномъ взглядѣ на комнату, она начинала казаться кладовой, куда внеслись, просто за ненужностію, въ числѣ другихъ вещей и разныя дѣтскія принадлежности въ родѣ сдѣланныхъ изъ бумаги киверовъ. Эти кивера, поломанныя деревянныя сабли, безногія куклы, торчали среди трехъ боченковъ изъ-подъ огурцовъ и капусты, еще сохранившихъ кислый запахъ среди изломанной маслобойни и испорченной кофейной мельницы, среди безструнной, заначканной грязными пальцами гитары и ненужнаго ящика изъ-подъ сальныхъ свѣчей, сообщавшаго комнатѣ свой ароматъ и наполненнаго стоптанными башмаками, пестрыми обрѣзками отъ обоевъ, нѣсколькими сбитыми подковами и тому подобной дрянью. Въ одномъ изъ угловъ

лежалъ общипанный вѣникъ, а такъ какъ въ этой комнатѣ, повидимому, никто не имѣлъ обыкновенія подметать соръ, да и не могъ бы подмести его этими сухими прутьями, то и они невольно наводили на вопросъ: попали ли они сюда, какъ необходимые спутники и хранители дѣтской жизни, или просто не выбрасываются они въ помойную яму потому, что въ этомъ домѣ люди имѣютъ обыкновеніе беречь въ кладовой всякій ненужный никому мусоръ? Въ концѣ концовъ, можно было прійти къ заключенію, что и дѣтская, и кладовая, и дѣти, и ненужный хламъ означаютъ въ этомъ домѣ одно и то же.

Но какъ бы ни были замазаны и оборваны, сколько бы толчковъ и колотушекъ ни получали при каждомъ кускѣ хлѣба эти дѣти, они, все-таки, были веселы, бойки, даже буйны, и изъ-подъ грязи на ихъ вѣчно загорѣлыхъ лицахъ такъ и пробивался яркій румянецъ здоровья. Болѣзненнымъ выглядѣлъ только самый меньшой изъ нихъ, страдавшій англійской болѣзнью. Глядя на нихъ, вы безъ труда могли догадаться, что этотъ мелкій народъ растетъ на военномъ положеніи, въ вѣчной готовности къ самозащитѣ и не унываетъ: ему дадутъ подзатыльника, а онъ выругается, и тѣмъ отведетъ свою душу; его безъ обѣда погрозятъ оставить, а онъ, очень хорошо зная, что такая угроза никогда не исполняется нѣжною матерью и нѣжною нянею, возьметъ да и украдетъ себѣ чего-нибудь изъ съѣстного и, такимъ образомъ, не только одинъ разъ пообѣдаетъ, а еще и закуску неожиданную устроитъ.

— Не кричи, мошенникъ! Мы тебя выпоремъ!—орутъ ему во все горло, а онъ на сѣновалъ заберется, да тамъ и сидитъ и слушаетъ, какъ его ищутъ, какъ толкуютъ:

— Охъ, не поджегъ бы онъ чего, сорванецъ! Охъ, не сдѣлалъ бы онъ чего надъ собою, оглашенный!

Слушаетъ онъ и ждетъ, когда раздадутся желанныя слова:

— Да ужъ выходи! Гдѣ ты тамъ застрялъ? Кто тебя, озорника этакого, сѣчь-то будетъ? Лѣсу на тебя не выросло.

— А варенья дашь?—вступаетъ озорникъ въ переговоры.

— Ну, такъ и есть, на сѣновалъ забрался! Ахъ, ты, Боже мой, наказалъ Ты насъ дѣтьми!

— Дашь варенья?—кричитъ озорникъ съ сѣновала.

— Нѣ-ѣтъ, ты погоди, погоди, кучеръ Никита изъ города вернется, онъ тебя веревками стащитъ. Вотъ будетъ тогда тебѣ варенье,—отвѣчаютъ ему его враги, отчасти успокоен-

ные тѣмъ, что онъ живъ, и что его мѣстопребываніе стало извѣстно.

— А я сѣно спалю!—угрожаетъ шельмецъ, зная, что нужно этого-то «пассажа» и боятся его враги.

Враги снова пугаются, опять вступаютъ въ переговоры, обѣщаютъ не вытягивать его веревками изъ засады, не бить по выходѣ оттуда, и, наконецъ, сдаются понемногу на выдачу варенья. Шельмецъ-народъ торжествуетъ; враги ругаются:

— Отъ рукъ отбился, разбойникъ! Голову свертѣлъ. О, чтобъ ихъ не было! Да и отецъ-то ихъ непутящій, съ собаками его не сыщешь, а сыщешь, такъ самъ же напла-чешься!

— А вотъ я отцу-то скажу, какъ вы ему бока-то моете,— угрожаетъ сорванецъ и дразнитъ враговъ.

— Погоди, погоди, въ солдаты угодишь, по владимірке уйдешь!—обѣщаютъ ему блестящую будущность враги, то-есть люди, принявшіе на себя обязанность воспитать его, поившіе его своимъ молокомъ, не спавшіе ночей во время его болѣзней и рыдающіе при первой его невзгодѣ.

Пробовали они и не поддаваться ему; случалось, что сгоряча они и безъ обѣда оставятъ, и высѣкутъ его, а онъ сейчасъ физіономію умирающаго постника устроитъ, едва ноги таскаетъ, сидѣть не можетъ, на постель приваливается и тайкомъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ реветъ на весь домъ.

— Чего ты? — сердито спрашиваютъ враги, дергая его за плечо.

— Ни-ни-че-го! — смиренно всхлипываетъ побѣжденный сорванецъ. — Живо-о-тикъ и го-оловка бо-лятъ! — рыдаетъ онъ.

— Экая невидаль! — небрежно замѣчаютъ враги и отходятъ отъ него, а у самихъ сердце сжимается отъ страху.

— Голова-то, и въ самомъ дѣлѣ, горяча, — шушукаются они между собою.—А отъ щекъ-то такъ и пышетъ, такъ и пышетъ! Охъ уже, право, горе съ ними.

А умирающій смиренникъ попрежнему украдкою реветъ на весь домъ.

— Поѣшь, лучше будетъ, — говорятъ враги, ткнувъ его въ бокъ.

— Не-не мо-огу я ѣсть!—рыдаетъ несчастный.

— Ну, вольному воля, спасенному рай!—отходятъ враги, все еще не теряющіе самообладанія.

— И не ѣсть ничего!—съ ужасомъ шепчутся они между

собою. — Горитъ, горитъ, точно отъ печки пышетъ! Охъ, своего ребенка уморили!..

И опять враги, попрекая другъ друга, идутъ ухаживать за умирающимъ сорванцомъ, а онъ ужъ, и въ самомъ дѣлѣ, до того наревѣлся, что весь горитъ и ѣсть не можетъ. Глядишь, въ домѣ всѣ впопыхахъ, всѣ въ тревогѣ: кучеръ Никита въ городъ за докторомъ скачетъ, нянька Мароа горчицу растираетъ, дѣвка Машка кувшины грѣетъ, мать озорника, въ сущности, ничего не дѣлаетъ, но всѣхъ больше мечется изъ угла въ уголъ и едва ноги волочитъ.

— Вотъ и высѣкла, вотъ и у праздника! — разводитъ она въ отчаяньи руками.

И ужъ послѣ этой исторіи надолго никто и думать не смѣетъ о сѣченьи...

Въ ту пору, съ которой начинается нашъ разсказъ, вся эта буйная братья была въ самомъ благодушномъ и веселомъ настроеніи духа по случаю выходящаго изъ ряда вонъ событія — двухмѣсячнаго пребыванія въ семьѣ главы дома, самаго буйнаго изъ всѣхъ буйныхъ членовъ этой компаніи. Онъ пріѣзжалъ домой только какъ-то проѣздомъ, какъ-то случайно, какъ на самую скучную изъ всѣхъ скучныхъ станцій, попадавшихся на пути его скитальческой жизни. Покуда выдумывалась новая затѣя, кто-то изъ ребятишекъ взглянулъ въ окно и разразился громкимъ смѣхомъ.

— Что? Что такое? — пристали его братья.

— Мамка, мамка-то, — захлебывающимся отъ смѣха голосомъ проговорилъ мальчуганъ: — мужика возитъ!

Этотъ возгласъ и указаніе на дорогу заставили всю ватагу подбѣжать къ открытому окну, и въ комнатѣ снова послышались раскаты дѣтскаго смѣха..

— Гляди, гляди, какъ шагаетъ!

— А мужикъ-то и руки, и ноги опустилъ, такъ и болтаются! — кричали озорники, держась за бока и шаловливо карабкаясь другъ на друга, чтобы лучше видѣть происходившую на улицѣ сцену.

Сцена на дорогѣ была, дѣйствительно, очень странная. Какая-то женщина, повидимому, барыня изъ небогатыхъ, шагая по грязи, тянула подъ-уздцы крестьянскую клячу. На клячѣ мѣшковато сидѣлъ мужикъ, болтая опущенными руками и ногами съ совершенно спокойнымъ и даже нахальнымъ видомъ. Кажется, его очень забавляло то обстоятельство, что ему не нужно править лошадью, которую за него ведетъ барыня. Барыня гнѣвно размахивала свободной

рукой и отъ времени до времени грозила мужику кулакомъ. Сквозь отворенное окно въ дѣтскую стали доноситься звуки голосовъ этой странной пары.

— Ты что это, по нашимъ овсамъ ѣздить вздумалъ? а?— кричала барыня.

— Какіе овсы-то теперь! — хладнокровно замѣтилъ мужикъ.

— А вотъ я тебѣ покажу, какіе!.. Да ты что сидишь-то? а?.. я иду, а ты сидишь!

— Я-то?—переспросилъ мужикъ.—Да сапоги замараешь, ишь грязь-то какая! — усмѣхнулся онъ, указывая кнутовищемъ на грязь.

— А! сапоги замараетъ! Я, барыня, иду, а онъ, вахлакъ, сапоговъ марать не хочетъ. Скажите, пожалуйста!—восклицала барыня, обращаясь неизвѣстно къ кому.

— Ваша воля идти, никто васъ тянетъ.

— Это ты что же смѣяться надо мной задумалъ? Погоди, погоди, за все сдерутъ, за все заплатишь?

— Платить-то за что?

— А вотъ увидишь! И овсы зачтутъ, и обиду зачтутъ... Слава Богу, хоть судъ-то на васъ, окаянныхъ, есть!

Странная пара вступила во дворъ и скрылась отъ глазъ наблюдателей. Вся веселая компанія ребятишекъ выбѣжала на крыльцо, чтобы посмотрѣть на развязку любопытной для нихъ, хотя и не очень новой, исторіи. На дворѣ раздавались крики барыни и возраженія мужика, никакъ не соглашавшагося оставить за свою вину въ рукахъ барыни лошадь или зипунъ. Дѣло, наконецъ, уладилось въ нѣсколько минутъ, и барыня въ сопровожденіи дѣтей, которыхъ она ругала на ходу, явилась въ дѣтской съ зипуномъ въ рукахъ.

— Что ты?. Что ты такое?—крикнула она, приближаясь къ господину въ венгеркѣ.—Мужъ ты мнѣ, или такъ, проходимецъ какой? Меня оскорбляютъ, наше добро топчутъ, а ты что? Ты съ этими шельмецами озоричаешь? А? Да ты лучше бы провалился сквозь землю! На! подавись!— кинула она въ лицо мужу мужицкій зипунъ.

— Да на что онъ мнѣ? — спросилъ мужъ, отклоняя голову.

— А мнѣ на что? Что я съ нимъ стану дѣлать?—въ свою очередь спросила жена.—Уѣзжай ты лучше отъ грѣха, не смущай ты меня! Изъ-за тебя я мучаюсь, изъ-за тебя покою не имѣю! При тебѣ весь домъ вверхъ дномъ идетъ. Какой ты мнѣ помощникъ? Развратитель ты! Я и гостей принимай, я и накорми всѣхъ, я и за хозяйствомъ смотри.

я и добро свое соблюдай. Тьфу ты! Да что я, двухжильная, что ли?.. Уѣзжай ты, говорятъ тебѣ: уѣзжай! Одни ребята, при тебѣ, голову свернуть готовы...

— Уѣду, уѣду, сегодня же уѣду! — проговорилъ мужъ, повторявшій въ послѣднее время уже не разъ эту успокоительную фразу.

— Да, да, сегодня же уѣзжай! Слышишь? Чтобы я и духу твоего не слыхала!

— Сумасшедшая ты баба, и больше ничего! Вѣдь отъ тебя чортъ—и тотъ убѣжитъ!

— И пусть бѣжитъ, окаянный!—плюнула жена и вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Черезъ минуту дверь отворилась снова, и въ нее просунулась голова барыни.

— Да ты не отлынивай, а сегодня же, сегодня же уѣзжай! — крикнула она и снова скрылась изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Черезъ нѣсколько минутъ гдѣ-то вдали снова зазвенѣлъ ея раздраженный голосъ.

— Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!—развелъ руками господинъ въ венгеркѣ.

Дѣти изумленною и безмолвною толпой окружили его.

— Папка, ты куда же поѣдешь-то? — довольно жалобно спросилъ одинъ изъ сыновей.

— Куда?.. Да теперь надо будетъ покуда у Волкова погостить, — въ раздумьи, какъ бы про себя, проговорилъ отецъ. — Больше некуда ѣхать... У Ивашевыхъ былъ, съ Телицыными мать тяжбу затѣяла... Развѣ къ Дубровинымъ съѣздить?.. Да нѣтъ, скареды они!.. Эхъ, кабы ярмарка теперь была, махнулъ бы туда!—щелкнулъ онъ въ воздухѣ двумя пальцами.

Въ эту минуту вошла въ комнату дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Что-то живое, веселое и подвижное было во всемъ ея миніатюрномъ, моложавомъ существѣ. Она была не то ребенкомъ, не то взрослою. Она походила на отца нѣкоторыми чертами лица. Но ея лицо было настолько же свѣжо, насколько его было помято. Бойкость и живость ея глазъ нисколько не походили на бойкость и живость глазъ ея отца. Ея глаза просто съ веселымъ любопытствомъ и зоркостію новичка въ жизни смотрѣли на все окружающее; его глаза какъ-то испуганно бѣгали, высматривали какую-то поживу, и въ нихъ было нѣчто не то заискивающее, не то лукавое.

— Ты опять уѣзжаешь? — спросила она у отца.

— Да какой же дьяволъ уживется съ твоею матерью! — воскликнулъ онъ и вдругъ торопливо началъ передавать сцену съ мужикомъ.

Дѣти снова засмѣялись и стали наперерывъ разсказывать сестрѣ, чѣмъ все окончилось на дворѣ.

Дѣвушка закусила губу, чтобы не разсмѣяться, но по ея глазамъ было видно, что природная смѣшливость брала свое, даже несмотря на усвоенное съ дѣтства убѣжденіе, что надъ матерью смѣяться нельзя и грѣшно.

— Что жъ, это не новость,—серьезно и холодно замѣтила она, безплодно стараясь подавить улыбку и скрыть свои настоящія чувства.

— Вѣдьма, матушка, сущая вѣдьма! Про нее и сказку сложили, какъ она въ аду чертей переполошила,—произнесъ отецъ.

— Какъ тебѣ не стыдно!—упрекнула его дочь.—Слава Богу, что ты ѣдешь... Ты только дѣтей портишь,—произнесла она, жалѣя всей душой, что бѣдный отецъ снова долженъ скитаться по чужимъ домамъ.

— Ну да, она не портитъ ихъ! Я, по крайней мѣрѣ, ихъ невинными играми занимаю, а она являетъ ихъ очамъ картины преступленій! — съ комическою важностью продекламировалъ господинъ въ венгеркѣ.

Дѣвушка вдругъ нахмурилась.

— Репетируешь свою завтрашнюю роль? — сурово спросила она.

Господинъ въ венгеркѣ сконфузился, какъ-то съежился и что-то не то робкое, не то горькое выразилось въ его лицѣ.

— Что дѣлать, что дѣлать, маточка! — заговорилъ онъ тоскливо и заискивающимъ тономъ. — Не пошутишь — не поѣшь!

Лицо дѣвушки на мгновенье вспыхнуло, на глаза навернулись крупныя слезы, но она не сказала ни слова и отвернулась въ сторону. Отецъ взялъ и нѣжно поцѣловалъ ея руку. Дѣвушка не отнимала руки, задумчиво стояла въ кругу дѣтей; вся ея веселость исчезла безслѣдно, лицо поблѣднѣло... Дѣти, кажется, позабыли, что отецъ уѣзжаетъ, и снова начали приставать къ нему. Онъ сѣлъ и сталъ командовать имъ, какъ генералъ солдатамъ.

Старшая дочь молча помѣстилась возлѣ него и опустила на его плечо свою голову. Ей былъ жалокъ этотъ человѣкъ:

она любила его, несмотря на то, что его ругали всѣ; любила, можетъ-быть, за тѣ немногія минуты, когда ему становилось совѣстно за свою шутовскую роль въ обществѣ;— можетъ-быть, за нѣсколько добрыхъ и честныхъ порывовъ, мгновенно прорывавшихся среди его глупой и безпутной жизни,—а можетъ-быть, просто подкупали ее въ его пользу давно прошедшіе тихіе вечера ея дѣтской жизни, когда онъ, и только онъ одинъ ухаживалъ за ней, разсказывалъ ей разныя сказки, смѣшилъ ее анекдотами, ласкалъ ее, убаюкивалъ ее своею пѣснью... Да, значительную роль въ ея привязанности къ отцу играли эти вечера, когда ея мать, какъ сумасшедшая, неслась въ городъ, чтобы начать ни на чемъ не основанную тяжбу съ сосѣдомъ, или цѣлый день ругалась съ мастеровыми, строившими ея никогда не отстроивавшійся домъ. Живо вспомнились молодой дѣвушкѣ эти вечера, передъ самымъ отъѣздомъ отца.

Пора была послѣобѣденная; отецъ и дѣти сидѣли въ дѣтской; онъ долженъ былъ черезъ часъ уѣхать, и дѣтямъ какъ-то было не по себѣ; они не играли, не шумѣли и присмирѣвшей толпой окружали отца, сидя на полу, на столѣ и на его колѣняхъ. Разговоры шли о будущемъ, каждый высказывалъ свои желанія...

— А вотъ, когда папка богатъ будетъ,—говорилъ десятилѣтній мальчуганъ.

— А когда ты, папка, богатъ будешь?—спросилъ, перебивая брата, шестилѣтній ребенокъ.

— Когда ваша тетка умретъ и мнѣ наслѣдство оставитъ,— серьезно отвѣтилъ отецъ, покачивая на своихъ колѣняхъ ребенка.—Тогда возьму я васъ и увезу отъ матери...

— Въ большомъ, въ большомъ тарантасѣ увезешь насъ!— прервалъ сладкимъ голосомъ ребенокъ, точно этотъ большой тарантасъ былъ цѣлью всѣхъ его желаній.

— Ну да, въ большомъ тарантасѣ увезетъ онъ насъ, и станемъ мы домъ строить,—говорилъ десятилѣтній мальчуганъ.—Ты, Мишка, будешь плотникомъ надъ плотниками...

— А ты садовникомъ и огородникомъ будешь,—торопливо перебилъ брата девятилѣтній мальчикъ.—А Катька будетъ на насъ бѣлье мыть за то, что мы ей въ домѣ комнату выстроимъ. Ванюшка за лошадьми будетъ смотрѣть, а сестрица Лиза царицей будетъ и станетъ она насъ кормить, когда мы съ работы придемъ, и станетъ она намъ пѣсни пѣть, хо-ро-шія пѣсни станетъ пѣть,—сощурилъ, какъ котенокъ, свои глазенки мальчуганъ. Видно было, что эти

мечты о спокойной и мирной жизни были ему давно знакомы и очень дороги.

— А мать насъ не найдетъ и останется здѣсь одна жить, совсѣмъ одна. И станутъ ее мужики притѣснять...

— Неправда, неправда! Мать соскучится и придетъ къ намъ, и мы ее кормить будемъ, — торопливо перебила маленькая Катя.—Такъ сестрица Лиза говорила,—тихо прибавила она.

— Да, да, сестрица Лиза дурного не выдумаетъ. — задумчиво проговорилъ отецъ. — Ея слушайтесь; никого не слушайтесь, а ея слушайтесь! — добавилъ онъ ласково и грустно.

— Да ты, папка, не уѣзжай!—жалостно произнесъ одинъ изъ дѣтей.

Отецъ вздохнулъ, но промолчалъ. Въ комнатѣ настала тишина. Всѣ, кажется, погрузились въ мечты о планахъ будущей мирной жизни. Эти планы давно были извѣстны во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ каждому изъ дѣтей. Отецъ — этотъ вѣчный изобрѣтатель новыхъ анекдотовъ и удивительныхъ исторій, какъ-то вмѣсто сказки неумышленно высказалъ дѣтямъ эти фантазіи, и дѣти подхватили разсказъ, дополнили его различными подробностями, расширили картину и постоянно возвращались къ ней послѣ бурныхъ сценъ въ домѣ. Это будущее было для нихъ то же, что далекая пристань для потерпѣвшихъ кораблекрушеніе моряковъ. Всѣ они давно знали, что̀ и кому принадлежитъ въ разсказѣ, знали, что добавленіе о пріѣздѣ соскучившейся матери въ бѣжавшей отъ нея семьѣ принадлежитъ старшей сестрицѣ Лизѣ, про которую они говорили между собою: «Извѣстно, она у насъ добрая», и которая теперь задумчиво сидѣла, склонивъ голову на плечо отца...

Балованное дитя родителей, любимецъ родныхъ, добродушный, но, тѣмъ не менѣе, страшный мучитель учителей и начальниковъ, съ пятнадцатаго года побѣдитель женскихъ сердецъ, честнѣйшій и преданнѣйшій товарищъ, защитникъ слабыхъ и открытый кошелекъ неимущихъ, гуляка тридцатыхъ годовъ, душа общества, незамѣнимый собесѣдникъ, декламирующій наизусть всего Пушкина и всего Баркова, пикеръ въ отставкѣ, таковъ былъ Николай Николаевичъ Баскаковъ до женитьбы. Чуть не нищій и первый врагъ своей довольно не бѣдной и совсѣмъ не образованной жены; проживалка и шутъ въ домахъ сосѣдей, гдѣ проводилъ онъ цѣлые мѣсяцы, изрѣдка заглядывая въ родное гнѣздо; ярма-

рочный игрокъ на бильярдѣ, при помощи котораго онъ зашибалъ кое-какія деньги на нѣсколько дней; любящій, но безалаберный отецъ; то проливающій слезы грѣшникъ, то дикій звѣрь въ пьяномъ видѣ, таковъ былъ Николай Николаевичъ Баскаковъ послѣ женитьбы. При первомъ удобномъ случаѣ онъ готовъ былъ обыграть на бильярдѣ до послѣдней копейки какого-нибудь купчика и, возвращаясь съ игры, съ такой же искренностію готовъ былъ дать хоть десятокъ рублей первому попавшемуся бѣдняку. Во время своего пребыванія у какого-нибудь грознаго сосѣда старыхъ временъ, онъ могъ спокойно смотрѣть, какъ пороли крестьянъ, и такъ же хладнокровно бѣжалъ тушить пожаръ въ избахъ этихъ крестьянъ, жертвуя даже своею жизнію. Онъ позволялъ иногда продѣлывать надъ собою невообразимо-пошлыя штуки и въ то же время дрался два раза на дуэляхъ за самыя невинныя шутки. Онъ любилъ своихъ дѣтей, но болѣе портилъ, чѣмъ развивалъ ихъ, и не умѣлъ отстоять ихъ передъ своею женою, убѣгая изъ дому; впрочемъ, онъ могъ не бояться за жизнь дѣтей, такъ какъ именно подъ его вліяніемъ они стали «озорниками» и умѣли постоять за себя. Иногда онъ былъ радъ куску хлѣба, но подчасъ, зашибивъ копейку, вмѣсто порядочной одежды, вмѣсто хлѣба, накупалъ бронзовыхъ цѣпочекъ, духовъ и помады. Въ обществѣ на Николая Николаевича смотрѣли различно: одни называли его «добрымъ малымъ и широкою натурою», другіе — «жалкимъ шутомъ, потерявшимъ стыдъ», третьи — «хитрой бестіей и подлецомъ». Славянофилы считали его безгрѣшной жертвою, погибшей при введеніи къ намъ западной цивилизаціи, въ узкія рамки которой не можетъ втиснуться могучая русская натура. Западники указывали на него, какъ на ходячее доказательство неспособности русскаго человѣка сдѣлать что-нибудь безъ основательнаго знакомства съ западной наукой. Сходились люди только въ одномъ мнѣніи о немъ: никто не считалъ его дуракомъ и, несмотря на то, что онъ во всю свою жизнь ничего не дѣлалъ, кромѣ глупостей, его называли очень умнымъ человѣкомъ.

Супруга Николая Николаевича, Дарья Власьевна Баскакова, урожденная Бабинова, была еще болѣе оригинальнымъ и безтолковымъ существомъ. Мужъ разъ и навсегда охарактеризовалъ ее слѣдующими словами:

— Дарья Власьевна, пожалуй, иногда и можетъ разсудить что-нибудь умно, только безъ умысла... Вѣдь по исторіи

извѣстно, что Богъ сподобилъ однажды и ослицу промолвить человѣческое слово.

Эта женщина, способная только безъ умысла обмолвиться умнымъ словомъ, вѣчно съ кѣмъ-нибудь ссорилась, что-нибудь строила и кого-нибудь рожала. Тяжбы съ сосѣдями у нея не прекращались никогда. Самое замѣчательное изъ дѣлъ этого рода было то, когда умеръ ея крестный отецъ, и она потребовала себѣ долю изъ его имѣнія отъ законныхъ наслѣдниковъ. Сначала она поскакала съ просьбой въ уѣздный городъ, потомъ въ губернскій и, наконецъ, въ столицу. Нигдѣ не хотѣли принять ея прошенія.

— Онъ вамъ не родня!—говорили ей чиновники.

— Да что вы, отцы родные? Не родня? Отецъ-то крестный мнѣ не родня? — волновалась Дарья Власьевна. — Да если бы у него сынъ былъ, такъ я за него бы даже замужъ-то не могла бы выйти. Вотъ какая мы родня-то!— объяснила она.

На всѣ возраженія она только таращила глаза и выражала на своемъ лицѣ тупое недоумѣніе, за которое одна изъ ея служанокъ дала ей на своемъ жаргонѣ кличку «отолпѣшенной»; это выраженіе постоянно являлось на ея лицѣ въ всѣ трудныя минуты ея дѣятельной жизни.

— Да зачѣмъ же я ѣздила-то, тратилась-то я зачѣмъ?— восклицала она.—И что это за законы такіе: то родня, то чужой, и женой не смѣешь быть, и наслѣдницей не можешь сдѣлаться?.. Да нѣтъ, батюшки, вы думаете, что на простую дуру напали? Я и до государя дойду, у меня, слава Богу, защитники есть!

Дарья Власьевна, дѣйствительно, имѣла кучу защитниковъ и протерлась въ сотни барскихъ переднихъ, дѣвичьихъ, швейцарскихъ и, то кланяясь, то суя взятки прислугѣ, добивалась до лицезрѣнія важныхъ особъ. Но, несмотря на всѣхъ своихъ покровителей и защитниковъ, дѣло съ наслѣдствомъ отъ крестнаго отца, какъ и всѣ другія ея дѣла, принесло только убытки и заставило Дарью Власьевну долгіе годы роптать на наши законы.

Съ тѣхъ поръ, какъ ей досталась Бабиновка и четыре другія деревни, она не переставала строить свой домъ, который вѣчно оставался недостроеннымъ, и потому она весь вѣкъ возилась съ плотниками, столярами, слесарями и тому подобнымъ рабочимъ народомъ, получавшимъ съ нея деньги только при помощи суда. Но она ухитрялась устраивать свои дѣла такъ, что по суду ей приходилось и дороже

платить рабочимъ, и давать взятки чиновникамъ; въ войнѣ съ дѣтьми ей приходилось уступать имъ; послѣ изгнанія мужа приходилось плакаться на свою беззащитность и вдовство, такъ какъ ни на чемъ не основанныя тяжбы съ сосѣдями проигрывались, а это обстоятельство Дарья Власьевна приписывала только своей беззащитности. Она вѣчно строила свой домъ, чтобы въ немъ было какъ можно больше удобства и простора, и именно потому въ этихъ вѣчно недостроенныхъ сараяхъ было всѣмъ и тѣсно, и неуютно. Замужъ она вышла потому, что Николай Николаевичъ слылъ за человѣка «на всѣ руки молодца», а между тѣмъ, съ первыхъ же дней супружеской жизни, послѣ перваго сраженія, даннаго мужу женой и ея родными, жившими съ нею, какъ кошки съ собакой, онъ оказался ни на что негоднымъ для нея и заставилъ ее же заплатить свои старые долги, ради чего пришлось на первыхъ же порахъ заложить Бабиновку, а потомъ продать другія деревни. Однимъ словомъ, начавъ какое-нибудь дѣло, начавъ войну, Дарья Власьевна играла роль угнетенной невинности, жаловалась на судьбу и впадала въ тупое недоумѣніе. Въ ея домѣ все было въ безпорядкѣ: гдѣ стулъ стоялъ лицомъ къ стѣнѣ, такъ какъ у него не было передней ножки; гдѣ диванъ былъ отставленъ отъ стѣны, потому что на эту стѣну не хватило обоевъ, и ее еще будутъ оклеивать; гдѣ банка осталась на окнѣ въ ожиданіи варенья, которое еще намѣреваются варить и не варятъ потому, что крестьянскіе ребятишки поворовали всѣ ягоды, и по поводу этого идетъ дѣло. Распоротый капотъ лежалъ постоянно гдѣ-нибудь на виду, и хозяйка указывала на него, какъ на очевидное свидѣтельство множества ея занятій.

— Приняться ни за что не могу, — жаловалась она гостямъ.—Капота, капота некогда перешить, столько дѣла. Я одна, я все дѣлай, я за всѣмъ смотри!

Если при этихъ жалобахъ присутствовалъ Николай Николаевичъ, то онъ непремѣнно прибавлялъ:

— Да ужъ чего хуже? Моя Дарья Власьевна и не достроилась еще, и въ интересномъ положеніи опять, и новую тяжбу затѣяла...

Но если такъ шли ея дѣла во время старыхъ порядковъ, то при новомъ положеніи, при продажѣ половины имѣнія, она окончательно потеряла голову, и выраженіе недоумѣнія почти не сходило съ ея лица. Въ былые годы, кромѣ матери и тетки, жили на шеѣ Дарьи Власьевны дѣти ея ма-

тери, прижитыя въ первомъ бракѣ; это были двѣ сестры, старыя дѣвственницы, и братъ, горькій пьяница и задушевный пріятель Николая Николаевича. Эти семь постоянныхъ членовъ ея семьи, не считая постоянно рождавшихся, выживавшихъ два-три года и потомъ умиравшихъ дѣтей, могли жить въ довольствѣ и праздности при помощи двухсотъ душъ крестьянъ, составлявшихъ около ста двадцати тяглъ. Двѣ трети тяглъ были посажены на оброкъ, одна треть считалась на барщинѣ, которая отправлялась по три дня въ недѣлю, такъ что каждый день лѣтомъ приходило на работу до тридцати пяти человѣкъ мужиковъ и бабъ, а въ случаѣ слишкомъ запоздавшаго сѣнокоса или жатвы дѣлался общій сгонъ, то-есть собирались на барскую работу всѣ крестьяне, и барщинные, и оброчные. Тутъ являлось до четырехсотъ человѣкъ мужиковъ и бабъ, можетъ-быть, не успѣвшихъ доделать своихъ собственныхъ работъ. Такіе сгоны дѣлались въ лѣто болѣе десяти разъ. Въ лѣто, отъ 23-го апрѣля, когда въ деревняхъ уже начинались полевыя работы, и до 24-го ноября, когда покончивалось молоченье, Дарья Власьевна занимала, такимъ образомъ, своею работою до десяти тысячъ даровыхъ работниковъ, считая мужиковъ и бабъ. Конечно, при всей ея безалаберности, можно было при помощи этой массы жить, уплачивать долги, строиться и тягаться. Но, кромѣ того, на нее шло до шестисотъ лошадей въ лѣто, такъ какъ мужики обязаны были представлять съ каждаго тягла по лошади на пашню и на возку сѣновъ, а барщинные приводили съ собою лошадей на работу для возки конопъ, такъ что ихъ было въ распоряженіи барыни каждый день отъ пятнадцати до двадцати. Кромѣ оброка въ двадцать рублей съ тягла, состоявшаго изъ двухъ душъ, каждый крестьянинъ долженъ былъ доставлять Дарьѣ Власьевнѣ по четверику малины, черники, брусники, орѣховъ и сушеныхъ грибовъ, по десятку яицъ, по заколотому полугодовалому пѣтуху, да по двадцати аршинъ холста изъ барскаго льну. Сверхъ того, въ лѣтніе дни обязаны были являться и дѣти крестьянъ по зову барыни для сбора ягодъ и грибовъ на разные годовые запасы. Наступала зима, оброчные совсѣмъ не призывались на работу, только барщинные отрабатывали два дня въ недѣлю; но зато, когда нужно было везти масло на ярмарку или хлѣбъ въ городъ на продажу, то эти обязанности падали на однихъ оброчныхъ; барщинные, справлявшіе частныя подводы, возившіе дрова, сѣно и хлѣбъ на мельницу, но

принимали участія въ этой операціи. Такимъ образомъ, Дарья Власьевна имѣла въ своемъ распоряженіи въ годъ до тысячи трехсотъ лошадей и до двѣнадцати тысячъ человѣкъ рабочихъ.

Новые порядки застали ее совершенно врасплохъ и съ уменьшившимся наполовину числомъ крестьянъ. Она не умѣла обращаться съ вольнонаемными людьми:—нѣтъ-нѣтъ, да и съѣздитъ ихъ въ рыло, а они взяли скверную привычку за всякую ничтожную пощечину жаловаться, а судъ ввелъ еще болѣе скверный обычай брать за все штрафы, даже за то, что какого-нибудь Митьку Шестипалаго по щекѣ ударишь. Прежде Дарья Власьевна въ сущности ничего не дѣлала и только распекала старость и дралась собственными своими ручками за плохо исполненную работу; теперь ей приходилось самой и на поляхъ побывать, и присутствовать съ утра до ночи на молоченьи, чуть не зерна считать, и съ продажей хлѣба возиться, и за каждую мелочь платить; приходилось или оставаться безъ малины, брусники и грибовъ, или—просто и сказать-то смѣшно—покупать эти продукты! Платить—это было одно изъ самыхъ страшныхъ словъ для Дарьи Власьевны.

— Да помилосердуйте, отцы родные!—восклицала она.—Я же мужикамъ, холопамъ своимъ, волю дала, да я же имъ и за работу плати! Съ одного вола двѣ шкуры содрать хотятъ. Да этакъ никакихъ капиталовъ не хватитъ.

— Но вѣдь ваши деньги вернутся, вы за хлѣбъ послѣ вдвое возьмете,—успокоивали ее слушатели.

— Какъ это вдвое, благодѣтели? Да нешто хлѣбъ-то вдвое вздорожалъ? Не слыхала я этого что-то! Какія прежде цѣны стояли, такія и теперь стоятъ...

— Да вы не такъ поняли; вамъ говорятъ, что вы вдвойнѣ вернете то, что̀ заплатите за работу.

Дарья Власьевна въ тупомъ недоумѣніи моргала глазами и, вздыхая, произносила:

— Ужъ точно, что этого мнѣ и во вѣки вѣковъ не понять. А одно то я понимаю, отцы мои, что въ конецъ разорилась моя головушка: и за работу-то я заплати, и земли-то у меня убавилось, и хлѣба-то у меня теперь, если рубль и выручишь при продажѣ, такъ половину за подводы отдашь... Вотъ онѣ цѣны-то двойныя каковы...

Несмотря на страшно низкія рабочія цѣны, она, все-таки, обсчитывала рабочихъ и нанимала ихъ до крайности мало, такъ что бо̀льшая часть изъ уцѣлѣвшей земли или обрабо-

тывалась плохо, или отдавалась за ничто. Стала она нанимать на все лѣто шестерыхъ работниковъ и двухъ работницъ, но такъ какъ это составляло въ лѣто только полторы тысячи работниковъ, вмѣсто прежнихъ десяти тысячъ, то пришлось половину сѣнокоса отдать мужикамъ изъ половины, а землю, оставшуюся за отводомъ крестьянскаго надѣла, барыня рѣшилась отдать мужикамъ за то, чтобы они дали ей, когда потребуется, по полутораста работницъ и до двухсота лошадей въ лѣто, да свезли бы на мельницу хлѣбъ. Для работы Дарья Власьевна держала теперь только двухъ лошадей; на зиму нанимала только одного работника и одну работницу, такъ что въ годъ у нея уменьшилось рабочаго народа въ восемь разъ, а лошадей вчетверо, и приходилось отправлять и масло, и хлѣбъ на продажу наймами...

Кто хорошо знаетъ нашъ старый помѣщичій бытъ, тотъ пойметъ, что крестьяне Дарьи Власьевны находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне сотенъ другихъ помѣщиковъ. Ея семья состояла только изъ девяти человѣкъ, а не изъ пятнадцати, у нея крестьянъ было сначала двѣсти душъ, а не какихъ-нибудь двадцать, она не тянула съ нихъ пяти барщинныхъ дней въ недѣлю; она чаще жаловалась на свою беззащитность, чѣмъ порола мужиковъ, и больше всего брала женскими средствами—языкомъ и руками... Но все же, разоренные почти въ конецъ предшественниками Дарьи Власьевны, имѣя дурную землю, не умѣя ее хорошо обработывать, да и не имѣя къ тому средствъ при недостаткѣ скота, они бѣдствовали невообразимо. Были для нихъ не малымъ несчастіемъ незначительность Дарьи Власьевны и ея страсть къ тяжбамъ. Начальство, то-есть становые, исправники, слѣдователи, уѣздные врачи,—не уважало помѣщицу и было озлоблено противъ нея. Это неуваженіе и эта злоба отражались и на ея крестьянахъ, которыхъ каждое слѣдственное дѣло приводило просто въ ужасъ. А за слѣдственными дѣлами недостатка не было, такъ какъ сосѣдніе помѣщики, вѣчно состоявшіе въ тяжбѣ съ Дарьей Власьевной, мстили ей и ея мужикамъ. Даже сосѣдніе крестьяне, зная, что бабиновскій мужикъ воръ и пропойца, валили на него все: онъ и лошадь увелъ изъ сосѣдняго села, онъ и кабакъ спалилъ съ пьяныхъ глазъ, онъ и прохожаго на дорогѣ убилъ... Съ горя пили бабиновцы, съ горя, вмѣсто работы, добывали нищенствомъ оброчныя деньги. Но мало горя прибавляло имъ и то обстоятельство,

что они были подгородные. Все, что жило кругомъ бабиновцевъ, относилось къ нимъ или съ презрѣніемъ, или съ злобой.

— Ишь, бабиновская оборванка!.. Ты съ бабиновской барыней пара!.. Держи ухо востро, не то бабиновскіе пострѣлята оберутъ!.. Поди-ка къ бабиновцамъ, да поучись, какъ люди кланяются!

Такія позорящія бабиновцевъ фразы слышались очень часто какъ между помѣщиками, такъ и между крестьянами, какъ о семьѣ, такъ и о мужикахъ Дарьи Власьевны... Пословица «каковъ попъ, таковъ и приходъ» оправдывалась вполнѣ.

Среди подобной обстановки можно было жить только очертя голову, плюя на все, платя окомъ за око, зубомъ за зубъ, какъ жили дѣти и вѣчно пьяные, воруюніе, гдѣ можно украсть и, все-таки, голодные крестьяне Дарьи Власьевны; или нужно было бѣжать отсюда, какъ бѣжалъ Николай Николаевичъ, какъ убѣгала, при первой возможности, его старшая дочь... Въ тотъ день, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Дарья Власьевна, раздраженная мужикомъ, заѣхавшимъ на ея поле, разсерженная бездѣятельностью мужа, немного утѣшилась тѣмъ, что, наконецъ, ея «шалопай» снова уѣдетъ и скроется отъ ея глазъ.

Окруженный дѣтьми, Николай Николаевичъ уже садился въ бричку старомоднаго фасона, какія встрѣчаются только въ провинціи, когда къ крыльцу дома подкатилъ щегольскій кабріолетъ. Изъ кабріолета, бросивъ вожжи стоявшему на дворѣ работнику, легко и ловко выскочилъ человѣкъ среднихъ лѣтъ съ тонкими чертами лица, съ маленькими ручками, съ красивыми узкими ногами и съ изящными тонкими усиками. Это былъ истый франтъ, нарядившійся по послѣдней модѣ въ лѣтній статскій костюмъ. Гость бросилъ небрежный и разсѣянный взглядъ на столпившуюся на крыльцѣ группу, кивнулъ головою хозяину дома и мелькомъ спросилъ его:

— Куда это?

— Опять въ бѣга!—отвѣтилъ Баскаковъ и, поцѣловавъ дѣтей, сталъ садиться въ бричку, но еще не ѣхалъ, повидимому, поджидая кого-то, должно-быть, старшую дочь, которой не было на крыльцѣ.

Гость прошелъ въ господскій домъ, не обращая никакого вниманія на пятившихся отъ него ребятишекъ.

— А, Михаилъ Александровичъ, милости просимъ. Прошу покорно!—суетливо заговорила хозяйка дома и стала то-

рошливо очищать для гостя одно изъ захламощенныхъ креселъ.

— Бла-годарю,—проговорилъ гость.—А Лизавета Николаевна?

— Дома, дома! Что-то понадобилось передать моему благовѣрному, побѣжала къ себѣ,—скороговоркою заговорила хозяйка.—Вѣрно денегъ попросилъ, такъ пошла у себя всѣ мышиныя норки обыскивать, послѣднія копейки сбирать... Охъ, ужъ вы знаете наше положеніе!—точно оправдывалась въ чемъ-то заискивающимъ тономъ хозяйка.—Да Лиза сейчасъ придетъ, сейчасъ. Вотъ я ее позову.

— Я могу и подождать, — небрежно замѣтилъ гость, похлопывая себя хлыстомъ по сапогу.—Зачѣмъ спѣшить?

Онъ разсѣянно сталъ ходить по комнатѣ, вбросилъ для чего-то въ глазъ стеклышко и подшвырнулъ ногой какую-то, попавшуюся ему подъ ноги, тряпку. Хозяйка поспѣшила нагнуться и прибрать эту вещь, помѣшавшую гостю.

— Не достроилась я, все въ безпорядкѣ еще,—оправдывалась она, но не получила отвѣта.

Прошла минута молчанія. На дворѣ загремѣли колеса.

— Ну, уѣхалъ!—обрадовалась хозяйка и крикнула:—Лиза, Лиза, Михаилъ Александровичъ пріѣхалъ!

— Я видѣла,—послышался сдержаннымъ голосомъ произнесенный отвѣтъ, и въ комнату вошла Лиза; она вся зарумянилась и тщетно старалась скрыть волненіе.

Скрывать свои чувства ей никогда не удавалось.

Михаилъ Александровичъ пожалъ ей руку.

— А я пріѣхалъ къ вамъ...—началъ онъ.

— Я уйду, я уйду! Извините, у меня дѣла... Не достроилась я... Я, вѣдь, мать семейства,—перебила его хозяйка и засовалась по комнатѣ, захватывая съ собою что-то изъ валявшагося подъ диваномъ хлама.

Задонскій кивнулъ головой, даже не взглянулъ на нее. Она вышла.

— Свиданіе устраиваетъ! — раздражительно и съ злой ироніей произнесла Лизавета Николаевна и отвернулась лицомъ отъ гостя.

— Вы сегодня не въ духѣ?—спросилъ онъ.

— Да развѣ можно быть здѣсь въ духѣ? — строптиво спросила въ свою очередь дѣвушка.

— Привыкнуть надо,—мягко и наставительно произнесъ онъ; потомъ нѣжно взялъ и поцѣловалъ ея руку.

Дѣвушка стояла, не шевелясь, на мѣстѣ и, сдвинувъ брови, о чемъ-то думала.

— Знаете ли, мнѣ иногда кажется, что вы не только презираете мою семью, но смѣетесь и надо мной,—задумчиво и серьезно проговорила она.

— И вы вѣрите этимъ чернымъ думамъ?—вкрадчиво и мягко спросилъ онъ, любуясь ея прекраснымъ въ задумчивости лицомъ.

— Что толку, если бы и повѣрила теперь?—спросила она глубоко-печальнымъ тономъ, невольно дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Да! я и прежде говорилъ, что я кажусь вамъ человѣкомъ слишкомъ помятымъ жизнью, для того, чтобы ваша чистая натура отдалась мнѣ безъ сомнѣній, безъ подозрѣній, съ полной вѣрой въ меня,—съ упрекомъ и горечью замѣтилъ онъ.

— Милый, что же мнѣ съ собой дѣлать! Это мимолетныя облака, это весенніе дожди,—страстно проговорила она, прижимаясь къ нему.

Казалось, что теперь она такъ же искренно желала удержать его возлѣ себя, какъ за минуту ей хотѣлось отогнать его прочь. Что-то нервное, нетерпѣливое было во всемъ ея существѣ. Такъ выглядятъ люди, не давшіе себѣ яснаго отчета въ своихъ чувствахъ, не нашедшіе своего настоящаго пути и даже не знающіе, гдѣ его искать. Они бросаются туда и сюда, удовлетворяются чѣмъ-нибудь на минуту и потомъ снова мечутся и волнуются нетерпѣливой досадой и чувствомъ неудовлетворенности.

— А теперь опять проглянуло солнце?—шутилъ съ нею пріѣзжій, какъ съ капризнымъ ребенкомъ.

— Солнце, солнце и любовь!.. Любовь прежде всего, выше всѣхъ подозрѣній, внѣ всякихъ вопросовъ,—говорила она, и ея глаза вдругъ заблестѣли необычайнымъ огнемъ страсти, веселости и удали.

— Здѣсь скверно, грязно, душно; поѣдемъ въ поле!—смѣло предложила она.

— Но ты забываешь, что теперь вездѣ народъ, вездѣ глаза... Насъ увидятъ.

— Ты трусишь?—захохотала она и прибавила вызывающимъ тономъ:—А я ничего не боюсь, ничего! Пусть смотрятъ, пусть говорятъ!.. Вѣдь у насъ, у кисейныхъ барышень, ни въ чемъ нѣтъ мѣры!—насмѣшливо закончила она.

Михаилъ Александровичъ очень боялся тѣхъ минутъ,

когда Лизавета Николаевна начинала очень горько и безпощадно подтрунивать надъ собою. Онъ почему-то угадывалъ, что въ одну изъ такихъ минутъ она разомъ взглянетъ на свое положеніе и отрезвится отъ увлеченія. Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Меня тетка ждетъ. Завтра она пришлетъ за тобой. Соскучилась... Ты пріѣдешь?

— Да.

Въ эту минуту на дворѣ послышался шумъ и раздались крики ребятишекъ:

— Иванъ Григорьичъ пришелъ! Иванъ Григорьичъ пришелъ!

Черезъ нѣсколько времени въ гостиную, гдѣ стояли молодые люди, явился новый гость. Это былъ не очень красивый, немного неуклюжій человѣкъ, не то баринъ, не то мѣщанинъ; на видъ ему можно было дать двадцать семь, двадцать восемь лѣтъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, ему едва минуло двадцать четыре года. На немъ были надѣты высокіе сапоги, въ которые были засунуты брюки. Ребятишки бѣжали за нимъ въ припрыжку, и одинъ изъ нихъ шаловливо привѣсился за руку гостя; тотъ, кажется, даже и не замѣчалъ этой, не совсѣмъ легкой и не очень удобной, ноши.

— Иванъ Григорьевичъ, здравствуйте. Давно ли пріѣхали?—дружески протянула гостю руку Лизавета Николаевна.

— Сегодня по утру,—отвѣтилъ онъ, радушно сжимая протянутую ему руку.

— Лиза, Лиза, Иванъ Григорьичъ мнѣ книжку съ картинками привезъ,—кричалъ одинъ мальчуганъ.

— И мнѣ, и мнѣ,—кричали другія дѣти.

— Попрежнему балуетъ ихъ,—разсмѣялась Лизавета Николаевна.

— Чтобъ пугаломъ учителя не считали,—усмѣхнулся онъ.

— Ну, васъ-то и безъ того не сочтутъ пугаломъ,—проговорила она и поспѣшила представить другъ другу гостей.

Они раскланялись.

— Я васъ, кажется, встрѣчалъ прежде; вы тогда еще семинаристомъ были,—промолвилъ Михаилъ Александровичъ.

— Да, вы тогда еще пажомъ, кажется, были,—отвѣтилъ съ усмѣшкой Иванъ Григорьевичъ.

Всѣ молчали послѣ этихъ неловкихъ фразъ. Видно было, что имъ не о чемъ говорить другъ съ другомъ.

— Такъ вы завтра будете къ теткѣ?—спросилъ Михаилъ Александровичъ, прерывая неловкое молчаніе.

— Пріѣду,—отвѣтила Лизавета Николаевна.

Михаилъ Александровичъ откланялся. Лизавета Николаевна вышла за нимъ. Вскорѣ раздался стукъ колесъ его кабріолета.

— Ахъ, что̀ это Михаилъ Александровичъ и не посидѣлъ, а я чай приготовила,—вбѣжала впопыхахъ хозяйка дома съ выраженіемъ недоумѣнія на лицѣ.

— Ну, что жъ, меня напоите,—замѣтилъ шутливо Иванъ Григорьевичъ, здороваясь съ ней.

— Да какъ же, я и не простилась съ нимъ,—заботилась она.—Вотъ, невѣжей назоветъ! Какъ бы не разсердился...

Иванъ Григорьевичъ съ любопытствомъ слѣдилъ за волненіемъ хозяйки. Для него, не бывшаго въ деревнѣ всю зиму, эти ухаживанья за Михаиломъ Александровичемъ Задонскимъ были новостью. Онъ не зналъ ни о присутствіи Задонскаго въ деревнѣ, ни о его близкомъ знакомствѣ съ Баскаковыми, ни объ отношеніяхъ къ нему Лизаветы Николаевны.

— Вѣдь я мать, я обо всемъ должна подумать. У меня семеро дѣтей, дочь невѣста,—заговорила хозяйка.—У меня, просто, голова кругомъ идетъ... Мой-то соколъ опять крылья расправилъ, улетѣлъ...

— Куда?—почти безцѣльно спросилъ гость, у котораго какъ-то невольно вертѣлся въ головѣ вопросъ объ отношеніяхъ Задонскаго къ Баскаковымъ.

— Христосъ его знаетъ! Вѣдь онъ мнѣ отчета не отдаетъ. Рыскаетъ, рыскаетъ по свѣту круглый годъ, налетитъ на недѣлю, на мѣсяцъ домой, откормится, отоспится и поминай, какъ звали, ну, а у меня, глядишь, дѣти.

Иванъ Григорьевичъ очень серьезно дослушалъ конецъ этой жалобы, какъ нѣчто давнымъ-давно извѣстное ему, и принялся толковать съ дѣтьми о будущихъ учебныхъ занятіяхъ на лѣто. Подали чай. Въ комнату пришла и Лизавета Николаевна. Она весело и оживленно стала разговаривать съ Иваномъ Григорьевичемъ, передала ему, какъ она занималась съ дѣтьми зимою. Сразу можно было замѣтить, что молодые люди находятся въ безцеремонныхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ.

— Она сердитѣе васъ, Иванъ Григорьичъ,—заговорили дѣти.—У-у, какая она строгая!

— Я съ вами часъ, да два занимаюсь, такъ не мудрено

добрымъ, да терпѣливымъ быть, а ей вы, я думаю, весь день досаждаете,—усмѣхнулся учитель.—Вотъ погодите, и я васъ къ рукамъ приберу!

— Да, да, Иванъ Григорьичъ, строже надо быть съ ними,—сказала хозяйка.—Я ужъ вамъ ихъ съ рукъ на руки передаю; порите ихъ, сколько душѣ угодно!

Дѣти захихикали, зная, что учитель не станетъ ихъ пороть и что, напротивъ того, его присутствіе обѣщаетъ имъ цѣлый рядъ разнообразныхъ удовольствій въ родѣ уженья рыбы, ловленія бабочекъ, исканія грибовъ и тому подобныхъ занятій, во время которыхъ Иванъ Григорьевичъ любилъ и умѣлъ очень ловко передавать дѣтямъ безчисленное множество свѣдѣній по естественнымъ наукамъ.

— Ну, а больше никакихъ новостей нѣтъ?—спрашивалъ Иванъ Григорьевичъ у Лизаветы Николаевны.

— Нѣтъ, все по-старому идетъ,—отвѣтила Лизавета Николаевна.—Ахъ да, вспомнила!.. Наша няня Марѳа померла...

— Ну, что-жъ, довольно пожила,—добродушно проговорилъ учитель, точно дѣло шло о какомъ-нибудь до конца дегорѣвшемъ полѣнѣ.—Я думаю, за восьмой десятокъ перевалило?

— Да, восемьдесятъ-два года было... Ѳеклуша наша замужъ вышла,—продолжала вспоминать новости Лизавета Николаевна.

— А! За своего Гришутку вѣрно?

— Да!

— Ну, дай Богъ имъ счастья! Давно слюбились,—также добродушно замѣтилъ онъ.

— А про Трезорку-то, про Трезорку-то ты и забыла!—торопливо заговорили дѣти.—Она, Иванъ Григорьичъ, Трезорка-то наша, бѣшеною стала и стала рычать на всѣхъ: подойдешь, бывало, къ ней, а она на тебя: р-р-р... Потомъ кучеръ Никита взялъ ее въ мѣшокъ и отнесъ съ камнемъ на шеѣ въ Желтуху... Тамъ ее, бѣдную, и бросили, Трезорку нашу!—наперерывъ разсказывали дѣти жалобнымъ тономъ.

Иванъ Григорьевичъ и Лизавета Николаевна задумчиво слушали эту печальную исторію изъ дѣтскихъ воспоминаній и молчали.

— А давно Михаилъ Александровичъ переселился въ деревню?—совершенно неожиданно спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да... то-есть нѣтъ,— смѣшалась Лизавета Николаевна отъ неожиданнаго вопроса.—Онъ здѣсь, кажется, уже три мѣсяца живетъ...

Иванъ Григорьевичъ невольно взглянулъ своими добрыми и немного насмѣшливыми глазами на Лизавету Николаевну и удивился, увидавъ ея пылающее и смущенное лицо.

— Ну, вѣдь это тоже новость не хуже бѣшенства Трезорки, а вы ее-то и пропустили!—разсмѣялся онъ.

«Сначала забыла о немъ, и потомъ, когда напомнили, спутилась. Что это значитъ?»—подумалъ молодой пріятель Лизаветы Николаевны.

Дарья Власьевна, между тѣмъ, давно уже сидѣла молча. Молодые люди такъ заговорились, что даже и забыли о ея присутствіи, когда тихія всхлипыванія, раздавшіяся въ той сторонѣ, гдѣ сидѣла хозяйка, заставили ихъ взглянуть на нее. Она сидѣла за чайнымъ столомъ, скорбно наклонивъ на бокъ голову и подперевъ ее одною рукою, и заливалась самыми искренними, горькими слезами.

— Что съ вами? — заботливо спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да какъ же, отецъ мой родной, не взгрустнуться!—закачала она изъ стороны въ сторону головой, убиваясь отъ горя.—У всѣхъ-то мужья есть, одна я сирота горемычная вдовствую... Уѣхалъ, и прощай не сказалъ!.. Вѣдь вотъ теперь смотрѣла я, смотрѣла на васъ, и вспомнилось мнѣ, какъ онъ утромъ еще сегодня, голубчикъ мой, на этомъ самомъ мѣстѣ сидѣлъ, чай съ нами пилъ... Мою я стаканчикъ, а самой такъ и кажется, что не вы изъ него пили, а мой Николаша пилъ...

— Ну, авось скоро вернется!—замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, добродушно улыбаясь.

— Нѣтъ, батюшка, чуетъ мое сердце, что въ послѣдній разъ мы съ нимъ пожили... О-охъ! останусь я одна на бѣломъ свѣтѣ,—неутѣшно заливалась Дарья Власьевна горькими слезами.

Иванъ Григорьевичъ поднялся съ мѣста и взялся за фуражку.

Всѣ распрощались съ гостемъ; онъ дружески пожалъ руку молодой дѣвушки и неспѣшными шагами вышелъ изъ дому. Передъ нимъ, извиваясь, тянулась длинная, покрытая грязью и озаренная луннымъ свѣтомъ дорога изъ Бабиновки въ село Приволье. Молодой человѣкъ снялъ фуражку и пошелъ, опираясь на сучковатую толстую дубинку,

открывъ свой лобъ встрѣчному свѣжему вѣтру. Черезъ часъ ходьбы онъ увидалъ въ полутьмѣ блестящую змѣйку родной Желтухи, и вскорѣ вдали забѣлѣли освѣщенныя луной стѣны каменной церкви села Приволья, которое, разбросавшись по берегу Желтухи, доходило до самаго угла, образуемаго Желтухою и большой судоходной рѣкой, и шло далѣе по берегу этой большой рѣки пестрымъ и плотнымъ рядомъ красивыхъ избъ, амбаровъ, ригъ и тому подобныхъ построекъ. Церковь на берегу Желтухи, окруженная кладбищемъ, какъ-то отдалилась отъ прочихъ построекъ, и около нея жался только чистенькій, городской постройки домикъ священника, гдѣ уже было совсѣмъ темно, и куда направлялся Иванъ Григорьевичъ

II.

Даровой лѣтній учитель, студентъ медицинской академіи и сынъ священника изъ села Приволья, Иванъ Григорьевичъ Борисоглѣбскій, возвратясь изъ Бабиновки, лежалъ съ сигарою въ зубахъ въ своей комваткѣ въ домѣ отца. Ему не хотѣлось спать, какія-то смутныя, не то тоскливыя, не то сладкія чувства наполняли все его существо. Онъ снова былъ на родинѣ, въ своемъ отчемъ домѣ, «подъ тѣми самыми березами, съ которыхъ, по его выраженію, рвали сучья для его порки»; передъ нимъ въ этотъ день прошли всѣ лица, мелькнули всѣ картины, съ которыми тѣсно и неразрывно связывалась вся его прошлая, то скорбная, то задушевно и тепло пережитая жизнь.

Онъ родился на томъ краю села Приволья, гдѣ начинаются владѣнія Баскаковыхъ. Эти два помѣстья, Бабиновка и Привольe, столь близкія другъ къ другу, представляли рѣзкій контрастъ, и на ихъ судьбѣ, какъ это всегда бываетъ, вполнѣ отразилась судьба ихъ владѣльцевъ. Мы видѣли, что за жизнь шла въ Бабиновкѣ, теперь мы должны заглянуть въ Привольe, тѣмъ болѣе, что характеры и жизнь нашихъ дѣйствующихъ лицъ сложились всецѣло подъ вліяніемъ этихъ деревень.

Село Привольe издавна принадлежало князьямъ татарскаго происхожденія Мурзатовымъ и только въ послѣднее время перешло въ руки графини Серпуховской, послѣдней дочери послѣдняго изъ князей Мурзатовыхъ. Въ давнобылыя времена Мурзатовы жили въ столицѣ и играли значительную роль при дворѣ. Не имѣя никакой возможности управлять лично своимъ имѣніемъ, они посылали туда упра-

вителей, приказчиковъ, конторщиковъ и тому подобный, наживавшійся въ деревнѣ, людъ. Тогда это село помѣщалось еще за нѣсколько верстъ отъ большой рѣки и носило названіе «Никитинскаго погоста». Крестьяне, кромѣ взноса оброка, отработывали чуть ли не пять дней въ недѣлю на барщинѣ и были разорены въ конецъ. Не менѣе гибельно дѣйствовало на нихъ сосѣдство города Никитина съ его кабаками и мелкими заработками. Подѣлаетъ, бывало, крестьянинъ что-нибудь въ городѣ, добудетъ грошъ и снесетъ его тутъ же въ кабакъ. Жены почти не видали своихъ мужей и отбывали за нихъ всю домашнюю работу въ небарщинные дни. Не богатѣли и Мурзатовы. Имъ то-и-дѣло доносили изъ деревни, что мужики пьянствуютъ и не могутъ выплачивать оброковъ. Негодуя на управляющихъ, видя, какъ они богатѣютъ, Мурзатовы смѣняли ихъ почти ежегодно, и каждый новый управитель приносилъ съ собою свой взглядъ на дѣло, свои порядки и еще болѣе путалъ и разорялъ крестьянъ. Изъ преданій видно, что жители «Никитинскаго погоста» нерѣдко убивали управителей, поджигали ихъ жилища, или просто бѣжали на большія дороги и въ лѣса промышлять разбоемъ. Наконецъ, одному изъ Мурзатовыхъ пришла въ голову благая мысль: онъ рѣшился не тратить денегъ на жалованье управляющимъ, призвалъ къ себѣ старосту, выругалъ его мошенникомъ, оттаскалъ за бороду, и послѣ этого поощрительнаго приступа приказалъ хоть родить, а доставлять въ годъ извѣстную сумму оброка. Староста почесалъ въ затылкѣ и обѣщалъ свято и нерушимо исполнять волю барскую. Мужики, узнавъ отъ старосты, сколько съ нихъ требуютъ, стали толковать, что они не могутъ платить оброка. Только одинъ изъ нихъ, старый, хитрый раскольникъ, замѣтилъ, что онъ, хоть убей его, не можетъ платить требуемой суммы, а что, пожалуй, онъ и больше бы заплатилъ, если бы его совсѣмъ освободили отъ барщины.

— Выселился на Приволье, такъ и сталъ богачомъ,—укоряли его другіе мужики.—Тебѣ все въ руки плыветъ, а мы гдѣ денегъ-то возьмемъ?

— Проситесь избы переносить, такъ и вамъ не худо будетъ,—отвѣтилъ богатый мужикъ, какъ бы позабытый всѣми въ своемъ привольскомъ уединеніи и уже давно добывавшій со своею многочисленною семьею деньги на этомъ мѣстѣ.

Мужики потолковали, что не легкая штука переселяться на новое мѣсто, что, пожалуй, и баринъ не позволитъ. Нѣ-

которые твердо рѣшились оставаться на своихъ мѣстахъ, не видя никакой пользы въ томъ, что они будутъ жить на нѣсколько верстъ дальше отъ города и ближе къ рѣкѣ; другіе склонялись на переселеніе. Староста написалъ объ этомъ барину и получилъ отвѣтъ, что мужики могутъ хоть къ чорту переселиться, но должны оброкъ сполна выплачивать. Тотчасъ же, по полученіи этого отвѣта, нѣсколько семей перенесло свои избы на другое мѣсто, на «Приволье». Тутъ была подъ рукой судоходная рѣка, богатая рыбой; тутъ ежедневно тянулись лѣтомъ барки, сплавлялся лѣсъ, перевозился хлѣбъ, нерѣдко случались несчастія во время бурь или обмелѣнія рѣки; постоянно требовались здѣсь рабочія руки. Пугало выселившихся мужиковъ одно обстоятельство: они не надѣялись на первый годъ выработать столько денегъ, чтобы внести сполна оброкъ. Но хлопотавшій болѣе всего объ этомъ переселеніи раскольникъ, давно жившій на Приволье и «мутившій православный народъ», отстранилъ и это сомнѣніе. Онъ съ таинственнымъ видомъ объявилъ, что есть у него на примѣтѣ такіе благодѣтели, которые дѣло-то могли бы уладить, да только какъ бы не провѣдалъ кто этого. Послѣ многихъ приступовъ и переговоровъ дѣло уладилось, и мужики попали въ кабалу къ своему же брату-крестьянину. Настала для переселенцевъ новая жизнь. Работы было на первыхъ порахъ больше, чѣмъ во время барщины. Приходилось работать на себя, да кромѣ того старый раскольникъ выжималъ свои деньги.

Но какъ бы ни прижималъ онъ мужиковъ, въ его сношеніяхъ съ ними была и хорошая сторона: онъ показалъ имъ, что можно извлечь изъ счастливаго положенія «Приволья», и отучилъ ихъ ѣздить въ близкій отъ нихъ городъ.

— Либо къ рѣкѣ, либо къ городу; либо къ Богу, либо къ чорту,—говаривалъ онъ.

И скоро всѣ поняли, что «тянуть къ рѣкѣ выгоднѣе». Прошло не очень много лѣтъ, и переселившіеся мужики разбогатѣли, приманили къ себѣ новыхъ переселенцевъ и пріобрѣли какую-то особенную физіономію. Это былъ суровый, «забубенный» народъ, передъ которымъ, такъ сказать, проплыла на судахъ вся Россія. Видалъ онъ и бурлака, и татарина, и каторжниковъ, и высшихъ сановниковъ. Ловилъ онъ отважно рыбу въ бурное время, да не трусилъ и тогда, когда ночною порой вылавливалъ тайкомъ грузъ затопувшей барки. Наживался онъ гдѣ правдой, а гдѣ и неправдой. Проѣзжать мимо Приволья было не всегда безопасно. Но

шелъ онъ въ городъ на мелкіе заработки по совѣту стараго раскольника, да не шелъ и въ церковь «Никитинскаго погоста»: «далеко, молъ, ходить; часъ промолишься, а пять прошляешься».

Это было въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Князь Мурзатовъ попалъ въ немилость и считалъ себя счастливымъ, что долженъ былъ удалиться въ деревню, а не куда-нибудь подальше. Его барскій домъ стоялъ на берегу большой рѣки, на значительномъ разстояніи отъ Приволья. Выстроенный во дни Екатерины, этотъ домъ не безъ основанія назывался «дворцомъ». Роскошный, обширный, онъ былъ окруженъ садами; тутъ были бесѣдки, гроты, статуи, такъ-называемый *эрмитажъ*, то-есть просто уединенный домикъ съ комнатою изъ сплошныхъ зеркалъ, обвитыхъ искусственными цвѣтами; цвѣты, кажется, готовы были упасть и засыпать пуховые турецкіе диваны, обитые бѣлымъ съ розами атласомъ и отражавшіеся въ зеркальномъ потолкѣ и въ каждой изъ зеркальныхъ стѣнъ. Въ этомъ домикѣ, какъ говоритъ преданіе, происходили самыя грязныя и ужасающія сцены, оканчивавшіяся нерѣдко смертью несчастныхъ жертвъ разврата, и самъ домикъ былъ построенъ именно для этой цѣли... Барскія палаты какъ-то сторонились какъ отъ «Никитинскаго погоста», такъ и отъ «Приволья». Переѣхавъ въ деревню, князь Мурзатовъ сразу почувствовалъ нѣчто непріятное, нѣчто зловѣщее въ положеніи своего дворца. Онъ зналъ, что одинъ изъ его предковъ во времена Анны Іоанновны занимался разбоемъ, грабилъ и дворянъ, и мужиковъ, и потому выстроилъ себѣ притонъ среди лѣса на берегу рѣки, отъ которой отдалилъ своихъ крестьянъ; зналъ онъ также, что этотъ разбойничій вертепъ въ началѣ царствованія Екатерины вдругъ превратился въ какой-то русскій братскій тріапонъ, превратился при помощи громадныхъ издержекъ, и только для того, чтобы самъ помѣщикъ провелъ въ немъ два года, но зато какіе два года! Все это припомнилъ опальный баринъ, пріѣхавъ въ свой дворецъ, и ему стало скверно въ этомъ отдалившемся отъ крестьянъ и отъ помѣщиковъ пріютѣ. Онъ увидалъ бѣдность и пьянство въ «Никитинскомъ погостѣ», и довольство и трезвость въ «Привольѣ», и рѣшился переселить всѣхъ крестьянъ изъ «Никитинскаго погоста» въ «Приволье». Послѣ двухлѣтняго его пребыванія въ деревнѣ, около его дворца уже красовались выстроенныя на его деньги избы послѣднихъ переселившихся жителей «Никитинскаго погоста». «При-

нье» представляло теперь сплошное село, заканчивавшееся съ одной стороны барскимъ домомъ, а съ другой — новою каменною кладбищенскою церковью, кромѣ которой были еще деревянная «лѣтняя» церковь, да такъ-называемая *острожная* церковь, находившаяся въ барскомъ домѣ. Въ «Никитинскомъ погостѣ» уцѣлѣли только небольшая полуразвалившаяся часовня съ кладбищемъ, да постоялый дворъ съ кабакомъ на большой дорогѣ, помѣщавшійся недалеко отъ врѣзавшейся угломъ въ мурзатовское имѣніе Бабиновки.

Городъ Никитинъ находился теперь въ четырнадцати или въ двѣнадцати верстахъ отъ мурзатовскихъ крестьянъ, тогда какъ прежде они жили отъ него въ пяти или въ четырехъ верстахъ. Но дѣло было не въ разстояніи, а въ стремленіи мужиковъ къ рѣкѣ. Вновь переселенные крестьяне стали кое-какъ поправляться, хотя и не могли сравняться въ довольствѣ съ первыми поселенцами. Они долго отличались отъ нихъ и характеромъ, чаще ходили въ церковь, были менѣе предпріимчивы, больше пили и считали, можетъ-быть, не безъ основанія, всѣхъ старыхъ жителей Приволья раскольниками или, по крайней мѣрѣ, людьми, сочувствующими расколу и очень холодно смотрящими на православіе. Можетъ-быть, тутъ не было ни раскольничества, ни православія, а былъ просто индифферентизмъ народа, разжившагося и закалившагося въ неусыпномъ трудѣ и въ вызванномъ обстоятельствами мошенничествѣ. Но богатые мужики неохотно говорили объ этомъ предметѣ; еще неохотнѣе говорили они о своемъ денежномъ положеніи и имѣли привычку прикидываться очень небогатыми людьми.

— Что сработаешь, то и проѣшь. Какіе у насъ капиталы могутъ быть!—говорили они.

А въ народѣ ходили слухи, что у старыхъ мужиковъ Приволья водится деньга и большая деньга, только это кулакъ-народъ.

— Много ли, мало ли, а все же хоронить на черный день надо, — отвѣчали они уклончиво, если къ нимъ очень приставали съ вопросами объ ихъ матеріальномъ положеніи, и тутъ же подсмѣивались надъ другими мужиками.—А вы деньги-то на улицу выложите, авось добрые люди припричутъ.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ жители Приволья окончательно сжились, и остались только едва уловимыя отличительныя черты въ ихъ характерахъ. Это было село торговое, дѣятельное, съ большимъ трактиромъ и постоялымъ

дворомъ на берегу рѣки, съ нѣсколькими лавками, не только не уступавшее ни въ чемъ, но даже превосходившее во многомъ Никитинъ, откуда часто пріѣзжали горожане за товарами въ село, не находя этихъ товаровъ въ городѣ. Ободранные, придавленные чиновничествомъ былыхъ временъ, городскіе мѣщане-лавочники; чиновничество, берущее мелкія взятки и трепещущее передъ ревизіями губернскаго начальства; одна церковь, десятокъ кабаковъ и трактиръ, поглощающіе послѣднія деньги у мѣщанъ и все нажитое грошевыми взятками у чиновниковъ; жалкія поползновенія на полицейскій надзоръ,—все это придавало какой-то скорбный видъ городу, построенному по чьему-то приказанію, Богъ знаетъ для какихъ цѣлей, среди нагихъ и плоскихъ полей. Стоя незначительно выше мужиковъ по образованію, никитинскіе жители утратили всякую возможность работать такъ, какъ работали привольскіе мужики; чиновники стыдились явно плотничать, сапожничать, портняжничать; мѣщане привыкли къ городской торговлѣ, то-есть къ отупляющей, праздной и сидячей жизни, и не работали отчасти и потому, что никитинское народонаселеніе очень мало потребляло на мѣстѣ, а заказывало одежду и даже обувь въ губернскомъ городѣ; хлѣбъ, масло, яйца покупало изъ деревень; иные товары закупало прямо въ Привольѣ. Отставъ отъ привольскихъ мужиковъ на этомъ поприщѣ, отстали никитинцы отъ нихъ и на поприщѣ наслажденій жизнію. Они еще не доразвились, не добогатѣли настолько, чтобы завести собранія, библіотеку, театръ, но уже зашли за ту черту, гдѣ люди начинаютъ гнушаться мужикомъ и стыдятся его удовольствій, хороводовъ, посидѣлокъ и тому подобнаго. Сплетни, карты, пьянство и вѣчный сонъ наполняли все свободное время ихъ жизни. Совсѣмъ иначе выглядѣли жители Приволья. Долгое знакомство съ проѣзжающимъ со всей Россіи людомъ значительно развило ихъ; довольно значительные торговые обороты пробудили смѣтливость, отчасти кулачество и способность надуть хоть родного брата; постоянная работа на сердитой рѣкѣ придавала имъ смѣлости и умѣнья пользоваться чужимъ несчастьемъ, какъ въ былые годы пользовались другіе люди ихъ бѣдственнымъ положеніемъ; отсутствіе управителей и полиціи, господъ и барщинныхъ дней пробудило въ нихъ какую-то гордость, самоуваженіе, отчасти самодурство; эти люди, кажется, могли постоять за себя; уже многіе изъ нихъ, имѣя родню въ селѣ, сдѣлались значительными купцами и кормили не только какихъ-нибудь

«канцелярскихъ» своими обѣдами, а и самихъ губернаторовъ. Всѣ помнятъ, какъ на одномъ изъ своихъ обѣдовъ купецъ Тугоѣвъ представилъ гостямъ и посадилъ за столъ на первое мѣсто своего отца, простого мужика привольскаго. Эта выходка надѣлала шуму даже въ столицѣ. Имѣя такихъ родственниковъ и милостивцевъ, гордившихся и коловшихъ роднымъ баричамъ глаза своимъ происхожденіемъ, привольскіе мужики смотрѣли дерзко и смѣло на мелкихъ властей. Рѣзко стали они отличаться отъ всѣхъ своихъ сосѣдей, жившихъ вдали отъ рѣки, «тянувшихъ къ городу». Послѣдніе снимали шапку передъ каждымъ бариномъ, но никогда не дѣлалъ этого привольскій житель. Правда, жители Приволья и не были такъ добродушны, какъ ихъ сосѣди. Надуть они были готовы всякаго.

— На то Богъ и дурака создалъ, чтобы умные на немъ ѣздили, — смѣялись они.

— Проходи, проходи, Богъ подастъ! — говорили они по большей части нищимъ вмѣсто подаянія и разсуждали между собою: — На всѣхъ не напасешься; ишь ты, чѣмъ бы работать, а они шляются.

Неохотно впускали они на ночлегъ прохожихъ, дорожа трудно нажитымъ богатствомъ и говоря, что «Богъ его знаетъ, какой это человѣкъ; еще, пожалуй, и село спалитъ; шляется, значитъ непутящій».

— Постоялый дворъ на то есть, братецъ. Проваливай! — захлопывали они двери передъ странникомъ.

Страха передъ становыми и тому подобными властями у нихъ почти не было никакого, и они очень хладнокровно смотрѣли на ихъ пріѣздъ.

Но чѣмъ богаче становилось Привольe, тѣмъ бѣднѣе становились Мурзатовы. Правда, въ первые годы богатства въ Привольѣ, Мурзатовы вдругъ поднялись и ожили. Ихъ фамилія сдѣлалась одною изъ самыхъ богатыхъ, и они стали жить широко: бросили службу, уѣхали за границу. Чѣмъ шире шла жизнь, тѣмъ болѣе требовали они съ мужиковъ, тѣмъ болѣе дѣлали долговъ и безобразій... Мужики стали пользоваться положеніемъ господъ и выкупались за большія деньги цѣлыми семьями... Надъ князьями назначили опеку... Года черезъ два послѣ этого событія умеръ послѣдній изъ нихъ, и имѣніе досталось графинѣ Серпуховской, родной тетѣ Михаила Александровича Задонскаго, поселившейся послѣ смерти своего мужа въ деревнѣ.

Вотъ почва, на которой вырось Иванъ Григорьевичъ

Борисоглѣбскій въ домѣ бѣднаго сельскаго священника, обремененнаго выжившимъ изъ ума отцомъ, матерью съ отнявшимися ногами и множествомъ дѣтей, полуобразованнаго, немного опустившагося отъ бѣдности и отсутствія всякихъ сношеній съ образованною средою. Въ этомъ старикѣ, рядомъ съ горячею любовью къ дѣтямъ, уживались мелочные, скряжническіе расчеты нищаго о томъ, что дѣти должны кормить его подъ старость; рядомъ съ трезвымъ практическимъ взглядомъ на жизнь гнѣздились самыя странныя идеи невѣжды обо всемъ, что̀ стояло внѣ узкаго круга его дѣйствій; то онъ напускалъ на себя важность и хотѣлъ явиться проповѣдникомъ среди «мошенниковъ» привольскихъ, то кланялся въ поясъ этимъ «мошенникамъ», потому что и онъ хотѣлъ ѣсть... Его сынъ, Иванъ Григорьевичъ, перетерпѣлъ бурсацкую жизнь, грязь, мелкое базарное мошенничество и нищету; перенесъ побои и проклятія отца за отказъ отъ дьяконства и за поступленіе въ медицинскую академію; пережилъ цѣлый годъ въ столицѣ, въ углѣ, иногда ночуя на нарахъ за двѣ копейки, не доѣдая днемъ, не досыпая ночью, сколачивая наперекоръ своей натурѣ гроши, чтобы привезти ихъ отцу, купить этою цѣною примиреніе съ нимъ и провести у него лѣто. Зачѣмъ примиряться? зачѣмъ проводить лѣто въ его домѣ? Объ этомъ Иванъ Григорьевичъ почти и не разсуждалъ, и просто поддавался какому-то инстинктивному стремленію на родину, подъ родную крышу, къ родной рѣкѣ. Даже планы сдѣлаться земскимъ врачомъ въ Привольѣ были скорѣе слѣдствіемъ этого стремленія, чѣмъ одною изъ его причинъ. Съ дѣтства передружился онъ тутъ со всѣми мужиками, со всѣми ихъ ребятишками. Игралъ онъ съ ними въ бабки, ночевывалъ у нихъ, когда отецъ слишкомъ сильно нападалъ на него. Въ первое лѣто, проведенное въ Привольѣ по прибытіи изъ академіи, Иванъ Григорьевичъ еще болѣе скрѣпилъ свою дружбу съ крестьянами, покумился съ нѣкоторыми, у другихъ привилъ оспу ребятишкамъ, далъ два-три совѣта больнымъ бабамъ. Всѣ, начиная со стараго бобыля Тараса, въ деревнѣ Бабиновкѣ, занимавшагося издѣліемъ затѣйливыхъ тавлинокъ и бураковъ, и кончая старою богомолкою графинею Серпуховскою, владѣтельницей Приволья, считали Ивана Григорьевича за своего человѣка. Его простотѣ не удивлялись, потому что въ ней и не было ничего удивительнаго: держитъ себя человѣкъ, какъ и слѣдуетъ человѣку держать себя; его не цѣнили, какъ какую-нибудь рѣдкость; не превозносили его,

какъ нарушающееся явленіе, потому что и примелькался онъ всѣмъ, и казалось каждому, что ужъ онъ постоянно у батюшки священника проживать лѣто долженъ, и что некуда ему дѣваться. Такъ вообще привыкаютъ люди ко всякой необходимой, но сросшейся съ ихъ жизнью, вещи или личности. Оцѣниваютъ они эту вещь или личность только послѣ утраты ея; только тогда начинаетъ мозолить имъ глаза оставленная ею пустота; только тогда говорятъ они: эхъ, вотъ и видно, что ея нѣтъ! Эти вещи, эти личности — любимые наши старые халаты, сторожившія насъ собаки, вѣрные наши слуги, заботившіеся о насъ друзья дѣтства. Такія отношенія людей къ Ивану Григорьевичу были особенно по сердцу ему самому. Онъ зналъ, что онъ не пятая спица въ колесницѣ въ жизни этихъ людей, что онъ такъ же необходимъ для ея полноты, какъ какой-нибудь Дмитрій Сысоевъ, содержатель трактира, или, какъ какой-нибудь выборный Иванъ Михѣевъ; сознавалъ, что онъ такъ же необходимъ въ этой жизни, какъ какой-нибудь винтъ въ машинѣ, а не служитъ въ ней какою-нибудь блестящею бляхою, яркимъ украшеніемъ, которое, можетъ-быть, и краситъ машину, но о которомъ никто и не вспомнитъ, если его не будетъ. Его умъ, подъ вліяніемъ бѣдности, притѣсненій хитрой изворотливости, вызванной необходимостью, и многихъ разочарованій, всегда соединенныхъ съ бѣдностію, сложился довольно своеобразно: онъ съ какою-то добродушною ироніей и недовѣріемъ относился ко всему. Явятся у него золотыя мечты или надежды, онъ поддастся имъ, а уже черезъ минуту самъ подсмѣивается надъ собою. Назовется къ нему въ друзья какой-нибудь восторженный юнецъ, онъ честно отвѣтитъ на дружбу, а потомъ какъ-то иронически говоритъ о своихъ «чувствительныхъ» отношеніяхъ къ этому юношѣ... Случится въ обществѣ какая-нибудь пакостная исторія, придавитъ его самого кто-нибудь, — онъ вспылитъ, бѣсится, а черезъ день уже говоритъ со своей добродушной насмѣшливостью:

— Все это оттого случается, что мы, какъ Дарья Власьевна, все еще не достроились, а если что и было выстроено, такъ принялось перестраивать. Ну, вотъ однимъ какая-нибудь упавшая балка кости переломала; другіе ругаются, что лѣса худо подведены; третьи — мусоръ, да матеріалы до поту должны таскать; четвертымъ угла нѣтъ, гдѣ бы прилечь да отдохнуть, и въ тишинѣ насладиться семейнымъ счастіемъ... Въ сущности, это славная жизнь; бранятся ли, надаютъ ли,

угла ли себѣ ищутъ люди — вездѣ движеніе и бодрость чуется... Вонъ въ Китаѣ, тамъ все достроено, все прилажено, хлопотать не о чемъ, покойся себѣ, какъ праведникъ въ гробу... Это, можетъ-быть, и спокойнѣе, да жизни тутъ нѣтъ, желаній, надеждъ не можетъ быть. Это навѣваетъ тоску, какъ плохой конецъ хорошо начатаго романа.

Во всемъ этомъ были видны слѣды горькаго прошлаго и усилій смѣхомъ заглушить слезы, ироніей подавить отчаяніе. Такой характеръ складывается нерѣдко у сильныхъ и трезвыхъ по натурѣ бѣдняковъ изъ молодежи.

Иванъ Григорьевичъ не задумался надъ вопросомъ: почему онъ стремится каждое лѣто въ родныя мѣста? Но если бы онъ и задумался надъ этимъ вопросомъ, то увидалъ бы, что обойтись безъ этой потребности ему трудно. По крайней мѣрѣ, разъ онъ рѣшился не ѣхать домой, а отправился къ одному помѣщику въ учителя. Помѣщикъ былъ баринъ обходительный, благовоспитанный, но какъ-то особенно изысканно вѣжливо и предупредительно относился къ учителю, какъ относятся люди къ новому, совершенно чуждому имъ лицу. Дѣти въ домѣ въ повиновеньи растутъ; причесанныя, кроткія, тихія, ко всякому слову «съ» прибавляютъ, не спорятъ съ учителемъ, но какъ-то, оторопѣвъ, запуганно смотрятъ ему въ глаза и словно ртомъ ловятъ каждое его слово. Барышни, дочери помѣщика, потупляютъ глазки передъ учителемъ; не смѣются, а только краснѣютъ, если онъ смѣшное что-нибудь скажетъ; вечеромъ онѣ на фортепьяно играютъ въ четыре руки. Ровно въ двѣнадцать часовъ общій завтракъ, ровно въ четыре часа общій обѣдъ, ровно въ девять общій ужинъ; на этихъ собраніяхъ идутъ толки о политикѣ, о геніальномъ Наполеонѣ, о геніальномъ Гарибальди, о геніальномъ Мадзини, о геніальномъ Бисмаркѣ. Барыня-помѣщица старается учителю чай и кофе пересластить и все такіе томные глазки дѣлаетъ. Скука! Попробовалъ Иванъ Григорьевичъ съ мужиками душу отвести — они передъ нимъ шапки снимаютъ; онъ говорить съ ними хочетъ, а они только отвѣчаютъ или слушаютъ и соглашаются; а онъ для нихъ баринъ, притомъ баринъ чужой и, сверхъ того, получающій плату отъ ихъ господъ, то-есть, вѣроятно, поддѣлывающійся къ господамъ. Опять скука и тоска. Пожилъ учитель недѣлю, другую и является однажды къ помѣщику.

— Я ѣду-съ домой,—сказалъ онъ, сконфуженно глянувъ въ сторону и кусая губу.

— Что вы не довольны чѣмъ-нибудь,—удивился помѣщикъ.

— Нѣтъ, всѣмъ доволенъ...

— Такъ что же?

— Да жить я здѣсь не могу; по родной сторонѣ соскучился...

Помѣщикъ вѣжливо усмѣхнулся, полагая, что это одна изъ тѣхъ простыхъ отговорокъ, которыми прикрываются болѣе серьезныя причины.

— Вамъ, вѣроятно, кто-нибудь надѣлалъ непріятностей. Мнѣ очень...

— Никто мнѣ ничего не сдѣлалъ,—перебилъ Иванъ Григорьевичъ, для котораго вся эта сцена была крайне тяжела.—Просто ѣду, вотъ и все. Я вамъ другого учителя поставлю, гораздо лучшаго, чѣмъ я...

— Какъ вамъ угодно; насильно милъ не будешь!—обидчиво промолвилъ помѣщикъ.—Только надо было сперва подумать о своихъ нѣжныхъ чувствахъ къ роднымъ полямъ и не ѣздить на мѣсто, имѣя такое мягкое сердце,—колко добавилъ онъ.

— Да я ужъ за это прежде васъ себя выругалъ,—усмѣхнулся учитель.—Я чуть-было потихоньку не удралъ... Ошибаться свойственно человѣку, вотъ я и ошибся.

Такъ онъ и уѣхалъ; повеселѣлъ даже, когда чужая деревня скрылась изъ глазъ. Подъѣзжаетъ онъ къ Приволью, толкуетъ съ знакомымъ ямщикомъ, тотъ его выспрашиваетъ, надолго ли онъ на побывку къ отцу ѣдетъ, гдѣ онъ теперь въ ученьи. Вотъ въѣхалъ и въ село, навстрѣчу мужики идутъ.

— Постой-ка, Матвѣй,—крикнулъ одинъ изъ мужиковъ ямщику.

Ямщикъ остановился.

— Здравствуй, Иванъ Григорьевичъ, а я ужъ о тебѣ у кума справлялся. Съ бабой моей что-то сдѣлалось, вторую недѣлю на печи лежитъ, встать не можетъ...

Расплатился Иванъ Григорьевичъ съ ямщикомъ, велѣлъ отвезти къ отцу чемоданъ, а самъ пошелъ къ мужику, посмотрѣлъ на больную бабу, сказалъ, что нужно дѣлать, и какъ вышелъ изъ избы, такъ вдругъ ему показалось, что онъ никогда и не выѣзжалъ изъ родного Приволья, или что, если и выѣзжалъ, то пріѣхалъ сюда не сейчасъ, а когда-то давно, давно... Никто не смотритъ на него съ удивленіемъ и любопытствомъ, ребятишки не прячутся отъ него, какъ въ чужой деревнѣ; каждый ему поклонится, какъ

своому человѣку, поговоритъ съ нимъ и идетъ своею дорогой. Вошелъ онъ въ свой домъ: вѣчно запуганная мать и плачетъ, и смѣется, отецъ подтрунивастъ надъ ней, а самъ, нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на сына, любуясь имъ; маленькіе ребятишки, братья и сестры, смотрятъ на его чемоданъ съ любопытствомъ, ждутъ, не привезъ ли старшій братъ чего-нибудь изъ столицы.

Свѣтло стало на душѣ у Ивана Григорьевича. Вошелъ онъ въ отцовскій садикъ, тянувшійся къ береговому скату до самой рѣки, легъ на песокъ у берега; солнце его грѣетъ, вдали широкая рѣка виднѣется, барки тянутся, чьи-то голоса раздаются въ воздухѣ.

— Ишь ты, Ваня, дни-то какіе Богъ поиче дастъ хорошіе,—послышался позади его голосъ матушки-попадьи, не утерпѣвшей и забѣжавшей въ садъ за ненаглядным сынкомъ.

— Да, матушка, хорошіе дни стоятъ!—отвѣтилъ сынъ, поддаваясь полной душой хорошему настроенію.

А тутъ батюшка вышелъ въ подрясничкѣ, съ заплетенной назади жиденькой косичкой въ родѣ мышинаго хвостика, бороду широкимъ гребнемъ расчесываетъ, смотритъ любовно на своего сына.

— Поставь-ка намъ самоваръ, мать-попадья,—говоритъ онъ женѣ.—Соловья баснями не кормятъ. Ишь, любо теперь, что сынъ-то выросъ!

Сѣли чай пить, закуску подали.

— Мы, Ваня, по рюмочкѣ пропустимъ?—съ добродушнымъ подмигиваньемъ спросилъ священникъ.

— Отчего не пропустить съ дороги,—разсмѣялся сынъ.

— Ну что, какъ у васъ тамъ насчетъ Польши слышно?—началъ священникъ, стараясь на первыхъ порахъ занять сына городскими умными разговорами.

— Ничего, теперь тихо все!—отвѣтилъ сынъ.

— Охъ, не вѣрится мнѣ что-то,—съ сомнѣніемъ покачалъ головою священникъ.—Врага мы себѣ въ ней нажили. Только убытки она намъ приноситъ, да козни строитъ. И отчего бы не написать намъ въ Европу письмо, чтобы хоть англичанинъ взялъ ее на аренду? А чтобы она насъ и тогда не безпокоила, выставить бы на границу три милліона войска, ну, тогда и тягайся съ нами.

Иванъ Григорьевичъ усмѣхнулся.

— Ну, теперь авось и такъ сбойдется!

— Дай Богъ, дай Богъ!

— Ну, а что ректоръ семинаріи все тотъ же?—спросилъ сынъ.

— Охъ, и не говори!—вздохнулъ отецъ и началъ горячо и толково разсказывать сыну про ректора семинаріи, про благочиннаго, да про всѣ свои нужды и заботы. Такъ о Польшѣ и не вспоминали болѣе...

Напились чаю и всѣ улеглись спать съ пѣтухами, а Ивану Григорьевичу и спать не хотѣлось. Вышелъ онъ опять на берегъ, легъ на песокъ и впалъ въ невольное раздумье. Вспомнилось ему все пережитое, перенесенное; вспомнилось, какъ онъ воровалъ, не имѣя гроша за душою въ годы дѣтства, какъ его, сына бѣднаго попа, пороли въ бурсѣ, какъ избилъ его голякъ-отецъ, когда онъ задумалъ отказаться отъ выгоднаго дьяконства и сталъ продолжать ученье, пришелъ на память сегодняшній ласковый пріемъ отца и радость матери, увидавшей, что «батюшка» совсѣмъ пересталъ гнѣваться на сына,—и какъ-то грустно и въ то же время легко стало у него на душѣ. Вдругъ онъ какъ будто простилъ всѣмъ, забылъ все и помнилъ только одно, что если его гнула въ бараній рогъ нищета, то гнула она еще болѣе, еще дольше и этихъ мужиковъ-плутовъ, и этихъ отупѣвшихъ профессоровъ семинаріи, и его отца, и его запуганную, глуповатую, но полную любви мать, и не было въ его сердцѣ ничего, кромѣ теплой и полной любви. Иванъ Григорьевичъ былъ скупъ на ловкія фразы, на нѣжныя чувства.

— Какъ живого человѣческаго мяса порѣжешь на своемъ вѣку, какъ больной человѣкъ у тебя подъ ножомъ умретъ, оттого что у тебя рука дрогнула, да заѣхала въ сторону,—говаривалъ онъ:—такъ тутъ не до нѣжныхъ чувствъ, да не до точеныхъ фразъ.

Ну, а въ этотъ вечеръ лежалъ онъ на пескѣ въ такомъ настроеніи, что, кажется, обнялъ бы весь живой міръ, подставилъ бы свою грудь за каждаго изъ ближнихъ, и впервые понялъ онъ всю силу своей любви къ роднымъ мѣстамъ и родному народу.

— Ахъ ты, моя родина, бѣдная!—прошепталъ онъ, а по лицу тихо, одна за другой, скатились теплыя слезы.

И, подсмѣивающійся надо всѣмъ, скептически относящійся ко всему, никогда не смѣялся Иванъ Григорьевичъ, вспоминая эту сцену на берегу рѣки. Расчувствуйся онъ въ этотъ вечеръ по поводу какого-нибудь другого событія, а не по поводу встрѣчи съ родными мѣстами и роднымъ на-

родомъ, то онъ вѣрно въ ту же минуту, слѣдомъ за изліяніемъ нѣжнаго чувства, промолвилъ бы:

— Подгулялъ, значитъ, человѣкъ на радостяхъ, ну и расчувствовался.

Такова ужъ натура была...

Теперь онъ снова былъ дома, снова готовился приняться за свое обычное лѣтнее дѣло, учить дѣтей Баскаковыхъ, крестьянскихъ ребятишекъ, своихъ братьевъ и сестренокъ, лѣчить лихорадки, пораненныя на работѣ руки и ноги, крестить дѣтей, ходить на охоту. Жизнь по сердцу, по влеченью готовилась начаться во всей своей полнотѣ, не оставляющей ни минуты для скуки или тоски. Размышляя о своихъ встрѣчахъ, Борисоглѣбскій невольно вспомнилъ о своей встрѣчѣ съ Михаиломъ Александровичемъ, и его занялъ вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ находится къ семьѣ Баскаковыхъ этотъ новый въ деревнѣ человѣкъ, этотъ «столичный гусь», какъ называлъ его мысленно Иванъ Григорьевичъ? Давно Борисоглѣбскій привыкъ смотрѣть на семью Баскаковыхъ, и въ особенности на Лизавету Николаевну, какъ на родню. Онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей ихъ бытъ, ихъ радости и ихъ печали, и интересовался всѣмъ, что̀ касалось ихъ, точно такъ же, какъ интересовался радостями и печалями каждаго изъ мужиковъ Приволья. Ему не для чего было анализировать, какія это чувства; не вызываетъ ли ихъ какая-нибудь другая причина, кромѣ простой привычки. Гораздо болѣе страннымъ и требующимъ анализа показалось бы ему противоположное явленіе, то-есть, если бы онъ, интересующійся бытомъ всего окрестнаго народа, ни съ того, ни съ сего, не сталъ бы интересоваться только жизнью однихъ Баскаковыхъ. Вслѣдствіе этого и теперь, погрузившись въ думы о семейныхъ дѣлахъ Баскаковыхъ, Иванъ Григорьевичъ не видѣлъ ничего особеннаго въ своемъ любопытствѣ...

Рано утромъ онъ вышелъ къ чаю.

— Ну, что у Баскаковыхъ всѣ ли здоровы?—спросилъ отецъ.

— Всѣ здоровы... Самъ опять удралъ куда-то.

— Непутящій, право непутящій!.. Чѣмъ бы за семьей присмотрѣть, а онъ по свѣту рыскаетъ, словно и не знаетъ, что жена—дура-баба! Тоже вѣдь и дѣти малыя, и дочь на возрастѣ: однихъ обучить нужно, за другой глаза нужны... Вѣдь тоже мало ли что̀ люди-то могутъ наплести про нее.

— А развѣ что-нибудь дурное говорятъ?—уже съ любо-

пытствомъ спросилъ Иванъ Григорьевичъ, сначала едва поддерживавшій разговоръ.

— Ну, да вѣдь люди всяко говорятъ: и дурное, и хорошее, а дурного больше,—отвѣтилъ отецъ, оттопыривая губы и подуная на чай, налитый на блюдечко.

Иванъ Григорьевичъ помолчалъ.

— Я тамъ Михаила Александровича встрѣтилъ,—началъ онъ черезъ минуту и зорко взглянулъ на отца.

— Ну да, извѣстно, гдѣ же ему и быть, какъ по около бабъ! Дѣла нѣтъ, такъ ничего другого на умъ и не идетъ... Дѣвушку-то только маретъ,—сердито замѣтилъ отецъ.

— Да онъ зачѣмъ сюда пріѣхалъ? Мало публичныхъ домовъ въ столицѣ показалось?

— Больной,—усмѣхнулся отецъ.—Лѣчиться пріѣхалъ... Должно-быть, въ отставку вышелъ... Да что-то я въ толкъ не возьму, зачѣмъ онъ здѣсь лѣчится, а не за границей... Вѣдь тамъ-то по нихъ, чай, французенки плачутъ... Прокутился вѣрно!.. И что это, подумаешь, бездѣлье-то изъ людей дѣлаетъ!—оставляя блюдечко, глубокомысленно произнесъ священникъ.—Правда, что лѣнь мать всѣхъ пороковъ, и что верблюду легче пройти въ игольное ухо, чѣмъ богатому въ рай... За всѣми бабами гоняется. Вонъ сталъ и на постоялый дворъ къ Марьѣ Мироновой захаживать. Бабенка она шустрая, съ проѣзжими купчиками все водилась...

— Да съ ней-то онъ какъ познакомился?—спросилъ сынъ.—Демократомъ, что ли, хочетъ сдѣлаться, что за простой бабой ухаживаетъ?

— Ну, они давно знакомы. Я помню, ты еще маленькій былъ—ему лѣтъ этакъ пятнадцать было, такъ онъ ей косу обрѣзалъ!

— Какъ такъ?

— Да такъ, началъ онъ за нею бѣгать. Она ему согрубила что-то... Въ дѣвичьей она жила у ея сіятельства... А онъ забрался къ ней ночью, да косу ей и обрѣзалъ въ отместку. Только это у нихъ и на умѣ. Юбочники, право юбочники!

— Такъ, значитъ, она теперь не молода?

— Да такъ, годикомъ помоложе его... Ничего, красивая баба, въ соку...

Иванъ Григорьевичъ нахмурился, и еще сильнѣе сталъ занимать его вопросъ объ отношеніяхъ Баскаковыхъ и Задонскаго.

— Ну, а у Баскаковыхъ-то онъ зачѣмъ бываетъ?—продолжалъ онъ разспросы.

— Господь его знаетъ!.. Слухи недобрые ходятъ. Ну, да всякому слуху вѣрить нельзя... Вотъ ты поговори съ Лизаветой-то Николаевной... Дѣвушка хорошая, ее жаль... Онъ поиграетъ, да и броситъ ее, а ей горе!

— Жениться, можетъ-быть, хочетъ,—усмѣхнулся Иванъ Григорьевичъ.

— Ну, тоже не радость!—возразилъ священникъ.

— Не радость-то, не радость, да вѣдь насильно не оттащишь, если она его любитъ.

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—вздохнулъ отецъ, вставая съ мѣста, чтобы идти въ свой городъ.—Любовь-то что? Такъ, мечтаніе одно. Скучно человѣку, дѣла у него нѣтъ, дома содомъ, молодъ онъ, кровь у него горячая, подвернулось смазливое личико, вотъ онъ и говоритъ: я, молъ, люблю!.. Ну, а тамъ ребята, заботы, дрязги, мужъ въ одну сторону, жена въ другую, развратъ!

Иванъ Григорьевичъ молчаливо слушалъ, какъ философствовалъ его отецъ. Его умъ всецѣло поглотили мысли о Лизаветѣ Николаевнѣ. Онъ не удивлялся, что она могла увлечься отставнымъ петербургскимъ героемъ. Отвратительная обстановка въ семьѣ, полное отсутствіе опредѣленной дѣятельности, грязь и недостатки, скука и рядомъ съ нею молодая кипучая кровь, простодушная бойкость неопытности, все это, дѣйствительно, могло толкнуть дѣвушку къ первому попавшемуся навстрѣчу смазливому человѣку, съ вкрадчивыми рѣчами любви, съ блестящимъ образованіемъ, съ острымъ умомъ, съ хорошей обстановкой... Иванъ Григорьевичъ зналъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, что Лизавета Николаевна была просто типомъ деревенской барышни и не могла сдѣлаться ничѣмъ инымъ подъ вліяніемъ окружающей ее среды и глупаго воспитанія. Но онъ зналъ, что эта барышня не глупа, настойчива и смѣла, и потому отчасти надѣялся на счастливый исходъ ея увлеченія, если оно и было въ дѣйствительности.

— Ну, да увидитъ, что это за гусь, и все пройдетъ,—замѣтилъ онъ, выходя съ крыльца вмѣстѣ съ отцомъ.—Можетъ-быть, и этотъ опытъ пойдетъ въ пользу. Говорятъ же умные люди, что кто не отвѣдалъ горькаго, тотъ не узнаетъ и сладкаго... Вотъ, бѣдняковъ и кормятъ все горькимъ, вѣроятно, для того, чтобы послѣ имъ сладкое слаще было,—усмѣхнулся онъ своей добродушно-насмѣшливой улыбкой.

— Такъ-то такъ, только иногда столько горькаго наглотаешься, что потомъ и сладкаго не станешь ѣсть,—промолвилъ отецъ.—Далеко ли зашло, коть что надо спросить. Иногда и вернуться нельзя.

Иванъ Григорьевичъ мгновенно весь вспыхнулъ и сердито нахмурился.

— Глупости!—рѣзко проговорилъ онъ:—всегда можно вернуться!.. Ну, а не вернется, такъ туда и дорога.

Онъ вышелъ изъ дома, направляясь къ селу. Побывавъ у нѣсколькихъ мужиковъ, потолкавшись на берегу между рабочимъ людомъ, давъ нѣсколько медицинскихъ совѣтовъ, Иванъ Григорьевичъ, проголодавшійся и успокоенный, поспѣшно и бодро возвращался домой, когда на большой дорогѣ, по направленію ко *дворцу*, пронесся экипажъ графини Серпуховской. Борисоглѣбскій увидалъ дружески и весело кланяющуюся ему головку: это была Лизавета Николаевна.

— А вѣдь, дѣйствительно, надо будетъ все разузнать,—подумалъ онъ, входя въ жилище своего отца.

III.

Передъ Лизаветой Николаевной широко и шумно распахнулась дверь привольскаго «дворца» и щегольски, по-столичному, наряженный во фракъ и бѣлый галстукъ лакей поддерживалъ ее подъ руку при выходѣ изъ экипажа. Она стала подниматься по широкой, роскошно украшенной статуями, колоннами и цвѣтами лѣстницѣ. Вся эта роскошь, весь этотъ блескъ, весь этотъ просторъ были давнымъ-давно извѣстны ей, извѣстны не менѣе, чѣмъ грязь ея родныхъ, вѣчно-строившихся бабиновскихъ сараевъ, только носившихъ названіе жилыхъ комнатъ. Здѣсь былъ тоже ея домъ, здѣсь тоже были прожиты ею многіе дни и притомъ счастливые, а не скорбные, какъ дни, прожитые въ Бабиновкѣ!...

Взглянемъ на это прошлое...

Среди роскоши привольскаго «дворца» постилась на стержневой ухѣ и молилась на мягкихъ коврахъ и бархатныхъ подушкахъ графиня Серпуховская. Это была высокая, худощавая, темноволосая женщина съ густыми, сурово-сдвинутыми бровями, когда-то привлекавшими къ ней сотни поклонниковъ, а теперь пугавшими дѣтей своею строгостью. Говорятъ, что она была когда-то красавицей, была несчастна съ мужемъ-самодуромъ, развратникомъ и мотомъ,

что она ни разу не измѣнила этому мужу вплоть до его смерти, и тѣмъ болѣе послѣ его смерти. Когда онъ умеръ, она удалилась въ свое имѣніе поправлять дѣла, воспитывать въ благочестіи свою дочь и оплакивать грѣхи всего міра; она молилась и за мужа, много нагрѣшившаго въ жизни, и за брата, перешедшаго къ ужасу всѣхъ родныхъ въ католичество, и за свою сестру, погибшую среди блестящаго и циническаго разврата. Она не пропускала случая обращать на путь истинный заблудшія души. Вела переписку со многими замѣчательными людьми и любила вспоминать, какъ ей удалось повліять на одного талантливаго человѣка, обративъ его къ религіи и покаянію; хотя онъ послѣ поздняго обращенія и потерялъ свой талантъ и немного помѣшался, но все-таки умеръ истиннымъ христіаниномъ. Она не окружала себя глупыми приживалками, грязными юродивыми, не любила пресмыкающихся личностей и не терпѣла, чтобы люди унижались передъ нею, такъ какъ это подло и совсѣмъ не нужно,—да, не нужно,—вѣдь прожила же она весь свой вѣкъ, не унизившись ни разу? Но, не любя униженія, она въ то же время не выносила противорѣчій своимъ убѣжденіямъ, не потому, конечно, что противорѣчіе оскорбило бы ее, но потому, что оно оскорбило бы тѣ святыя истины, о которыхъ она говорила и противъ которыхъ не можетъ быть спора. Но такъ какъ всѣ ея разговоры вертѣлись около этихъ предметовъ, то всѣ ея знакомые и дѣлались почтительными слушателями. Каждый новый губернаторъ считалъ своимъ долгомъ явиться къ ней, всѣ окрестные помѣщики считали за честь побывать у нея въ домѣ. Митрополиты, архіереи, игумены были самыми обычными ея корреспондентами и посѣтителями. Незначительные монахи-сборщики и сельское духовенство являлись къ ней только въ пріемную, только съ прошеніями, и только на минуту. Члены послѣдняго относились къ ней съ благоговѣніемъ, зная ея вліяніе на значительныя лица изъ духовенства; но она себя держала съ ними, какъ истинная христіанка, и показывала, что они все-таки по своему пастырскому сану стоятъ выше нея. Всѣ помнятъ одну изъ ея замѣчательныхъ фразъ, сказанныхъ по этому поводу. Старикъ Борисоглѣбскій явился къ ней однажды съ просьбою объ опредѣленіи въ семинарію своего сына Ивана; старикъ совсѣмъ растерялся, когда графиня смиренно поцѣловала его руку, и торопливо наклонился, чтобы, въ свою очередь, облобызать ручку ея сіятельства.

Графиня быстро отдернула свою руку и замѣтила священнику:

— Батюшка, служитель Бога не долженъ унижаться до цѣлованія рукъ грѣшниковъ.

Никогда ни съ кѣмъ не ссорилась графиня. Затѣетъ съ ней кто-нибудь, хотя это и рѣдко случалось, тяжбу, она спокойно напишетъ губернатору и ужъ больше даже не говоритъ объ этомъ дѣлѣ: непремѣнно рѣшится оно въ ея пользу. Провинится, бывало, у нея слуга, она ему не даетъ выговора, а просто удаляетъ его изъ дому; даетъ ему паспортъ, если онъ крѣпостной; отказываетъ отъ мѣста, если онъ вольный. Она это дѣлала, не сердясь, не унижая человѣка, что было бы противно съ ея христіанскимъ взглядомъ на людей.

— Не можемъ ужиться—такъ надо разъѣхаться,—разсуждала она въ этихъ случаяхъ.

Вслѣдствіе этого гуманнаго правила слуги боялись ея до невѣроятной степени. У нея имъ жилось хорошо, работы было мало, жалованье большое, квартира, столъ, всего было вволю. Но чтобы сохранить за собой всѣ эти блага, которыми не могли не дорожить люди, испытавшіе и голодъ, и холодъ, нужно было быть безусловно хорошимъ слугой въ барскихъ покояхъ. На сторонѣ можно было пьянствовать, развратничать, но слѣдовало только исполнять свое дѣло во время службы. Частная жизнь не касалась графини: она считала сплетни грѣхомъ; зная свою дальновидность, не терпѣла вмѣшательства въ свои дѣла; исправлять людей хотѣла только своею примѣрною жизнію и не считала возможнымъ внушать этой несчастной неразвитой черни, которую она не забывала въ своихъ молитвахъ, великія истины, доступныя только развитому уму... Отъ нея, отъ ея комнатъ, отъ ея слугъ, когда они являлись въ этихъ комнатахъ, вѣяло холоднымъ спокойствіемъ и непоколебимою строгостью...

— Въ вашемъ домѣ что-то такое святое чуется,—говорили ей люди, потому что имъ становилось холодно и жутко отъ этой безмятежности, какъ отъ заупокойнаго пѣнія: «во блаженномъ успеніи»...

Кромѣ высокопоставленныхъ личностей, кромѣ заслуженныхъ стариковъ, кромѣ своего вдоваго управляющаго изъ чиновниковъ, взявшаго недавно къ себѣ двухъ дочерей изъ столичнаго института, она любила видѣть у себя молодыхъ гостей и молодую прислугу. Воспитанницъ она не держала,

потому что считала обязанность воспитывать человѣка по своимъ силамъ и даже говорила, что она почти радуется потери дочери и неимѣнію другихъ дѣтей, такъ какъ Богъ знаетъ, что̀ было бы изъ нихъ. Но молодыя люди, пріѣзжавшіе иногда къ ней гостить, были ей просто милы, какъ цвѣты, какъ попугаи.

— Это моя послѣдняя слабость,—говорила она.

Дѣйствительно, пребываніе въ ея домѣ молодежи было такъ же не нужно, какъ появленіе роскошныхъ бронзовыхъ и фарфоровыхъ украшеній, какъ появленіе всего этого блеска для нея, для женщины, проповѣдывавшей аскетизмъ и воздержаніе, молитву и смиреніе. Чаще всѣхъ другихъ дѣвушекъ появлялись здѣсь невинныя, наивныя, всему изумлявшіяся дочери управителя и Лиза Баскакова. Послѣдняя когда-то росла съ покойной дочерью Серпуховской, и графиня чувствовала что-то въ родѣ холодной привязанности къ молодой дѣвушкѣ. Она ласково цѣловала ее въ лобъ при встрѣчѣ, спрашивала, здорова ли она, давала ей полную свободу ходить по комнатамъ, читать духовныя и нравственныя книги, играть на фортепьяно, и въ день отъѣзда спрашивала ее, не нужно ли ей чего-нибудь. Хотя всегда получался отрицательный отвѣтъ, графиня все-таки дарила что-нибудь Баскаковой, прибавляя:

— Это дѣтямъ отъ меня!

Иногда графиня, окончивъ свои бесѣды съ управителемъ и часть своей душеспасительной переписки, входила неслышными шагами по мягкимъ коврамъ въ залъ, гдѣ стоялъ рояль, и опускалась на какое-нибудь кресло въ темномъ углу комнаты. Не замѣчая присутствія графини, Баскакова продолжала играть. Эта задушевная игра не для публики, игра мечтающей въ сумеркахъ и въ одиночествѣ дѣвушки, то веселая, бойкая и бурная, какъ сама молодость, то едва-слышная, замирающая и страстная, какъ какое-то безотчетное стремленіе къ неизвѣстной, созданной воображеніемъ жизни, эта игра странно дѣйствовала на графиню. Она задумчиво опускала голову на руку и не шевелилась въ своемъ креслѣ по цѣлому часу. Но едва только замиралъ послѣдній звукъ, какъ только вставала Лиза, такъ тотчасъ же поднималась и графиня.

— А я вошла взглянуть, дитя, не скучаете ли вы. Сегодня мы какъ-то однѣ остались,—говорила она, дѣлая видъ, что едва-едва успѣла переступить черезъ порогъ въ эту комнату.

— Нѣтъ, мнѣ не скучно. Вы знаете, я люблю музыку; мнѣ такъ хорошо здѣсь,—отвѣчала Лиза, и дѣйствительно, ей легко дышалось среди этой тишины, послѣ бурь и криковъ, оглашавшихъ бабиновское жилище.

Графиня тихо цѣловала въ лобъ молодую дѣвушку и тихо удалялась въ свои покои. Лиза даже и не подозрѣвала, что ее долго слушали, что звуки ея музыки пробуждали нѣчто въ родѣ чувства въ вѣчно невозмутимой душѣ набожной женщины, безропотно покорявшейся своей судьбѣ...

Въ такомъ-то домѣ Лиза провела почти безвыѣздно пять лѣтъ жизни, начиная съ десятаго года. Въ это время, въ ея собственномъ домѣ, ей житья не было; отецъ воевалъ съ матерью и ея родными; имѣніе закладывалось и продавалось для уплаты его долговъ; вѣчныя постройки остановились, и бѣдной дѣвочкѣ не только нельзя было учиться, но даже некуда было пріютиться. Графиня въ эту пору неожиданно предложила Дарьѣ Власьевнѣ отпустить въ ея «дворецъ» маленькую Лизу «погостить». Дарья Власьевна даже прослезилась и облобызала ручку ея сіятельства, несмотря на всѣ возраженія графини. Лизу тоже заставила поцѣловать эту щедрую руку, и съ этой минуты графиня сдѣлалась благодѣтельницей Баскаковыхъ. Въ сущности, она совсѣмъ не думала о благодѣяніи, приглашая на время въ свой домъ дочь небогатыхъ сосѣдей. У нея была болѣзненная, скучавшая въ одиночествѣ дочь, ровесница Лизы, и ей нужна была подруга. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, Лиза должна была принести пользу только дочери графини; извлечетъ ли она какую-нибудь выгоду изъ этой роли для себя—объ этомъ, разумѣется, и не думала Серпуховская. Но такъ все ведется на свѣтѣ, Лизу всѣ стали считать облагодѣтельствованною воспитанницею графини, и никто и не думалъ, что ей благодѣтельствуютъ для своихъ цѣлей, для своихъ выгодъ, и что о ней и не позаботились бы, если бы она не была нужна самимъ благодѣтелямъ. Не думала объ этомъ какъ графиня, такъ и Лиза, привыкшая видѣть въ Серпуховской свою покровительницу. Прошло пять лѣтъ, успѣла Лиза оплакать свою зачахнувшую въ богатомъ нарникѣ подругу, переселилась она въ родной постылый домъ, такъ какъ ея ученіе окончилось въ день смерти молодой Серпуховской, и навсегда сохранила свѣтлыя воспоминанія о дворцѣ, гдѣ каждая вещь тѣшила глаза, гдѣ все шло чинно и прилично, гдѣ и виды были

лучше, и люди довольнѣе, и не было ни дрязгъ, ни ссоръ. Да и изъ-за чего было тутъ ссориться? Всѣмъ доставало хлѣба, всѣ привыкли повиноваться за деньги графинѣ. Теперь этотъ дворецъ сталъ еще дороже Лизѣ. Въ немъ жилъ тотъ, кого она помнила, какъ веселаго друга дѣтства, кузена своей покойной подруги, кого она теперь любила, правда немного странною любовью, но все же любила.

Михаилъ Александровичъ Задонскій служилъ еще недавно въ столицѣ, захворалъ, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ деревню. Говорятъ, онъ уѣхалъ изъ столицы потому, что долженъ былъ бѣжать отъ кредиторовъ; говорятъ, онъ уѣхалъ въ деревню, а не за границу, потому что у него не было средствъ на поѣздку за границу, и была надежда выпросить денегъ у тетки на уплату долговъ. Тетка обрадовалась ему своею набожною, невозмутимою радостью и попросила пожить съ нею. Намеки о деньгахъ оставались покуда безъ всякаго положительнаго отвѣта. Встрѣча Лизы съ Михаиломъ Александровичемъ была странная: онъ удивился, увидавъ хорошенькое и бойкое личико простенькой деревенской барышни; она сконфузилась и боялась его. Но въ первые же дни у Лизы проснулись воспоминанія, она опять стала видѣть въ Михаилѣ Александровичѣ рѣзваго и удалого пажа Мишеля, украдкою цѣловавшаго ее въ былые годы въ дѣтское плечико. Михаилъ Александровичъ сталъ ухаживать за нею, иногда они играли въ четыре руки, иногда весело болтали о разныхъ пустякахъ, подчасъ онъ пѣлъ страстныя пѣсни, порою становился задумчивъ, выражалъ мысли о своемъ разочарованіи, о своей тоскѣ,—все это понемногу сближало съ нимъ Лизу. Дешевенькое, салонное остроуміе, хорошій голосъ, ловкость, хитрость, все это уже не разъ пускалось въ ходъ Михаиломъ Александровичемъ, когда ему хотѣлось побѣдить какое-нибудь молодое женское сердце, и почти всегда черезъ недѣлю или черезъ двѣ настойчивая атака оканчивалась побѣдой. Уже пажомъ онъ насмотрѣлся на скандалезную жизнь своей матери, покойной сестры графини Серпуховской; уже шестнадцати лѣтъ онъ былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ балета, близкимъ знакомымъ танцовщицъ, постояннымъ членомъ на кутежахъ своихъ пріятелей; онъ, въ сущности, не зналъ ничего основательно, былъ вполнѣ однимъ изъ тѣхъ блестящихъ неучей, которые нахально и свысока болтаютъ обо всемъ въ нашихъ мало-образованныхъ гостиныхъ. Стоя по умственному и нравственному развитію,

выгодно многимъ изъ своихъ друзей, крайне низко, онъ не могъ приняться ни за какую дѣятельность; всякое занятіе, начиная съ составленія канцелярскихъ бумагъ, до занятій агрономіей, торговлей или ремесломъ, было не по силамъ ему, такъ какъ онъ изъ всего зналъ только какіе-то клочки, отрывки и ненужности; онъ могъ только красоваться на лошади, гремѣть саблей на публичныхъ гуляньяхъ, свысока смотрѣть на несравненно болѣе, чѣмъ онъ, нравственную и развитую массу и пользоваться значеніемъ, покуда въ его карманѣ оставалась послѣдняя копейка, которую можно было поставить ребромъ. Но эти копейки скоро исчезаютъ у людей, умѣющихъ проживать и не умѣющихъ работать; эти люди постоянно должны заглушать звономъ золота ничтожество высказываемыхъ ими идей, должны покупать себѣ за деньги друзей и поклонниковъ, такъ какъ въ нихъ самихъ нѣтъ ничего, что привлекаетъ къ человѣку.. Покуда они богаты, надъ ними всѣ смѣются только въ глаза; когда они бѣднѣютъ—всѣ явно отворачиваются отъ нихъ. Но таково свойство неразвитого, стоящаго по уму на самой низшей ступени человѣка, что онъ, сдѣлавъ ошибку, будучи наказанъ за нее, не можетъ сознаться въ ошибочности своихъ дѣйствій и приняться за исправленіе себя. Нѣтъ, онъ разыгрываетъ роль угнетенной невинности, онъ ругаетъ весь свѣтъ, онъ воображаетъ себя умирающимъ подъ ослиными копытами львомъ, тогда какъ у него если и была когда-нибудь львиная грива, то она была взята напрокатъ за деньги и теперь красуется у какого-нибудь ростовщика вмѣстѣ съ другими его украшеніями, продающимися съ аукціоннаго торга и готовыми придать временное значеніе какому-нибудь новому шуту... Пора такого безцѣльнаго, безсодержательнаго озлобленья и разочарованья наступила и для Задонскаго, когда онъ домолотилъ послѣдній грошъ на кормленіе праздной толпы столичныхъ лизоблюдовъ и уѣхалъ въ деревню. Уже черезъ дней или три недѣли онъ началъ все яснѣе и яснѣе высказывать Лизѣ довольно странныя идеи о непрочности всего существующаго и о ничтожествѣ всѣхъ людскихъ стремленій къ хорошему.

Сначала Лизу, бойкую и по своей живой, подвижной натурѣ, и по полнѣйшей деревенской неопытности, нисколько не трогали и даже смѣшили эти сѣтованья.

— Ну, вы опять принялись за свои жалобы,—смѣялась она вызывающимъ смѣхомъ.—Да если бы и была мужчиной,

тогда я бросила бы, на край свѣта ушла бы, а сыскала бы свое счастье.

— Въ томъ-то и дѣло, что я знаю каждый край свѣта и знаю, что тамъ идетъ та же жизнь, какая идетъ и у насъ,—возражалъ отставной герой.

— Да вы ровесникъ Мафусаилу, что ли, что все знаете?

— Не знаю, какъ старъ былъ вашъ сказочный Мафусаилъ,—пожималъ плечами Задонскій:—но и сколько бы онъ ни жилъ, я все-таки опытнѣе его.

— Книжкамъ вѣрите, такъ и думаете, что опытны...

Невинныя управительскія барышни, присутствовавшія иногда при этихъ бесѣдахъ, краснѣли за необразованность Лизы и, называя ее деревенщиной, строили какіе-то очень выгодные для себя планы насчетъ Задонскаго.

— Въ васъ говоритъ настойчивость неопытнаго ребенка,—замѣчалъ онъ сухо Лизѣ:—а во мнѣ убѣжденіе опытной зрѣлости.

— Да Богъ съ нею, съ такою опытностью!—восклицала Лиза.—Что я изъ нея сдѣлаю?

— Ничего!.. Но и изъ своей настойчивости вы ничего не сдѣлаете, развѣ только себя поскорѣе загубите... Впрочемъ, и то благо въ этомъ мірѣ...

Лиза бойко смѣялась. Управительскія барышни дѣлали презрительныя гримаски и по своей невинности и неопытности ждали, что вотъ-вотъ душка Задонскій перестанетъ говорить съ дурой Лизой. Но Задонскаго раздражала и поддразнивала упорная настойчивость деревенской барышни, и онъ настойчиво шелъ къ своей цѣли, торжествуя, если по этому вѣчно веселому лицу пробѣгали минутныя облака грустнаго раздумья.

— Вы счастливы,—повторялъ онъ однажды во время отсутствія управительскихъ барышень свою обычную пѣсню:—вы полны вѣры въ людей, вы надѣетесь на будущее. Жизнь для васъ—рядъ новыхъ блестящихъ представленій.

— А для васъ будто бы въ ней нѣтъ ничего новаго, ничего привлекающаго?—спросила она.

— Ничего... я слишкомъ рано началъ жить и понялъ жизнь.

Михаилъ Александровичъ задумался и замолчалъ.

— Я впередъ знаю, встрѣчаясь съ человѣкомъ, что онъ или гадокъ, или сдѣлается гадкимъ вслѣдствіе нужды или вслѣдствіе богатства, вслѣдствіе излишняго самолюбія, или вслѣдствіе недостатка самолюбія, вслѣдствіе всегда плохо

направленнаго образованія, или вслѣдствіе полнѣйшаго невѣжества... Я знаю впередъ, что самый честный человѣкъ потому честенъ, что ему еще ни разу не пришлось поставить свою честность на большую карту,—предлагали взятку въ рубль, ну, а онъ дороже цѣнитъ свою честность; предложить ему двѣсти, триста тысячъ—можетъ-быть, и продастся... И вѣдь дойдетъ до такой подлости, что станетъ увѣрять даже себя, что онъ и взятку эту взялъ ради великихъ цѣлей, ради какого-нибудь святого дѣла... Самые ярые либералы при малѣйшемъ противномъ вѣтрѣ всегда пѣли гимны своимъ недавнимъ врагамъ, а когда вѣтеръ перемѣнялся, они оправдали свою подлость желаніемъ продолжать служеніе святому дѣлу. «Мы сдѣлали уступку,—говорили они:—чтобы спасти свою жизнь и продолжать свой трудъ»... Ложь! Уступили потому, что честности не хватило, и подлый страхъ потерять земныя блага закрался въ ихъ душонки!.. А что это за святыя дѣла! Вотъ образованіе народа—чего прекраснѣе? А взгляните, сдѣлается мужикъ грамотнымъ и сдѣлается или плутомъ, или погибнетъ самъ отъ пьянства съ горя...

— Да что съ вами сегодня?—невесело улыбнулась Лизавета Николаевна.—Образованіе должно дѣлать плутовъ или пьяницъ!

— Не должно, но дѣлаетъ,—это неотразимый фактъ. Взгляните у насъ въ Приволѣ, да и гдѣ угодно: что грамотный, то плутъ. Они всѣ хоть и считаются зажиточными, остаются въ сущности бѣдняками, и потому считаютъ, должны считать позволительнымъ каждое средство для пріобрѣтенія денегъ. Грамотность дастъ имъ одно изъ средствъ обманывать неграмотныхъ простяковъ, ну, они и обманываютъ. Это изворотливыя натуры. Но есть и въ народѣ идеалисты, непрактическіе люди, самородки честности, эти не воспользуются грамотой и образованіемъ, какъ средствомъ для плутовства и мошенничества. Но образованіе приподнимаетъ передъ ними такъ или иначе хоть кончикъ завѣсы, за которою таится иная, лучшая жизнь, и они дѣлаются еще болѣе несчастными, еще болѣе недовольными своею жизнью. Но выйти изъ нея у нихъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ, и вотъ они пьянствуютъ съ горя...

Лизавета Николаевна чуяла во всемъ этомъ какую-то ложь, но у нея не было средствъ обличить Михаила Александровича въ подтасовкѣ картъ.

— Но все же образованіе, какое бы зло оно ни прино-

сило, можетъ уничтожить, въ концѣ концовъ, нищету,— замѣтила она.

— Не думаю. Въ Пруссіи почти весь народъ грамотный, а нищета все та же и даже еще хуже. Фабричные во Франціи тоже большею частію грамотны,—но это самые бѣдные изъ бѣдныхъ людей.

— Не знаю, правда ли все это, что̀ вы говорите,—замѣтила Лизавета Николаевна, которой становилась тяжела эта неспособность къ серьезному спору. — Можетъ-быть, если бы я больше знала, я сумѣла бы возразить вамъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, если вы и правду говорите, то это только правда относительно настоящаго времени...

— То-есть какъ это? Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Да такъ, что теперь худо людямъ, покуда они не всѣ образованы, но когда будутъ всѣ образованы, то никто не будетъ имѣть больше средствъ, чѣмъ другіе, для надуванья другъ друга. Что теперь и грамотнымъ фабричнымъ худо живется, это правда, но они добьются чего-нибудь и устроятъ свою жизнь какъ-нибудь иначе.

— Вотъ эта-то вѣра ваша и приводитъ меня въ зависть,— разсмѣялся Михаилъ Александровичъ. — Устроятъ свою жизнь какъ-нибудь иначе, добьются чего-нибудь! Тысячи лѣтъ устраиваютъ они свою жизнь, добиваются чего-нибудь лучшаго и ничего не могутъ подѣлать. Сперва были на Западѣ рабы de jure и de facto; теперь de jure—они свободны, но de facto—тѣ же рабы. Это улучшеніе такого рода, какъ если бы узникъ сперва носилъ названіе преступника, а потомъ получилъ бы названіе невиннаго, но попрежнему содержался бы въ цѣпяхъ и въ тюрьмѣ. Сперва ихъ держали въ рабствѣ физическою силою, теперь имъ дали свободу; но только за тѣмъ, чтобы они сами покорно сдѣлались рабами капитала... Все та же роковая необходимость... Много создавалось системъ и теорій для счастія человѣчества, но всѣ онѣ были только системами и теоріями и распадались прахомъ при первомъ практическомъ примѣненіи. И что̀ же тутъ мудренаго? Теорія, можетъ-быть, совершенно вѣрна, какъ теорія, но гдѣ ее нужно примѣнить къ дѣлу? Среди испорченныхъ вѣками людей, зараженныхъ наслѣдственными пороками и предразсудками, привыкшихъ къ праздности или къ излишеству, къ рабству или властвованію... Одна теорія говоритъ: всякому по его потребностямъ, всякому по его трудамъ,—продолжалъ Задонскій, помолчавъ

минуту.—Но какъ уравняете вы плату? Самые неспособные люди будутъ въ выгодѣ, потому что ихъ потребности могутъ равняться съ потребностями способныхъ. Опять будутъ труженики и тунеядцы... Другая теорія говоритъ: всякому по его таланту, труду или капиталу. Прекрасно. Но у меня идіоты и нищіе родители, и я родился идіотомъ и нищимъ, силъ у меня мало на физическій трудъ, талантовъ нѣтъ, богатства тоже—и вотъ мнѣ не достается ничего. Вотъ вамъ опять нищіе и богачи. Говорятъ, что съ распространеніемъ богатства, съ развитіемъ науки, человѣческія способности будутъ нормальнѣе распредѣляться, что уродовъ и идіотовъ будетъ меньше. Согласенъ. Хотя я могу замѣтить, что тутъ множество неблагопріятныхъ и неустранимыхъ условій: расположеніе родителей въ минуту зачатія ребенка, внѣшнія обстоятельства, въ родѣ испуга, горя и тому подобнаго, случайное паденіе матери, все это вліяетъ на рождающагося человѣка, какъ какой-нибудь толчокъ на образованіе кристалловъ. Но, положимъ даже, что все это устранится: родители будутъ здоровы, женщины не будутъ пугаться и падать, и все пойдетъ прекрасно. А климатическія условія? Какъ вы избѣгнете того, чтобы житель крайняго Сѣвера былъ такимъ же пламеннымъ, чтобы онъ былъ такою же подвижною натурою, какъ итальянецъ? Но разъ будутъ существовать эти различія—и одинъ народъ непремѣнно будетъ преобладать надъ другимъ, а будетъ преобладаніе народовъ—будетъ и преобладаніе отдѣльныхъ личностей.

Лиза, стиснувъ губы, упорно молчала. Если бы тутъ были невинныя барышни, то онѣ, вѣрно, шепнули бы одна другой: «Что, теперь пришлось и ей язычокъ прикусить! Туда же съ умными людьми говорить хочетъ!» Но ихъ не было здѣсь, и Михаилъ Александровичъ, видя упорное желаніе своей собесѣдницы молчать, продолжалъ свою рѣчь:

— Но, если бы эти всѣ великія теоріи были даже примѣнимы къ практикѣ,—говорилъ онъ:—то имъ бы повредило уже одно то, что онѣ появляются только черезъ долгіе промежутки времени и потомъ замираютъ, уступая поле битвы враждебному лагерю. Оптимисты видятъ въ этомъ добрый знакъ, говорятъ, что это періодическое возникновеніе однѣхъ и тѣхъ же идей свидѣтельствуетъ о ихъ живучести и будущемъ торжествѣ. Это ошибка. Если эти теоріи и возникаютъ постоянно черезъ извѣстные періоды времени, то враждебныя имъ теоріи не замираютъ совсѣмъ и су-

ществуютъ безъ перерывовъ. Послѣднія вводятъ въ жизнь свои идеи, покуда первыя бездѣйствуютъ, а когда первымъ приходитъ время ожить снова, тогда имъ нужно начинать свое дѣло съ начала, съ азбуки: онѣ не успѣютъ еще научить общество складамъ, когда враги снова отодвинутъ ихъ на задній планъ... И что̀ можетъ руководить общественнымъ прогрессомъ? Искусства, литература, промышленность... Но живопись производитъ тысячи мадоннъ, вакханокъ, батальныхъ картинъ, голенькихъ амуровъ и тому подобную дрянь, захламощая ею нѣсколько дѣйствительно полезныхъ по содержанію картинъ. И, къ несчастію, эти картины по исполненію самыя плохія, потому что додуматься до потрясающихъ и реальныхъ сюжетовъ можетъ только художникъ-голякъ, не имѣвшій, быть-можетъ, средствъ ни для хорошаго образованія, ни для покупки хорошихъ красокъ, ни для долгой обработки взятаго сюжета... Театръ развращаетъ балетомъ, портитъ смыслъ нелѣпымъ водевилемъ, вноситъ буржуазную, самодовольную мораль драмою и комедіей... Литература дошла до ремесла, выдумываетъ или небывалые ужасы для потрясенія притупленныхъ воловьихъ нервовъ сытаго мѣщанства, или кропаетъ фривольные стишки, или скандалезныя повѣсти для угожденія вкусамъ развращенной молодежи и ослабѣвшихъ старцевъ.. Наука находится въ рукахъ чиновныхъ профессоровъ, и ей выгодно бороться противъ новыхъ идей, она полагаетъ въ этомъ свою задачу, роется въ архивной пыли, разъясняетъ какія-нибудь древнія рукописи, считаетъ зубы какихъ-нибудь допотопныхъ звѣрей и предлагаетъ, какъ послѣднее средство спасенія, массѣ, не имѣющей за душой гроша, откладывать на черный день капиталъ или не жениться, чтобы не расплодить нищихъ... Промышленность—это современный бичъ рабочихъ—почти вся пошла на производство и усовершенствованіе предметовъ роскоши, то-есть на поглощеніе у общества и безъ того скудныхъ матеріальныхъ средствъ... Съ такими помощниками плохо подвигаться впередъ; съ такими гигантами трудно бороться...

Эта смѣсь лжи и правды, нахватанныхъ знаній и полнѣйшаго отсутствія серьезнаго образованія въ промотавшемся кутилѣ странно начала дѣйствовать на Лизу. Дѣвушка инстинктивно понимала, что во всѣхъ этихъ рѣчахъ кроется много неправды, что свѣтъ не можетъ быть такъ гадокъ, что положеніе людей не можетъ быть такъ безнадежно. Но что̀ могла она возражать? Она ничего не знала:

Каждая ея мысль опровергалась имъ съ такою твердою самонадѣянностью, что ей приходилось только молчать и слушать. Она могла сердиться на этого человѣка за его стремленіе убить всѣ ея надежды, или жалѣть его, какъ существо, утратившее свѣтлые взгляды на жизнь. Онъ говорилъ такъ горячо, такъ искренно увлекался, что сердиться на него было невозможно. «Развѣ онъ виноватъ, что жизнь сгубила въ немъ вѣру во все доброе? Нѣтъ, онъ просто несчастный человѣкъ, его надо жалѣть, его надо ободрять», думалось Лизаветѣ Николаевнѣ. Да, такая роль и свойственна болѣе всего деревенской барышнѣ-простушкѣ, хотя и бойкой, и веселой, но, тѣмъ не менѣе, чувствительной и мягкой. Недаромъ же работали ея чувства въ теченіе стольких лѣтъ умственной спячки, почти не нарушаемой никакими вопросами, никакими событіями, никакими дѣльными книгами.

— Вы, должно-быть, страшно страдаете,—замѣтила Лиза послѣ долгихъ изліяній Михаила Александровича.—Я, кажется, не пережила бы и дня, если бы исчезли моя веселость, мой свѣтлый взглядъ на будущее, моя любовь къ людямъ.

— Да, для живаго человѣка потеря вѣры въ людей, въ возможность честнаго дѣла—истинное страданіе, невыносимое, убивающее страданіе,—отвѣтилъ онъ задумчивымъ тономъ и тутъ же прибавилъ съ горькой ироніей:—ну, а для меня прошли и эти годы. Я теперь не страдаю. Я вижу, что люди гадки, вижу, что каждое честное дѣло только свѣтлая мечта неопытнаго идеалиста, погибающая при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью,—вижу и не страдаю. Для меня насталъ холодъ трезвости.

Это было очень чувствительно.

— Что же это, смерть заживо?—спросила Лиза.—Жить и ни во что не вѣрить. Не вѣрить ни во что и не чувствовать отъ этого страданія. Нѣтъ, это хуже страданія, это какой-то тупой ужасъ передъ жизнью,—невольно вздрогнувъ, проговорила она.—Знаете ли,—продолжала она въ раздумьи:—я сравнивала это съ положеніемъ похороненнаго заживо человѣка, и это такъ! Правда, онъ можетъ думать, что его крики не помогутъ среди могилъ, онъ можетъ думать, что всѣ его стремленія, радости и надежды должно отложить въ сторону, что теперь ему остается задыхаться и разрушаться; онъ не борется, покоряется своей участи, но вѣдь онъ страдаетъ, страшно страдаетъ!.. Нѣтъ, пусть

онъ кричитъ, пусть бьется, кто-нибудь, можетъ-быть, зайдетъ случайно на кладбище, кто-нибудь, можетъ-быть, спасетъ его, кто-нибудь, можетъ-быть, докажетъ ему, что, покуда въ человѣкѣ есть жизнь, бьется хоть одна жилка, онъ долженъ надѣяться!

Молоденькая дѣвушка говорила горячо и съ полной искренностью. Ея лицо и глаза горѣли отъ невольнаго увлеченья. Задонскій задумчиво слѣдилъ за выраженіемъ этого оживленнаго, дѣтскаго лица, и что-то знойное пробѣжало по его тѣлу. Впервые, послѣ десятилѣтняго холоднаго разврата, на него пахнуло свѣжею страстью и смѣлостью, на какую способна только неопытность, еще и не подозрѣвающая никакихъ опасностей въ жизни.

— Да, если бъ въ жизни часто попадались и спасали заживо похороненныхъ людей такія страстныя спасительницы, какъ вы,—проговорилъ онъ и тихо, но крѣпко и медленно пожалъ руку молодой дѣвушки.

Въ его глазахъ блеснулъ какой-то зловѣщій, непріятный огонекъ. Такой, на мгновенье вспыхивающій огонь можно подмѣтить въ глазахъ неподвижно сидящей кошки, завидѣвшей мышь: она присмирѣла, она не пошевельнетъ ни однимъ членомъ, она выражаетъ собою олицетворенную невинность, но вотъ мышь сдѣлала одно неосторожное движеніе, и вдругъ въ кроткихъ кошачьихъ глазахъ, какъ электрическая искра, быстро сверкнулъ и сразу потухъ зловѣщій огонекъ, хитрая тварь снова спокойно и какъ-то дремотно сидитъ и почти не слѣдитъ за своею жертвою.

Богъ знаетъ, подмѣтила ли Лизавета Николаевна этотъ зловѣщій огонекъ въ глазахъ своего собесѣдника, просто ли испугалась слишкомъ крѣпкаго пожатія руки, но она вся вздрогнула и инстинктивно отняла свою руку. Это невольное и безотчетное движеніе не ускользнуло отъ опытнаго наблюдателя, и онъ воспользовался этимъ движеніемъ, какъ воспользовался бы и всякимъ другимъ движеніемъ въ свою пользу и для своихъ цѣлей.

— Видите ли, страстныя-то спасительницы всегда готовы отдернуть руку, если ее возьмутъ даже не для своего спасенія, а просто для теплаго пожатія, подобные мнѣ, заживо похороненные, люди,—иронически проговорилъ онъ.—Все дѣло въ томъ, Лизавета Николаевна, что разныя спасенія и геройскіе подвиги хороши только на словахъ, а на дѣлѣ бываетъ иначе. Иная филантропка только и мечтаетъ объ этихъ несчастненькихъ нищенкахъ, бѣдненькихъ падшихъ

дѣвушкахъ и о помощи имъ. А приведите ее въ ихъ притоны, покажите ей этихъ зараженныхъ и испорченныхъ—и нравственно, и физически,—созданій; дайте время имъ, привыкшимъ къ обману и воровству, разъ или два обмануть свою благодѣтельницу, и вы увидите, что вчерашняя платоническая любовница погибающаго человѣчества превратится въ его неумолимаго врага... Все мечты!.. Вотъ потому-то нѣтъ спасенья и такимъ людямъ, какъ я. Многіе будутъ, подобно вамъ, говорить мнѣ успокоительныя фразы, а подойдешь къ нимъ поближе, сейчасъ же отойдутъ на благородную дистанцію: «ахъ, что это вы! вамъ надо спастись, только мы не рѣшимся спасать васъ»... Да и на что? Проживемъ и такъ!

Михаилъ Александровичъ бойко встряхнулъ головой.

— Да что мы похоронные разговоры ведемъ?—неожиданно произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ, смѣясь удушливымъ смѣхомъ. — Музыки, пѣсенъ, и будемъ веселиться, смѣяться!

Онъ быстро сѣлъ къ роялю и заигралъ одну изъ удалыхъ русскихъ пѣсенъ.

Лизавета Николаевна, опустивъ на колѣни руки и склонивъ на грудь голову, сидѣла въ какомъ-то чаду. Она сама не знала, почему ея сердце замерло, почему ей стало какъ-то жутко. Ей казалось, что ее вызываетъ на какую-то борьбу человѣкъ, обладающій вдвое бо́льшими силами, чѣмъ ея силы. Ей хотѣлось бѣжать отъ этого человѣка, бѣжать далеко и навсегда. Михаилъ Александровичъ еще пѣлъ, когда она встала и тихо прошла въ кабинетъ графини.

— Я уѣзжаю,—проговорила она въ смущеніи.

Графиня взглянула на нее ласковымъ взглядомъ и удивилась блѣдности ея лица.

— Вы больны, дитя?—спросила она.

— Нѣтъ, но мнѣ нужно побывать дома,—отвѣтила Баскакова.—Съ дѣтьми заняться нужно...

— Но вѣдь вы всегда даете имъ каникулы въ эту пору вмѣсто лѣта, когда они учатся съ Борисоглѣбскимъ?—возразила удивленная графиня.

Лизавета Николаевна смутилась.

— Нынче надо заняться... Да, сверхъ того, мнѣ хотѣлось бы взглянуть на своихъ.

— А, да, это естественно... Съѣздите. Но я беру съ васъ слово, что вы дня черезъ два вернетесь... Теперь у насъ такъ хорошо...

Графиня поцѣловала Лизавету Николаевну и позвонила.

— Лизавета Николаевна ѣдетъ домой, заложите экипажъ,—проговорила она лакею.

Тотъ молча поклонился и вышелъ почти въ одно время съ молодою дѣвушкою. Графиня снова принялась за письма...

Михаилъ Александровичъ просидѣлъ довольно долго въ гостиной, потомъ походилъ по комнатѣ и, наконецъ, не дождавшись возвращенія Лизы, пошелъ въ свой кабинетъ. Его лицо было какъ-то самодовольно, въ головѣ мелькала мысль, что Лиза удивительно мила, и что его слова произвели на нее впечатлѣніе. Проходя мимо одного изъ слугъ, онъ небрежно спросилъ:

— Лизавета Николаевна у графини?

— Никакъ нѣтъ-съ. Изволили домой уѣхать,—отвѣтилъ лакей.

Михаилъ Александровичъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на лакея, постоялъ передъ нимъ съ минуту, потомъ быстро прошелъ въ свой кабинетъ, вѣроятно, что-нибудь сообразивъ. Онъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи духа.

— Бѣгутъ—значитъ боятся; боятся—значитъ есть причины для страха,—разсуждалъ онъ мысленно.—А вѣдь, право, это первая дѣвушка, которая можетъ серьезно увлечь меня. Чортъ знаетъ, какая смѣлость, какая искренность въ каждомъ ея движеніи!

Черезъ полчаса, попробовавъ полежать и почитать, онъ взялъ фуражку и отправился на постоялый дворъ къ Марьѣ Мироновой.

Лиза, между тѣмъ, пріѣхала домой.

— Ну, мало мелюзги, такъ на! еще и большая пахлѣбница пріѣхала,—встрѣтила Лизавету Николаевну ея мать.—Мѣста, что ли, недостало для тебя у графини-то? Ты бы хоть одно то подумала, что мнѣ теперь одинъ отецъ твой всю жизнь отравитъ... У меня постройка, у меня дѣти, а тутъ еще этотъ пьяница глаза мозолитъ!..

— Отецъ дома,—обрадовалась Лиза.

— Дома! Чему радуешься!—раздражительно замѣтила мать.—Обтрепался, по гостямъ шляясь; домой откармливаться пріѣхалъ...

Лизавета Николаевна молча прошла въ дѣтскую, гдѣ обыкновенно помѣщался ея отецъ во время своего пребыванія дома. Онъ былъ, дѣйствительно, какъ-то помятъ, попрежнему плоско шутилъ, тянулъ по рюмочкѣ водку, возился съ дѣтьми, забавляя ихъ нелѣпыми играми, и жало-

вался на жену. Этотъ разоренный домъ, грязь, хламъ, оборванныя и грязныя дѣти, отецъ въ шутовской роли, мать съ вѣчною бранью на языкѣ вдругъ обдали, какъ холодною водою, Лизавету Николаевну, послѣ блеска и мира въ привольскомъ дворцѣ. Кажется, она была готова къ омутъ броситься, такъ ей опостылѣлъ этотъ домашній адъ.

— Ну, а что Михаилъ Александровичъ подѣлываетъ? Здоровъ ли? — разспрашивала у нея мать за вечернимъ чаемъ.

— Что ему дѣлается! — серьезно проговорила дочь.

— Фыркаешь-то ты съ чего? А? — спросила мать.

Лизавета Николаевна промолчала.

— Вы ужъ не съ нимъ ли повздорили, барышня? — съ укоризною и насмѣшливостью замѣтила мать.

— Изъ-за чего мнѣ съ нимъ ссориться?

— Да кто васъ знаетъ! Всѣ вы у меня какіе-то шальные, да верченые, — проговорила Дарья Власьевна, указывая на ребятъ. — А ты помни, что тебѣ восемнадцать стукнуло, что ты у меня седьмая, а достатковъ у насъ нѣтъ. Просидишь въ дѣвкахъ, — подъ старость по-міру пашляешься, гдѣ-нибудь на дорогѣ съ голоду издохнешь. Братья тебѣ не кормильцы, сами угодятъ на каторгу.

Лизавета Николаевна нахмурилась.

— Полноте вы глупости-то говорить, — сказала она. — Ну, можетъ ли онъ на мнѣ жениться?.. Коли и полюбитъ, такъ поиграетъ, обманетъ и броситъ.

— Ну, матушка, за обманы-то и къ суду притягиваютъ!

Лиза съ негодованіемъ отвернулась въ сторону и промолчала.

Черезъ три дня графиня прислала за ней экипажъ. Не минуты не думая, молодая дѣвушка написала къ Серпуховской письмо, гдѣ отговаривалась отъ поѣздки въ Привольѣ неожиданнымъ пріѣздомъ своего отца.

— Да ты съ ума сошла, что ли? — кричала мать. — Да ты какъ смѣла не поѣхать, когда тебя благодѣтельница наша зоветъ?

— Не поѣхала, значитъ, надо не ѣхать, — отрывисто отвѣтила Лиза.

— Ну, матушка, я терплю-терплю, да когда-нибудь и лопнетъ терпѣніе. Вы всѣ отъ рукъ отбились, такъ я васъ опять къ рукамъ приберу!

Раздраженная дочерью, Дарья Власьевна бушевала весь

день и поколотила одну изъ служанокъ. Та убѣжала съ жалобой на барыню.

— Ну, опять дѣло затѣялось! Раскошелится наша Дарья Власьевна,—хохоталъ Николай Николаевичъ.—Ишь, руки-то старыя, помѣщичьи остались и удержу имъ нѣтъ.

Лиза сердито насупила брови.

— Чего ты радуешься?—проговорила она.—Удержать со не можешь.

— Мамочка, да я самъ радъ, что меня не бьютъ,—жалобно отвѣтилъ отецъ.—Мнѣ самому скоро мѣста не будетъ. Дома, что въ аду, а бѣжать некуда. Куда ни пріѣдешь, вездѣ косятся, всѣ дуются, со всѣми мать въ ссорѣ... Да ты-то что у меня нынче такая скучная?

— Тебѣ-то что до моего горя?—спросила строптивымъ тономъ дочь.—Поможешь ты мнѣ? Научишь ты меня чему-нибудь?.. Самого-то тебя только безрукій не бьетъ...

— Маточка, и ты-то меня обижаешь!—со вздохомъ произнесъ отецъ, успѣвшій пропустить лишнюю чарку водки.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ руку дочери.

Дочь отвернулась въ сторону. Ей было жаль отца и въ то же время ей было гадко, ее сердило его безсиліе... Для нея прошла еще недѣля, тяжелая, полная домашнихъ дрязгъ и непріятностей. Послѣ каждой изъ грязныхъ сценъ семейнаго раздора Лиза хмурилась и невольно приходило ей въ голову:

— Да зачѣмъ я здѣсь живу, зачѣмъ терплю эту муку? Гостила бы у графини, такъ, по крайней мѣрѣ, хоть не видала бы, что за жизнь идетъ дома, сердце бы не болѣло. Такъ нѣтъ, Михаила Александровича испугалась! И чего было бояться его? Ну, любитъ онъ меня, такъ была бы и сама счастлива, и его осчастливила бы. Повеселѣлъ бы онъ со мною. Недаромъ у меня характеръ веселый, да живой. «Вашего смѣха на двоихъ станетъ», говаривала мнѣ Маша... Да, станетъ!.. А если онъ обманулъ бы? Ну, такъ что жъ? Хоть день пожила бы счастливо, хоть разъ пожила бы на волѣ; а бросилъ бы, такъ хуже не стало бы, чѣмъ теперь... Да если бы и хуже стало, ну, руки бы на себя наложила. Терпѣть бы не стала... Недаромъ же мать меня верченою, да шальною зоветъ!.. Вотъ вѣдь домовыхъ не боюсь, въ лѣсъ одна хожу, разъ побилась объ закладъ съ Машей, что по кладбищу ночью пройду, и прошла, а человѣка испугалась!

Не давали покою Лизѣ эти мысли, но она настойчиво

гнала ихъ прочь, не сознавая, почему она ихъ гонитъ. Однажды ей было очень тяжело, когда неожиданно къ ихъ дому подъѣхалъ кабріолетъ Михаила Александровича.

Хозяйка, по обыкновенію, засуетилась передъ гостемъ и поспѣшила сказать:

— Извините, мнѣ по хозяйству надо! Вы ужъ съ Лизой переговорите!

Задонскій молча поклонился. Дарья Власьевна скрылась, думая про себя: «Они побранились, они помирятся. Оно лучше, послѣ ссоры-то милѣе другъ другу будутъ!»

— Извините меня, Лизавета Николаевна,—началъ вѣжливымъ тономъ гость, державшій себя какъ-то сдержанно и холодно:—вы уѣхали отъ насъ вслѣдствіе неосторожныхъ фразъ съ моей стороны. Я поступилъ опрометчиво. Я самъ очень хорошо знаю, что мнѣ не слѣдуетъ искать вашего участія, вашего сочувствія. Я для этого слишкомъ изломанъ, слишкомъ испорченъ жизнью.

Лизавета Николаевна, дослушавъ эти жалостныя, чопорно произнесенныя фразы, подняла на Михаила Александровича свои большіе, откровенные глаза: они были полны слезъ и словно молили о пощадѣ. Михаилъ Александровичъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого скорбнаго выраженія лица своей собесѣдницы.

— Что же вамъ надо отъ меня?—спросила она такимъ спокойнымъ тономъ, который былъ какъ-то потрясающимъ своею безнадежностью.

— Я пріѣхалъ по порученію тетушки, она проситъ васъ къ себѣ,—холодно и вѣжливо отвѣтилъ Задонскій.

— Я сейчасъ напишу ей нѣсколько словъ.

Лизавета Николаевна вошла къ себѣ въ комнату и сѣла писать письмо. Ея руки дрожали. На бумагу падали рѣдкія, крупныя слезы. Лизаветѣ Николаевнѣ казалось, что стоитъ сдѣлать еще одно усиліе, написать еще нѣсколько словъ—и побѣда надъ собою будетъ окончена. И въ то же время въ головѣ дѣвушки невольно возникали смутные вопросы: «Да для чего эта борьба? Кто выиграетъ отъ этой побѣды? Не будетъ ли жизнь еще тяжелѣе?». Письмо писалось медленно...

— Ну, что же ты копаешься? Долго ли тебя ждать-то будутъ?— крикнула мать, входя въ ея комнату и дергая ее за рукавъ.

— Сейчасъ, только письмо допишу, — отвѣчала дочь, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

Ея думы мгновенно разсѣялись, и ей сразу вспомнился весь отвратительный семейный бытъ въ родномъ домѣ.

— Къ кому это?—спросила мать про письмо.

— Къ графинѣ...

— Да ты не думаешь ли опять не ѣхать?

— Да, не ѣду...

— Что-о! Да какъ ты смѣешь? Да ты знаешь ли, что я тебя веревками стащу туда!

Въ комнатѣ поднялась буря.

Лиза, блѣдная, гнѣвная, поднялась во весь ростъ и остановилась передъ Дарьей Власьевной. Она злобно скомкала письмо и швырнула его въ лицо матери.

— Вотъ такъ, можетъ-быть, меня скомкаютъ!.. Я этого не хотѣла, вы настаивали... Я хоть минуту, да буду счастлива, а вы весь вѣкъ плакаться будете,—задыхаясь, проговорила она и, оттолкнувъ мать, съ бойкимъ и рѣшительнымъ видомъ вышла изъ комнаты...

Черезъ минуту, по дорогѣ къ Приволью, несся щегольской кабріолетъ; въ немъ сидѣли Михаилъ Александровичъ и Лизавета Николаевна. Навстрѣчу имъ попался управляющій графини на бѣговыхъ дрожкахъ и пристально посмотрѣлъ на весело разговаривавшихъ молодыхъ людей.

— Вотъ пойдетъ разсказывать своимъ ангельчикамъ, что я ѣзжу съ вами одна,—разсмѣялась Лиза.

— Это васъ смущаетъ?—спросилъ Михаилъ Александровичъ довольно холодно.

— Я теперь ничего не боюсь!—бойко отвѣтила она.— Да и чего бояться? Вѣдь всѣ не лучше насъ! Они про насъ говорить станутъ, а мы про нихъ,—засмѣялась она.

Михаилъ Александровичъ зорко посмотрѣлъ на свою разгорѣвшуюся спутницу, и въ его головѣ промелькнула мысль, что эта дѣвушка принадлежитъ теперь ему всецѣло...

IV.

Задонскій не ошибся въ своихъ расчетахъ: молодая дѣвушка отдалась ему всецѣло.

Да какъ можно было и ошибиться-то? На дворѣ стояла теплая, чудесная весна. Рѣка изломала послѣдніе остатки своихъ ледяныхъ оковъ и широко и свободно разлилась, какъ море, по окрестнымъ полямъ, сверкая своими волнами подъ яркими лучами солнца въ знойные дни и подъ кроткимъ свѣтомъ луны въ бѣлыя, прозрачныя ночи. Въ лѣсу и въ саду слышится оживленный и веселый шумъ; изрѣдка

гдѣ-то соловей начинаетъ пощелкивать. Народъ въ движеніи, повыползъ изъ своихъ норъ и трущобъ; на берегу и въ поляхъ закипаетъ работа; вездѣ голоса слышатся тревожные, и звуки какъ-то рѣзко несутся въ чистомъ воздухѣ. Жизнь и дѣятельность разлиты повсюду; этотъ шумъ словно опьяняетъ человѣка, не нашедшаго себѣ ни опредѣленнаго труда, ни опредѣленной цѣли, но знающаго, гдѣ ему искать счастья. А молодая кровь кипитъ и принуждаетъ броситься на какой-нибудь путь тревожной жизни; если нѣтъ впереди никакихъ, болѣе широкихъ и смѣлыхъ, задачъ, если нѣтъ въ будущемъ иного идеала счастья, молодость проситъ хотя личной любви, наслажденія вдвоемъ. А тутъ, подъ ухомъ нѣжныя, вкрадчивыя рѣчи слышатся; вспоминается безъ любви, безъ покоя проведенное прошлое; настойчиво отгоняются всѣ опасенія за будущее; является безшабашная отвага, и человѣкъ ловитъ мгновенье страстнаго порыва. Лизавета Николаевна находилась именно въ этомъ положеніи. Ее давила и возмущала домашняя грязная жизнь, гдѣ сердце не находило ни ласки, ни покоя и вѣчно ныло и болѣло отъ брани и возмутительныхъ сценъ. Молодая дѣвушка чувствовала потребность вырваться изъ этого омута, но не знала, куда и зачѣмъ. У нея не было составлено никакого идеала лучшей жизни, хотя ее и давила та жизнь, которую вела она. Трудъ самъ по себѣ не манилъ ее, да она и не знала, за что бы могла она приняться. Первыя горячія слова страстной любви, сказанныя ей, первая возможность спасти отъ отчаянья, отъ гнетущихъ мыслей, отъ пороковъ одного изъ ближнихъ, возможность, пробудившая въ головѣ молодой дѣвушки радужныя грезы, вдругъ открыли ей какой-то еще смутный, но привлекательный міръ счастья. Съ инстинктивной дѣвической боязнью она то вѣрила, то не вѣрила снова этимъ словамъ и грёзамъ, и съ невольнымъ трепетомъ сознавала, что она заходитъ все дальше и дальше по этому пути. Иногда ей хотѣлось бѣжать, но куда и зачѣмъ?—домой, на прежнюю муку?.. Не та ли же это гибель? Искать счастья на другомъ пути? Но кто объяснитъ ей, что это за счастье, къ которому инстинктивно стремится человѣчество, и гдѣ путь къ этому таинственному счастью?..

— Не обманите меня!—говорила она Задонскому, когда онъ рисовалъ передъ ней картины ихъ будущей свѣтлой жизни и эти слова звучали мучительной боязнью.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца продолжалось полное счастье

Лизы. Она съ непонятной удалью, съ полнымъ самозабвеніемъ пошла по новому пути, разъ повѣривъ Михаилу Александровичу. «Хоть день, да мой!» думалось ей, и мысли о будущемъ упорно отгонялись прочь. Она—то рѣзвилась, какъ пригрѣтый солнцемъ котенокъ; то вдругъ дѣлалась серьезной, говорила, что Михаилъ Александровичъ долженъ служить, долженъ работать, что она составитъ его счастіе въ часы его отдыха отъ трудовъ; то внезапно для нея наступали минуты раздумья, и она съ болѣзненной ироніей говорила Задонскому, что она знаетъ, какъ скоро онъ ее забудетъ и броситъ, но что ей все равно, что и безъ того пришлось бы погибнуть дома, что она сумѣетъ и умереть. Иногда она при людяхъ прикидывалась холодной, даже подтрунивала надъ Михаиломъ Александровичемъ и относилась къ нему чуть не съ пренебреженіемъ, иногда ей приходила въ голову мысль гулять и кататься съ нимъ вдвоемъ по берегу рѣки, гдѣ сновалъ народъ, гдѣ всѣ обращали на нее вниманіе, и она хохотала и говорила: «Пусть смотрятъ!» Это было что-то лихорадочное, что-то ненормальное.

— Ты нездорова?—говорилъ ей Задонскій.

— Что-жъ, этого надо было ожидать! — отвѣчала она, и вдругъ ея веселость пропадала, она со страхомъ и трепетомъ заглядывала въ неотразимо приближавшееся будущее. А потомъ опять встряхнетъ бойкой головкой и смѣло глядитъ на Задонскаго.

— Ну, что будетъ, то будетъ!—говоритъ она. — Только ты не бросай меня.

Михаилъ Александровичъ если не былъ дѣтски счастливъ, то былъ доволенъ новымъ развлеченіемъ. Въ первое время онъ даже забылъ начатую имъ интрижку на постояломъ дворѣ и очень серьезно смотрѣлъ на свои отношенія къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Но чѣмъ болѣе проходило дней, чѣмъ чаще волновалась Лизавета Николаевна за неотразимое «будущее», тѣмъ тревожнѣе сталъ смотрѣть на свои отношенія къ ней, тѣмъ чаще сталъ уходить на постоялый дворъ Задонскій. «Забыться хочется!» думалось ему. «Не умѣю я разъяснить это дѣло теткѣ, а надо. Не губить же эту дѣвушку! Это будетъ подло! Да и для чего? Я ее люблю, я могу быть счастливымъ съ нею. Отъ нея свѣжестью вѣетъ, это не то, что наши пансіонерки, пріучившіяся къ платоническому разврату даже въ пансіонѣ. Одинъ ея поцѣлуй говоритъ, что она любитъ впервые, что она даже не

играла въ любовь съ какой-нибудь сентиментальной подругой. Но что̀ тетка скажетъ? Чортъ возьми, не могъ всего обдумать и подготовить прежде. Поиграть съ огнемъ вздумалъ. Это вѣдь не одна изъ петербургскихъ барышень, тѣмъ только глазки сдѣлать, а онѣ тебѣ сейчасъ: «Ахъ, спросите у маменьки, можетъ-быть, она отдастъ вамъ мою руку!» Все законнымъ бракомъ хотятъ насладиться. Но съ теткой, съ теткой-то какъ объясниться?»

Дѣйствительно, вопросъ былъ важный: что̀ скажетъ тетка? Графиня, какъ мы сказали, не любила сплетенъ, не любила указаній и наставленій; она знала свою проницательность, свое умѣнье понять все, что̀ дѣлается кругомъ нея, потому никто не смѣлъ указать ей на отношенія Лизаветы Николаевны и Задонскаго. Довольно долго она не замѣчала ничего, попрежнему удерживала Лизу въ своемъ дворцѣ, иногда поручая ей вечеромъ почитать вслухъ какую-нибудь нравственную книгу, иногда приглашая ее съ собою покататься, и забавлялась ея болтовнею. Но нѣсколько фразъ въ родѣ того, что «Михаилъ Александровичъ вспомнилъ старину и все съ Лизаветой Николаевной гуляетъ», что «Лизавета Николаевна удивительно развилась и бойка сдѣлалась въ послѣднее время», фразъ, сказанныхъ мелькомъ, невзначай, съ выраженіемъ отеческой любви къ молодымъ людямъ, заставили дальновидную графиню посерьезнѣе взглянуть на дѣло и предупредить заранѣе племянника, чтобы онъ не увлекся.

— Мишель, тебѣ, дѣйствительно, недурно бы съѣздить за границу, ты засидишься здѣсь въ глуши, — говорила однажды тетка Задонскому, зашедшему къ ней въ кабинетъ.

— Мнѣ здѣсь не скучно,—возразилъ Михаилъ Александровичъ.

— Ну, скучно-то—скучно. Я сама соскучилась бы здѣсь безъ дѣла... Но твои обстоятельства, кажется, немного разстроены? Можетъ-быть, это причина...

— Да, мои денежныя средства находятся не въ блестящемъ положеніи.

Графиня вздохнула.

— Ты весь въ мать и дядю Алексѣя... Я ихъ не обвиняю... Теперь поздно обвинять ихъ; мы можемъ только молиться за прощеніе ихъ ошибокъ... Но я не могу не замѣтить, что они также запутали безъ всякаго смысла свои дѣла... И до чего ихъ довели стѣсненныя обстоятельства?.. Не сыну стану я напоминать, какъ кончила свою жизнь

его мать,—но возьмемъ дядю Алексѣя. Онъ домоталъ въ Парижѣ послѣднія деньги, чуть не попалъ за долги въ тюрьму; долженъ былъ прибѣгнуть къ милостынѣ—да, иначе я не могу назвать сбора, сдѣланнаго въ его пользу русскими, проживавшими въ Парижѣ,—потомъ онъ скитался по свѣту съ какой-то женщиной. Что это было—я не знаю; но, во всякомъ случаѣ, это было даже и не увлеченіе, а что-то позорное: онъ былъ безъ денегъ, она была стара... Я знаю, какъ страшно было его положеніе, какъ его грызла тоска, какъ ему хотѣлось выпутаться изъ опутавшихъ его сѣтей... И гдѣ онъ нашелъ спасеніе? Іезуиты, видя его умъ, его знанія, его ловкость, вырвали его душу изъ одной пропасти, чтобы погрузить его въ еще болѣе страшную бездну. Они обѣщали ему много и здѣсь, и въ будущемъ; онъ давно мучительно рвался къ чему-нибудь новому, хотѣлъ сразу покончить со всѣмъ прошлымъ, и вотъ онъ сталъ католикомъ, іезуитомъ, врагомъ нашей церкви, нашей родины...

Графиня замолчала въ скорбномъ раздумьи о судьбѣ брата Алексѣя, наклонивъ голову на руки. Черезъ минуту она заговорила снова:

— Да, человѣку нуженъ трудъ, нужна серьезная дѣятельность на пользу ближнихъ... Деньги должны быть только средствомъ къ этой дѣятельности... Иначе онѣ одно изъ самыхъ страшныхъ золъ... Нельзя вѣрнѣе погубить человѣка, какъ сдѣлавъ его богатымъ и не пріучить къ труду... Въ этомъ наказаніе богачей. За временныя блага они продали свою душу... Боже мой, какъ всѣ эти истины вѣрно и давно высказаны въ святомъ писаніи и какъ мало обращаютъ на нихъ вниманія эти умные безумцы—люди!—графиня снова задумалась о священномъ писаніи и о людяхъ.—Надо намъ будетъ выбрать свободное время и обсудить вопросъ о твоемъ будущемъ, — продолжала она черезъ минуту. — Кстати, ты слышалъ, мнѣ совѣтуютъ ѣхать на зиму въ Ниццу, или, по крайней мѣрѣ, въ Швейцарію?

— Да,—отвѣтилъ Задонскій, почтительно слушая тетку.

— Я не поѣхала бы. Ты знаешь, какъ я люблю нашу святую Москву, наше мирное Приволье, нашъ бѣдный, добрый народъ. Но, Боже мой, наша зима такъ убійственно дѣйствуетъ на меня, и докторъ опасается, что я не легко перенесу ее и, можетъ-быть, окончательно убью себя, если не подкрѣплюсь нынче за границей.

Графиня нахмурила брови и помолчала.

— Если бы я знала навѣрное, что все обойдется безъ

серьезныхъ послѣдствій, что опасность не большая, то, конечно, я не поѣхала бы. Но вѣдь можетъ случиться, что и дѣйствительно эта зима убьетъ меня. Что-жъ, это будетъ просто самоубійство, если я откажусь предупредить опасность во-время и умру... Грѣхъ не заботиться о ближнихъ, но грѣхъ забывать и свою жизнь, играть съ нею... Тѣмъ болѣе мнѣ нужно дорожить собою, что я надѣюсь еще принести посильную пользу ближнимъ...

Эти смиренные, христіанскіе взгляды на свою жизнь, посвященную служенію ближнимъ, уже три раза принуждали несчастную женщину рѣшаться на дорого-стоящія поѣздки за границу. При ея любви къ родинѣ, это было, дѣйствительно, тяжело для нея, и не вознаграждало ее даже то положеніе, въ которомъ она стояла за границей въ средѣ русскихъ «ниццардовъ». Тамъ она пользовалась почетомъ, какъ самая богатая, умнѣйшая и нравственнѣйшая русская женщина; около нея собирался кружокъ отставныхъ знаменитостей, хлопотавшихъ о постройкѣ за границею русскихъ церквей; руссофиловъ, толковавшихъ о народности, замышлявшихъ подавить въ Россіи западничество, составлявшихъ планы различныхъ миссіонерскихъ обществъ для борьбы съ католическими миссіонерами. Графиня становилась во главѣ ихъ, дѣлала сборы въ пользу промотавшихся за границей личностей, давала этимъ личностямъ высоконравственныя наставленія, даже устраивала русскія литературныя чтенія, на которыхъ, собравъ съ посѣтителей десяти- и двадцати-франковыя монеты, могла хозяйничать, какъ ей угодно, и говорить при всемъ обществѣ которому-нибудь изъ чтецовъ: «Ну, довольно, довольно, вы устали. Мы будемъ вамъ благодарны, если вы намъ прочтете теперь одно изъ ненапечатанныхъ стихотвореній графа Тугоуховскаго». Чтецъ прекращалъ начатое чтеніе и принимался за декламированіе ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго— этого колкаго остряка былыхъ временъ, сердитаго за свою старость, порицателя всего молодого, грубаго обличителя современной Россіи, выражавшаго въ топорныхъ стихахъ, поддѣлываясь подъ мужицкую рѣчь, идеи крайняго обскурантизма. Послѣ чтенія ненапечатаннаго произведенія графа Тугоуховскаго, графиня вставала, любезно благодарила чтеца и удалялась, а люди, заплатившіе за свои мѣста, съ почтеніемъ уступали ей дорогу, и потомъ, такъ какъ чтеніе болѣе не продолжалось, также расходились, можетъ-быть, жалѣя, что заплатили даромъ деньги... Впрочемъ, за эти

деньги они имѣли счастіе посидѣть въ одной комнатѣ съ графиней... Но даже этотъ почетъ и уваженіе, конечно, не могли вознаградить графиню за разлуку съ милой для нея родиною.

— Я подумаю, можетъ-быть, мы поѣдемъ вмѣстѣ,—заговорила снова графиня, обращаясь къ племяннику. — Тебѣ тоже будетъ полезна эта поѣздка. Ты посмотришь на истинно-русскихъ людей, которымъ, при современномъ настроеніи нашего общества, не даютъ у насъ мѣста; ты серьезнѣе взглянешь на свои обязанности и, кромѣ того, разсѣешься... Да! кстати, я хотѣла тебѣ сказать насчетъ Лизы...

Задонскій весь превратился въ слухъ.

— Держи, пожалуйста, себя подальше отъ нея. Я знаю: васъ связываютъ воспоминанія дѣтства, вы все еще смотрите другъ на друга какъ дѣти, но она теперь въ такихъ лѣтахъ, что можетъ увлечься...

Михаилъ Александровичъ закусилъ губу и, сдѣлавъ усиліе надъ собой, шутливо замѣтилъ:

— Что же тутъ страшнаго, если увлечется? Она и сама можетъ вызвать увлеченіе.

Графиня строго посмотрѣла на племянника.

— Такими вещами не шутятъ! Увлеченіе, любовь должны имѣть послѣдствіями женитьбу. А я надѣюсь, что ты понимаешь невозможность своего брака съ ней.

— Отчего же?

— Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ,—серьезно произнесла тетка.—Ты знаешь, что есть предметы, о которыхъ я или не говорю совсѣмъ, или говорю съ благоговѣніемъ. Играть святыней я не привыкла и не умѣю.

Графиня стала раскладывать на столѣ письменныя принадлежности и дружески кивнула головой племяннику.

— Извини, дружокъ, мнѣ надо написать нѣсколько писемъ,—ласково сказала она и занялась своей безконечной перепиской.

Михаилъ Александровичъ понялъ, что оставаться въ кабинетѣ тетки было невозможно и не зачѣмъ. Онъ вышелъ отъ нея въ смущеніи и тревогѣ. Передъ нимъ были двѣ дороги: пойдешь по одной—разсердишь тетку, останешься чуть не нищимъ, будешь принужденъ жениться на нищей и попадешь за долги въ долговое отдѣленіе; пойдешь по другой—угодишь теткѣ, заплатишь долги и вольный, какъ птица, обманувъ бѣдную дѣвушку, съ комфортомъ проживешь нѣсколько мѣсяцевъ среди блестящаго общества за

границей. Задонскій не могъ рѣшиться ни на то, ни на другое, а между тѣмъ выбрать третью дорогу было не только трудно, но почти невозможно. Впервые онъ началъ мысленно проклинать и свое знакомство съ Лизой, и свое увлеченіе ею. «А что̀ тутъ станешь дѣлать съ своею натурою, если не можешь пройти мимо подобнаго цвѣтка?» съ досадой топнулъ онъ ногою.

Раздраженный, проѣхавшись верхомъ, онъ пришелъ въ комнату, гдѣ сидѣла Лиза за роялемъ, и въ разсѣянности не отвѣтилъ на ея вопросъ: гдѣ онъ былъ? Лиза удивилась этому молчанію и взглянула на Задонскаго; онъ угрюмо ходилъ по комнатѣ, съ досадой похлопывая себя хлыстомъ по ногѣ.

— Что съ тобой?—спросила она.

— Ничего!—раздражительно отвѣтилъ Задонскій.—Тетка сдѣлала намекъ, что ей было бы непріятно, если бы мы сблизились другъ съ другомъ.

— Ну, и Богъ съ ней! вѣдь мы ее въ долю не примемъ,—засмѣялась Лизавета Николаевна.

— Ее не примемъ, но намъ нужно принять въ долю ея деньги,—сердито проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Э, Боже мой, мы и безъ нихъ проживемъ! Еще лучше будетъ...

— Да, дѣйствительно, лучше будетъ: ты здѣсь будешь у матери въ каторгѣ жить, а я буду въ столицѣ, въ долговомъ отдѣленіи сидѣть!

Лизавета Николаевна съ удивленіемъ обратилась лицомъ къ Задонскому, повернувъ свой стулъ спинкой къ роялю.

— Какъ такъ?.. Я тебя не понимаю...

— Да, вѣдь я долженъ, и много долженъ. Меня и изъ города выпустили только потому, что знали, какъ богата тетка...

— Я этого не знала...

— Мало ли ты чего не знала!

По лицу Лизы проскользнуло какое-то болѣзненное, тоскливое выраженіе.

— За что же ты на меня-то сердишься?.. Отъ этого легче не будетъ... Но какъ же ты бралъ въ долгъ, не имѣя средствъ отдать?

Михаилъ Александровичъ началъ снова нервно и злобно стегать себя хлыстомъ по ногѣ.

— Какъ это я сошелся съ тобой, не зная навѣрное, можно ли будетъ жениться? Какъ это ты отдалась мнѣ,

зная, что мужчинѣ не слѣдуетъ отдаваться до свадьбы?— раздражительно говорилъ онъ съ насмѣшкой и упрекомъ въ голосѣ.

— Что же это, упреки?—поднялась съ мѣста Лиза, вся блѣдная и строгая.—Я тебя не стѣсняю...

Она, едва переступая, пошла прочь. Ее до глубины души оскорбили эти необдуманныя и нахальныя слова. Она еще не знала, какъ обращаются люди съ своими любовницами и женами. Она показалась Задонскому въ эту минуту вдвое прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь. Онъ удержалъ ее.

— Полно, Лиза, что съ тобой! Я раздражился, а ты сейчасъ и бросаешь меня.

Михаилъ Александровичъ обнялъ за талію плачущую дѣвушку.

— Полно! Вотъ ты, малютка, какая! Я говорилъ, что спасать и прощать труднѣе на дѣлѣ, чѣмъ въ мечтахъ... Ну, разбрани меня, отведи душу, и конецъ весь!

— Что толку-то?—тихо и грустно прошептала Лиза.

Задонскій продолжалъ утѣшать ее. Мало-по-малу она немного поуспокоилась, и на ея лицѣ опять появился румянецъ и заиграла полугрустная улыбка. Лиза, попрежнему, начала строить различные планы насчетъ будущаго.

— Ты говоришь, что намъ безъ помощи тетки нельзя жить,—разсуждала она.—Но развѣ мы оба не молоды, не имѣемъ силъ? Ты еще служить можешь, я буду работать. Правда, мы будемъ бѣдны, мы будемъ тяжело пробивать свой путь, но зато, какъ сладко будетъ намъ сознавать, что мы пробили его сами, не кланяясь никому, не нуждаясь ни въ комъ.

— Дитя, дитя, мечты-то какія у тебя свѣтлыя!—ласкалъ ее Задонскій, какъ ребенка.—Только какъ это мы долги-то заплатимъ изъ своихъ трудовыхъ денегъ? Тутъ вѣдь тысячи отдать надо. И какую это работу возьметъ моя крошка? И что я могу дѣлать?

Лиза снова нахмурилась.

— Такъ ты думаешь, что и ты, и я, мы оба можемъ жить только на содержаніи у другихъ людей?

— Не на содержаніи, но, все-таки, на первое время намъ нужна посторонняя помощь.

— Ты также увѣренъ, что я не могу работать? — еще серьезнѣе допрашивала Лиза.

— Ну, конечно!.. Я знаю, что ты не привыкла къ труду, и не хочу дѣлать изъ тебя чернорабочей...

— Значитъ, все, что я постоянно говорила о будущей нашей жизни, о твоемъ честномъ трудѣ, о своей усиленной работѣ—ребячество?

— Мечты!

— Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? Зачѣмъ соглашался со мной прежде?

— Дити, я такъ люблю, когда ты мечтаешь...

— Мы вѣдь, кажется, не въ куклы играемъ!

Лиза встала.

— Ты былъ правъ, говоря, что спасать людей трудно,— проговорила она.—Но, кажется, это не потому трудно, что у спасителей нѣтъ желанія помочь падшимъ, а потому, что падшіе не хотятъ сдѣлать ни одной попытки къ своему спасенію... Если ты будешь сидѣть на мѣстѣ, и все, что я предлагаю попробовать, будешь называть ребяческими мечтами, то, конечно, тутъ и толковать не о чемъ.

— Ты опять разсердилась!—сказалъ Задонскій.

— За что мнѣ сердиться? Мнѣ, просто, грустно,—проговорила Лиза.—Ты называешь ребяческими мои планы, но ты самъ не пробуешь составить болѣе зрѣлыхъ...

— Ошибаешься! Я надѣюсь, что тетка поможетъ мнѣ выпутаться изъ долговъ и дастъ мнѣ средства прожить первое время... Ну, а потомъ подумаю я о службѣ и о трудѣ, конечно, не о твоемъ; ты-то не можешь и не должна трудиться...

— Я за себя, вѣдь, и не прошу думать,—вскользь замѣтила Лиза.—Буду въ Петербургѣ, найду работу.

— Ну, не такъ-то скоро это дѣлается!

— Ахъ, оставь, пожалуйста, эти злыя пророчества!— строптиво произнесла Лиза.—Спасай только себя, а я или спасусь, или погибну, но, все-таки, о помощи не попрошу...

Она выглядѣла совсѣмъ серьезно. Ея лицо было очень энергично, и только въ стиснутыхъ губахъ было еще замѣтно что-то болѣзненное. Задонскій снова хотѣлъ обнять ея талію, она тихо высвободилась изъ его рукъ и пошла изъ комнаты.

— Ты сердишься!—упрекнулъ онъ ее.

— Неужели ты не понимаешь, что есть минуты, когда человѣкъ можетъ не сердиться, и, все-таки, ему совсѣмъ не до обниманій?—отвѣтила она на ходу и быстро вышла вонъ.

Вечеромъ въ этотъ же день и на слѣдующій день утромъ она была, повидимому, спокойна, хотя и не такъ оживлена, какъ во всѣ другіе дни. На нее очень сильно подѣйство-

вала вчерашняя сцена. До сихъ поръ Задонскій соглашался со всѣми планами Лизаветы Николаевны, какъ взрослые соглашаются съ дѣтскими фантазіями изъ желанія не заставлять дѣтей капризничать; теперь Михаилъ Александровичъ невольно открылъ молодой дѣвушкѣ свой настоящій взглядъ на дѣло, и этотъ взглядъ непріятно встревожилъ ее. Впервые ей показалось, что онъ смотритъ на нее, какъ на игрушку, что онъ даетъ ей роль своей спасительницы, какъ взрослые въ шутливой борьбѣ съ ребенкомъ поддаются ему и признаютъ его своимъ побѣдителемъ. Эта роль пробуждала въ молодой дѣвушкѣ не боль, но страхъ за свое будущее. Задонскій счелъ необходимымъ, при первомъ удобномъ случаѣ, еще разъ извиниться передъ нею. Она грустно улыбнулась.

— Что это ты, милый, извиняешься, какъ школьникъ!— говорила она. — Я и не думаю сердиться. Меня, просто, серьезныя мысли осаждаютъ... Справиться съ ними не могу сразу.

Вслѣдъ за этимъ Лиза поспѣшила перемѣнить разговоръ и начала черезъ силу смѣяться и подтрунивать надъ управительскими «ангелочками».

А управительскіе «ангелочки», эти наивныя и невинныя пансіонерки, уже давно все сильнѣе и сильнѣе косились на Лизу и какъ-то ухитрялись мгновенно вспыхивать краской стыдливости при встрѣчахъ съ нею. Онѣ старались уходить изъ дома графини тотчасъ послѣ обѣда, чтобы «не мѣшать Лизаветѣ Николаевнѣ и Михаилу Александровичу». Онѣ вскрикивали «ахъ!» при встрѣчѣ съ влюбленной парой въ саду и старались избѣгать этихъ встрѣчъ, хотя злая судьба, постоянно искушающая невинныхъ младенцевъ и праведниковъ, дѣлала именно такъ, что «ангелочки» вездѣ и всюду наталкивались на падшую дѣвушку и ея друга... А онѣ такъ боялись этихъ встрѣчъ! Но что вы подѣлаете противъ судьбы?.. На другой или на третій день послѣ непріятнаго объясненія двухъ молодыхъ людей, «ангелочки» хотѣли, по обыкновенію, уйти послѣ обѣда съ грустными и очаровательно-стыдливыми лицами, но Задонскій, боявшійся остаться въ этотъ день съ-глазу-на-глазъ съ Лизой, замѣтилъ имъ:

— Вы, вѣрно, какой-нибудь подарокъ папашѣ вышиваете, что постоянно такъ сильно спѣшите домой?

Ангелочки покраснѣли и засмѣялись.

— Нѣтъ... право, мы ничего не вышиваемъ... но...

Барышни конфузились все болѣе и болѣе. Задонскій въ

душѣ хохоталъ надъ ними и даже подумалъ: «а вѣдь вы прераздращенныя дѣвчонки!»

— Что же это за *но*?—допрашивалъ онъ.

— Мы здѣсь лишнія!—потупили онѣ глаза и зардѣлись до самыхъ ушей.

— Вы—лишнія?—съ комическимъ ужасомъ воскликнулъ Задонскій.—Помилуйте, мнѣ всегда такъ грустно, что вы пролетаете и скрываетесь, какъ весеннія бабочки.

Барышни еще болѣе смутились.

— Да... вамъ... но...—снова залепетали онѣ.

— Опять *но*! Боже мой, сколько у васъ этихъ *но*?—смѣялся Задонскій.

— Но, можетъ-быть, Лизаветѣ Николаевнѣ будетъ непріятно, если мы станемъ оставаться здѣсь, — застѣнчиво прошептали невинныя простушки.

— Помилуйте, я увѣренъ, что Лизавета Николаевна будетъ очень рада вашему присутствію здѣсь, — проговорилъ Задонскій.—Неправда ли, Лизавета Николаевна?—обратился онъ къ Лизѣ.

Она сидѣла у рояля и, нахмуривъ брови, разсматривала какія-то ноты. Это шутовство было ей непріятно. Казалось, она ожидала, что дѣло не кончится добромъ. При вопросѣ Задонскаго она какъ-то горько улыбнулась и неожиданно подняла свою голову, такъ что ея ясные и еще спокойные глаза прямо устремились на смущенныя лица двухъ невинныхъ дѣвицъ. Въ теченіе минуты Лиза не произносила ни слова. Ей было почему-то отрадно насладиться смущеніемъ невинныхъ «ангелочковъ», постаравшихся тонко намекнуть грѣшницѣ, что она грѣшница, и этимъ намекомъ уколоть ее.

— Почему же вы думаете, что мнѣ непріятно ваше присутствіе?—спокойно спросила она черезъ минуту, и по ея губамъ скользнула презрительная усмѣшка.

Невинныя созданія потупили глазки и съежились.

— Можетъ-быть, мы мѣшаемъ,—начали онѣ.

— Чему?—спросила Лиза, настойчиво преслѣдуя ихъ насмѣшливымъ взглядомъ.

Въ этомъ взглядѣ уже сверкалъ едва замѣтный огонекъ злорадства. Казалось, что эта грѣшница хотѣла показать «ангелочкамъ», что онѣ совсѣмъ не такъ безгрѣшны въ душѣ, какъ выглядятъ.

— Ахъ, Боже мой!.. Просто мѣшаемъ вамъ говорить съ Михаиломъ Александровичемъ,—отвѣтили барышни.

— А развѣ *вамъ* мѣшаютъ посторонніе люди говорить съ

мужчинами?—допрашивала Лиза, заставляя невинность высказывать грѣшные помыслы.

— Нѣтъ! намъ!—обидчиво произнесли наивныя дѣвицы.— *Намъ* никто не мѣшаетъ...

— Почему же вы думаете, что *мнѣ* могутъ мѣшать, если *вамъ* не мѣшаютъ посторонніе свидѣтели вашихъ разговоровъ съ мужчинами?.. Объясните, пожалуйста, это... Слышать подобное объясненіе очень любопытно, особенно отъ *васъ*.

Лиза продолжала преслѣдовать своими насмѣшливыми и уже совсѣмъ злыми глазами смущенныя лица барышень. Къ ея величайшему изумленію, онѣ вдругъ захныкали.

— Вы насъ оскорбляете!.. Мы... мы не позволимъ смѣяться надъ собой... Мы честныя дѣвушки!—заговорили онѣ прерывающимися голосами.

Лиза поднялась съ мѣста и быстро подошла къ нимъ.

— Вы жалкія, а не честныя дѣвушки! Если бы вы были честныя дѣвушки, то вы не подозрѣвали бы ни въ чемъ дурномъ другихъ людей, ничѣмъ не заслужившихъ этого,— рѣзко проговорила она, сверкнувъ глазами, и вышла изъ комнаты.

Вся эта сцена произошла такъ неожиданно для всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ, что они не могли сразу опомниться.

Давно уже невинныя барышни хотѣли уколоть и оскорбить Лизу за ея «позорное для всѣхъ дѣвицъ» поведеніе; давно Лиза негодовала на нихъ за ихъ постоянное смущеніе, за ихъ постоянныя вскрикиванія при встрѣчахъ съ ней; но никто изъ нихъ даже и не подозрѣвалъ, что дѣло разыграется такъ неожиданно и такъ непріятно. Вообще бо̀льшая часть рѣзкихъ стычекъ между людьми происходитъ не вслѣдствіе заранѣе подготовленныхъ и обдуманныхъ плановъ, а является случайно, въ пылу увлеченія. Иногда человѣку приходится горько раскаяться за горячее слово, не приносящее никому пользы и надѣлавшее много вреда. Но слово, какъ птица, вылетитъ, не поймаешь... Лизѣ оставалось только ожидать новыхъ сценъ за свою невольную смѣлость; барышнямъ оставалось только пожаловаться папашѣ на оскорбившую ихъ негодницу. Отчасти, чтобы избѣжать возможныхъ объясненій съ графиней, которой управляющій могъ пожаловаться, отчасти, чтобы успокоиться отъ несвоевременныхъ ухаживаній Михаила Александровича, Лиза уѣхала въ Бабиновку.

Дома она застала одну изъ сосѣднихъ помѣщицъ, за-

ѣхавшую къ нимъ случайно. Это удивило Лизу, такъ какъ къ нимъ рѣдко заѣзжали сосѣди, бывшіе въ ссорѣ съ ея матерью. Лиза видѣла въ этомъ посѣщеніи нѣчто особенное, нѣчто выходящее изъ ряду вонъ и имѣющее какія-нибудь болѣе серьезныя причины, чѣмъ простое желаніе повидаться съ сосѣдями. Разговоры между Дарьей Власьевной и ея гостьей шли очень незначительные и вообще не клеились. Наконецъ, гостья обратилась съ сладенькимъ лицомъ къ хозяйкѣ.

— А васъ можно поздравить, Дарья Власьевна?—спросила она вкрадчивымъ голосомъ.

— Съ чѣмъ, матушка, Марья Ивановна?—изумилась хозяйка.

Гостья-помѣщица замялась.

— Можетъ-быть, это нескромность... Можетъ-быть, это одни слухи,—начала она.—Вы, пожалуйста, не сердитесь за мой вопросъ!.. Я такъ люблю ваше семейство!.. Но я слышала, что наша милая Лизавета Николаевна замужъ выходитъ за племянника нашей графини.

— А-а!—произнесла Дарья Власьевна и постаралась сдѣлать равнодушное лицо.—Это слухи, слухи!.. Навѣрное еще ничего нельзя сказать... Правда, Михаилъ Александровичъ хорошій человѣкъ и, можетъ-быть, Лиза ему нравится, и къ семейству нашему онъ расположенъ... Но вѣдь десять разъ примѣрь, а одинъ отрѣжь... Лиза у насъ еще молода!.. И я вѣдь мать! Мнѣ тяжело разставаться съ нею, мнѣ полюбоваться на нее хочется!.. Конечно, противъ судьбы не пойдешь, дочь при себѣ на вѣкъ не оставишь...

Дарья Власьевна говорила очень гордо и серьезно. Лиза, отвернувъ голову къ окну, молча смотрѣла на дорогу.

— Дай Богъ, дай Богъ! — вздохнула гостья. — Только какъ на это графиня посмотритъ; вѣдь родъ-то ихъ...

— Ахъ, Владыко Небесный! — вспылила хозяйка. — Да развѣ мы-то мѣщане, что ли? Что намъ въ роду-то ихъ? Наши отцы и дѣды тоже дворянами были и царю вѣрой и правдой служили! Да мой отецъ крестный самъ генераломъ былъ! Вотъ что!.. И къ тому же графиня такъ насъ любитъ; Лизу она и теперь за дочь считаетъ, ну, и мнѣ постоянно поклонъ, и то, и се, пято и десято пришлетъ... Не ѣзжу я къ ней,—такъ вѣдь я еще не достроилась, вѣдь я мать семерыхъ дѣтей, я не могу, какъ другія, по гостямъ рыскать, чужіе пороги обивать.

«Мотай себѣ на усъ, матушка, мотай себѣ на усъ», — мысленно произносила Дарья Власьевна.

Лиза не выдержала долѣе этого разговора и разомъ рѣшилась прекратить толки. Она не знала, что съ подобными вопросами къ ея матери уже пріѣзжали человѣкъ пять-шесть, и думала, что, зажавъ ротъ этой сплетницѣ, можно окончательно прекратить и всѣ дальнѣйшіе толки.

— Михаилъ Александровичъ и не подумаетъ на мнѣ жениться, и я сама никогда не пошла бы за него замужъ, — рѣзко сказала она, поднимаясь со стула. — Я попрошу васъ, — обратилась она прямо къ гостьѣ: — говорить всѣмъ, что эти слухи ложь и что не хорошо и не честно мѣшаться въ чужія дѣла.

Лиза вышла изъ столовой.

— Да что же это она у васъ! Еще графиней не сдѣлалась, а съ благородными людьми, какъ съ холопьями обращается, — обозлилась гостья. — Ну, замужъ не идетъ, такъ еще хуже — любовницей слыветъ... Объ этомъ весь уѣздъ толкуетъ!.. Вѣдь я только изъ вѣжливости предупредить васъ намеками хотѣла. А вы и уши развѣсили, повѣрили, что когда-нибудь племянникъ графини можетъ жениться на вашей дочери!.. Да вы на себя, на свой домъ-то только взгляните!

Хозяйка и гостья сцѣпились, какъ двѣ дворовыя голодныя собаки, которымъ бросили кость. Лиза слышала половину всей этой грязной брани и трепетала всѣмъ тѣломъ. Для нея ясно стало, что она сдѣлалась сказкой, предметомъ пересудовъ и толковъ для всѣхъ окрестныхъ жителей.

— Что-жъ, за чѣмъ пошла, то и нашла!—горько усмѣхнулась она.—Цѣлый мѣсяцъ зато была счастлива.

Она задумалась объ этомъ счастьи; почему-то даже и оно казалось ей теперь не счастьемъ, а тяжелымъ, горячечнымъ бредомъ, опьянѣніемъ отъ горя.

— Нѣтъ, этого мнѣ мало, мнѣ чего-то другого нужно,— шептала она и скорбно опустила голову на руки.

Въ этомъ забытьи она просидѣла до поздней ночи. Богъ знаетъ, что̀ она думала, что̀ придумала...

V.

Невинныя управительскія барышни, между тѣмъ, явились въ слезахъ къ своему папашѣ послѣ сцены съ Лизой.

— Что это вы, мои цыпочки, расплакались?—приласкалъ ихъ нѣжный отецъ, котораго онѣ очень тяготили своею пансіонерскою неспособностью ни къ какому дѣлу. — Ну, стоитъ ли вамъ связываться съ этой дѣвчонкой. Ее вамъ

ничѣмъ нельзя пристыдить, у нея весь стыдъ давно потерянъ. А она вамъ всегда можетъ непріятностей надѣлать.

— Да зачѣмъ же она насъ оскорбляетъ, мы честныя дѣвушки!—восклицали, всхлипывая, невинныя барышни.

— А, все-таки, надо терпѣть и молчать,—наставительно говорилъ отецъ. — Вы можете и Михаила Александровича вооружить противъ себя, связываясь съ ней, потому что онъ увлеченъ ею. «Не борися съ сильнымъ», сказалъ премудрый Соломонъ, — окончилъ управляющій, не зная точно, говорилъ это Соломонъ, или не говорилъ.

— Намъ обидно, что онъ эту низкую дѣвчонку выше насъ ставитъ.

— Не выше васъ, нисколько не выше, чистыя мои птички! Онъ, просто, играетъ съ нею, потому что съ такими дѣвчонками можно играть молодымъ людямъ. Хорошо она поетъ, только гдѣ-то сядетъ. Будетъ время, и близко это время, когда онъ ее броситъ, какъ выжатый лимонъ. А вы молчите и ждите. Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Помните, что это въ священномъ писаніи сказано... Графиня стара, не сегодня, завтра умретъ,— тогда Михаилъ Александровичъ самъ себѣ господинъ будетъ и о какой-нибудь Лизаветѣ Николаевнѣ и думать не станетъ. Ему будетъ нужна невѣста со средствами... Ну, тогда и мы подумаемъ, что̀ дѣлать, и мы лицомъ въ грязь не ударимъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, тогда Бабиновка-то и съ молотка продастся, можетъ-быть, и мы помѣщиками будемъ... Будущее только одинъ Богъ знаетъ. Въ руцѣхъ Его сердце... Нѣтъ, это не то!—махнулъ управляющій рукою, неудачно подобравъ текстъ. — А и не сдѣлается ничего, такъ все же Михаила Александровича намъ раздражать не слѣдуетъ, потому что не самъ же онъ управлять имѣніемъ станетъ, и намъ же выгоднѣе, если онъ другого управляющаго не возьметъ.

Отецъ поцѣловалъ дочерей и еще разъ замѣтилъ имъ, что надо молчать и терпѣть, что всѣ честные и невинные люди всегда молчали и терпѣли, что это и въ священномъ писаніи сказано. Въ подтвержденіе послѣдняго, управляющій привелъ цитату изъ заповѣдей блаженства и, вполнѣ довольный и самимъ собою, и своими текстами, сталъ пить чай.

Управляющій графини, надворный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Терпуговъ, кругленькій, какъ арбузъ, жиренькій, какъ сало, выглядѣвшій какимъ-то купцымъ херувим-

чикомъ съ вербы, былъ человѣкъ сдержанный, онъ какъ кротъ рылся гдѣ-то незамѣтно, во мракѣ, скопилъ многое невѣдомо для людей, постоянно обладалъ манерами смиреннаго кота, незамѣтно выпускающаго свои когти изъ мягкихъ лапъ; онъ всегда говорилъ: «Моя изба съ краю—ничего не знаю!» Люди называли его—то примѣрнымъ и набожнымъ человѣкомъ, то продувною бестіею; то добрымъ простякомъ, то кремнемъ и кулакомъ; такія разнорѣчивыя мнѣнія зависѣли вполнѣ отъ того, кто говорилъ про него, такъ же, какъ и его образъ дѣйствій зависѣлъ отъ того, съ кѣмъ онъ велъ дѣло. Только въ двухъ случаяхъ оставался онъ неизмѣннымъ въ сношеніяхъ съ людьми различныхъ званій и состояній, это въ непреодолимой страсти говорить не то, что̀ думаетъ, и думать не то, что̀ говоритъ, да въ любви опираться во всемъ на священное писаніе, которое онъ коверкалъ безъ всякой пощады. Онъ ухитрялся какъ-то такъ подбирать его тексты, существовавшіе иногда только въ воображеніи Андрея Андреевича, что оно давало ему возможность и учить повиновенію слугъ, такъ какъ власти отъ Бога; оно же давало ему возможность холодно относиться къ страданію ближнихъ, такъ какъ мзда ихъ будетъ великою на небесахъ; оно же мотивировало его взяточничество, такъ какъ онъ признавалъ, что всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; однимъ словомъ, Андрей Андреевичъ выворотилъ наизнанку всякое библейское выраженіе, да этимъ и оградилъ свою совѣсть отъ всякихъ нападеній... Говоря не то, что̀ онъ думаетъ, Андрей Андреевичъ очень часто говорилъ невообразимо глупо, но поступалъ чрезвычайно умно. Иногда онъ прикидывался такимъ дурачкомъ, что люди, изъ сожалѣнія, начинали поучать его, а онъ, похлопывая въ умиленіи глазками, выслушивая ихъ умныя рѣчи до конца, узнавалъ до тонкости умственныя способности своего собесѣдника, такъ сказать, раскусывалъ его, да потомъ и нападалъ на него съ самой слабой стороны, если ему приходилось столкнуться на практической почвѣ. Теперь онъ рѣшился не вмѣшиваться въ отношенія Лизы и Задонскаго, чтобы не раздражать послѣдняго, и надѣялся, что время сдѣлаетъ свое. Планы его невинныхъ дочерей насчетъ любви Задонскаго къ которой-нибудь изъ нихъ не имѣли въ его глазахъ почти никакого серьезнаго значенія, и поэтому онъ дѣлалъ видъ, что они имѣютъ для него значеніе; но очень большое значеніе придавалъ онъ своему плану забрать въ руки Задонскаго и,

главнымъ образомъ, его имѣніе, когда умретъ графиня, и потому никогда не высказывалъ этихъ надеждъ. Иногда онъ даже улыбался, помышляя о томъ, что первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми, и почему-то ему казалось въ эти минуты, что не Задонскій, а онъ самъ, Андрей Андреевичъ Терпуговъ, будетъ хотя не номинальнымъ, но зато фактическимъ наслѣдникомъ Серпуховской, то-есть приберетъ къ рукамъ все Приволье.

Рѣшимость Терпугова молчать и терпѣть спасла Лизу отъ непріятныхъ послѣдствій ея необдуманной ссоры съ невинными дѣвицами. Графиня ничего не узнала объ этой исторіи и снова прислала за Лизой экипажъ. Это было на другой день послѣ пріѣзда Ивана Григорьевича въ Приволье. Онъ, какъ мы видѣли, рѣшился узнать подробно объ отношеніяхъ Лизы и Задонскаго, и потому дня черезъ три завернулъ къ управляющему. Невинныя барышни обыкновенно имѣли привычку «презирать» поповича и говорили съ нимъ только изъ снисхожденія къ его студенческому сюртуку. Но въ настоящее время, сверхъ всякаго ожиданія, онѣ очень обрадовались молодому гостю. Это немного удивило Ивана Григорьевича, и онъ сталъ тщательно доискиваться причинъ такой неожиданной привѣтливости. «Вѣрно что-нибудь сообщить хотятъ!» — подумалось ему. Сначала разговоры шли о столицѣ, барышни охали и вздыхали о столичномъ обществѣ, котораго онѣ никогда не видали во время пансіонской жизни; онѣ жаловались на деревенскую скуку и на провинціальныхъ жителей, съ которыми еще не были знакомы, и, наконецъ, перешли къ болѣе интересному предмету.

— А вы были у Баскаковыхъ? — вдругъ спросили онѣ въ одинъ голосъ.

Иванъ Григорьевичъ насторожилъ уши и сразу почувствовалъ въ этомъ вопросѣ желаніе барышень разсказать ему нѣчто интересное.

— Былъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ну, какъ нашли у нихъ все? Не замѣтили ли какихъ перемѣнъ?

— Нѣтъ, кажется, ничего не замѣтилъ...

— Ахъ, что вы! — воскликнули разомъ обѣ сестры.—А Лизу вы видѣли?

— Видѣлъ.

— Ну, такъ какъ же не замѣтить перемѣны!

— Право, я никогда не могу ничего сразу замѣтить.

Ужъ вы лучше сами объясните мнѣ, какая тамъ перемѣна случилась,—улыбнулся онъ, догадываясь, что именно возможность сообщить объ этой перемѣнѣ заставила барышень разсказать даже ему, презрѣнному поповичу.

Дѣйствительно, барышни, краснѣя и потупляя глазки, таинственно прошептали:

— Да вѣдь она влюблена!

За этими стыдливо произнесенными словами вдругъ полился цѣлый потокъ такихъ же таинственныхъ разсказовъ, какъ «они» сидѣли вечеромъ въ саду, какъ «они» катались вдвоемъ, какъ «они» играли въ четыре руки на фортепіано, какъ «они» избѣгали общества, и тому подобное, все въ томъ же родѣ. Иванъ Григорьевичъ чутко слушалъ невинную болтовню и старался составить по ней кое-какія заключенія о степени серьезности дѣла. Наконецъ, эта болтовня была прервана появленіемъ Андрея Андреевича.

— А, это онѣ вамъ про наши сельскія исторіи разсказываютъ, — засмѣялся Андрей Андреевичъ жирнымъ смѣхомъ. — Какъ же, какъ же, и у насъ свои романы затѣваются. Только глупости все это, шалости... Вотъ, къ концу лѣта уѣдутъ наши за границу, и конецъ весь!

— Кто это уѣдетъ за границу? — спросилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Да ея сіятельство съ Михаиломъ Александровичемъ.

— Какъ? онъ уѣзжаетъ? — тревожно поднялся съ мѣста Иванъ Григорьевичъ.

— Да. Что же тутъ удивительнаго? — равнодушно спросилъ Андрей Андреевичъ. — Не все же въ нашей глуши жить, надо и на свѣтъ посмотрѣть.

— Но она-то знаетъ ли это?

— Кто это? Лизавета-то Николаевна?.. Нѣтъ, должно-быть, не знаетъ... Это ей маленькій сюрпризъ будетъ... къ именинамъ, — снова засмѣялся жирнымъ смѣхомъ Андрей Андреевичъ и шутливо ущипнулъ отъ нечего дѣлать за щеку одну изъ своихъ розовенькихъ дочерей.

Ивана Григорьевича точно чѣмъ-то пришибло. Онъ торопливо взялся за фуражку и, несмотря на упрашиванья остаться, ушелъ, почти убѣжалъ изъ дому управляющаго.

Нѣсколько минутъ онъ быстро шагалъ по дорогѣ безъ всякаго сознанія и безъ всякой цѣли. «Однако, куда же я бѣгу? Ужъ не къ графинѣ ли?.. Чортъ побери, надо предупредить Лизавету Николаевну... Но какъ ее поймать!..» Иванъ Григорьевичъ рѣшился попытаться подстеречь ее и

переговорить съ нею въ графскомъ саду: онъ боялся, что подастъ поводъ къ толкамъ, если просто велитъ слугамъ графини вызвать къ себѣ Лизу, такъ какъ подобное необычайное свиданіе непремѣнно заставило бы графиню спросить у Лизы, зачѣмъ онъ вызывалъ ее... Главнымъ же образомъ заставило его дѣйствовать такъ желаніе сообщить Лизаветѣ Николаевнѣ свое извѣстіе между прочими разговорами, не придавая ему особеннаго значенія, чтобы не стать въ смѣшное положеніе, если Лизавета Николаевна знала и прежде о намѣреніяхъ графини и Задонскаго.

Дня черезъ два Ивану Григорьевичу удалось встрѣтиться съ Лизой въ привольскомъ саду. Передавъ ей нѣсколько извѣстій о ея домашнихъ, которыхъ онъ видѣлъ ежедневно, онъ замѣтилъ вскользь:

— А вы нагуляться здѣсь досыта хотите, покуда не опустѣютъ палаты.

— Отчего же имъ опустѣть?—удивилась Лиза.

— Да вѣдь графиня осенью уѣзжаетъ за границу, — отвѣтилъ Борисоглѣбскій, видя по лицу своей собесѣдницы, что она ничего не знаетъ объ этихъ предположеніяхъ.

— Можетъ-быть, это только слухи,—усомнилась Лиза.

— Нѣтъ, это дѣло рѣшеное, — утвердительнымъ тономъ отвѣтилъ Борисоглѣбскій.—Она, по словамъ Андреи Андреевича, въ сопровожденіи Михаила Александровича хочетъ проѣхать въ Ниццу и...

— Что это вы за слухи разносите! Я ничего не знаю, а вы знаете...

— Да мало ли чего вы не знаете, а я знаю,—шутливо замѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Этого не можетъ быть... Михаилъ Александровичъ не можетъ уѣхать...

— Не можетъ?—переспросилъ Борисоглѣбскій, пристально взглянувъ на Лизу.

— Да... то-есть... У него есть въ Петербургѣ обязательства, — смущеннымъ голосомъ произнесла молодая дѣвушка, замѣтивъ свою опрометчивость и стараясь поправиться.

— Все-то у нихъ долги, и все-то неоплатные! — усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Лиза промолчала.

Въ это время на аллеѣ показался Задонскій. Онъ удивился, увидавъ съ Лизой Борисоглѣбскаго, и сухо поклонился ему.

— Я вамъ не помѣшалъ?—спросилъ онъ Лизу.

— Напротивъ того, я рада, что встрѣтила васъ,—отвѣтила она.— Я, вотъ, хотѣла васъ поздравить съ вашею будущею поѣздкой за границу...

— Кто это вамъ сказалъ такую штуку?—засмѣялся Задонскій, стараясь подавить смущеніе.

Лиза указала на Борисоглѣбскаго.

— Вы, однако, больше меня самого знаете о моихъ планахъ. — насмѣшливо проговорилъ Михаилъ Александровичъ.

— Вашихъ плановъ я не знаю, а вотъ планы вашей тетушки случайно сдѣлались мнѣ извѣстными,—спокойно и холодно отвѣтилъ Борисоглѣбскій. — И я счелъ своею обязанностью сообщить ихъ Лизаветѣ Николаевнѣ... Неожиданности и сюрпризы иногда нездоровы...

— Ну, до меня планы моей тетки не касаются; къ тому же я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда люди подчиняются чужой волѣ,—презрительно замѣтилъ Задонскій.

— Лѣта-то тутъ ни при чемъ. Все зависитъ отъ того, кто намъ выражаетъ свою волю, — усмѣхнулся Борисоглѣбскій.

Задонскій строго и надменно посмотрѣлъ на него.

— Что̀ вы этимъ хотите сказать?—угрожающимъ тономъ промолвилъ онъ и, кажется, однимъ взглядомъ хотѣлъ уничтожить Борисоглѣбскаго.

— Да то, что бываютъ и такіе случаи: мы служить хотимъ, а начальнику нашъ носъ не нравится, ну, вотъ, онъ и посылаетъ насъ, не спрашивая о нашемъ желаніи, отдыхать отъ трудовъ служебныхъ... Бываютъ и другіе случаи, когда мы по чужой дудкѣ пляшемъ, да вы, Михаилъ Александровичъ, ихъ и сами подобрать можете.

Борисоглѣбскій говорилъ твердо и не спѣша. Его лицо не выражало ни гнѣва, ни раздраженія, но выглядѣло сухо и черство въ эту минуту. Въ его голосѣ не слышалось ни насмѣшливости, ни угрозы, но слова выговаривались до того отчетливо и рѣзко, что Задонскій не рѣшился отвѣтить достойнымъ образомъ на дерзость «поповича». Въ его головѣ почему-то промелькнула ни съ того, ни съ сего, мысль, что такіе люди,—обломы,—не имѣютъ привычки стрѣляться, а, въ крайнемъ случаѣ, просто бьютъ своихъ задорныхъ противниковъ.

Иванъ Григорьевичъ пожалъ руку Лизы и неторопливо завернулъ въ другую аллею.

Молодая дѣвушка въ недоумѣніи смотрѣла на Задонскаго. Онъ молчалъ, общипывая сорванную съ дерева вѣтку.

— Неужели въ этихъ слухахъ есть хоть доля правды? — спросила, наконецъ, Лизавета Николаевна.

— Ни малѣйшей!.. Тетка, можетъ-быть, и собирается за границу, но я-то не поѣду,—отвѣтилъ Задонскій.

— Она, однако, говорила тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ... Сперва были предположенія, но потомъ объ этомъ и забыли...

Лиза недовѣрчиво смотрѣла на Михаила Александровича.

— И кто это ему передалъ эти извѣстія? — спросилъ онъ.

— Андрей Андреевичъ...

— А-а! мститъ за дочерей! хочетъ этимъ путемъ разссорить насъ... Наивный человѣкъ! — засмѣялся Задонскій и сталъ острить насчетъ управляющаго.

Лиза задумчиво, безъ улыбки слушала остроты. Ей было не по себѣ. Въ душу начинало закрадываться сомнѣніе.

Прошло немного времени, но «дворцѣ» графини произошла новая, непріятная для Лизы исторія. У графини обѣдало нѣсколько человѣкъ гостей. Это былъ день именинъ графини. Бесѣда шла по обыкновенію монотонно, графиня говорила съ авторитетомъ и почти одна, гости почтительно соглашались и удивлялись. Лиза давно привыкла къ этимъ офиціальнымъ обѣдамъ и скучнымъ разговорамъ. А потому не обращала особеннаго вниманія на то, что̀ говорилось около нея. Вдругъ ея слухъ былъ пораженъ особенно возвысившимся голосомъ графини.

— А я вотъ все прихварываю, — говорила она, такимъ тономъ, какъ будто желала, чтобы всѣ слышали каждое ея слово.

Лиза взглянула на нее и удивилась, замѣтивъ, что глаза графини смотрятъ прямо на нее.

— За границу докторъ совѣтуетъ ѣхать на зиму,—продолжала графиня, не спуская глазъ съ Лизы.—Тяжело мнѣ разставаться съ Привольемъ и, еще, слава Богу, что я не одна поѣду, что Мишель ѣдетъ со мною...

Въ комнатѣ, среди всеобщей тишины, звонко прозвенѣла, какъ оборвавшійся колокольчикъ, упавшая на полъ серебряная вилка. Лакей подбѣжалъ и наклонился, чтобы поднять ее и подать Лизаветѣ Николаевнѣ. Графиня пристально, испытующимъ взглядомъ, смотрѣла на смущенную дѣвушку. Лиза сдѣлала надъ собой нечеловѣческое усиліе и улыбнулась.

— А я проиграла пари, — обратилась она, со смѣхомъ на посинѣвшихъ губахъ, къ сидѣвшему возлѣ нея Андрею Андреевичу: — я пророчила Михаилу Александровичу, что онъ съ ума сойдетъ отъ скуки въ нашемъ Привольѣ...

Управляющій какъ-то глупо осклабилъ зубы.

— Я первый разъ слышу отъ васъ, дитя, что въ Привольѣ вамъ кажется такъ скучно, — строго и серьезно замѣтила графиня.

— О, я думаю, вездѣ скучно безъ дѣла, а въ Привольѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, такъ какъ здѣсь всѣ, начиная съ васъ и кончая послѣднимъ мужикомъ, заняты работой, — бойко проговорила Лиза, едва переводя дыханіе. — А Михаилъ Александровичъ такъ молодъ, что ему должно быть не только скучно, но даже стыдно сидѣть безъ дѣла...

Графиня была совсѣмъ сбита съ толку. Она заговорила о поѣздкѣ за границу именно только для того, чтобы узнать, какъ приметъ эту новость Лиза. Оброненная вилка въ одну минуту объяснила графинѣ все. Но смѣхъ Лизы, тотчасъ же бойко заглушившій жалобный звукъ скатившагося на полъ серебра, но ироническія фразы Лизы насчетъ Задонскаго, фразы, напоминавшія постоянныя насмѣшки этой вострушки надъ Михаиломъ Александровичемъ, снова заставили графиню подумать, что между молодыми людьми нѣтъ ничего серьезнаго, что если Баскакова и увлеклась молодымъ человѣкомъ, то очень не сильно, что, наконецъ, вилка могла упасть чисто случайно, и ея паденіе не имѣло никакого значенія, что легкая блѣдность Лизы могла быть просто слѣдствіемъ смущенія отъ неловкости. Лиза, между тѣмъ, какъ будто желая окончательно сбить съ толку графиню или стремясь подавить невольно роившіяся въ головѣ мысли, продолжала насильно смѣяться и подшучивать насчетъ Михаила Александровича. Графинѣ начинало казаться, что Лиза радуется отъѣзду Михаила Александровича; ей думалось, что нравственной дѣвушкѣ надоѣли его неотвязчивыя ухаживанья и любезности. Лиза, между тѣмъ, чувствовала, что если обѣдъ продлится еще долго, то ея смѣхъ кончится не хорошо. У нея никогда въ жизни не бывало истерики; теперь она чувствовала возможность подобнаго припадка... Къ ея счастію, обѣдъ пришелъ къ концу... Всѣ встали изъ-за стола... Графиня подошла къ Лизѣ и нѣжно поцѣловала ее въ лобъ...

— Но обо мнѣ, дитя, вы, вѣрно вспомните безъ смѣха?— ласково промолвила старуха и поспѣшила прибавить: — Ну,

полноте, полноте, дитя! Зачѣмъ же плакать? Будемъ живы— увидимся!

Лиза быстро поцѣловала руку графини и, подавляя рыданія, вышла изъ комнаты.

Графиня стояла съ задумчиво-опущенной на грудь головой.

— Да, я всегда знала, что она любитъ меня. И я сама привыкла къ ней, какъ къ дочери,—тихо проговорила она и провела рукой около глазъ... Богъ знаетъ, хотѣла ли она этимъ движеніемъ отстранить отъ глазъ какую-нибудь созданную воображеніемъ непріятную картину, или желала предупредить во-время слезы, еще не скатившіяся съ рѣсницъ на ея худыя щеки...

Она, по обыкновенію, ушла въ свой кабинетъ; гости группами разбрелись по комнатамъ. Управляющій выждалъ удобную минуту, когда лакеи ушли за чѣмъ-то изъ столовой, и подошелъ къ столу, на которомъ отобралъ четыре ломтика бѣлаго хлѣба. — Это моимъ цыпочкамъ,—проговорилъ онъ самъ себѣ. — Пусть и птицы небесныя знаютъ, что у насъ сегодня праздникъ!

Онъ по чистотѣ своего сердца очень любилъ собственноручно кормить куръ и цыплятъ, и въ такія минуты его кругленькая добродушная фигурка выглядѣла поистинѣ умилительно. Отойдя къ окну, онъ вытащилъ изъ кармана бумажку—бумажками были всегда полны его карманы— осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и, удостовѣрившись, что бумага не нужна, не дѣловая, сталъ завертывать въ нее хлѣбъ, стоя спиной къ комнатѣ. Совершивъ эту операцію, спрятавъ завернутый хлѣбъ въ карманъ, онъ медленно заходилъ одинъ по столовой и, прочищая перомъ зубы, предался тѣмъ глубокомысленнымъ и благодушнымъ размышленіямъ, на какія бываютъ способны только жирные, ощущающіе полное спокойствіе совѣсти люди послѣ изобильнаго и хорошаго обѣда.

«Это просто чортъ, а не дѣвка, — разсуждалъ онъ съ самимъ собою. — И что бы вышло изъ нея, если бы она въ хорошія руки попала, женой степеннаго, да умнаго человѣка сдѣлалась? Вѣдь золото, просто золото!.. У самой кошки на сердцѣ скребутъ — а она смѣется... А наша-то сѣтельная таращитъ на нее глаза и ничего не видитъ... Да, ей бы умнаго, дѣлового мужа надо,—далеко бы ушла!.. Ей не нарядовъ, не обниманій нужно; ей ломовую работу подавай, ей командовать въ домѣ нужно; ей за себя по-

стоять дорогу открой, и ужъ слезъ да вздоховъ отъ нея не услышишь... Нѣтъ, мои не то!.. Мои не въ меня,—въ мать пошли... Съ покойницей не умѣлъ возиться, ну и съ ними не умѣю сладить... И ласкаешь, и цѣлуешь ихъ, да нѣтъ, это все не то! Упустишь ихъ въ шутку покрѣпче, такъ онѣ ужъ и въ слезы!.. Вотъ мнѣ бы жену такую, чтобы на нее какъ на себя положиться могъ... Нажили бы мы деньгу!.. А вѣдь эта пошла бы!.. Ей-Богу пошла бы теперь... А?»

Управляющій остановился у камина и самодовольно взглянулъ въ зеркало на свое заплывшее жиромъ, животное лицо съ маленькими маслянистыми глазками.

«Не казистъ, — добродушно усмѣхнулся онъ надъ собою:—а пошла бы, и за такого пошла бы, потому что ей, во-первыхъ, лица и не надо, а во-вторыхъ, всеравно, она теперь чорту баранъ будетъ».

Онъ потянулся, зѣвнулъ и придвинулъ кресло къ камину, чтобы положить на его холодную рѣшетку свои коротенькія, топорно обтёсанныя ножки. Его сальная фигура выглядѣла въ эту минуту крайне добродушно и невинно... Онъ никогда не думалъ жениться на Лизѣ, никогда не женился бы на ней, но помечтать объ этомъ было пріятно. Иногда Андрей Андреевичъ послѣ обѣда мечталъ даже о томъ, что было бы, если бы онъ былъ княжескаго происхожденія, или если бы онъ былъ «военнымъ фельдмаршаломъ»? Послѣ такихъ мечтаній ему обыкновенно удавалось хорошо вздремнуть и увидать сладкіе сны.

Михаилъ Александровичъ въ это время ходилъ въ тревогѣ по комнатамъ и все посматривалъ на двери, ожидая, не появится ли въ нихъ Лиза. Онъ начиналъ бояться, что она, съ обычною своею рѣзкостью, уѣдетъ изъ дома графини, и этимъ докажетъ основательность всѣхъ подозрѣній и толковъ на ея счетъ. Онъ еще никакъ не могъ понять, что эта деревенская простушка сумѣетъ, гдѣ надо, выдержать до конца свою роль, какъ бы трудно ни было это для нея. Черезъ полчаса онъ ушелъ въ садъ, желая освѣжиться и, можетъ-быть, тамъ встрѣтить Лизу. Онъ не ошибся въ послѣднемъ. Въ одной изъ аллей онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, задумчиво ходившую по саду. Онъ окликнулъ ее. Она почти съ изумленіемъ посмотрѣла на него, какъ будто для нея былъ совершенно непонятенъ его приходъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Чтобы люди продолжали толковать о нашихъ свиданіяхъ?—строго и серьезно спро-

сила она, совершенно исполнено говоря ему *вы*, какъ будто теперь ей стало невозможно говорить ему попрежнему *ты*.

— Что это, Лиза, ты вдругъ стала бояться людскихъ толковъ?—спросилъ онъ, не зная съ чего начать разговоръ.

— Не боюсь, но не хочу, чтобы кто-нибудь сказалъ, что я и *теперь* бѣгу на свиданія съ вами, когда я знаю, что вы бросаете меня и ѣдете за границу... Тутъ и передъ собой увлеченіемъ не оправдаешься.

Въ голосѣ молодой дѣвушки была какая-то сухость и рѣзкость, точно у нея что-то оборвалось въ груди.

— Перестань, пожалуйста! — сталъ успокоивать ее Задонскій.—Вѣдь это все предположенія! Я и не думаю ѣхать...

— Однако, вы не опровергали словъ графини...

— Ну, да, я еще не успѣлъ окончательно отказаться отъ ея предложенія... Мы еще не говорили съ ней серьезно объ этомъ предметѣ...

— Ну, вотъ когда переговорите серьезно, тогда и приходите ко мнѣ, тогда и говорите со мною, — перебила его Лиза.—А теперь я прошу васъ идти прочь... Мнѣ нужнѣе, чѣмъ вамъ, освѣжиться, и потому я не хотѣла бы уйти изъ сада... Хоть эту-то услугу вы можете мнѣ оказать и оставить меня въ покоѣ...

Михаилъ Александровичъ молча смотрѣлъ на Лизу и не зналъ, что̀ ему дѣлать: она выглядѣла такой неприступною и серьезною, что продолжать объясненія было трудно. Онъ пожалъ плечами и пошелъ прочь. Черезъ минуту онъ снова услыхалъ ея голосъ и остановился.

— Только, пожалуйста, вы не пытайтесь утѣшать меня ложными обѣщаніями,—проговорила она, подходя къ нему.— Мнѣ теперь ничего не надо, кромѣ правды. Я хочу знать, что̀ меня ждетъ впереди, чтобы приготовиться къ новой роли, обдумать все... Я теперь не особенно обрадуюсь, если вы останетесь здѣсь, не особенно опечалюсь, если вы уѣдете, но и то и другое я хочу знать навѣрное...

Лиза отвернулась и удалилась отъ Задонскаго. Она подошла машинально къ *Эрмитажу*, зашла въ него и сѣла въ одной изъ комнатъ этой бесѣдки отдохнуть. Довольно долго просидѣла она, не замѣчая даже, гдѣ она сидитъ; ея лицо выглядѣло скорбно и мучительно; по временамъ она молча стискивала свои руки, словно желая физическою болью заглушить нравственную пытку. Наконецъ, она безсознательно приняла опущенную на грудь голову, и передъ нею мелькнуло въ зеркалахъ нѣсколько блѣдныхъ отраженій ея бо-

лѣзненно выглядѣвшаго лица. Она съ нѣмымъ ужасомъ такъ же безсознательно стала осматривать комнату: вездѣ ея глаза встрѣчали одно и то же измученное выраженіе ея лица. По ея тѣлу пробѣжала дрожь, какъ будто сама судьба хотѣла показать ей, до чего она довела себя, или какъ будто передъ ея глазами пронеслись внезапно всѣ блѣдныя, загубленныя здѣсь въ былые годы жертвы. Она быстро встала и пошла вонъ. «И онѣ были молоды, и ихъ погубили такіе же люди», — подумала она и сурово нахмурила брови.

«Нѣтъ, меня не удастся погубить, нѣтъ, я не такъ легко отдамъ имъ свою жизнь!» — окончила она свои думы, и какъ-то твердо, какъ-то гордо вошла во «дворецъ»...

Пробывъ здѣсь еще два дня, чтобы не подать повода къ новымъ подозрѣніямъ, она уѣхала домой, давъ слово графинѣ возвратиться въ Приволье въ непродолжительномъ времени и мысленно рѣшившись переступать порогъ этого роскошнаго дома только въ случаѣ крайней необходимости.

VI.

Лизавета Николаевна возвратилась домой. Въ ея лицѣ была напряженная сосредоточенность, она словно окаменѣла. Брань матери, крики и продѣлки дѣтей, постоянныя непріятности съ прислугой, все то, что̀ еще такъ недавно возмущало ее до глубины души въ домашнемъ омутѣ, теперь, повидимому, стало для нея совершенно безразлично. Она, какъ будто, ничего не видѣла, ничего не слышала. На всѣ вопросы она отвѣчала не то, что слѣдовало, а иногда просто и ничего не отвѣчала. Въ ея головѣ бродили сотни мыслей, смутныхъ, безотчетныхъ и гнетущихъ умъ. Недавнее прошлое казалось ей тяжелымъ бредомъ, ея любовь казалась ей сумасшествіемъ, оньянѣніемъ, чѣмъ угодно, но только не любовью. Она только теперь начинала сознавать, что Михаилъ Александровичъ и не думалъ искать въ ней своего спасенья, но просто поигралъ съ нею, можетъ-быть, былъ готовъ продолжать начатую игру, можетъ-быть, готовъ былъ съ согласія тетки жениться на ней, но она-то, Лизавета Николаевна, глядѣла теперь на этотъ бракъ, какъ на одно изъ самыхъ тяжелыхъ золъ, которыя ей суждено встрѣтить въ будущемъ. Роль жены-куклы, роль жены, потерявшей право на уваженіе мужа, была не по ней. Тысячи горькихъ и злобныхъ упрековъ себѣ высказывала молодая дѣвушка, и у нея хватало силы прямо сказать себѣ,

что всѣ будущія непріятности и страданія вполнѣ заслужены ею. Она ставила теперь себя ниже всѣхъ окружающихъ ее личностей. Но, снявши голову, по волосамъ не тужать, она знала это, и ей хотѣлось сразу отрезвиться отъ прошлаго, какъ бы отрѣзать его отъ себя, чтобы думать только о будущемъ, подготовиться только къ этому будущему. Какъ это бываетъ съ сильными натурами, она бодро перенесла первую минуту горя, но когда эта минута прошла, горе почувствовалось сильнѣе, и явилась совершенно неожиданная слабость въ душѣ. Подчасъ, не умѣя справиться со своими мыслями, Лизавета Николаевна была готова хоть руки на себя наложить. Ей было бы тяжело говорить даже съ самымъ близкимъ человѣкомъ о своихъ дѣлахъ, и потому она старалась въ первое время избѣгать встрѣчъ съ Иваномъ Григорьевичемъ. Онъ сразу понялъ, что въ этомъ стремленьи его пріятельницы скрыться отъ него было что-то недоброе, что-то зловѣщее, прямо говорившее о какой-то бѣдѣ. Такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, Лизавета Николаевна достаточно овладѣла собой и рѣшилась встрѣтиться съ Борисоглѣбскимъ. Она старалась при первой встрѣчѣ съ нимъ казаться веселою и спокойною, но ея веселость звучала фальшивыми нотами, а спокойствіе черезъ каждыя пять минутъ нарушалось строптивыми и нетерпѣливыми выходками. Борисоглѣбскій попробовалъ вызвать ее на откровенность; но это не удалось. Онъ покачалъ головой.

— Что съ вами? Вы совсѣмъ на себя не похожи, — замѣтилъ онъ. — То слишкомъ разсѣянны и грустны, то не въ мѣру веселы...

— Скучно, такъ и скучаю, весело, такъ и веселюсь, — отвѣчала Лизавета Николаевна.—День на день не придется.

— Такъ-то оно такъ, только прежде у васъ всякій день на день приходился. Когда ни придешь къ вамъ, всегда вы распѣваете, всегда вашъ смѣхъ слышится...

— Ребячество было!

— А теперь вдругъ выросли и состарились?

— Ну да, вдругъ выросла и состарилась,—раздражилась Лиза на этотъ вопросъ.

— Да вы не сердитесь! — мягко и ласково замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ.—Вы знаете, что я васъ ребенкомъ на рукахъ нянчивалъ, такъ не могу я не интересоваться вами. Не идете ли вы по опасному пути?

Баскакова отвернулась, избѣгая зоркихъ глазъ Борисо-

глѣбскаго, и стала обрывать листы на сорванномъ цвѣткѣ. Они шли по саду.

— Знаете ли, что про васъ управительскія барышни толкуютъ, — началъ онъ, продолжая пристально и настойчиво смотрѣть на Лизу и желая добиться объясненія.

Она вся вспыхнула и сдвинула брови.

— Что мнѣ за дѣло, что про меня говорятъ?—сердито произнесла она. — Говорить не запретишь людямъ. Пусть выдумываютъ, что имъ угодно. А если и правду говорятъ, такъ я ничего не боюсь!

— Да, сплетенъ и не слѣдуетъ бояться,—серьезно замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ.—Нужно бояться только послѣдствій тѣхъ поступковъ, которые вызвали сплетни.

Баскакова сдѣлала нетерпѣливое движеніе и, кажется, хотѣла прекратить разговоръ. Но Борисоглѣбскій и не думалъ о прекращеніи бесѣды.

— Для серьезныхъ цѣлей можно жертвовать своей репутаціей и не стараться устранить всѣ поводы къ пересудамъ,—говорилъ онъ.—Но дѣлаться жертвой людскихъ толковъ ради какого-нибудь петербургскаго шалопая, развращеннаго до мозга костей барича, нахватавшагося разныхъ фразъ неуча,—это, право, нелѣпо. Тутъ надо вывести людей изъ заблужденія.

— Какое право вы имѣете чернить человѣка, котораго вы не знаете и который, можетъ-быть, дорогъ мнѣ?—стробитиво замѣтила Баскакова, не желая показать Борисоглѣбскому, что уже поняла свою ошибку и страшно платится за это.— И кто далъ вамъ, вообще, право вмѣшиваться въ мои дѣла?

— Недаромъ я сказалъ, что вы перемѣнились,—дружески промолвилъ Иванъ Григорьевичъ.—Прежде, бывало, всякую мелочь изъ своей жизни спѣшите мнѣ передать, сердитесь, если и я не разскажу во всѣхъ подробностяхъ, что я дѣлалъ, что со мной случилось. А теперь говорите, что я вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, когда я хочу узнать, что сдѣлалось съ вами. Вѣдь другихъ повѣренныхъ у васъ и прежде не было, а теперь-то не найдется и подавно. Ну, да бросимъ этотъ разговоръ, если онъ вамъ непріятенъ...

— Не сердитесь, другъ мой! ласково промолвила Лиза.— Я раздражаюсь теперь изъ-за пустяковъ. Это пройдетъ. Мнѣ иногда и самой становится и досадно, и смѣшно... А знаете ли что? Вѣдь я думаю на зиму въ Петербургъ уѣхать... Я вамъ когда-нибудь все подробно разскажу, когда буду по-

спокойнѣе... Тогда и зимой будемъ видѣться. Я буду учиться и работать буду въ Петербургѣ. Жаль мнѣ только, что ребятишки наши безъ меня не будутъ учиться. Ну, да авось я буду въ состояніи послѣ и для нихъ что-нибудь сдѣлать. У меня есть уже на это разные планы. Обдумать надо все хорошенько...

— Что-жъ, дай Богъ, дай Богъ, чтобы все хорошо уладилось!—замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ, не понимая еще, хочетъ ли Лизавета Николаевна одна ѣхать въ столицу, или ѣдетъ по чьему-нибудь приглашенію.

Онъ зналъ, что въ Петербургѣ у нея есть богатая тетка—вдова.

— Да вы, кажется, сомнѣваетесь въ успѣхѣ моихъ плановъ?—спросила Лиза.

— Я ничего не знаю,—въ чемъ же мнѣ сомнѣваться? Можетъ-быть, дѣло и хорошее, можетъ-быть, и я ему порадуюсь, когда узнаю все вполнѣ. Ну, а покуда извѣстны мнѣ только неказистыя сплетни, да личность, которой я не довѣряю,—вотъ и все. Во всякомъ случаѣ помните только пословицу: десять разъ примѣрь, да одинъ разъ отрѣжь, не забывайте и того, что одинъ умъ — хорошо, а два — лучше.

Баскакова закусила губу и промолчала. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій еще и не подозрѣваетъ, какъ далеко она зашла въ своемъ увлеченіи. Ей даже на минуту хотѣлось объяснить все своему пріятелю, чтобы разомъ покончить всѣ толки и выспрашиванья съ его стороны. Но не то стыдливость женщины, не то настойчивость твердаго характера, желавшаго все сдѣлать безъ чужой помощи, заставили Лизавету Николаевну не посвящать Борисоглѣбскаго во всю суть дѣла. Иванъ Григорьевичъ еще разъ далъ совѣтъ Баскаковой беречь себя и распрощался съ нею въ довольно грустномъ настроеніи духа.

Несмотря на выносливые нервы, на привычку спокойно терпѣть всякія невзгоды, на отсутствіе разныхъ блестящихъ плановъ будущей жизни, онъ теперь тоскливо смотрѣлъ на совершавшійся передъ его глазами фактъ. Ему порою казалось, что предотвратить гибель молодой дѣвушки уже не въ его власти, иногда же онъ думалъ: «Да какое право я имѣю утверждать, что она гибнетъ; можетъ-быть, этотъ человѣкъ еще не успѣлъ окончательно испортиться.. и она сумѣетъ поднять его; она не дюжинная натура!» Но, во всякомъ случаѣ, ясно для Борисоглѣбскаго было только одно,

что эта дѣвушка въ обоихъ случаяхъ погибнетъ для него. Но что она ему? Ни разу не задавалъ онъ себѣ этого вопроса прежде. И зачѣмъ было задавать? Они росли вмѣстѣ; привыкли другъ къ другу; были дружны, какъ братъ и сестра; ни особенныхъ порывовъ, ни особенныхъ охлажденій не было между ними въ теченіе всей жизни; ихъ заботы другъ о другѣ, ихъ бесѣды, все было такъ ровно, буднично, что не для чего было анализировать своихъ взаимныхъ отношеній. Привыкли другъ къ другу, ну, и продолжаютъ знакомство. Привычка къ существовавшему теченію ихъ жизни была такъ сильна, что имъ даже не приходило въ голову вопросовъ о томъ, что въ будущемъ все это можетъ измѣниться, что молодые люди не могутъ оставаться до безконечности въ такихъ отношеніяхъ, что Лизавета Николаевна можетъ выйти замужъ, что для ея мужа можетъ показаться странною и подозрительною эта дружба жены съ молодымъ человѣкомъ, а въ Иванѣ Григорьевичѣ можетъ пробудиться зависть къ этому человѣку, ставшему гораздо ближе къ его старой пріятельницѣ, чѣмъ стоитъ онъ. Теперь Иванъ Григорьевичъ видѣлъ, особенно изъ послѣднихъ теплыхъ словъ Лизы, что ихъ отношенія продолжаютъ, повидимому, оставаться неизмѣнными, но ему вдругъ стало тяжело, какъ будто они перестали удовлетворять его, какъ будто онъ кого-то хотѣлъ отодвинуть съ дороги, чтобы ближе подойти къ Баскаковой.

«Экая подлая натура-то у человѣка, — разсуждалъ онъ со своей обычной ироніей.—Сколько лѣтъ жилъ около молодой дѣвушки и никогда не подумалъ спросить себя: а какого рода чувства, братецъ, питаешь ты къ ней? А вотъ какъ полюбила она другого, когда она, можетъ-быть, вполнѣ счастлива будетъ, когда, можетъ-быть, и ты можешь оставаться на старомъ положеніи, — такъ и оказывается, что старыхъ-то отношеній мало, что завидно становится чужое счастье, что просто-на-просто ты любилъ ее. Когда кусокъ хлѣба у человѣка передъ носомъ былъ, такъ онъ и не думалъ о голодѣ, а взяли этотъ кусокъ хлѣба другіе, такъ вдругъ и оказывается, что и голоденъ-то человѣкъ, что и прожить-то не можетъ онъ безъ этого куска... Да глупости! можно прожить. Не поколѣю съ голоду, ну, потерплю, поскучаю, а тамъ другихъ встрѣчу, съ которыми характеромъ сойдусь,—не клиномъ же свѣтъ сошелся!»

Эти разсужденія, однако, нисколько не успокоивали Борисоглѣбскаго, хотя онъ, вслѣдствіе рѣшимости перетерпѣть

горе, сталъ усиленнѣе заниматься, больше охотиться, чаще просиживать въ бесѣдахъ съ привольскими мужиками.

— Разсѣянья ищу, какъ скучающая барыня,—подтрунивалъ онъ надъ собой, съ обычною добродушною насмѣшливостью, а у самого кошки на сердцѣ скребли..

Лизавета Николаевна продолжала бороться съ собою и казаться твердою. Она изрѣдка посѣщала на день, на два привольскій дворецъ; иногда на полчаса заѣзжалъ въ Бабиновку Михаилъ Александровичъ; но и въ Привольѣ, и въ Бабиновкѣ Лизавета Николаевна избѣгала встрѣчъ съ Задонскимъ наединѣ. Однажды ей не удалось избѣжать подобнаго свиданія, и Михаилъ Александровичъ сталъ просить у нея прощенія, сталъ бичевать себя.

— Я чувствую, что я виноватъ, что я долженъ былъ обдѣлать все и подготовить тетку къ нашей свадьбѣ заранѣе,—говорилъ онъ.—А теперь ты вполнѣ права, сомнѣваясь во мнѣ. Я, дѣйствительно, поступилъ подло.

— Значитъ, вы окончательно рѣшились бросить меня и уѣхать за границу?—холодно спросила Лиза, подавляя свое волненіе.

— Помилуй, я и не думалъ этого!—воскликнулъ Задонскій.—Напротивъ того, я твёрдо рѣшился поставить на своемъ...

— Такъ зачѣмъ же и называть себя подлецомъ?—еще холоднѣе замѣтила Баскакова. Она все менѣе и менѣе вѣрила ему.

— Да, но, не подготовивъ ничего заранѣе, я заставилъ тебя сомнѣваться во мнѣ и страдать...

— Вы знаете, что мои сомнѣнія въ васъ вызвало не то, что вы не подготовили графиню къ нашей свадьбѣ, а то, что вы скрыли свое намѣреніе уѣхать отъ меня за границу.

— Да у меня и не было этого намѣренія! Правда, я не далъ тогда положительнаго отвѣта теткѣ, но мнѣ помѣшала сдѣлать это моя трусость передъ грозящею намъ нищетою. Я и прежде говорилъ тебѣ, что у меня много ошибокъ, много пороковъ. Моя трусость передъ бѣдностью — одинъ изъ этихъ пороковъ,—каялся Задонскій.—Но ты можешь спасти меня отъ него, можешь ободрить меня своимъ вліяніемъ. Я стану...

— Постойте, постойте!—прервала его Лизавета Николаевна.—Вы говорите нелѣпыя вещи. Ваши ошибки, ваши пороки я бы могла переносить и, можетъ-быть, исправлять.

Но какъ это стану я исправлять васъ, вліять на васъ, когда вы сами бѣжите отъ своего спасенія? Такое бѣгство, кажется, ясно показываетъ, что вамъ совсѣмъ не нужна была моя помощь.

— Помилуй, да я не хотѣлъ уѣзжать! я не уѣду, рѣшительно не уѣду!— горячо проговорилъ Задонскій.

— Вы уже сказали объ этомъ графинѣ? — пристально взглянула на него Лиза.

Онъ смутился и понялъ, что лгать передъ нею невозможно, что у этой дѣвушки хватитъ смѣлости прямо спросить графиню о планахъ ея племянника и вывести его, такимъ образомъ, на чистую воду.

— Нѣтъ, я еще не говорилъ объ этомъ съ теткой,— угрюмо произнесъ онъ.

— Ну, такъ и со мной не стоило говорить, — окончила Лизавета Николаевна разговоръ.

Съ этого дня она рѣшилась не ѣздить въ Приволье. Ей казалось, что лучше вызвать новыя сплетни, чѣмъ мучить себя и видѣть постоянно передъ собой этого человѣка, которому она уже не вѣрила ни въ чемъ. Насколько полно и безгранично вѣрилось ей прежде во все, что онъ говорилъ, настолько полно и безгранично сомнѣвалась она теперь даже и въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ искренно. Каждое его слово казалось ей наглою ложью. Она уже ясно сознавала, что связь между ними оборвана навсегда, что если бы даже онъ предложилъ ей теперь выйти за него замужъ, то она, вѣроятно, отказалась бы отъ предложенія, не надѣясь на возможность исправить это изолгавшееся существо...

Графиня продолжала попрежнему присылать за Лизой экипажъ, но постоянно получала отвѣтъ, что «барышня не такъ здорова». Это была, и въ самомъ дѣлѣ, правда. У Лизы хватило нравственныхъ силъ для борьбы, но физическія силы начинали измѣнять ей. Иванъ Григорьевичъ уже нѣсколько разъ совѣтовалъ ей полѣчиться, но она съ непонятною для него боязнью отклоняла этотъ совѣтъ и увѣряла своего пріятеля, что она здорова. Черезъ силу уходила она, опираясь на его руку, въ поле, иногда просиживала съ нимъ въ саду и на берегу Желтухи по цѣлымъ часамъ и съ любопытствомъ разспрашивала про Петербургъ, про тѣхъ дѣвушекъ, которымъ приходится тамъ жить трудомъ. Иванъ Григорьевичъ не старался окрасить передъ нею въ розовый цвѣтъ столичную жизнь; онъ прямо гово-

рить, что тамъ не всегда есть работа, и что оплачивается она, въ большинствѣ случаевъ, скверно; но, въ то же время, онъ замѣчалъ, что въ деревнѣ или въ какомъ-нибудь Никитчевѣ и совсѣмъ не найдешь работы и даже гроша на хлѣбъ не добудешь; онъ говорилъ, что многія изъ дѣвушекъ, живущихъ трудомъ, полны тѣхъ же старыхъ, унаслѣдованныхъ отъ праздныхъ отцовъ пороковъ и ошибокъ; что не всѣ изъ нихъ понимаютъ необходимость сплотиться въ тѣсный и твердый кругъ; что многія изъ нихъ расходятся и враждуютъ между собою ради мелочного самолюбія, ради мелочныхъ различій во взглядѣ, ради желанія царить въ своемъ кружкѣ за свой умъ и дѣятельность, какъ царили въ обществѣ ихъ матери за свою красоту и наряды, что эти личности или вредятъ своимъ ближнимъ, своему общему дѣлу, или гибнутъ сами, такъ какъ одного человѣка всегда сломить можно нуждою, да и мало ли чѣмъ другимъ, и силенъ онъ бываетъ только въ союзѣ съ другими; но, въ то же время, Борисоглѣбскій замѣчалъ, что всѣ эти ошибки являются только остатками, наслѣдствомъ старой жизни или слѣдствіями ограниченности сферы для работы, ограниченности, заставляющей бороться за свое мѣсто, бороться за каждую работу и глядѣть враждебно на новыхъ конкурентовъ; тутъ неотразимые экономическіе законы повторяются. Но, по словамъ Борисоглѣбскаго, школа труда — хорошая школа, и особенно теперь, когда работникамъ давно разъяснено наукой, что они должны дѣлать для достиженія какихъ-нибудь благотворныхъ результатовъ. Отъ его рѣчей вѣяло какимъ-то ободряющимъ спокойствіемъ. Даже его юмористическія замѣчанія о нѣкоторыхъ личностяхъ звучали такъ добродушно, что видно было, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и добрѣйшихъ пріятелей для тѣхъ личностей, надъ которыми подтрунивалъ, какъ подтрунивалъ и надъ самимъ собою. Даже къ самой нуждѣ онъ относился съ такимъ хладнокровіемъ, что она казалась не такъ страшна.

— Ну, ужъ, разумѣется, широко на наши деньги нельзя жить, да, вѣдь, многимъ и еще хуже живется, — говорилъ онъ. — И то сказать: люби кататься, люби и саночки возить. Или за честностью гонись, или за богатствомъ; или стремись хоть голякомъ быть, да свободнымъ, или гонись въ три погибели, только бы ближнихъ грязью своего экипажа обдавить. Новичкамъ особенно трудно подладиться къ нашей жизни. Все старыя барскія замашки имъ мѣшаютъ: и къ работѣ-то они не привыкли, дѣлаютъ ее кое-какъ, по-ста-

ринному: тянъ-лянъ — и вышелъ корабль, а глядишь, и остаются безъ дѣла; и жить-то имъ сразу въ отдѣльной комнатѣ хочется; и платье-то покупаютъ они себѣ и не прочное, и не тамъ, гдѣ дешевле оно продается; и полакомиться имъ хочется, когда лишній грошъ заведется, и нужно бы необходимое купить; и въ театръ ихъ манитъ, да не въ раекъ, а куда-нибудь пониже. Въ принципѣ всякую роскошь, всякое излишество отрицаютъ, ну, а на дѣлѣ все еще нѣтъ-нѣтъ, да и прорвутся на старую дорожку. И больше всего хваленая непрактичность мѣшаетъ. Ею иные даже хвастаютъ, какъ чѣмъ-то очень доблестнымъ. Оно, разумѣется, въ теоріи-то это хвастовство объяснить можно; прежде практики и подлецы были одно и то же, вотъ мы и отрицаемъ и подлость, и практичность, огуломъ, смѣшавъ два различныя понятія. Я самъ въ первое время своимъ неумѣньемъ жить хвалился, да потомъ понялъ, что это мнѣ накладно, и барышъ только тѣмъ приноситъ, кому я больше всего повредить хотѣлъ бы. Вѣдь просто глупо хотѣть шапками закидать, да ослиной челюстью побить тѣхъ, кто давно идетъ на тебя съ ружьями Шасно! Вѣдь нужно въ чудеса вѣрить, чтобы думать, что ружья Шасно не устоятъ передъ шапками и ослиными челюстями... Скажите, что солдаты идутъ на врага съ надеждой закидать его шапками — всѣ захохочутъ; а скажите, что непрактичный человѣкъ идетъ воевать при помощи своей непрактичности противъ практиковъ — всѣ закричатъ: значитъ онъ честный. Хороша честность! Это честность цыпленка, подставляющаго голову подъ ножъ повара, какъ говоритъ Писаревъ. Равное орудіе — первое условіе въ борьбѣ... Ну, да авось, нужда научитъ калачи ѣсть...

Смѣясь, шутливымъ тономъ разсказывалъ Иванъ Григорьевичъ и о мелкихъ удовольствіяхъ своей бѣдной грудовой жизни, о товариществѣ, о книгахъ, о посѣщеніяхъ въ компаніи театровъ...

— Сидишь это въ райкѣ, куда только праведники забираются, и свищешь за свой четвертакъ, потому что четвертакъ-то у тебя кровный, родной, и не хочешь ты, чтобы онъ даромъ пошелъ, за безобразное ломанье какого-нибудь шута,—разсказывалъ онъ, вызывая улыбку на лицо Лизы.

Она все болѣе и болѣе увлекалась этими разсказами, все бодрѣе смотрѣла на будущее. О Задонскомъ молодые люди уже не упоминали вовсе; кажется, онъ пересталъ существо-

вать для Лизы, по крайней мѣрѣ, она старалась вычеркнуть изъ своей памяти имя этого человѣка.

Дарья Власьевна, видя, что дочь не ѣдетъ въ Приволье, начала не на шутку волноваться. Однажды она рѣшилась на объясненіе съ дочерью.

— Да когда же это, матушка, наконецъ, дозовется тебя графиня? Долго ли ей еще пережидать твои капризы,—говорила мать.

— Когда захочется, тогда и поѣду,—отвѣтила дочь.

— Ты это съ Михаиломъ Александровичемъ вѣрно въ контрахъ? Такъ я тебѣ вотъ что, дѣвка, скажу: куй желѣзо, пока горячо. Послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь!.. Ты думаешь, что ты ему очень дорога, что онъ другихъ невѣстъ не найдетъ?.. Успокойся, матушка, успокойся! Каждая къ нему на шею повѣсится...

— Я буду очень рада...

— Чему это? Да ты съ ума сошла, что ли?—всплеснула мать руками. — Да кого же тебѣ надо, если ты такого жениха упускаешь? Да на что ты надѣешься? Ни за тобой, ни передъ тобой ничего нѣтъ, какъ есть ничего! Лицомъ тоже не Богъ знаетъ какая красота, одному дураку понравилась,—а иной и смотрѣть не захочетъ.

— Пусть не смотритъ, я и не прошу!..

— Ну, да я-то прошу, мнѣ-то ты солона досталась, вотъ гдѣ ты сидишь у меня! — показала Дарья Власьевна на свою шею.

— Я и безъ замужества могу васъ избавить отъ своего присутствія,—сдержанно отвѣтила Лиза.—Я могу къ теткѣ въ Петербургъ уѣхать...

— И уѣзжай, и уѣзжай! Плакать не будутъ!—раскричалась мать, размахивая руками. — Ты это кому же угрозить хочешь — мнѣ или Михаилу Александровичу? Не больно-то испугаемся, мнѣ вы и безъ того надоѣли, а Михаилъ-то Александровичъ, видя твою дурь, вонъ и теперь все у Миронихи на постояломъ дворѣ пребываетъ... Не очень-то они тужатъ о вашей сестрѣ...

Лиза плотно прислонилась къ стѣнѣ.

— Вѣдь надъ тобой же люди будутъ смѣяться! Прежде сама къ нему лѣзла, на шею вѣшалась!..

— Никогда и ни къ кому я не вѣшалась на шею, — глухо, какъ бы сквозь сонъ, прошептала дочь.

— Не вѣшалась, не вѣшалась! А все же люди-то видѣли, что вы все вмѣстѣ, да вмѣстѣ, теперь и станутъ говорить,

что ты къ нему лѣзла, а онъ отъ тебя къ Миронихѣ бѣгалъ. Онъ вонъ, какъ пріѣхалъ, да свелъ съ ней знакомство, такъ и по сю пору знакомы...

Лиза какъ-то разслабленно поднялась съ мѣста и пошла къ двери, придерживаясь за стѣну. У нея въ глазахъ было мутно: она теперь видѣла, что Задонскій лгалъ ей съ первой минуты до послѣдней, лгалъ во всемъ и вездѣ. Она теперь не просто охладѣла къ нему, но ненавидѣла его...

А Задонскій рѣшительно не зналъ, что дѣлать. Ему не хотѣлось сразу отказаться отъ Лизы, не хотѣлось явиться передъ нею совсѣмъ подлецомъ, и въ то же время онъ не зналъ, какъ обдѣлать дѣло иначе. До сихъ поръ всѣ его любовныя интриги завязывались въ средѣ замужнихъ женщинъ, которыя молчали поневолѣ при его измѣнѣ и только упрекали его въ письмахъ, разорванныхъ на закуриванье папиросъ, или послужившихъ на потѣху пріятелей; были у него связи и въ той средѣ, гдѣ бѣдныя, простыя дѣвушки отдавались ему, зная впередъ, что онъ, баринъ, не женится на нихъ: онѣ получали отъ него мелкіе подарки и потомъ плакали передъ нимъ, укоряя его только за то, что онъ такъ скоро разлюбилъ ихъ; онѣ если на что-нибудь и надѣялись съ самаго начала, такъ только на прочность и постоянство любви; наконецъ, онъ былъ коротко знакомъ съ уличнымъ продажнымъ развратомъ, но тутъ не было даже и помину о любви. Совсѣмъ другого рода дѣло было теперь. Передъ нимъ стояло не развратное, не продающее себя созданіе, не погуливающая тайкомъ отъ мужа жена, не какая-нибудь швея или горничная, даже не мечтавшая о вѣчности своего союза съ бариномъ; тутъ не было ни драматическихъ писемъ, ни робкихъ слезъ; нѣтъ, передъ нимъ стояло чистое въ душѣ, опрометчиво увлекшееся существо, готовое скорѣе погибнуть, чѣмъ отдаться ему безъ вѣры въ него. Онъ чувствовалъ, что онъ впервые, какъ ночной воръ, обокралъ, безъ всякой надобности, беззащитное созданіе, и тяжелѣе слезъ, тяжелѣе укоровъ дѣйствовала мучительная покорность совершившемуся факту, покорность, звучавшая въ каждомъ словѣ этого загубленнаго существа. Въ развращенной душѣ проснулось чувство стыда и раскаянья, тѣмъ болѣе сильное, что первая вспышка страсти еще не прошла въ самомъ Задонскомъ, и онъ, попрежнему, видѣлъ въ Лизѣ одну изъ лучшихъ дѣвушекъ, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Но мелкая и слабая натурнишка не позволяла Михаилу Александровичу дѣйствовать рѣшительно и загла-

дить свой проступокъ. Вмѣсто рѣшительныхъ дѣйствій, онъ только предавался иногда разнымъ мечтамъ о томъ, что, можетъ-быть, тетка раздумаетъ ѣхать, что, можетъ-быть, она дастъ ему порядочную сумму денегъ. Изъ этихъ мечтаній, конечно, не могло ничего выйти, а Задонскій все откладывалъ свои переговоры съ теткой, все выискивалъ удобнаго случая. Наконецъ, такой случай насталъ. Графиня была въ самомъ хорошемъ расположеніи духа и даже смѣялась, что случалось съ нею довольно рѣдко. Во время разговоровъ съ племянникомъ, она замѣтила, что Лиза бываетъ у нихъ теперь слишкомъ рѣдко и гоститъ мало, и начала распространяться о достоинствахъ Лизы и своей любви къ ней.

— Да,—рѣшился сказать Задонскій: — я-то болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой знаю, какъ прекрасна эта дѣвушка. Я просто безъ ума отъ нея...

— Надѣюсь, что это не имѣетъ никакого серьезнаго значенія,—замѣтила графиня и сдвинула брови.

— Если вы не считаете серьезнымъ дѣломъ любовь,— возразилъ племянникъ: — то, конечно, тутъ нѣтъ ничего серьезнаго...

— Не любовь, а увлеченіе,—проговорила тетка.—Это понятно. Я тебя предупреждала, зная, что ты способенъ увлекаться...

— Да, я способенъ увлекаться. Но люблю я впервые. Это чувство совсѣмъ не похоже на прежнія, которыя вспыхивали и черезъ минуту потухали во мнѣ снова...

— Ахъ, это точно такое же увлеченіе, какъ и всѣ прежнія,—настаивала графиня.—И что-жъ тутъ удивительнаго? Ты здѣсь живешь безъ дѣла, ты не видишь почти никого изъ молодыхъ дѣвушекъ, кромѣ нея, ну, и увлекся... Я этого-то и боялась, зная, что ты наслѣдовалъ отъ покойной матери и отъ несчастнаго дяди эту способность увлекаться... Да проститъ ихъ Богъ, но они тоже постоянно влюблялись въ кого-нибудь и увѣряли себя, что каждая ихъ послѣдняя любовь есть первая любовь.—Графиня вздохнула и печально покачала головой, сокрушаясь о грѣхахъ своихъ родныхъ.— Но слава Богу, что Лиза сама, какъ я замѣчаю, сторонится отъ тебя...

— Она тоже любитъ меня, — поспѣшилъ замѣтить племянникъ.

— Любитъ?—изумилась графиня.—Ну, да, можетъ-быть, но она не глупа, и потому, вѣроятно, поняла, что ей невозможно питать какія-нибудь надежды на вашъ союзъ...

— Отчего же невозможно?—воскликнулъ съ жаромъ Задонскій.

— Я думаю, ты настолько разсудителенъ, что самъ понимаешь всю нелѣпость подобнаго брака. Не говоря уже о томъ, что было бы странно породниться съ какими-нибудь Баскаковыми, считать тестемъ ярмарочнаго героя, нахлѣбника и шута цѣлой губерніи, считать тещею безсмысленную женщину, знакомую только Богъ знаетъ съ кѣмъ, съ разными лавочницами, содержательницами постоялыхъ дворовъ... Но даже эта дѣвочка была бы просто смѣшна въ томъ кругу, гдѣ живешь ты... Я согласна, что она получила кое-какое образованіе, что она не глупа, — но этого мало, чтобы заставить близкихъ намъ людей забыть ея происхожденіе.

— Я постараюсь перевоспитать ее...

Графиня съ изумленіемъ посмотрѣла на племянника и только теперь поняла, что онъ говоритъ о дѣлѣ серьезно, что онъ, кажется, дѣйствительно хочетъ жениться.

— Дѣлай, какъ знаешь,—холодно проговорила она.—Я могу совѣтовать, но не имѣю никакого права запрещать или позволять... Только, пожалуйста, предупреди ея родныхъ, что я не желаю этого брака,—многозначительно произнесла она:—не желаю, и потому не буду считать ихъ родными. Люди всѣ равны передъ Богомъ, но у насъ есть право или, лучше сказать, нашъ домъ сходится только съ тѣми, кому мы симпатизируемъ, съ кѣмъ мы родня по духу... Что касается до Лизы, то я думаю переговорить съ нею лично...

— Вы сердитесь на меня? — заискивающимъ голосомъ произнесъ Задонскій, испугавшійся суроваго тона тетки, и поцѣловалъ ея руку.

— Я не имѣю никакого права сердиться на своихъ ближнихъ за то, что они живутъ по-своему. Можетъ-быть, они правы, а я заблуждаюсь,—произнесла смиренно графиня.— Ты знаешь мое правило: пусть каждый живетъ, какъ онъ хочетъ; я могу давать только совѣты. Примутъ ихъ люди— я очень рада, не примутъ — ну, что-жъ? это значитъ, что мы разошлись въ убѣжденіяхъ, должны разойтись и въ жизни и не безпокоить другъ друга... Я, дружокъ, не отступала ни разу отъ этого правила и прошу Бога дать мнѣ силы идти и въ будущемъ по этому пути, и не кичиться передъ людьми своею безошибочностью, не господствовать надъ ними... Я поставлена въ такое положеніе, что могла бы

иногда настоять на своемъ, могла бы заставить ближнихъ поступиться ихъ убѣжденіями; но не этого хочу я. Я радуюсь искреннему согласію людей со мной, но лицемѣрнаго подчиненія себѣ я не терплю. Я стремлюсь не къ своему господству надъ ближними, но къ господству надъ ними тѣхъ святыхъ истинъ, тѣхъ благородныхъ правилъ, передъ которыми я сама являюсь покорною рабою...

Графиня встала съ мѣста и начала ходить по комнатѣ; она была, повидимому, взволнована. Задонскій еще разъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ вонъ. Онъ былъ окончательно ошеломленъ словами тетки. Она никакъ не воображала, что простое напоминаніе о ея правилахъ было самымъ сильнымъ аргументомъ, доказывавшимъ племяннику всю нелѣпость его плановъ насчетъ женитьбы, что эти аргументы были страшнѣе запрещенія. Передъ такою угрозою не могъ не струсить молодой наслѣдникъ графини... Теперь онъ не зналъ, что начать дѣлать. Ему хотѣлось забыться, опьянѣть, чтобъ только заглушить непрошенные упреки некстати проснувшейся совѣсти. Казалось, что совѣсти никогда не было въ душѣ; но теперь она мучила его, можетъ-быть, потому, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, чувствовалъ нѣчто въ родѣ любви къ Лизѣ, или потому, что жертва была слишкомъ чиста, слишкомъ невинна... Ему то хотѣлось бѣжать къ Лизѣ, чтобы излить передъ нею свое раскаянье: то являлась рѣшимость никогда не встрѣчаться съ нею, чтобы не слышать ея ровнаго, мучительно-холоднаго голоса, не видѣть ея карающаго, пристальнаго взгляда.

Подобные Задонскому люди думаютъ въ такихъ экстренныхъ случаяхъ: «а, будь, что будетъ!»—и складываютъ руки, стараются больше спать, чаще находиться въ кругу постороннихъ людей. Дѣлать дѣло поручается судьбѣ—и иногда эта глупая особа оказывается гораздо умнѣе своихъ довѣрителей.

VII.

День стоялъ жаркій. Это было въ половинѣ августа. Въ небѣ не было ни тучки, но какой-то бѣловатый знойный туманъ носился надъ горячею землею. Въ воздухѣ сильно пахло, послѣ дождя, шедшаго наканунѣ, сѣномъ. Время было около полудня. По узенькой тропинкѣ, отдѣлявшей бабиновскій лѣсъ отъ лѣса привольскихъ мужиковъ неторопливо ѣхалъ верхомъ господинъ въ бѣлой лѣтней одеждѣ. Это былъ Михаилъ Александровичъ. Онъ возвращался съ

постоялаго двора «Никитинскаго погоста», куда ѣздилъ въ послѣдній разъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Графиня посылала его въ столицу для расплаты съ его кредиторами и для взятія заграничныхъ пассовъ. Онъ былъ задумчивъ и, можетъ-быть, невольно, проѣзжая этими знакомыми мѣстами, вспоминалъ о той дѣвушкѣ, которую онъ готовился бросить навсегда. Проѣхавъ съ версту, онъ былъ пораженъ громкими голосами аукавшихся дѣтей. На ихъ крики отвѣчалъ тоже ауканьями мужественный, знакомый Задонскому, голосъ. То былъ голосъ Борисоглѣбскаго. Задонскій невольно вздрогнулъ и приппорилъ лошадь. Но она не успѣла еще сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ его глаза встрѣтили слишкомъ коротко знакомую ему фигуру дѣвушки. Она сидѣла подъ деревомъ около лѣсной тропинки и машинально разбирала наваленные около нея грибы. Задонскій не могъ миновать ее. Съ минуту онъ въ нерѣшимости придержалъ лошадь, потомъ соскочилъ съ нея, привязалъ ее къ дереву и пошелъ по направленію къ дѣвушкѣ. Она замѣтила его приближеніе только тогда, когда онъ стоялъ уже на шагъ отъ нея. Она вопросительно глядѣла на него и не произносила ни слова. Задонскій хотѣлъ взять ее за руку, но она быстро отдернула руку и поднялась съ мѣста, чтобы уйти.

— Постойте,—умоляющимъ голосомъ произнесъ Михаилъ Александровичъ:—намъ надо объясниться.

— Я не хочу никакихъ объясненій. *Мнѣ* они не нужны,— сухо отвѣтила она.

— Нѣтъ, они нужны для васъ такъ же, какъ для меня!— воскликнулъ онъ. — Вы должны ненавидѣть и презирать меня. Но я заглажу свои ошибки. У меня не хватило духу настоять на своемъ теперь, но я буду преслѣдовать свою цѣль до конца... Вамъ будетъ тяжело пережить настоящее время... Но говорите, что я могу сдѣлать для того, чтобы вамъ легче перенести тѣ дни, которые пройдутъ до моего возвращенія?.. Уѣзжайте въ Петербургъ, ждите меня тамъ, я дамъ вамъ на это средства... Это моя обязанность.

— До настоящей минуты я васъ ненавидѣла, но теперь вы мнѣ просто жалки,—задыхающимся голосомъ произнесла Лизавета Николаевна.

— Ради Бога, не считайте моихъ намѣреній грязными. Я вижу въ васъ свою жену, которой я поклялся въ любви передъ Богомъ. Мы связаны, — горячо говорилъ Задонскій.

— Мы? Связаны? Чѣмъ?—спросила Лизавета Николаевна, поднимая на него глаза.

Онъ взглянулъ на нее какимъ-то изумленнымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ и едва слышно проговорилъ:

— Вы готовитесь быть матерью!

Она слабо вскрикнула, закрыла лицо руками и тотчасъ же снова отняла ихъ.

— Да, я буду матерью, но мой ребенокъ никогда не назоветъ васъ своимъ отцомъ! Идите!

Она указала ему рукою на дорогу.

— Вы губите себя, губите своего будущаго ребенка.

Она медленно пошла отъ него.

— Ради Бога, ради Бога, подумайте, что̀ вы дѣлаете, что̀ скажутъ ваши родные,—говорилъ онъ въ волненіи.

Она все шла и шла, не поворачивая головы, наконецъ, ей попался навстрѣчу вышедшій изъ лѣсу Борисоглѣбскій. Она бросилась къ нему.

— Скажите, пожалуйста, ему, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ! — обратилась она къ Ивану Григорьевичу и въ изнеможеніи опустилась на траву.

Борисоглѣбскій взглянулъ на Задонскаго такимъ взглядомъ, что тотъ повернулся назадъ, торопливо отвязалъ лошадь и понесся къ Приволью. Въ его головѣ не было никакой опредѣленной мысли, ни радостной, ни тоскливой. Пріѣхавъ домой, онъ бросился на свою постель и пролежалъ на одномъ мѣстѣ, не шевелясь, около двухъ часовъ. Потомъ онъ всталъ и провелъ рукой по лбу, отирая капли холоднаго пота.

— Ну, теперь будь, что̀ будетъ, но, во всякомъ случаѣ, я умываю руки! Она сама этого хотѣла,—прошепталъ онъ, и съ его груди, какъ-будто, свалился какой-то тяжелый гнетъ.

Да, она сама этого хотѣла! О чемъ же тутъ и тужить, въ чемъ же тутъ и раскаиваться? Михаилъ Александровичъ никакъ не ожидалъ, что дѣло разыграется такъ счастливо и хорошо для него. Но ему было тяжело то обстоятельство, что около него не стояло ни одной личности, передъ которой онъ могъ излить свою печаль, побичевать себя и обвинить Лизу за то, что она такъ безжалостно бросила его... Ему теперь поскорѣе хотѣлось уѣхать въ Петербургъ, тамъ всегда найдутся люди, полные сочувствія къ несчастіямъ богатыхъ ближнихъ...

Лизавета Николаевна сидѣла, между тѣмъ, на травѣ, опустивъ голову на руки, грустная и безмолвная. Она чувствовала, что она оборвала послѣднюю нить, еще привязывавшую ее къ Задонскому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ деревнѣ.

Иванъ Григорьевичъ созвалъ дѣтей и велѣлъ имъ разбирать грибы, лежавшіе на томъ мѣстѣ, гдѣ, за полчаса передъ тѣмъ, сидѣла Лизавета Николаевна. Занявъ такимъ образомъ дѣтей, онъ снова вернулся къ ней и прилегъ на траву. Съ четверть часа они оба молчали.

— Что же, когда мы въ Петербургъ-то поѣдемъ?—шутливымъ тономъ произнесъ Борисоглѣбскій, чувствуя, что необходимо нужно вывести изъ задумчивости это несчастное созданіе.

— Я и сама объ этомъ думала,—проговорила она, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, точно пробуждаясь отъ тяжелаго сна.— Только все еще страшно одной ѣхать.

— Да вѣдь я туда же ѣду,—отвѣтилъ Борисоглѣбскій.

— Ну, у васъ тамъ занятія, некогда будетъ со мной нянчиться...

— Эхъ, да я все брошу, только бы быть вамъ полезнымъ,—горячо проговорилъ Иванъ Григорьевичъ.

— Что вы это! я первая отказалась бы отъ вашихъ услугъ, если бы вамъ пришлось изъ-за нихъ чѣмъ-нибудь пожертвовать...

— Да какая же это жертва, если я это сдѣлаю для васъ?— произнесъ Борисоглѣбскій.

Лизавета Николаевна промолчала. Впервые ей было почему-то страшно продолжать разговоръ со своимъ старымъ пріятелемъ. Онъ въ этотъ день выглядѣлъ какъ-то тревожно, какъ-то слишкомъ горячо относился къ ней. Она немного отодвинулась отъ него. Борисоглѣбскій замѣтилъ это и нахмурилъ брови.

— Что, ваши всѣ домашніе, я думаю, скучаютъ, что вы скоро уѣдете?—спросила Лизавета Николаевна, чтобы, начавъ новый разговоръ, избѣжать нѣмого, особенно блестящаго взгляда Ивана Григорьевича.

— Мнѣ-то какое дѣло до нихъ!—грубо отвѣтилъ Борисоглѣбскій и стиснулъ зубы.—Вотъ,—началъ онъ черезъ минуту:—вы хотите начать новый разговоръ; вы что-то угадали изъ моихъ мыслей и боитесь, что я выскажу ихъ вамъ вполнѣ. Вы знаете, что я вамъ преданъ, какъ собака. знаете, что меня вы можете заставить сдѣлать все, и, конечно, понимаете, что безъ причины люди не выказываютъ такой собачьей преданности... Такъ почему же вы боитесь, что я выскажу эту причину? Почему, понимая ее, вы стараетесь ея не понимать? Неужто вы боитесь, что я брошу васъ, когда вы скажете, что не любите меня?

Лизавета Николаевна судорожно сжала свои руки. Она ясно видѣла, что Борисоглѣбскій и не подозрѣваетъ, какъ сильно было ея увлеченіе Задонскимъ, а считаетъ это мимолетнымъ чувствомъ, которое давно забыто.

— Иванъ Григорьевичъ, — начала она надрывающимся, мучительнымъ голосомъ: — вы видите, что я обхожу этотъ вопросъ. Для чего же вы настаиваете на своемъ? Я вамъ не говорю ни да, ни нѣтъ, совсѣмъ не касаюсь этого предмета, а вы непремѣнно хотите, чтобы я сказала, что я не люблю васъ...

— Ну, да, не люблю я неясныхъ положеній. Или да, или нѣтъ, а то—чортъ знаетъ, въ мечтанія впадаешь, зàмки воздушные строишь,— проговорилъ Борисоглѣбскій.—Теперь, по крайней мѣрѣ, легче будетъ. Не любите—значитъ и не думай о счастьи, не про насъ оно писано!...

Лицо Борисоглѣбскаго выглядѣло въ эту минуту жалко. Лизавета Николаевна не могла вынести равнодушно этого печальнаго вида.

— Я вамъ не говорила, что я не люблю васъ,—начала она.—Нѣтъ, я только хотѣла сказать, что любовь здѣсь не поведетъ ни къ чему... Послушайте,—продолжала она тихо и въ смущеніи:—не думайте обо мнѣ!.. Не думайте, потому что я не стòю васъ... Вамъ нужна жена честная, развитая, а не какая-нибудь деревенская барышня, готовая увлечься первымъ смазливымъ лицомъ, и сама не знающая, чего ей нужно... Будьте, просто, моимъ другомъ и защитникомъ, потому что всѣ, всѣ скоро отвернутся отъ меня... Я скоро сдѣлаюсь ма...

— Слышалъ я, да не вѣрилъ,—перебилъ ее Борисоглѣбскій, подмѣтившій блѣдность ея лица и понявшій только теперь, что людскія сплетни не преувеличивали дѣла.—Ну, такъ что-жъ? я не младенецъ какой-нибудь невинный!—окончилъ онъ.

Лизавета Николаевна посмотрѣла на него съ глубокимъ чувствомъ благодарности.

— Если только это пугало васъ, такъ, право, не стòитъ и думать объ этомъ, — заговорилъ Борисоглѣбскій съ надеждой на лицѣ. — Теперь, когда я все знаю, когда я вамъ говорю снова, что я...

— Иванъ Григорьевичъ,—быстро и твердо перебила его Лизавета Николаевна: — я прошу у васъ одного: помогите мнѣ въ Петербургѣ совѣтомъ... Если вамъ тяжело видѣть меня, откажитесь прямо отъ этой роли. Но не говорите мнѣ о любви... Откажитесь, и я найду путь одна...

Борисоглѣбскаго облило, какъ холодною водою, онъ наклонилъ голову. Ему вдругъ стало совѣстно за самого себя, что онъ увлекся своимъ чувствомъ и не во-время сталъ дѣлать предложеніе. Онъ обозлился на себя.

— Когда мы поѣдемъ?—спросилъ онъ глухо.

— Я думаю ѣхать недѣли черезъ три.

— Хорошо. Я къ тому времени напишу кое-кому въ Петербургѣ о васъ.

Борисоглѣбскій серьезно заговорилъ о дѣлахъ. Прошло съ часъ времени.

— Такъ, значитъ, мы попрежнему друзья?—спросила Лизавета Николаевна, вставая съ мѣста, чтобы идти домой.

— Все попрежнему въ собачьей должности состоять буду,— усмѣхнулся добродушной улыбкой Иванъ Григорьевичъ.

— Скажите, это упрекъ?—остановилась Лизавета Николаевна.—Я не хочу быть вамъ въ тягость.

— Ну, значитъ, мы еще не совсѣмъ друзья, если вы сегодня и шутокъ не понимаете,—промолвилъ Борисоглѣбскій.—Было бы тяжело, не бѣгалъ бы за вами... Слава тебѣ, Господи, вольный человѣкъ... Вы меня извините,—проговорилъ онъ черезъ минуту:—я сдѣлалъ, просто, пошлость, заговорилъ съ вами о своей любви...

Лизавета Николаевна горячо пожала ему руку. Эта рука была холодна. «Нѣтъ,—думалось Лизаветѣ Николаевнѣ:— никогда не выйду я замужъ за этого человѣка. Ему не такую жену нужно!.. Я не стою его... Иногда я готова поцѣловать его добрую руку... Я готова слушать и исполнять его совѣты, какъ будто передо мною стоитъ не этотъ молодой другъ, а добрый и честный старикъ-отецъ... Ахъ, если бы мой отецъ хотя немного походилъ на него!»—вздохнула она, вспомнивъ объ отцѣ.

Съ этого дня молодая дѣвушка стала смотрѣть на свой домъ, какъ на совершенно чужое ей мѣсто, какъ на грязную станцію, гдѣ она сидитъ поневолѣ, въ ожиданіи почтовыхъ лошадей. Она холодно и твердо переносила домашнія непріятности, въ которыхъ не было недостатка особенно теперь, когда Дарья Власьевна то грозила не отпустить дочь въ Петербургъ, то оплакивала ее, какъ погибшую.

— Ты и не думай ѣхать. Я тебя не пущу, паспорта тебѣ не дамъ... Я мать, я должна заботиться о тебѣ,—говорила Дарья Власьевна.—Вы всѣ у меня верченыя, за вами глазъ, да глазъ нуженъ!

— Вамъ же лучше, что хоть одною меньше у васъ на

шеѣ сидѣть будетъ,—отвѣчала Лизавета Николаевна.—Вы, вѣдь, только этого и хотѣли.

— Такъ, что-жъ я по-твоему злодѣйка какая, что ли, а не мать?—начинала жалобно упрекать ее Дарья Власьевна.—Жалѣла я когда что-нибудь для васъ? Для кого я убивалась, для кого мучилась и теперь мучаюсь? Я домъ отстраиваю, я тяжбы веду, я съ холопьями бьюсь,—для кого же это по-твоему? Не для себя ли? Нѣтъ, матушка, мнѣ шесть досокъ да саванъ—вотъ и все! А для васъ это все нужно, ваша жизнь впереди!..

— Не знаю, для кого и для чего вы мучились, но вы сами гнали меня изъ своего дома,—холодно отвѣчала дочь.

— И это дочь, это дочь матери говоритъ!—восклицала мать.—Стыдись! стыдись! у самой дѣти будутъ, тогда узнаешь, каково материнскому сердцу такія слова слышать... Не гнала я никого изъ васъ, а если что̀ сказалось когда сгоряча, такъ вы снести должны были, снести. Покорности, покорности въ васъ нѣтъ. Вы меня въ гробъ уложите!...

— Я затѣмъ и уѣзжаю, чтобы вамъ меньше непріятностей пришлось отъ меня видѣть...

— Да я развѣ ропщу?.. Развѣ мнѣ легче, что ты на чужой сторонѣ погибать будешь?.. Ночей не буду я теперь спать, о тебѣ думать буду!.. Ты думаешь, что меня ужъ одно то не убиваетъ, что твой отецъ Богъ знаетъ гдѣ пропадаетъ...

— Не говорите объ отцѣ. И онъ бѣжалъ отъ васъ, какъ бѣгу я,—сурово замѣтила Лизавета Николаевна.—Въ чужихъ углахъ жить не весело, чужой хлѣбъ ѣсть не сладко, и если люди бѣгутъ отъ своего дома, отъ своего хлѣба, значитъ, имъ тошно стало на родинѣ.

Дарья Власьевна расплакалась.

— Богъ тебя накажетъ, Богъ накажетъ!—всхлипывала она.—Ты бы лучше повинилась во всемъ матери, если что сдѣлала... Ты не думаешь ли въ Петербургѣ-то Михаила Александровича встрѣтить?.. Не встрѣтишь, матушка!.. А если бы ты съ матерью-то откровенна была, такъ дѣло-то мать и уладила бы. Не дали бы ему уѣхать-то!.. Ты мнѣ скажи, до чего дѣло-то между вами дошло?.. Вѣдь я знаю вашу сестру, опаски у васъ нѣтъ... И сама я была молода, мало ли чего бываетъ въ молодости, однако, отецъ-то твой не отвертѣлся отъ меня.

Лизавета Николаевна съ отвращеніемъ отвернулась отъ матери. Между ними не существовало никакой привязанности, ихъ не связывали даже тѣ теплыя воспоминанія,

ради которыхъ многое прощается человѣку, ради которыхъ Лизавета Николаевна любила и жалѣла своего отца... Иногда мать вела разговоры въ другомъ тонѣ и совѣтовала дочери прибрать тетку въ Петербургѣ къ рукамъ.

— Покорна будь, покорна будь!—наставляла мать.—Пусть она духовную сдѣлаетъ въ нашу пользу... Не давай чужимъ-то въ домъ къ ней втираться. Люди рады чужое добро захватить. Словно вороны на падаль на деньги-то слетаются... А ты дѣло-то осмотрительно веди... Для своей семьи будешь добро дѣлать...

Дочь молча сидѣла, пропуская мимо ушей эти наставленія. Ей были противны рѣчи матери, но, въ то же время, она спрашивала себя: «Да я-то чѣмъ лучше ея? Только развѣ тѣмъ, что ни съ кѣмъ не ругаюсь. Она ничего путнаго не дѣлаетъ, да вѣдь и я ничего не дѣлала. Она крестьянъ ругала, да на ихъ деньги жила; я тоже бранила ее, а одѣвалась, пила, ѣла на ея счетъ, еще капризничала, что худо кормятъ. Все то же... Прошло бы еще лѣтъ восемь, девять, такъ никто и не отличилъ бы насъ другъ отъ друга...»

Время быстро приближалось къ отъѣзду. Однажды графиня снова прислала экипажъ за Лизаветой Николаевной. Та рѣшилась съѣздить въ Приволье, гдѣ, какъ она знала, не было уже Михаила Александровича. Съ Привольемъ у молодой дѣвушки были связаны лучшія воспоминанія въ жизни: правда, они значительно ослабѣли въ послѣднее время вслѣдствіе горькихъ событій. Но все же ей хотѣлось, можетъ-быть, въ послѣдній разъ, взглянуть на эти мѣста, гдѣ ей былъ знакомъ каждый кустъ, была извѣстна каждая тропинка; ей хотѣлось даже взглянуть на графиню, которую Лиза не обвиняла и не могла обвинять ни въ чемъ и попрежнему любила той ровною и немного холодною любовью, какою и можно любить подобныхъ графинѣ женщинъ. Когда Лиза явилась въ кабинетъ старухи, та чуть не вскрикнула отъ удивленія, такъ измѣнилась въ послѣднее время Лиза; она похудѣла, держалась прямѣе прежняго, ступала тверже, даже, какъ-будто, выросла; на ея лицѣ были слѣды сосредоточенной мысли и озабоченности, глаза не искрились прежнимъ живымъ огонькомъ, но смотрѣли пристальнѣе, были, какъ-будто, глубже и темнѣе.

— Какъ вы измѣнились, дитя,—ласково произнесла графиня.—Мы такъ давно не видались. Я соскучилась о васъ...

— Я была нездорова,—отвѣтила Баскакова.

Графиня говорила въ этотъ день особенно ласково, особенно мягко, какъ говорятъ съ больными или страдающими людьми. Въ ея кабинетѣ царствовала тишина, распространялся на всѣ предметы мягкій и таинственный полусвѣтъ, вѣяло тѣмъ миромъ и покоемъ, которые такъ любила Лиза въ былые дни. Ей и теперь было и грустно, и сладко отдохнуть въ этомъ затишьѣ.

— Но теперь, надѣюсь, вы здоровы?—заботливо спрашивала графиня, всматриваясь въ лицо молодой дѣвушки и любуясь серьезностью и осмысленностью его выраженія.

— Здорова и даже собираюсь на-дняхъ уѣхать въ Петербургъ... Я пріѣхала проститься съ вами.

— Въ Петербургъ?—повторила съ разстановкой графиня и еще пристальнѣе стала всматриваться въ лицо молодой дѣвушка. Брови старухи успѣли немного сдвинуться; въ ея головѣ промелькнула мысль, что молодая дѣвушка и ея племянникъ могли условиться встрѣтить другъ друга въ столицѣ.

— Скажите, что̀ вамъ вздумалось ѣхать туда?—спросила она, не спуская пытливыхъ глазъ съ Лизы.

— Хочу поучиться и пріискать работы...

— Я думаю, работы у васъ нашлось бы довольно и дома...

— О да, но здѣсь мнѣ тяжело жить. Вы знаете, какая жизнь идетъ у насъ въ семьѣ,—откровенно и просто сказала Баскакова.

Графиню поразилъ этотъ искренній и, попрежнему, мягкій тонъ Лизы. Старуха не знала, что̀ заключить: если эта дѣвушка знаетъ, что она, графиня, противилась ея браку, то она должна сердиться; если она не знаетъ этого, то почему она считаетъ нужнымъ, и какъ можетъ скрывать съ такой наружной невинностью свои истинныя цѣли и маскировать причину своего отъѣзда? Эту загадку графиня рѣшилась разъяснить.

— Я слышала, что Мишель хочетъ на васъ жениться?—неожиданно спросила она, устремляя глаза на юную собесѣдницу.

— Да, но я ему отказала,—коротко произнесла Лиза, слегка блѣднѣя.

Ни искренность тона, ни внезапная блѣдность не ускользнули отъ зоркихъ глазъ старухи.

— Отказали?—съ удивленіемъ спросила она.

— Да.

Графиня, несмотря на свою постоянную сдержанность, въ волненіи встала и начала тихо ходить по комнатѣ. Въ ея головѣ носились такія мысли, которыхъ она не могла привести въ порядокъ. Сначала ей показалось, что Лиза, вѣроятно, узнала ея мнѣніе насчетъ этой предполагаемой женитьбы племянника и отказала жениху во имя своей покорности волѣ благодѣтельницы.

— Онъ говорилъ вамъ о моемъ разговорѣ съ нимъ по поводу этого брака?—спросила старуха, останавливаясь посрединѣ комнаты.

— Я даже не знала, что вамъ извѣстны его намѣренія,—отвѣтила Лиза: ее уже начиналъ волновать этотъ допросъ.

Графиня снова продолжала ходить по кабинету.

— Значитъ, вы его не любили?—остановилась она черезъ минуту передъ Лизаветой Николаевной.

— Графиня! — умоляющимъ голосомъ воскликнула молодая дѣвушка, вся блѣдная, трепещущая, съ крупными слезами на глазахъ.—Есть вещи, о которыхъ тяжело говорить даже... даже съ матерью!.. Я только потому и рѣшилась пріѣхать къ вамъ, что вамъ ничего неизвѣстно.

Она остановилась на минуту подъ вліяніемъ сильнаго волненія.

— Если бы я знала, что вы станете говорить объ этомъ, я никогда бы не пришла сюда, хотя вы знаете, какъ я привыкла любить и уважать васъ...

Графиня медленно провела рукою по лбу, какъ будто передъ ея глазами былъ какой-то мучительный призракъ. Впервые, можетъ-быть, послѣ долгихъ лѣтъ самодовольной безгрѣшности, эта женщина испытывала теперь сильное волненіе и готова была поддаться голосу чувства. Она понимала, что передъ нею было глубоко любившее, глубоко несчастное существо, и что одною изъ главныхъ причинъ этого несчастія была, можетъ-быть, она сама, графиня. Сильнѣе упрековъ, страшнѣе слезъ пробудили въ ней еще не совсѣмъ умерщвленное чувство эти простыя и теплыя слова любви, сказанныя тѣмъ самымъ созданіемъ, которое должно было возненавидѣть ее.

— Дитя мое,—промолвила тихо старуха, опускаясь на софу возлѣ Лизы:—все можно исправить... Подобныя несчастья и ошибки поправимы...

— Я и хочу ихъ исправить,—сквозь слезы отвѣтила Баскакова.—Я ѣду не на веселую жизнь, я ѣду на нужду и трудъ...

Старуха обняла ее. Она не понимала, какъ можно исправлять ошибки не покаяньемъ, не эпитимьею, не монастырскимъ схимничествомъ, онъ не понимала, какъ можно успокоить горе не смиреніемъ, не покорностію, не молитвою,—но впервые въ жизни она не рѣшалась давать совѣтовъ и предоставляла человѣку право искать исправленія и забвенія на другомъ пути, на пути честнаго, упорнаго труда и полной независимости. Этого пути спасенія она не знала, навѣрное сочла бы его ошибочнымъ, но теперь передъ нею совершалась дѣйствительная драма, и она видѣла, что тутъ учить и давать совѣты не время...

Черезъ нѣсколько дней Иванъ Григорьевичъ заѣхалъ за Лизаветой Николаевной въ Бабиновку. Они отправились въ Петербургъ. За часъ или за два передъ ихъ отъѣздомъ пріѣхалъ къ Баскаковымъ лакей графини и передалъ Лизаветѣ Николаевнѣ небольшой пакетъ, въ немъ было ласковое и нѣжное письмо графини, просившей Лизу писать къ ней и обращаться откровенно за помощью, въ случаѣ нужды; кромѣ того, въ пакетѣ были вложены сто рублей и небольшія брильянтовыя серьги «на память отъ старухи, которой, можетъ-быть, остается недолго жить», какъ писала графиня.

— Что же, деньги всегда годятся,—шутливо замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ:—а брильянты,—хошь вамъ и не щеголять въ нихъ,—при случаѣ, все-таки, продать можно.

Лиза наскоро написала графинѣ записку, въ которой благодарила ее за все.

Начались сборы. Дарья Власьевна плакала и причитала надъ дочерью, какъ надъ покойницей. Но дочь оставалась холодна и торопилась уѣхать. Съ сожалѣніемъ прощалась она только съ дѣтьми. Они просили ее скорѣе пріѣхать домой, поручали ей купить для нихъ гостинцевъ и, кажется, даже не подозрѣвали, что сестра уѣзжаетъ навсегда. Молодые люди уже готовились сѣсть въ экипажъ, когда маленькая сестра Лизаветы Николаевны робко подошла къ ней.

— Лизочка, голубчикъ, родная, возьми меня съ собой!— тихо прошептала она и, неслышно рыдая, спрятала свое лицо въ одеждѣ старшей сестры.

Изъ глазъ Лизаветы Николаевны брызнули градомъ слезы.

— Нельзя... не могу,— проговорила она сестрѣ, покрывая ее поцѣлуями, и торопливо усѣлась въ экипажъ.

Черезъ минуту онъ несся по дорогѣ...

Дѣти постояли на дворѣ, помахали руками, покричали

уѣзжающимъ: «Пріѣзжай, Лиза! Будьте здоровы, Иванъ Григорьевичъ!»—и разбѣжались. Дарья Власьевна всплакнула, потомъ убѣжала въ домъ, накинулась съ горя на прислугу и начала бушевать. Дворъ опустѣлъ... Только на ступенькахъ еще недостроеннаго и полуразвалившагося крыльца сидѣла маленькая Катя и, тихо плача, смотрѣла на большую дорогу, гдѣ уже давно было совершенно пусто, и вѣтеръ успѣлъ занести легкій слѣдъ, оставленный на пыли колесами удалившагося экипажа... Около плачущей дѣвочки, кудахтая, вертѣлись куры, потыкивая носами въ землю и, вѣроятно, думая, что ребенокъ усѣлся тутъ именно для того, чтобы накормить ихъ...

Съ этой же минуты въ домѣ все должно было войти въ свою обычную колею, такъ какъ ничего особеннаго, нарушающаго теченіе будничной жизни, и не случилось: однимъ человѣкомъ убавилось—вотъ и все!..

Оглавленіе

II ТОМА.

стр

Господа Обносновы. Романъ.

I. Мать и сынъ 5
II. Впотьмахъ 16
III. Умирающій Обносковъ въ своей семьѣ 24
IV. Исповѣдь стараго Обноскова 37
V. Ех-профессоръ Кряжовъ, дальній родственникъ Обносковыхъ. 45
VI. Дочь и воспитанникъ Кряжова 54
VII. Драма, которую вполнѣ поймутъ ея герои только впослѣдствіи 63
VIII Смерть стараго Обноскова 75
IX. Передъ гробомъ ближняго 84
X. Очень обыкновенная семейная жизнь 98
XI. Кузенъ Пьеръ—развиватель молодежи 109
XII. На краю пропасти 120
XIII Продолженіе предыдущей 129
XIV. Домашній адъ и случайное перемиріе 139
XV. Во время выздоровленія Алексѣя Алексѣевича Обноскова. 150
XVI. Внутренній разладъ 162
XVII. Жизнь Павла. 172
XVIII. Двѣ порванныя связи. 186
XIX. Отецъ и мужъ 202
XX. Заря новой жизни 211
XXI. Обносковъ навсегда лишается жены. 224
XXII. Затишье послѣ грозы 234
XXIII. Заключеніе. 239

Разсказы.

I. Бѣдные углы большого дома 255
I. Большой домъ и его отношенія къ рожденію, жизни и смерти его обитателей 255
II. Что могло случиться и что случилось на дѣлѣ послѣ похоронъ. 272
III. Маленькая сестрица и бѣдный братишка 287
IV. Жизнь Вари и ея Трезора въ школѣ большого дома. 304
V. Комедія жизни, по обыкновенію, оканчивается драмою смерти 317
VI. Приснухины,—романъ въ одной главѣ 330
VII. Трезоръ пробуетъ осчастливить людей и терпитъ за это непріятности. 348
VIII. Варя знакомится съ домашней Аркадіей семейства Гребешковыхъ. 359
IX. Недолгій праздникъ юношескихъ дней 373
X. Семейныя драмы. 386
XI. Бѣдные жильцы прощаются съ большимъ домомъ . 396
II. Подъ гнетомъ окружающаго 404

PG
3470
S486
1904
t.2

Sheller, Aleksandr Konstantinovich
Polnoe sobranie sochinenii
t. 2

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY